P 33/105

А 1149
199.
Р 33
105

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО.

УПРАВЛЕНІЕ, САМОУПРАВЛЕНІЕ

и

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ.

СТАТЬИ

В. П. Безобразова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

—

1882.

50 280
Э 33
105

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО.

УПРАВЛЕНІЕ, САМОУПРАВЛЕНІЕ

и

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ.

СТАТЬИ

В. П. Безобразова.

ИВ
Ф8524

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
Вас. Остр., 8 линія, № 45.

1882.

2007066046

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Посвященіе	V
Предисловіе	VII
1859. Наканунѣ реформы	3
I. Сословные интересы	21
II. Аристократія и интересы дворянства	53
Гл. 1. Историческій очеркъ аристократіи въ Европѣ	56
Гл. 2. Естественные элементы неравенства и равенства въ обществѣ	113
Гл. 3. Искусственная аристократія и искусственная демократія	172
Гл. 4. Гражданская свобода и ея обезпеченія	211
Гл. 5. Общія понятія о самоуправленіи и заключеніе	230
III. 1861. Манифестъ 19 февраля 1861 г.	265
IV. 1861. Наблюденія надъ дѣйствіемъ новыхъ крестьянскихъ учрежденій	274
V. 1862. Мировыя посредническія учрежденія.	331
VI. 1863. Будущность крестьянскихъ (сельскихъ) учрежденій	367
VII. 1863. Мысли о дѣйствующихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ и о будущемъ ихъ устройствѣ	377
VIII. 1865. Мировая судебная власть	408
IX. 1867. Замѣтка о дѣятельности земства.	487
X. 1874. Земскія учрежденія и самоуправленіе	494
XI. 1871 — 1875. Характеристики государственной жизни Англіи и Франціи	563
XII. 1875 — 1880. Разныя мелкія замѣтки	710

ГЕЙНРИХУ АНТОНОВИЧУ

Л Е Е Р У

ПРОФЕССОРУ НИКОЛАЕВСКОЙ АКАДЕМІИ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА

ВЪ ЗНАКЪ ГЛУБОЧАЙШАГО УВАЖЕНІЯ И СЕРДЕЧНОЙ ДРУЖБЫ

ПОСВЯЩАЕТЪ

АВТОРЪ.

Въ печати нерѣдко случались ссылки на литературные труды наши по вопросамъ о мѣстномъ самоуправленіи. Случалось также, въ разныхъ сочиненіяхъ (съ ссылками и еще чаще безъ ссылокъ) изложеніе нашихъ мыслей объ этихъ вопросахъ. Между тѣмъ все писанное нами по этой части, въ теченіи болѣе 20 лѣтъ, разбросано по разнымъ періодическимъ изданіямъ и сдѣлалось почти недоступно публикѣ. Нѣкоторые труды (какъ напр. «земскія учрежденія и самоуправленіе», см. ниже стр. 494) хотя и вышли въ свѣтъ отдѣльными изданіями, но не существуютъ болѣе въ книжной торговлѣ. Поэтому мы и рѣшились соединить въ настоящей книгѣ все писанное нами по предметамъ, имѣющимъ болѣе или менѣе близкую связь съ мѣстнымъ самоуправленіемъ и съ мѣстными административными учрежденіями. Мы сочли нужнымъ сдѣлать это именно теперь, когда предположены преобразованія въ этой области, и настоящая книга можетъ послужить не безполезнымъ матерьяломъ для правительственныхъ и въ особенности земскихъ работъ.

Мы соединили, въ этой книгѣ, какъ и значится въ ея заглавіи, не только то, что относится собственно къ мѣстному самоуправленію, но также — и къ государственному управленію вообще (преимущественно мѣстному или областному). Уже этимъ самымъ мы хотѣли заявить, то основное начало, въ силу котораго самоуправленіе не можетъ быть иначе разсматриваемо, какъ въ совокупности съ общимъ организмомъ всего государственнаго управленія, въ составъ котораго оно входитъ, какъ органическая часть единаго цѣлаго (см. ниже «земскія

учрежденія и самоуправленія»). Мѣстныя административныя или распорядительныя учрежденія, основанныя на началахъ самоуправленія, — общесословнаго, земскаго, общиннаго (сельскаго и городскаго) или даже сословнаго, — такіе-же точно органы общегосударственной власти, правительства, какъ и учрежденія, основанныя на началахъ бюрократическихъ или приказныхъ. Тѣ и другія, различаясь лишь въ формахъ своей организаціи, приспособленныхъ къ тѣмъ или другимъ спеціяльнымъ цѣлямъ каждаго учрежденія, и потому различаясь въ характерѣ или лучше въ способахъ своихъ дѣйствій, преслѣдуютъ одинѣ и тѣ-же государственныя задачи, одинаково общія этимъ обѣимъ, хотя бы и разнороднымъ, организаціямъ власти. Такъ всегда есть, когда государственная жизнь здорова и самоуправленіе дѣйствуетъ правильно, и такъ всегда должно быть. Расщепленіе самоуправленія и общегосударственнаго или «правительственнаго» (или «казеннаго», — какъ принято выражаться) управленія, т. е. построеннаго на началахъ бюрократическихъ, расщепленіе земства и казны на два независимые другъ отъ друга, съ своею собственною жизнію, организма, — порождаетъ самые злые политическіе недуги и рано или поздно приводитъ къ разрушенію или самоуправленіе или государство, такъ какъ первое не можетъ-же сдѣлаться во второмъ, — государствомъ въ государствѣ. Точно также разлученіе этихъ двухъ одинаково необходимыхъ организацій власти на почвѣ теоретическихъ или общихъ разсужденій ведетъ къ величайшей смутѣ понятій; ея надо особенно опасаться въ наше смутное время и она совершенно противна всѣмъ воззрѣніямъ современной государственной науки.

Мы считаемъ нашимъ первымъ долгомъ поставить во главѣ нашей книги это единство самоуправленія и государственнаго управленія (или просто управленія) съ его бюрократическими учрежденіями, — какъ самое безспорное, какъ самое государственно-необходимое начало въ устройствѣ всякой правильной системы мѣстныхъ адми-

нистративныхъ учрежденій. Тѣмъ съ большею энергіею, обязаны мы настаивать на этомъ началѣ, что непониманіе или непризнаніе его, съ разныхъ противуположныхъ сторонъ, и консервативныхъ и либеральныхъ, порождаетъ у насъ всего болѣе недоразумѣній, въ этой области государственныхъ вопросовъ. Безпрестанно, и призванные и не призванные судьи самоуправленія, отъ имени самыхъ противуположныхъ политическихъ партій, противупоставляютъ такъ называемыя *общественныя* (т. е., земскія, городскія, сельскія) учрежденія (или, органы мѣстнаго самоуправленія) государственнымъ или правительственнымъ учрежденіямъ, какъ будто возможна въ государствѣ, — за исключеніемъ развѣ эпохъ анархіи и революціи, — какая бы то ни была *общественная власть*, (т. е., власть общественная *принудительная*) *внѣ* общей системы государственной власти!

Чѣмъ шире развиты элементы мѣстнаго самоуправленія, чѣмъ болѣе самостоятельны его органы, чѣмъ болѣе его начала господствуютъ въ мѣстной администраціи, тѣмъ строже и тѣснѣе они должны входить въ общій строй государственнаго управленія и тѣмъ менѣе возможно раздвоеніе власти, — раздвоеніе и антагонизмъ самоуправляющихся государственно-общественныхъ учрежденій и бюрократическихъ. Эта мысль, практическій смыслъ которой сознанъ у насъ къ сожалѣнію только теперь, когда оказались на дѣлѣ всѣ горькіе плоды раздвоенія нашихъ земскихъ и казенныхъ учрежденій, — эта мысль всего болѣе занимала насъ съ самаго начала образованія новыхъ административныхъ органовъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, и ею проникнута вся настоящая книга.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, никакіе вопросы, — ни теоретическіе, ни практическіе, — о государственномъ управленіи, или о такъ называемой исполнительной (лучше распорядительной) власти и въ особенности вопросы объ органахъ самоуправленія не могутъ быть оторваны отъ вопросовъ о судебной власти вообще и объ администра-

тивной юстиціи (въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова) въ частности. Правильное устройство послѣдней есть главное и могущественнѣйшее обезпеченіе законности въ управленіи и преимущественно въ самоуправленіи.

Все вышесказанное ближе и подробнѣе разъясняется въ разныхъ частяхъ этой книги.

Всѣ труды, вошедшіе въ эту книгу, расположены нами въ *хронологическомъ порядкѣ* ихъ первоначальнаго появленія въ печати. Этотъ порядокъ казался намъ наиболѣе удобнымъ въ особенности для тѣхъ практическихъ цѣлей, съ которыми предположено настоящее изданіе, какъ пособіе при обсужденіи и разрѣшеніи вопросовъ о преобразованіи мѣстнаго управленія, стоящихъ у насъ нынѣ на очереди. Этотъ хронологическій порядокъ не только не препятствуетъ внутреннему единству настоящей книги, а напротивъ сообщаетъ всему ея содержанію то *историческое единство*, которое всего болѣе необходимо для ея задачи.

Всѣ эти вопросы о мѣстныхъ учрежденіяхъ, занимающіе нынѣ собою правительство и общество, возникли у насъ уже въ ту знаменательную эпоху, съ которой начинается наша книга, когда, около четверти вѣка тому назадъ, съ освобожденіемъ крестьянъ, Россія тронулась къ новой государственной жизни. Уже тогда, всѣ эти вопросы были возбуждены самою нашею жизнею и существовали,—одни въ своемъ зародышномъ состояніи, а другіе, даже въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они стоятъ передъ нами теперь; въ этомъ легко убѣдиться въ особенности изъ первой части нашей книги (стр. 3—265), озаглавленной «Наканунѣ реформы» и написанной въ 1859 г. [1]). Затѣмъ цѣлымъ рядомъ начавшихся

---

[1]) Этой части книги, въ которой главное мѣсто занимаетъ сочиненіе «Аристократія и интересы дворянства» (написанное по поводу освобожденія крестьянъ), мы предпосылаемъ введеніе (стр. 2—1), въ немъ мы указываемъ историческую связь этого сочиненія и возбужденныхъ въ немъ вопросовъ съ нынѣшнимъ временемъ и его вопросами.

сь той поры государственныхъ преобразованій и мѣропріятій, многіе изъ этихъ вопросовъ были отчасти или вполнѣ разрѣшены; другіе только затронуты и сдѣлались предметомъ множества всякихъ проектовъ, не вступившихъ въ жизнь; иные-же совсѣмъ не начаты, не смотря на самыя настоятельныя практическія требованія жизни. Во всякомъ случаѣ, всѣ безъ изъятія вопросы, составляющіе предметъ нынѣ предпринимаемой правительствомъ реформы мѣстныхъ общеадминистративныхъ губернскихъ и уѣздныхъ и такіе крестьянскихъ учрежденій никогда, въ теченіи всего истекшаго двадцатилѣтія, не прекращали своего существованія. Всѣ они находились, въ продолженіи всего этого періода, въ непрерывномъ движеніи, или въ практической дѣятельности и въ сознаніи мыслящихъ людей, и заинтересованныхъ этимъ предметомъ общественныхъ кружковъ. Многое, что даже казалось окончательно рѣшеннымъ въ нашихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, сталкиваясь съ жизнью стало требовать новыхъ рѣшеній, часто даже противуположныхъ предыдущимъ (самымъ рѣзкимъ этому примѣромъ служитъ упраздненіе мировыхъ посредниковъ, возрожденія которыхъ, въ той или другой формѣ, желаютъ нынѣ, съ разныхъ сторонъ, и въ разныхъ слояхъ мѣстнаго общества [1]).

Все содержаніе настоящей книги, составившееся изъ статей, писанныхъ нами съ 1859 по 1881 г., представляетъ собою упомянутое историческое движеніе вопросовъ о нашихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ за весь этотъ періодъ времени. Каждый нашъ трудъ, вошедшій въ эту книгу, былъ вызванъ не теоретическими задачами науки, а главнѣйше практическими требованіями самой жизни нашего государства и общества, въ теченіи этого періода. Мы, или непосредственно лично наблюдали теченіе этой жизни, практическое дѣйствіе старыхъ и новыхъ мѣстныхъ учрежденій, или-же большею частью принимали

[1]) Въ этомъ смыслѣ высказались многіе голоса въ земствѣ.

личное участіе въ ихъ дѣятельности (преимущественно въ земствѣ и мировомъ судебномъ институтѣ), и назвали почти каждую изъ нижеслѣдующихъ статей подъ вліяніемъ той или другой практической нужды изъ почтъ этой дѣятельности.

Даже помѣщенныя въ концѣ книги (стр. 563—712) «Характеристики государственной жизни Англіи и Франціи» (извлеченныя изъ нашего сочиненія «Война и Революція»), имѣющія съ виду наиболѣе теоретическій характеръ, не составляютъ исключенія изъ указаннаго выше общаго направленія всѣхъ работъ, вошедшихъ въ это изданіе. Великобританскій порядокъ мѣстнаго управленія и управленія вообще и французскій служатъ самыми рѣзкими и характеристическими образцами двухъ противуположныхъ типовъ государственной администраціи, самоуправленія и бюрократіи; безконечно разнообразныя формы, виды, оттѣнки и сочетанія этихъ двухъ основныхъ типовъ административной власти наполняютъ особую административную исторію всѣхъ европейскихъ народовъ. Тѣ-же въ своемъ существѣ явленія, и тѣ-же государственныя задачи, обусловленныя этими двумя типами администраціи и ихъ историческими комбинаціями, были и у насъ до самаго настоящаго времени, не смотря на глубокія историческія различія русскаго государства со всѣми западно-европейскими.

Всѣ эти различія также непозволительно не видѣть въ теоріи и опасно не признавать въ практикѣ, какъ и не позволительно и опасно не сознавать тождества многихъ явленій и задачъ въ кругу нашего государственнаго управленія и западно-европейскаго. Это тождество происходитъ какъ отъ тождества и которыхъ основныхъ началъ государственнаго быта у всѣхъ арійскихъ или индоевропейскихъ народовъ [1], къ числу которыхъ принадлежитъ безспорно и русскій народъ (не говоря уже объ

[1]) См. между прочимъ *Freeman*, Comparativ Politics.

общечеловѣческомъ тождествѣ государственныхъ учрежденій), такъ и объ многихъ нашихъ административныхъ заимствованіяхъ у Западной Европы въ новѣйшей нашей исторіи. Какъ бы ни были печальны многія или даже всѣ эти заимствованія, какъ бы ни было желательно болѣе самостоятельное дальнѣйшее развитіе формъ нашего государственнаго строя,—все это другой вопросъ; но мы во всякомъ случаѣ обязаны считаться со всѣми тѣми формами западно-европейскихъ административныхъ учрежденій, которыя мы усвоили себѣ, хотя бы даже по слѣпому, легкомысленному подражанію въ новѣйшемъ періодѣ нашей исторіи. И даже именно для возможно болѣе самостоятельной передѣлки этихъ формъ, сообразно съ новыми нуждами нашей народной жизни и съ болѣе созрѣвшимъ нашимъ государственнымъ самосознаніемъ, мы должны изучать западно-европейскія условія государственнаго быта, въ которыхъ разрѣшались тѣже самые вопросы. Какъ признаки сходства учрежденій разныхъ народовъ всего ярче выступаютъ изъ сравненія признаковъ ихъ различія, такъ точно и послѣднія всего вѣрнѣе изучаются черезъ сравненіе первыхъ.

Во всѣхъ упомянутыхъ характеристикахъ Англіи и Франціи (также и въ очеркѣ новѣйшаго прусскаго законодательства объ окружномъ управленіи, стр. 194—63) и въ разныхъ другихъ мѣстахъ книги, гдѣ мы касаемся иностранной политической жизни, мы всего болѣе имѣли въ виду наши отечественныя административныя задачи, которыя требовали разрѣшенія тѣхъ-же самыхъ вопросовъ, избѣжанія тѣхъ-же самыхъ ошибокъ и заблужденій, хотя бы и при совершенно другихъ условіяхъ исторической жизни и при другихъ свойствахъ народнаго характера. При этомъ одною изъ главныхъ нашихъ руководящихъ [1]) мыслей было показать пагубное вліяніе французскихъ политическихъ идей, преимуще-

[1]) *Упомянутыя характеристики Франціи и Англіи взяты нами изъ* сочиненія, посвященнаго французской революціи.

ственно революціонныхъ, на государственную жизнь, въ нашей части свѣта; подъ гнетомъ этихъ идей, — вообще весьма смутныхъ и ясныхъ только по отношенію къ крайней бюрократической централизаціи и къ неограниченному произволу административной власти, всюду въ большей или меньшей степени устроившихся по французскимъ образцамъ, — Западная Европа находилась съ конца прошедшаго столѣтія почти въ плоть до средины нынѣшняго. Этотъ гнетъ французскихъ административныхъ воззрѣній и французской односторонней конституціонной доктрины отразился отчасти и на понятіяхъ нашего образованнаго общества, и даже на нашихъ правительственныхъ сферахъ.

Только съ половины XIX столѣтія, началось освобожденіе Европы отъ этой французской гегемоніи въ политическомъ міровоззрѣніи, началось движеніе и государственной практики и государственной науки къ выработкѣ болѣе самостоятельныхъ *историческихъ и національныхъ формъ* государственныхъ учрежденій, свойственныхъ каждой странѣ и каждому времени, и къ эмансипаціи руководящихъ политическихъ понятій отъ владычества отвлеченной и космополитической французской доктрины. Эта здоровая реакція была обусловлена, съ одной стороны, печальными практическими опытами политической жизни въ самой Франціи, и съ другой стороны, успѣхами государственной науки, преимущественно на почвѣ историческихъ изысканій, и главнѣйше въ Германіи. Здѣсь въ особенности было важно болѣе глубокое изслѣдованіе государственнаго быта Великобританіи и тутъ на первомъ мѣстѣ стоятъ классическія работы Гнейста. Благодаря имъ былъ наконецъ, между прочимъ, разсѣянъ одинъ коренной грубый предразсудокъ, насажденный въ европейскихъ умахъ поверхностными французскими понятіями объ англійской конституціи. Этотъ предразсудокъ заклю-

---

[1] Всего болѣе запечатлѣны французскими идеями реформы Сперанскаго и въ особенности его преобразованія центральнаго управленія.

чался въ томъ нелѣпомъ представленіи, что вся сила этой конституціи состоитъ въ нѣкоторыхъ наружныхъ формахъ государственнаго устройства и даже только въ его верхушкѣ (парламентѣ), и что стоитъ только, гдѣ угодно, возвести государственныя учрежденія съ такими точно формами и насадить на нихъ эту верхушку, чтобы придать государственному строю каждаго народа такую-же точно устойчивость, какою славится Англія. Согласно съ этими легкомысленными понятіями составился космополитическій «шаблонъ конституціи», который переносился изъ одного государства въ другое, и по которому пытались не такъ давно возродить даже государственный строй Турціи.

Въ числѣ самыхъ странныхъ и ближе всего насъ интересующихъ въ настоящемъ случаѣ заблужденій, которыя были связываемы съ этимъ конституціоннымъ шаблономъ находилось убѣжденіе не такъ давно вездѣ господствовавшее, что достаточно одного парламентскаго механизма, чтобъ обезпечить общество противъ безаконнаго самовластія и противузаконныхъ злоупотребленій административныхъ властей, отъ которыхъ, въ большей или меньшей степени, страдали всѣ европейскія государства. Послѣ того, что административные порядки были во всѣхъ европейскихъ государствахъ устроены, въ большей или меньшей степени, на подобіе французской, исключительно бюрократической системы и ея крайней централизаціи, везде надѣялись и стремились (главнѣйше съ 30 годовъ, послѣ іюльской французской революціи) ограничить произволъ административной власти посредствомъ парламентскаго правленія или «парламентаризма» въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова. Съ развитіемъ конституцій и парламентскихъ правленій, въ западной Европѣ, деспотизмъ административныхъ агентовъ и поддерживаемая ихъ безаконное самовластіе бюрократическая централизація не только не ослабѣвали, а всюду воз-

растали [1]. Этотъ весьма солидный историческій фактъ послужилъ всего болѣе къ практическому разоблаченію упомянутыхъ заблужденій, которыя были не такъ давно сильны въ европейской публикѣ съ многими ихъ буржуазными конституціями и которыхъ до сихъ поръ еще упорно держатся нѣкоторые доктринеры и послѣдователи во всѣхъ политическихъ партіяхъ, и консервативныхъ и прогрессивныхъ.

Горькія разочарованія, порожденныя почти повсемѣстно всѣми буржуазными конституціями, много *повредили* обаянію въ европейскомъ обществѣ теоріи и правилъ конституціонныхъ учрежденій, и не лучше сознано той внутренней ихъ сущности, которая заключаетъ въ себѣ именно обезпеченіе свободы для обывателей, т. е. осуществимое въ самыхъ разнообразныхъ національныхъ и историческихъ формахъ государственной жизни.

При легковѣсномъ и легкомысленномъ обращеніи Европейской континентальной публики съ англійскимъ конституціоннымъ зданіемъ, было не только совсѣмъ упущено изъ виду его тысячелѣтній самобытный историческій ростъ, который не могъ и не можетъ повториться ни въ какомъ другомъ государствѣ, но было упущено изъ виду или скорѣе оставалось никому неизвѣстнымъ основное бытіе всего этого зданія; этотъ бытъ не только составляетъ главную силу этого зданія, но на немъ зиждется даже весь его архитектурный стиль до всѣхъ его подробностей и до самаго его верха. Это основаніе всего государственнаго порядка Великобританіи, составляющаго предметъ зависти всѣхъ народовъ, это главное обезпеченіе столь прославленной англійской свободы заключается прежде всего въ характерѣ Великобританскаго государ-

---

[1] За исключеніемъ Бельгіи, гдѣ рядомъ съ номинальнымъ конституціоннымъ правленіемъ, было весьма прочно устроено мѣстное самоуправленіе, парализующее произволъ бюрократическихъ агентовъ и крайности административной централизаціи. Этотъ фактъ оставался незамѣченнымъ европейскою публикою, разсуждавшею объ успѣхахъ Бельгіи на конституціонной почвѣ.

ственнаго *управленія*, гораздо болѣе, чѣмъ въ государственномъ устройствѣ, и всего болѣе, въ началахъ *мѣстнаго самоуправленія*, на которыхъ покоится вся административная власть и которою обезпечивается вся ея незыблемая *законность* и съ нею свобода каждаго великобританскаго подданнаго.

Величайшею заслугою Гнейста было изученіе и объясненіе этихъ началъ мѣстнаго самоуправленія Англіи. Однимъ изъ важнѣйшихъ практическихъ назиданій, истекающихъ изъ его работъ по этой части, которыми и воспользовалась Пруссія (при преобразованіи своего мѣстнаго управленія), былъ тотъ общій выводъ, что эта система великобританскаго самоуправленія весьма сложна, что она выработалась исторически изъ цѣлаго ряда учрежденій, формы которыхъ такъ національны и своеобразны, что не могутъ быть пересажены ни на какую иноземную почву, и что если можно чему нибудь здѣсь подражать, то только общему духу этихъ учрежденій, близкому всѣмъ европейскимъ народамъ и требующему для своего воплощенія у каждаго изъ нихъ, свойственной каждому исторической формы. Нѣтъ государственныхъ учрежденій, въ такой сильнѣйшей степени обусловленныхъ историческими и мѣстными національными условіями, - какъ мѣстное самоуправленіе. Отсюда истекаетъ изъ изслѣдованія иностранныхъ административныхъ порядковъ, и въ особенности великобританскихъ, самое главное назиданіе, что въ кругу мѣстныхъ учрежденій и тѣмъ болѣе органовъ самоуправленія, всего труднѣе и опаснѣе заимствованіе чужеземныхъ ихъ формъ, хотя и необходимо изученіе ихъ для познанія ихъ внутренняго духа, общаго всѣмъ европейскимъ народамъ и для пріисканія національныхъ формъ соотвѣтствующихъ исторіи и характеру каждаго изъ нихъ.

Все это отступленіе къ Англіи и Франціи было сдѣлано нами собственно для того, чтобы объяснить какъ сказано выше, цѣли для которыхъ помѣщены въ настоя-

щей книгѣ статьи, относящіяся къ иностраннымъ учрежденіямъ, и общее направленіе, въ которомъ онѣ написаны. Вмѣстѣ съ тѣмъ это отступленіе отчасти послужило и къ ознакомленію съ общимъ духомъ трудовъ, вошедшихъ въ настоящее изданіе и съ нѣкоторыми изъ самыхъ существенныхъ государственныхъ задачъ, въ немъ изслѣдуемыхъ.

Какъ бы ни казалось разнообразнымъ [1]) содержаніе всей этой книги, оно все сосредоточено на движеніи вопросовъ о нашемъ *отечественномъ* мѣстномъ управленіи. въ продолженіи истекшаго двадцатилѣтняго періода или почти всего прошедшаго царствованія. — на вопросахъ преимущественно практическихъ, и главнѣйшее на вопросахъ о нашемъ *самоуправленіи*.

Этотъ двадцатилѣтній періодъ (1860 — 1880), который обнимаетъ наша книга и въ теченіи котораго она послѣдовательно, почти изъ года въ годъ, была написана, — въ высшей степени замѣчателенъ и поучителенъ какъ въ нашей государственной исторіи вообще, такъ въ особенности нашихъ мѣстныхъ учрежденій. Для успѣха предпринимаемой нынѣ реформы мѣстнаго управленія не безполезно, кажется, возобновить въ памяти современнаго общества и его дѣятелей важнѣйшія историческія черты этого періода, по отношенію къ жизни этого управленія.

Съ конца XVIII столѣтія до реформъ прошедшаго царствованія (до 1861 г.) вся система нашихъ мѣстныхъ учрежденій (губернскихъ и уѣздныхъ) покоилась, почти безъ всякой перемѣны, на общихъ основахъ, заложенныхъ Имп. Екатериною II. Эта система стройная, послѣдовательная и цѣльная въ свое время, распалась со всѣхъ сторонъ, въ теченіи истекшаго двадцатилѣтія. Она не была замѣнена

---

[1]) Въ разныхъ мѣстахъ книги, и въ особенности въ *начальныхъ подстрочныхъ* примѣчаніяхъ ко всѣмъ отдѣльнымъ трудамъ, еще ближе объяснены спеціальныя задачи каждаго, взаимныя связи ихъ всѣхъ и ихъ отношеніе къ нашему времени.

никакою другою подобною-же, сколько нибудь стройною и цѣльною системою мѣстнаго управленія; путемъ разнородныхъ созиданій и разрушеній, оно пришло нынѣ въ полное разстройство, можно сказать почти въ хаотическое состояніе. Въ этихъ словахъ нѣтъ ничего преувеличеннаго. Нынѣшнее положеніе нашего мѣстнаго управленія вообще таково, что посреди безконечнаго разнообразія органовъ власти всякаго типа и калибра, никакія права и никакая отвѣтственность ни одного изъ этихъ органовъ въ точности не опредѣлены и ни для кого не ясны. Въ окончательномъ результатѣ всего этого положенія, является фактическое бездѣйствіе власти и юридическая и административная безотвѣтственность всѣхъ ея разнородныхъ представителей. Главная, коренная причина этого положенія есть безъ сомнѣнія отсутствіе всякаго единства власти въ общемъ составѣ мѣстнаго управленія,— губернскаго, уѣзднаго и сельскаго. Самымъ осязательнымъ признакомъ этого положенія служитъ должность губернатора: подъ названіемъ «начальника губерніи», несовмѣстимымъ съ началами самоуправленія, вложенными въ разныя значительныя части мѣстной администраціи, онъ призванъ къ формальному объединенію всѣхъ ея органовъ. Но даже и такое формальное объединеніе не достигается нынѣ посредствомъ губернаторской власти. Какъ будто за все и за всѣхъ отвѣтственный, губернаторъ, *въ случаѣ нужды*, безпрерывно и привлекается къ отвѣтственности передъ высшими инстанціями; при тѣхъ или другихъ случайныхъ *личныхъ* къ нимъ отношеніяхъ, онъ и подвергается этой отвѣтственности, если не вполнѣ юридической, т. е., законной (судебной и административной), то фактической. Между тѣмъ, чтобы нести эту отвѣтственность, губернаторъ не имѣетъ по отношенію ко всѣмъ *подвѣдомымъ* (?) ему учрежденіямъ, за исключеніемъ развѣ своей канцеляріи и отчасти полицейскихъ чиновъ, никакихъ опредѣленныхъ правъ и почти никакой власти. Поэтому его отвѣтственность и можетъ быть только случайною фактическою, а не юриди-

ческою. Еще менѣе имѣютъ какія нибудь права власти органы самоуправленія, поставленные однако во главѣ одной изъ важнѣйшихъ частей мѣстной администраціи — хозяйственной.

Можно сказать, кажется, безъ всякаго преувеличенія, что порядокъ въ мѣстномъ управленіи поддерживается нынѣ исключительно болѣе или менѣе счастливыми личными отношеніями и *соглашеніями* всѣхъ представителей разнородныхъ учрежденій и инстанцій; эти соглашенія являются послѣдствіемъ ихъ личныхъ «сношеній», «сдѣлокъ», имѣющихъ бо́льшею частью характеръ часто дипломатическій. Въ той или другой мѣстности, порядокъ поддерживается то «мягкими», то «суровыми правами» носителей власти, смотря по тѣмъ или другимъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, требующимъ для успѣха дѣла тѣхъ или другихъ правовъ. Несомнѣнно, даже при самой совершенной системѣ администраціи, значеніе, принадлежащее личному, даже дипломатическому искусству органовъ исполнительной власти, даже ихъ правамъ, но также точно несомнѣнно, что на одномъ личномъ искусствѣ или «ловкости» и на однихъ личныхъ правахъ правителей не можетъ-же быть основана никакая система управленія въ обществѣ, сколько нибудь выше́дшемъ изъ періода первобытныхъ, патріархальныхъ, взаимныхъ отношеній своихъ членовъ. Однако въ сложившемся у насъ административномъ строѣ эта «ловкость», считается главнымъ, едва ли не единственнымъ качествомъ, нужнымъ для администратора и для его управленія.

Впрочемъ, излишне настаивать на этомъ безотрадномъ положеніи вещей въ нашей провинціяльной администраціи, такъ какъ оно вполнѣ сознано нынѣ и обществомъ и самимъ правительствомъ. Никто не сомнѣвается теперь въ томъ, что коренная перестройка всего нашего мѣстнаго управленія снизу до верху, отъ деревни и волости до губерніи сдѣлалась неотложною государственною необходимостью.

Нынѣшнее разстроиство нашего мѣстнаго управленія есть неизбѣжное послѣдствіе всего хода реформъ, относившихся къ этому управленію въ теченіи истекшаго двадцатилѣтія. Въ самомъ началѣ этого періода, реформы или сперва (въ началѣ 60-хъ годовъ) весьма поспѣшнымъ, почти стремительнымъ шагомъ, и потомъ развивались съ разными перерывами и подъ весьма противуположными вліяніями до самаго недавняго времени. Эти реформы не были связаны никакою общею руководящею идеей. Подъ руководствомъ весьма разнородныхъ дѣятелей и въ особенности разнородныхъ исполнителей, преобразованія мѣстнаго управленія сталкивались и перекрещивались между собою, и всѣ они привели только къ одному общему всѣмъ имъ результату — къ разрушенію прежней системы мѣстной администраціи. Подлѣ старыхъ учрежденій, — бюрократическихъ и сословныхъ, — были созданы новыя, — органы самоуправленія безсословнаго (земскаго и городскаго), и сословнаго (крестьянскаго); тѣ и другіе и третьи должны были жить и дѣйствовать вмѣстѣ, или лучше *одни подлѣ другихъ*, хотя начала жизни каждаго были противуположны всѣмъ остальнымъ. Были также сдѣланы опыты устройства такихъ учрежденій (напр. губернскихъ по городскимъ дѣламъ присутствій и губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ), въ которыхъ, посредствомъ соединенія представителей самыхъ разнородныхъ учрежденій, всѣ они были приведены въ *механическую* между собою связь: эти опыты, какъ всѣмъ извѣстно, всего менѣе удались, всего болѣе изобличили несостоятельность нынѣшняго порядка нашей мѣстной администраціи и всего болѣе доказали, что никакая *механическая* связь органовъ управленія не можетъ замѣнить *органической* ихъ связи, которая совершенно утратилась въ нашихъ мѣстныхъ административныхъ учрежденіяхъ.

Всѣ эти факты и вопросы въ исторіи нашихъ мѣстныхъ учрежденій за послѣднее двадцатилѣтіе, объ которыхъ здѣсь

нами намѣченные, лишь для объясненія общаго содержанія настоящей книги, подробно излагаются и разсматриваются въ разныхъ ея частяхъ. Выше былъ указанъ общій характеръ всѣхъ трудовъ, вошедшихъ въ составъ этой книги; каждый изъ нихъ возникъ по поводу дѣйствій того или другаго изъ новыхъ учрежденій, вводившихся въ наше мѣстное управленіе, въ истекшемъ двадцатилѣтіи или по поводу вопросовъ ими возбуждавшихся въ мѣстной жизни. Поэтому можно сказать, что вся эта книга представляетъ собою историческій перечень созиданій и разрушеній на почвѣ нашего мѣстнаго управленія за этотъ періодъ и своего рода лѣтопись процесса распаденія системы этого управленія, дѣйствовавшей за двадцать лѣтъ предъ симъ.

Въ этотъ историческій процессъ непрерывнаго разрушенія нашихъ мѣстныхъ учрежденій, кажется намъ всего болѣе необходимо вникнуть для предпринятаго нынѣ правительствомъ *систематическаго* переустройства всего административнаго управленія въ губерніяхъ и уѣздахъ» [1]). Въ этомъ историческомъ процессѣ кроются причины нынѣшняго разстройства этого управленія, и эти-то *причины разрушенія* всего болѣе желательно избѣгнуть во всѣхъ будущихъ государственныхъ созиданіяхъ на этой почвѣ.

Коренная сущность всего этого двадцатилѣтняго историческаго процесса заключается въ томъ, что *подлѣ* прежней системы управленія *сословно—бюрократической* были заложены во всѣхъ новыхъ учрежденіяхъ, земскихъ, городскихъ, даже крестьянскихъ, начала *самоуправленія* и къ тому-же начала безсословнаго самоуправленія. Въ прежней системѣ (екатерининской) элементы сословнаго самоуправленія были вполнѣ подчинены бюрократическимъ или приказнымъ властямъ и такимъ образомъ начала

---

[1]) См. Правительственное сообщеніе о Высочайше учрежденной коммиссіи для составленія проектовъ мѣстнаго управленія (Правительств. Вѣсти. ноября 1881 г.).

сословнаго самоуправленія были согласованы съ началами бюрократическаго управленія въ одну нераздѣльную систему мѣстной администраціи, довольно стройную для своего времени. Въ новѣйшемъ періодѣ нашей мѣстной администраціи никакого такого согласованія сдѣлано не было: напротивъ того, два начала, — начало полновластнаго личнаго бюрократическаго или такъ называемаго казеннаго управленія и начало безсословнаго или земскаго самоуправленія, вложенное въ разныя новыя учрежденія, не только не были согласованы между собою, но хуже этого, — то и другое начала были *противупоставлены* другъ другу и должны были продолжать развиваться, одно *насупротивъ* другаго, въ двухъ сапериичествующихъ между собою системахъ мѣстной администраціи. Двѣ системы, изъ которыхъ ни одной не было дано не только господства, но даже опредѣленныхъ границъ власти въ отношеніи къ другой, должны были развиваться, — развиваться до безконечности одна подлѣ другой, одна на счетъ и въ ущербъ другой. Въ этомъ, кажется намъ, заключается главная сущность всего болѣзненнаго процесса въ исторіи нашей мѣстной администраціи за послѣдніе двадцатилѣтіе. Здѣсь нужно однако замѣтить, что въ самомъ началѣ истекшаго двадцатилѣтія и его реформъ учрежденіе мировыхъ посредниковъ явилось вполнѣ здоровымъ зародышемъ мѣстнаго самоуправленія. Въ этомъ зародышѣ, который былъ задуманъ зрѣлымъ государственнымъ умомъ, не было того раздвоенія власти, которое впослѣдствіи было посѣяно земскими учрежденіями. Къ несчастію, этому зародышу не было суждено развиваться. Онъ былъ преждевременно и необдуманно загубленъ противодѣйствіемъ разныхъ стихій, враждебныхъ у насъ самоуправленію (см. ниже «мировыя посредническія учрежденія» стр. 331—376).

Упомянутая выше сущность недуга въ нынѣшнемъ устройствѣ или лучше въ разстройствѣ мѣстной администраціи только всего разительнѣе выражается въ разладѣ земскихъ учрежденій съ казенными или бюрократически-

ми, по этимъ болѣзненнымъ началомъ, одинаково, проникнуты, въ большей или меньшей степени, всѣ безъ изъятія наши мѣстныя инстанціи, всѣ виды и органы мѣстнаго управленія и всѣ взаимныя ихъ между собою отношенія.

Нужно думать, что эта сущность недуга въ историческомъ развитіи нашихъ мѣстныхъ учрежденій признана имъ самимъ правительствомъ, такъ какъ оно поставило первою задачею въ предполагаемомъ «систематическомъ переустройствѣ всего административнаго управленія въ губерніяхъ и уѣздахъ»: «опредѣленіе устройства мѣстнаго управленія, *проникнутаго во всѣхъ своихъ частяхъ единствомъ руководящаго начала*» [1]). Отсутствіе «руководящаго начала», необходимаго для объединенія всѣхъ нынѣшнихъ органовъ мѣстнаго управленія, для собранія воедино «разсыпавшейся храмины», есть, безъ сомнѣнія, главный порокъ въ ихъ нынѣшнемъ положеніи, такъ же какъ опредѣленіе этого начала есть первая задача въ ихъ систематическомъ переустройствѣ.

Послѣ опредѣленія этого начала для достиженія основной цѣли предстоящей реформы,—для *объединенія* всѣхъ разнообразныхъ видовъ мѣстнаго управленія,—разрѣшеніе другой задачи—*выборъ средствъ* для достиженія этой цѣли, т. е. для *осуществленія* или воплощенія принятаго общаго руководящаго начала во всѣхъ формахъ отдѣльныхъ учрежденій нынѣшнихъ и новыхъ и во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ,—представляетъ, сравнительно съ первою задачею, гораздо менѣе затрудненій. Или вѣрнѣе сказать,—успѣхъ въ разрѣшеніи второй задачи находится въ совершенной зависимости отъ разрѣшенія первой. Когда въ точности опредѣленъ общій архитектурный планъ вновь воздвигаемаго зданія или перестраиваемаго стараго, и когда прежде всего ясно сознаны практическія потребности, удовлетворенію которыхъ долженъ служить этотъ планъ, тогда постройка зданія или пере-

[1]) См. выше упомянутое правительственное сообщеніе 1 ноября 1881 г.

стройка его старыхъ частей и выборъ для всего этого соотвѣтствующихъ матерьяловъ представляются дѣломъ второстепеннымъ и гораздо болѣе легкимъ. Но это-же самое дѣло сопряжено съ чрезвычайными и почти непоборимыми затрудненіями, когда неопредѣленъ наперед общій планъ постройки или перестройки зданія или когда во время работы этотъ планъ безпрерывно измѣняется не только въ подробностяхъ, но даже въ своемъ главномъ существѣ. Такъ къ несчастію было въ исторіи нашихъ мѣстныхъ учрежденій за послѣднее двадцатилѣтіе; они безпрерывно перестраивались по чертежамъ, идеямъ и цѣлямъ, которыя измѣнялись со дня на день. Можно-ли удивляться тому полному разстройству, въ которое они пришли нынѣ, и тому самому плачевному въ этомъ разстройствѣ явленію, что одна часть зданія не только не поддерживаетъ другую, а одна давитъ другую и всѣ взаимно другъ друга обезсиливаютъ и разрушаютъ?

Для успѣшнаго удовлетворенія всѣмъ вышеуказаннымъ условіямъ предстоящей государственной реформы, для избѣжанія ошибокъ и неудачъ, достаточно испытанныхъ въ недавнемъ прошломъ нашихъ мѣстныхъ учрежденій, кажется намъ, совершенно необходимо изученіе этого прошлаго, и не только на бумагѣ, но законодательнымъ актамъ и правительственнымъ распоряженіямъ, относящимся къ этимъ учрежденіямъ, а въ самой ихъ жизни, на самомъ мѣстѣ ихъ дѣйствія. Съ этою мыслью мы и издаемъ нашу книгу: она не имѣетъ никакого научнаго значенія, не преслѣдуетъ никакой чисто теоретической цѣли, но въ этой книгѣ, составленной почти исключительно изъ личныхъ наблюденій и размышленій надъ нашими мѣстными учрежденіями, по необходимости, отразилось все ихъ недавнее прошлое, прямымъ результатомъ котораго было ихъ настоящее положеніе. Только изъ этого прошлаго можно понять настоящее, чтобъ вѣрно идти къ будущему, къ «переустройству» мѣстнаго управленія на основаніи практическихъ нуждъ самой мѣстной

жизни, а не на основаніи отвлеченныхъ требованій теоріи или канцелярскихъ бюрократическихъ соображеній, — тѣхъ, и другихъ чуждыхъ потребностямъ дѣйствительной народной жизни.

И для опредѣленія руководящаго *начала*, долженствующаго объединить и собрать въ одно цѣлое всѣ нынѣ разрозненныя части и формы нашей мѣстной администраціи, и для опредѣленія *цѣлесообразныхъ средствъ*, нужныхъ къ практическому примѣненію этого начала, къ переустройству всѣхъ этихъ частей и формъ, сообразно этому началу, необходимо вникнуть въ жизнь нашей мѣстной администраціи за послѣдніе двадцатилѣтіе.

Положительно думать, что упомянутымъ руководящимъ началомъ предстоящей реформы не можетъ не быть начало самоуправленія. Это начало признается и самимъ правительствомъ, такъ какъ въ указаніяхъ преподанныхъ имъ для реформы говорится объ «установленіи живой связи между администраціей и *общественнымъ управленіемъ*» [1]) (подъ которымъ нельзя разумѣть ничего иного кромѣ всей совокупности нынѣ дѣйствующихъ органовъ мѣстнаго самоуправленія). Въ основаніе *живой* связи, дѣйствительно болѣе всего теперь необходимой между этими разнородными государственно-общественными органами власти и бюрократическими или такъ называемыми казенными (или коронными) ея органами, не можетъ не быть положено — начало самоуправленія безсословнаго или земскаго.

Въ государственной необходимости этого начала для основъ нашей мѣстной администраціи, — въ необходимости не теоретической и отвлеченной, а исторической и практической, — можно вполнѣ убѣдиться изъ исторической жизни нашихъ мѣстныхъ учрежденій, въ особенности за истекшій двадцатилѣтній ихъ періодъ. Общій строй этихъ учрежденій, не можетъ быть болѣе основанъ на

[1]) См. упомянутое выше правительственное сообщеніе 1 Ноября 1881 года.

начала исключительно бюрократическаго, ни исключительно сословнаго. Хотя бы нѣкоторые органы управленія и должны были сохранить свою бюрократическую форму и нѣкоторыя сословныя (въ особенности сельскія) учрежденія еще не скоро могутъ упраздниться, но главную основу для всего строя мѣстной администраціи, преимущественно уѣздной, и для объединенія всѣхъ ея инстанцій, приходится искать въ началѣ земскаго самоуправленія и только въ немъ. Только управленіе, проникнутое этимъ началомъ можетъ разрѣшить всѣ административныя задачи современнаго государства и только оно соотвѣтствуетъ строенію нашего общества (послѣ освобожденія крестьянъ) и всѣмъ историческимъ преданіямъ и инстинктамъ нашего народа.

Это начало земскаго самоуправленія было присуще всѣмъ великимъ государственнымъ преобразованіямъ прошедшаго царствованія, съ самаго перваго приступа къ упраздненію крѣпостнаго права; но встрѣтившись съ дѣйствительною жизнью оно испытало, со всѣхъ сторонъ, не мало всячески заключеній. Главною руководящею нитью, которая и исторически и въ идеѣ связываетъ всѣ труды, помѣщенные въ этой книгѣ, служитъ мысль объ этомъ началѣ земскаго самоуправленія, объ его практическомъ осуществленіи въ нашихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ и объ ихъ дальнѣйшемъ развитіи сообразно съ этимъ началомъ. Этою мыслію мы всего болѣе были заняты уже наканунѣ реформъ прошедшаго царствованія, и затѣмъ постоянно слѣдили за условіями осуществленія начала земскаго самоуправленія во всѣхъ важнѣйшихъ явленіяхъ нашей мѣстной жизни, въ теченіи послѣднихъ 20 лѣтъ. Это начало то успѣшно возникало и развивалось, то встрѣчало непоборимыя препятствія и замирало въ столкновеніяхъ съ ними. Въ изученіи этихъ историческихъ препятствій, порожденныхъ то непониманіемъ самаго начала самоуправленія, то сознательнымъ его отрицаніемъ, со стороны враждебныхъ ему въ обществѣ стихій, то историческими обстоятельствами въ самомъ фактическомъ

строѣ мѣстной администраціи, независящими ни отъ чьей воли и вины. — въ изученіи всѣхъ этихъ безчисленныхъ препятствій, всего лучше можно искать упомянутыя выше цѣлесообразныя средства къ осуществленію начала самоуправленія въ будущемъ переустройствѣ нашей мѣстной администраціи.

Ноябрь 1831 г.

НАКАНУНѢ РЕФОРМЫ.

Нижеслѣдующія статьи («сословные интересы» и «аристократія и интересы дворянства») напечатанныя въ Русскомъ Вѣстникѣ, въ теченіи 1859 г., были написаны въ самый разгаръ правительственныхъ работъ (засѣданій Редакціонныхъ Коммиссій) по освобожденію крестьянъ, посреди всеобщаго возбужденія самыхъ разнородныхъ чувствъ и ожиданій въ обществѣ. Эти статьи и носятъ на себѣ, въ разныхъ мѣстахъ, окраску исключительныхъ обстоятельствъ своего времени, хотя интересъ главныхъ общихъ или теоретическихъ вопросовъ, въ нихъ обсуждаемыхъ, былъ нисколько не временной и не случайный. Мы оставили въ этихъ статьяхъ упомянутую окраску эпохи ихъ появленія, почти безъ всякой перемѣны, такъ какъ она имѣетъ свое историческое значеніе, не утратившееся и теперь [1]).

Съ формальной своей стороны, по своему содержанію, эти статьи могутъ казаться не входящими прямо въ кругъ предметовъ, которымъ посвящено настоящее изданіе. Но по своему существу и также по своему историческому происхожденію, онѣ составляютъ самое необ-

---

[1]) Въ необходимыхъ случаяхъ, для объясненія мѣстъ, написанныхъ подъ вліяніемъ исключительныхъ обстоятельствъ того времени, мы сдѣлали подстрочныя примѣчанія.

ходимое и самое естественное вступленіе ко всѣмъ дальнѣйшимъ нашимъ трудамъ, помѣщеннымъ въ этой книгѣ.

Государство зиждется прежде всего на обществѣ. Формы государственнаго строя, — государственнаго устроенства и управленія,—прежде всего, независимо отъ самой могущественной воли законодателей и правителей, обусловлены *натурою* самаго человѣческаго общества, естественными или историческими законами его жизни, самобытно дѣйствующими помимо и часто вопреки предопредѣленіямъ положительнаго закона и государственной власти. Затѣмъ, историческая измѣнчивость формъ государственнаго строя зависитъ отъ исторической измѣнчивости общественнаго строя, который также подчиненъ своимъ естественнымъ законамъ, хотя бы весьма мало еще намъ извѣстнымъ, но уже сознаннымъ наукою нашего вѣка. Но крайней мѣрѣ, уже вполнѣ признано не только теоріей, но даже и просвѣщенной практикой государственнаго искусства, что чѣмъ болѣе формы государственнаго быта соотвѣтствуютъ историческому развитію общества или народа въ данномъ періодѣ времени, тѣмъ болѣе эти формы прочны и успѣшны. Историческій опытъ достаточно убѣдилъ, что отсталость государственныхъ формъ отъ такъ называемаго «внутренняго состоянія» общества, отъ умственныхъ и нравственныхъ успѣховъ народа въ данную эпоху, подвергаетъ эти формы такой же опасности, какъ и преждевременное измѣненіе ихъ, опережающее дѣйствительные успѣхи и нужды общественной жизни.

Въ нижеслѣдующихъ статьяхъ, разсмотрѣны нѣкоторые изъ самыхъ существенныхъ дѣлъ государственнаго строя законовъ этой исторической натуры человѣческаго общества, — расчленение его на группы или классы, на сословія и состоянія, историческое перерожденіе формъ этихъ сословій и состояній и историческое движеніе всѣхъ матеріальныхъ и нравственныхъ условій равенства и неравенства въ человѣческомъ обществѣ. Многое, во всей этой общественно-физіологической области исторіи, оп-

наково обще всѣмъ народамъ, по крайней мѣрѣ европейскимъ; многое различно — подъ вліяніемъ національныхъ и историческихъ особенностей каждаго народа; многое различно только по времени: однѣ націи раньше другія позже проходили черезъ однѣ и тѣ-же фазы исторической жизни общества и государства [1]).

Всюду въ образованной Европѣ была съ тѣми или другими племенными оттѣнками *сословная* организація общества; она сложилась въ средніе вѣка и прожила, посреди цѣлаго ряда видоизмѣненій, до начала (и въ нѣкоторыхъ странахъ, преимущественно въ восточной Германіи, почти до середины) нынѣшняго столѣтія. Эта организація по преимуществу общественная; она всюду исторически возникала сама собою, изъ свободныхъ, не предписанныхъ государственною властью взаимныхъ отношеній людей (изъ различной относительной силы физической и умственной, воспитанія, занятій, имуществъ и проч.). Впослѣдствіи она вездѣ осложнилась дѣйствіемъ и вмѣшательствомъ государства, такъ или иначе опредѣлявшаго сословія, ихъ права, привиллегіи и отношенія къ государственной власти.

И теперь еще далеко не исчезли всѣ слѣды этой многовѣковой сословной организаціи, если не въ государственной, то въ общественной жизни, въ современномъ граждански равноправномъ европейскомъ обществѣ, въ наступившемъ съ XIX вѣкомъ періодѣ «государственнаго гражданства» («Staatsbürgerthum», какъ называетъ Л. Штейнъ періодъ личной свободы и равенства всѣхъ общественныхъ классовъ и всѣхъ частныхъ имуществъ передъ государствомъ).

[1] Замѣтимъ здѣсь коротко, что подъ «обществомъ» мы разумѣемъ всю совокупность *свободныхъ* (добровольныхъ) отношеній между людьми, подчиненныхъ только силѣ законовъ природы внѣшней и человѣка (умственныхъ, нравственныхъ, экономическихъ и проч. условій его жизни). Подъ государствомъ понимаемъ тѣ принудительныя отношенія между людьми (въ томъ же самомъ народѣ), которыя существуютъ въ силу распоряженій государственнаго закона и власти, подъ ихъ угрозой и принужденіемъ. Подробнѣе обо всемъ этомъ см. ниже.

Сословная организація и разныя историческія ея видоизмѣненія тѣсно обусловливали собою все государственное устройство и управленіе, наложили свою печать на всѣ государственныя учрежденія, которыя всюду коренным образомъ преобразились въ XIX столѣтіи подъ вліяніемъ разныхъ историческихъ причинъ, но преимущественно вслѣдствіе разрушенія сословій и водворенія безусловной гражданской свободы личности и собственности (подробнѣе обо всемъ этомъ см. ниже).

Хотя и гораздо медленнѣе, хотя и съ глубокими національными отличіями отъ всей западной, романо-германской Европы, Россія однако шла однимъ и тѣмъ же съ нею историческимъ путемъ (по крайней мѣрѣ въ общемъ его направленіи) и встрѣтилась съ разрѣшеніемъ однихъ и тѣхъ-же государственныхъ вопросовъ, если еще не на почвѣ государственнаго устройства, то *государственнаго управленія*. Сверхъ различій въ ходѣ исторіи и въ народномъ характерѣ, многое не можетъ не быть различно у насъ и въ зап. Европѣ уже потому только, что для насъ нѣтъ необходимости повторять ея ошибки и заблужденія въ разрѣшеніи тѣхъ-же вопросовъ. Таковъ вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи, одинаково занимавшій и насъ и всѣ западно-европейскія государства въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ, и до сихъ поръ, также какъ и у насъ, нигдѣ окончательно еще не разрѣшенный. Въ большей или меньшей степени всюду въ Европѣ (за исключеніемъ Великобританіи), также какъ и въ Россіи, сталъ нестерпимъ посреди успѣховъ умственной и промышленной жизни въ нынѣшнемъ вѣкѣ, гнетъ *полицейскаго* государства и вызванныхъ имъ крайностей бюрократической административной централизаціи; это полицейское государство и личный бюрократическій произволъ въ системѣ его административной централизаціи упрочились въ XVII столѣтіи, главнѣйше вслѣдствіе сословнаго расчлененія и разъединенія общества. Бюрократическіе органы государственной власти явились исторически единственными представителями идеи общей

государственной пользы и государственнаго единства посреди сословной розни, сословнаго обособленія и односторонних сословных интересовъ, какъ въ центрѣ государства, такъ въ особенности, въ провинціи, въ каждой мѣстной единицѣ населенія. Мѣстное сословное самоуправленіе или лучше *самоуправленіе сословій* и корпорацій требовало надъ собою желѣзной руки бюрократической опеки, сдерживавшей, по велѣніямъ изъ государственнаго центра, борьбу сословныхъ интересовъ и покровительствовавшей обездоленной массѣ мѣстнаго чернаго народонаселенія противъ угнетеній привиллегированныхъ классовъ. Дѣйствительное мѣстное самоуправленіе, — самоуправленіе области и общинъ, безсословное и земское, на мѣстѣ самоуправленія сословій и самоуправства бюрократіи, *самовластія* ея личныхъ агентовъ и канцелярій, — сдѣлалось возможнымъ лишь съ упраздненіемъ сословныхъ привиллегій, — вотчинной помѣстной власти, городскихъ монопольныхъ гильдій и цѣховъ, и всей сословной организаціи общества. Тогда и бюрократическое или приказное начало съ своею крайнею административною централизаціей и всепоглощающей опекой надъ личностью утратило въ государственномъ управленіи свое историческое призваніе, свой государственный смыслъ.

Въ сущности, тотъ же самый историческій процессъ зачался въ жизни русскаго государства, двадцать лѣтъ тому назадъ, съ упраздненіемъ крѣпостнаго права и съ распаденіемъ сословныхъ перегородокъ въ обществѣ [1]). Хотя и весьма своеобразны, сравнительно съ западною Европою, были формы нашихъ сословій и состояній, неимѣвшихъ прошедшаго въ феодализмѣ и устроенныхъ преимущественно самою государственною властью; но

---

[1]) И нѣкоторыя болѣзненныя общественныя явленія въ нашей современной жизни, какъ послѣдствія этого процесса, сходны съ западноевропейскими (см. объ этомъ въ Сборникѣ Государственныхъ Знаній, т. VIII, написанное нами о нашей общественной смутѣ въ «Оборѣніи движенія земледѣльства и государственнаго управленія»).

ихъ вліяніе на строй государственнаго управленія, въ общемъ результатѣ, былъ почти одинаковъ.

До освобожденія крестьянъ всѣ наши мѣстныя учрежденія и административныя и судебныя были или чисто бюрократическія или сословныя или же смѣшанныя изъ приказнаго и сословнаго началъ, механически другъ съ другомъ склеенныхъ. Въ громадной массѣ сельскаго народонаселенія, подъ котораго наши городскія сословія такъ же ничтожны, какъ капля въ океанѣ, неограниченно владычествовала сословная вотчинная власть или-же бюрократическая (у такъ называемыхъ свободныхъ поселянъ разныхъ разрядовъ). Если подъ тяжестью всевластной приказной [1]) централизаціи, развившейся въ нашемъ государственномъ управленіи, до такихъ чудовищныхъ крайностей, какъ нигдѣ въ Европѣ, у насъ уцѣлѣли болѣе, чѣмъ во всякой другой европейской странѣ задатки земскаго самоуправленія, то только вслѣдствіе исконной внутренней мощи нашей деревенской общины, сельскаго міра; онъ удивительнымъ образомъ (и въ этомъ между прочимъ одно изъ существенныхъ своеобразій нашей государственной жизни) сохранилъ de facto, если не de jure, свою самостоятельность подъ самыми жестокими ударами и вотчинной помѣщичьей власти и приказной. Обѣ онѣ, не смотря на всѣ крайности своихъ проявленій, оставались какъ-то механически на поверхности народной жизни, механически, снаружи давили своими тяжеловѣсными пластами народный организмъ, но органически не срослись съ нимъ и не глубоко проникали въ его внутренность. Но вся эта внутренняя самостоятельность сельскаго міра не имѣла никакого обезпеченнаго законнаго существованія, она была только терпима и никогда не обезопашена отъ самыхъ насильственныхъ вторженій въ свою нравственную и эко-

---

[1]) О существѣ бюрократическаго или приказнаго начала и начала самоуправленія въ государственномъ управленіи и ихъ различіяхъ смотри въ разныхъ мѣстахъ настоящей книги (въ особенности въ статьѣ «о земскихъ учрежденіяхъ и самоуправленіи»).

номическую жизнь. На почвѣ управленія, даже самаго мѣстнаго и самаго мелкаго, она не имѣла никакого права гражданства (за нѣкоторымъ исключеніемъ сельскихъ властей у государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, надъ которыми однако всегда висѣла палка всевластныхъ чиновниковъ-смотрителей и опекуновъ, почти вотчинниковъ).

Такимъ образомъ только съ упраздненіемъ крѣпостнаго права, — главной коренной основы всей сословной организаціи нашего общества, — открылась у насъ *возможность* мѣстнаго земскаго, безсословнаго самоуправленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовалась также необходимость для самаго государства этого новаго порядка въ управленіи, взамѣнъ стараго сословнаго и бюрократическаго. Уже для исполненія самой крестьянской реформы на мѣстахъ оказались несостоятельными прежніе исключительно сословные (дворянскіе) и бюрократическіе органы власти и потребовались новые, — мировыя посредническія учрежденія, устроенныя на основаніи новыхъ понятій о власти, независимой и отъ приказнаго и отъ вотчиннаго началъ. Эти учрежденія сдѣлались первыми зародышами мѣстнаго или областнаго самоуправленія. И нынѣ, когда поставленъ вопросъ о преобразованіи мѣстныхъ учрежденій и о дальнѣйшемъ развитіи въ нихъ началъ земскаго самоуправленія (какъ надо на это надѣяться), мы еще имѣемъ передъ собою значительные остатки сословныхъ организацій въ этихъ учрежденіяхъ. Съ этими остатками придется имѣть не мало дѣла будущей реформѣ мѣстнаго управленія.

Все сказанное достаточно объяснитъ появленіе статей «о сословныхъ интересахъ» и «о естественной аристократіи и интересахъ дворянства» во главѣ настоящей книги, хотя бы многое въ этихъ статьяхъ и казалось формально чуждымъ предмету, обозначенному въ заглавіи книги. Эти статьи (подъ другимъ общимъ заглавіемъ «замѣтокъ и мыслей по поводу крестьянскаго вопроса») были возбуждены предстоявшею великою реформою, съ

которой вся Россія тронулась къ новой общественной и государственной жизни. Въ эту замѣчательную и отраднѣйшую переходную эпоху нашей исторіи, посреди небывалаго дотолѣ общественнаго воодушевленія, необычайнаго ободренія лучшихъ людей и умовъ, зародились и заневелялись всѣ вопросы, всѣ задачи, одна за другою становившіяся затѣмъ на очередь, въ теченіи прошлыхъ двадцати лѣтъ, и во множествѣ не разрѣшенныя или только полуразрѣшенныя или едва даже початыя до сихъ поръ. Возбужденіе всѣхъ этихъ вопросовъ и задачъ, стоящихъ передъ нами и теперь, отразилось на этихъ статьяхъ, которыя потому даже съ практической ихъ стороны едва ли можно признать отставшими отъ нуждъ настоящихъ нашихъ дней.

Кромѣ задачи доказать государственную необходимость освобожденія крестьянъ *съ землею*, практическая цѣль этихъ статей заключалась главнѣйше въ томъ, чтобы объяснить пользу для самого дворянства въ освобожденіи его отъ сословныхъ привиллегій и его историческое призваніе въ наступавшей новой государственной жизни, — стать во главѣ зарождавшагося земскаго *самоуправленія*. О правахъ и дѣятельности по самоуправленію мы говоримъ какъ о самомъ правильномъ, исторически-естественномъ, благотворномъ для всего государства и для всѣхъ классовъ народа вознагражденіи дворянства за утраченныя привиллегіи крѣпостнаго права и за всѣ принесенныя съ его отмѣною жертвы. Къ этому вопросу о самоуправленіи для освобожденія и правительства и общества отъ излишняго бремени бюрократической опеки сосредоточено все написанное въ нижеслѣдующихъ статьяхъ. Этимъ вопросомъ онѣ и заканчиваются, составляя самый естественный историческій переходъ ко всему остальному содержанію этой книги. Не можемъ не припомнить, что выраженіе «самоуправленіе», почти впервые появившееся въ этомъ трудѣ (хотя и чисто русское, по какъ переводъ иностранныхъ «Selfgovernement» и «Selbstverwaltung»), долгое время поводъ къ весьма стран-

нимъ недоразумѣніямъ, которыя почти непостижимы въ настоящее время, и которыя однако не позволили этимъ статьямъ выйти въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ.

Хотя авторъ никогда не принадлежалъ ни къ какой дѣйствующей партіи или лучше ни къ какой «тенденціи» въ литературѣ и обществѣ, но въ обсужденіи упомянутыхъ вопросовъ господствуетъ у него общая мысль примирить преимущественно высшій привилегированный классъ съ государственными требованіями наступавшей реформы и противодѣйствовать враждебнымъ имъ сословнымъ домогательствамъ нѣкоторыхъ его членовъ. Это направленіе, сосредоточенное преимущественно на борьбѣ съ политическимъ міровоззрѣніемъ искусственной аристократіи и противопоставлявшее ей здоровые интересы естественной аристократіи (см. ниже «аристократія и проч.», гл. III: «искусственная аристократія и искусственная демократія»), достаточно оправдывается характеромъ той эпохи. Если наше дворянство, въ общей своей массѣ (въ особенности въ среднемъ и низшемъ своемъ слоѣ), съ своимъ неизмѣннымъ патріотическимъ самоотверженіемъ, покорилось всѣмъ условіямъ суровой государственной необходимости, то было не мало голосовъ въ его средѣ (преимущественно въ высшемъ служивомъ и не провинціальномъ слоѣ, зараженномъ чуждыми нашему народному духу домогательствами родовой знати), упорно стоявшихъ за сословныя привиллегіи и между прочимъ въ особенности за право *вотчинной* (патримоніальной) власти, совершенно не свойственной нашей исторіи (т. е., вотчинной власти помѣщика — полицейской и административной — надъ освобожденными крестьянами). Все это движеніе, совокупно съ домогательствами на освобожденіе крестьянъ безъ земли, тормозило реформу и устрашало ея друзей. Оно было, безъ сомнѣнія, порождено гораздо болѣе непониманіемъ, недостаточнымъ сознаніемъ задачъ времени, чѣмъ эгоистическими и своекорыстными расчетами. Тѣмъ болѣе, было полезно вразумленіе, истолкованіе тѣхъ новыхъ условій

наступавшей эпохи — новыхъ условій свободнаго хозяйства и свободнаго государственнаго строя, — сообразуясь съ которыми дворянство должно было найти для себя матеріальное и нравственное вознагражденіе за все имъ утраченное. Энергическая и просвѣщенная дѣятельность въ мѣстномъ самоуправленіи, — дѣятельность, опирающаяся на политическій опытъ, какой недоставало всѣмъ прочимъ сословіямъ, — представлялась ближайшимъ поприщемъ, на которомъ дворянство могло всего блистательнѣе вновь занять передовое мѣсто, подобающее его воспитанію, имущественной состоятельности и всѣмъ его наилучшимъ историческимъ преданіямъ. Эти преданія не ограничивались же одною подобострастною дворскою и приказною службою.

Правильность этого направленія мыслей еще болѣе подтвердилась ходомъ дѣлъ въ ближайшемъ за тѣмъ времени. Крестьянская реформа восторжествовала надъ всѣми препятствіями, и вызванныя ею государственныя преобразованія стремительно слѣдовали одна за другою, подкапливая то одни, то другія привилегированныя права дворянства. Въ то время, наше общество еще не пресытилось реформами, еще не вкусило горькихъ плодовъ отъ дикихъ растеній, какъ будто выросшихъ на почвѣ этихъ реформъ, и еще можно было ожидать тогда все дальнѣйшаго и дальнѣйшаго непрерывнаго ихъ развитія. Тѣмъ болѣе было необходимо примирить привилегированное сословіе съ утраченнымъ положеніемъ въ государствѣ посредствомъ указанія ему на новое, гораздо болѣе надежное положеніе, раскрывавшееся передъ нимъ въ условіяхъ новой политической жизни.

Съ тѣхъ поръ, многое въ нашей государственной жизни получило совсѣмъ неожиданный ходъ — превратный и болѣзненный, — вопреки самымъ разумнымъ ожиданіямъ. Впрочемъ когда же и гдѣ историческій путь народовъ былъ логически разумный и согласный со всѣми надеждами и ожиданіями предшествующихъ поколѣній?

Но если злоба нынѣшняго дня совершенно иная, чѣмъ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, съ виду даже совершенно противоположная; тѣмъ не менѣе она вполнѣ соотвѣтствуетъ (хотя бы и совершенно съ другой точки зрѣнія) изложенное выше направленіе мыслей о нашемъ высшемъ привилегированномъ классѣ. Въ противоположность эпохѣ, въ которую мы впервые высказывали эти мысли, вооружаясь противъ грозныхъ тогда домогательствъ искусственной аристократіи, нынѣ наша жизнь смущена неизмѣримо болѣе опасными и болѣе отвратительными страшилищами искусственной демократіи, которая вылѣзаетъ изъ всѣхъ темныхъ уцелій и подземелій нашего общества, образовавшихся около разваливающихся сословій, на ихъ обломкахъ и въ ихъ все расширяющихся промежуткахъ. [1]) Проповѣдь противъ искусственно-аристократическихъ стихій въ обществѣ, въ такое время, не покажется ли по меньшей мѣрѣ излишнею?

Совершенно такъ. Но эта проповѣдь имѣла и въ свое время другую, самую существенную сторону — объясненіе историческаго призванія *естественно-аристократическихъ* общественныхъ элементовъ въ новѣйшей государственной жизни, [2]) — въ *самоуправленіи*.

Свободная самодѣятельность этихъ элементовъ указывалась нами какъ самый надежный естественный отпоръ противъ искусственной и болѣзненной демократіи, — насильственнаго уравненія (нивеллировки) естественныхъ неравенствъ въ обществѣ. Гибельныя для государства и общества и безсмысленныя передъ судомъ современной науки заблужденія искусственной демократіи не были нисколько упущены нами изъ вида уже и въ то время

---

[1]) См. о развитіи нашихъ новѣйшихъ смутныхъ явленій въ связи съ болѣзненными послѣдствіями эпохи реформъ и съ разрушеніемъ сословной организаціи и сословнаго быта общества въ вышеуказанной статьѣ нашей въ Сборникѣ Госуд. Знаній въ VIII томѣ («Обозрѣніе»).

[2]) Подъ естественно-аристократическими силами общества мы понимаемъ не то, что принято нынѣ называть «интеллигенціей» (какъ это объяснено въ нижеслѣдующихъ статьяхъ).

(см. гл. 3 «Аристократія» и проч.), хотя тогда едва еще показывались у насъ (преимущественно въ литературѣ, а не въ обществѣ) ядовитые зародыши искусственно-демократическаго броженія. Они еще были тогда, посреди тумана своихъ идиллически-соціальныхъ теорій и грезъ, очень далеки отъ того демагогическаго и революціоннаго цвѣта, какимъ пышно разцвѣли съ тѣхъ поръ на нашей общественной нивѣ. Къ наиболѣе энергическому самодѣятельному воздѣйствію на всѣ болѣзненныя *и въ особенности противогосударственныя* движенія въ обществѣ естественно-аристократическія стихіи способны всего болѣе на почвѣ самоуправленія. Здѣсь, всего скорѣе можно ожидать того содѣйствія здоровыхъ общественныхъ силъ государству въ его борьбѣ съ общественною смутою, къ которому не разъ взывало наше правительство. Это кажется вполнѣ сознано имъ нынѣ, послѣ потрясающихъ событій послѣднихъ лѣтъ и безуспѣшности одинѣхъ полицейскихъ мѣръ противъ крамолы. Замѣтимъ, что подъ естественно-аристократическою стихіей въ обществѣ (см. ниже «Аристократія» и проч.) мы разумѣемъ ни какъ не одно дворянство, хотя бы даже и освобожденное отъ всякихъ искусственныхъ привиллегій, а разумѣемъ всѣ частицы этой стихіи, разсѣянныя во всѣхъ сословіяхъ и классахъ; эти частицы только наиболѣе густо собрались и накопились въ средѣ нашего дворянства, какъ вслѣдствіе его историческихъ преданій, такъ и вслѣдствіе прилива къ нему лучшихъ соковъ изъ всѣхъ слоевъ общества.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ обломкахъ этого же сословія, послѣ крутаго переворота, произшедшаго въ немъ вслѣдъ за реформами, всего болѣе накопилось и болѣзненныхъ сѣмянъ искусственно-демократическаго броженія. Даже этотъ исторически совершенно неизбѣжный, при слишкомъ запоздавшей отмѣнѣ кровнаго права, переворотъ въ бытъ и составъ дворянства могъ бы быть значительно менѣе разрушителенъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ онъ произвелъ бы менѣе обломковъ этого сословія, разсыпавшихся по всѣмъ незаконнымъ путямъ нашей жизни,

революціоннымъ и хищническимъ, — если бы праздные члены этого сословія, въ особенности изъ молодаго его поколѣнія, получили для себя болѣе здоровой умственной пищи, болѣе практической общественной дѣятельности и даже болѣе матеріальныхъ заработковъ въ кругу мѣстнаго самоуправленія [1]).

Но всего существеннѣе весь тотъ нравственный процессъ самоисцѣленія общества отъ враждебныхъ его жизни элементовъ и движеній, такъ расплодившихся въ наше время, который происходитъ въ нѣдрахъ самоуправленія, преимущественно мѣстнаго, соединяющаго жизнь общества и жизнь государства въ *одно живое цѣлое*; этотъ процессъ невозможенъ при бюрократическихъ формахъ управленія, разлучающихъ общество съ государствомъ и даже часто ставящихъ ихъ въ два взаимно враждебные лагеря. Сверхъ этого замѣтимъ, что наши чисто бюрократическія административныя учрежденія, которыя во многихъ отношеніяхъ, вопреки лучшимъ ожиданіямъ эпохи реформъ прошедшаго царствованія, получили усиленное развитіе, не только не охранили общества отъ революціонной заразы, но даже дѣлались часто случайными ея разсадниками. Таковъ печальный опытъ нашихъ печальныхъ послѣднихъ лѣтъ. Но и безъ этого опыта, слишкомъ ясно извѣстно всегда и вездѣ, — и на это отчасти указано въ нижеслѣдующихъ статьяхъ, — что духъ крайняго бюрократизма и чиновничьей канцелярщины весьма легко воспринимаетъ въ себя вдохновенія искусственной демократіи, всѣ дурныя страсти плебейской зависти ко всякому естественному превосходству въ обществѣ и грубыя теоріи цезаризма, который устраиваетъ подъ прикрытіемъ государственнаго благотворенія народнымъ массамъ, т. е., насильственнаго уравненія лицъ

[1]) Это нисколько не противорѣчитъ тому факту, что умственно зараженные и отвлеченные въ революціонной пропагандѣ разные обломки этого и другихъ сословій сдѣлались впослѣдствіи самыми предсѣдательными дѣятелями въ мѣстномъ (преимущественно сельскомъ) самоуправленіи (на разныхъ вольнонаемныхъ должностяхъ, каковы особенно волостные [illegible])

и состояній, самый такій деспотизмъ въ государствѣ. Всего болѣе противна всѣмъ этимъ теоріямъ, записаннымъ къ намъ изъ дурныхъ примѣровъ чужихъ земель, законная самодержавная власть нашихъ Государей, согласно всѣмъ наилучшимъ историческимъ преданіямъ нашего самодержавія. Въ разныя эпохи своей многовѣковой исторіи оно уживалось какъ нельзя лучше съ земскимъ самоуправленіемъ и даже само, по собственному произволенію, неоднократно вызывало его къ жизни послѣ періодовъ временнаго упадка и усыпленія нашихъ земскихъ силъ. Наконецъ на почвѣ самоуправленія, и именно мѣстнаго, народъ и подростающія его поколѣнія всего лучше воспитываются въ понятіяхъ *законности*, законной свободы и законнаго порядка, противоположныхъ всякому личному и государственному насилію. А этотъ элементъ *насилія* всего болѣе характеризуетъ собою какъ всѣ нравственныя безпокойства и всѣ практическіе способы дѣйствій нашихъ новѣйшихъ смутниковъ, такъ и всѣ политическіе и теоретическіе планы государственнаго переворота, ими замышленные.

Ко всему этому объясненію исторической связи нижеслѣдующихъ статей съ нынѣшнимъ нашимъ положеніемъ, со дня на день текущаго дня, намъ остается прибавить еще одно замѣчаніе. Въ окраскѣ этихъ статей, данной имъ ихъ историческою эпохою, принадлежитъ господствующій въ нихъ общій тонъ свѣтлыхъ надеждъ и упованій, такъ называемаго *оптимизма*. Онъ мало созвученъ нынѣ съ общимъ настроеніемъ даже оптимистовъ, сдѣлавшихся столь рѣдкими въ наше мрачное время. Смѣемъ однако думать, что этотъ тонъ нашихъ статей даже и нынѣ, какія бы ни испытали мы горькія разочарованія, не вовсе лишенъ своей исторической правды. Преисполненнымъ нашимъ мыслямъ двадцать лѣтъ тому назадъ политическій и нравственный ростъ дворянства, съ его освобожденіемъ отъ ярма крѣпостнаго права, идеалъ дворянства, какъ естественной *земской* аристократіи, казался, оправдались. Его главное призваніе въ

государственной жизни къ первенствующей роли въ самоуправленіи осуществилось: оно съ честью исполняло эту роль во всѣхъ новыхъ учрежденіяхъ не только земскихъ, но даже городскихъ. Оно стояло все время впереди всѣхъ здоровыхъ успѣховъ этихъ учрежденій. Къ нему съ довѣріемъ примыкали въ этой дѣятельности лучшія силы отъ всѣхъ сословій и охотно уступали ему политическое и умственное водительство. Дворянство быстро вступило въ первые ряды безсословнаго земства и не возбудило своимъ первенствомъ никакой сословной распри, самой опасной изъ всѣхъ общественныхъ смутъ. Если для противодѣйствія злокачественнымъ общественнымъ явленіямъ послѣднихъ лѣтъ была желательна гораздо большая энергія дѣйствія со стороны дворянства, то въ этомъ виновато не оно, а всѣ тѣ прискорбныя недоразумѣнія и историческія случайности, которыя сократили правильное развитіе новыхъ нашихъ учрежденій и дали бюрократическому началу неожиданно широкое на счетъ ихъ развитіе. Верховная власть, сознавая историческое значеніе нашего высшаго класса, его глубоко охранительныя внутреннія силы, не разъ обращалась къ содѣйствію дворянскаго сословія въ критическіе моменты нашей смуты. Но какъ сословіе оно совершенно безпомощно въ этомъ дѣлѣ: вся его дѣятельная сила—въ союзѣ съ землею, въ земской дѣятельности. Поэтому болѣе энергическаго цѣлебнаго дѣйствія противъ недуговъ времени, противъ умственныхъ и нравственныхъ міазмовъ въ юношеской средѣ, противъ хищническихъ животныхъ инстинктовъ во всѣхъ поколѣніяхъ, противъ общественной анаеміи,—противъ всѣхъ этихъ условій, создающихъ атмосферу, благопріятную для всякихъ политическихъ и злодѣйскихъ заговоровъ,—можно ожидать отъ нашего высшаго образованнаго класса только при болѣе широкомъ и самостоятельномъ развитіи его земской дѣятельности, начала самоуправленія въ нашей администраціи.

Гораздо болѣе строгой и справедливой критикѣ можетъ подвергнуться въ настоящее время оптимизмъ общихъ экономическихъ воззрѣній, высказанныхъ нами по поводу ожидавшихся экономическихъ послѣдствій крестьянской реформы (см. ниже «Аристократія» и проч. гл. 2: «естественные элементы неравенства и равенства въ обществѣ»). Оставляя въ сторонѣ вопросъ, въ какой степени вѣрны понятія, нынѣ столь распространенныя, о гибельныхъ для народнаго благосостоянія (въ особенности для хозяйства крестьянъ) послѣдствіяхъ реформы, мы здѣсь замѣтимъ только, что пессимизмъ этихъ понятій вообще до крайности преувеличенъ противъ дѣйствительности, и они ошибочны вслѣдствіе примѣненія ко всей Россіи, при чрезвычайномъ разнообразіи ея хозяйственныхъ обстоятельствъ, выводовъ изъ отдѣльныхъ печальныхъ фактовъ нѣкоторыхъ мѣстностей. Но упомянутыя выше и изложенныя ниже экономическія воззрѣнія наши грѣшатъ можетъ быть всего болѣе своимъ общимъ теоретическимъ оптимизмомъ: нами представлена свѣтлая, безоблачная картина гармоніи всѣхъ экономическихъ интересовъ, равномѣрнаго хозяйственнаго преуспѣянія всѣхъ общественныхъ классовъ въ *свободномъ государственно-гражданскомъ обществѣ*, при полной свободѣ личности и собственности, при господствѣ экономическаго закона свободнаго спроса и предложенія всякаго труда и всякой цѣнности. Эта картина, нѣсколько рисовавшаяся тогда воображенію каждаго русскаго человѣка, нравственно возвышавшагося подъ гнетомъ крѣпостнаго народнаго хозяйства, заволокласъ съ тѣхъ поръ многими черными тучами, не только у насъ, но и во всей образованной Европѣ. Громовые удары соціальнаго (рабочаго) вопроса въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ внушили всюду много сомнѣній относительно безусловнаго оптимизма прежнихъ экономическихъ ученій о непремѣнныхъ благодѣтельныхъ для всего человѣческаго рода послѣдствіяхъ свободы личности и собственности, свободы промышленности и

торговли. Не вдаваясь въ неумѣстное здѣсь обсужденіе этихъ ученій [1]), замѣтимъ только, что основная сущность и истина ихъ нисколько до сихъ поръ не поколеблена, хотя экономическая наука дѣйствительно далеко ушла отъ нихъ впередъ и многое къ нимъ прибавила на почвѣ отношеній государства къ народному хозяйству, и именно къ неимущимъ рабочимъ классамъ. Все это дальнѣйшее развитіе экономическихъ теорій, подъ вліяніемъ новѣйшихъ историческихъ опытовъ, нисколько не привело однако здравую науку къ осужденію свободнаго экономическаго порядка въ обществѣ, если она и убѣдилась, — болѣе, чѣмъ была убѣждена прежде, — что одними экономическими силами общества безъ совокупнаго съ ними дѣйствія силъ нравственныхъ, правовыхъ, политическихъ, общихъ національно-историческихъ силъ, этотъ порядокъ держаться не можетъ. Впрочемъ, излагая экономическую теорію граждански свободнаго общества, мы уже и въ то время не увлекались *исключительностью экономической* точки зрѣнія и не оставались въ невѣдѣніи могущества всѣхъ этихъ иныхъ національно-историческихъ силъ, видоизмѣняющихъ дѣйствіе экономическихъ законовъ и примѣненіе въ государственной практикѣ отвлеченныхъ экономическихъ теоремъ [2]) (см. «Аристократія» и проч. гл. 4: «Гражданская свобода и ея обезпеченія»). Мы неоднократно возвращаемся во всемъ нижеслѣдующемъ трудѣ нашемъ къ мысли о *національно-историческихъ* гражданскихъ формахъ всякаго народнаго хозяйства и о необходимости уваженія къ нимъ во всякихъ, самыхъ либеральныхъ, государственно-хозяйственныхъ мѣропріятіяхъ. Говоря о такъ называемой «либеральной политикѣ» (см. тамъ же), мы понимали ее толь-

[1]) См. объ этомъ въ нашихъ статьяхъ, печатавшихся въ газетѣ «Голосъ» въ 1879 и 1880 гг. подъ заглавіемъ «Соціальный вопросъ». Мы надѣемся, въ скоромъ времени, издать эти статьи отдѣльною книгою.

[2]) Съ этими именно мыслями, незадолго передъ изданіемъ нижеслѣдующихъ статей, мы познакомили публику на страницахъ того же Русскаго Вѣстника съ замѣчательными трудами германскаго писателя Рима.

ко въ этомъ смыслѣ и порицалъ въ немъ всякое отвлеченное космополитическое доктринерство.

Что касается собственно нашего отечества, въ которомъ мы не имѣли и не имѣемъ никакого соціальнаго рабочаго вопроса (въ западно-европейскомъ смыслѣ), то правильность упомянутыхъ выше экономическихъ ученій еще менѣе потрясена у насъ, хотя бы ходъ нашего народнаго и государственнаго хозяйства въ теченіи послѣднихъ 20 лѣтъ и не соотвѣтствовалъ всѣмъ свѣтлымъ ожиданіямъ въ первоначальную эпоху реформъ. Но здѣсь достаточно сдѣлать только одинъ вопросъ: развѣ успѣхи нашего хозяйства пострадали вслѣдствіе вліянія у насъ свободы промышленности и торговли въ эти 20 лѣтъ, вслѣдствіе избытка либерализма въ хозяйственной политикѣ? Отвѣчать на этотъ простой вопросъ мы считаемъ здѣсь излишнимъ. Во всѣхъ остальныхъ работахъ, помѣщаемыхъ въ этой книгѣ, будутъ упомянуты многіе факты, опредѣлившіе собою извѣстный путь нашихъ экономическихъ успѣховъ, вопреки надеждамъ, связаннымъ съ упраздненіемъ крѣпостного хозяйства. Здѣсь скажемъ только, что отождествить привилегированную экономическую свободу, открытую исключительно для биржеваго, банковаго, желѣзно-дорожнаго, акціонернаго аферизма, привилегированную свободу выпусковъ принудительныхъ бумажныхъ денегъ изъ государственнаго банка, привилегированную свободу коммерческихъ операцій въ разныхъ казенныхъ хозяйственныхъ заведеніяхъ, привилегированную свободу наиболѣе захватныхъ общественныхъ классовъ отъ государственныхъ податей, обременяющихъ наименѣе имущіе классы и проч. и проч., — отождествить все это съ «свободою промышленности и торговли», съ равноправною свободою личности и собственности, съ либеральною политикою въ государственномъ хозяйствѣ — это значило бы ни что иное, какъ безсмысленно издѣваться надъ этою политикою, если тѣ, которые это дѣлаютъ, сознаютъ свое дѣло. Правда, что намъ подобныя безсмысленныя поруганія надъ либерализмомъ вошли

въ моду, и что отвѣтственность за нихъ столько же лежитъ на нашихъ консерваторахъ, какъ и на самихъ нашихъ либералахъ.

I.

СОСЛОВНЫЕ ИНТЕРЕСЫ.

Великая реформа (освобожденіе крестьянъ), совершающаяся вокругъ насъ, обняла въ самое короткое время всю умственную дѣятельность нашего отечества. Всякій считаетъ себя обязаннымъ принести на народное дѣло все свое умственное достояніе. И это побужденіе самое естественное. О степени пользы своего посильнаго участія никто не можетъ судить; но всякій хочетъ быть чистъ передъ своею совѣстью, подѣлившись съ обществомъ процентомъ съ того нравственнаго капитала, который пріобрѣтенъ въ личное владѣніе каждаго, только съ помощью всеобщихъ усилій всей прошедшей и настоящей жизни народа. Это послѣднее побужденіе облегчаетъ трудъ говорящаго передъ публикой. Мы имѣли его въ виду и въ нашемъ намѣреніи сообщить нѣкоторыя мысли по поводу крестьянскаго вопроса.

Въ письмѣ нашемъ къ С. Т. Аксакову, [1]) мы говорили о самыхъ общихъ чертахъ совершающейся реформы. Мы выставили ея *идеальный* и вмѣстѣ съ тѣмъ чисто *практическій* характеръ, и заявили желаніе, чтобы разрѣшеніе ея было гармоническимъ соглашеніемъ всѣхъ затрогиваемыхъ ею общественныхъ интересовъ. Теперь мы намѣрены ближе вникнуть въ эти именно интересы, затро-

[1] Въ письмѣ этомъ, напечатанномъ въ Рус. Вѣстникѣ вслѣдъ за Высочайшими Рескриптами объ освобожденіи крестьянъ были высказаны общія мысли объ этомъ предметѣ.

нутые реформою. На первомъ планѣ представляется *сословные интересы*.

Не только у насъ, но и въ западной Европѣ сущность и взаимныя отношенія сословій привлекаютъ къ себѣ съ нѣкоторыхъ поръ особенное вниманіе литературы и публицистики. Въ настоящее время изученію исторіи и общественнаго и политическаго значенія сословій посвящены многіе весьма замѣчательные труды европейскихъ ученыхъ, преимущественно въ Германіи. Завоеваніямъ космополитическаго духа идей XVIII столѣтія явилось могущественное противодѣйствіе со стороны народностей и историческихъ общественныхъ формацій. Многія попытки обобщенія со стороны господствующей идеи естественнаго права людей и общечеловѣческаго просвѣщенія сокрушились во прахъ передъ различіями расы, хозяйства и воспитанія. Различія въ быту, во всѣхъ нравственныхъ возэрѣніяхъ особыхъ классовъ одного и того же общества оказались столь глубоко укоренившимися во всѣхъ условіяхъ умственной и матеріальной жизни принадлежащихъ имъ людей, что возникли такія препятствія къ подчиненію всѣхъ классовъ общества одинаковымъ и тѣмъ же формамъ политической жизни, какихъ и не подозрѣвали въ слѣпомъ поклоненіи требованіямъ отвлеченнаго разума. Препятствія произведены были не стараніемъ нѣсколькихъ людей, упорно держащихся стараго порядка, а самою природою вещей, самою жизнію общества, которую никакая внѣшняя сила не можетъ передѣлать по своему. Полагали достаточнымъ объявить всенародно, что *нѣтъ сословій*, и добросовѣстно убѣждены были, что съ той самой минуты сословія исчезнутъ съ лица земли. И конечно не было недостатка въ матеріальной силѣ, чтобы привести такое желаніе въ исполненіе: французскій конвентъ обладалъ государственною принудительною силою, какою не имѣло можетъ быть никогда ни одно правительство. Не много прошло времени, — и общественныя различія, подавленныя слова и могуществомъ, вступили снова и досель у всѣхъ народовъ сохранились не только очер-

тавія различныхъ общественныхъ формацій или классовъ, но и живыя, развивающіяся особенности быта и понятій и затѣмъ отношеній къ обществу.

Явилась, какъ естественная, необходимая реакція самой жизни, потребность изслѣдовать эти особенности и дать имъ законное мѣсто и удовлетвореніе въ государственномъ устройствѣ. Стали говорить о политикѣ, основанной не на однихъ общихъ началахъ естественной справедливости и государственной необходимости, но и на дѣйствительности той или другой общественной жизни. Реакція, правильная въ своемъ исходномъ пунктѣ, доходитъ иногда въ своихъ притязаніяхъ до чудовищныхъ размѣровъ. Такъ образовалась въ сѣверной Германіи особая партія, стремящаяся къ такъ называемому *органическому разчлененію общества* или ни болѣе, ни менѣе, какъ къ подчиненію общества окостенѣлымъ формамъ феодальныхъ сословій. Такова партія дворянскихъ недорослей въ Пруссіи, или *юнкеровъ* (Junkerthum). У насъ тоже мелькаютъ тамъ и сямъ свои недоросли; но характеръ ихъ стремленій нѣсколько иной, у нихъ недостаетъ многихъ заплатокъ исторіи, которыми владѣютъ чужеземные недоросли. Намъ говорятъ о какихъ-то вотчинныхъ отношеніяхъ нѣкоторыхъ родовъ къ остальному народонаселенію, о какихъ-то родовыхъ привилегіяхъ, но это не искренне: подъ туманными покровами какихъ-то политическихъ убѣжденій, высказываемыхъ безъ всякаго твердаго сознанія, безъ всякой связи съ какими-либо преданіями, кроется чисто промышленный, матеріальный интересъ, который бы выигралъ гораздо болѣе, еслибъ откровенно выдвигали его впередъ и прямодушно становились подъ его знамя. Во всякую эпоху найдутся люди, готовые воспользоваться всякою струею умственнаго движенія для своихъ исключительно-личныхъ интересовъ, забывая необходимое условіе, оправдывающее проявленіе личныхъ интересовъ, и состоящее въ выгодѣ, извлекаемой изъ нихъ всѣмъ обществомъ. Такія притязанія въ свою очередь являются всегда оторванными отъ исторі-

ческой почвы. Общественныя сословія и классы у всякаго историческаго народа подлежатъ безконечнымъ видоизмѣненіямъ и безконечному развитію; въ нихъ, какъ во всѣхъ формахъ народнаго быта, живетъ духъ всемірной исторіи, духъ общечеловѣческаго обновленія и прогресса. Чтобы понять этотъ духъ, уловить законъ его развитія, понять идею, влекущую всѣ человѣческія общества къ раздѣленію на особенныя группы, необходимо вникнуть во всѣ формы, пройденныя идеею въ прошедшей дѣйствительности; но принять какую-либо изъ этихъ формъ за постоянную было бы насиліемъ противъ самой исторіи.

Въ постепенномъ образованіи и перерожденіи общественныхъ классовъ или состояній у всѣхъ народовъ лежитъ нѣсколько началъ, всѣмъ имъ общихъ и вытекающихъ изъ самыхъ непреложныхъ законовъ развитія человѣческаго духа и общественной жизни. Первое условіе и первый признакъ малѣйшаго успѣха гражданственности есть *раздѣленіе труда*. Я говорю здѣсь о раздѣленіи труда въ самомъ обширномъ смыслѣ, а не о томъ, которое мы видимъ на фабрикахъ, гдѣ одинъ тянетъ ленъ, другой промываетъ его, третій прядетъ нитку, четвертый ткетъ и т. д. Впрочемъ и такое *чисто-промышленное* раздѣленіе труда основано на томъ же самомъ законѣ человѣческой дѣятельности, по которому раздѣленіе частей всякой работы между нѣсколькими людьми усиливаетъ производительность каждаго человѣка, и потому увеличиваетъ количество работы, совершаемой всѣми этими людьми сравнительно съ тѣмъ ея количествомъ, которое было бы сдѣлано всѣми ими, еслибъ каждый изъ нихъ участвовалъ во всѣхъ частяхъ работы или производилъ всю работу совершенно независимо отъ другихъ. Но въ промышленности раздѣленіе труда только увеличиваетъ и улучшаетъ массу произведеній, его послѣдствія техническія: въ кругу развитія всей совокупности общественной жизни, въ пространствѣ и во времени, раздѣленіе труда дѣлаетъ возможнымъ удовлетвореніе совершенно новыхъ, безъ него не существовавшихъ, потребностей, видоизмѣ-

ність цѣлыя страны и направленіе жизни народовъ, создаетъ историческія эпохи. У кочевыхъ народовъ всѣ занятія смѣшаны, всѣ они одинаковы у каждаго человѣка; лишь только нѣкоторые изъ нихъ остановились, осѣли на земной поверхности, то есть занялись преимущественно какою-нибудь одною работою, скотоводствомъ или земледѣліемъ, удовлетвореніемъ потребности пищи и одѣянія для себя и для прочихъ своихъ сотоварищей, предоставивъ послѣднимъ защищать себя и ихъ отъ внѣшняго врага: такъ начинается первая фаза историческаго развитія народа, первая выдѣляющаяся эпоха во мракѣ доисторическихъ временъ. Раздѣленіе занятій идетъ далѣе: вокругъ земледѣлія и скотоводства сосредоточиваются одни роды, вокругъ промышленности и торговли другіе; отдѣляются городскія населенія отъ сельскихъ, и историческія судьбы народа быстро подвигаются впередъ.

Нѣкоторые роды занятій, какъ, напримѣръ, земледѣліе и торговля, различіемъ внѣшнихъ, матеріальныхъ условій соотвѣтствующаго имъ образа жизни даютъ особенное направленіе мыслямъ и чувствамъ сельскаго и городскаго населенія, обусловливаютъ собою различное участіе каждаго изъ нихъ въ общихъ народныхъ предпріятіяхъ и дѣлахъ. Различіе этихъ матеріальныхъ условій быта тѣмъ рѣзче, чѣмъ далѣе восходимъ мы къ младенчеству народовъ; и тѣмъ болѣе сглаживается, чѣмъ болѣе мы приближаемся къ эпохѣ зрѣлости каждаго отдѣльнаго народа и вообще къ новѣйшему времени. Чѣмъ менѣе образованъ человѣкъ, тѣмъ зависимѣе онъ, какъ относительно своего образа жизни, такъ и во всѣхъ своихъ умственныхъ и нравственныхъ побужденіяхъ, отъ внѣшней, матеріальной обстановки своихъ занятій. Но независимо отъ этихъ личныхъ причинъ, совокупные успѣхи всего человѣчества имѣютъ могущественное вліяніе на обобщеніе образа жизни и наклонностей всѣхъ группъ народонаселенія: мы видимъ, что въ настоящее время сведено болѣе обобщаются даже матеріальныя условія различныхъ родовъ дѣятельности: системы земле-

дѣлія непосредственно подчиняются съ одной стороны открытіямъ естественныхъ наукъ, а съ другой стороны требованіямъ торговли и промышленности: торговля требуетъ съ одной стороны строгихъ свѣдѣній въ техническихъ производствахъ, съ другой стороны политико-экономическихъ и географическихъ свѣдѣній; и всякое ученое предпріятіе имѣетъ свою промышленную сторону. Къ этому еще надо замѣтить, что новѣйшіе способы сообщенія вещей и мыслей, въ самомъ обширномъ смыслѣ этихъ словъ, вызываютъ человѣка умственно и матеріально изъ тѣсныхъ затворовъ его рабочей сферы и обобщаютъ образъ жизни во всѣхъ родахъ дѣятельности. *Занятія ежедневно болѣе специализируются по предмету, но тѣмъ и ежедневно болѣе обобщаются въ средствахъ, въ орудіяхъ.* Мнѣ кажется, что эта черта современной жизни довольно очевидна и крупна, чтобъ оправдать мою, можетъ-быть, излишнюю смѣлость такъ рѣзко формулировать ее какъ законъ общественнаго развитія.

Особенность *общественнаго* раздѣленія труда, идущаго параллельно съ развитіемъ народа, всегда и всюду расчленяющая его на группы, особенность, которая заслуживаетъ преимущественно вниманія въ исторіи сословій, это чисто *нравственное* его значеніе. Какія бы ни высказывались эксцентрическія воззрѣнія на жизнь человѣка на землѣ, какія бы ни проявлялись чудовищныя злоупотребленія отдѣльныхъ лицъ силами, данными человѣку Творцомъ, но нравственныя цѣли преобладаютъ и во всей исторіи человѣчества, и въ современномъ образованномъ мірѣ. Онѣ преобладаютъ по волѣ Провидѣнія и часто преобладаютъ безъ всякаго сознанія людей, общественныхъ классовъ, народовъ, служащихъ только конечнымъ звѣномъ сосудомъ нравственныхъ началъ, положенныхъ въ основаніи общечеловѣческаго просвѣщенія. Лишь только являются въ народѣ пробѣлки нравственныхъ и умственныхъ потребностей, является и раздѣленіе труда, ибо безъ послѣдняго невозможно никакое удовлетвореніе пер-

ныхъ. Для того, чтобъ одинъ сложилъ сказку или пѣсню, сообразилъ какъ защитить границы отъ врага, разрѣшилъ возникшія распри, произнесъ проповѣдь, наконецъ чтобъ одинъ *мыслилъ*, нужно, чтобы другой изготовилъ для него съѣстные припасы, жилище, одежду. Мысль требуетъ *досуга* отъ матеріальной работы: напряженіе мозга не можетъ происходить въ одно время съ напряженіемъ мышцъ. Въ первую эпоху исторіи народа, досуга для удовлетворенія умственныхъ и нравственныхъ потребностей нужно еще болѣе, чѣмъ въ послѣдующія, ибо мозгъ и мышцы работаютъ грудно, чѣмъ менѣе упражняютъ ихъ. Затѣмъ при одномъ родѣ занятій возможно больше умственнаго и нравственнаго развитія, чѣмъ при другомъ: одни держатъ человѣка въ болѣе тѣсной связи съ грубыми силами природы, другія менѣе. Такъ распредѣляется между разными частями народонаселенія трудъ и съ нимъ умственныя занятія и *неравенство степеней умственнаго и нравственнаго развитія*, обращающееся въ принадлежность личностей, родовъ, цѣлыхъ частей народонаселенія. Великое различныхъ общественныхъ обязанностей общество присвоиваетъ своимъ различнымъ членамъ различныя по качеству и количеству *имущества*. Разнообразіе имуществъ развивается параллельно съ развитіемъ общества. Какъ имущество каждаго отдѣльнаго лица, или совокупность всѣхъ принадлежащихъ ему матеріальныхъ силъ обезпечиваетъ для него лично возможность досуга, возможность удовлетворенія нѣкоторыхъ нравственныхъ и умственныхъ потребностей, такъ и *имущественныя различія* въ разныхъ группахъ народонаселенія обезпечиваютъ удовлетвореніе умственныхъ и нравственныхъ потребностей въ цѣломъ народѣ, обезпечиваютъ *народный досугъ*. Таково значеніе различій состояній, осмысленное и оправданное закономъ общественнаго развитія. Лишь только одинъ изъ классовъ общества утрачиваетъ изъ виду свою общественную нравственную задачу, лишь только имущество дѣлается въ рукахъ его средствомъ пріобрѣтенія неза-

чительно своихъ собственныхъ цѣлей, оторванныхъ отъ интересовъ всего общества, отъ его нравственной, общечеловѣческой задачи. Тотчасъ этотъ общественный классъ теряетъ свое общественное значеніе, свою причину жизни, свою органическую связь съ прочими классами и обращается въ тягость для нихъ. Никакія государственныя привилегіи не могутъ замѣнить внутреннее, нравственное содержаніе общественнаго класса, внутреннее самопроизвольное въ немъ сознаніе его общественнаго *призванія*. Присвоеніе промышленныхъ монополій хозяйствамъ, распадающимся отъ внутренняго безпорядка и бездѣйствія, можетъ только заслонить отъ ослѣпленныхъ своимъ собственнымъ величіемъ глазъ печальную картину разложенія въ этихъ хозяйствахъ, но рано или поздно этимъ разложеніемъ овладѣетъ общее экономическое движеніе страны. Присвоеніе путемъ законодательства умственныхъ льготъ также не можетъ восполнить внутреннюю бѣдность умственныхъ и нравственныхъ силъ, и рано или поздно она должна уступить общему умственному движенію страны. Независимо отъ воли членовъ различныхъ группъ народонаселенія, распредѣленіе умственныхъ и нравственныхъ преимуществъ въ народѣ измѣняется подъ вліяніемъ силы времени и успѣховъ всего образованнаго общества. Запасы умственныхъ и матеріальныхъ благъ естественно прирастаютъ въ обществѣ и во всѣхъ его слояхъ; удовлетвореніе умственныхъ потребностей въ какомъ слоѣ постепенно становится независимѣе отъ прочихъ слоевъ. Техническія усовершенствованія все болѣе и болѣе освобождаютъ трудъ человѣка отъ напряженія мышцъ и даютъ мѣсто воспрянуть въ немъ высшимъ побужденіямъ разума и сердца. Съ каждымъ днемъ число участниковъ въ нравственныхъ и умственныхъ отправленіяхъ общества возрастаетъ.

Указавъ на нѣкоторыя, главнѣйшія начала образованія и развитія классовъ общества, изложу въ самомъ [illegible]омъ очеркѣ различныя формы, которыя присвоиваются имъ исторіею.

Самое, сколько извѣстно, древнее, самое утлонное и самое упорное къ преобразованіямъ, раздѣленіе народа на составныя части или группы — это *касты*. Система кастъ, получившая самое полное свое развитіе въ Индіи, зиждется на двухъ началахъ, воплотившихся въ ней самымъ крайнимъ и одностороннимъ образомъ и какъ будто оцѣпенѣвшихъ въ ней: 1) Исключительное преобладаніе *расы*, или наслѣдственность крови, въ противоположность личному разнообразію. Индійское названіе кастъ: *варна*, краска. Чѣмъ выше каста, тѣмъ чище бѣлая раса; чѣмъ ниже, тѣмъ краска болѣе смѣшана, преимущественно съ кровью черной расы. Въ самой низшей кастѣ преобладаетъ черная краска. 2) Вѣрованіе въ различіе кастъ или породъ, какъ божеское устроеніе. Это вѣрованіе, возвышаемое Платономъ въ его идеальномъ государствѣ разными искусственными мѣрами, во всей своей силѣ примѣнено къ дѣйствительности у Индійцевъ. Самая высшая каста, *брахмана*, вошла, согласно индійскому мнѣнію, изъ устъ божества: въ ней сохранилась самая чистая арійская кровь, хотя не вовсе безъ примѣси другихъ элементовъ. Брахманы — живое слово божіе, чистѣйшее и совершеннѣйшее выраженіе сущности божества. Имъ принадлежитъ служеніе религіи и наукѣ. Они же пекутся объ общественной справедливости. Ничтожнѣйшій изъ брахмановъ почитается выше царя. Они имѣютъ по преимуществу высшую, божескую природу; если имъ позволено брать на себя свѣтскія должности и вмѣшиваться въ земныя дѣла, то во всякомъ случаѣ они должны содержать себя въ чистотѣ отъ всякаго матеріальнаго наслажденія; кто чѣмъ нибудь дотронется до брахмана, тотъ подвергается вѣчному проклятію. Вторая каста, каста *кшатріевъ*, создана изъ рукъ божества; изъ ея среды происходятъ цари. Кшатріи воплощаютъ въ себѣ силу и внѣшнее могущество; это каста воиновъ и такъ-называемыхъ благородныхъ людей или дворянъ. Имъ не воспрещается торговля; но военное дѣло составляетъ ихъ настоящее призваніе. Третья каста — *вайсіи* — про-

изошла изъ бедра божества. Имъ принадлежатъ болѣе благородныя ремесла: скотоводство, земледѣліе, торговля. Наконецъ четвертая низшая каста, *судры*, происходитъ изъ ногъ божества. Она состоитъ изъ всей массы низшихъ служителей; эта группа народонаселенія находится въ услуженіи прочихъ. Созданная для матеріальной работы, она вовсе не допускается къ чтенію священныхъ книгъ. Для полнаго брака требуется равенство происхожденія сочетающихся. Впрочемъ мущина высшей касты можетъ вступить въ бракъ съ женщиной низшей касты, но не наоборотъ. Изъ неравныхъ браковъ возникли смѣшанныя званія. Переходъ изъ одной касты въ другую допускается лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ: совершенная замкнутость касты есть ея основное правило. Очевидно, что учрежденіе кастъ въ высшей степени противно развитію и совершенствованію человѣка и общества. Замѣчательно, что народы Индіи никогда не могли, со своими кастами, создать прочные государственные организмы, какіе не могли сохранить никакой національной самостоятельности, несмотря на то, что Индійцы соплеменны европейскимъ народамъ, достигшимъ въ своей исторіи самаго высшаго государственнаго благоустройства. То убѣжденіе, что каждый навѣки заперт въ своей кастѣ, уничтожаетъ всякое усиліе воли въ людяхъ низшихъ состояній и поддерживаетъ высокомѣрную неподвижность въ высшихъ. Все существованіе человѣка, весь порывъ его ума и сердца прикрѣпленъ къ наслѣдственнымъ преданіямъ, отъ которыхъ онъ не можетъ оторваться никакими усиліями духа. Отдѣльная личность должна совершать только то, что̀ поставлено въ обязанность касты. Осужденный вращаться всѣми своими помыслами въ узкихъ границахъ своей касты, отдѣльный человѣкъ не имѣетъ никакого сочувствія къ величію и благосостоянію всего своего отечества.

Говоря о томъ, чего не даетъ обществу и чему препятствуетъ система кастъ, не должно упускать изъ виду и то, что̀ она положительно производитъ. Касты по преимуществу благопріятны для сохраненія существующей

культуры народа. Въ сравненіи съ непрерывно-измѣняющеюся культурою европейскихъ народовъ, то-есть совокупностію формъ всѣхъ экономическихъ и нравственныхъ отношеній, насъ поражаетъ неподвижность формъ быта индійскихъ народовъ. Въ XV вѣкѣ до Рождества Христова система каст была уже въ полномъ развитіи. Нѣкоторое время буддизмъ угрожалъ разрушеніемъ каст, но онъ былъ побѣжденъ непреодолимою силою оцѣпенѣнія брамизма, и касты процвѣтаютъ въ Индіи до сихъ поръ, несмотря на продолжительное господство магометанъ и потомъ христіанъ.

Мы не должны легкомысленно относиться съ презрѣніемъ къ индійскимъ кастамъ, самодовольно помышляя объ огромномъ разстояніи, отдѣляющемъ насъ и нашу образованность отъ этого первобытнаго учрежденія; мы не должны смотрѣть на него только какъ на археологическую рѣдкость, годную для изслѣдованій ученыхъ или для возбужденія праздная любопытства. Индійскія касты еще не превратились для европейскихъ обществъ въ окаменѣлую мумію, которая потеряла всякую связь съ остальнымъ человѣчествомъ. Касты — прототипъ сословій; въ понятіяхъ общественнаго быта, на нихъ основаннаго, скрываются зародыши многихъ предразсудковъ, съ которыми еще не совершенно покончили образованные народы; въ этомъ мірѣ историческихъ катакомбъ многіе современные люди пайдутъ своихъ родственниковъ по духу и сочувствію. Въ кастахъ мы можемъ между прочимъ изучить могущество наслѣдственнаго *права крови*, которое нигдѣ не достигло такихъ громадныхъ, чудовищныхъ размѣровъ, какъ здѣсь.

Праву рожденія, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ еще и нынѣ важное значеніе и въ обществѣ и въ государствѣ. Оно охраняетъ связь прошедшаго съ будущимъ, говоритъ одинъ изъ замѣчательныхъ современныхъ ученыхъ и публицистовъ, Блунчли; оно заключаетъ въ себѣ ту непрерывность жизни общественнаго и государственнаго организма, которая переходитъ далеко за пре-

дѣлы жизни отдѣльной личности. Но гдѣ оно царствуетъ надъ всѣми людскими отношеніями, тамъ изнемогаютъ перетъ нимъ всѣ лучшія человѣческія силы; политическая жизнь чахнетъ, и государство распадается. Конечно, призракъ, внѣшнія очертанія государства могутъ еще долго оставаться, какъ въ Индіи, и сохраниться въ теченіи вѣковъ, какъ набальзамированная мумія; но это только бездушный призракъ, въ немъ нѣтъ духа, движенія и успѣха, оживляющаго человѣческое общество и дающаго прочность политической жизни. Когда брагманы своимъ сверхъестественнымъ и прирожденнымъ величіемъ превосходятъ все остальное общество, то какъ можетъ возникнуть рядомъ съ ними герой или государственный человѣкъ съ мужественнымъ самосознаніемъ, съ рѣшимостію дѣйствовать во имя силъ своей собственной личности? Высокомѣрный брагманскій жрецъ, нимало не заботящійся о благѣ всего общества, живущій безысходно въ мірѣ созерцанія, стоитъ неизмѣримо выше такихъ людей, остается несравненно лучшимъ и благороднѣйшимъ существомъ, даже когда они принесли въ жертву обществу всѣ лучшія свои силы и способности.

Система кастъ не совмѣстима съ духомъ христіанской религіи и съ государственными и общественными отношеніями, устроившимися на его началахъ. Раздѣленіе на касты не можетъ устоять передъ постепенно развивающимся въ народѣ воззрѣніемъ, что всѣ его члены — дѣти одного и того же Бога, что всѣ, въ одинаковой мѣрѣ, призваны вкусить благъ и горечи жизни.

Въ исторіи европейскихъ народовъ мы находимъ вездѣ, на мѣсто кастъ, *сословія*. Какъ касты, такъ и сословія представляются системою органическаго расчлененія народа на нѣсколько составныхъ частей. Но сословія уже не столь окоченѣлыя формаціи общества, какъ касты. Они положительно отличаются отъ послѣднихъ уже тѣмъ, что подчинились движенію исторіи и имѣли свое развитіе. Уже у европейскихъ народовъ мы можемъ замѣтить

самыя разнообразныя формы для сословныхъ общественныхъ союзовъ; эти союзы не неподвижны, но имѣютъ свою исторію, богатую внутренними переворотами.

Древнѣйшая форма сословій напоминаетъ еще касты. Въ первыя времена исторіи европейскихъ народовъ сословія были еще *наслѣдственными состояніями*, а ихъ свойства указываютъ на внутреннее родство съ индійскою системою каст. Здѣсь можно найдти даже подобныя индійскимъ миѳическія представленія о божескомъ происхожденіи сословій. Такъ, по германскимъ сказаніямъ, послѣ Одды произвелъ Богъ Ригръ, въ своихъ странствованіяхъ, сперва Трала (Thräl), праотца рабочаго народонаселенія, потомъ свободнаго Карла, праотца свободныхъ крестьянъ, наконецъ благороднаго Ярла, котораго онъ научилъ метать копья и которому онъ ввѣрилъ священную тайну рунъ. И эти сословія были различнаго цвѣта лица и тѣлосложенія, благородные имѣли свѣтлые волосы и свѣтящіяся щеки, слуги — безобразныя лица и грубое тѣло. Съ брагманами можно сравнить гальскихъ *друидовъ*, которымъ также исключительно принадлежали богослуженіе, наука и судъ. Но и друиды, и еще болѣе дохристіанскіе жрецы древней Германіи, кажется, были въ болѣе близкомъ родствѣ и союзѣ съ народными аристократическими родами, чѣмъ брагманы съ кшатріями. Древняя аристократія, или сословіе благородныхъ, которыхъ можно найти всюду въ первоначальной исторіи западноевропейскихъ народовъ, была наслѣдственная и обыкновенно соединяла въ себѣ важнѣйшія должности двухъ высшихъ каст. Полагаютъ, что это соединеніе могло быть послѣдствіемъ потрясеній и переворотовъ, во времена еще до-историческія. Наслѣдственность древней аристократіи уже явствуетъ изъ самыхъ ея названій: такъ эвпатриды у Грековъ, патриціи у Римлянъ, адалинги (adal — родъ) у Германцевъ. Миѳическія сказанія всюду возводятъ происхожденіе высшихъ княжескихъ родовъ къ богамъ и героямъ. Первобытная аристократія западно-европейскихъ народовъ имѣетъ въ своемъ завѣщаніи: богослу-

женіе, науку, судъ; ей принадлежатъ высшія общественныя и военныя должности. Они не занимаются ремеслами; имѣютъ людей въ своемъ услуженіи; господствуютъ въ своихъ имѣніяхъ и избираютъ для своихъ жилищъ возвышенныя мѣста и горы.

Свободные люди образуютъ у Грековъ, Римлянъ и Германцевъ зерно собственно народа, демоса. На нихъ зиждется сила государственнаго и общественнаго организма. Аристократическіе роды стоятъ выше ихъ, но не такъ, какъ высшая индійская каста, не какъ существа совершенно другой природы; они соединяются съ свободными людьми въ одно цѣлое, на почвѣ общенароднаго права; они имѣютъ нѣкоторыя съ ними общія права и обязанности въ отношеніи къ государству, хотя и пользуются нѣкоторыми отличіями. Сперва свободные люди занимаются преимущественно земледѣліемъ, въ послѣдствіи торговлею. Ихъ образъ жизни можно сравнить съ индійскими ваисіями, но они стоятъ нѣсколько выше и независимѣе, принимаютъ участіе въ войнахъ и пользуются въ общинахъ большею самостоятельностію. Наконецъ можно найдти въ древней Европѣ слѣды четвертаго сословія или низшей касты: пелаты, пенесты и оеты (отчасти можетъ-быть метеки) у Грековъ, кліенты у Римлянъ, Галловъ, Бриттовъ, леты (hörige Leute) у Германцевъ. Они хотя принадлежатъ къ общему гражданскому составу народа, но сосредоточиваются около богатыхъ и сильныхъ людей, патроновъ, отъ которыхъ и зависятъ въ своемъ бытѣ. Вольноотпущенники преимущественно вступали въ разрядъ этихъ людей.

Я былъ указалъ на эти зародыши сословій, чтобы доказать, какъ глубоко коренятся въ исторіи западно-европейскихъ народовъ сословныя различія. Въ теченіи среднихъ вѣковъ эти общественные союзы крѣпнутъ, замыкаются все болѣе и болѣе: въ виду всеобщаго насилія они стремятся оградить неприкосновенность личности и имущества обособленіями корпоративнаго духа и различными мѣстными и сословными правами и льготами, подтвержденными го-

сударственною властію и законодательствомъ. Дворянство окружаетъ свои поземельныя владѣнія, которыми оно надѣлено за военную службу и завоеванія, различными привиллегіями политическими, судебными, промышленными. Городское сословіе, или мѣщанство, образовываетъ независимыя общины и цѣхи, пользующіяся особыми вольностями и монополіями. Крестьяне ищутъ покровительства у богатыхъ землевладѣльцевъ и казны, и за обезпеченіе своей безопасности отдаютъ имъ свою личную свободу и свою поземельную собственность. Наконецъ духовенство: высшее защищается въ замкахъ, низшее въ монастыряхъ, и все вообще въ неприкосновенной оградѣ церкви. Съ развитіемъ науки, промышленности и торговли, всѣ сословія въ продолженіи нѣкотораго времени стремятся, кажется, еще болѣе обособиться и охранить отъ внѣшняго насилія свое ремесло и связанное съ нимъ имущество, помощью разныхъ исключительныхъ правъ и привиллегій. Всякаго рода монополіи со всѣхъ сторонъ перекрещиваются въ средневѣковомъ обществѣ. Всѣ сословія получаютъ свое особенное мѣсто въ государствѣ и свои особенныя права и обязанности въ отношеніи къ государственной власти. Каждое сословіе, каждый округъ, каждый центръ народонаселенія имѣетъ свою особенную юрисдикцію, свою особенную податную систему, свои особенныя политическія права, свою особенную политическую организацію. Всѣ эти особенности не свободно истекаютъ изъ естественныхъ условій той или другой дѣятельности людей, пользующихся этими правами: эти права не добровольно имъ уступлены со стороны прочихъ членовъ общества: они захвачены силою, и поддерживаются принужденіемъ или покровительствомъ со стороны мѣстныхъ и верховныхъ властей. Все равно, являлось ли это покровительство положительнымъ образомъ, то-есть, въ видѣ непосредственной раздачи привиллегій, или же отрицательнымъ, то-есть, въ неоказаніи защиты слабѣйшимъ членамъ общества противъ правъ, насильственно присвоенныхъ себѣ сильнѣйшими. Такова были всѣ господскія

права владѣтелей рыцарскихъ имѣній надъ мѣстными жителями, внутреннія таможенныя заставы, возвышавшіяся ими противъ сосѣдняго народонаселенія. Такова монопольная организація цеховъ, привилегіи мастеровъ, законы привилегіи монастырей и поборы духовенства и проч. Всѣ эти исключительныя права, отрицаемыя можетъ статься исторической необходимостью развитія европейскихъ обществъ, какъ послѣдствія необходимой обороны личности и труда отъ грубаго матеріальнаго насилія, всюду распространеннаго въ средневѣковомъ обществѣ, какъ послѣдствія завоеванія и всякаго рода захвата, сдѣлались съ успѣхами образованности и промышленности жестокимъ игомъ, тяготѣвшимъ надъ массою народа и оковами для его дѣятельности. Съ великими открытіями и изобрѣтеніями, ознаменовавшими собою начало исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ, начинается періодъ всеобщаго освобожденія мысли, труда и собственности въ западной Европѣ. Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ въ Англіи, и можетъ-быть только въ Англіи, этотъ процессъ совершается естественнымъ путемъ взаимныхъ и добровольныхъ уступокъ со стороны самыхъ сословій: въ остальныхъ онъ происходитъ подъ непосредственною опекою центральной государственной власти, уничтожающей привилегіи и стремящейся примирить интересы сословій формальнымъ опредѣленіемъ ихъ взаимныхъ обязанностей. Сословія, лишаясь своихъ политическихъ и юридическихъ привилегій и промышленныхъ монополій, постепенно принимаютъ формы *общественныхъ классовъ*, совершенно равныхъ въ своихъ отношеніяхъ къ закону, суду и фиску, и только отличающихся между собою общимъ характеромъ занятій, сосредоточивающихъ около себя ту или другую группу народонаселенія. Ихъ взаимныя права и обязанности болѣе и болѣе опредѣляются, но уже не закономъ, а взаимными свободными мѣнами услугъ и труда. Но въ процессѣ уничтоженія сословныхъ привилегій посредствомъ централизующей государственной власти образовалась во всѣхъ европейскихъ госу-

дарствахъ особенная общественная группа, *бюрократія*: ея дѣятельность, значеніе и сила очевидно обусловливаетъ степенью взаимныхъ отношеній между сословіями. Разъ собранная въ одну руки сила и власть не легко покидается, ибо около нея сосредоточиваются личные интересы, не легко разстающіеся съ выгодами, сопряженными съ властью. Эти личные интересы, получившіе жизнь, хотя и необходимую вслѣдствіе вражды сословій, но во всякомъ случаѣ чужеядную, зависящую отъ временной необходимости, обращаются въ свою очередь въ гнетъ для народной дѣятельности. Группа бюрократіи должна восполнить собою только недостатокъ самообладанія и самоуправленія въ различныхъ группахъ народонаселенія, она не производитъ никакой цѣнности, могущей вступить въ свободное народное обращеніе, она не представляетъ собою никакой спеціальной отрасли человѣческой дѣятельности умственной или матеріальной. Но вмѣшательство бюрократіи рѣдко останавливается на рубежѣ лишь временнаго согласія сословныхъ интересовъ, оно распространяется далѣе, захватываетъ въ свои руки постоянное надъ ними попечительство и для этого подчиняетъ частную жизнь цѣлой системѣ стѣснительнаго контроля и такъ называемой *подвластности*, пагубно дѣйствующихъ на развитіе науки и промышленности. Съ другой стороны, бюрократія создаетъ въ обществѣ цѣлый, особый классъ людей, которыхъ ремесло и способы жизни основаны не на свободномъ признаніи цѣнности ихъ труда со стороны прочихъ членовъ общества, а на случайныхъ отношеніяхъ къ представителямъ власти и на случайныхъ государственныхъ потребностяхъ времени. Поэтому бюрократическая дѣятельность и сама является монополіею подъ дѣятельности прочихъ привилегированныхъ группъ народонаселенія. Она не находитъ, какъ всѣ прочія отрасли труда, естественнаго для себя ограниченія въ свободной конкуррепціи производящихъ и потребляющихъ: ея произведенія не принимаются потребителями по свободной вы[illegible] по опредѣленной цѣнѣ,

образуемой всею совокупностью расходовъ государственнаго управленія. Очевидно, что такой промыселъ весьма шатокъ и ненадеженъ, и потому чѣмъ болѣе обширна группа народонаселенія, съ нимъ связанная, тѣмъ хуже онъ имѣетъ вліяніе на развитіе дѣятельности въ обществѣ. Итакъ, чѣмъ уступчивѣе относятся между собою сословія, чѣмъ умѣреннѣе они въ своихъ взаимныхъ требованіяхъ, тѣмъ менѣе они даютъ мѣста бюрократіи, которая въ свою очередь можетъ наступить на нихъ; общее стремленіе всѣхъ сословныхъ интересовъ должно заключаться въ томъ, чтобы добровольно и своевременно сдѣлать уступки, которыя бы пришлось позже сдѣлать недобровольно, черезъ посредничество бюрократіи. Съ другой стороны, прямой интересъ государственной власти заключается въ томъ, чтобы какъ можно менѣе надѣлять сословія привиллегіями, которыя ей самой придется въ послѣдствіи отбирать. Чѣмъ менѣе вмѣшивается бюрократія въ частные интересы, тѣмъ менѣе развивается въ обществѣ потребность ограничивать стѣснительность ея дѣйствій.

Процессъ уравненія сословныхъ преимуществъ, политическихъ, юридическихъ, нравственныхъ и экономическихъ, проявляется въ двухъ видахъ: *отрицательномъ* и *положительномъ*. Въ первомъ дѣйствуетъ государство или органъ государственной власти, упраздняя привиллегіи, освященныя законодательствомъ. Второй процессъ, самый дѣятельный, происходитъ на почвѣ частной жизни народа, когда нравственный и матеріальный бытъ всѣхъ классовъ общества уравнивается успѣхами образованности и промышленности.

При зрѣломъ обсужденіи сословныхъ интересовъ въ новѣйшее время мы легко замѣтимъ, какъ далеко ушли современные классы общества отъ первоначальныхъ своихъ типовъ, и какъ всѣ они находятся въ самой тѣсной взаимной гармоніи:

1. *Право крови или рожденія.* Обязательная для каждаго члена общества принадлежность къ классу, въ

которомъ онъ рожденъ, всюду исчезла въ Европѣ. Право рожденія — привилегія для однихъ классовъ и тяжкій гнетъ для другихъ — было не легко уступлено привилегированными классами. Но оно по необходимости должно было замѣниться свободнымъ избраніемъ занятій. *Во-первыхъ*, чисто физіологическое вліяніе крови тѣмъ слабѣе, чѣмъ болѣе распространена образованность; въ образованномъ народѣ признаки родоваго происхожденія всегда менѣе рѣзки, чѣмъ въ народѣ грубомъ и дикомъ. *Во-вторыхъ*, всякій трудъ тѣмъ болѣе производителенъ, чѣмъ болѣе онъ соотвѣтствуетъ личнымъ вкусамъ и способностямъ трудящагося; между тѣмъ умственныя и матеріальныя условія успѣшности труда, спеціальныя познанія и капиталъ, въ новѣйшее время пріобрѣтаются несравненно легче, чѣмъ прежде. Публичное воспитаніе и книгопечатаніе постепенно освобождаютъ человѣка отъ деспотическаго преобладанія надъ нимъ той нравственной атмосферы, тѣхъ условій быта, посреди которыхъ онъ родился и провелъ первую часть своей жизни. Масса капиталистовъ постоянно возрастаетъ; всякаго рода капиталы сдѣлались чрезвычайно подвижными; они легко переходятъ изъ рукъ, непользующихся ими, въ руки людей, умѣющихъ употреблять ихъ производительнымъ образомъ. Но если пріобрѣтеніе и накопленіе капиталовъ значительно облегчились въ новѣйшее время, то новѣйшія формы и системы кредита еще болѣе упростили наемъ капиталовъ или пользованіе ими. Въ этомъ отношеніи безъ всякаго сомнѣнія представляется впереди еще болѣе блестящая будущность; въ настоящую минуту трудно даже опредѣлить развитіе, которое способенъ имѣть публичный кредитъ, при успѣхахъ общественной нравственности и полномъ обезпеченіи внутренней и внѣшней безопасности лицъ и имуществъ. Какъ производительность всякаго труда и капитала есть не только личная выгода трудящагося, но и выгода для всего общества, то вообще распредѣленіе имуществъ и работъ въ обществѣ по вкусамъ и способностямъ, а не по от-

ношеніямъ рожденія, составляетъ одинъ изъ главныхъ общественныхъ интересовъ, и мы дѣйствительно видимъ, что таково направленіе общественной жизни у всѣхъ народовъ преуспѣвающихъ. *Въ-третьихъ*, наконецъ, нельзя упускать изъ виду еще одинъ законъ историческаго развитія общества, могущественно, и едва ли не могущественнѣе всѣхъ другихъ, противодѣйствующій исключительному сосредоточенію человѣческихъ силъ около родовыхъ центровъ. Чѣмъ замкнутѣе сословный союзъ, чѣмъ менѣе сословные союзы взаимно мѣняются своими членами, тѣмъ скорѣе истощаются внутреннія силы сословія. Мы замѣчаемъ постоянный упадокъ родовъ, размножающихся исключительно браками между родственниками. Англійская аристократія, отличающаяся своею живучестью отъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ аристократій, находится въ непрерывномъ обмѣнѣ членовъ съ прочими классами народа, въ которые переходятъ всѣ меньшіе сыновья лордовъ, и изъ которыхъ постоянно вступаютъ въ аристократію женщины и лучшіе граждане на всѣхъ поприщахъ дѣятельности. Этому послѣднему обстоятельству обязана можетъ-быть болѣе всего англійская аристократія своею силою и своею популярностію. Нравственная атмосфера семейства и всякихъ бытовыхъ кружковъ необходимо требуетъ прилива новыхъ личностей, съ новыми нравственными элементами, понятіями, преданіями. Во всякомъ замкнутомъ кружкѣ людей, тѣмъ болѣе въ кружкѣ семейномъ, горизонтъ понятій быстро съуживается и воззрѣнія людей ошибаются. Для движенія жизни личной, точно такъ же какъ и общественной, нужно постоянное столкновеніе, смѣшеніе, борьба понятій; всякая новая личность вноситъ въ тѣсный семейный кругъ нѣкоторый разладъ въ понятіяхъ и обычаяхъ сложившихся, заставляетъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что привыкли дѣлать по рутинѣ, безъ размышленія, заставляетъ кружокъ обновиться. Столкновеніе людей и понятій въ сферѣ личной жизни не такъ дѣйствительно какъ въ семейной; на улицѣ, въ публичномъ собраніи, въ политиче-

скихъ кругахъ можно обойдти, избѣгнуть человѣка, съ которымъ не сходишься въ мысляхъ; въ семействѣ его не обойдешь и не избѣгнешь; — не обойдешь и не избѣгнешь вліянія его мыслей, съ которыми во что бы то ни стало приходится бороться или уступить, подчиниться имъ.

Но каковы бы ни были умственные, гражданскіе и экономическіе успѣхи современнаго общества, наслѣдство крови далеко еще не потеряло въ немъ значенія, и родовыя и мѣстныя преданія быта отцовъ играютъ въ немъ еще весьма большую роль; ими обусловливается первоначальное воспитаніе; подъ *преимущественнымъ* вліяніемъ рожденія созидается судьба человѣка въ болѣе образованныхъ слояхъ общества, и подъ его *исключительнымъ* вліяніемъ въ массахъ народныхъ. При всѣхъ другихъ равныхъ обстоятельствахъ сынъ крестьянина, каковы бы ни были его наклонности къ городской жизни, легче остается при крестьянскомъ бытѣ, чѣмъ переходитъ къ нему сынъ купца, какъ бы ни были сильны его наклонности къ земледѣльческому труду и какъ бы ни было разстроено коммерческое имущество отца; мы видимъ даже, какъ неохотно дѣлается крестьяниномъ дворовый человѣкъ, хотя бы онъ пользовался несравненно меньшимъ благосостояніемъ и независимостію, чѣмъ крестьянинъ. Еще труднѣе сживается съ сельскою жизнью, хотя бы даже и не крестьянскою, болѣе достаточными горожанинъ. Какъ бы то ни было, быть, въ которомъ рожденъ человѣкъ, кладетъ на него особенный отпечатокъ, создаетъ особенный *типъ* людей. Итакъ даже при неограниченной гражданской свободѣ перехода изъ одного класса въ другой, естественныя, родовыя и бытовыя различія еще долго будутъ ограничивать свободное развитіе личности. На нихъ не слѣдуетъ жаловаться, также какъ не слѣдуетъ жаловаться на неограниченную юридическую свободу избранія рода жизни и занятій каждаго члена государства. Послѣдняя открываетъ путь свободному развитію личныхъ способностей, обновляетъ и освѣжаетъ всѣ

классы общества и содѣйствуетъ постепенному перерожденію классовъ изъ искусственныхъ *государственныхъ сословій* въ *естественныя общественныя группы*, распредѣляющіяся по роду занятій и по свободному, естественному призванію каждой личности. Но, съ другой стороны, бытовыя и родовыя различія служатъ естественнымъ охранительнымъ элементомъ для этого процесса перерожденія; они обезпечиваютъ способы существованія массы, которая все-таки состоитъ изъ *посредственностей*. Массѣ легче, при существующихъ общественныхъ условіяхъ каждаго рода промышленности, держаться, въ своихъ занятіяхъ, нити рожденія и преданія, чѣмъ переходить къ новымъ.

2. Власть. Различныя степени мѣстной власти и различныя отношенія сословій къ центральной государственной власти составляютъ также одинъ изъ элементовъ во всѣхъ сословныхъ интересахъ. Какъ бы мы ни пытали судьбы власти въ исторіи съ основанія ея у образованныхъ народовъ, мы должны прійдти къ убѣжденію, что самая *прочная власть есть та, въ повиновеніи которой заключается сознательный, прямой, личный интересъ повинующихся.* И отвлеченное мышленіе, и для всѣхъ осязательные факты доказываютъ намъ, что такая власть самая устойчивая, что она лучше всякой другой обезпечиваетъ порядокъ въ обществѣ и менѣе всякой подвержена случайностямъ насилія и обмана.

Всѣ классы общества имѣютъ цѣлый кругъ общихъ для себя интересовъ; обязательное вмѣшательство одного сословія въ дѣла другаго всегда принимается послѣднимъ съ недовѣріемъ, ибо не можетъ быть полезно для его интересовъ. Между тѣмъ успѣхъ этихъ интересовъ важенъ для всего народа, ибо каждое непривилегированное сословіе, работая для себя, работаетъ для всего народа. Наконецъ всякая опека одного сословія надъ другимъ есть тяжесть для перваго; оно всячески старается избѣжать этой тягости и сохраняетъ для себя только внѣшнія принадлежности власти, блескъ и почетъ. Итакъ

всякая государственная привилегія власти одного сословія надъ другимъ подрываетъ въ народѣ интересъ самой власти, ибо создаетъ власть непрочную и несочувственную народу. Самыми лучшими органами власти служатъ представители самихъ сословныхъ интересовъ; можно скорѣе опасаться безопасности такой власти, нежели ея слабости. Въ общественной жизни есть много такихъ сторонъ, въ которыхъ является сопряженіе интересовъ двухъ и нѣсколькихъ сословій; тогда и органы власти должны быть правильнымъ смѣшеніемъ нѣсколькихъ сословныхъ элементовъ,—быть всесословными или земскими. Можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что здѣсь, на пути свободнаго избранія, перевѣсъ всегда останется на сторонѣ членовъ общества болѣе образованныхъ, и потому болѣе полезныхъ для успѣха дѣла. Что бы ни говорили, образованный человѣкъ всегда пересилитъ необразованнаго; естественное преимущество слишкомъ на сторонѣ перваго; но когда образованный человѣкъ для поддержанія своей власти берется за оружіе матеріальной силы, тогда можетъ взяться за нее и необразованный, и столкновеніе рѣшается слѣпымъ случаемъ обмана или внезапнаго насилія. Если образованный человѣкъ, искушенный такимъ печальнымъ для себя опытомъ, постарается *организовать*, для своей защиты, *матеріальную силу посредствомъ своихъ нравственныхъ и умственныхъ силъ*, причемъ перевѣсъ его надъ грубою матеріальною силою необразованнаго будетъ внѣ всякаго сомнѣнія, то въ такомъ случаѣ онъ будетъ обязанъ своимъ превосходствомъ все-таки не матеріальной силѣ, а умственной, вступившей съ нею въ союзъ. Но умственныя силы могутъ быть употреблены съ большею пользою и успѣхомъ на что-либо другое, нежели на *организацію насилія*, на служеніе матеріальной силѣ. Развитіе духа самоуправленія въ отдѣльныхъ классахъ общества въ высшей степени полезно и для интересовъ самой центральной государственной власти. Давая возможность честолюбивымъ людямъ удовлетворять своимъ инстинктамъ самымъ безопаснымъ и

ни для кого не стѣснительнымъ образомъ, оно притупляетъ эти властолюбивые инстинкты, всюду распространенные въ обществѣ и столь опасные для общественнаго спокойствія, оно пресѣкаетъ это лихорадочное стремленіе всѣхъ сословій къ государственнымъ должностямъ и почестямъ, которое мы видимъ въ нѣкоторыхъ странахъ. Наконецъ мѣстное самоуправленіе чрезвычайно сберегаетъ государственные расходы. Чѣмъ шире интересы и общественные и политическіе вопросы, тѣмъ больше вліяніе получаютъ на нихъ представители чисто умственныхъ движеній страны, тѣмъ съ бо́льшимъ могуществомъ выступаютъ на сцену отдѣльныя *личности*, соединяющія въ себѣ всѣ отдѣльные интересы сословій. И во всеобщихъ народныхъ вопросахъ интересы всѣхъ классовъ общества должны быть въ строгой гармоніи; эта гармонія особенно легко достигается при монархической власти, которая не основывается преимущественно на одномъ какомъ-либо классѣ общества, а на всѣхъ.

3. *Имущество.* Нѣкоторые роды имущества особенно присвоены извѣстнымъ родамъ дѣятельности: такъ земли для земледѣлія, денежные капиталы для торговли, дома для фабрикъ и разныхъ городскихъ промысловъ. Потому сословія прежняго времени имѣли нѣкоторые роды имущества въ своемъ исключительномъ обладаніи, и пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ родовъ имущества лицами, не принадлежащими къ извѣстному сословію, было иногда вовсе запрещаемо закономъ, иногда затрудняемо. Такъ существовали во многихъ государствахъ Европы (особенно въ Германіи) особыя рыцарскія имѣнія съ исключительнымъ правомъ пріобрѣтенія ихъ лишь членами родовыхъ дворянскихъ фамилій; дома, торговыя заведенія, лавки могли быть собственностію только членовъ замкнутыхъ городскихъ сословій и корпорацій. Въ настоящее время всѣ эти привиллегированія имущества почти вовсе исчезли. Промышленное движеніе вѣка доказало крайнюю непроизводительность подобныхъ имуществъ и заставило въ интересѣ самихъ сословій всячески облегчать переходъ

имуществъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Вмѣстѣ съ тѣмъ при постепенномъ перерожденіи въ настоящее время мелкихъ промысловъ и ремеслъ въ формы обширныхъ промышленныхъ предпріятій, всякая отрасль труда соединяетъ въ себѣ нѣсколько родовъ капитала. Усовершенствованные способы земледѣлія требуютъ значительныхъ денежныхъ капиталовъ, въ нѣсколько разъ превосходящихъ цѣнность земли, механическихъ заведеній, лабораторій, библіотекъ, ученыхъ коллекцій и т. д. Чисто фабричныя производства устраиваются въ связи съ обширными поземельными владѣніями. Совершенно новыя промышленныя предпріятія, какъ напримѣръ желѣзныя дороги, сосредоточиваютъ въ себѣ самые разнообразные роды имущества. Но самый существенный переворотъ въ распредѣленіи имуществъ между разными классами общества производятъ современныя товарищества или ассоціаціи капиталистовъ, которыя ежедневно распространяются и готовы охватить собою народное хозяйство и промышленный міръ всѣхъ образованныхъ странъ. Формы этихъ промышленныхъ, коммерческихъ и кредитныхъ компаній вполнѣ принадлежатъ нашему времени. Онѣ собираютъ къ нѣсколькимъ центрамъ *совокупной* собственности всѣ возможные роды имущества: земли, дома, денежные капиталы, фабрики, товары, пути и способы сообщенія, и т. д., и даютъ посредствомъ акцій каждому отдѣльному лицу, участвующему въ обществѣ, даже при самыхъ ничтожныхъ его средствахъ, возможность имѣть свою долю собственности въ нѣсколькихъ и весьма разнородныхъ имуществахъ. Такимъ образомъ, еслибы мы вздумали примѣнить къ современнымъ акціонернымъ компаніямъ понятія объ имуществѣ, какъ о признакѣ принадлежности лица къ извѣстному классу, то мы чрезвычайно были бы затруднены, куда отнести акціоперовъ какой-нибудь фабрики, торговой компаніи, банка, когда они въ то же время помѣщики, чиновники, литераторы и т. д. Формы акціонерныхъ компаній ежедневно размножаются, размѣры ихъ оборотовъ возрастаютъ; созидаются компаніи, въ родѣ парижскаго дви-

жимаго кредита, которыя обнимаютъ собою цѣлую группу промышленныхъ предпріятій, совершенно между собою различныхъ и связанныхъ только коллективною собственностію владѣльцевъ акцій. Такъ постепенно возрождающаяся необходимость уничтоженія сословныхъ имущественныхъ привиллегій, постепенно увеличивающееся соединеніе нѣсколькихъ родовъ имуществъ въ одномъ и томъ же предпріятіи, вслѣдствіе измѣненія какъ въ характерѣ, такъ и въ организаціи предпріятій, возмущаютъ распредѣленіе имуществъ въ томъ порядкѣ, какъ они распредѣлялись между категоріями сословій стараго времени. Но вліяніе всѣхъ этихъ причинъ до сихъ поръ еще далеко не уничтожило вовсе вліянія свойствъ имущества на общественное призваніе его владѣльца. Право наслѣдства, имѣющее до сихъ поръ едва ли не самое значительное вліяніе на распредѣленіе имуществъ въ обществѣ, сохраняетъ имущества въ извѣстныхъ группахъ людей, называемыхъ родами. Между тѣмъ наслѣдственность имущества есть могущественный рычагъ въ ихъ производительному употребленію, въ рукахъ владѣльцевъ, въ чемъ, безъ сомнѣнія, заключается и интересъ всего общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые роды имущества преимущественно необходимы для того или другаго рода дѣятельности и быта. Такимъ образомъ въ настоящее время, особенно въ странахъ и народныхъ массахъ, гдѣ преобладаетъ *естественное* хозяйство, видъ имущества служитъ нѣкоторымъ средоточіемъ и потому признакомъ извѣстныхъ группъ обществъ; такъ крупныя, средніе и мелкія поземельныя владѣнія даютъ особенное направленіе быту ихъ преимущественныхъ собственниковъ: помѣщиковъ, арендаторовъ, крестьянъ.

1. *Занятія.* Собственно раздѣленіе занятій есть уже, какъ сказано выше, основное начало, изъ котораго выходило расчлененіе общества на группы во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Оно остается въ своей силѣ и въ настоящее время, оно безъ сомнѣнія останется въ силѣ и въ отдаленномъ будущемъ. Раздѣленіе занятій совер-

ность исторически посредствомъ государственныхъ привилегій, рожденія, воспитанія, быта, корпорацій, власти, имущества: можно указать на первообразъ такихъ государственныхъ сословій въ кастахъ, потомъ прослѣдить нить преданія, затерянную въ первобытныхъ обществахъ европейскихъ народовъ, закрѣпленіе сословій узами феодальнаго періода, государственную ломку и регламентацію въ періодъ централизаціи, и наконецъ постепенное освобожденіе народной дѣятельности отъ гнета государственныхъ попеченій. *Личность* постепенно получаетъ болѣе вліянія и могущества. Но слѣдуя своему свободному развитію, личность, а съ нею вмѣстѣ и раздѣленіе общества на группы, все-таки остаются подъ *естественными* охранительными вліяніями рожденія, воспитанія, преданій, наслѣдія отцовъ и корпораціоннаго, совокупнаго духа людей, живущихъ на одномъ мѣстѣ и работающихъ надъ однимъ дѣломъ. Такимъ образомъ остаются въ каждомъ обществѣ нѣсколько отдѣльныхъ группъ, имѣющихъ въ общемъ направленіи своего быта особое *общественное призваніе*.

Въ настоящее время, европейскіе публицисты, болѣе или менѣе, различаютъ въ западной Европѣ слѣдующіе классы народа, или общественныя группы:

1. *Аристократія*, или дворянство. Сюда принадлежатъ потомки старыхъ феодальныхъ родовъ, сохранившіе свои имѣнія и частію свои преданія; сюда относятся также вообще владѣльцы обширныхъ поземельныхъ владѣній. Мы не говоримъ здѣсь объ общественномъ признаніи аристократіи; этого труднаго вопроса мы предполагаемъ коснуться въ особой статьѣ.

2. *Средній классъ*, или достаточное мѣщанство (bourgeoisie, Bürgerthum). Этому классу присвоено названіе третьяго сословія (tiers état), названіе, запечатлѣнное въ памяти народной событіями французской революціи. Оно называлось третьимъ по отношенію къ аристократіи и духовенству, которое съ отдѣленіемъ церкви отъ

государства потерило самостоятельное сословное значеніе и мало-по-малу, особенно въ странахъ протестантскихъ, слилось съ другими классами общества, преимущественно съ среднимъ. Третье сословіе пріобрѣло въ исторіи новѣйшаго времени огромное значеніе; все болѣе и болѣе превозмогаетъ оно въ разрѣшеніи политическихъ вопросовъ въ западной Европѣ вліяніе другихъ классовъ общества. Оно съ чрезвычайнымъ искусствомъ умѣло овладѣть могущественными двигателями современнаго общества: промышленностію, свободнымъ книгопечатаніемъ и политическимъ образованіемъ; эти силы, сдѣлавшіяся необходимыми условіями современнаго просвѣщенія, обращаются въ самыхъ вѣрныхъ союзниковъ всякаго, кто умѣетъ отнестись къ нимъ съ довѣріемъ и бодростію, и дѣлаются самыми опасными врагами тѣхъ, кто ихъ не хочетъ признать. Другіе классы общества частію не могли, частію не умѣли или не хотѣли взяться за эти силы; они чаще обращаются къ иныхъ силамъ временъ отжившихъ, которыя не могутъ совладать съ новыми движеніями вѣка. Третье сословіе, гордое своими преимуществами, не разъ выступало на материкъ съ притязаніями поглотить въ себѣ и въ своихъ интересахъ всѣ остальныя группы общества. Но политическое доктринерство высшаго мѣщанства, не хотѣвшее видѣть того, что съ обѣихъ его сторонъ выросло въ историческомъ прошедшемъ общества и росло въ настоящемъ, должно было нѣсколько разъ дорого поплатиться за свое самообольщеніе. Подлѣ третьяго сословія есть цѣлыя общественныя массы, которыхъ не должна упускать изъ виду никакая политическая система.

3. *Крестьянство*. Эта общественная группа представляется въ настоящее время наименѣе затронутою движеніями вѣка; она болѣе всѣхъ живетъ на почвѣ преданія и менѣе всѣхъ способна измѣнять устройство своего быта, сообразно съ требованіями и прихотями времени. Преданія и воззрѣнія въ сферѣ крестьянства иногда живутъ и остаются неприкосновенными въ теченіи мно-

гихъ историческихъ эпохъ, проходящихъ надъ ними. Потому упорство этой массы можетъ иногда явиться нежданнымъ камнемъ преткновенія въ разныхъ направленіяхъ исключительно-городской политики. Между тѣмъ крестьянство есть тотъ послѣдній исторический резервуаръ соковъ, которыми обновляются всѣ классы общества. За нимъ уже ничего болѣе нѣтъ, остается только эмиграція въ дальнія страны.

4. Наконецъ *пролетаріатъ*, или, какъ называютъ Нѣмцы, *четвертое сословіе*. Это та именно общественная группа, которая образовалась подъ исключительными вліяніями всѣхъ современныхъ общественныхъ силъ, частію уже разложившихъ, частію еще разлагающихъ составъ прежнихъ сословій. Этой группѣ принадлежатъ всѣ отверженцы прочихъ классовъ общества, всѣ силы общества, оторванныя промышленнымъ и умственнымъ движеніемъ вѣка отъ историческихъ преданій прежнихъ гражданскихъ союзовъ. Потому группа эта весьма пестрая; она, по выраженію Риля, ищетъ себѣ мѣста въ современныхъ западно-европейскихъ обществахъ, найдетъ его подлѣ другихъ классовъ или окончательно разложитъ ихъ, и тогда возникнутъ, можетъ-быть, совершенно новыя общественныя формаціи.

Я старался представить самый краткій очеркъ современнаго положенія сословій, преимущественно въ западно-европейскихъ государствахъ, но въ такой общности, что главныя его начала могутъ быть примѣнены ко всякому гражданскому обществу, точно такъ же и къ нашему.

Отрадно обратиться отъ печальной картины вражды сословій въ западно-европейскихъ обществахъ, особенно во французскомъ, къ нашему отечеству. У насъ не было тѣхъ замкнутыхъ союзовъ, которыми ознаменовала себя исторія западной Европы; не было тѣхъ блистательныхъ проявленій корпоративнаго духа, которыя, при всеобщемъ паденіи, обезпечивали развитіе личности, на всѣхъ поприщахъ дѣятельности, и быстро двигали впередъ успѣхи гражданственности, науки, промышленности и

политическаго самосознанія. Но за то у насъ нѣтъ ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ многихъ затрудненій, созидаемыхъ рѣзкими общественными гранями. Мы свободно можемъ воспользоваться промышленнымъ и умственнымъ движеніемъ образованнаго міра; ему придется у насъ несравненно менѣе *разлагать*, *чѣмъ творить*. Какъ ни богато своими историческими послѣдствіями общественное разложеніе, какъ оно ни далеко отъ оцѣненія восточнаго міра, но общественное созиданіе сопряжено съ меньшими страданіями для современниковъ, и эта мысль не можетъ не быть для насъ утѣшительною.

Мы можемъ указать и въ нашемъ обществѣ на сословія, болѣе или менѣе соотвѣтствующія западно-европейскимъ, но вслѣдствіе историческихъ и географическихъ причинъ, изслѣдованіе которыхъ не составляетъ нашей задачи, государственныя сословныя опредѣленія касались преимущественно только внѣшней стороны жизни нашихъ общественныхъ группъ: *административной* и *фискальной*. Эти опредѣленія не въѣлись въ самый бытъ народа, не подчинили своимъ вліяніямъ всю совокупность его понятій, преданій и обычаевъ; они бродили на поверхности народной жизни. Вспомнимъ, какъ мало охватываютъ собою потребности промышленной жизни наши *цехи*, съ какими затрудненіями сопряжено было ихъ учрежденіе, и какъ мало, тамъ, гдѣ они существуютъ, ими исчерпывается бытъ и взаимныя отношенія промышленныхъ классовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ никакъ нельзя отрицать, чтобы въ нашемъ народѣ вовсе не было элементовъ сознаго духа; мы видимъ огромныя оброчныя (помѣщичьи) имѣнія, въ которыхъ крестьяне достигли, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства самыхъ удовлетворительныхъ результатовъ самоуправленія, мы видимъ цѣлые промышленные союзы, охватывающіе собою весьма обширныя группы деревень, артели, въ которыхъ внутренняя связь и подчиненіе членовъ поддерживаются исключительно внутреннимъ духомъ товарищества. Но государственныя опредѣленія сословій,

хотя и дали нѣкоторое направленіе быту ихъ членовъ, однако нисколько не создали такихъ разграниченій, которыя бы не исчезли тотчасъ изъ круга народныхъ воззрѣній, при измѣненіи нѣкоторыхъ государственныхъ условій быта. Отношенія крѣпостнаго состоянія были, безъ всякаго сомнѣнія, самою большою привиллегіею, дарованною государственною властью одному сословію передъ другимъ и самою рѣзкою гранью, поставленною государственною необходимостью между классами общества. Но и крѣпостное состояніе не имѣетъ у насъ того общественнаго характера, какой имѣло оно у большей части народовъ западной Европы; оно является у насъ совершенно свободнымъ отъ тѣхъ строгихъ юридическихъ формъ, правъ и обязанностей, какія мы находимъ, напримѣръ, въ Германіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ нигдѣ можетъ-быть крѣпостное право не влекло за собою такого матеріальнаго насилія, какъ у насъ, и это естественно при совершенномъ отсутствіи юридическихъ опредѣленій.

Частное матеріальное насиліе гнететъ болѣе власти, организованной съ помощью юридическихъ гипотезъ и презумцій, но оно легче совлекается и скорѣе излѣчивается, какъ легче излѣчиваются послѣдствія ушиба, нежели хроническаго разстройства. Во всякомъ случаѣ упраздненіе крѣпостнаго права, не только подчинявшаго себѣ свободное развитіе собственно крѣпостнаго состоянія, но и налагавшаго его сословнаго разобщенія и разграниченія на весь народъ, въ томъ числѣ и на само дворянство, должно снять послѣднее искусственное препятствіе къ свободному распредѣленію занятій въ Россіи, а съ нимъ и препятствіе къ свободному распредѣленію группъ народонаселенія. Въ послѣдствіи мы ближе разсмотримъ положеніе помѣщичьяго и крестьянскаго класса въ этомъ преобразованіи.

Совершенная особенность нашего общества, это — слабое развитіе *средняго класса*, или мѣщанства. Эта особенность коренится, кажется, въ духѣ всѣхъ славянскихъ народовъ. Никакія усилія правительства не могли со-

дать у насъ средняго класса. Особенно яркимъ примѣромъ является Малороссія, гдѣ польское правительство употребляло самыя энергическія мѣры въ этомъ направленіи. Мы видимъ, съ одной стороны, чрезвычайную близость всего нашего городскаго народонаселенія, за исключеніемъ помѣщиковъ и чиновниковъ, особенно массы мелкихъ мѣщанъ, къ крестьянству, съ другой стороны все фабричное рабочее народонаселеніе состоитъ непосредственно изъ крестьянъ. Мы не думаемъ, чтобъ уничтоженіе крѣпостнаго состоянія существенно измѣнило въ этомъ отношеніи нашъ народный бытъ, въ которомъ сельскіе и городскіе промыслы, сельскій и городской типъ являются въ такомъ страномъ, нигдѣ не существующемъ, кромѣ какъ у насъ, смѣшеніи. Это явленіе имѣетъ другія причины, болѣе народныя, чѣмъ крѣпостное состояніе. Освобожденіе должно значительно содѣйствовать развитію средняго класса, въ который перейдетъ много членовъ дворянскаго класса. Но это будетъ, кажется, особеннаго рода средній классъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ у насъ почти нѣтъ и *пролетаріата*. хотя это еще не значитъ, чтобы у насъ не было бѣдности. Не вдаваясь въ причины отсутствія у насъ пролетаріата, — это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко, — мы замѣтимъ только, что пролетаріатъ образуется изъ элементовъ, разлагающихъ политическія сословія, изъ отверженцевъ сословныхъ союзовъ. Потому, чѣмъ слабѣе эти сословные союзы, тѣмъ менѣе матеріи для образованія пролетаріата.

Такимъ образомъ у насъ собственно остаются двѣ существенныя группы: *помѣщики* и *крестьяне*. Но помѣщикъ, въ своемъ общественномъ, нравственномъ и экономическомъ значеніи, есть тотъ же земледѣлецъ, какъ и крестьянинъ. Помѣщичій классъ, какъ и вообще *аристократія*, есть высшая степень развитія *крестьянства*. Помѣщикъ — потенцированный крестьянинъ, по мѣткому выраженію Риля. Дѣйствительно, мы находимъ вездѣ самое теплое сочувствіе между этими элементами, сочувствіе,

какого нѣтъ между высшимъ мѣщанствомъ и крестьянами. Крѣпостное право и вообще всѣ насильственныя господскія привиллегіи суть единственное препятствіе къ свободному развитію и раскрытію этихъ внутреннихъ сочувственныхъ отношеній. Тамъ, гдѣ это насильственное господство исчезло рано (какъ въ Англіи), тамъ оба класса живутъ въ такой дружбѣ, какой не можетъ быть между другими сословіями. То же самое непремѣнно должно быть и у насъ, когда помѣщичій классъ перестанетъ помышлять о своихъ печальныхъ *вотчинныхъ* отношеніяхъ, а помыслитъ о своемъ высокомъ общественномъ призваніи.

Справедливо видятъ въ помѣщичьемъ и крестьянскомъ классахъ *охранительные* элементы общества; въ городскомъ классѣ и пролетаріяхъ — элементы общественнаго *движенія*. У насъ первые два класса преобладаютъ, какъ въ дѣйствительности и преобладаетъ у насъ, въ народѣ и государствѣ, *охранительный характеръ*. Онъ опирается на самыя естественныя условія народнаго типа и быта, онъ не нуждается ни въ какой искусственной поддержкѣ, и можетъ расшевелиться развѣ только для охраненія себя отъ возмущающихъ народную жизнь искусственныхъ охранительныхъ теорій, которыя, увлекаясь призраками не существующихъ народныхъ волненій, ставили бы насильственныя преграды великому народному генію.

II.

АРИСТОКРАТІЯ И ИНТЕРЕСЫ ДВОРЯНСТВА.

Упраздненіе крѣпостнаго права, очевидно, влечетъ за собою преобразованіе въ общественныхъ и государственныхъ условіяхъ жизни не только крестьянъ, но и помѣщиковъ. Если это преобразованіе совершится въ такомъ

направленіи, которое будетъ содѣйствовать улучшенію быта крестьянъ, то оно должно неминуемо сопровождаться улучшеніемъ и въ бытѣ помѣщиковъ: всѣ классы общества находятся въ самомъ тѣсномъ между собою взаимодѣйствіи, и сколько-нибудь *прочное* благосостояніе одного класса, нравственное и матеріальное, невозможно безъ соотвѣтствующаго благосостоянія въ прочихъ классахъ; классъ же помѣщиковъ связанъ съ крестьянствомъ узами болѣе тѣсными, нежели другіе классы. Но какое бы ни произошло улучшеніе въ бытѣ помѣщиковъ, во всякомъ случаѣ очевидно для каждаго, что характеръ этого быта измѣнится вслѣдствіе реформы; она непремѣнно должна имѣть могущественное вліяніе на всю совокупность общественнаго и политическаго положенія дворянства. Крѣпостное право обусловливало собою не одну только хозяйственную дѣятельность помѣщиковъ; подъ вліяніемъ этого права сложились всѣ основанія нынѣшняго нравственнаго, юридическаго, гражданскаго и государственнаго быта дворянства и образовались всѣ его отношенія къ народу. Вотъ почему крестьянскимъ вопросомъ затрогиваются не только хозяйственные интересы помѣщиковъ, располагающихся извѣстною суммою рабочихъ силъ, но равно и тѣ интересы ихъ, которые принадлежатъ имъ какъ особому классу народа. Эти интересы имѣютъ свои особенности, нисколько однако не враждебныя интересамъ другихъ классовъ общества. Чтобы раскрыть внутреннюю гармонію интересовъ различныхъ классовъ общества и отличить то, что̀ временно препятствуетъ этой гармоніи, необходимо вникнуть въ тѣ внутреннія силы общественнаго развитія, подъ вліяніемъ которыхъ сложился бытъ извѣстнаго класса общества и возникли его отношенія къ другимъ классамъ. Взаимность интересовъ между различными группами народа раскрывается точно такъ же, какъ и между различными участниками промышленнаго производства, при всемъ кажущемся ихъ противорѣчіи и временныхъ столкновеніяхъ. Но, какъ въ экономическомъ мірѣ, такъ и здѣсь,

вмѣсто гармоніи, явится безвыходная борьба, если за сущность жизни мы будемъ принимать нѣкоторыя внѣшнія формы быта и государственныхъ отношеній, и будемъ малодушно привязывать къ нимъ наши симпатіи, наше человѣческое достоинство, нашу честь, въ то время, какъ общественная жизнь требуетъ иныхъ формъ и иныхъ государственныхъ опредѣленій. На такомъ пути мы можемъ, безъ всякой пользы и для себя, и для общества, потратить много благородныхъ свойствъ нашего духа, тогда какъ мы должны, *для исполненія нашего общественнаго призванія, пользоваться условіями и формами быта, свойственными каждому времени.* Но для этого намъ необходимо тѣ стороны нашего быта, которыя сохранили еще живое значеніе и цѣну для общества, умѣть отличить отъ тѣхъ, которыя ихъ утратили, — живыя связи наши съ народомъ, то-есть связи, благопріятствующія развитію жизни въ другихъ членахъ общества, умѣть отличить отъ связей подгнившихъ, то-есть уже не находящихъ себѣ сочувственнаго отголоска въ народной жизни. Безъ всякаго сомнѣнія, мы болѣе выиграемъ, если всѣ наши нравственныя побужденія свяжемъ съ живыми силами нашего быта, а не съ тѣмъ, что обречено въ немъ безвозвратной гибели и давно отзывается гнилью. Нельзя отрицать въ помѣщичьемъ классѣ силъ, еще живыхъ и мощныхъ, которыя могутъ и должны дѣйствовать съ пользою въ современной жизни общества и государства: но для того чтобъ онѣ получили вѣсъ и значеніе, необходимо, чтобъ онѣ вполнѣ очистились, и чтобы весь мертвый грузъ былъ безпощадно выкинутъ за бортъ. Въ этихъ живыхъ силахъ помѣщичьяго класса хотѣлось бы намъ открыть его истинные интересы, — тѣ интересы, во имя которыхъ онъ можетъ безбоязненно выступить дѣятелемъ въ реформѣ. Для этого мы постараемся вникнуть въ характеръ общественнаго и государственнаго положенія дворянства, въ тѣ его интересы, которые затрогиваются реформою, и которые имѣ должны получить новое направленіе. Чтобъ уразумѣть эти интересы, необходимо оглянуть историче-

ское значеніе привилегированныхъ сословій у другихъ народовъ: несмотря на многія ихъ коренныя различія съ нами, а можетъ-быть иногда именно вслѣдствіе различій, мы найдемъ много поучительнаго и для самихъ себя. Начала, лежащія въ образованіи сословій, общи всѣмъ народамъ и только развивались разнообразно, вслѣдствіе разнообразія историческихъ, этнографическихъ и мѣстныхъ условій.

Мы не имѣемъ здѣсь претензій на самостоятельныя изслѣдованія. Мы желаемъ только представить нашимъ читателямъ сводъ дознанныхъ фактовъ и установившихся понятій. Руководствуясь общею нитью нашей задачи, мы переходимъ отъ одного автора къ другому и извлекаемъ результаты всѣхъ современныхъ изслѣдованій по этому вопросу. Мы пользовались писателями, авторитетъ которыхъ признанъ всѣмъ ученымъ міромъ.

I.

Историческій очеркъ аристократіи въ Европѣ.

Вся аристократія западно-европейскихъ государствъ, въ той формѣ и съ тѣми свойствами, какъ она болѣе или менѣе всюду развилась, обязана своимъ образованіемъ феодальной системѣ и феодальному періоду европейской исторіи. Вся сущность отношеній феодальной аристократіи къ государственной власти и къ народонаселенію заключалась въ ленномъ союзѣ, въ силу котораго члены завоевательной дружины и вообще воинственные и честолюбивые люди получали, отъ предводителя или короля, земли въ свое владѣніе, за что они обязывались быть ему безусловно вѣрными и, по его востребованію, служить ему своимъ оружіемъ. Эти ленныя земли постепенно перешли въ наслѣдственную собственность владѣльцевъ. Та же ленная связь была и въ отношеніяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ къ болѣе мелкимъ. Самое низшее

или крестьянское народонаселеніе потеряло всякую самостоятельность и подчинилось господству феодальныхъ владѣльцевъ, стремившихся сложить съ себя зависимость отъ короля, и болѣе или менѣе, смотря по обстоятельствамъ, успѣвавшихъ въ этомъ стремленіи [1]).

Въ средніе вѣка сословіе благородныхъ достигло въ Европѣ апогея своей силы и могущества. Собственно нѣмецкая аристократія, своимъ блескомъ и уваженіемъ, которое она внушала народу, первенствовала передъ всѣми прочими, хотя германо-романская аристократія южной Европы и Франціи превосходила ее тонкостью своего придворнаго образованія. Въ сословіи благородныхъ, въ Германіи, особенно выставлялась высшая аристократія (der hohe Adel), которая до половины XIII столѣтія носила названіе nobiles, *благородные*, или semper freie (то-есть напсвободнѣйшіе), или ingenui freie Herren (свободные господа), и просто Herren, principes, князья. Сперва значительно преобладало въ высшемъ сословіи понятіе расы или касты; всякое смѣшеніе благородной крови съ неблагородною производило неблагородныхъ дѣтей. Поэтому отецъ и мать должны были принадлежать къ тому же сословію. Въ послѣдствіи, еще въ средніе вѣка, дѣти неравныхъ браковъ получали права состоянія отца. Но высшая аристократія среднихъ вѣковъ не была замкнутою кастою, въ строгомъ смыслѣ слова; въ ней дѣйствовали и другія начала. Нельзя не признать великою заслугою христіанской церкви, что она рядомъ съ высшими аристократическими родами поставила свою *личную аристократію*, которая ни въ чемъ не уступала свѣтской и родовой, и во многихъ случаяхъ первенствовала передъ ней. Правда, что высшими духовными званіями большею частію облекались члены знатныхъ и княжескихъ родовъ, но это все-таки не уничтожало самой сущности великаго начала — личнаго превосходства духа, вступавшаго въ совмѣстничество съ на-

---

[1]) *Feodalitat und Aristocratie* von Dunker. Berlin. 1858.

чаломъ превосходства крови. Сыновья простыхъ рыцарей, мѣщанъ, крестьянъ садились на первосвятительскія каѳедры архіепископовъ и епископовъ. Въ высшей свѣтской аристократіи были также примѣры возвышенія членовъ низшихъ сословій, прославлявшихся гражданскими или военными подвигами; но это случалось гораздо рѣже. Блунчли [1]) съ особенною силою настаиваетъ на той важной сторонѣ высшей средневѣковой аристократіи, что она не была просто аристократіею крови, но политическимъ сословіемъ, имѣвшимъ значеніе только въ связи съ государственною организаціею того времени. Одно благородное происхожденіе еще не давало мѣста въ этомъ сословіи; оно было только первоначальнымъ основаніемъ права, которое становилось дѣйствительнымъ лишь при обширныхъ поземельныхъ владѣніяхъ, и затѣмъ при высшихъ государственныхъ должностяхъ. Только *въ политическомъ могуществѣ* получала высшая аристократія свое полное значеніе. Фамиліи, не удерживавшія за собою этого могущества, переходили въ ряды другихъ сословій. Какъ въ древней Германіи свободная поземельная собственность была необходимою принадлежностію сословія благородныхъ, такъ точно и въ средніе вѣка аристократическое начало садится на поземельное владѣніе, которымъ долженъ быть необходимо надѣленъ всякій членъ аристократіи, и которое влечетъ за собою всѣ его господскія права и привилегіи.

Средневѣковое баронство не есть просто званіе; бароны имѣютъ дѣйствительныя баронніи и въ нихъ находятъ твердое основаніе для своего общественнаго и государственнаго значенія. Ихъ поземельное богатство давало имъ средства держать дворъ, къ которому собирались ихъ вассалы и министеріалы для совѣщанія и военныхъ приготовленій, также для праздествъ; оно же давало имъ средства надѣлять ленами своихъ подручниковъ. Въ

---

[1]) *Deutsches Staatswörterbuch.* Статья *Adel.*

государственномъ отношеніи они стоятъ, какъ первенствующее сословіе, подлѣ короля, который самъ избирается изъ ихъ среды. Въ порядкѣ феодальной постепенности они стоятъ во главѣ военной силы и образуютъ собою, параллельно лѣствицѣ феодальной земской іерархіи, іерархію военныхъ должностей, начиная отъ герцоговъ до самыхъ низшихъ военачальниковъ. Въ своихъ владѣніяхъ и графствахъ держатъ они судъ, только номинально возводя свою судебную власть къ верховной власти короля, и постепенно превращаютъ свои господскія права въ полное *государствованіе* (Landesherrschaft). Изъ нихъ составляется совѣтъ короля, верховнаго леннаго господина всей земли, и они являются, по приглашенію короля, на земскія собранія, съ голосомъ, какъ полноправные ихъ члены.

Такой, въ общихъ очертаніяхъ, характеръ феодальной аристократіи одинаково преобладалъ во Франціи и Германіи; судьбы аристократіи въ обѣихъ странахъ, составлявшихъ одну и ту же Франкскую монархію Карла Великаго, шли сперва по одному и тому же пути. И во Франціи получили феодальные вассалы *наслѣдственное* право полнаго господства въ своихъ владѣніяхъ, такъ же какъ и въ Германіи. Но во Франціи централизующій романскій духъ и стремленіе всей страны къ сосредоточенію въ Парижѣ привели къ большому единству, и изъ борьбы съ аристократіею наслѣдственная королевская власть вышла побѣдительницею; здѣсь возникла централизующая абсолютная монархія. Въ Германіи, напротивъ того, центральная государственная власть болѣе и болѣе ослабѣвала передъ могуществомъ владѣтельныхъ династовъ, болѣе и болѣе разрушавшихъ единство монархіи.

Вслѣдъ за высшею владѣтельною аристократіей среднихъ вѣковъ стоитъ *низшая*. Высшая аристократія въ Германіи возводила свое начало къ доисторической эпохѣ народной жизни и пріурочивала себя къ миѳическимъ преданіямъ древнихъ германскихъ *племенъ*, которые

вели свой родъ прямо отъ боговъ. Низшая аристократія, простое дворянство или рыцарство возникло и окрѣпло уже на глазахъ исторіи. Значеніемъ, которое она пріобрѣла въ средневѣковомъ обществѣ, она обязана преимущественно своимъ дѣйствительнымъ заслугамъ. Здѣсь кровь имѣла гораздо менѣе значенія, чѣмъ въ высшихъ разрядахъ аристократіи. Въ средніе вѣка было еще свѣжо воспоминаніе о происхожденіи рыцарей и служилыхъ людей изъ званія простыхъ свободныхъ людей и даже изъ господской челяди. Сначала съ ними не соединялось званія *благородныхъ*, принадлежавшаго исключительно высшей аристократіи. Въ хроникахъ XIII столѣтія различаются постоянно: 1) Nobiles, благородные, 2) Milites, рыцари, 3) Ministeriales, служилые люди. Только къ концу этого столѣтія измѣняется смыслъ названій, и *благородными* (Edelleute) начинаютъ называться всѣ эти три разряда. Кругъ этого сословія расширялся все болѣе и болѣе. Сперва вступленіе въ него происходило само собою; въ послѣдствіи дарованіе правъ благороднаго сословія стало принадлежностью королевской власти.

Эта низшая аристократія, или дворянство (Ritterschaft), составилась преимущественно изъ массы всякаго рода свободныхъ людей, съ которою она и оставалась въ постоянныхъ родственныхъ связяхъ, несмотря на попытки высшей аристократіи замкнуть, на подобіе себѣ, и низшую. Въ Германіи дворянство постоянно соединялось браками съ мѣщанами и крестьянами; не допускались только браки съ несвободными. Право на вступленіе въ разрядъ благороднаго сословія давала преимущественно поземельная собственность, въ опредѣленномъ размѣрѣ, или же значительное ленное владѣніе. *Съ поземельною собственностью* соединялось право суда и расправы, а также и тягость военной службы, которая вмѣстѣ съ тѣмъ составляла высшую честь рыцарства. *Ленное владѣніе* влекло за собою вассальную зависимость отъ леннаго господина. Отношенія, возникавшія изъ свободной или полной поземельной собственности, и отношенія леннаго вла-

дѣнія въ послѣдствіи смѣшались такъ, что рыцарское званіе и принадлежность рыцарскаго быта цѣнились гораздо выше, чѣмъ право суда, соединенное съ поземельною собственностью. Такъ образовалось мало-по-малу сословіе *свободныхъ рыцарей-землевладѣльцевъ*. Когда и въ этомъ сословіи стало, сообразно съ характеромъ всего средневѣковаго общества, высказываться начало наслѣдственности и крови, то стали различать кровное право рыцарства, какъ *предварительное*, преимущественное (если и не исключительное) основаніе сословія (но основаніе еще не полное), и *дѣйствительное* право рыцарства, основанное на рыцарскомъ имуществѣ и рыцарскомъ образѣ жизни. Отличившійся воинъ могъ сдѣлаться рыцаремъ и не владѣя рыцарскимъ имѣніемъ; уже въ самое цвѣтущее время рыцарства было довольно много странствующихъ рыцарей. Но полныя политическія права при дворѣ леннаго господина и на земскихъ собраніяхъ и судебная власть присвоивались только рыцарямъ-землевладѣльцамъ. Сыновья послѣднихъ могли посвятить себя другимъ занятіямъ и оставаться не возведенными въ рыцарское званіе; но они сохраняли за собою и за всѣмъ своимъ родомъ право рыцарской крови, не принадлежа собственно къ рыцарскимъ союзамъ. Такія лица рыцарской крови оставались на всю свою жизнь такъ-называемыми юнкерами (Junghерr, молодой баринъ) и изъ нихъ образовались цѣлые юнкерскіе роды.

Другая часть низшей аристократіи образовалась изъ людей несвободныхъ, или полусвободныхъ, или *служивыхъ*. Служба при дворѣ важнаго и богатаго господина могла также вести къ отличіямъ и возвышенію. Служба вознаграждалась имѣніями, которыя отдавались на ленномъ правѣ. Такъ образовался около высшей аристократіи особый кругъ придворныхъ людей, министеріаловъ. Это сословіе мало-по-малу совершенно слилось съ рыцарскимъ.

Въ положеніи сословія благородныхъ, въ средніе вѣка, должно различать естественныя принадлежности благородной крови, *способность быть благороднымъ*, и госу-

дарственныя права сословія, возникавшія изъ его дѣятельности и имущества, *действительное выполненіе благороднаго призванія*. Первыя обнимали собою женщинъ и дѣтей, весь родъ, и получались вслѣдствіе происхожденія отъ благороднаго отца. Эти принадлежности благороднаго званія обнаруживались въ превосходствѣ воспитанія, въ доступѣ къ рыцарскому обществу на празднествахъ и турнирахъ, въ особенностяхъ и роскошномъ убранствѣ костюма, въ болѣе благородномъ, хотя все еще грубомъ умственномъ развитіи, въ правѣ на фамильныя имена, гербы, печати, въ каменныхъ, укрѣпленныхъ и изукрашенныхъ жилищахъ и замкахъ, въ правѣ вступленія въ ордена и церковныя товарищества, въ легкости доступа ко двору и придворнымъ праздникамъ государей.

Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что рыцари составляли всю воинную силу среднихъ вѣковъ и имѣли сознаніе своей силы. Какъ васалы князей, владѣльцы рыцарскихъ имѣній представляютъ собою опору для княжеской власти; но соединяясь между собою въ союзы, они противодѣйствуютъ въ своихъ владѣніяхъ центральной государственной власти и противопоставляютъ остальному народонаселенію своихъ владѣній, отъ нихъ зависящему, свои непосредственныя отношенія къ государственной власти, которыхъ оно не имѣетъ. Они довольно сильны, чтобы поддержать свои права оружіемъ. Избытокъ грубаго чувства матеріальной силы возбуждаетъ ихъ къ дикимъ подвигамъ, къ кровавой брани, къ насиліямъ всякаго рода, часто къ постыднымъ грабежамъ и злодѣяніямъ. Надъ крестьянами, которые живутъ въ предѣлахъ ихъ владѣній, имѣютъ они *господское право суда*. Надъ окружнымъ народонаселеніемъ имъ также принадлежалъ иногда извѣстный патронатъ и опека. Они хотя не имѣютъ полной верховной власти, однако имѣютъ наслѣдственную судебную власть, и на земскихъ собраніяхъ, созываемыхъ князьями, они имѣютъ право представительства общихъ интересовъ своего сословія, право подавать голосъ въ обсужденіи всѣхъ новыхъ государственныхъ

мѣръ и подати, и отклонять тяжесть государственныхъ повинностей. Имъ принадлежать и всѣ высшія государственныя должности. Они вообще дѣйствуютъ какъ прирожденные совѣтники князей [1]).

Таково было, въ самыхъ общихъ чертахъ, государственное значеніе средневѣковой аристократіи.

Взглянемъ теперь на судьбы феодальной аристократіи, въ эпоху ея паденія.

Возникновеніе и развитіе духа новѣйшей исторіи и современнаго намъ европейскаго просвѣщенія или, можно сказать, безусловно параллельно съ упадкомъ феодальной аристократіи. Этотъ историческій фактъ прошелъ черезъ весьма разнообразныя фазы въ разныхъ государствахъ Европы, но общій его характеръ и значеніе всюду одинаковы. Всего болѣе особенностей представляетъ исторія англійской аристократіи; судьбы англійскаго общества были нѣсколько иныя, чѣмъ на континентѣ, не только въ новѣйшее время, но и въ феодальный періодъ. Объ особенностяхъ англійской аристократіи мы будемъ говорить ниже.

Исторія французской аристократіи, какъ и всего французскаго общества, полна самыхъ противоположныхъ крайностей, образовавшихся преимущественно изъ борьбы двухъ, во многихъ отношеніяхъ глубоко враждебныхъ другъ другу, элементовъ: германскаго и романскаго. Во Франціи, точно такъ же какъ и въ Германіи, было время, когда высшая ленная аристократія (seigneurs) пользовалась правомъ верховнаго господства въ своихъ владѣніяхъ. Наслѣдственные бароны были вполнѣ владѣтельными князьями въ своихъ баронiяхъ. Но германское государство постепенно распадалось на самостоятельныя ленныя территоріи, а Франція подчинялась вліянію одного центра и сливалась въ одну монархію. Романская кровь и романскія преданія влекли Францію къ могуществен-

---

[1]) *Deutsches Staadtswörterbuch*. sub v. *Adel*.

ной централизаціи государственной власти, и династія Бурбоновъ поняла эти врожденные инстинкты народа и сумѣла ими воспользоваться. Господство высшей аристократіи было сломлено королями. Дѣло, начатое Людовикомъ XI, было закончено кардиналомъ Ришелье. Феодальные князья совершенно утратили свои верховныя владѣтельныя права, но въ вознагражденіе за нихъ не получили прочнаго права государственнаго представительства. Бароны оставались членами генеральныхъ штатовъ или собранія государственныхъ чиновъ, но это право было мертвою буквой, ибо генеральные штаты созывались весьма рѣдко, для одной формы, а при деспотическомъ правленіи Людовика XIV были преданы совершенному забвенію. Все политическое значеніе аристократіи ограничивалось участіемъ въ придворной службѣ и придворной жизни. Французская аристократія превратилась чисто *въ придворную аристократію*, промѣняла всякое дѣйствительное общественное и государственное значеніе на внѣшній блескъ и пышность жизни, независимость на прислужничество, гордость на тщеславіе. Не мудрено, что она сдѣлалась ненавистною для народа. Она замерзла отъ всякаго живаго обмѣна мыслей съ остальнымъ народонаселеніемъ и погрязла въ мертвящей исключительности своихъ парижскихъ салоновъ. Когда королевская власть была въ опасности, то французская аристократія была для нея скорѣе затрудненіемъ, чѣмъ подпорою. Притязаніямъ третьяго сословія, объявившаго *равенство* всѣхъ гражданъ основнымъ закономъ государства, она не могла противопоставить ничего живаго, ничего основаннаго на дѣйствительныхъ потребностяхъ страны. Въ государственномъ уложеніи 1791 года было, при всеобщихъ рукоплесканіяхъ, провозглашено постановленіе, «уничтожавшее навсегда всѣ аристократическіе титулы и всякое различіе рожденія, состоянія и касты», какъ будто для достиженія такого великаго результата всемірной исторіи достаточно высказать его въ законодательствѣ? Французская революція пошла еще далѣе; она

захотѣла не только разрушить аристократическое начало, но и истребить самые аристократическіе роды. Имѣть какое-либо отличіе отъ толпы признавалось за преступленіе. Многіе члены высшаго сословія погибли на эшафотѣ, другіе спаслись бѣгствомъ изъ своего отечества.

Исторія нѣмецкой аристократіи, въ сущности такая же, слѣдовала однако нѣсколько инымъ путемъ. Сословіе высшей аристократіи *имперскихъ князей* (Reichsfürsten) произвело распаденіе Германіи на отдѣльныя государственныя территоріи; подъ развалинами германскаго государства пало и это сословіе. Секуляризація духовныхъ княжествъ въ 1803 г. была великимъ успѣхомъ для необходимаго отдѣленія церкви отъ государства, и имѣла весьма плодотворныя послѣдствія для обоихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ рѣшительный ударъ для всего сословія высшей аристократіи. Медіатизація имперскихъ князей была для нея вторымъ роковымъ ударомъ. Мелкія княжества и непосредственные владѣтельные дома потеряли всякое значеніе въ эпоху, которая привела въ движеніе цѣлыя массы народовъ. Они были слишкомъ слабы и не могли противостоять политическимъ бурямъ, разразившимся надъ Европой въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія; по своей бѣдности они не могли удовлетворить новымъ потребностямъ современнаго просвѣщенія. Въ дѣйствительности они перестали быть независимыми государствами, поэтому надлежало имъ перестать быть таковыми и по праву. Медіатизація была важнымъ успѣхомъ для единства Германіи, хотя болѣе въ идеѣ и сущности, чѣмъ въ самомъ исполненіи, которое руководствовалось не естественными народными, историческими и географическими дѣленіями, не естественными племенными правами на государственную самостоятельность, а большею частію разными мелкими личными и династическими интересами и интригами. Такимъ образомъ *владѣльческое господство* высшей аристократіи, за исключеніемъ тѣхъ ея членовъ, которые достигли полной монархической власти и независимости, было совершенно упразднено въ Германіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, при распаденіи германской имперіи, исчезло и другое ея право, — право *голоса на сеймахъ* (Reichsstandschaft). Нельзя сказать, чтобы такая участь была вовсе не заслужена высшею германскою аристократіей. Германскіе князья уже въ теченіи столѣтій пользовались своимъ правомъ голоса на государственныхъ сеймахъ болѣе для своихъ личныхъ и родовыхъ интересовъ, нежели для обезпеченія благосостоянія всего германскаго государства. Но и это право было ими безпрестанно пренебрегаемо и сохранилось подъ конецъ скорѣе какъ юридическая фикція. Однакожъ, не смотря на тяжкіе удары временъ, до сихъ поръ еще элементъ высшей владѣльческой аристократіи не совершенно исчезъ въ Германіи: многія фамиліи сохранили обширныя поземельныя и родовыя имущества, уваженіе къ своимъ историческимъ именамъ, сознаніе и преданія фамильнаго и корпоративнаго единства, нѣкоторые наслѣдственные инстинкты независимости и достоинства. Все это можетъ сдѣлаться общественною и политическою силой въ рукахъ людей, которые поймутъ условія политической дѣятельности новаго времени, и все это безвозвратно погибнетъ въ его быстромъ движеніи, если наслѣдіе отцовъ будетъ служить только къ тому, чтобы тщетно призывать къ жизни формы быта, навѣки утратившаго всякій смыслъ для народа.

Вслѣдствіе разныхъ историческихъ и этнографическихъ особенностей, нигдѣ феодальныя права господской власти помѣщиковъ или дворянства не сдѣлались такъ ненавистными народу, какъ во Франціи. Это заслуживаетъ особеннаго вниманія, ибо феодальная система пустила болѣе или менѣе глубокіе корни и въ другихъ странахъ континентальной Европы. Между тѣмъ революціонныя движенія, устремившіяся къ уничтоженію феодальнаго ига, тяготѣвшаго надъ народонаселеніемъ, нигдѣ не происходили съ такимъ ожесточеніемъ и не пали для себя столько жертвъ, какъ во Франціи.

Къ концу XVIII столѣтія крѣпостное состояніе и самыя стѣснительныя для личной свободы крестьянъ пра-

ва господской власти преобладали почти повсемѣстно въ Германіи. Въ то же время почти во всѣхъ провинціяхъ Франціи крестьянинъ пользовался личною свободой, и на немъ оставалось весьма мало слѣдовъ собственно крѣпостной зависимости отъ господина. Но двѣ весьма важныя черты являются особенно выпуклыми въ развитіи французскаго общества; онѣ частію остались чужды другимъ странамъ, частію не приняли въ нихъ такихъ крайнихъ размѣровъ, какъ во Франціи, или были уравновѣшены другими явленіями. Съ одной стороны французскій крестьянинъ издавна имѣлъ особенную наклонность къ поземельной собственности, и нигдѣ земля не распалась на столько отдѣльныхъ участковъ личной собственности, какъ во Франціи. Собственность внушала особенное чувство независимости французскому крестьянину, а между тѣмъ она сверхъ силъ *обременена была всякаго рода повинностями* въ пользу помѣщика и государства. Съ другой стороны французское дворянство жило подлѣ народа какъ совершенно чуждый ему элементъ, оно не принимало никакого участія въ мѣстномъ управленіи. Французское дворянство успѣло утратить весь политическій элементъ своей власти и сохранить только денежныя, и даже отчасти пріумножить свои господскія хозяйственныя права. Эти права были весьма разнообразны и многочисленны даже въ концѣ XVIII столѣтія; нѣкоторыя изъ нихъ потеряли всякій смыслъ и оставались только по имени. Такъ барщина, хотя значительно смягченная, оставалась однако почти повсемѣстно; остались также пошлины въ пользу помѣщиковъ за проѣздъ по дорогамъ и мостамъ, за торговлю на ярмаркахъ и базарахъ, *исключительное* право дворянъ охотиться, заводить голубятни, обязанность крестьянъ молоть хлѣбъ на мельницахъ помѣщика и выжимать виноградъ въ его заведеніяхъ, пошлина помѣщику за всякую покупку и продажу земли въ границахъ его помѣстія (seigneurie). Наконецъ все пространство французской земли обложено было всякаго рода поземельными налогами и по-

вилостями, денежными и натуральными, въ пользу дворянства, и никто даже не имѣлъ права отъ нихъ откупиться. Одна общая черта характеризуетъ всѣ разнообразныя господскія права и крестьянскія повинности: *всѣ они привязаны къ землѣ или къ ея произведеніямъ, всѣ они падаютъ на земледѣльца* [1]). Къ дворянству присоединялось въ пользованіи всѣми этими привилегіями и духовенство, которое сдѣлалось предметомъ такой же ненависти, какъ и аристократія.

Тѣ же самыя привилегіи, но въ гораздо сильнѣйшей степени, принадлежали аристократіи въ феодальный періодъ, и не возбуждали противъ себя того ропота, который разразился въ народѣ противъ аристократіи въ эпоху позднѣйшей исторіи, преимущественно въ XVIII столѣтіи. Не говоря о многихъ другихъ причинахъ этого явленія, укажемъ здѣсь на то обстоятельство (первостепенной важности для разсматриваемаго нами предмета), что феодальная аристократія составляла часть самаго правительства страны, которому все народонаселеніе подчинялось, какъ одной общей системѣ власти и управленія. Съ развитіемъ единодержавія и усиленіемъ монархической власти, создалась постепенно новая система власти и государственнаго управленія; преслѣдуя свои личныя цѣли, континентальная аристократія не вошла въ эту систему, а оставалась ей чуждою. Въ Англіи аристократія ни на минуту не выпускала изъ своихъ рукъ вліяніе на государственныя дѣла и, безпрестанно уступая свои *господскія* права, старалась только сохранить преимущественно *политическія* права, которымъ народъ подчинился безъ ропота, какъ силѣ, охранявшей законность въ странѣ и обезпечивавшей самостоятельность общества, противъ произвола самовластія центральнаго правительства. Во Франціи, гдѣ съ одной стороны корона успѣла съ особеннымъ искус-

---

[1]) *L'ancien régime et la révolution* par Alexis de Tocqueville. Paris. 1856 p. 57, слѣд.

ствомъ воспользоваться централизирующими влеченіями романскаго духа, а съ другой стороны дворянство промѣняло свое участіе въ мѣстномъ и государственномъ управленіи на блескъ и пышность придворной службы, на прелести свѣтской жизни, — весьма естественно, что дворянство сдѣлалось какимъ-то посторонимъ, ненужнымъ членомъ въ народѣ, паразитомъ.

Еще нельзя не обратить вниманія на одну особенность вліянія административной централизаціи на положеніе аристократіи, особенность, преимущественно проявившуюся во французской исторіи. Когда мѣстное управленіе теряетъ всякую самостоятельность и все находится въ зависимости не отъ представителей мѣстнаго народонаселенія, а отъ центральной власти, которая подчиняетъ всѣ мѣстные интересы своимъ агентамъ, тогда нѣтъ того повседневнаго общенія между гражданами разныхъ классовъ и званій въ обсужденіи и исполненіи одного общаго дѣла — недостаетъ того, что̀ обобщаетъ ихъ стремленія и, повседневнымъ столкновеніемъ мелкихъ, практическихъ интересовъ, предупреждаетъ столкновеніе важнѣйшихъ интересовъ и не даетъ возгорѣться враждѣ сословій. Во Франціи граждане и различныя группы народонаселенія оставались совершенно чуждыми другъ другу, ибо имъ не случалось ни въ одномъ публичномъ дѣлѣ сходиться вмѣстѣ и вмѣстѣ напрягать усилія къ водворенію благоустройства въ странѣ или къ охраненію лицъ и имуществъ отъ всякаго рода насилія; правительство опекало всѣ интересы: нигдѣ не встрѣчались между собою для взаимныхъ соглашеній, разные классы общества питали вражду другъ къ другу и обращались для своего замиренія и уравненія къ единой распорядительницѣ ихъ судебъ — центральной власти [1]).

Чтобы дополнить очеркъ континентальной аристократіи, мы представимъ еще нѣсколько характеристиче

---

[1]) *L'ancien régime et la révolution.* Ch. VIII и IX.

скихъ чертъ ея быта. Иначе нельзя судить о значеніи пынѣшнихъ обломковъ феодальной аристократіи, какъ взглянувъ на цвѣтущую ея эпоху, на средніе вѣка. Здѣсь аристократія была краеугольнымъ камнемъ всего общественнаго устроиства, и, изучая ее, мы можемъ изучить ту *организацію общества*, которую общественные элементы того времени вполнѣ осуществили. Въ устройствѣ аристократіи высказалась самымъ яркимъ образомъ соціальная идея среднихъ вѣковъ; она дала въ формѣ аристократіи все то, что она могла дать, и когда новыя идеи и начала вступили въ борьбу съ элементами средневѣковаго общества, то весьма естественно, что самые жестокіе удары пали на главную представительницу этихъ элементовъ — аристократію. Въ послѣдствіи мы увидимъ, все ли, вмѣстѣ съ формою, обречено въ ней гибели, всѣ ли безъ изъятія условія ея существованія вымерли въ современномъ обществѣ.

Духъ *союзности и братства* проявился въ средневѣковой аристократіи съ такою силой, какая не имѣетъ досель ничего себѣ подобнаго [1]). Въ этомъ отношеніи даже гильдіи и цехи горожанъ уступаютъ аристократіи. Ея товарищества какъ будто осуществляютъ собою идеалы повѣйшихъ утопистовъ, съ тою только существенною разницею, что здѣсь одною изъ основъ была семейная и родовая связь, пропикавшая собою всѣ средневѣковыя отношенія, и одною изъ необходимыхъ принадлежностей — сословное обособленіе и замкнутость. Это обособленіе распространялось на все сословіе, а не на отдѣльныя лица, которыя были въ средневѣковомъ европейскомъ обществѣ несравненно менѣе обособлены, чѣмъ нынѣ. Сельскій дворянинъ сидѣлъ, большею частію, на земляхъ высшей аристократіи; иногда цѣлое общество дворянъ строило для себя замокъ, или покупало его, нанимало, брало въ аренду и жило въ немъ. Самыми

---

[1]) *Die bürgerliche Gesellschaft* von W. H. Riehl. 1855. *Die mittelalterliche Aristocratie als der Mikrokosmus der Gesellschaft.* стр. 1-26.

опасными для мирныхъ путниковъ были замки, обитаемые подобными товариществами рыцарей; въ нихъ гнѣздились шайки грабителей и разбойниковъ, омрачающихъ собою исторію феодальной аристократіи. Цѣлые аристократическіе роды строили монастыри, можетъ-быть менѣе для удовлетворенія чувству благочестія, чѣмъ для того, чтобы можно было жить подъ однимъ кровомъ семействамъ слишкомъ размножившимся и не помѣщавшимся въ родовыхъ замкахъ. Благородныя дѣвицы отдавались въ монастыри для воспитанія не только въ духѣ религіи, но и въ духѣ обычая и дисциплины, обнимавшихъ собою все сословіе.

Соединеніе рыцарства съ монашествомъ было самымъ крайнимъ выраженіемъ корпоративнаго духа среднихъ вѣковъ; въ этой чудовищной формѣ уничтожалась всякая личность, а потому и уничтожалось самое общество людей, которое состоитъ изъ лицъ. Но и въ этомъ болѣзненномъ явленіи проявлялся тотъ же духъ союзности аристократіи. Отдѣльныя товарищества связывались между собою въ болѣе обширные круги, которые простирались на большія пространства, захватывали нѣсколько странъ. Чтобы вполнѣ понять характеръ и типъ феодальной аристократіи, нужно, можетъ-быть, всего болѣе обратить вниманіе на этотъ корпоративный ея духъ. Въ немъ отражается все средневѣковое общество, ибо до окончательнаго образованія городскихъ общинъ аристократія составляла все средневѣковое общество.

Строгія правила для рыцарскихъ турнировъ и праздествъ не были только внѣшними обрядами и приличіями, какими они сохранились впослѣдствіи въ преданіи; въ нихъ заключалась вся нравственная дисциплина сословія, всѣ его понятія о чести и справедливости [1]). И эта дисциплина свято соблюдалась всѣми членами, малѣйшее ея нарушеніе было поводомъ къ отлученію отъ союза;

---

[1]) См. тамъ же стр. 140.

дисциплина, охранявшая собою внутренній порядокъ въ сословіяхъ, происходила изнутри ихъ самихъ и не требовала никакого посторонняго полицейскаго вмѣшательства. Постепенность власти, отличія, разряды, званія и должности — все это было дѣломъ внутренняго распорядка самихъ членовъ корпорацій. Только съ упадкомъ феодальной аристократіи, когда духъ свободнаго товарищества въ ней вымеръ, въ XVI столѣтіи, начинается рядъ государственныхъ постановленій, опредѣляющихъ внѣшнія принадлежности званія и чиновъ аристократіи; но эта формальная регламентація не могла спасти самаго учрежденія, сущность котораго, при измѣнившемся характерѣ общества, исчезла. Естественныя основы жизни феодальной аристократіи, ея органическія связи съ остальнымъ обществомъ именно подтверждаются тѣмъ, что она стояла несравненно ближе къ мѣщанству и крестьянству, чѣмъ новѣйшая аристократія. Призваніе благороднаго, въ феодальный періодъ, не могло быть иначе мыслимо, какъ въ связи съ землею и поземельною собственностію, и даже находилось въ самой неразрывной зависимости отъ извѣстнаго, опредѣленнаго клочка земли, на которомъ дворянинъ сидѣлъ и господствовалъ. Въ средневѣковыхъ памятникахъ дворяне являются безпрестанно дѣйствующими, совокупно съ прочими сословіями, въ особенности въ кругу свободныхъ общинъ, вмѣщавшихъ въ себѣ людей всякаго званія [1]). Такъ говорится часто: «мы, благородные, и мѣщане» и проч. Осѣдлость, привязанность аристократіи къ землѣ въ средніе вѣка давали прочную опору ея отношеніямъ къ народонаселенію.

На общественныя привиллегіи феодальной аристократіи надо взглянуть съ точки зрѣнія состоянія общества того времени [2]). Одна изъ наиболѣе-цѣнимыхъ ею привиллегій было древнее право быть судимымъ только равными: благородный ни въ какомъ случаѣ не былъ подсуденъ небла-

---

[1]) Тамъ же, стр. 141.
[2]) Тамъ же стр. 147.

городному. Къ этому присоединялось не менѣе важное преимущество лицъ благороднаго сословія быть всегда, гдѣ бы они ни находились, судимыми по законамъ своего отечества. Въ наше время такое преимущество, не раздѣляемое прочими классами общества, было бы ненавистно и ничѣмъ неоправдываемо. Но въ историческомъ развитіи общества оно находитъ полное свое оправданіе. Въ смыслѣ среднихъ вѣковъ, благородное сословіе или рыцарство представляло собою все образованное общество, или лучше все гражданское общество. Защищая передъ короною свою привиллегію *суда чрезъ равныхъ*, какъ и многія другія привиллегіи, аристократія защищала свою самостоятельность, свою *общественную льготу* передъ наступавшею на всѣ общественныя льготы и постепенно распространявшеюся центральною государственною властью. Она открывала этимъ путь для другихъ сословій, одно за другимъ пріобрѣтавшихъ нравственную и экономическую самостоятельность и одно за другимъ требовавшихъ для себя отъ правительства тѣхъ же самыхъ привиллегій и льготъ. Такимъ образомъ аристократія становилась во главѣ движенія, мало-по-малу проникавшаго во всѣ слои общества. За сословіемъ благородныхъ, получившимъ наслѣдіе отъ древней жреческой касты, слѣдовало мѣщанство, крестьянство и наконецъ вся масса народа. Но не во всѣхъ странахъ аристократія сумѣла выполнить эту великую историческую и общественную роль. Вмѣсто того, чтобы пріобщать къ своимъ общественнымъ льготамъ всѣ классы общества и почерпать въ нихъ силу для ихъ защиты передъ центральною властью, она обособилась въ узкій сословный кругъ и вступила въ безсмысленную борьбу за свои привиллегіи съ прочими классами общества. Весьма справедливо замѣчаетъ г. Риль: „Жилище благороднаго человѣка было неприкосновенною святынею, свободною областью, которая не могла быть безнаказанно нарушена ничьимъ насиліемъ, изъ которой ни хозяинъ, ни его домочадцы не могли быть произвольно изгоняемы. Когда наши новѣйшія законодательства требуютъ, чтобы полицейскія

чиновникъ не могъ безнаказанно нарушать миръ частнаго дома, чтобы никакой арестъ не могъ послѣдовать безъ особаго судебнаго опредѣленія, то это значитъ, что *миръ зàмка* долженъ сдѣлаться всеобщимъ для всѣхъ равнымъ *миромъ домашняго очага*, что независимость зàмка должна распространиться на всю землю, точно такъ же, какъ общественное понятіе зàмка мало по малу расширилось въ понятіе города и деревни. *Весьма мало можно найти началъ въ современномъ либерализмѣ, которыя бы не были аристократическаго происхожденія.*»

Свобода отъ податей, сдѣлавшаяся одною изъ самыхъ несправедливыхъ привиллегій дворянства въ новѣйшихъ государствахъ, была вовсе даже не привиллегіею въ феодальномъ періодѣ. Рыцарь уплачивалъ свою подать натурою, постоянно принося въ жертву отечеству свою жизнь. Но этотъ способъ отправленія повинности потерялъ всякій смыслъ съ устройствомъ регулярныхъ войскъ, и свобода отъ податей сдѣлалась ничѣмъ неоправдываемою привиллегіею съ прекращеніемъ обязательной службы рыцаря знамени своего феодальнаго господина. Чѣмъ болѣе оставались въ своей силѣ государственныя привиллегіи дворянства послѣ освобожденія ихъ отъ исключительныхъ государственныхъ обязанностей, тѣмъ тяжелѣе былъ гнетъ его для прочихъ классовъ общества.

Въ XVI столѣтіи начинается процессъ совершеннаго внутренняго разложенія феодальной аристократіи. Внутри ее раздираютъ междоусобныя кровавыя вражды, которыя уже болѣе, чѣмъ средневѣковыя рыцарскія распри. Въ актѣ избранія Карла V рыцарскіе союзы поставлены на равную степень государственной опасности, какъ и тайные союзы недовольныхъ крестьянъ [1]). Духъ общественной централизаціи, духъ упрощенія стариннаго сословнаго разнообразія, охватившій собою всѣ классы общества и работавшій надъ нимъ въ теченіи трехъ вѣковъ,

---

[1]) Тамъ же. *Der Verfall der mittelalterlichen Aristocratie*, стр. 15

обнаружилъ свое особенное могущество надъ аристократіей. Тысячи мелкихъ аристократическихъ группъ соединились, въ продолженіи этой общественной революціи, въ крупныя массы. Монархи, стоявшіе прежде въ сердцѣ феодальной аристократіи, сдѣлались ей чужды; все ихъ вниманіе было обращено на усиленіе своей государственной власти. и они не могли быть равнодушны къ господству феодальныхъ владѣльцевъ. Вся аристократическая группа феодальнаго періода распалась на двѣ главныя группы: *высшую аристократію*, стремившуюся къ верховной власти, сломленную во Франціи и разнесшую германское государство на отдѣльныя владѣнія, и *низшую аристократію или дворянство:* придворную аристократію, сельское дворянство, титуловашую знать и т. д.

Нравственный упадокъ аристократіи представляется въ самыхъ выпуклыхъ чертахъ во Франціи. Здѣсь она болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь превратилась въ толпу придворныхъ служителей и титулованной знати, не имѣвшей никакого основанія въ дѣйствительныхъ интересахъ народа. Весьма характеристичны слова герцогини Орлеанской, невѣстки Людовика XIV, въ письмѣ ея къ сестрѣ въ Германію: «Знатные люди здѣсь гораздо болѣе развратны, нежели простой народъ. Французы считаютъ какою-то честью быть развратными, и еслибы кто вздумалъ любить свою жену, то онъ прослылъ бы за дурака (sot), и его бы всѣ презирали. Также считается достоинствомъ не любить своихъ родныхъ: только мѣщане имѣютъ подобныя привязанности» [1]). Эта мелкая черта изъ жизни французскаго благороднаго класса наводитъ на весьма-серіозные симптомы его болѣзни. Историческое *сознаніе семейной связи* есть едва ли не одно изъ самыхъ существенныхъ началъ для аристократіи; это начало тѣмъ болѣе важно, что оно само собою не сопро-

---

[1]) Тамъ же стр. 162.

вождается никакимъ ущербомъ для всякихъ другихъ проявленій народной жизни, оно не нуждается ни въ какихъ насильственныхъ привиллегіяхъ и можетъ свободно развиваться во всѣхъ слояхъ общества: въ крестьянствѣ, мѣщанствѣ, столько же какъ и въ средѣ богатыхъ землевладѣльцевъ и всякаго рода знати. Аристократическія преданія рода, то-есть, извѣстная связь членовъ одного рода около имени, прославленнаго нѣсколькими поколѣніями честныхъ гражданъ, столько же возможны въ крестьянской избѣ, въ купеческой конторѣ, какъ и въ домѣ дворянина. Но когда это начало, основанное на естественныхъ свойствахъ и влеченіяхъ человѣческой природы, замѣняется искусственно тщеславною привязанностью къ именамъ болѣе пышнымъ, чѣмъ честнымъ, съ исключеніемъ права на эту привязанность для обѣдиѣвшихъ, захудавшихъ потомковъ рода, тогда такія притязанія дѣлаются посмѣшищемъ и предметомъ презрѣнія въ народѣ.

Нѣмецкое сельское дворянство, которое, строго храня обычаи предковъ, оставалось жить въ своихъ деревняхъ, служило одною изъ любимѣйшихъ темъ для насмѣшекъ въ аристократическихъ салонахъ того времени [1]); смыслъ сельской осѣдлой жизни, казалось, былъ совершенно потерянъ для тогдашней аристократіи. Множество дворянскихъ имѣній было продано и раздроблено безъ всякой надобности. Только въ весьма недавнее время дворянство въ Германіи стало снова обращать серіозное вниманіе на свои имѣнія. Какъ ни обособилось, ни съузилось въ своихъ понятіяхъ нѣмецкое сельское дворянство, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, но оно оставалось несравненно болѣе народнымъ, нежели придворное дворянство, потерявшее всякое чутье народности. Сельское нѣмецкое дворянство, какою бы стариною ни пахли многія его преданія и обычаи, сохранило свой тонъ, несравненно болѣе сочувственный народу, чѣмъ уродливыя со-

---

[1]) Тамъ же стр. 163.

словныя предубѣжденія и притязанія городской и столичной толпы недорослей, *юнкерства*, какъ бы ни были утончены внѣшнія формы его образа жизни. Постоянное соприкосновеніе сельскаго дворянина съ крестьянствомъ освѣжаетъ дворянство; въ атмосферѣ придворной и исключительно салонной жизни нѣтъ этихъ освѣжающихъ элементовъ.

Рыцарство среднихъ вѣковъ имѣло свои особенныя, строгія понятія *о внѣшнихъ аристократическихъ приличіяхъ*, объ аристократическомъ образѣ жизни. Крайній, утонченный формализмъ въ понятіи о достоинствѣ и чести обличалъ, какъ это всегда бываетъ, грубость нравовъ. Постоянно ощущаемая опасность насилія противъ личности, противъ слабѣйшей половины человѣческаго рода, отсутствіе истиннаго сознанія человѣческаго достоинства и нравственнаго уваженія къ женщинѣ заставляютъ всегда и вездѣ окружать личную честь и отношенія половъ разными формальными условіями внѣшняго приличія, которыми одни стараются прикрыть грубость своихъ инстинктовъ, другіе хотя механически защитить отъ посторонняго нарушенія свое чувство чести и естественной стыдливости. Этотъ физіологическій общественный фактъ соединенія крайняго формализма людскихъ отношеній съ крайнею внутреннею безнравственностью ихъ весьма обыкновенный, и достаточно для его подтвержденія указать на нравы восточной жизни. Но возникновеніе въ народѣ внѣшнихъ правилъ учтивости есть, во всякомъ случаѣ, первый шагъ успѣха въ сознаніи чувства чести, первый шагъ въ нравственномъ пониманіи отношеній къ женщинѣ; только если народъ останавливается на этихъ правилахъ, если они цѣпенѣютъ въ неподвижныхъ формулахъ, то, значитъ, на пути его нравственнаго развитія нѣтъ никакого движенія. Рыцарскіе нравы и обычаи постепенно переходятъ въ массы общества; высшее мѣщанство перенимаетъ по своему внѣшнія аристократическія приличія, которыя мало-по-малу сдѣлались въ настоящее время достояніемъ всѣхъ образованныхъ лю-

дей въ европейскомъ обществѣ. И здѣсь вліяніе аристократіи было благодѣтельно, она была учительницею приличнаго обращенія людей для всѣхъ классовъ общества. Но именно то, что служитъ и здѣсь, какъ и въ другихъ сферахъ жизни, честью для аристократіи, то-есть постепенное превращеніе ея монополіи во всеобщее достояніе, то постоянно оспаривается континентальнымъ *благороднымъ* сословіемъ, которое, во что бы то ни стало, не хочетъ понять своего историческаго общественнаго призванія и, во что бы ни стало, силится придать своему достоянію, нравственному и матеріальному, характеръ сословной *монополіи*, то-есть именно тотъ характеръ, который только и дѣлаетъ ее ненавистною. Рыцарскія понятія о чести и рыцарскія внѣшнія приличія жизни далеко развились и подвинулись впередъ въ умственномъ и промышленномъ движеніи послѣдняго времени; для современнаго человѣка съ высокимъ нравственнымъ развитіемъ и истиннымъ образованіемъ, человѣческая честь вовсе не заключается въ упражненіи тѣла для дуэли, въ удачныхъ интригахъ съ женщинами, въ безбоязненной увѣренности побѣдить всѣ женскія сердца, въ потерявшихъ всякій общественный смыслъ гербахъ на каретахъ и ливреяхъ и т. д. Современный образованный человѣкъ простираетъ свои понятія о человѣческой доблести нѣсколько далѣе подобныхъ проявленій рыцарскаго духа, когда-то живыхъ и осмысленныхъ жизнію, теперь давно вымершихъ. Между тѣмъ многіе представители благороднаго сословія на континентѣ Европы оцѣпенѣли въ этихъ обычаяхъ стараго времени и какъ будто убѣждены, что старое время не завѣщало имъ ничего другаго для храненія, кромѣ этихъ печальныхъ обломковъ борьбы и обычаевъ принесшихъ ихъ предковъ.

Нравы и обычаи народа преуспѣвающаго непрерывно видоизмѣняются: обычай, получающій значеніе въ связи съ окружающими его обстоятельствами общественной жизни, и потому нисколько не нарушающій общественной нравственности своего времени, дѣлается, съ пере-

мѣною обстоятельствъ, не только нелѣпымъ, но часто безнравственнымъ. Такъ напр. обиліе яствъ и питей въ эпоху рыцарства обусловливалось тревожною, воинственною его жизнію, которая требовала частыхъ возбужденій. Въ средніе вѣка говорилось — *nobiliter bibere*, благородно пить, это значитъ много пить. Но когда благородные потомки, нимало не разставаясь съ своимъ благороднымъ преданіемъ, и въ XVII столѣтіи поставляютъ своею особенною честью напиваться мертвецки пьяными, выпить больше, чѣмъ другіе кружекъ вина не переводя духа, уже не за своею рыцарскою трапезою, а за столомъ своихъ знатныхъ покровителей и королей, то мы понимаемъ, что древнее благородное сословіе доживаетъ свои вѣкъ и справляетъ свою тризну.

Занятія, дѣятельность и связанныя съ ними обязанности феодальной аристократіи представляются въ весьма выпуклыхъ и ясныхъ очертаніяхъ [1]). Каждый членъ этой аристократіи точно такъ же твердо и точно сознавалъ свои обязанности и свое общественное призваніе. Въ послѣдующіе вѣка царствуетъ совершенная неопредѣленность и неясность въ занятіяхъ и обязанностяхъ аристократіи. Понятіе о сословной корпораціи исчезаетъ въ понятіи о чинѣ и званіи. Уже измѣненіе въ самыхъ титулахъ аристократіи весьма значительно. Старинными титулами выражались извѣстныя опредѣленныя должности, имѣвшія значеніе для всего общества. Названія графовъ, маркграфовъ, герцоговъ, курфирстовъ, князей и проч. указывали на извѣстные роды дѣятельности, давали извѣстное мѣсто въ обществѣ и государствѣ. Эти характеристическіе титулы или вовсе исчезаютъ, или теряютъ всякое значеніе въ дѣйствительности и обращаются въ пустые звуки.

Англійская аристократія совершенно разнится отъ континентальныхъ аристократій: исторія ея въ высшей

---

[1]) Тамъ же, стр. 167.

степени поучительна, и потому мы сдѣлаемъ отдѣльный очеркъ ея. Мы имѣемъ теперь передъ собою новый трудъ по этому предмету германскаго историка Макса Дункера [1]), которымъ преимущественно и воспользуемся, дополняя историческіе факты частью свѣдѣніями, почерпнутыми въ другихъ источникахъ, частью собственными нашими замѣчаніями.

Въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ судьбы Великобританіи и англосаксонскаго общества были почти одинаковы съ континентальною Европой; первый рѣшительный шагъ англійской исторіи по другому пути начинается съ норманскаго завоеванія. Когда Вильгельмъ Завоеватель покорилъ Англію (гастингскою битвою, въ 1066 г.), то тамъ уже существовало рыцарство; но оно еще не успѣло достигнуть полнаго своего развитія, не захватило еще всѣхъ началъ власти. Вильгельмъ не отдалъ всей страны съ ея народонаселеніемъ въ добычу своей дружинѣ; онъ видѣлъ и зналъ феодализмъ, видѣлъ безсиліе французской короны, посреди владѣтельной аристократіи, кромѣ того ему нужно было въ странѣ, сдѣлавшейся завоеванной, оставить свое войско въ болѣе тѣсной и постоянной отъ себя зависимости. Могущество барономъ на материкѣ заключалось въ пространствѣ и округленности ихъ поземельныхъ владѣній и въ подчиненіи имъ всего мѣстнаго рыцарства и народонаселенія на правахъ частной, владѣльческой собственности. Вильгельмъ образовалъ бароніи гораздо мельче, изъ участковъ, разбросанныхъ по всей странѣ, и рыцарство каждой баронiи обязано было принести присягу ленной вѣрности не только своему барону, но и королю; такимъ образомъ бароны не могли поднимать рыцарей на брань противъ короля, какъ на материкѣ. Могущество барономъ на материкѣ основывалось преимущественно на томъ, что они обратили провинціи, округи, то-есть части государ-

---

[1]) *Feodalität und Aristocratie.* Ein Vortrag am 18 März 1858 zu Tübingen gehalten, von Max Dunker. Berlin, 1858.

ства, въ свои господскія владѣнія. Вильгельмъ сдѣлалъ строгое различіе между правительственными округами и бароніями. Баронъ не получилъ никакихъ другихъ правъ кромѣ предводительства и ленпаго суда надъ рыцарствомъ своей баронін. и низшаго суда надъ содержателями его земли. Графства, старинныя дѣленія страны, продолжали существовать подлѣ бароній. Управленіе ими Вильгельмъ поручилъ особымъ чиновникамъ, шерифамъ; назначалъ въ эту должность прелатовъ, барономъ, рыцарей, но никогда не отдавалъ ея въ частное владѣніе, какъ лепъ. Въ вознагражденіе даны были не доходы съ земли, а указаны были особые источники. Шерифы были чиновники, назначаемые и увольняемые королемъ. Дабы они никогда не забывали своего положенія, они должны были періодически отдавать казнѣ отчетъ въ управленіи. Не бароны, а шерифы были во главѣ судебной власти въ графствѣ; они созывали къ судебнымъ и административнымъ собраніямъ графства всѣхъ свободныхъ жителей; суду графства былъ подсуденъ баронъ, точно такъ же, какъ и рыцарь, какъ и свободный крестьянинъ, кромѣ дѣлъ, касавшихся ленныхъ отношеній земли. Такимъ образомъ бароны не могли сдѣлать свои баронін замкнутыми владѣніями, исключительно имъ подсудными; рыцари не могли сдѣлать сосѣднихъ свободныхъ крестьянъ своими подданными. Подчиненіе всѣхъ сословій одной и той же судебной власти положило начало чувству извѣстнаго юридическаго равенства между всѣми сословіями Англіи; оно спасло свободу крестьянъ [1]). Чрезвычайно любопытно видѣть въ Англіи, въ самой глубинѣ феодальнаго періода, эти зачатки разумнаго государственнаго устройства, здравыхъ понятій о разграниченіи сферы частныхъ и государственныхъ отношеній; судебная власть, единственная опора гражданской независимости, является уже въ эту темную эпоху превыше всѣхъ сословныхъ

---

[1]) См. названное сочиненіе, стр. 3—5.

интересовъ. И такъ не въ однихъ своевременныхъ и благоразумныхъ уступкахъ аристократіи заключается могущество англійскаго народа: уже въ эпоху повсемѣстнаго варварства, въ самый разгаръ феодальнаго періода, аристократія въ Англіи не была тѣмъ, чѣмъ на материкѣ Европы.

Уже въ половинѣ XII столѣтія Генрихъ II отнялъ у барововъ право защищаться другъ противъ друга оружіемъ, и лишилъ ихъ даже возможности вести междоусобныя брани уничтоженіемъ всѣхъ укрѣпленныхъ баронскихъ замковъ; право имѣть замки онъ предоставилъ только королю [1]). Прекращеніе феодальныхъ междоусобій въ Англіи весьма важно; ибо они раздирали собою все единство государственной жизни въ континентальной Европѣ, и съ другой стороны давали центральной государственной власти, вслѣдствіе отсутствія единства между поземельными владѣльцами, способы къ излишнему распространенію ея могущества на счетъ земства. Генрихъ II даже рѣшился снова вооружить англо-саксонское народонаселеніе, крестьянъ. Эта вооруженная сила находилась въ зависимости отъ шерифовъ, которые назначали офицеровъ, и должна была водворять миръ, принуждая къ нему барововъ и рыцарей. Крестьяне были обязаны службою только внутри своихъ графствъ и потому не могли быть систематически изнурены военною службою въ отдаленныхъ странахъ, какъ милиція Карла Великаго. Оружіе дало покоренному народонаселенію снова сознаніе его самостоятельности. Но и противъ самовластія шерифовъ были приняты мѣры: контроль королевскихъ коммиссаровъ, судебная власть и присяжные отъ всѣхъ сословій [2]).

Въ XIII столѣтіи въ Германіи государство разлагается, во Франціи усиливается королевская власть, въ Англіи упрочивается государственное устройство и созидается

---

[1]) Тамъ же, стр. 5.
[2]) Тамъ же.

конституція. Въ то время какъ германскіе бароны дѣлятъ между собою государство, центральная государственная власть охватываетъ собою всѣ феодальныя владѣнія въ Англіи. Уголовная власть, полиція, лѣпныя отношенія дѣлаются обильнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ для англійскихъ королей [1]), которые дѣлаютъ чувствительною для своихъ вассаловъ феодальную зависимость, въ такой сильной степени, какая была совершенно неизвѣстна на материкѣ.

Для барономъ Англіи оставалась одна возможность облегчить эту зависимость — ограниченіе пространства и произвола самой королевской власти. Они должны были попытаться пріобрѣсти себѣ ту силу, которая сама собою досталась на долю ихъ собратій на материкѣ, при самомъ образованіи феодальнаго государства, — *голосъ въ совѣтѣ короля* [2]).

Но чтобъ эта сила была не мнимая, а дѣйствительная сила, чтобъ участіе въ совѣтѣ короля было не одною формальностью, а положительнымъ правомъ въ государственномъ управленіи, необходимо было, чтобы бароны дѣйствовали соединенными силами, чтобъ они явились передъ королевскою властью въ видѣ могущественной корпораціи, а не въ числѣ нѣсколькихъ разобщенныхъ между собою голосовъ. Тутъ возникалъ самый существенный вопросъ: допустятъ ли рыцари и крестьяне ослабленіе короны, ихъ естественной покровительницы? Къ какимъ уступкамъ ни принудили бы бароны королевскую власть, эти уступки не могутъ быть прочны, если въ нихъ не будутъ заинтересованы всѣ прочія сословія. Англійскіе бароны хорошо все это поняли [3]). Воспользовавшись слабостью короля Іоанна Безземельнаго, они пріобрѣли себѣ у королевской власти (въ 1215 г.) знаменитую хартію — *magna charta* — первый несокрушимый столпъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 8.
[2]) Стр. 9.
[3]) Тамъ же, стр. 9.

англійской конституціи. Хартія уменьшила сборъ съ барономъ въ пользу короны за переходъ ихъ земель къ новымъ владѣльцамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ понижень былъ и сборъ съ рыцарей въ пользу бароновъ, за переходъ ленныхъ имуществъ первыхъ. Бароны обязали королевскую власть взимать доходы съ ихъ владѣній только въ случаяхъ разъ навсегда опредѣленныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они обязались, и съ своей стороны, въ томъ же самомъ относительно своихъ вассаловъ — рыцарей. Вообще всѣ облегченія, выпрошенныя баронами для себя, были ими распространены и на рыцарей. Но не только о себѣ и о рыцаряхъ позаботились бароны, они упрочили льготы и для остальнаго народонаселенія. Они утвердили навсегда за городскими общинами ихъ вольности, которыя неоднократно покупались этими общинами и снова отнимались короною. Древнее саксонское обычное право, обезпечивавшее самостоятельность крестьянъ, судовъ и управленія графствъ, было освящено закономъ; крестьяне были ограждены отъ произвола шерифовъ. *Наконецъ право сопротивленія, въ случаѣ нарушенія, со стороны короны, постановленій хартіи, предоставили бароны не только себѣ, но и всѣмъ безъ изъятія сословіямъ, корпораціямъ и общинамъ въ государствѣ; хотя съ этого договора съ короною должна быть выдана каждому приходу* [1]). Ошибочно было бы думать, что англійская корона была расположена во всемъ добровольно подчиняться постановленіямъ хартіи, что она осталась навсегда чуждою искушенію перейдти границы своего договора. Такое мнѣніе было бы весьма легкомысленно и противно всѣмъ понятіямъ о естественныхъ пружинахъ и наклонностяхъ власти въ человѣческихъ обществахъ. Подобныя попытки были и въ Англіи, и далеко не въ маловажныхъ размѣрахъ; безъ всякаго сомнѣнія, эти попытки и удались бы въ Англіи, какъ удались въ другихъ странахъ, еслибы

---

[1]) Тамъ же, стр. 10.

за англійскими баронами не стояли всѣ прочія сословія, весь народъ. Англійскіе бароны должны были пройдти тяжкую школу, прежде нежели они поняли истинное свое призваніе. Но вступивъ въ прочный союзъ съ общинами, англійская аристократія не изолируетъ отъ нихъ своихъ интересовъ, крѣпко за нихъ держится, постоянно призываетъ на свою помощь представителей всѣхъ сословій и выдерживаетъ борьбу побѣдоносно. Благодаря праву являться своимъ лицомъ на парламентахъ, благодаря своему званію, пользовавшемуся всеобщимъ уваженіемъ, благодаря своимъ обширнымъ имуществамъ, англійскіе бароны стали во главѣ представителей всѣхъ сословій. Но они честно сохранили союзъ съ земствомъ, взаимность интересовъ съ рыцарями и мѣщанами. Никогда не пытались бароны воспользоваться своимъ положеніемъ въ странѣ, для того чтобъ освободиться отъ налоговъ и тягостей, лежавшихъ на всемъ народѣ, и перенести государственное бремя на прочія сословія. Духовенство также дружно соединилось съ баронами. Оно вмѣстѣ съ ними пріобрѣло великую хартію. Въ половинѣ XIII столѣтія, къ сопротивленію бароновъ противъ нарушеній конституціи Генрихомъ III, прелаты Англіи присоединили и свое оружіе, церковное отлученіе [1]).

Рыцарство раздѣлялось въ Англіи не по баронiямъ, а по графствамъ, то-есть по правительственнымъ округамъ. Не по баронiямъ, не какъ жители или подданные владѣній бароновъ, а по графствамъ, какъ подданные всего государства, избирали рыцари своихъ представителей въ парламентъ. Избраніе представителей графствъ производилось подъ наблюденіемъ шерифа, на собраніяхъ всего графства, въ которыхъ принимали участіе, точно такъ же какъ и въ судахъ графствъ, свободные крестьяне. На этихъ собраніяхъ раскладывались и государственныя подати. Вѣроятно, крестьяне въ самомъ началѣ немного

---

[1]) Тамъ же, стр. 14.

участвовали въ выборахъ рыцарей, но чрезвычайно важно самое начало, по которому рыцари являются представителями не одного только собственнаго сословія, а всего народонаселенія графства; въ парламентѣ они должны дать свое согласіе на взиманіе податей не только съ рыцарей, но и съ крестьянъ. Такимъ образомъ и для короны было невозможно и противно ея интересамъ удалять свободныхъ крестьянъ отъ выборовъ [1]). Въ этотъ важный для правильной политической жизни вопросъ о *соединеніи и гармоніи сословнаго интереса съ народнымъ* мы ближе вникнемъ еще въ послѣдствіи.

Король Генрихъ II предоставилъ рыцарямъ откупаться денежною повинностью отъ ленной воинской службы. Великая хартія дозволила рыцарству свободное отчужденіе частей рыцарскихъ владѣній; но раздробленіе ихъ допускалось лишь въ той мѣрѣ, въ какой неотчужденныя части рыцарскихъ владѣній достаточны были для выполненія воинской повинности. При Эдуардѣ I (въ 1290 г.), съ согласія всего рыцарства была постановлена *отчуждаемость всякаго рыцарскаго имѣнія* подъ условіемъ, чтобы воинская повинность продолжала оставаться на немъ и съ него бы выплачивалась. Съ этой поры каждое лицо въ Англіи могло пріобрѣтать поземельную собственность, обложенную воинскою службой. Генрихъ III обязалъ каждаго наслѣдника леннаго владѣнія получать рыцарскую инвеституру отъ короля, съ уплатою ему за то пошлинъ. Въ 1307 г. Эдуардъ II обязалъ рыцарскою инвеституроюю *всякаго поземельнаго собственника*, имѣющаго двадцать фунтовъ стерлинговъ ежегодной ренты. Это уничтожало характеръ прежняго рыцарства и созидало совершенно новое рыцарство. Оно дѣлалось отнынѣ совершенно открытымъ сословіемъ, въ которое *всякій значительный землевладѣлецъ не только могъ, но и долженъ былъ вступить* [2]). Рыцарство или

---

[1]) Тамъ же, стр. 17.
[2]) Тамъ же, стр. 18.

сословіе благородныхъ дѣлалось не кастою, а общественнымъ *классомъ*, основаннымъ на умственныхъ и матеріальныхъ интересахъ, на занятіяхъ, для всѣхъ равно доступныхъ, для всѣхъ равно полезныхъ. Такого великаго факта для исторіи сословій, совершившагося въ Англіи въ самомъ началѣ XIV столѣтія, аристократіи другихъ странъ не могутъ выставить даже нѣсколько столѣтій позже; нѣкоторыя не могутъ похвастаться ими до настоящаго дня; къ стыду иныхъ — они даже не вѣруютъ въ его всемірно-историческое значеніе и упорно держатся своихъ антихристіанскихъ преданій, приговаривая: *die Edeln kommen von Gott* (то-есть благородные идутъ отъ Бога). Англійское благородное сословіе идетъ отъ великой хартіи, положившей начало свободы для всѣхъ Англичанъ, и такая генеалогія болѣе согласна съ духомъ христіанской религіи, религіи человѣческой свободы, чѣмъ до-христіанскія преданія каст, преданія рабства и порабощенія человѣческаго духа.

Учрежденіе мировыхъ судей было расширеніемъ правъ владѣльцевъ рыцарскихъ имѣній относительно государственной власти; но оно было выгодно и крестьянамъ, и даже наименѣе самостоятельному разряду крестьянства — поселянамъ баронскихъ и рыцарскихъ имѣній. Свободные крестьяне были уже давно въ независимости отъ сосѣднихъ бароновъ. Поземельные владѣльцы точно такъ же не могли произвольно налагать повинности на лица, жившія на ихъ земляхъ, какъ короли не могли произвольно собирать государственныя подати. Шерифы должны были наблюдать, чтобы крестьяне владѣльческихъ имѣній не были угнетаемы повинностями. Правительство ограничило право господскаго или владѣльческаго суда; уже въ половинѣ XIII столѣтія были воспрещены частныя тюрьмы въ рыцарскихъ имѣніяхъ [1]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 19.

Денежныя повинности, которыми обязаны были передъ короной бароны, прелаты, рыцари, падали не на жителей ихъ владѣній, а на собственное ихъ имущество. Когда въ виду крайняго финансоваго разстройства казны, требовавшаго возвышенія налога въ 1379 г., сословія отступили отъ этого правильнаго начала и разложили налоги на все народонаселеніе, въ видѣ поголовной подати, тогда обнаружилось сильное волненіе въ низшихъ классахъ народа, которымъ приходилось, кромѣ повинностей въ отношеніи къ поземельнымъ владѣльцамъ, отбывать еще государственныя повинности. Отсюда начинается улучшеніе въ положеніи народонаселенія, находившагося въ нѣкоторой крѣпостной зависимости отъ поземельныхъ владѣльцевъ. Нужно было отказаться отъ попытки облагать государственными податями крестьянъ владѣльческихъ имѣній. Институтъ мировыхъ судей (1386) уничтожилъ остатки владѣльческаго суда. Съ постепеннымъ развитіемъ этого института, въ которомъ помѣщики нашли съ избыткомъ вознагражденіе за потерянное ими право вотчиннаго суда, исчезло одно изъ существеннѣйшихъ различій между свободными крестьянами и помѣщичьими. Оба состоянія были подчинены одному и тому же суду. Эдуардъ IV (въ половинѣ XV столѣтія) значительно упрочилъ положеніе помѣщичьихъ крестьянъ, предоставивъ имъ право на неотъемлемое пользованіе ихъ участками и право жалобы на помѣщика въ суды графства, въ случаяхъ удаленія ихъ помѣщиками отъ владѣнія. Послѣ такого обезпеченія помѣщичьимъ крестьянамъ неприкосновенности ихъ владѣній осталось мало разницы между ними и свободными крестьянами-землевладѣльцами. Повинности первыхъ въ отношеніи къ помѣщикамъ превратились въ ренту; изъ людей, подвластныхъ помѣщикамъ, они сдѣлались ихъ наслѣдственными арендаторами. Уже въ концѣ XV столѣтія совершенно исчезаютъ всѣ остатки несвободнаго отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ. Къ концу XVI столѣтія въ Англіи не оставалось ни одного крѣ-

поспаго человѣка. Замѣчательно, что въ странѣ, гдѣ аристократія утвердилась съ оружіемъ въ рукахъ, крѣпостное состояніе исчезаетъ нѣсколькими столѣтіями ранѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ [1]).

Точно также и развитіе городскихъ общинъ имѣетъ въ Англіи свои особенности, которыя не мѣсто здѣсь излагать. Существенною чертою городскаго сословія въ Англіи служитъ то, что оно никогда не обособлялось отъ рыцарства и поземельной аристократіи, никогда не замыкало себя и отъ крестьянства никакими ремесленными привиллегіями и монополіями, никогда не относилось съ чувствами зависти и ненависти къ поземельной аристократіи, ибо ко всему этому не было у англійскаго мѣщанства никакихъ побужденій: оно никогда не было ни въ какой зависимости отъ сосѣднихъ бароновъ и рыцарей, никогда не видало ихъ грозныхъ набѣговъ, подъемныхъ мостовъ и крѣпостей; оно наравнѣ съ ними участвовало въ мѣстной администраціи и судѣ, пользовалось независимымъ самоуправленіемъ, и наконецъ получило наравнѣ со всѣми свободный входъ въ сословіе рыцарей, которое, какъ сказано, сдѣлалось открытымъ для всѣхъ сословій. Титулъ благороднаго, *esquire*, постепенно сообщается высшему мѣщанству, и наконецъ, при Елисаветѣ, уже всѣ пользующіеся общественнымъ уваженіемъ люди называются *esquire*. Нынѣ города имѣютъ почти вчетверо болѣе представителей въ парламентѣ, чѣмъ графства. Рыцари, несмотря на превосходившее ихъ число представителей мѣщанства, никогда не затруднялись засѣдать съ ними въ палатѣ общинъ. Англійское рыцарство, или сословіе поземельныхъ владѣльцевъ, уже въ XIV столѣтіи не считало для себя унизительнымъ сидѣть рядомъ съ лавочниками, изъ-за чего возбудило французское дворянство кровавый споръ въ концѣ XVIII ст., имѣя даже передъ собою только равное число предста-

---

[1]) Тамъ же, стр. 20—21.

вителей мѣщанства, тогда какъ въ англійскомъ парламентѣ *лавочниковъ* было больше, нежели рыцарей. Но за то и судьбы аристократіи въ обѣихъ странахъ были различны [1]). Бароны присутствовали въ парламентѣ по *личному* праву, рыцари и мѣщане, или горожане, по *праву представительства* различныхъ корпорацій. Сословія Англіи сумѣли противопоставить королевской власти, болѣе можетъ-быть могущественной нежели въ какой-либо другой странѣ, силу, которой не нашло общество въ другихъ странахъ противъ несравненно слабѣйшей центральной власти, ибо сословія Англіи были побуждаемы въ своихъ дѣйствіяхъ не раздробленными частными интересами, а интересами всей земли, интересами общественными. Въ Англіи мы видимъ явленіе, не повторившееся на континентѣ: *сословные интересы постоянно сливаются съ интересами всего народа; интересы каждой общественной группы пріобрѣтаютъ силу и дѣйствительность только въ интересахъ цѣлаго общества,* и наоборотъ *идея цѣлой націи воплощается въ стремленіяхъ каждаго отдѣльнаго класса.* Всѣ классы общества: землевладѣльцы, мѣщане, крестьяне, соединены въ общемъ народномъ собраніи, отражающемъ въ себѣ всѣ отдѣльные и мѣстные интересы, опирающемся на нихъ, и постоянно возводящемъ ихъ къ болѣе широкому объему всенароднаго и государственнаго интереса; этотъ послѣдній интересъ является въ Англіи особенно счастливымъ созвучіемъ всѣхъ разнородныхъ дѣйствительныхъ, практическихъ интересовъ страны, а не отвлеченною формулой закона, поглощающею всѣ особенности, мертвящею все свободное разнообразіе жизни.

Мы не можемъ слѣдовать за всѣми фазами и подробностями развитія англійской конституціи, въ которомъ такая блестящая роль принадлежитъ аристократіи, постоянно стоявшей за права и льготы всей націи. Намъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 22 — 24.

хотѣлось только указать на духъ, оживлявшій англійскую аристократію съ самыхъ давнихъ временъ и не покидавшій ее до настоящаго времени. Договоръ, заключенный англійскимъ народомъ съ Вильгельмомъ Оранскимъ (1668 г.), безвозвратно упрочилъ не только права протестантизма, но и права всѣхъ сословій. Онъ тщательно обезпечилъ независимость суда отъ произвола административной власти: права корпорацій, графствъ и городовъ, права личности и собственности. Мѣстное самоуправленіе графствъ оберегло Англію отъ ученаго чиновничества, которое на материкѣ воспользовалось могуществомъ короны, при зампрепіи враждебныхъ между собою сословій, для того, чтобы утвердить свое собственное владычество и разобщить монархическую власть, не заключающую въ себѣ никакихъ интересовъ, необходимо враждебныхъ интересамъ народнымъ, — разобщить ее съ народомъ, всюду искоса посматривающимъ на эту группу, воспитанную на своихъ особенныхъ началахъ и преданіяхъ. Торійская партія аристократіи, заключавшая въ себѣ крайнихъ консерваторовъ, была на нѣкоторое время, послѣ вступленія на престолъ Вильгельма Оранскаго, удалена отъ управленія: ее постоянно подозрѣвали въ заговорахъ и враждѣ къ новому правительству; торіи, изъ чувства собственнаго самоохраненія, напрягли всѣ свои усилія къ защитѣ независимости судебной власти, неприкосновенности лицъ и собственности. Вотъ на какой почвѣ искали для себя опоры защитники стараго порядка въ Англіи; на этой только почвѣ, нейтральной для всѣхъ партій, и могутъ, сколько-нибудь производительно для общества и выгодно для себя, дѣйствовать всякаго рода охранители стараго порядка вещей. Желательно, чтобы люди, временно попадающіе, по стеченію историческихъ обстоятельствъ, въ этотъ разрядъ партій, брали примѣры съ англійскихъ торн. Съ водвореніемъ Оранскаго дома, торіи изъ приверженцевъ абсолютизма сдѣлались партіей *охранительною*, стоящею на стражѣ существующихъ государственныхъ учрежденій; они стали на сторонѣ англи-

канской церкви противъ католиковъ и диссидентовъ, и заключая въ себѣ по преимуществу массу помѣщиковъ (gentry), они стали оберегать интересы поземельной собственности. А виги, примыкая къ нѣкоторымъ важнѣйшимъ аристократическимъ фамиліямъ, къ городской аристократіи, зажиточнѣйшему мѣщанству и къ меньшинству помѣщичьяго класса, были поборниками преимущественно интересовъ городскаго населенія, торговли и промышленности, движенія и реформы. Въ послѣднее время эти партіи значительно измѣнились и перемѣшались.

Положеніе англійской аристократіи, уже отличное отъ благородныхъ сословій на материкѣ въ самую феодальную эпоху, сдѣлалось совершенно особеннымъ съ развитіемъ политической жизни и современной цивилизаціи въ Европѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, аристократія руководила всѣми государственными дѣлами въ Англіи. Изъ нея исключительно составленъ верхній парламентъ, она имѣла въ своемъ распоряженіи многіе голоса въ нижнемъ парламентѣ, многія должности въ церкви и въ управленіи. Но въ настоящее время въ верхнемъ парламентѣ осталось только четырнадцать фамилій пэровъ, которыхъ предки восходятъ къ XII, XIII, XIV и XV столѣтіямъ. Такое же число приходится на долю XVI столѣтія; пятьдесятъ четыре пэра получили свое достоинство при Стюартахъ, наконецъ *большинство* палаты лордовъ принадлежитъ лишь XVIII и XIX столѣтіямъ. Изъ старинныхъ феодальныхъ имѣній бароновъ осталось въ цѣлости только два; всѣ прочія или перешли въ боковыя линіи или раздробились чрезъ конфискаціи и отчужденія. Титулы древнихъ бароновъ также большею частію исчезли, остался только обычай присоединять къ фамиліи какое-нибудь мѣстное названіе [1]). Право королевской власти возводить въ званіе пэра постоянно вноситъ въ высшую аристократію элементы личнаго превосходства

---

[1]) Тамъ же, стр. 38.

въ обществѣ и освѣжаетъ ее новыми соками. Значеніе членовъ верхняго парламента основано на наслѣдственности званія, на обширности имуществъ и общественномъ уваженіи, на преданіяхъ политической дѣятельности и опытности, на воспоминаніяхъ о важныхъ заслугахъ передъ государствомъ и народомъ. Палата лордовъ служитъ передъ короною представительницей неизмѣнныхъ и постоянныхъ интересовъ страны, того правильно-консервативнаго характера, котораго никогда не теряетъ политика Англіи; она выставляетъ подлъ правительства, возникающаго изъ большинства нижней палаты, другое большинство, которое произведено не народными выборами, не настроеніемъ общественнаго мнѣнія въ текущій день. Она высшая блюстительница правосудія. Владѣя обширными имуществами, лорды, участіемъ своимъ въ правленіи, обезпечиваютъ всѣ классы народа, имѣющіе собственность, противъ самовластія партій въ нижней палатѣ, противъ нарушенія права собственности подъ вліяніемъ временнаго торжества одной изъ нихъ. Совершенно независимое отъ всякихъ вліяній положеніе верхней палаты даетъ ей возможность, при какихъ-либо столкновеніяхъ короны съ нижнимъ парламентомъ, быть полюбовною между ними посредницею, отклонять затрудненія нравственно-всесильнымъ и безпристрастнымъ рѣшеніемъ, и такимъ образомъ умѣрять и уравнивать ходъ государственной машины. Таково государственное значеніе палаты лордовъ.

Всѣ преимущества великобританскаго лорда заключаются только въ его наслѣдственномъ мѣстѣ въ верхней палатѣ парламента. Сверхъ этого преимущества, принадлежащаго лишь старшимъ членамъ титулованныхъ фамилій, лорды, лично и по имуществу, не имѣютъ *ни одной привилегіи*, ни финансовой, ни экономической, ни юридической, которая бы отличала ихъ отъ прочихъ англійскихъ подданныхъ. Передъ фискомъ, закономъ и судомъ они несутъ тѣ же повинности и обязанности, какъ и послѣдній крестьянинъ и пролетарій; дѣти лорда равны

всѣмъ гражданамъ, не исключая и старшаго сына или другаго члена семейства, къ которому переходитъ мѣсто въ парламентѣ, до его совершеннолѣтія, когда онъ въ случаѣ смерти послѣдняго представителя пэріи въ парламентѣ, заступаетъ его мѣсто. *По преданію и обычаю*, недвижимое имущество въ Англіи (кромѣ графства Кентскаго, гдѣ господствуетъ саксонское право наслѣдованія всѣхъ дѣтей), *если не было особаго завѣщанія*, переходитъ къ старшему сыну. Законъ дозволяетъ завѣщателю обозначать порядокъ перехода имѣній въ трехъ поколѣніяхъ, то-есть учреждать майоратъ и субституты; но тѣмъ же правомъ пользуется и крестьянинъ и пэръ Англіи [1]).

Въ пэрахъ, въ палатѣ лордовъ заключается собственно все *привилегированное благородное сословіе* Англіи, nobility, хотя и она не сословіе въ тѣсномъ смыслѣ слова, а скорѣе только *политическое учрежденіе*. Но кромѣ лордовъ, Англія не знаетъ никакого другаго привилегированнаго сословія. Рыцарство и рыцарскія имѣнія исчезли здѣсь безъ всякихъ слѣдовъ [2]). Воинская повинность, лежавшая на рыцарскихъ имѣніяхъ и дававшая имъ нѣкоторое отличіе, уже въ XV и XVI столѣтіяхъ превратилась въ денежную подать и слилась съ общею массой налоговъ, собираемыхъ въ графствахъ. Именно при реакціонерныхъ корояхъ, Карлѣ I и Карлѣ II, были отмѣнены ленныя пошлины за переходъ рыцарскихъ имѣній отъ одного владѣльца къ другому и за вступленіе новаго владѣльца въ сословіе владѣльцевъ рыцарскихъ имѣній, то-есть за прежнюю инвеституру. Этимъ самымъ рыцарскія имѣнія сдѣлались совершенно свободными и слились съ общею массой поземельной собственности. Названіе рыцарства, или *gentry*, не означаетъ въ Англіи ничего другаго кромѣ совокупности крупныхъ землевладѣльцевъ. Поземельною собственностію не ограничивается, однако, объемъ класса

---

[1]) См., кромѣ Дюпкера, также: *Das heutige englische Verfassungs- u. Verwaltungsrecht* von R. Gneist, Berlin. 1857.

[2]) M. Dunker, стр. 39.

gentry: классъ этотъ обнимаетъ собою, точно такъ же какъ титулъ *esquire*, и достаточныхъ горожанъ, и всѣхъ людей, занимающихъ сколько-нибудь самостоятельное положеніе въ промышленности, искусствахъ, наукахъ; кругъ его расширяется далеко во всѣ стороны и вверхъ и внизъ и совершенно незамѣтными очертаніями сливается съ массою народа. Уже въ средніе вѣка доктора правъ и теологіи получали въ Англіи рыцарскую инвеституру: уже тогда эта *страна промышленниковъ и купцовъ* умѣла дать почетъ умственному превосходству, умѣла безъ всякихъ потрясеній выйти на дорогу, стоившую столькихъ кровопролитій континентальнымъ народамъ. Повторяемъ еще разъ: англійское дворянство, *gentry*, вовсе не какое-нибудь привиллегированное сословіе, въ смыслѣ родоваго сословія; оно отличается отъ всего остальнаго народонаселенія только тѣмъ уваженіемъ, которое оно невольно къ себѣ внушаетъ, оно такъ же мало наслѣдственно, какъ можетъ быть наслѣдственна личная доблесть, и на столько же наслѣдственно, на сколько не изсякаетъ въ безконечномъ ряду поколѣній свѣтлая полоса преданія и почета, оставляемая въ родѣ почтенною личностію одного изъ его членовъ. Противъ такого преданія не властны никакія самыя смѣлыя попытки законодателей и народныхъ движеній; они волею или неволею должны преклониться передъ нимъ, или же быть осуждены на то, чтобы творить шутливые законы о запрещеніи носить какіе-либо титулы, обнаруживая тѣмъ самымъ только печальную необходимость подобнаго запрещенія, и побуждая многихъ ко вкушенію запрещеннаго удовольствія, къ присвоенію себѣ отличія, отмѣченнаго всею строгостію закона. Примѣры этому мы видѣли во Франціи. Только англійскій языкъ имѣетъ выраженіе, которое обнимаетъ собою всѣхъ образованныхъ, честныхъ и порядочныхъ людей, каковы бы ни были ихъ происхожденіе, мѣстожительство, занятія, отношенія къ обществу и власти — титулъ *джентльмена*, для всѣхъ одинаково доступный, для всѣхъ одинаково лестный. Отъ собственнаго произвола каждаго зависитъ про-

слыть *джентльменомъ*. Быть истиннымъ *джентльменомъ*, истиннымъ порядочнымъ человѣкомъ въ общественномъ мнѣніи, есть величайшій почетъ человѣку отъ общества.

Безъ всякаго сомнѣнія, естественныя, нравственныя и экономическія преимущества богатыхъ и образованныхъ людей передъ недостаточными и необразованными имѣютъ большой вѣсъ въ Англіи; превосходство фамилій, умѣвшихъ въ теченіи многихъ поколѣній сберечь и приумножить свое матеріальное достояніе, сохранить общественное къ себѣ уваженіе передъ безразличною массою посредственностей и людей безъ всякаго прошедшаго, безъ всякой матеріальной и нравственной самостоятельности въ настоящемъ, весьма велико въ Англіи. Дѣйствительно классъ значительныхъ землевладѣльцевъ-помѣщиковъ — сельское *gentry* — имѣетъ значительное вліяніе на народное хозяйство, на благосостояніе всего рабочаго народонаселенія и на мѣстное управленіе. Но при этомъ должно имѣть постоянно въ виду, съ одной стороны, что этотъ классъ открытъ для всѣхъ, а съ другой стороны, что нигдѣ кромѣ Англіи не дѣлаются помѣщиками такихъ огромныхъ пожертвованій на успѣхи земледѣлія, нигдѣ нѣтъ такихъ миролюбивыхъ отношеній къ фермерамъ и земледѣльцамъ, нигдѣ не развивалась такимъ блестящимъ образомъ агрономическая дѣятельность высшаго сельскаго сословія, и наконецъ, что своимъ вліяніемъ на управленіе высшій классъ въ Англіи имѣетъ постоянно въ виду общественное благо, отъ котораго единственно зависитъ его собственное благосостояніе; смотритъ на управленіе, какъ на обязанность передъ отечествомъ, а не какъ на средство угнетенія народа и удовлетворенія собственныхъ стремленій властолюбія и тщеславія. — какъ на необходимое вознагражденіе, выплачиваемое имъ странѣ за досугъ, которымъ онъ обязанъ значительному поземельному доходу [1]).

---

[1]) Предъ вѣрной рамой съ такой картиной великобританской аристократіи нисколько не противорѣчатъ нищенія чрезвычайно печальныя

Значеніе англійскаго *джентри* въ управленіи выражается преимущественно въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ англійскихъ должностяхъ, весьма оригинальныхъ и заслуживающихъ особеннаго вниманія. Мы считаемъ необходимымъ остановиться на институтѣ мировыхъ судей [1].

Охраненіе мира — такъ называли въ средніе вѣка полицію и полицейскую дѣятельность со всѣми ея обязанностями для защиты безопасности лицъ и имуществъ; но это была полиція съ судебнымъ значеніемъ, съ судебными формами, потому и съ публичнымъ производствомъ. При первомъ учрежденіи мировыхъ судей, короли обязывали нести эту почетную должность преимущественно лордовъ, владѣтелей рыцарскихъ имѣній и юристовъ, какъ людей, пользовавшихся особеннымъ уваженіемъ. И въ настоящее время мировые судьи назначаются отъ имени короля, по формуляру (составленному въ 1590 г.), которымъ они *уполномочиваются охранять миръ въ странѣ, и для того облекаются всею властію, принадлежащею хранителямъ мира на общемъ правѣ.*

Такимъ назначеніемъ сообщается только *титулъ* мироваго судьи. Чтобы получить *право дѣйствовать по своей должности*, мировой судья долженъ получить грамоту отъ

обстоятельства въ Ирландіи. Тутъ дѣйствуетъ преимущественно и почти исключительно не политическая и соціальная, а *національная*, рознь, древне-историческая племенная ненависть, въ которой виноваты обѣ стороны. Сверхъ того, нынѣшняя энергическая борьба Англіи противъ ирландской смуты не посредствомъ однѣхъ только полицейскихъ мѣръ, а посредствомъ коренной законодательной реформы поземельныхъ отношеній между землевладѣльцами и земледѣльцами, подтверждаетъ необыкновенную историческую умѣлость передовыхъ членовъ англійской аристократіи стоять всегда во главѣ движенія и новыхъ потребностей каждаго времени. Усилія въ этомъ отношеніи Гладстона поддержаны, если не всѣми, то многими лучшими аристократическими элементами общества.

[1] Общія черты государственнаго права Англіи и полную его литературу можно найдти въ монографіи г. Моля: *Die Literatur des englischen Staatsrechtes* (*Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften in Monographien dargestellt* von Robert von Mohl. Erlangen 1856). Болѣе подробныя свѣдѣнія о системѣ государственнаго управленія въ Англіи находятся въ новѣйшемъ и самомъ замѣчательномъ сочиненіи по этому предмету: *Das heutige englische Verfassungs- und Verwaltungsrecht* von R. Gneist, Berlin. 1857. По этимъ книгамъ особенно руководствовались мы въ изложеніи института мировыхъ судей.

коронѣ, *Writ of dedimus potestatem* съ принесеніемъ присяги; тогда онъ дѣлается дѣйствительнымъ мировымъ судьею — *acting magistrate*. Должность мироваго судьи обнимаетъ собою два главныхъ круга дѣятельности:

1. *По уголовной судебной части* — первоначальное слѣдствіе по всѣмъ проступкамъ и преступленіямъ, опредѣленіе маловажныхъ наказаній, не требующихъ суда присяжныхъ, за брань, мелкую кражу, пьянство, бродяжничество, безчинство разнаго рода (nuisance) и безчисленное множество подобныхъ проступковъ, влекущихъ за собою легкія наказанія, денежные штрафы и арестованіе не болѣе 3-хъ мѣсяцевъ, — далѣе, нѣкоторое право оштрафованія за нарушеніе законовъ о пошлинахъ и податяхъ, и наконецъ право суда по настоящимъ уголовнымъ преступленіямъ, но не иначе, какъ предъ общимъ собраніемъ мировыхъ судей графства и съ участіемъ присяжныхъ (Jury); къ этому присоединяется еще полицейскій разборъ споровъ по сдѣлкамъ съ ремесленниками и по найму рабочихъ.

2. *Административныя занятія* — сборъ податей на покрытіе мѣстныхъ нуждъ графства, дозволеніе устраивать лавки для мелочной продажи крѣпкихъ напитковъ, харчевни и прочіе public houses, театры, концерты, всякія зрѣлища и проч. Они опредѣляютъ направленіе публичныхъ дорогъ и участвуютъ въ надзорѣ надъ тюрьмами. Они образуютъ собою высшее управленіе мѣстныхъ общинъ, заведеній благотворительности и общественнаго призрѣнія; назначаютъ констаблей, смотрителей за бѣдными, за дорогами, и проч.

Вещественная основа англійской системы мѣстнаго самоуправленія заключается въ сборѣ мѣстныхъ или провинціальныхъ податей (County Rate), служащихъ къ удовлетворенію разныхъ мѣстныхъ нуждъ. Эти подати находятся въ совершенномъ распоряженіи собранія мировыхъ судей, которые составляютъ для этой администраціи особыя коммиссіи.

Для отправленія этихъ административныхъ дѣлъ графства раздѣлены на округи, изъ которыхъ въ каждомъ мировые судьи образуютъ отдѣленія или частныя собранія (petty and special sessions), подчиненныя общимъ собраніямъ мировыхъ судей графства. Такихъ округовъ имѣется въ Англіи до 631 по одному на 25—30,000 душъ жителей. Эти частныя собранія составляютъ основаніе всего мѣстнаго управленія; здѣсь отправляются почти всѣ административныя дѣла. Они бываютъ ежемѣсячно и чаще (petty sessions) для исполненія текущихъ административныхъ дѣлъ. Кромѣ того установлены закономъ *особыя* собранія (special sessions) для особенныхъ, закономъ опредѣленныхъ дѣлъ: такъ напримѣръ бываетъ особое собраніе для разсмотрѣнія состоянія пути сообщенія и для выбора дорожныхъ смотрителей; бываетъ особое собраніе для выдачи разрѣшенія на содержаніе публичныхъ мѣстъ. Въ разрѣшеніяхъ открывать разныя промышленныя и торговыя заведенія не можетъ принимать участіе тотъ мировой судья, который самъ имѣетъ въ дѣлѣ денежный интересъ; такъ пивоваръ не можетъ разрѣшать открытіе пивоварни: устраняется изъ собранія мировыхъ судей также ближайшій родственникъ того лица, которому слѣдуетъ дать разрѣшеніе.

Исполнители распоряженій мировыхъ судей суть *констабли* (constables), подчиненныя имъ должностныя лица. Констабль не есть ни полицейскій чиновникъ, ни сельскій староста; это нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ. На каждый приходъ назначается по констаблю; срокъ службы констабля годовой, въ вознагражденіе онъ получаетъ нѣкоторыя пошлины: за повѣсть въ судъ, за исполненіе приговора; обязанность констаблей полицейскій надзоръ ночью (Watch) и днемъ (Ward).

Общія собранія мировыхъ судей графствъ, бывающія четыре раза въ годъ и потому называемыя General Quarter-Sessions, представляютъ высшее и полнѣйшее выраженіе власти мировыхъ судей.

Для судебныхъ дѣлъ эти общія собранія имѣютъ значеніе *исправительныхъ судовъ* и постановляютъ, съ участіемъ присяжныхъ, рѣшенія по настоящимъ уголовнымъ преступленіямъ, но опредѣляютъ наказаніе не болѣе восьмнадцати мѣсяцевъ ареста, и то только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Предсѣдательство принадлежитъ по этимъ дѣламъ юристу — chairman; прочіе мировые судьи имѣютъ однако же право подавать свой голосъ при назначеніи размѣра наказанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ общія собранія составляютъ апелляціонный судъ, для пересмотра приговоровъ отдѣльныхъ мировыхъ судей и малыхъ собраній, если наказаніе превосходитъ мѣру, опредѣленную закономъ.

Для провинціальной администраціи общія собранія составляютъ инстанцію, въ которую поступаютъ жалобы на мѣстныя административныя распоряженія; они распоряжаются имуществомъ графства, назначаютъ величину мѣстнаго сбора графства, разбираютъ споры о распредѣленіи таксы для бѣдныхъ, образуютъ изъ себя особыя административныя коммиссіи для завѣдыванія тюрьмами, больницами, благотворительными заведеніями, дорогами и проч.

Всѣхъ мировыхъ судей въ Англіи и Валисѣ болѣе 14,000. Среднимъ числомъ на каждое графство приходится 100 — 300; но есть графства, гдѣ ихъ 600 и 800. Только половина этой цифры *дѣйствительныхъ* мировыхъ судей и едва одна четверть постоянно занятыхъ.

Уже по первоначальному устройству мировыхъ судей, къ этой должности должны были назначаться *преимущественно землевладѣльцы*. По узаконеніямъ царствованія Эдуарда III, должны быть опредѣляемы въ каждомъ графствѣ одинъ лордъ, трое или четверо достойнѣйшихъ людей и нѣсколько юристовъ. Послѣ этого, съ размноженіемъ дѣлъ, число мировыхъ судей постоянно возрастало. При Георгѣ II постановлено, что мировый судья долженъ имѣть въ своемъ владѣніи землю, на правахъ

собственности, потомственной или пожизненной, или на правахъ аренднаго содержанія, по контракту не менѣе чѣмъ на двадцать одинъ годъ, съ 600 руб. ежегоднаго чистаго дохода; сюда относятся также духовныя лица, получающія земли въ пожизненное владѣніе.

Весьма важно то свойство должности мирового судьи, дающее ей особенный характеръ, что съ нею *не связано никакого содержанія или жалованья, и въ то же время мировой судья отвѣчаетъ передъ закономъ и судомъ за всѣ свои распоряженія, безъ всякаго права уполномочивать къ отправленію своей должности какое-нибудь другое лицо.*

Само собою вѣлось, что всякій человѣкъ честной репутаціи, имѣющій по закону право на званіе мирового судьи, получаетъ это званіе, по его о томъ просьбѣ. Нерадивое исполненіе обязанностей, отсутствіе на жительствѣ въ графствѣ, утрата поземельнаго владѣнія, и вообще постановленныхъ закономъ условій, суть причины увольненія, которое можетъ произойти исключеніемъ имени въ новыхъ спискахъ мировыхъ судей; но на практикѣ увольненіе бываетъ чрезвычайно рѣдко, и не запомнятъ такихъ случаевъ, чтобы мировой судья былъ уволенъ вслѣдствіе политическихъ видовъ партіи. Правительство старается допускать въ мировые суды какъ можно болѣе способныхъ людей и всячески облегчаетъ имъ отправленіе должности: съ этою цѣлію во многомъ уменьшили отвѣтственность мировыхъ судей и въ практикѣ ограничиваютъ ее только дѣйствіями, положительно злонамѣренными (oppressive and fraudulous actions). За административныя дѣйствія мировыхъ судей, каковы бы они ни были, англійскіе суды обыкновенно никогда не постановляютъ обвинительныхъ приговоровъ, если *положительно обнаружено, что они отвѣтствовали bona fide, добросовѣстно.* Во всякомъ случаѣ, противъ превышенія власти и всякихъ неправильныхъ дѣйствій мировыхъ судей, на нихъ могутъ быть подаваемы жалобы обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ. Но по закону мировой

судья долженъ быть всякій разъ письменно объ этомъ извѣщаемъ, дабы онъ могъ окончить споръ мировою сдѣлкою или добровольнымъ вознагражденіемъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что должность мироваго судьи сосредоточивается преимущественно въ кругу образованныхъ земледѣльцевъ или сельскаго *gentry*, то-есть людей, пользующихся поземельною рентою и имѣющихъ досугъ. Съ середины XVIII столѣтія и до настоящаго времени, помѣщичій классъ въ Англіи все съ большею и большею любовью сталъ предаваться занятіямъ мировыхъ судей: въ нихъ находитъ онъ способъ самымъ естественнымъ образомъ имѣть вліяніе на дѣла страны. Достаточно было бы для характеристики помѣщичьяго класса въ Англіи сказать, что онъ давно самопроизвольно отказался отъ всякаго вознагражденія за службу въ должности мироваго судьи, точно такъ же, какъ отъ жалованія депутатамъ въ парламентѣ.

Центръ тяжести провинціальнаго управленія лежитъ въ мировыхъ судьяхъ; счастливое сочетаніе въ этомъ учрежденіи мѣстнаго элемента, изъ котораго поступаютъ всѣ кандидаты на эту должность, и правительственнаго начала, освящаемаго своимъ утвержденіемъ права ихъ на должность, не позволяетъ этому учрежденію ни сдѣлаться орудіемъ постояннаго преобладанія одного класса надъ другимъ, ни орудіемъ подвижнаго духа политическихъ партій. Съ одной стороны, хотя личный составъ мировыхъ судей принадлежитъ почти исключительно классу значительныхъ земледѣльцевъ, и во всякомъ случаѣ аристократическимъ силамъ общества, — всеобщее уваженіе, окружающее англійское *gentry*, постоянное стремленіе послѣдняго брать на себя всѣ тяготы общественнаго дѣла, и наконецъ зависимость въ послѣдней инстанціи отъ верховной власти и суда, — все это не допускаетъ возможности того зла, которое могло бы возникнуть отъ избытка вліянія, сосредоточеннаго въ одной группѣ общества. Съ другой стороны, хотя правительство назначаетъ мировыхъ судей, но оно не можетъ выступать въ

своихъ назначеніяхъ изъ границъ той группы людей, которой, по закону и по самой силѣ вещей и общественнаго мнѣнія, принадлежитъ должность мироваго судьи; въ своихъ произвольныхъ вліяніяхъ на нихъ оно связано судебною властью, отъ которой одни мировые судьи зависятъ, въ случаѣ нарушенія своихъ обязанностей. По политическому такту, особенно свойственному англійскому народу, учрежденіе мировыхъ судей не могло быть перенесено на почву народныхъ выборовъ, ибо въ Англіи никакъ не допускаютъ зависимости судебной власти отъ выборнаго элемента и большинства; полная самостоятельность судебной власти — одно изъ первыхъ благъ общества, и это хорошо понято въ Англіи, хотя въ другихъ случаяхъ она умѣетъ примѣнять выборное начало въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Но каковы бы ни были національныя условія учрежденія мировыхъ судей и основаннаго на нихъ англійскаго самоуправленія провинціи, мы не можемъ не согласиться съ Гнейстомъ, когда онъ говоритъ, что при сужденіяхъ объ англійскомъ самоуправленіи необходимо должно имѣть въ виду другія силы государственнаго организма Англіи, которыя держатъ этотъ аристократическій элементъ самоуправленія въ должныхъ границахъ и не позволяютъ ему разростись во владычество сословія, хотя бы и не кроваго. Здѣсь въ особенности важны: *сосредоточеніе законодательной власти и права обложенія податями въ коронѣ и парламентѣ, строгое ограниченіе круга дѣятельности мировыхъ судей исполнительною властью, ихъ отвѣтственность передъ судомъ, и отправленіе судебной власти не иначе какъ при участіи присяжныхъ.*

Учрежденіе мировыхъ судей развивалось и измѣнялось сообразно съ потребностями времени, но оно осталось до сихъ поръ неизмѣннымъ въ своей сущности, несмотря ни на какія движенія общественной жизни. До сихъ поръ каждый англичанинъ видитъ въ немъ одно изъ основаній своего самоуправленія (selfgovernment),

которымъ по справедливости гордится, и которое, какъ доказалъ многовѣковой опытъ, служитъ *сильнѣйшимъ обезпеченіемъ противъ самоуправства*.

Мы будемъ еще имѣть случаи высказать нѣсколько общихъ выводовъ относительно англійской аристократіи; теперь укажемъ на нѣкоторыя черты въ исторіи нашего русскаго высшаго сословія.

У всѣхъ славянскихъ народовъ находимъ мы весьма слабое развитіе аристократическихъ элементовъ; въ этомъ безъ сомнѣнія заключается одна изъ отличительныхъ чертъ ихъ въ сравненіи съ другими народами образованнаго міра. Славянскій міръ, сколько намъ извѣстно, не имѣетъ тѣхъ до-историческихъ преданій и религіозныхъ вѣрованій о различныхъ породахъ людей или кастахъ, какія встрѣчаются въ древнемъ періодѣ германскаго міра. Есть сказанія о богатыряхъ, о выдѣлившихся изъ общественнаго уровня личностяхъ, но нѣтъ и слѣдовъ преданій объ отдѣльныхъ группахъ людей, имѣвшихъ какія-либо особенныя свойства передъ прочими смертными. Классъ рабовъ, сопровождавшій первоначальное развитіе всѣхъ народовъ, точно такъ же и славянскихъ, не имѣетъ ничего общаго съ кастами; рабы всегда стояли внѣ системы каст и никогда не составляли особой касты. Мы не видимъ также въ государствахъ, возникшихъ на славянской почвѣ, тѣхъ сословныхъ аристократическихъ союзовъ, какіе являлись повсемѣстно въ западной Европѣ въ средніе вѣка. При отсутствіи понятій о кастахъ и феодальной системѣ, охватывавшей собою всю западную Европу, весьма естественно, что въ славянской Европѣ не могло возникнуть *благородныхъ сословій*, въ смыслѣ западно-европейскомъ. Единственное славянское государство, представляющее весьма сильное развитіе аристократіи, какъ обособленнаго отъ остальнаго народонаселенія сословнаго союза, есть Польша; но это именно то славянское государство, въ исторіи котораго было наиболѣе смѣшенія элементовъ государственнаго развитія западной и восточной Европы, это именно то государ-

сію, которое наиболѣе приблизилось въ славянскомъ мірѣ къ типу германскому и романо-германскому.

Но во всякомъ случаѣ естественныя аристократическія начала, въ той или другой степени, въ той или другой формѣ, присущи всѣмъ народамъ и являлись повсемѣстно однимъ изъ условій государственной жизни. Потому не могли остаться имъ вовсе чужды и Славяне. Съ другой стороны, и восточная Европа имѣла свои средніе вѣка, и своего рода феодальную систему, во многомъ различную, но и во многомъ сходную съ феодальною системой западной Европы. Потому и исторія русскаго государства не обошлась безъ высшаго первенствующаго класса, изъ котораго произошло нынѣшнее дворянство. Исторіи этого класса иная, чѣмъ на материкѣ западной Европы, и, полагаемъ, иная не въ ущербъ будущности нашего отечества. Но при общеніи русскаго міра съ западно-европейскимъ, постепенно возраставшемъ съ конца XVII столѣтія, и при ярыхъ стремленіяхъ нашего образованнаго класса подражать высшимъ сословіямъ Европы, съ конца XVIII столѣтія, если не во внутреннихъ живыхъ основахъ жизни, то во внѣшнихъ формахъ, и тамъ отживавшихъ свой вѣкъ, многія сословныя аристократическія понятія были перенесены на нашу почву. Не пашедши для себя пищи, они не принесли настоящихъ плодовъ и не имѣли сколько-нибудь значительныхъ вліяній на развитіе общества. При недостаткѣ исторической дѣйствительности, которая могла бы давать какой-либо смыслъ этимъ аристократическимъ притязаніямъ, нѣкоторые представители ихъ цѣпляются за свои собственныя историческія преданія, передѣлывая ихъ на чужой ладъ и кое-какъ прикленвая къ нимъ понятія, выросшія на другой почвѣ. Очевидно, такое направленіе не могло произвести ничего иного, кромѣ самыхъ чудовищныхъ представленій, которыя, къ счастію, мало опасны, и потому могутъ быть только забавны для насъ. Желательно было бы видѣть въ представителяхъ высшаго сословія то воззрѣніе на прошедшее, которое

дѣйствительно могло бы пресполнить ихъ нѣкоторымъ чувствомъ самодовольствія относительно настоящаго и нѣкоторымъ чувствомъ аристократическаго превосходства. Это воззрѣніе могло бы корениться въ томъ сознаніи, что въ прошедшемъ нашего высшаго сословія нѣтъ никакихъ затрудненій, а есть многія *возможности* для того, чтобы призвать къ жизни тѣ естественныя общечеловѣческія аристократическія начала, которыя вполнѣ уживаются съ современными движеніями образованнаго міра и безпрестанно сознаются ими.

Водвореніе варяжскихъ князей съ ихъ дружиною въ землѣ Русской сходно съ водвореніемъ въ западной Европѣ германскихъ *comitatus*: члены варяжской дружины разсаживаются для учрежденія порядка въ разныхъ частяхъ земли Русской, подобно членамъ германской дружины, получавшимъ въ свое господство разныя части завоеванныхъ земель. Но «тамъ на Западѣ, говоритъ С. М. Соловьевъ [1]), члены завоевательной дружины прежде всего стали землевладѣльцами, чрезъ это получили самостоятельное, независимое положеніе; потомъ, при образованіи феодализма, мелкій владѣлецъ свободнаго участка отдавалъ его богатому, сильному землевладѣльцу. У насъ же нѣтъ и помину о раздѣленіи земель между членами княжеской дружины, нѣтъ помину о ихъ самостоятельномъ, независимомъ значеніи какъ землевладѣльцевъ, объ ихъ столкновеніяхъ другъ съ другомъ и съ князьями въ этомъ значеніи; всѣ споры, всѣ усобицы идутъ только между князьями; дружинники по волѣ и по неволѣ переѣзжаютъ съ князьями изъ одной волости въ другую, и это самое уже показываетъ отсутствіе крѣпкихъ, прочныхъ отношеній къ извѣстной мѣстности, къ землѣ, потому что подобныя отношенія необходимо прекратили бы ту сильную передвижку князей и дружинъ ихъ, какую видимъ въ древней Россіи

---

[1]) *Русскій Вѣстникъ* 1858 г. за № 1б: *Историческія Письма*. II.

до XIII и XIV вѣка..... Дружина содержалась и кормилась изъ доходовъ княжескихъ. Понятно, что возможность земледѣлія, какъ постояннаго, такъ и временнаго, не исключалась для дружинника: *но главное здѣсь то, что землевладѣніе не было ни первою цѣлію*».

Въ этомъ различіи отношенія дружинниковъ къ землѣ, при самомъ началѣ исторіи на востокѣ и на западѣ Европы, заключается, безъ сомнѣнія, уже самая могущественная причина совершенно иного направленія въ развитіи ихъ отношеній къ правительству и народу.

Въ связи съ этими отношеніями служилыхъ людей къ государственной власти возникли другія отношенія: за службу жаловались помѣстья, поземельныя владѣнія, и потомъ эти поземельныя владѣнія дѣлаются наслѣдственными; въ теченіи XVII вѣка вотчинное и помѣстное право владѣнія смѣшиваются; понятія: *помѣщика* и *вотчинника* дѣлаются все болѣе и болѣе тождественными. Право собственности дѣлается одинаково крѣпкимъ и полнымъ и для помѣстья и для вотчины; послѣдній подчиняется наконецъ государственному характеру перваго; тотъ и другой видъ собственности влекутъ за собой *обязанность* службы. Это понятіе опредѣлилось къ концу XVII вѣка.

Обстоятельство это весьма важно въ исторіи нашего высшаго класса, въ послѣдствіи дворянства. И въ Россіи, какъ въ западной Европѣ, возникли *постоянныя отношенія къ землѣ*, къ поземельному владѣнію и потомъ къ населяющимъ его людямъ, *въ связи съ обязанностію нести службу* по требованію верховнаго правителя земли, и даже преимущественно военную службу. Поземельныя владѣнія, вотчинныя и помѣстныя, были, по справедливому выраженію г. Неволина, *служебнымъ фондомъ*, съ котораго отправлялась владѣльцами государственная служба [1]. Люди, населяющіе эти земли,

[1] *Замѣтки объ исторіи и законодательствѣ права въ Россіи* (*Рус. Вѣс.* 1858 г. № 16, стр. 579).

сдѣлались также неразрывною частью этого фонда. Такое государственная необходимость, которая наложила обязанность службы на высшее сословіе, или землевладѣльцевъ, и тягло государственныхъ повинностей на все народонаселеніе, — закрѣпила службу жителей частныхъ поземельныхъ владѣній въ пользу помѣщиковъ или государственныхъ, какъ обладателей этого служебнаго фонда.

Прикрѣпленіе крестьянъ къ помѣщикамъ было безъ сомнѣнія самымъ важнымъ сословнымъ разграниченіемъ, внесеннымъ государственною властью *въ недра самого общества;* оно уже не заключалось въ одномъ лишь различіи государственныхъ обязанностей. Хотя такое безспорно и было первоначальное его происхожденіе,— но влекло за собою совершенное различіе въ *частныхъ* гражданскихъ, нравственныхъ и экономическихъ отношеніяхъ людей. Крѣпостное право поставило самую существенную грань между гражданскими правами разныхъ классовъ русскаго общества, ибо оно съ одной стороны создало *привилегированную поземельную собственность*, недоступную для всѣхъ членовъ общества, и съ другой стороны — *господскую власть*.

Эта власть не опиралась у насъ ни на какія преданія объ исключительномъ *благородствѣ* нѣкоторыхъ родовъ, о естественномъ превосходствѣ одной крови людей передъ другою, также не на какія частныя *соглашенія* нуждающихся людей съ сильными и богатыми, а просто и прямо на силу государственной власти. Установленная подчиненность людей крѣпостнаго состоянія къ ихъ господамъ, не сообразно съ отношеніями, которыя исторически и сами собою между ними вырабатывались, а единственно сообразно съ надобностями государственнаго порядка и благоустройства. Первою надобностію явилось здѣсь обезпеченіе фискальнаго интереса — исправнаго поступленія податей и оседлости народонаселенія, бродившаго по необъятнымъ пространствамъ сѣверовосточной равнины. Огражденіемъ этихъ первостепенныхъ для себя интересовъ и озаботилось прави-

тельство русскаго государства. Господская власть помѣщика представляется намъ несравненно суровѣе на русской почвѣ, чѣмъ на западноевропейской; такъ и слѣдовало быть. Тамъ она развивалась рука объ руку съ историческими преданіями о первоначальныхъ правахъ завоевателей, раздѣлившихъ между собою землю, о доблестяхъ и врожденномъ благородствѣ землевладѣльцевъ и рыцарей, съ строгимъ юридическимъ опредѣленіемъ взаимныхъ правъ и обязанностей одного класса народонаселенія къ другому, отчасти на основаніи ихъ взаимныхъ сдѣлокъ и соглашеній; здѣсь господская власть вся проникнута непреклонною, неумолимою государственною необходимостью, всѣмъ неограниченно-принудительнымъ характеромъ государственной власти. Она окружена самою строгою и точною опредѣленностью съ одной стороны — въ обязанностяхъ относительно государства, и величайшею неопредѣленностью съ другой стороны — въ отношеніяхъ къ подвластному народонаселенію. Въ этой послѣдней сферѣ хотя и существуютъ нѣкоторыя попытки опредѣленія правъ и обязанностей, но эти опредѣленія такъ неточны и общи, что при буквальномъ даже ихъ соблюденіи нѣтъ никакихъ границъ господскому произволу; они не охраняются никакими гарантіями суда и закона, ими государственная власть старалась какъ будто только отдѣлаться отъ всякаго правильнаго вмѣшательства въ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, оставляя эти отношенія совершенно для себя чуждыми и проникая въ нихъ лишь въ случаяхъ явной государственной опасности. Потому мы находимъ, и у насъ и въ западной Европѣ въ прежнія времена, самый грубый произволъ господской власти, но тамъ произволъ облагороженъ юридическими формами и облеченъ въ наименованія разныхъ правъ; у насъ повторяются тѣ же самыя явленія, — потребности *господскаго тунеядства* одинаковы у всѣхъ народовъ, — но имъ присвоивается у насъ названіе не какихъ-либо правъ droits de seigneurs, Herrenrechte, а [illegible] только господскихъ прихотей.

Разумѣется, и послѣдствія иныя. Еслибы сеньйору пожелалось распространить свое право первой ночи и на послѣдующія ночи новобрачныхъ, то законный мужъ могъ бы воспротивиться и отстоять, въ случаѣ нужды, также свое право. Гдѣ нѣтъ права первой ночи, а господскій произволъ въ отношеніи всей личности подвластной женщины, произволъ, не стѣсняемый никакимъ судомъ, кромѣ совѣсти, тамъ конечно не можетъ быть и рѣчи объ ограниченіи господской власти, со стороны законнаго мужа, тою или другою частью правъ его на свою жену. Но произволъ, опирающійся на поддержку государственной власти, уничтожается послѣднею гораздо легче, нежели произволъ, окаймленный юридическими отношеніями, вѣвшимися въ кровь и плоть народа. Если упраздненіе господской власти на Западѣ требовало или глубокихъ государственныхъ и общественныхъ переворотовъ, какъ во Франціи, или постепеннаго и медленнаго перерожденія юридическихъ отношеній, какъ въ Германіи, то господская власть въ Россіи можетъ быть *совлечена* государственною мѣрою, столь же рѣшительною, какъ та, которая ее установила. Нельзя не упомянуть здѣсь, въ какой степени въ самомъ народѣ есть сознаніе чисто государственнаго характера помѣщичьей или господской власти; въ пониманіи крестьянъ все преобразованіе ихъ быта должно заключаться въ томъ, что господа будутъ (вмѣсто повинностей крестьянъ) *посажены на царское жалованье*.

Съ Петра Великаго новый элементъ, не игравшій доселѣ столь важной роли, вошелъ въ составъ высшаго класса русскаго общества — *образованность*. Настоятельныя нужды государства заставили привлечь къ дѣламъ и вліянію образованныхъ людей всякаго племени, происхожденія и чина. Чрезвычайно любопытный, можетъ-быть единственный въ своемъ родѣ, примѣръ представляетъ намъ это собраніе, вокругъ великаго преобразователя, людей, призванныхъ изъ всякаго званія и рода, лишь во имя таланта, знанія и энергіи къ дѣлу. И здѣсь

являются представители древнихъ знатныхъ родовъ, но вмѣстѣ съ обязанностью службы на нихъ налагается и обязанность способности къ службѣ, образованія. Всякій, кто не удовлетворялъ этимъ двумъ необходимымъ требованіямъ общественнаго обновленія службы и просвѣщенія, тотъ, каково бы ни было его прошедшее, не могъ предъявить никакихъ правъ на настоящее. Реформа Петра, опредѣливная все направленіе общественнаго и государственнаго развитія Россіи до настоящаго времени, самымъ рѣшительнымъ образомъ выставила эти два первенствующія, основныя начала высшаго, *благороднаго* класса современнаго русскаго общества: службу и образованность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ начала XVIII столѣтія, этотъ классъ все болѣе и болѣе выдѣляется изъ массы народа, съ которою онъ до того сливался въ едва замѣтныхъ очертаніяхъ, и общественное сознаніе начинаетъ отыскивать для него общее названіе, которое бы отличало его отъ остальнаго народонаселенія. Является слово *шляхетство*, слово не русское, и наконецъ *дворянство*: съ первой четверти XVIII столѣтія болѣе и болѣе возникаетъ въ высшемъ классѣ общества сознаніе *сословнаго* единства, сословныхъ интересовъ и сословной чести, которые мало-по-малу замѣняютъ собою исключительно родовые и фамильные интересы.

При Петрѣ III совершенно отмѣняется обязательная служба дворянства, постепенно смягчавшаяся въ теченіи XVIII столѣтія, вслѣдствіе измѣнившихся государственныхъ потребностей. Событіе это имѣетъ первостепенную важность въ исторіи дворянства; отмѣна обязательной службы дворянъ была *первымъ рѣшительнымъ актомъ перерожденія дворянства изъ служилаго сословія въ иную форму, но только еще на почвѣ закона или государственнаго права:* обязательность службы для дворянина долго сохраняется въ общественномъ пониманіи какъ необходимая принадлежность дворянства, она даже не исчезаетъ до настоящаго времени. Затѣмъ вторымъ необходимымъ актомъ на пути сложенія съ дворянства характера слу-

живаго сословія, должна была быть отмѣна крѣпостной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ. Прикрѣпленіе было послѣдствіемъ государственнаго тягла, наложеннаго на дворянство; оно должно было обезпечивать его службу; отмѣна обязательной службы дворянства безъ отмѣны обязательной службы крестьянъ была бы величайшею государственною несправедливостью и несообразностью. Потому весьма понятно, что въ кругу лучшихъ представителей нашего общества требованіе объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ слышится съ конца XVIII столѣтія, и въ началѣ XIX высказывается съ такою же точно силою убѣжденія, какъ и теперь. Но это требованіе почти исключительно опиралось на соображеніяхъ политическихъ, на доводахъ государственной справедливости и мудрости, и частію на отвлеченно-филантропическихъ стремленіяхъ, въ духѣ философіи XVIII вѣка. Къ этимъ побужденіямъ присоединилась въ настоящее время *общественная* необходимость, созрѣвшая посреди новыхъ экономическихъ условій народнаго хозяйства и имѣющая по преимуществу *общественный* характеръ современныхъ стремленій вѣка. Сообразно съ этими новыми условіями и положеніе нашего высшаго сословія должно совершенно измѣниться.

Обязательная служба государству, стягнувшая въ себѣ всѣ классы русскаго общества и наложившая, вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей развитія русскаго государства, вмѣсто разнаго рода ограниченій, стѣсненій и механическихъ прикрѣпленій на всѣхъ членовъ общества: дворянъ, горожанъ, всѣхъ родовъ поселянъ, — эта обязательная служба мало-по-малу снимается во второй половинѣ XVIII столѣтія. На этомъ поприщѣ особенно блистательны были различныя постановленія Екатерины II. положившей начала самостоятельности и самоуправленія для всѣхъ свободныхъ сословій въ государствѣ; еще болѣе остается сдѣлать. Главнымъ поворотомъ на этомъ пути представляется устроеніе помѣщичьихъ крестьянъ, которыхъ положеніе, съ отмѣною обязательной службы дворянъ, было

совершеннымъ противорѣчіемъ новому направленію быта, зачинавшемуся для него съ измѣненіемъ условій государственной и общественной жизни. Крѣпостное состояніе оставалось самымъ существеннымъ препятствіемъ къ тому, чтобы нашъ высшій классъ могъ занять въ обществѣ мѣсто, принадлежащее ему сообразно съ новыми условіями народнаго хозяйства и идей современной образованности. Съ отмѣною обязательной службы, дворянство должно было образовать изъ своей среды классъ образованныхъ независимыхъ землевладѣльцевъ. Помѣстья сдѣлались полною собственностью помѣщиковъ, которые должны были уже получать вѣсъ и значеніе, не въ силу только служебныхъ обязанностей и служебныхъ преимуществъ, но въ силу нравственнаго и экономическаго вліянія, принадлежащаго образованному землевладѣльческому классу въ обществѣ. Это значеніе было совершенно невозможно для помѣщиковъ, пока оставалась въ ихъ хозяйствѣ залога изъ прежняго ихъ быта, одно изъ условій прежняго ихъ положенія, одно изъ послѣдствій ихъ *служилаго* характера. Потому, хотя отмѣна обязательной службы и движеніе мыслей въ кругу самаго дворянства, вошедшаго съ конца XVIII столѣтія въ ближайшее общеніе съ западно-европейскимъ образованнымъ міромъ, прокладывали путь къ иному порядку вещей, давали возможность возникнуть инымъ элементамъ въ высшемъ сословіи, мы видимъ, какъ эти элементы были до сихъ поръ слабы и незрѣлы, подъ гнетомъ крѣпостнаго права. Сознаніе этого положенія было живо въ средѣ образованнѣйшихъ членовъ дворянства, и постоянно въ теченіи всего XIX столѣтія заявлялось ими.

2.

Естественные элементы неравенства и равенства въ обществѣ.

Въ предыдущей главѣ мы собрали нѣсколько историческихъ свѣдѣній о развитіи аристократіи въ Европѣ и

нѣкоторыя характеристическія черты ея быта. Теперь намъ хотѣлось бы вникнуть въ самую сущность аристократическаго начала въ обществѣ, въ его отношенія къ прочимъ общественнымъ элементамъ и его роль въ государственной жизни. При томъ тѣсномъ соприкосновеніи, въ которое вступили высшіе классы нашего общества съ движеніемъ идей въ образованномъ мірѣ, и особенно при ожиданіи новаго положенія, которое высшіе классы неизбѣжно должны принять въ нашемъ обществѣ вслѣдствіе предстоящихъ реформъ, — такія разсужденія кажутся намъ своевременными. Какъ бы ни было громадно наше самообольщеніе, съ какою ненавистью мы бы ни смотрѣли на прогрессивное движеніе исторіи, мы никакъ не можемъ надѣяться оправдать наши сословныя притязанія наперекоръ всемірному здравому смыслу народовъ и всемірнымъ понятіямъ о справедливости и народномъ благосостояніи; тѣмъ болѣе, что и въ нашемъ историческомъ прошедшемъ, и въ нашихъ народныхъ преданіяхъ мы не найдемъ ничего враждебнаго этимъ понятіямъ, ничего сколько-нибудь прилѣпленнаго феодальнымъ началамъ съ которыми боролась западно-европейская повѣйшая исторія, и которыя были занесены къ намъ совершенно искусственно, скорѣе канцелярскимъ путемъ, нежели путемъ исторической жизни.

Вопросъ объ аристократіи есть собственно вопросъ *объ общественномъ равенствѣ* или *неравенствѣ*. Вопросъ этотъ издавна тревожилъ и народныя массы, и отдѣльныхъ мыслителей; въ послѣднее время онъ поднятъ былъ съ особенною силою. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что *идеалъ равенства* имѣетъ ту привилегію передъ другими общественными идеалами, что онъ съ одинаковою силою манилъ къ себѣ воображеніе людей, правительствъ и народовъ, совершенно между собою различныхъ и по характеру, и по инстинктамъ. Начиная отъ изреченія того неограниченнаго властителя, преисполненнаго сознаніемъ своей силы: «*il n'y a de grand chez toi que celui à qui je parle et pendant que je parle*», до филантропическихъ мечтаній совсѣмъ безвреднаго друга

человѣчества, требующаго распредѣленія богатства сообразно потребностямъ каждаго, какое множество самыхъ враждебныхъ между собою политическихъ воззрѣній, отвлеченныхъ теорій и доктринъ, преслѣдующихъ каждая по своему идеалъ равенства и по своему ожесточенныхъ противъ общественныхъ преимуществъ и человѣческаго неравенства! Если такія противоположныя стремленія сходятся къ одной цѣли, если *понятіе о равенствѣ* столь очевиднымъ образомъ привязано къ столькимъ и столь громаднымъ попыткамъ и начинаніямъ человѣчества, если понятіе это коренями своими, очевидно, прикасается къ самымъ глубокимъ всечеловѣческимъ началамъ, то мы не можемъ не прійти къ убѣжденію, съ одной стороны, что этотъ идеалъ можетъ быть совершенно различно представляемъ разными умами, и, съ другой стороны, что должно же быть въ понятіи равенства что-нибудь общее всему человѣчеству, что-нибудь соотвѣтствующее естественнымъ инстинктамъ всѣхъ людей и самому существу человѣческой природы.

Когда мы обратимся къ *дѣйствительности*, къ тому, что̀ дѣйствительно сдѣлано на пути къ этому идеалу, то насъ поражаетъ совершенная пестрота, совершенное смѣшеніе явленій равенства и неравенства, такъ что мы на первый взглядъ никакъ не можемъ отдать себѣ отчетъ, что̀ болѣе сдѣлало успѣховъ въ исторіи человѣчества: равенство или неравенство его членовъ. Мы знаемъ, что въ основаніи демократическаго равенства гражданъ древнихъ республикъ лежало рабство, и что оно исчезло съ лица земли въ европейскихъ государствахъ; что безусловное безправіе чужеземца уступило мѣсто равно-человѣческимъ отношеніямъ самаго образованнаго правительства къ самымъ дикимъ варварамъ; мы знаемъ, что для европейскаго человѣка нѣтъ варваровъ. Мы знаемъ, что монархъ въ любомъ европейскомъ государствѣ менѣе имѣетъ права на собственность и жизнь самаго послѣдняго крестьянина, нежели имѣлъ феодальный баронъ на собственность и жизнь вассаловъ, населявшихъ его земли.

Мы видимъ, какъ всѣ блага образованности и промышленности, гражданскаго порядка и суда дѣлаются болѣе и болѣе равно доступными для всѣхъ классовъ общества. Таковы бросающіеся въ глаза успѣхи равенства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ насъ поражаетъ развитіе самыхъ черныхъ ужасовъ нищеты въ странахъ, наиболѣе отличающихся успѣхами промышленности и образованности, развитіе самыхъ крайнихъ противоположностей богатства и бѣдности въ государствахъ преуспѣвающихъ. Мы видимъ (во Франціи) печальные результаты равнаго участія всего народа въ пользованіи политическими правами и даже совершенную несостоятельность равенства политическихъ правъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ не признать самыхъ блестящихъ результатовъ не только въ политической жизни, но и во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности въ странѣ (въ Англіи), гордящейся неравномѣрнымъ участіемъ свободныхъ сыновъ своихъ въ государственномъ управленіи и политикѣ. Словомъ, мы не можемъ отрицать во многихъ отношеніяхъ жизни самыхъ рѣшительныхъ успѣховъ равенства у образованныхъ народовъ въ сравненіи съ народами, не вошедшими еще въ среду исторіи, и въ сравненіи съ первоначальными эпохами развитія тѣхъ же самыхъ образованныхъ народовъ: эти успѣхи очевидны для каждаго. Но въ то же время, во многихъ другихъ, столь же многочисленныхъ отношеніяхъ, мы не можемъ отрицать столь же положительнаго развитія неравенства, если будемъ восходить отъ эпохъ первобытныхъ къ новѣйшимъ, отъ народовъ необразованныхъ къ образованнымъ; если взять даже разныя группы общества въ томъ же самомъ народѣ, представляющія собою въ одинъ и тотъ же моментъ времени разныя эпохи историческаго развитія, какъ напримѣръ сельское и городское народонаселеніе, массу крестьянъ и массу купцовъ или дворянъ, то несомнѣнно окажется, что распредѣленіе всѣхъ благъ духовныхъ и вещественныхъ гораздо болѣе равномѣрно у первыхъ чѣмъ у вторыхъ; можно самымъ утвердительнымъ образомъ сказать,

что крестьяне несравненно *менѣе* отличаются другъ отъ друга преимуществами воспитанія, богатства, гражданскаго образованія, наконецъ всякаго рода превосходствами, нежели горожане; что масса крестьянъ гораздо безразличнѣе, ровнѣе, чѣмъ масса горожанъ. И въ политическомъ устроеніи, и въ степени участія каждаго лица въ общихъ дѣлахъ своего народа или своей родины, мы найдемъ во многихъ отношеніяхъ болѣе равенства въ самой дикой ордѣ номадовъ, чѣмъ въ образованномъ государствѣ; кочующіе Киргизы пользуются несравненно меньшими одинъ противъ другаго преимуществами въ глазахъ своего старшины, гораздо болѣе передъ нимъ *равны* между собою, чѣмъ подданные Англіи передъ своею королевою, которая дастъ мѣсто въ своемъ совѣтѣ лорду и откажетъ въ немъ поденщику; номады даже болѣе равны между собою, чѣмъ подданные Франціи, — страны, славящейся передъ всѣми своимъ равенствомъ, гдѣ даже полновластный императоръ, опираясь на абсолютно-равное право голоса всего народа, никогда не рѣшался одинаково поступать съ человѣкомъ, пользующимся всѣми преимуществами знати и общественнаго положенія (напримѣръ съ какимъ-нибудь графомъ Монталамберомъ), какъ съ простымъ пролетаріемъ, хотя бы дѣйствія того и другаго были одинаково непріязненны его власти, хотя бы сопротивленіе перваго было даже опаснѣе для существующей системы, чѣмъ ропотъ втораго, и хотя бы ненависть главы государства была несравненно сильнѣе къ первому, чѣмъ ко второму. И вся страна, все общественное мнѣніе менѣе равнодушны къ преслѣдованіямъ противъ человѣка знатнаго и богатаго, чѣмъ къ преслѣдованіямъ противъ незначительнаго бѣдняка, даже несмотря на то, что къ этому неравнодушію примѣшивается скрытое чувство злобы и зависти противъ образованнаго, знатнаго и богатаго человѣка, — чувство, впрочемъ еще болѣе выставляющее впередъ его общественное превосходство и значеніе. Потомки служителей той же династіи, государственные люди иной правитель-

ственной системы, уступившей мѣсто новой, посѣдѣвшіе въ канцеляріяхъ бюрократы, люди полезные для всякой системы, уважаемые ученые, литераторы, вольнодумцы прежняго времени никакъ не смѣшивались въ демократической и цивилизованной Франціи, ни при какомъ правленіи, въ одну безразличную массу съ народонаселеніемъ, въ такую массу, какую представляетъ собою какое-нибудь кочующее племя средней Азіи, стадообразно подчиняющееся одному предводителю, или стадообразно отъ него отпадающее, подъ рукою новаго счастливца на полѣ брани. Очевидно, что всѣ эти люди, нами названные, имѣютъ во французскомъ обществѣ какую-то силу, какія-то преимущества, которыхъ не имѣютъ другіе Французы. Какое бы мы ни находили сходство въ опорѣ на безгласныя массы, которой равно искали для себя и императоръ Французовъ, и смѣлый предводитель кочующихъ народовъ Азіи, но превосходство въ историческомъ развитіи французскаго народа сопровождается такимъ неравенствомъ нравственныхъ, общественныхъ и политическихъ преимуществъ между отдѣльными лицами, какого мы не найдемъ въ Азіи. Государственный деспотизмъ постепенно ослабѣваетъ въ исторіи и постепенно уступаетъ мѣсто болѣе разумнымъ отношеніямъ подданныхъ къ государственной власти. Это несомнѣнный, всеобщій фактъ исторіи, и между тѣмъ деспотизмъ съ перваго взгляда обладаетъ особенною силою уравниванія, какой не имѣютъ никакія другія формы государственной власти. Что значатъ преимущества нѣсколькихъ любимцевъ, порожденныхъ интригами сералей и вкушающихъ всѣ наслажденія власти, безнаказанности, богатства, въ безразличной массѣ рабовъ-подданныхъ, равно покорныхъ своему владыкѣ, равно безсильныхъ, равно безправныхъ, равно ограбленныхъ казною; что значатъ въ огромной суммѣ этого абсолютнаго равенства преимущества нѣсколькихъ десятковъ счастливцевъ, притомъ же такъ легко выталкиваемыхъ изъ дверей серала и не имѣющихъ никакихъ аристократическихъ корней въ народѣ?

Эти исключенія ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ неравенствомъ, которое всюду распространено въ образованныхъ государствахъ.

Но параллель имѣетъ и совершенно другую сторону. Самый ученый христіанинъ не пользуется въ азіатскомъ государствѣ тою свободою своихъ убѣжденій, какую имѣетъ самый необразованный магометанинъ въ европейскомъ государствѣ. Тамъ государственная власть строго различаетъ правовѣрнаго отъ невѣрнаго; здѣсь она не знаетъ никакихъ различій вѣроисповѣданія между всѣми своими подданными. Тамъ судъ наши по своему усмотрѣнію оставляетъ неказанными самыя вопіющія преступленія однихъ подвластныхъ ему людей и истощаетъ всѣ запасы своего жестокосердія противъ легкихъ проступковъ другихъ; здѣсь всѣ граждане подчинены одной мѣрѣ возмездія, всѣ равны передъ судомъ. Тамъ немного богатыхъ, но каждый изъ нихъ неограниченно распоряжается честью и жизнью бѣдныхъ; здѣсь много богатыхъ, но ихъ сила надъ бѣдными имѣетъ предѣлы, за которые они не въ состояніи переступить. Тамъ мало ученыхъ, но они по произволу распоряжаются легковѣріемъ и невѣжествомъ толпы; здѣсь много ученыхъ, но они не въ силахъ властвовать надъ самыми необразованными людьми.

Такъ въ дѣйствительной жизни человѣческаго общества перемѣшиваются между собою успѣхи равенства и неравенства; и мы рѣшительно приходимъ въ недоумѣніе, что болѣе подвигается впередъ, равенство или неравенство. Желая отдать себѣ отчетъ, въ чемъ же заключается характеръ историческаго развитія, мы никакъ не можемъ отнести его исключительно къ успѣхамъ того или другаго начала, и слѣдственно вынуждены различать тѣ отношенія, въ которыхъ преобладаютъ успѣхи одного, и тѣ отношенія, въ которыхъ преобладаютъ успѣхи другаго. Мы, очевидно, находимся въ необходимости различать разныя проявленія общественной жизни и въ каждой категоріи отдѣльно искать значенія начала равенства.

Мы оставимъ сначала въ сторонѣ преимущества, созданныя законодательствомъ и поддерживаемыя государственною властью, и разсмотримъ только *естественныя преимущества* людей, какъ они сложились въ современной общественной жизни.

Уже блага природы — почвы, климата и мѣстоположенія — весьма неравномѣрно распредѣлены между человѣческими поселеніями. Въ одной полосѣ земнаго шара стоитъ человѣку только протянуть руку къ дереву, чтобъ обезпечить себя на нѣсколько дней самою роскошною пищею: въ другой полосѣ онъ долженъ страшными усиліями цѣлаго года заставить землю произвести для него запасъ пищи на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ одномъ климатѣ онъ долженъ употребить только цѣнность нѣсколькихъ дней труда, чтобы защитить одеждою естественное чувство стыдливости; въ другомъ онъ истрачиваетъ, можетъ-быть, до половины всей своей дѣятельности только на то, чтобъ оберечь свою жизнь и здоровье отъ вредоносныхъ вліяній стужи. Такія противоположности всюду распространены на земномъ шарѣ, и онъ представляетъ полнѣйшее неравенство географическихъ условій развитія общественной жизни и цивилизаціи.

За тѣмъ слѣдуютъ различія въ физическомъ строеніи самаго человѣка. Превосходство крови въ человѣческомъ родѣ всего очевиднѣе въ различіи человѣческихъ расъ. Одни расы преобладаютъ въ исторіи, другія подчиняются; одни расы распространяютъ свою цивилизацію, другія ее принимаютъ и ей уступаютъ. Таковы движенія англосаксонскаго племени въ Сѣверной Америкѣ и русскаго въ Сѣверной Азіи. Намъ нѣтъ, впрочемъ, никакой надобности вдаваться въ дальнѣйшее обсужденіе этого явленія, ибо мы разсуждаемъ только о естественныхъ превосходствахъ въ средѣ одного и того же народа или общества, и при томъ образованнаго. Здѣсь вліяніе крови, можно сказать, совершенно уступаетъ могущественному вліянію другихъ причинъ естественнаго неравенства, чрезвычайно сложныхъ и многочисленныхъ. Жизнь историческаго на-

рода преисполнена столькихъ сплетеній матеріальныхъ и нравственныхъ силъ (воспитаніе, хозяйство, занятія, образъ жизни, общественная среда), обусловливающихъ собою развитіе каждой отдѣльной личности и дающихъ ей то или другое направленіе, то или другое превосходство (какъ увидимъ ниже), что физіологическое различіе крови дѣлается совершенно незамѣтнымъ и можетъ быть вовсе не признаваемо при сужденіяхъ объ общественномъ неравенствѣ. Все, что̀ можно считать неотъемлемою принадлежностью породы, это извѣстнаго рода темпераментъ и типъ. Но тотъ и другой не составляютъ еще сами по себѣ никакого признака превосходства; темпераментъ и типъ всѣхъ безъ изъятія родовъ и оттѣнковъ, *совершенно въ равной степени*, подлежатъ развитію, воспитанію и нравственному облагороженію.

Гораздо важнѣе для насъ *нравственная сторона рожденія*, или то, что̀ называется обыкновенно *происхожденіемъ*. Мы разумѣемъ здѣсь самый фактъ рожденія, совершенно независимо отъ всѣхъ другихъ общественныхъ преимуществъ, проявляющихся въ связи съ рожденіемъ и получающихъ отъ него (какъ увидимъ ниже) еще болѣе силы; мы говоримъ единственно о фактѣ рожденія, какъ нити, соединяющей въ глазахъ всего общества одного человѣка съ другимъ. Этотъ фактъ несомнѣнно имѣетъ большое значеніе въ общественномъ мнѣніи. Какъ мы всегда отличимъ въ своемъ домѣ сына нашего друга, уважаемаго нами человѣка, такъ и общество всегда отличаетъ дѣтей, носящихъ имена, имъ уважаемыя. Мы никакъ не можемъ равнодушно пройти мимо незнакомаго намъ человѣка, когда намъ скажутъ, что это сынъ Роберта Пиля, Шеллинга, Карамзина, Пушкина, Гоголя. Сынъ славныхъ родителей пользуется нѣкоторыми выгодами общественнаго положенія, жизненный путь бываетъ ему облегченъ уже вслѣдствіе самаго факта его рожденія. Какъ ни справедливы слова Франклина, что скорѣе родители должны быть награждаемы за хорошихъ дѣтей, чѣмъ дѣти за хорошихъ родителей, но общество можетъ и не

помышлять о раздачѣ наградъ дѣтямъ за происхожденіе отъ хорошихъ родителей, и тѣмъ не менѣе оно замѣчаетъ рожденіе одного, не замѣчая рожденія другаго, а извѣстность человѣка въ массѣ общества, даже только въ молвѣ и говорѣ народномъ, сообщаетъ ему нѣкоторую силу въ сравненіи съ людьми безразличными для этой массы.

Далѣе различаютъ людей *личныя врожденныя качества*. Излишне было бы перечислять всѣ тѣ прирожденныя преимущества умственныхъ способностей, таланта и характера, которыя даютъ одному человѣку силу и перевѣсъ передъ другимъ, менѣе щедро надѣленнымъ отъ природы; они даютъ перевѣсъ не только при равенствѣ другихъ условій дѣятельности, знанія, образованности, имущества, но иногда даже при несравненно менѣе выгодныхъ условіяхъ. Достаточно указать на общій характеръ и значеніе личнаго природнаго превосходства. Оно распространено всюду, во всѣхъ безъ изъятія отрасляхъ человѣческой дѣятельности, хотя всего болѣе замѣтно въ свободныхъ искусствахъ, потому что въ нихъ главную роль играетъ *талантъ*, а талантливость человѣческой природы есть существеннѣйшее изъ личныхъ превосходствъ. Художественные таланты, напримѣръ музыкальныя способности, голосъ, фантазія, грація и т. д., даютъ людямъ, ими одареннымъ, страшное превосходство передъ ихъ конкуррентами на томъ же поприщѣ, создаютъ въ сферѣ искусства одну изъ самыхъ сильныхъ аристократій. При самыхъ напряженныхъ усиліяхъ воли и труда, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ воспитанія, люди недаровитые должны терпѣть преобладаніе со стороны людей талантливыхъ. А стихія искусства, ловкости, изящества, красоты болѣе или менѣе распространена во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, и вездѣ она даетъ преимущество тому, на чьей сторонѣ стоитъ. На разныхъ ступеняхъ образованія даютъ превосходство различныя качества, иногда даже одно другому совершенно противныя, начиная отъ грубой матеріальной силы, со-

ставляющей отличіе между дикарями, до художественныхъ талантовъ, чествуемыхъ образованными обществами, и наконецъ до той внутренней природной прелести и гармоніи человѣческаго ума и характера, очарованіе которыхъ доступно только для высоко-развитой въ нравственномъ отношеніи общественной среды. «Есть люди рожденные, чтобы повелѣвать», фраза избитая, тѣмъ болѣе, что число людей *повелѣвающихъ* постепенно уменьшается въ образованныхъ обществахъ. Но сущность ея остается непреложно вѣрною. «Есть люди рожденные, чтобъ имѣть приверженцевъ», скажемъ мы, для болѣе взыскательнаго слуха современнаго читателя. Никто не усомнится въ справедливости, что есть люди, по природѣ своей внушающіе симпатію. Отсюда популярность нѣкоторыхъ людей, крайняя снисходительность къ нимъ общественнаго мнѣнія; любимому человѣку прощается то, что во сто кратъ менѣе мы простимъ человѣку, къ которому мы равнодушны. Здѣсь мы можемъ упомянуть о внѣшней наружности человѣка, къ изяществу или безобразію которой не равнодушно никакое общество. Женская красота безъ всякаго сомнѣнія создаетъ всюду аристократію, и одну изъ самыхъ деспотическихъ, исключительныхъ и несправедливыхъ.

Наконецъ упомянемъ о счастіи, объ этомъ преимуществѣ, которое совершенно неуловимо въ своемъ проявленіи и не подчиняется никакому анализу, но тѣмъ не менѣе ощущается каждымъ человѣкомъ, при каждомъ дѣлѣ, на каждомъ шагу.

Мы не станемъ разсуждать, въ какой степени упомянутыя нами личныя качества *врожденны* и случайны, и въ какой степени они зависятъ въ развитіи своемъ отъ воспитанія и условій жизни, окружающихъ человѣка съ первой минуты рожденія; для насъ достаточно выставить самъ по себѣ фактъ, что есть *личное* превосходство, имѣть или не имѣть которое не зависитъ ни отъ какого человѣческаго соображенія, труда и произвола. Переходимъ теперь къ различіямъ, которыя гораздо болѣе за-

висятъ отъ общественныхъ условій, и на которыя должно быть обращено преимущественное наше вниманіе.

1. *Познанія.* Знаніе, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, есть преимущество и сила въ рукахъ человѣка передъ человѣкомъ безъ знанія. Не только знающій то дѣло, надъ которымъ трудится, долженъ менѣе не знающаго тратить на него времени и труда, но послѣдній иногда даже вовсе не можетъ за него взяться. Есть занятія, которыя остаются совершенною естественною монополіей въ рукахъ людей знающихъ. Съ развитіемъ народной дѣятельности занятія постоянно болѣе специализируются, то-есть все болѣе и болѣе требуютъ, для своего успѣха, спеціальнаго знакомства съ ними: это экономическая аксіома. Вмѣстѣ съ тѣмъ кругъ занятій, доступныхъ для каждаго человѣка или по крайней мѣрѣ не требующихъ предварительнаго и продолжительнаго изученія, постепенно съуживается: переходъ человѣка отъ одного занятія къ другимъ постепенно болѣе затрудняется. Если сравнить состояніе номадовъ съ образованнымъ обществомъ, то мы найдемъ, что у первыхъ каждый человѣкъ легко и во всякое время можетъ взяться за всѣ роды работъ, занимающихъ собою все племя; въ образованномъ обществѣ земледѣлецъ никакъ не можетъ сдѣлаться не только въ одинъ день, но и во весь свой вѣкъ искуснымъ фабрикантомъ, литераторомъ, государственнымъ человѣкомъ. Подобное же отношеніе найдемъ мы между деревнею и городомъ: всѣ промыслы деревни почти одинаково доступны всѣмъ жителямъ, а въ городѣ хорошій часовщикъ, какъ бы онъ ни былъ уменъ и богатъ, не сдѣлается хорошимъ портнымъ и т. д.

Во главѣ какого-либо промышленнаго предпріятія по желѣзнымъ дорогамъ, несравненно легче можетъ стать и собрать вокругъ себя капиталы искусный инженеръ, если даже онъ не пользуется репутаціею честности и самъ не имѣетъ никакого состоянія, нежели образованный крестьянинъ, какъ бы ни было высоко мнѣніе о его нравственныхъ достоинствахъ, или даже богатый купецъ (разу-

мѣется въ томъ случаѣ, еслибы онъ не могъ пріобщить къ дѣлу ни одного инженера и долженъ былъ бы самъ распоряжаться работами). Такъ, независимо отъ денежныхъ средствъ, опытные промышленники и барышники, знающіе условія и обычаи торга, имѣютъ перевѣсъ передъ крестьянами, скупаютъ произведенія ихъ труда и пользуются выгодами, которыя могли бы имѣть сами крестьяне, еслибы умѣли пользоваться условіями торговли. Спекулянты и опытные дѣловые люди и подрядчики нанимаютъ работниковъ и получаютъ огромныя прибыли, которыя могли бы идти въ руки самихъ работниковъ, еслибы они могли обойтись безъ посторонняго распорядителя, знали какъ устроить и вести всю операцію, выбрали для распоряженія одного изъ себя, и успѣли своимъ знаніемъ дѣла внушить публикѣ довѣріе. Трудъ распоряженія промышленнымъ предпріятіемъ и работою есть, безъ всякаго сомнѣнія, своего рода спеціальность и никогда не будетъ принадлежностью всѣхъ людей, но чѣмъ болѣе будетъ людей знающихъ и образованныхъ, тѣмъ болѣе будетъ людей способныхъ къ этому труду, и тѣмъ менѣе онъ будетъ монополіей: пока знаніе и образованность болѣе распространены въ другихъ классахъ общества чѣмъ въ рабочемъ, послѣдній по необходимости остается въ подчиненіи первымъ.

Такимъ образомъ, мы пришли къ превосходству образованныхъ людей передъ необразованными. Это превосходство не только не ослабѣваетъ, но очевидно дѣлается сильнѣе съ общими успѣхами гражданственности, промышленности и науки. Чѣмъ болѣе развивается историческая жизнь народа, чѣмъ въ большее соприкосновеніе входитъ онъ съ образованнымъ міромъ, чѣмъ менѣе становится тѣсенъ обмѣнъ его политическихъ и общественныхъ начинаній, мыслей и товаровъ съ образованными народами: тѣмъ болѣе нужно образованныхъ людей для успѣха всѣхъ родовъ дѣятельности, тѣмъ менѣе имѣетъ цѣны трудъ необразованнаго и тѣмъ наконецъ большій перевѣсъ и преобладаніе получаютъ группы образованныхъ

людей передъ необразованными, ученыхъ передъ неучеными.

Смыслъ всеобщаго превосходства образованнаго класса передъ необразованными можно вообще выразить такъ: для перваго хотя не легко, но *возможно* было бы исполнить всѣ работы, отправляемыя вторыми, для послѣднихъ абсолютно невозможно взять на себя обязанности перваго. Отъ такого взаимнаго отношенія умственныхъ силъ всѣхъ членовъ общества зависитъ фактическое подчиненіе необразованныхъ образованнымъ.

Но пріобрѣтеніе знанія, образованности, науки не зависитъ единственно отъ воли и труда каждаго желающаго ихъ получить; оно находится въ тѣсной зависимости отъ рожденія, первоначальнаго воспитанія, имущества, общественной среды, окружающей человѣка.

2. *Воспитаніе*. Благовоспитанность—великое дѣло въ человѣческомъ общежитіи и вмѣстѣ съ тѣмъ могущественный аристократическій элементъ. Благовоспитанность, очевидно, не одно и то же, что́ образованность.

Благовоспитанность, въ общемъ смыслѣ этого слова, есть такая выработка всей человѣческой личности, которая облегчаетъ человѣку отношенія къ окружающему обществу и дѣлаетъ эти отношенія *пріятными для всѣхъ, имѣющихъ съ нимъ дѣло*. Такова сущность и практическое значеніе благовоспитанности въ обществѣ. Очевидно, что самыя непріятныя отношенія, самыя щекотливыя дѣла становятся пріятнѣе и легче съ человѣкомъ благовоспитаннымъ, чѣмъ съ неблаговоспитаннымъ. Къ этой цѣли клонятся всѣ принадлежности хорошаго воспитанія; всѣ они должны сдѣлать атмосферу, окружающую человѣка, пріятною для всякаго, имѣющаго надобность вступить въ нее.

Формы благовоспитанности измѣняются съ каждою историческою эпохою, съ измѣненіемъ нравовъ и обычаевъ страны и понятій эпохи и народа о тѣхъ нравахъ и обычаяхъ, которые наиболѣе удобны и наиболѣе пріятны во взаимныхъ отношеніяхъ людей. Эти понятія могутъ быть весьма разнообразны и причудливы, они развиваются

вмѣстѣ съ нравственными воззрѣніями народа, начиная отъ чудовищнаго китайскаго церемоніала и грубыхъ понятій о формализмѣ рыцарской чести до внѣшнихъ приличій, созданныхъ чувствомъ истиннаго человѣческаго достоинства. Во всякомъ случаѣ во внѣшнихъ формахъ благовоспитанности отражается нравственный идеалъ эпохи или народа; отдѣльный человѣкъ можетъ не сознавать сущности этихъ формъ и подчиняться имъ лишь вслѣдствіе привычки, пріобрѣтенной имъ въ раннемъ возрастѣ, или же вслѣдствіе необходимости имѣть дѣло съ людьми, уважающими эти формы. Отдѣльный человѣкъ можетъ не подчиняться этимъ формамъ, или потому, что онъ еще не дорось до нравственнаго идеала своей эпохи, или же потому, что онъ перерось его; но чтобы дѣйствовать съ успѣхомъ, между людьми данной эпохи и данной страны, надобно покоряться принятымъ формамъ благовоспитанности.

Эта пріятность сношеній съ благовоспитанными людьми впрочемъ никакъ не заключается въ отрицательныхъ качествахъ ихъ. Напротивъ того, благовоспитанность заключается въ богатствѣ внутренняго содержанія, подающаго живой отголосокъ на всѣ потребности общества, въ роскоши жизни, знающей цѣну всѣхъ благъ цивилизаціи, въ остротѣ воззрѣнія, умѣющаго если не сознательно понять всю важность каждаго человѣческаго подвига и каждаго общественнаго дѣла, то съ подобающимъ уваженіемъ остановиться передъ каждымъ человѣкомъ и передъ каждымъ дѣломъ. Это самовоздержаніе и умѣренность пріобрѣтаются, безъ всякаго сомнѣнія, и умомъ, и знаніемъ, но нѣтъ такого ума и знанія, которые могли бы обнять всѣ отрасли человѣческаго вѣдѣнія, и потому самовоздержаніе и умѣренность являются, какъ данная воспитаніемъ привычка держать себя и свои дѣйствія въ извѣстныхъ границахъ, какъ инстинктивный *такт* жизни, который есть превосходство вездѣ и всегда.

Коль скоро съ благовоспитанными людьми отношенія пріятнѣе и легче, чѣмъ съ людьми дурно воспитанными,

то весьма естественно, что для успѣха своей дѣятельности первые имѣютъ преимущество передъ вторыми. Первые могутъ легче соединить вокругъ себя людей, сосредоточить ихъ для своихъ цѣлей, имѣть на нихъ вліяніе, чѣмъ вторые. А такъ какъ благовоспитанность есть по преимуществу практическое свойство человѣка, то она можетъ быть различна въ различныхъ отрасляхъ дѣятельности, хотя вездѣ и всегда имѣетъ нѣкоторыя свои необходимыя, общечеловѣческія принадлежности. Такъ различаются особенные виды промышленнаго, ученаго, художественнаго воспитанія, и наконецъ политическаго, которое даетъ самое могущественное вліяніе и почетъ.

Воспитаніе человѣка съ перваго дня рожденія продолжается въ теченіи всей его жизни. Но первое и рѣшительное направленіе дается съ дѣтства и такимъ образомъ не зависитъ отъ воли каждаго. Все, что пріобрѣтается въ послѣдствіи, покупается силою труда, первоначальное же воспитаніе получается не произвольно. Затѣмъ и воспитаніе въ зрѣломъ возрастѣ зависитъ преимущественно отъ условій жизни и отъ общественной среды, въ которую каждый поставленъ. Ребенку, брошенному въ партію Тунгусовъ, было бы совершенно невозможно воспитать себя; самому геніальному человѣку, запертому съ раннихъ лѣтъ въ государствѣ, не наслаждающемся политическою жизнію, невозможно пріобрѣсти политическое воспитаніе. Это крайности, но въ большей или меньшей мѣрѣ элементъ воспитанія дается человѣку внѣшними условіями его жизни. Это нравственный капиталъ, накопившійся трудомъ исторіи всѣхъ поколѣній у нѣкоторыхъ народовъ и въ нѣкоторыхъ слояхъ общества. Онъ передается преемственно людямъ, собраннымъ около этихъ центровъ, и каждый получаетъ въ силу своего рожденія, богатства, рода занятій только извѣстный, весьма неравный процентъ съ этого капитала. *Преданіе* — играетъ въ воспитаніи и человѣка и народа первостепенную роль, оно сохраняется народами, группами людей, семействами.

3. *Богатство.* Неравенство состояній, издавна бывшее

предметомъ смущенія и соболѣзнованія друзей человѣчества, въ послѣднее время, при колоссальномъ развитіи промышленности, выступило съ особенною силою; подъ вліяніемъ понятій новѣйшаго времени о водореніи общественнаго равенства, имущественное неравенство было подвержено особенно ожесточеннымъ нападеніямъ.

Превосходство благосостоянія оказываетъ свое дѣйствіе вообще въ тѣхъ трехъ отношеніяхъ, въ которыхъ матеріальное богатство служитъ цѣлямъ человѣка: въ непосредственномъ удовлетвореніи различныхъ потребностей или въ *потребленіи*, въ промышленной дѣятельности или въ *производствѣ* новаго богатства, и въ развитіи и удовлетвореніи умственныхъ потребностей.

Безъ всякаго сомнѣнія, неравенство людей въ обладаніи разными предметами потребленія очень живо ощущается ими, и чѣмъ болѣе это неравенство нисходитъ по длинной лѣстницѣ человѣческихъ потребностей къ самымъ первоначальнымъ и естественнымъ нуждамъ жизни, тѣмъ болѣе рѣзкою является противоположность удовлетворенія и наслажденія, съ одной стороны, и лишенія и страданія, съ другой.

Въ личныхъ матеріальныхъ потребностяхъ есть впрочемъ извѣстная граница, далѣе которой является уже прихоть и вкусъ роскоши и пресыщенія: потребность удовлетворять этимъ прихотямъ, хотя весьма настоятельная для людей, въ нихъ воспитанныхъ, — велика привычка, даже самая дикая и неестественная, можетъ быть настоятельна, — легко побѣждается и притупляется нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ, и неудовлетвореніе ея не составляетъ еще того, что̀ мы называемъ неравенствомъ частнаго и народнаго благосостоянія. Но терпѣніе бѣднаго подвергается дѣйствительному испытанію, когда онъ замѣчаетъ, что при всемъ возможномъ напряженіи воли и труда, онъ во всякой отрасли промышленной дѣятельности постоянно получаетъ несравненно меньшую долю богатства, нежели какая достается человѣку уже богатому, даже при самомъ ничтожномъ участіи его труда и воли.

Чѣмъ болѣе развивается страна въ промышленномъ отношеніи, чѣмъ болѣе совершенствуются всѣ отрасли промышленности; тѣмъ болѣе значительную роль играетъ капиталъ, тѣмъ неудовлетворительнѣе дѣлаются произведенія труда безъ капитала. Промышленное превосходство богатаго надъ бѣднымъ не только необходимо связано со всякимъ производствомъ, но оно какъ будто даже возрастаетъ исполинскими шагами, вмѣстѣ съ возрастаніемъ народнаго богатства и цивилизаціи; оно какъ будто само развивается вмѣстѣ съ историческимъ прогрессомъ. А историческій прогрессъ неизбѣженъ.

Еще болѣе важно умственное и нравственное вліяніе богатства. Матеріальнымъ благосостояніемъ обусловливается доступъ ко всѣмъ духовнымъ благамъ жизни, ко всѣмъ тѣмъ интересамъ, которые собственно дѣлаютъ человѣка человѣкомъ. Недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ лишаетъ людей воспитанія, то-есть даже не позволяетъ развиться въ нихъ потребностямъ къ умственной и нравственной пищѣ; бѣдность до послѣдняго дня жизни держитъ дѣятельность мозга подъ тяжкимъ гнетомъ дѣятельности мускуловъ, не даетъ возможности отъ попеченія о насущномъ хлѣбѣ отрываться къ нравственнымъ утѣхамъ жизни, требующимъ нѣкотораго досуга и нѣкоторой матеріальной независимости. Такъ имущественное неравенство обращается въ неравенство образованности въ разныхъ группахъ народонаселенія, и богатство становится источникомъ не только экономическаго, но и вообще общественнаго превосходства.

Въ самой средѣ богатства мы найдемъ также нѣкоторое естественное неравенство. Не всѣ роды имущества пользуются одинаковыми общественными преимуществами. Въ этомъ отношеніи можно замѣтить совершенную постепенность имуществъ: чѣмъ болѣе характеръ имущества требуетъ, для извлеченія изъ него дохода и вообще промышленныхъ выгодъ, участія въ хозяйствѣ труда самого владѣльца, тѣмъ, естественнымъ образомъ, оно менѣе обезпечиваетъ его положеніе. Такъ есть фабрика, лавка,

торговый домъ приноситъ не болѣе дохода, чѣмъ какой-либо денежный капиталъ, то владѣлецъ послѣдняго будетъ всегда въ положеніи болѣе выгодномъ; ибо, располагая точно такими же денежными средствами, какъ фабрикантъ, купецъ, банкиръ, и получая безъ малѣйшихъ хлопотъ проценты съ своего капитала, онъ можетъ употребить все свое время на какія ему угодно занятія умственныя, художественныя, наконецъ политическія, нимало не уменьшая тѣмъ своихъ доходовъ и не нанося никакого ущерба своему имуществу. Но *самая аристократическая собственность есть земля:* она точно такъ же, какъ всякій денежный капиталъ, можетъ приносить доходъ владѣльцу, будучи отдана въ наемъ другимъ лицамъ и не требуя при этомъ никакой хозяйственной дѣятельности отъ владѣльца, и вмѣстѣ съ тѣмъ она имѣетъ еще особыя преимущества, которыя болѣе или менѣе чужды всякой другой собственности. Произведенія земли, вслѣдствіе возрастанія народонаселенія, постоянно возвышаются въ цѣнѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышаются отъ одного поколѣнія къ другому цѣнность и доходъ поземельныхъ владѣній; совершенно независимо отъ всякихъ усилій своей воли, даже независимо отъ удачи и выбора при помѣщеніи своего капитала (какъ это бываетъ относительно денежныхъ капиталовъ) единственно пользуясь вліяніемъ всеобщихъ успѣховъ благосостоянія и гражданственности, землевладѣлецъ можетъ наслаждаться не только прочностію, но и увеличеніемъ своихъ доходовъ, и былъ вполнѣ увѣренъ въ обезпеченности своего семейства и своего рода. Кромѣ того, ни одна собственность не завязываетъ такихъ тѣсныхъ отношеній между ея владѣльцемъ и окружающимъ народонаселеніемъ. Вліяніе, пріобрѣтаемое имъ почтеннымъ и теченіе десятилѣтней хозяйственной дѣятельности, продолжается потомъ на безконечные десятки лѣтъ. Оно не ограничивается опредѣленною выдачею заработной платы, какъ на фабрикахъ или въ ларкѣ, но проникаетъ во всѣ внутреннія пружины быта рабочаго народонаселенія, во всѣ его семейныя и нравственныя отношенія. Вся жизнь

крестьянина, жизнь его отцовъ и его дѣтей связана съ землею, которую онъ обрабатываетъ, и на которой или подлѣ которой онъ живетъ. Перемѣнились коммерческія обстоятельства, и купецъ переноситъ свою лавку съ одного края города на другой, даже въ другой городъ; фабрикантъ закрываетъ свою фабрику, пріостанавливаетъ работу; сегодня взялъ онъ тысячу работниковъ, завтра возьметъ только десять; сегодня онъ завелъ фабрику, завтра построитъ пароходъ и т. д. Помѣщикъ можетъ такіе сегодня продать имѣніе, завтра купить другое, но земля никогда не можетъ сдѣлаться предметомъ такихъ же спекуляцій и быстрыхъ денежныхъ оборотовъ, какъ всякое другое имущество. Вообще землевладѣльческое народонаселеніе самое осѣдлое, и если помѣщики какой-нибудь страны не пользуются выгодами общественнаго своего положенія, то въ этомъ виновато не ихъ положеніе, а они сами. Если обезпеченности своего быта въ своихъ помѣстьяхъ они предпочитаютъ пролетаріатское существованіе въ тѣсныхъ углахъ большихъ городовъ; если они предпочитаютъ уваженію въ средѣ народонаселенія, исторически привязаннаго къ изгороди ихъ естественныхъ жилищъ, скитаніе по клубамъ и передней столичныхъ сановниковъ; если они предпочитаютъ неподдѣльнымъ и неувядаемымъ ароматамъ сельской жизни и народной любви заразительную атмосферу роскоши и интригъ: то это доказываетъ только ихъ глубокое неразумѣніе, не умѣющее различить истинный и даровой аристократизмъ ихъ положенія отъ незавидной участи мнимо-аристократическаго лакейства и прислужничества.

Указанныя нами черты изъ областей богатства приводятъ къ тому заключенію, что и это общественное превосходство сконцентрируется въ извѣстныхъ группахъ народонаселенія и въ извѣстныхъ поколѣніяхъ. Мы видимъ въ дѣйствительности богатство, сосредоточенное преимущественно въ нѣкоторыхъ семействахъ, родахъ и классахъ.

4. *Родъ занятій.* Жизнь воспитываетъ и измѣняетъ людей преимущественно подъ вліяніемъ занятій, достаю-

щихся на ихъ дѣло. Но, какъ извѣстно, общественное положеніе, которое связано съ каждымъ родомъ занятій, не одинаково выгодно для всѣхъ трудящихся, и вся совокупность общественныхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ происходитъ тотъ или другой трудъ, не одинаково благопріятна для независимости общественнаго положенія трудящихся. Въ этомъ отношеніи можно отличить рѣшительное *превосходство* нѣкоторыхъ занятій и затѣмъ превосходство нѣкоторыхъ трудящихся. Общественное положеніе художника и литератора всегда пріятнѣе положенія маляра или наборщика; въ средѣ даже исключительно такъ называемаго рабочаго класса (то-есть преимущественно трудящихся физически, а не умственно) мы найдемъ различія, напримѣръ въ положеніи наборщика въ типографіи и вертельщика на печатной машинѣ. Вѣтакъ называемыя *либеральныя* занятія, ученыя, художественныя, адвокатскія и проч., въ которыхъ преобладаетъ умственный трудъ надъ механическимъ, составляютъ въ настоящее время аристократическую отрасль труда. Самое рѣзкое превосходство передъ всѣми занятіями въ обществѣ, самая большая степень власти и вліянія представляется въ классѣ людей, несущихъ на себѣ обязанности администраціи и государственнаго управленія, такъ что имъ собственно и присвоено названіе *власти*. (Въ послѣднемъ случаѣ дѣйствуютъ не одинъ только причины естественныя и общественно-физіологическія, которыя пока насъ исключительно касаются, но и условія государственнаго устройства, о которыхъ мы будемъ говорить послѣ). Другую крайность составляетъ группа слугъ, которые самымъ занятіемъ своимъ поставлены въ невыгодное общественное положеніе. Во всѣхъ названныхъ нами группахъ людей различіе общественнаго положенія очевидно для каждаго, хотя бы даже всѣ возможныя чисто-экономическія или денежныя выгоды занятій были уравнены до возможной степени, и хотя бы даже люди этихъ группъ употребляли одинаковое количество терпѣнія и труда.

Отъ двухъ главныхъ причинъ зависитъ общественное превосходство въ какомъ-либо родѣ занятій. Во-первыхъ, одинъ трудъ болѣе другаго, при существующихъ техническихъ и общественныхъ способахъ его производства, благопріятствуетъ умственному развитію трудящагося и даетъ болѣе свободы его мысли, болѣе независимости его волѣ, болѣе требуетъ отъ него самостоятельнаго распоряженія, нежели рабскаго исполненія воли другихъ, и наконецъ болѣе ставитъ его въ соприкосновеніе съ людьми, съ гражданскою и публичною жизнію народа и съ образованною его средою. Эти условія труда даютъ болѣе или менѣе возможности человѣку отвлекаться отъ прямыхъ обязанностей своей дѣятельности къ участію въ общихъ вопросахъ и дѣлахъ своего общественнаго круга, своей мѣстности и всей страны, однимъ словомъ, даютъ болѣе *досуга*. — первое, необходимое условіе независимости общественнаго положенія. Распространеніе же этихъ условій зависитъ преимущественно отъ успѣховъ техническихъ наукъ или отъ усовершенствованій въ самыхъ способахъ разныхъ искусствъ и ремеслъ и частію отъ успѣховъ общественной жизни. Во-вторыхъ, для одного рода занятій существуетъ въ данное время и въ данной странѣ менѣе, для другаго болѣе людей способныхъ и приготовленныхъ; нѣкоторыя занятія не требуютъ никакой образованности и спеціальности, а только самыхъ общихъ техническихъ пріемовъ, другія могутъ быть доступны не иначе, какъ людямъ, стоящимъ на самой высшей степени умственнаго и гражданскаго развитія. Все это ставитъ людей, занятія которыхъ доступны для меньшаго числа, въ болѣе выгодное положеніе, заставляетъ прочихъ болѣе въ нихъ нуждаться, окружать ихъ большею заботливостію и большимъ уваженіемъ. Здѣсь слѣдовательно дѣло зависитъ отъ общихъ успѣховъ образованности въ странѣ и отъ степени нравственнаго и умственнаго ея развитія.

3. *Общественная среда.* Всѣ описанныя нами общественныя преимущества являются въ народныхъ массахъ

не спорадически: то-есть люди, одаренные ими, не бываютъ разъединены и разобщены, а большею частію сосредоточиваются въ группахъ и кругахъ, такъ что всюду мы видимъ собственно *не людей* богатыхъ или бѣдныхъ, образованныхъ или необразованныхъ, землевладѣльцевъ или земледѣльцевъ, а *цѣлыя группы и классы* бѣдные и богатые, образованные и необразованные, землевладѣльческіе и земледѣльческіе и т. д. Единство интересовъ съ одной стороны и большая или меньшая преемственность всѣхъ преимуществъ посредствомъ рожденія, воспитанія и наслѣдства, соединяетъ людей къ однимъ средоточіямъ. Въ классахъ народа являются еще меньшіе группы и круги, до безконечности подраздѣляющіеся. Однимъ словомъ, мы замѣчаемъ около каждаго отдѣльнаго человѣка ту или другую общественную среду и общественную атмосферу, и одна уже принадлежность человѣка къ той или другой общественной средѣ сообщаетъ ему нѣкоторую долю вліянія, сопряженнаго съ тѣми общественными преимуществами, которыя преобладаютъ въ этой средѣ. Такъ человѣкъ бѣдный, но постоянно живущій въ кругу богатыхъ, пользуется нѣкоторыми преимуществами этого круга и даже вліяніемъ его. Онъ можетъ гораздо болѣе содѣйствовать, напримѣръ, какому-нибудь предпріятію, нежели человѣкъ бѣдный, живущій въ кругу бѣдныхъ. Кромѣ того, способному человѣку гораздо легче обогатиться, имѣя дѣло съ богатыми, легче себя образовать посреди людей образованныхъ и т. д. Принадлежать къ той или другой средѣ далеко не всегда и не вполнѣ зависитъ отъ произвола и свободнаго выбора; это зависитъ отъ сплетенія множества условій личнаго характера и случайностей общественной жизни, ставящихъ человѣка на тотъ или другой жизненный путь. Здѣсь мы должны также упомянуть о чисто-географическихъ причинахъ, обусловливающихъ выгоды общественнаго положенія. Житель столицы или вообще промышленнаго и ученаго центра всегда находится въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ житель провинціи или бѣдной пустынной деревушки. При

всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ. Большее или меньшее приближеніе къ главнымъ центрамъ гражданской жизни государства находится въ прямомъ отношеніи къ степени вліянія того или другаго населенія на движеніе общихъ дѣлъ страны.

Мы старались выставить естественныя преимущества людей, отдать себѣ отчетъ въ томъ, въ чемъ можетъ состоять превосходство однихъ людей передъ другими въ обществѣ. Мы видѣли, что то или другое преимущество скопляется въ извѣстныхъ группахъ людей, что въ самыхъ причинахъ, создающихъ эти преимущества, есть сила, собирающія ихъ около однихъ центровъ и въ ряду нѣсколькихъ поколѣній, и что наконецъ большая часть преимуществъ, какъ напримѣръ богатство и образованность, имѣютъ тѣсное между собою взаимодѣйствіе.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ понятію о цѣломъ классѣ или классахъ людей въ народѣ такъ называемыхъ *высшихъ*, или правильнѣе образованныхъ и богатыхъ, которые, независимо отъ всякихъ правительственныхъ и законныхъ ихъ привиллегій, составляютъ то, что мы назовемъ *естественною аристократіею*.

Теперь приведемъ отрывокъ изъ знаменитаго сочиненія лорда Брума [1]) объ аристократіи, основанной, какъ онъ выражается, на самой природѣ вещей. Мысли этого замѣчательнаго политическаго мыслителя нашего времени въ выпуклыхъ чертахъ изображаютъ значеніе и силу естественныхъ и общественныхъ преимуществъ.

«Понятіе о равенствѣ, или о какомъ-либо состояніи, приближающемся къ равенству между различными членами общества, совершенно мечтательно и дико. Всякія попытки установить это равенство, по необходимости, должны были ограничиваться только запрещеніемъ внѣшнихъ отличій званія и привиллегій (что, разумѣется,

---

[1]) *Political Philosophy* by Henry, Lord Brougham. London 1853. P. II. *On aristocracy*. Ch. IV *Natural aristocracy*.

всегда можетъ быть сдѣлано) и преграждeніемъ неравномѣрнаго распредѣленія богатства (чего никогда нельзя сдѣлать, хотя и могутъ быть придуманы законы для замедленія свободнаго распредѣленія богатства, къ величайшему ущербу общественныхъ интересовъ и къ стѣсненію личной свободы). Но разнообразіе въ характерахъ и умственныхъ способностяхъ людей, естественныя наклонности человѣческаго духа, разные подвиги, совершенные людьми или ихъ предками, полагаютъ основаніе *естественной аристократіи*, въ предѣлахъ несравненно болѣе глубокихъ и обширныхъ, нежели предѣлы, доступные для какой бы то ни было законодательной предусмотрительности; ибо никакія предосторожности законодательной власти не въ силахъ уничтожить отличія, возникающія изъ самой сущности человѣческой природы. Разсматривая эти отличія, мы не должны также упускать изъ виду отличія богатства, ибо законы никогда не могутъ предупредить неравномѣрное его распредѣленіе, хотя и могутъ создать препятствія къ развитію народнаго благосостоянія.

«Дѣйствительное обладаніе какимъ-либо превосходствомъ личныхъ качествъ или имущества влечетъ за собою извѣстное почтеніе къ обладателю, внушаетъ вообще въ кругу слабѣйшихъ людей извѣстное чувство уваженія. Если не вліяніе и власть, то во всякомъ случаѣ *независимость* составляетъ удѣлъ людей въ чемъ-либо *превосходныхъ* (въ самомъ общемъ смыслѣ этого слова). Одно то обстоятельство, что число ихъ невелико, уже есть само по себѣ нѣчто; затѣмъ они безспорно владѣютъ тѣмъ, что хотѣлось бы имѣть всѣмъ, и это еще болѣе усиливаетъ ихъ превосходство. Человѣку такого рода нѣтъ надобности заискивать ваше расположеніе; если онъ вѣжливъ въ своихъ отношеніяхъ, то вы считаете себя обязаннымъ быть ему за это благодарнымъ; онъ не имѣетъ повода сдѣлаться соперникомъ другаго человѣка. Въ этомъ смыслѣ личные таланты даже менѣе могущественны, чѣмъ богатство, ибо они менѣе послѣдняго обезпечиваютъ

своего обладателя; поэтому, говоря вообще, они составляютъ предметъ менѣе вѣрнаго, безспорнаго уваженія, чѣмъ богатство. Сверхъ того вся сила такого общественнаго положенія является даже совершенно независимо отъ того дѣйствительнаго вліянія, которое имѣетъ въ обществѣ превосходство богатства или духовной природы человѣка, независимо отъ могущества располагать услугами другихъ людей, помогать имъ въ ихъ нуждахъ, содѣйствовать ихъ успѣхамъ и благосостоянію. Скажу болѣе, такъ велико стремленіе людей признать надъ собою это вліяніе, что вы постоянно замѣтите чрезвычайное вліяніе очень богатаго человѣка на другихъ, единственно вслѣдствіе того внутренняго чувства окружающихъ его, что они когда-либо могутъ быть ему обязаны, хотя бы въ дѣйствительности это было совершенно неправдоподобно. Можно даже въ наше время и въ нашей странѣ, столь горделивой независимостью своего духа, назвать многихъ богачей, которые никогда не оказали никакой помощи литератору, и которые вѣроятно никогда не захотятъ оказать ее, хоть бы они прожили цѣлое столѣтіе; и между тѣмъ литературный міръ относится къ этимъ людямъ съ извѣстнымъ почтеніемъ, походящимъ на уваженіе, просто потому, что они могли бы, если бы захотѣли, дать независимость всему классу литераторовъ. Человѣкъ невольно отражаетъ на себѣ чужія мнѣнія и чужіе взгляды, и это еще болѣе усиливаетъ обычное безсознательное почтеніе общества къ личному и наслѣдственному превосходству. Мы знаемъ, что къ обладателю его обращенъ съ почтеніемъ взоръ всѣхъ окружающихъ или по крайней мѣрѣ большей части. Мы не можемъ ни отрицать этого, ни этому воспрепятствовать. Какъ бы ни были просвѣщенны наши воззрѣнія; какъ бы ни былъ независимъ нашъ характеръ, какъ бы ни было философски развито наше презрѣніе къ богатству, мы не можемъ упускать изъ виду, что знать пользуется уваженіемъ въ организмѣ человѣческаго общества; и эта мысль заставляетъ насъ видѣть въ ней нѣчто иное,

нежели то, что мы знаемъ про нее, по собственному внутреннему нашему убѣжденію.

Продолжительность времени, въ теченіи котораго кто-либо владѣетъ предметами и свойствами, дающими ему почетъ, еще болѣе усиливаетъ мѣру этого почета: и это происходитъ не только вслѣдствіе большей прочности обладанія, предполагаемой при давности, но и вслѣдствіе непреодолимаго влеченія людей смотрѣть съ меньшимъ почтеніемъ не только на тѣхъ, которые въ настоящую минуту стоятъ на одномъ уровнѣ съ ними, но и на тѣхъ, которые весьма недавно стояли на этомъ уровнѣ. Превосходство, слишкомъ быстро достигнутое, непремѣнно встрѣчаетъ, на своемъ пути, то чувство досады, съ которымъ люди смотрятъ на возвышеніе людей, извѣстныхъ имъ, какъ ихъ ровни. «Но тогда-то онъ былъ вѣдь ничѣмъ не лучше насъ», такая фраза слышится въ этихъ случаяхъ, со всѣхъ сторонъ.

«Отъ этого взгляда только одинъ шагъ до уваженія отличій, переданныхъ предками, предпочтительно передъ отличіями, лично пріобрѣтенными.

Новая аристократія, сказалъ Бакопъ, есть произведеніе только власти: старая аристократія — произведеніе времени. Даже добродѣтель, умственныя способности и образованность, нѣкоторымъ образомъ, подержены тому же закону нашей природы. Конечно, самъ человѣкъ не лучше потому, что его предокъ былъ добродѣтеленъ, болѣе способенъ или болѣе образованъ, чѣмъ другіе его современники, или потому, что его родъ оказалъ большія услуги отечеству. Человѣкъ отъ того не хуже, что его предки были низкаго характера или безчестной жизни. Но покажите мнѣ людей, которые были бы совершенно непричастны гордости происходить отъ Мальбруга или Блека, Ньютона или Уатта? И есть философъ, котораго мудрость была бы такъ сурова, или сердце такъ холодно, чтобы онъ рѣшился отказать подобной гордости въ названіи честной или, по крайней мѣрѣ, естественной? Отражающееся на насъ возврѣніе другихъ производитъ свое дѣйствіе и

здѣсь. Это фактъ можетъ-быть самый общій. Что почти всѣ люди чувствуютъ почтеніе къ наслѣдственнымъ отличіямъ, придаютъ имъ важность. Мы по необходимости съ почтеніемъ относимся къ обладателю наслѣдственныхъ отличій, ибо мы знаемъ, что онъ составляетъ предметъ уваженія почти всѣхъ людей; намъ пріятно садиться подлѣ него, ибо мы знаемъ, что другіе люди около него бѣгаютъ, и что знакомство съ нимъ высоко цѣнится.

«Наслѣдственное обладаніе превосходствомъ состоянія или общественнаго положенія имѣетъ даже нѣкоторое вліяніе на характеръ и привычки человѣка, и такимъ образомъ дѣлается уже само по себѣ отличіемъ, столько же внутреннимъ, сколько внѣшнимъ и случайнымъ. Онъ никогда не могъ быть вынужденъ жить въ низкой и грязной средѣ: онъ никогда не зналъ презрѣнныхъ занятій, никогда не былъ стѣсненъ печальною зависимостью отъ другаго лица, никогда не терпѣлъ оскорбленій и притѣсненій; никогда его чувства и его вкусъ не были оскорблены и развращены нечистыми прикосновеніями. Его чувства предполагаются болѣе нѣжными, его умъ шире, его нравственныя начала чище, нежели у тѣхъ людей, которые были въ борьбѣ съ тяжелыми обстоятельствами жизни, и въ которыхъ пренятствія развили, взамѣнъ того, энергію и мужество.

На вліяніи и авторитетѣ, которые даются низложенными обстоятельствами членамъ общества, пользующимся какимъ-либо превосходствомъ, основано въ каждомъ государствѣ ихъ могущество. Они имѣютъ огромный вѣсъ и облекаются величайшею властью въ періоды менѣе просвѣщенные. Успѣхи наукъ и развитіе образованности въ народѣ уменьшаютъ ихъ вліяніе, за исключеніемъ однакоже превосходства, основаннаго на болѣе благопріятной обстановкѣ, начиная съ самыхъ раннихъ лѣтъ жизни, и на уваженіи, внушаемомъ добродѣтелью и талантомъ. Но никакіе успѣхи образованности не могутъ разрушить вліяніе естественной аристократіи, изгладить совершенно отличія, которыя мы описали, и сравнить естественные

разряды общества, которые основаны на этихъ отличіяхъ. Благодѣтельная сторона вліянія такихъ общественныхъ отличій — охраненіе мира и порядка въ обществѣ — не ослабѣваетъ съ успѣхами образованности, ибо на сколько уменьшается грубое уваженіе къ богатству и рожденію, на столько же возрастаетъ болѣе тонкое уваженіе къ естественной аристократіи, основанное на уразумѣніи внутреннихъ причинъ ея значенія въ обществѣ».

Постараемся же, послѣ всѣхъ выставленныхъ нами естественныхъ причинъ развитія въ обществѣ *неравенствъ и отличій*, отыскать въ движеніи европейской цивилизаціи иную группу явленій, съ совершенно инымъ характеромъ, подмѣтить тѣ силы, образовавшіяся въ новомъ европейскомъ обществѣ, которыя сдерживаютъ и умѣряютъ исключительное значеніе высшихъ классовъ и вообще всякаго превосходства, даваемаго природою.

Усилія каждаго историческаго народа направлены преимущественно на то, чтобы побороть и преодолѣть естественныя невыгоды, созданныя природою страны, въ которой онъ остановился на пути своего историческаго шествія. Эти усилія, съ развитіемъ образованности, были такъ успѣшны, что въ настоящее время насъ скорѣе поражаетъ, до какой степени всѣ блага жизни составляютъ собственность странъ, наиболѣе обиженныхъ дарами природы, напримѣръ сѣверныхъ и умѣренныхъ полосъ земли, и до какой степени они чужды странамъ, наиболѣе богатымъ отъ природы, какъ напримѣръ странамъ тропической полосы. Въ настоящее время можно скорѣе выставить какъ фактъ преобладающій, посреди разнообразія въ распредѣленіи благъ цивилизаціи на земномъ шарѣ, *ихъ обратное отношеніе* къ выгодамъ географической природы странъ.

Всѣ современныя усовершенствованія и открытія въ техническихъ искусствахъ, пути сообщенія и т. д., и въ гражданскомъ бытѣ народовъ торговля, почты, книгопе-

чатаніе, служатъ къ тому, чтобы открыть однимъ странамъ доступъ къ произведеніямъ другихъ, сгладить препятствія природы, позволить каждому народу замѣнить искусствомъ дары природы и воспользоваться ея благами, отданными безвозмездно въ распоряженіе другаго народа. Эти успѣхи гражданственности улучшаютъ въ то же время и положеніе низшихъ классовъ: то, что прежде было рѣдко, становится менѣе рѣдкимъ; то, что было дорого, становится дешевымъ. Наслажденія ума дѣлаются каждый день болѣе доступными для жителей сѣвера, и притомъ не для одинхъ только богачей, какъ бывало прежде; усилія человѣческаго духа ежедневно торжествуютъ надъ препятствіями природы.

Физіологическому вліянію рожденія на породу, или вліянію крови, противодѣйствуютъ браки между членами разныхъ семействъ и родовъ. Въ историческомъ развитіи великаго народа мы видимъ постепенное исчезновеніе группъ, соединенныхъ между собою исключительно родовою связью, или такъ-называемыхъ *родовыхъ* отношеній; число родовъ обособленныхъ, возобновляющихся единственно супружескими союзами своихъ собственныхъ членовъ, дѣлается постепенно меньше и меньше. Въ этомъ движеніи безсознательно приводится въ исполненіе тотъ непреложный физіологическій законъ природы, по которому постоянное обновленіе соковъ одной породы сокомъ другой необходимо нужно для сохраненія ея въ силѣ и крѣпости. Самыми сильными народами и фамиліями представляются тѣ, въ составъ которыхъ вошло наиболѣе смѣшанныхъ элементовъ: у историческихъ источниковъ всѣхъ образованныхъ народовъ мы непремѣнно найдемъ какое-нибудь сліяніе племенъ: народы, совершеннѣе менѣе успѣхомъ на поприщѣ исторіи, являются съ болѣе чистыми элементами: фамиліи, напротивъ, исключительными браками между своими членами, быстро изнемогали и увядали: въ самыхъ старѣйшихъ родахъ, сохранившихъ многовѣковую нить фамильныхъ преданій, мы найдемъ постоянныя сочетанія съ членами другихъ родовъ. Такимъ

образомъ *превосходство* рожденія, или условій рожденія, наиболѣе выгодныхъ для раскрытія человѣческой натуры, собственно принадлежитъ не обособленію крови и родовъ, а ихъ постоянному смѣшенію; аристократическій характеръ рожденія есть принадлежность разомкнутыхъ общественныхъ круговъ и сословій, открытыхъ приливу и отливу всѣхъ народныхъ элементовъ. Разнообразіе, пестрота, богатство человѣческихъ типовъ есть самая живая сила въ каждомъ человѣческомъ обществѣ: она творитъ разнообразіе личности и идеи, необходимость столкновенія и борьбы между ними, безъ которой нѣтъ жизни и нѣтъ движенія въ человѣческихъ обществахъ. Въ этомъ отношеніи такъ-называемые высшіе, или образованные и достаточные классы представляются всегда впереди массы народа; крестьянскія поселенія вообще заключаютъ въ себѣ менѣе богатства и болѣе однообразія типовъ, чѣмъ городскія, и чѣмъ болѣе деревня разобщена съ другими поселеніями, тѣмъ непремѣнно въ ней болѣе браковъ между родными. Другою крайностью на общественной лѣстницѣ представляются нѣкоторыя благородныя фамиліи континентальной аристократіи (особенно въ Германіи), съ великимъ упрямствомъ допускающія у себя бракъ только между такъ-называемыми *равными*: истощеніе и упадокъ такихъ фамилій, особенно въ Германіи и частію во Франціи, достаточно свидѣтельствуютъ о непригодности такого искусственнаго аристократическаго воззрѣнія, идущаго наперекоръ непреложному закону человѣческой природы и естественной аристократіи. Здѣсь слѣдовательно уже не только общественный успѣхъ, но сама природа противится замкнутости высшихъ классовъ; сама природа лишаетъ физіологическаго превосходства классы, замкнувшіеся ради исключительности.

Въ сдѣланномъ нами очеркѣ категоріи общественнаго превосходства мы говорили о весьма маловажномъ значеніи рожденія, въ смыслѣ крови, но указывали на гораздо болѣе существенное вліяніе рожденія, въ смыслѣ *происхожденія*. И противъ исключительнаго преобладанія

этого начала являются въ развивающемся общественномъ организмѣ другія противодѣйствующія ему начала. Съ развитіемъ общественной жизни и образованности люди все болѣе и болѣе освобождаются изъ-подъ исключительнаго господства семейнаго союза; этотъ союзъ никогда не теряетъ своего значенія для воспитанія, на какой бы ни было степени образованности народа, но не онъ одинъ рѣшаетъ и опредѣляетъ судьбу человѣка въ обществѣ. Отношенія отца къ сыну и затѣмъ характеръ и жизнь отца еще не могутъ дать намъ полнаго понятія о сынѣ, когда мы знаемъ, какое разнообразіе общественныхъ отношеній, не менѣе могущественныхъ и необходимыхъ, окружили сына и вступили въ немъ въ борьбу съ семейными отношеніями.

Общественное значеніе личныхъ врожденныхъ качествъ подвергается также нѣкоторому ограниченію вслѣдствіе успѣховъ человѣческаго общежитія.

Конечно, не можетъ никогда настать время, въ которое люди стали бы равнодушны къ превосходству личныхъ способностей и качествъ человѣка, и личное превосходство ума, таланта, добродѣтели перестало бы быть силою въ обществѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы положительно знаемъ, что образованныя общества находятся несравненно менѣе въ исключительномъ распоряженіи нѣсколькихъ превосходныхъ личностей, чѣмъ необразованныя. Если мы сравнимъ собраніе людей необразованныхъ, рѣшающихъ общія дѣла своей мѣстности, напримѣръ крестьянскіе сходы, съ политическими собраніями высокопросвѣщенныхъ государствъ, то большинство мнѣній въ первыхъ будетъ всегда въ большей зависимости отъ мнѣнія одного или двухъ передовыхъ людей, чѣмъ во второмъ. Для самыхъ счастливыхъ дарованій, для самаго мужественнаго характера несравненно труднѣе подчинить людей своему исключительному господству въ странѣ просвѣщенной, промышленной, политически и граждански развитой, чѣмъ для несравненно менѣе счастливыхъ талантовъ и характеровъ дѣйствовать на народныя массы,

конѣюція посреди грубыхъ предразсудковъ и суевѣрій, посреди промышленнаго и гражданскаго застоя. Можно положительно сказать, что въ первоначальныхъ эпохахъ исторіи мы всегда найдемъ болѣе личностей, узнавъ которыя, мы можемъ узнать направленіе всей эпохи и всей страны; но чѣмъ далѣе развивается исторія, тѣмъ менѣе она исчерпывается біографіями замѣчательныхъ людей, тѣмъ болѣе исторія народа есть исторія всего общества. Между тѣмъ мы не имѣемъ никакого права сказать, что число превосходныхъ личностей уменьшается въ исторіи (скорѣе напротивъ), или что личное превосходство получаетъ менѣе вѣса и значенія. Чѣмъ общество образованнѣе, тѣмъ оно болѣе цѣнитъ таланты, умственное превосходство и добродѣтель, тѣмъ оно признательнѣе за личныя заслуги: но съ личнымъ превосходствомъ, нисколько его не ослабляя, вступаютъ въ конкурренцію на всѣхъ поприщахъ дѣятельности умственной, промышленной, художественной, гражданской. другія силы, невѣдомыя въ первоначальныхъ обществахъ. Сюда относятся, во-первыхъ, познанія.

Одна изъ существеннѣйшихъ чертъ современной образованности. это — ея стремленіе къ обобщенію и къ распространенію познаній въ массахъ; бо́льшая часть усилій европейскаго просвѣщенія во всѣхъ отрасляхъ направлена къ тому, чтобъ уничтожить характеръ монополіи знанія въ рукахъ людей знающихъ и сдѣлать его собственностію, доступною для всѣхъ членовъ общества, какія бы ни были условія ихъ умственнаго развитія и имущественныя средства.

Всѣ проявленія духа современнаго просвѣщенія — выставки, публичные курсы, журналистика, публичные музеи и коллекціи, публичное судопроизводство — носятъ на себѣ отличительный характеръ современнаго начала гласности и общедоступности. Это направленіе не уничтожаетъ однако аристократіи науки и превосходства знанія; постепенно расширяя къ себѣ доступъ, наука дѣлается тѣмъ болѣе требовательною, и образованность

становится тѣмъ бо́льшею силою въ сравненіи съ невѣжествомъ.

Первые зачатки и первое направленіе всякаго воспитанія даются въ семействѣ и въ домашней жизни; всѣ тѣ нравственныя начала воспитанія, которыя первыми впечатлѣніями дѣтства глубоко потрясены въ ребенкѣ или заботливо положены въ его сердце, съ величайшимъ трудомъ могутъ быть вполнѣ возстановлены или вполнѣ изглажены въ періодѣ гражданской его жизни. До тѣхъ поръ, пока будетъ существовать въ человѣческомъ обществѣ семейство, — а безъ него оно рѣшительно немыслимо, — семейству будетъ всегда принадлежать важнѣйшая доля воспитанія, и родители всегда останутся лучшими воспитателями своихъ дѣтей. Но съ развитіемъ промышленной, художественной, гражданской и политической жизни народа, *публичный* элементъ воспитанія получаетъ огромную силу подлѣ *домашняго*, и дѣлается одинмъ изъ существеннѣйшихъ условій всякой дѣятельности человѣка въ обществѣ. Этотъ публичный элементъ воспитанія имѣетъ въ высшей степени *обобщающую, уравнивающую силу.*

Мы видимъ, что понятія о благовоспитанности, возникшія въ исключительной атмосферѣ суроваго патріархальнаго быта и замкнутыхъ союзовъ среднихъ вѣковъ, уступаютъ мѣсто формамъ публичной жизни новаго времени. Публичный общественный элементъ, вторгнувшись даже въ семейный бытъ, дастъ иное направленіе мыслямъ самихъ воспитателей, налагаетъ иныя требованія на воспитаніе; онъ сопровождаетъ и подчиняетъ своимъ условіямъ человѣка, въ теченіи всей его жизни. Исключительныя преданія рыцарскаго и *благороднаго* воспитанія, деспотическая и лицемѣрная монастырская дисциплина католицизма, условные обряды чести студенческаго быта и т. д., у насъ преданія о благовоспитанности, окончѣвшія въ духотѣ княжескихъ теремовъ, помѣщичьихъ усадебъ и купеческихъ домовъ, исчезаютъ передъ напоромъ новой публичной жизни, охватившей собою все

образованное человѣчество и неумолимо предписывающей свои законы людямъ всякаго происхожденія, всякаго состоянія и всякихъ домашнихъ преданій. Общественное мнѣніе одинаково безпощадно караетъ всѣхъ ихъ за нарушеніе своихъ уставовъ; оно похваляетъ мужичка, выказавшаго аристократическое благородство въ своихъ коммерческихъ разсчетахъ, и позоритъ барина, покусившагося продать попорченный товаръ. Въ европейской публикѣ всѣ равны; всѣ должны держать себя чинно и прилично.

Но дѣлаясь болѣе взыскательною, не допуская нарушеній публичной совѣсти и стыдливости, никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ изъ преданій домашняго безцеремоннаго обхожденія, публичная жизнь новаго времени даетъ такіе способы воспитанію, какихъ не давалъ замкнутый и патріархальный бытъ стараго времени. Гласность, усовершенствованные пути сообщенія, ежедневное и ежеминутное соприкосновеніе съ публикою, наконецъ совершенная невозможность жить и дѣйствовать взапертѣ, воспитываютъ людей, дѣлаютъ ихъ осмотрительнѣе къ себѣ и распредѣляютъ въ массахъ даровое воспитаніе. Современная благовоспитанность есть еще далеко не удѣлъ всѣхъ членовъ общества, хотя она и распространяется въ Европѣ съ необыкновенною быстротою, все на большія и большія массы народа. Но по своему характеру она не имѣетъ ничего такого, какъ рыцарская дисциплина и барская спѣсь, — что могло быть достояніемъ только исключительныхъ и замкнутыхъ круговъ. *Она можетъ сдѣлаться принадлежностію всѣхъ* [1]).

---

[1]) Все сказанное здѣсь (написанное въ 1859 г.) о непреложныхъ, естественныхъ историческихъ успѣхахъ европейской цивилизаціи и благовоспитанности можетъ показаться горькою ироніей или грубою ложью, въ настоящее время, въ виду чудовищныхъ политическихъ преступленій и дикихъ нравовъ, изобличаемыхъ ими въ передовой (?) революціонной дружинѣ нашего времени. Всѣ эти явленія, казалось, немыслимыя четверть вѣка тому назадъ, посреди «современной цивилизаціи», посѣтили не одно наше отечество, а также и самыя образованныя страны Западной Европы, откуда они распространились и у насъ. Но историческій прогрессъ ни-

Теперь вникнемъ въ тѣ естественныя экономическія силы, которыя, при развитіи промышленности, противодѣйствуютъ превосходству богатства и преобладанію капитала надъ трудомъ. Чѣмъ усиленнѣе промышленное соперничество, тѣмъ каждое промышленное предпріятіе стремится возможно болѣе сократить расходы производства и увеличить свой сбытъ. То и другое неизбѣжно ведетъ къ постепенному удешевленію всѣхъ произведеній, и отъ этого выигрываютъ преимущественно нуждающіеся: *выгоды отъ всякаго понижения цѣны на товаръ* (разумѣется постояннаго и естественнаго, а не случайнаго и болѣзненнаго) *для каждаго отдѣльнаго потребителя обратно пропорціональна величинѣ его имущества.* Такимъ образомъ успѣхи промышленности въ отношеніи къ потребленію гораздо болѣе благопріятствуютъ бѣдному классу, чѣмъ богатому; если сравнить настоятельныя средства жизни богачей у народовъ, находящихся на самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ степеняхъ промышленнаго развитія, то мы едва ли найдемъ большое различіе; знатные люди въ Турціи и въ Англіи имѣютъ въ своемъ распоряженіи почти тѣ же самыя средства матерьяльныхъ наслажденій. Вообще по матерьяльному быту высшихъ классовъ мы никогда не судимъ о положеніи мѣстной промышленности: для послѣдняго мы должны сравнить бытъ среднихъ и бѣдныхъ классовъ. и въ немъ только мы получаемъ убѣжденіе о степени доступности всѣхъ предметовъ потребленія. Дешевизна или дороговизна ихъ самыми разительными чертами обнаруживается на внѣшнихъ привычкахъ и образѣ жизни нуждающихся.

когда не идетъ правильнымъ шагомъ впередъ, а всегда сопряженъ съ эпохами остановокъ, понятными движеніями и болѣзненными переломами. Въ моменты кризисовъ не видны историческіе успѣхи. Сверхъ того, замѣтимъ, что болѣзненныя общественныя явленія, подобныя нынѣшнимъ, ослѣпленные и необузданные фанатики, подобные нынѣ дѣйствующимъ, отличались въ давно прошедшія времена еще болѣе дикими и варварскими нравами, въ своихъ публичныхъ дѣяніяхъ. Прошедшее легко забывается подъ мрачными впечатлѣніями настоящаго.

Въ постепенномъ пониженіи цѣнъ на всѣ предметы потребленія, собственно произведенія земли и земледѣлія составляютъ исключеніе; съ успѣхами промышленности и возрастаніемъ народонаселенія они возвышаются въ цѣнѣ [1]). Это дѣйствительно такъ; но объ относительныхъ экономическихъ преимуществахъ землевладѣльцевъ передъ всѣми прочими классами мы будемъ говорить ниже. Здѣсь же замѣтимъ, что агрономическія усовершенствованія постоянно увеличиваютъ количество произведеній земледѣлія, промышленныя улучшаютъ качество ихъ для потребленія, а усовершенствованія въ путяхъ сообщенія и торговлѣ продуктами земли противодѣйствуютъ монополіи мѣстныхъ производителей и спекулянтовъ. Вообще, хотя въ исторіи всемірной торговли хлѣбъ возрастаетъ въ цѣнѣ, но колебанія въ цѣнѣ на хлѣбъ дѣлаются все менѣе значительными; въ этомъ отношеніи новѣйшее время стоитъ несравненно выше всѣхъ предыдущихъ вѣковъ.

Кромѣ облегченія способовъ пріобрѣтенія черезъ постепенное пониженіе цѣнъ, мы должны указать на одну сторону современнаго промышленнаго развитія, которая въ нашихъ глазахъ имѣетъ первостепенную важность, и которая не достаточно обращаетъ на себя вниманіе (по крайней мѣрѣ во всемъ объемѣ своего общечеловѣческаго значенія). Мы хотимъ говорить о томъ духѣ соединенія силъ, товариществъ, ассоціацій, который можетъ проявляться въ массѣ потребителей не менѣе, чѣмъ въ массѣ производителей (съ особенною силою поднятъ былъ лишь вопросъ объ ассоціаціяхъ производителей), и обѣщаетъ великіе результаты. Формы проявленія этого духа весьма разнообразны, но въ сущности своей онъ осуществляютъ

---

[1]) Съ несомнѣннымъ экономическимъ закономъ удешевленія товаровъ и жизни связано въ малопросвѣщенной публикѣ странное заблужденіе. Она напротивъ убѣждена, что «все дѣлается дороже». Недоразумѣніе тутъ заключается: во 1-хъ въ томъ, что дешевѣютъ деньги; но поэтому возрастаютъ и всѣ денежные доходы (сверхъ того въ Россіи подешевѣли бумажныя деньги и подвинулись всѣ товарныя цѣны), и во 2-хъ потребности и всѣ требованія отъ жизни постоянно возрастаютъ отъ этого и кажется, что жизнь дорожаетъ, когда она въ дѣйствительности дешевѣетъ.

собою одну великую экономическую идею — *соединеніе силъ мелкихъ или бѣдныхъ потребителей для пользованія предметами, доступными силамъ болѣе крупныхъ и богатыхъ потребителей.* Таковы всѣ современныя промышленныя предпріятія, устроенныя для публичнаго потребленія или пользованія: публичные способы сообщенія, публичныя зрѣлища, сады, клубы, наемныя квартиры, библіотеки, наемныя машины и т. д. И прежде и во всякое время были подобныя заведенія, но въ новѣйшее время такія предпріятія публичнаго потребленія, найма *жизни напрокатъ*, принимаютъ громадные размѣры: всѣ промышленныя предпріятія болѣе или менѣе клонятся къ тому, чтобы доставить потребителямъ возможность *пользоваться нужными имъ предметами, безъ пріобрѣтенія правъ собственности на нихъ.* Послѣдствіемъ всего этого движенія было то, что удобства жизни и матеріяльныя и художественныя наслажденія жизни, бывшія прежде доступными только не многимъ богачамъ (какъ напримѣръ скорая ѣзда по дорогамъ, корреспонденція, чтеніе газетъ, музыка, освѣщеніе жилищъ и пр.), вошли въ необходимый обиходъ жизни огромнаго числа людей: по удобства публичной жизни идутъ далѣе, современная промышленность созидаетъ для публики, для всѣхъ, такіе способы удовлетворенія разныхъ потребностей, такую роскошь жизни (укажемъ для примѣра на промышленные дворцы въ Лондонѣ и Парижѣ), которые были совершенно невозможны для отдѣльныхъ богачей всѣхъ истекшихъ или новѣйшихъ временъ.

Если мы будемъ разсматривать богатство какъ капиталъ, то и здѣсь найдемъ естественныя экономическія силы, постепенно противодѣйствующія преобладанію его надъ трудомъ. Съ возрастаніемъ производства сумма капиталовъ постоянно увеличивается, вознагражденіе за употребленіе или наемъ ихъ постепенно уменьшается; пониженіе роста есть непреложный законъ, сопровождающій всякіе успѣхи народнаго хозяйства. Вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ вознагражденіе за трудъ во всѣхъ

его видахъ; новые капиталы ищутъ новаго употребленія, и требованіе на трудъ постоянно усиливается. Угнетеніе рабочаго класса сосредоточеніемъ промышленности въ обширныхъ предпріятіяхъ, дѣйствующихъ силою капиталовъ и машинъ, есть только первый моментъ промышленнаго движенія; за нимъ непремѣнно слѣдуетъ несравненно больній запросъ на рабочія руки, чѣмъ было до перваго момента. Капиталисту дѣйствительно легче сдѣлать выгодные обороты въ странѣ промышленной, чѣмъ пустынной, но не иначе, какъ съ приложеніемъ собственнаго распоряженія къ капиталу; съ успѣхами народнаго хозяйства капиталъ безъ участія въ употребленіи его со стороны владѣльца приноситъ все менѣе и менѣе дохода. Если возрастаетъ зависимость труда отъ капитала, то вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно возрастаетъ и зависимость капитала отъ труда.

Затѣмъ въ странѣ, промышленно преуспѣвающей, возникаютъ двѣ силы, развитію которыхъ принадлежитъ великая будущность: *товарищество производителей* и *кредитъ*. Товарищество соединяетъ мелкихъ капиталистовъ и позволяетъ имъ не только бороться, но и преобладать надъ крупными капиталистами, дѣйствующими разрозненно; оно позволяетъ весьма небогатому человѣку пользоваться выгодами отъ предпріятія, доступнаго лишь самымъ могучимъ капиталамъ, иногда даже вовсе не доступнаго ни для какихъ отдѣльныхъ капиталовъ. Товарищество между капиталистами и рабочими, распредѣленіе между рабочими извѣстной доли чистой прибыли, къ чему болѣе и болѣе вынуждаются фабриканты въ Европѣ, дастъ рабочимъ возможность участвовать въ прибыляхъ предпріятія безъ всякаго участія въ его рискахъ. Наконецъ самостоятельныя товарищества рабочихъ, доступныя лишь на высшей ступени экономическаго развитія, товарищества, владѣющія капиталами отъ собственныхъ сбереженій, или занимающія ихъ у кредитныхъ учрежденій, ставятъ трудъ на одинъ уровень независимости съ капиталомъ.

Кредитъ открылъ совершенно новую эру въ жизни современныхъ народовъ. такъ что по справедливости отмѣчаютъ наступающій порядокъ хозяйства особымъ названіемъ *кредитнаго* въ отличіе отъ *денежнаго*. Различій между этими двумя порядками должно быть не меньше, нежели между натуральнымъ хозяйствомъ необразованныхъ народовъ и *денежнымъ* хозяйствомъ народовъ промышленныхъ. Новыя формы *кредита*. въ особенности *личнаго*. дѣйствительно обѣщаютъ глубокія преобразованія во взаимныхъ отношеніяхъ всѣхъ экономическихъ дѣятелей. Поставить наемъ капиталовъ въ распоряженіе всякаго, въ немъ нуждающагося, сдѣлать условіемъ, границами и гарантіею кредита единственно промышленное предпріятіе или *производительную дѣятельность лица*, которое въ немъ встрѣчаетъ надобность, такова цѣль или, лучше, идеалъ, и приближеніе къ которому должно постепенно примирять и наконецъ, можетъ-статься, совершенно примирить силу капитала съ силою труда (въ новыхъ комбинаціяхъ кредита въ пользу рабочаго класса).

Но и на этомъ рѣшительномъ пути освобожденія труда отъ аристократіи капитала, начало собственности не теряетъ своего живаго значенія. Кредитъ самъ собою не творитъ новыхъ капиталовъ, онъ только даетъ имъ новое движеніе и направленіе; онъ можетъ употреблять для своихъ цѣлей только *существующіе* капиталы; а капиталы по самой сущности своей, неизмѣнной никогда и нигдѣ, суть *сбереженія частныя собственности*, какой бы то ни было, но непремѣнно собственности, плодъ личныхъ усилій. Чтобы поднять силу труда силою капитала, кредитъ долженъ желать возникновенія обширныхъ имуществъ въ странѣ. Безспорно, новые великіе капиталы могутъ возникать и на почвѣ товарищества, то-есть быть продуктами складочныхъ, а не частныхъ капиталовъ и сбереженій, но мы видимъ, что сбереженія и накопленія капиталовъ происходятъ гораздо медленнѣе въ кругу товариществъ, нежели въ кругу частныхъ или личныхъ хозяйствъ, и до сихъ поръ самымъ

естественнымъ путемъ къ образованію публичнаго кредита представляется возникновеніе личныхъ капиталовъ, обращаемыхъ силою кредита къ публичному и общественному пользованію. Дѣйствительно, мы видимъ самыя могущественныя промышленныя и кредитныя корпораціи въ странахъ, наиболѣе отличающихся развитіемъ личной предпріимчивости и частныхъ богатствъ.

Уже изъ всего сказаннаго, можно заключить, что съ успѣхами промышленности облегчаются для массы народа матерьяльные способы умственнаго и нравственнаго развитія. Частная промышленная предпріимчивость обращается и на эту почву; проникая въ производство нематерьяльныхъ цѣнностей, коммерческій элементъ удешевляетъ ихъ и дѣлаетъ болѣе доступными для массъ. Потеря нравственной и умственной самостоятельности рабочаго класса передъ преобладающею силой капиталовъ есть только первый моментъ или одна сторона промышленнаго пробужденія; капиталы, если только не положено искусственныхъ границъ частной предпріимчивости, приливаютъ къ производству предметовъ, удовлетворяющихъ нравственной природѣ человѣка, и здѣсь обширныя частныя промышленныя предпріятія, университеты, ученыя общества, школы, журналы и т. д., открываютъ доступъ массамъ къ умственнымъ богатствамъ, которыя на низкой степени промышленнаго развитія для нихъ не существуютъ.

Поземельная собственность составляетъ до сихъ поръ, безспорно, самое серьезное и упорное общественное превосходство; но и противъ его исключительнаго преобладанія и гнета надъ прочими экономическими интересами есть силы, которыя пробуждаются и дѣйствуютъ въ самомъ организмѣ народнаго хозяйства, внѣ всякой искусственной регламентаціи. Неограниченная свобода отчуждаемости всякаго рода имуществъ и цѣнностей распространяется и на землю: вмѣстѣ съ тѣмъ, по непреложному экономическому закону, всѣ выгоды, сопряженныя съ поземельнымъ владѣніемъ, входятъ въ составъ про-

дажной цѣны земли и дѣлаются доступными для всѣхъ, безъ изъятія, членовъ общества, имѣющихъ нужныя средства къ ея пріобрѣтенію. Такимъ образомъ, продажная цѣна поземельной собственности вообще всегда выше, чѣмъ всѣхъ прочихъ имуществъ; то-есть, земля приноситъ на свою продажную цѣну менѣе процентовъ сравнительно съ прочими имуществами: эта относительная дороговизна уравновѣшиваетъ преимущества поземельной собственности передъ прочими видами собственности Такъ какъ всякій богатѣющій членъ общества желаетъ пріобщиться выгодамъ поземельной собственности, то поземельныя владѣнія дробятся по числу желающихъ пріобрѣсть ее и по величинѣ средствъ каждаго къ пріобрѣтенію.

Двѣ великія страны Европы представляютъ въ отношеніи къ поземельной собственности замѣчательный контрастъ. Во Франціи всѣ три необходимые элемента земледѣлія: *поземельная собственность, капиталъ* и *трудъ*, дѣйствуютъ большею частію совокупно; экономическое и вмѣстѣ съ тѣмъ общественное противодѣйствіе преобладанію поземельной собственности явилось въ ея чрезвычайномъ раздробленіи. Въ Англіи раздѣлилась не поземельная собственность, а силы земледѣльческаго производства: земля, капиталъ и трудъ; въ раздѣленіи и самостоятельности своего экономическаго обособленія они ищутъ правильнаго между собою равновѣсія. Отказавшись отъ выгодъ поземельной собственности и предоставя ихъ одной небольшой части гражданъ, другая часть англійскаго общества присвоила себѣ, до самаго крайняго развитія, промышленныя выгоды *капитала* и *труда*, безъ которыхъ земля нигдѣ не можетъ быть производительна, а въ странѣ высокаго промышленнаго развитія становится совершенно немощна. Поземельная собственность вступила въ сдѣлку съ капиталомъ, открывъ ему неограниченное свободное пользованіе собою какъ орудіемъ производства: система аренды примирила интересы поземельной собственности и капитала и произвела чудеса земледѣлія. Чрезвычайная про-

изводительность земледѣлія, увеличившая донельзя запасы мѣстнаго продовольствія къ общему благу всего народонаселенія, замѣна земледѣльческаго труда машинами, облегчившими суровый трудъ земледѣльца и обратившими бо́льшую часть земледѣльческаго народонаселенія къ болѣе выгоднымъ городскимъ занятіямъ, наконецъ неограниченная свобода труда и выбора дѣятельности, неограниченная свобода промышленнаго соперничества и промышленнаго товарищества, дѣлающія до самой послѣдней крайности производительными и выгодными всѣ роды дѣятельности, — все это уравновѣсило и интересъ третьяго элемента народнаго хозяйства, *труда*. Такимъ образомъ въ Англіи постоянно и дружно возрастаютъ поземельная рента, арендные доходы, или промышленная прибыль, и заработная плата, и вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ, какъ нигдѣ, средняя человѣческая жизнь, первый, несомнѣнный признакъ степени народнаго благосостоянія. Такова́ былъ экономическій путь, по которому поземельная собственность въ Англіи обратилась изъ средства исключительнаго превосходства собственниковъ въ орудіе общественной пользы, въ одинъ изъ элементовъ естественной экономической гармоніи. Вмѣсто того, чтобы стремиться изо всѣхъ силъ получить свою долю участія въ поземельной собственности, какъ во Франціи, сельское народонаселеніе Англіи старалось освободиться отъ тяжести поземельной собственности, которая, при своей дробности и при высокомъ развитіи промышленнаго духа и агрономіи, есть дѣйствительно тяжесть, а не привилегія: оно старалось обратить свои сбереженія на болѣе выгодную операцію промышленнаго пользованія землею и постепенно переходило изъ собственниковъ въ арендаторы.

Во Франціи, крайнее измельченіе поземельной собственности въ рукахъ собственниковъ-земледѣльцевъ повлекло за собою непроизводительность земледѣлія, какъ промышленности и искусства, требующихъ капитала для своихъ успѣховъ: владѣльцы слишкомъ мелкихъ участковъ земли, не имѣя возможности извлечь изъ нея до-

ходы, превратились въ пролетаріевъ, и положеніе ихъ сдѣлалось хуже, чѣмъ даже англійскихъ батраковъ, не говоря уже объ англійскихъ фермерахъ.

Въ Англіи постепенное сосредоточеніе поземельной собственности въ крупныя массы и постепенное уменьшеніе числа землевладѣльцевъ нашло для себя *экономическое* примиреніе въ промышленной свободѣ и раздробленіи пользованія посредствомъ системы аренднаго владѣнія, но съ другой стороны сосредоточило въ рукахъ немногихъ все *общественное и политическое превосходство и вліяніе*, связанныя, независимо отъ экономическихъ преимуществъ, съ правомъ поземельной собственности. Несмотря на этотъ преизбытокъ превосходства въ одной общественной группѣ, здоровый организмъ англосаксонскаго общества удерживается въ правильномъ равновѣсіи, въ такомъ равновѣсіи, которому завидуютъ всѣ другіе народы. Противодѣйствіемъ исключительному преобладанію и насилію землевладѣльческой аристократіи явились здѣсь, со стороны прочихъ группъ народонаселенія, высокое развитіе гражданской свободы и личной самостоятельности, со стороны поземельной аристократіи, постоянное пользованіе своимъ общественнымъ превосходствомъ, лишь въ видахъ общаго блага народа, лишь съ глубокимъ нравственнымъ сознаніемъ великихъ общественныхъ обязанностей [1]).

Посреди раздробленія поземельной собственности возникаетъ въ наше время иная экономическая сила, врачующая язвы экономическаго раздробленія и въ то же время противодѣйствующая преобладанію аристократической поземельной собственности, сила *ассоціаціи*, товарищества земельныхъ участковъ, принадлежность самаго высшаго экономическаго развитія. Безъ сомнѣнія, земельная ассоціація или *общественная поземельная собственность* имѣетъ великую будущность. Но начало товарище-

---

[1]) Но историческія формы народнаго хозяйства измѣнчивы, и въ Англіи могутъ скоро потребоваться перемѣны въ строѣ землевладѣнія.

сила или соединеніе экономическихъ силъ вообще *трудное*, то-есть требуетъ въ своемъ примѣненіи большаго экономическаго и нравственнаго развитія, чѣмъ соперничество или раздѣленіе и обособленіе; производительно и прибыльно дѣйствовать сообща труднѣе, чѣмъ одиночно. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, низшіе классы въ Англіи прибѣгаютъ не къ земельной ассоціаціи, а къ эмиграціи въ страны, гдѣ земля дешева.

Прилагая эти мысли къ нашей странѣ, мы думаемъ, что недостаточность экономическаго развитія, какъ необходимаго условія земельной ассоціаціи, можетъ быть уравновѣшена у насъ особеннымъ природнымъ къ ней предрасположеніемъ народа. Къ общинному владѣнію землею высказалась несомнѣнная склонность нашего народа. До сихъ поръ поземельная собственность, при крѣпостномъ состояніи, препятствовавшемъ какъ полному обнаруженію ея экономической и общественной силы въ рукахъ помѣщиковъ, такъ и развитію чувства собственности между крестьянами, при всеобщемъ промышленномъ застоѣ, и при избыткѣ пространства земель сравнительно съ народонаселеніемъ, — до сихъ поръ поземельная собственность не могла раскрыть у насъ всѣ естественныя принадлежности своего экономическаго общественнаго превосходства, оставалась въ весьма неопредѣленныхъ отношеніяхъ къ экономическимъ интересамъ и не проявила у насъ того исключительнаго характера, какимъ она отличается въ Западной Европѣ. При такихъ обстоятельствахъ общинное владѣніе могло оставаться во всей своей экономической и юридической неопредѣленности и служить нѣкоторымъ обезпеченіемъ благосостоянія и самостоятельности земледѣльца, стоявшаго подъ защитою деспотически покровительственныхъ отношеній частнаго и государственнаго крѣпостнаго права. Но положеніе вещей скоро и весьма коренньмъ образомъ измѣнится. Вопросъ о поземельной собственности обойдти теперь невозможно. Неопредѣленное право общиннаго владѣнія и пользованія не можетъ сохранить свою не-

опредѣленность подъ весьма положительныхъ вопросовъ о выкупѣ земли, о степени участія личныхъ усилій каждаго крестьянина въ этомъ выкупѣ и о возникающихъ за тѣмъ правахъ его на землю. При этомъ общинное владѣніе *можетъ* уступить мѣсто личной собственности и раздробленію земельныхъ участковъ, со всѣми его печальными послѣдствіями, неизбѣжными при бѣдности капиталовъ у насъ. Оно *можетъ* дѣйствительно принять такое направленіе, но въ этомъ нѣтъ *никакой естественной необходимости* и ничего желательнаго. Общинное владѣніе можетъ совершенно свободно преобразоваться на почвѣ русскаго народа, весьма проникнутой духомъ товарищества, общности и братства, въ *общинную собственность*. Въ этомъ нѣтъ *никакой экономической невозможности*. Равнымъ образомъ несомнѣнно и то, что изъ всѣхъ мѣръ, которыя могутъ быть вызваны очевидною несостоятельностію общиннаго владѣнія, переходъ общиннаго владѣнія въ общинную собственность представляется какъ мѣра, паименѣе насильственная и искуственная. Общинная собственность можетъ послужить весьма правильнымъ, естественнымъ, экономическимъ оплотомъ противъ исключительности преимуществъ личной поземельной собственности.

Мы выставили всѣ естественныя экономическія силы, противодѣйствующія исключительному преобладанію въ обществѣ силы богатства и съ особеннымъ вниманіемъ вникли въ развитіе поземельной собственности. Мы видѣли, что, не уничтожаясь и не упраздняясь, аристократія богатства и собственности находитъ естественную для себя реакцію въ самыхъ успѣхахъ промышленности и общежитія, которые какъ будто содѣйствуютъ развитію этого превосходства. Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на предѣлы, полагаемые цивилизаціи аристократическому значенію занятій, которымъ человѣкъ посвящаетъ свою дѣятельность, и общественной среды, въ которой онъ обращается и дѣйствуетъ.

Цѣль всѣхъ техническихъ усовершенствованій за-

ключается въ томъ, чтобъ высвободить человѣческій трудъ изъ зависимости отъ природы, позволить ему какъ можно болѣе самостоятельно распоряжаться вещественнымъ матерьяломъ, и какъ можно болѣе замѣнять силами природы силу человѣка, такъ чтобы на долю человѣка въ каждомъ производствѣ оставалась та доля труда, въ которой проявляется только человѣческая, умственная и нравственная сила, а не механическая. Въ этомъ отношеніи нашъ вѣкъ сдѣлалъ чрезвычайно много; техническія усовершенствованія, машины и сила пара облагородили многія занятія, которыя прежде обращали человѣка въ положеніе рабочаго животнаго или механической силы. Но кромѣ техническихъ усовершенствованій, могущественно содѣйствуютъ облагороженію занятій преобразованія въ самомъ характерѣ хозяйства. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на постепенное превращеніе всѣхъ отраслей труда изъ *личныхъ* услугъ въ *промышленныя*, *общественныя* услуги. Когда трудъ человѣка, на что бы онъ ни былъ обращенъ, есть трудъ, понесенный на предпріятіе, въ которомъ онъ *участникъ* (хотя бы даже только работникъ), но уже не *служитель* лица и тѣмъ менѣе одного лица, то это совершенно измѣняетъ положеніе человѣка въ обществѣ и ставитъ его неизмѣримо выше. Промышленное направленіе вѣка преобразуетъ всѣ мелкія производства, такъ-называемыя *домашнія* хозяйства, въ большія фабричныя производства, гдѣ отношенія между различными участниками несравненно менѣе личныя, нежели дѣловыя. Наконецъ съ усовершенствованіемъ въ вещественномъ бытѣ людей, самая потребность въ личныхъ услугахъ уменьшается; возможность обходиться вовсе безъ прислуги, столь естественная для современнаго образованнаго человѣка въ Европѣ, совершенно немыслима для богатаго человѣка, выроснаго на почвѣ азіатскаго или полуазіатскаго воспитанія. Число домашнихъ слугъ въ Европѣ постепенно уменьшается; и тѣ, которые остались, уже далеко не имѣютъ характера прежней челяди въ патрі-

архальныхъ хозяйствахъ. Это служители дома и хозяйства, а не господина, имѣющіе свои строго-опредѣленныя обязанности, изъ круга которыхъ они весьма неохотно выходятъ, а не исполнители всѣхъ личныхъ требованій и капризовъ господина.

Преимущество общественной среды никакъ не уничтожается съ успѣхами образованности. Но благовоспитанность и образованность опредѣляются не рожденіемъ и кровнымъ союзомъ, а становятся достояніемъ всѣхъ людей, имѣющихъ право на такое преимущество по своему личному характеру и по своей дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніе атмосферы высшей общественной среды распространяется путемъ гласности и книгопечатанія; имъ могутъ пользоваться съ одинаковою для себя выгодою люди, вовсе не принадлежащіе собственно къ этой средѣ. Мы сравнимъ для примѣра средневѣковые университеты, сосредоточивавшіе свое вліяніе въ маленькихъ провинціальныхъ городахъ, съ современными учеными конгрессами, къ засѣданіямъ которыхъ можетъ пріобщиться человѣкъ, находящійся за тысячу верстъ отъ мѣста собранія, рыцарскія собранія прежняго времени съ нынѣшними митингами Англіи, сходки богачей-спекулянтовъ или евреевъ-ростовщиковъ въ средніе вѣка со всемірными биржами, доступными для всѣхъ безъ изъятія въ наше время.

Мы сдѣлали очеркъ, съ одной стороны, всѣхъ главнѣйшихъ признаковъ и причинъ общественнаго неравенства и, съ другой стороны, главнѣйшихъ естественныхъ силъ общественнаго развитія, ему противодѣйствующихъ, то-есть естественнымъ образомъ уравнивающихъ преимущества однихъ людей передъ другими. Теперь возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ то и другое начало, совершенно какъ бы другъ другу противоположныя и непримиримыя, могутъ ужиться вмѣстѣ, и въ

какой высшей силѣ, въ какомъ высшемъ началѣ заключается возможность того, чтобы они ужились вмѣстѣ?

Мы видѣли, что силы, противодѣйствующія общественнымъ преимуществамъ и развивающіяся съ возрастаніемъ образованности, промышленности, гражданственности въ человѣческихъ обществахъ, не уничтожаютъ самыхъ преимуществъ, но дѣйствуютъ въ томъ смыслѣ, что освобождаютъ человѣческую личность отъ неограниченнаго подчиненія силѣ богатства, ума, знанія, общественнаго положенія; онѣ даже не всегда уменьшаютъ это подчиненіе, но дѣлаютъ его менѣе тягостнымъ, болѣе добровольнымъ и свободнымъ. Въ этомъ-то и заключается ключъ къ разрѣшенію вопроса, возбужденнаго нашими предыдущими разсужденіями. Для каждаго члена общества, поставленнаго въ положеніе такъ-называемаго неравенства въ отношеніи къ другому, вопросъ заключается въ томъ, чтобы получить *равную съ нимъ свободу* трудиться и дѣйствовать для удовлетворенія своихъ потребностей. *Это равенство свободы* сглаживаетъ всѣ другія неравенства: напротивъ, тамъ, гдѣ не всѣ члены общества пользуются въ равной степени свободою, всякое естественное неравенство чувствуется гораздо сильнѣе. Общество въ своемъ развитіи идетъ постоянно къ равенству свободы, и имъ смягчаются всѣ различія, которыя стереть невозможно и даже невозможно остановить дальнѣйшее ихъ развитіе.

Сила и вліяніе людей богатыхъ, воспитанныхъ, образованныхъ, ученыхъ, политическихъ дѣятелей какъ будто возрастаютъ съ успѣхами промышленности, образованности, науки, гражданской и политической жизни; но эти же самые успѣхи подвигаютъ впередъ человѣческую дѣятельность, а съ тѣмъ вмѣстѣ развиваются и общественныя силы, противодѣйствующія исключительному превосходству немногихъ, обезпечивающія свободу и независимость людей, не имѣющихъ общественныхъ преимуществъ. Аудиторія или публика, слушающая профессора, подчиняется силѣ его убѣжденія, его нравственному

вліянію, подчиняется болѣе такой общественной средѣ, которая бы не дала свободы слова профессору; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ публикѣ или въ аудиторіи возрастаетъ общій запасъ свѣдѣній, съ помощію которыхъ каждый изъ слушающихъ дѣлается независимѣе отъ убѣжденій и вліянія профессора, дѣлается лично самъ сильнѣе. И въ средѣ, подчинившейся вліянію слова болѣе образованнаго человѣка, возникаютъ новые дѣятели, въ свою очередь подчиняющіе другихъ своему вліянію и т. д.; но съ каждымъ шагомъ впередъ, съ каждымъ новымъ поколѣніемъ людей, болѣе сильныхъ образованіемъ, возрастаетъ общій запасъ свѣдѣній и затѣмъ общій уровень личной умственной самостоятельности каждаго члена общества, каждаго члена такъ-называемой массы, слѣдовательно возрастаетъ равенство умственной независимости каждаго.

Отсюда мы видимъ, *можно или нѣтъ* назвать высшее образованіе, поэзію и литературу, ораторское краснорѣчіе, утонченность промышленности, свободу слова, политическихъ преній, свободу торговли и промышленности, можно или нѣтъ назвать всѣ эти продукты общественнаго развитія роскошью, безполезною для массы народа, которая будто бы не можетъ ими пользоваться, не имѣя что сказать, написать, или продать. Мы назовемъ всѣ эти блага жизни пустою и праздною забавою ученыхъ, литераторовъ, негоціантовъ, лишь въ томъ случаѣ, если мы желаемъ для народа только *равенства*, но тогда мы должны быть послѣдовательны и желать возвращенія народа къ тому быту, гдѣ всѣ равны за исключеніемъ развѣ одного властелина, пользующагося преимуществомъ неравенства; мы будемъ совершенно послѣдовательны, когда предпочтемъ быть дикихъ кочевниковъ быту подданныхъ Англіи. Но если мы признаемъ за естественное лишь стремленіе человѣка къ личной свободѣ, къ равенству не въ пользованіи благами жизни, а къ равенству свободы, то мы поймемъ, что вся эта роскошь есть насущный хлѣбъ народа, ибо только когда эти блага принадлежатъ ему, хотя бы ихъ вкушали пока только

нѣкоторые избранные его члены, можетъ развиваться въ народѣ чувство свободы, обезпечиваться и преуспѣвать личная свобода каждаго, и слѣдовательно осуществляться то единственное равенство, которое совмѣстимо съ успѣхами цивилизаціи,—равенства права на свободу и самобытность. Чѣмъ болѣе успѣховъ дѣлаетъ человѣческое общежитіе, чѣмъ болѣе устраняются стѣснительныя привилегіи, установляемыя законодательствомъ и поддерживаемыя принудительною силою государственной власти, тѣмъ болѣе неравенство общественнаго положенія людей приходитъ въ соотвѣтствіе съ неравенствомъ ихъ личныхъ средствъ и ихъ личной дѣятельности. Но такого рода неравенство столько же можетъ насъ печалить, какъ то, что мы люди и живемъ на землѣ. Это неравенство есть судьба рода человѣческаго; оно лежитъ въ основѣ всей исторіи человѣчества и нисколько не противорѣчитъ личной свободѣ человѣка, составляющей единственное всѣмъ людямъ равно-драгоцѣнное, для всѣхъ людей равно-необходимое благо жизни. Въ крупной поземельной собственности, въ самой аристократической собственности, капиталъ, прилагаемый къ землѣ (путемъ ли хозяйственной дѣятельности самихъ земледѣльцевъ или съемщиковъ), и земледѣльческая наука заставляютъ землю въ безконечное число разъ быть болѣе производительною, чѣмъ она была въ естественномъ своемъ положеніи. Усиливается производство облегчаетъ способы продовольствія страны и открываетъ ей доступъ къ чужеземнымъ продуктамъ. Агрономическія усовершенствованія распространяются изъ аристократическихъ крупныхъ помѣстій на мелкія поземельныя владѣнія. Умственный капиталъ воспитанія, сконцентрированный въ земледѣльческой средѣ, отражаетъ свой свѣтъ на всѣ окружающія массы народонаселенія, смягчаетъ его нравы, развиваетъ сметливость и возбуждаетъ жизнь. Естественная земледѣльческая аристократія нисколько не мѣшаетъ всеобщему прогрессу, а напротивъ, содѣйствуетъ ему.

Если идеалъ общественнаго равенства заключается въ

равенствѣ свободы человѣческой личности: развивать внутреннія силы своей природы, свои потребности и способы къ ихъ удовлетворенію, по своему произволу трудиться и наслаждаться плодами своего труда. То такой идеалъ нисколько не противорѣчитъ естественнымъ побужденіямъ и наклонностямъ людей и естественнымъ законамъ развитія, которые проявились въ фактахъ умственной и промышленной жизни народовъ. Равенство въ этомъ смыслѣ есть не что иное, какъ возможно большее приложеніе къ жизни начала свободы человѣческой личности, во всѣхъ ея проявленіяхъ. И на этомъ пути мы дѣйствительно замѣчаемъ успѣхи народовъ образованныхъ передъ необразованными, и въ нынѣшнюю эпоху развитія историческихъ народовъ передъ первобытными ихъ состояніемъ. Но если общественное равенство должно заключаться въ равенствѣ распредѣленія между членами общества всѣхъ благъ жизни (или что все равно, отрицательно, въ равенствѣ ихъ лишеній и страданій), то такой идеалъ не впереди насъ, а позади: чѣмъ болѣе мы будемъ углубляться въ исторію, въ дѣтство народовъ, тѣмъ болѣе будемъ приближаться къ народамъ диканъ и неисторическимъ. И наконецъ чѣмъ болѣе будемъ близки къ рабству, въ которомъ наиболѣе равенства въ матерьяльныхъ и нравственныхъ наслажденіяхъ, тѣмъ ближе будемъ стоять къ этому идеалу. Если мы захотимъ съ стремленіями къ такому идеалу соединить такіе успѣхи образованности, промышленности, политической жизни, то всѣ наши усилія будутъ только постояннымъ себѣ самимъ противорѣчіемъ: ибо всѣ эти проявленія человѣческаго духа прежде всего требуютъ свободы, а свобода немыслима при насильственномъ равенствѣ распредѣленія между людьми всѣхъ благъ и страданій жизни.

Итакъ разные виды общественнаго превосходства, *естественная аристократія*, составляютъ необходимую принадлежность естественнаго свободнаго развитія обществъ и съ другой стороны, въ этомъ самомъ развитіи заключаются силы, противодѣйствующія единственному злому

началу всякой аристократіи, ея монопольному, *насильственному* преобладанію надъ другими классами общества и происходящему вслѣдствіе того стѣсненію личной свободы людей, не принадлежащихъ къ высшему классу.

Охотники «печаловаться» могутъ сожалѣть объ этомъ печальномъ законѣ человѣческихъ обществъ, или лучше человѣческой природы, по которому не всѣ части общества одновременно и равномѣрно развиваются, по которому необходимо, чтобы подымались къ высшей цивилизаціи однѣ частицы за другими. Они могутъ сожалѣть о законѣ, по которому цивилизація распространяется *преемственно* между людьми, поколѣніями и народами. Но они имѣютъ отнюдь не бо̀льшее право сожалѣть объ этомъ, какъ и о томъ, что человѣкъ не родится на свѣтъ разомъ совершеннолѣтній, что онъ долженъ тратить треть своей жизни только на трудъ воспитанія и пріобщенія къ умственной жизни человѣчества и т. п.

Указавъ на признаки общественнаго неравенства и на характеръ естественной аристократіи, мы переходимъ къ дальнѣйшему развитію понятій объ аристократіи. Искусственная аристократія, говоритъ лордъ Брумъ, должна всегда, до нѣкоторой степени, быть соединена съ естественною и на ней основываться. Никакая сила государственныхъ учрежденій не можетъ обезпечить могущество какого-либо благороднаго сословія, не имѣющаго за собою богатства, или дарованій, или заслугъ, которыя бы отличали его отъ остальной части общества. Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, говоритъ тотъ же публицистъ-мыслитель, такъ-называемыя благородныя сословія имѣли своимъ первымъ происхожденіемъ естественную аристократію; и вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не было привиллегированнаго сословія, которое бы могло сохранить за собою власть или даже общественное положеніе, не удержавъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ своей средѣ естественныхъ преимуществъ, давшихъ ему первоначальное могущество.

Патриціанское сословіе въ Римѣ состояло изъ свободныхъ людей, положившихъ основаніе государству и ихъ потомковъ. Спартанская аристократія имѣла подобное же происхожденіе. Когда военачальники, устремившіеся на Римскую имперію, водворились въ своихъ вновь-завоеванныхъ земляхъ, они составили привилегированное сословіе изъ главнѣйшихъ своихъ товарищей, которые были самыми храбрыми и ловкими предводителями въ ихъ войскахъ, и которыхъ они надѣлили огромными поземельными владѣніями. Исключительное право ихъ потомковъ на пріобрѣтеніе поземельной собственности упразднилось, и всякій неблагородный получилъ право пріобрѣтенія ея, но бо́льшая часть поземельнаго богатства оставалась въ рукахъ аристократіи. Когда затѣмъ торговля создала подлѣ нея соперничество новаго рода имуществъ, тогда возникла новая естественная аристократія и поравнялась съ наслѣдственною. Въ италіанскихъ республикахъ коммерческое богатство весьма рано вступило въ соперничество съ феодальнымъ; и потому образовалась городская аристократія, которая долгое время пользовалась какъ преимуществами благосостоянія, такъ и отличіями личныхъ способностей, общественныхъ заслугъ и продолжительной привычки власти. Такія именитыя фамиліи были аристократіею въ этихъ республикахъ; и ихъ вліяніе основывалось на естественномъ уваженіи къ общественному положенію, богатству и личнымъ достоинствамъ ихъ. Эта городская аристократія скоро пріобрѣла для себя исключительныя привиллегіи и искусственными мѣрами сдѣлалась правительственнымъ сословіемъ. Во всѣхъ этихъ государствахъ она пыталась исключить большинство народа, даже большинство богатыхъ классовъ, и вездѣ ей удалось на нѣкоторое время захватить для своего замкнутаго союза монополію политической власти, хотя ея происхожденіе было совершенно то же самое, какъ происхожденіе фамилій, выдвинувшихся послѣ нея изъ общей массы народа. Число потомковъ благородныхъ фамилій возрасло, многіе изъ нихъ лишились богатства

и всѣхъ прочихъ принадлежностей естественной аристократіи. Но нѣкоторые члены этихъ родовъ сохранили эти силы и съ ними свое естественное вліяніе: они имѣли справедливый вѣсъ въ обществѣ, независимо отъ искусственныхъ привиллегій, которыя захватили въ свои руки съ помощью законовъ и обычаевъ страны [1]).

Дѣйствительно, если ближе вникнуть въ историческое развитіе всякой искусственной аристократіи или всякаго искусственно-привиллегированнаго сословія, то можно всегда отыскать корень ея происхожденія въ естественной аристократіи, изъ которой она переродилась силою внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ. У историческихъ источниковъ всѣхъ привиллегированныхъ сословій можно найдти естественныя преимущества, всегда и вездѣ дающія людямъ силу и значеніе въ обществѣ, независимо отъ всякихъ привиллегій, созданныхъ законодательствомъ и государственными учрежденіями: государственныя и общественныя *заслуги отцовъ*, или дѣйствительное *превосходство крови* (раса, подчинившихъ своему вліянію другія расы: завоеваніе сопровождалось всегда возникновеніемъ аристократій); *личныя дарованія и превосходство* (хотя бы это превосходство въ младенчествѣ народовъ заключалось въ самыхъ грубыхъ свойствахъ и качествахъ); *воспитаніе* или сохранившаяся въ нѣкоторыхъ родахъ привычка къ обращенію съ людьми, къ подчиненію ихъ себѣ и вообще бо́льшая живость преданія; *познанія и родъ занятій*, наболѣе требовавшіяся по обстоятельствамъ времени и потому наболѣе уважавшіяся; *богатство* или наболѣе выгодные по духу времени способы его пріобрѣтенія; *приближеніе къ общественнымъ центрамъ*, въ которыхъ зачалась гражданская и государственная жизнь, наконецъ *личная удача и счастіе*. Если мы даже перенесемся въ эпоху завоеваній и преобладанія грубой силы, то мы должны согласиться, что вмп-

---

[1]) *On aristocracy*, p. 27—28.

ская доблесть и добыча были самымъ естественнымъ для того времени превосходствомъ; удача въ набѣгѣ, богатство, собранное грабежомъ, захватъ поземельной собственности — все это были естественныя силы въ обществѣ людей, не признававшихъ достоинства иныхъ доблестей, иныхъ способовъ обогащенія и иныхъ правъ на землю. Феодальная аристократія была въ свое время дѣйствительно самою сильною по крови, по заслугамъ, по дѣятельности, по богатству и по общественному вліянію. Намъ не нужно, кажется, говорить, что всѣ эти силы составляютъ достоинство не передъ судомъ абсолютныхъ нравственныхъ и идеальныхъ требованій человѣческаго разума: это силы историческаго движенія, безпрестанно измѣняющагося въ своемъ направленіи и создающаго только относительныя достоинства. Представительницею этихъ движущихъ силъ, а не абсолютныхъ нравственныхъ достоинствъ, служитъ всякая естественная аристократія, которая по тому самому бываетъ иная для каждаго времени и для каждой страны.

Но естественныя преимущества, накопившіяся въ родахъ, поколѣніяхъ и группахъ людей, какъ всякій капиталъ, тогда только сохраняютъ свою силу въ рукахъ своихъ обладателей, и тогда только для нихъ самихъ выгодны, пока поддерживаются *самодѣятельностію* обладателей, пока послѣдніе въ пользованіи своими преимуществами участвуютъ своимъ трудомъ и волею. Въ обществѣ, развивающемся и предназначенномъ къ жизни, естественная аристократія, чтобы сохранить выгоды своего положенія передъ напоромъ всѣхъ указанныхъ нами естественныхъ силъ, противодѣйствующихъ ея преобладанію, должна, какъ мы видѣли, сама развиваться, жить и трудиться, а не мѣшать развитію, жизни и труду низшихъ классовъ. Превосходство рожденія или фамильнаго преданія быстро блѣднѣетъ передъ новыми, личными подвигами, полезными для общества, если представители преданія не возобновляютъ его свѣжести собственными заслугами и дарованіями. Превосходство домашнихъ пра-

вовъ и обычаевъ или первоначальнаго воспитанія дряхлѣетъ и обращается въ одну смѣсь предразсудковъ и грубыхъ преданій, если люди, пользующіеся превосходными преданіями воспитанія, на нихъ успокоиваются и отстаютъ отъ движенія идей и науки въ обществѣ. Преимущество поземельной собственности ослабѣваетъ передъ напоромъ промышленности и торговли, если землевладѣлецъ остается при грубыхъ формахъ первоначальнаго хозяйства. Превосходство политической мудрости или привычки къ обращенію съ общественными дѣлами и государственными вопросами исчезаетъ при равнодушіи къ общественному дѣлу и къ вопросамъ, занимающимъ умы современниковъ, и т. д. Категоріи общественнаго превосходства неизмѣнны, какъ воспитаніе, образованность, богатство и т. д., но формы или виды ихъ проявленія, способы пользованія ими безконечно разнообразны и постоянно измѣняются съ духомъ времени и успѣхами цивилизаціи, и притомъ не только измѣняются, но постепенно требуютъ болѣе напряженнаго вниманія и болѣе усилій со стороны ихъ обладателей. Не то сто лѣтъ тому назадъ и не то теперь, не то въ Турціи, не то въ Германіи, и не то въ Англіи — быть вліятельнымъ землевладѣльцемъ, благовоспитаннымъ человѣкомъ, хорошимъ агрономомъ, блестящимъ государственнымъ мужемъ.

Но первенство въ обществѣ заманчиво: человѣкъ легко свыкается со льготами, связанными съ первенствомъ, легче, нежели съ тѣми общественными обязанностями и тягостями, которыя необходимо соединены со всякимъ постояннымъ первенствомъ: поколѣнія, воспитывающіяся въ этихъ сладкихъ привычкахъ, посреди этихъ льготъ, легко позабываютъ тягость труда ихъ предковъ, создавшаго тотъ нравственный и вещественный капиталъ, который перешелъ имъ по наслѣдству. Возникаютъ новыя силы и новыя условія превосходства въ обществѣ; приходится или уступить передъ ними, или овладѣть ими. Первое невыгодно, второе не легко. По-

тому самымъ естественнымъ образомъ возникаетъ въ нѣкоторыхъ группахъ людей стремленіе закрѣпить преимущества общественнаго вліянія за собою, окружить разъ доставшееся превосходство искусственными привиллегіями и искусственнымъ образомъ исключить изъ нихъ другіе классы. Естественное первенство, возникшее вслѣдствіе самой силы обстоятельствъ, превращается въ искусственное преобладаніе.

Такъ фабрикантъ силою своего капитала и искусства можетъ сдѣлаться производителемъ лучшихъ суконъ въ странѣ и вслѣдствіе того можетъ пользоваться въ извѣстное время нѣкоторою монополіей, то-есть онъ можетъ получать за свои сукна нѣкоторый излишекъ барыша противъ суконъ всѣхъ другихъ фабрикъ. Но вотъ другіе фабриканты усиливаютъ свою дѣятельность и изощряютъ свой умъ на изобрѣтеніе лучшихъ способовъ выдѣлки сукна, или лучшіе мастера перваго фабриканта покинули изъ своего жалованья собственные капиталы, заслужили довѣріе публики и затѣяли завести собственныя фабрики, или иностранные суконные фабриканты посылаютъ въ страну сукна, такое превосходящія сукно нашего фабриканта. Что же ему дѣлать? Чтобъ удержать за собою свои выгоды въ виду опаснаго соперничества, онъ можетъ усилить свою собственную дѣятельность, что̀ для него, какъ для всякаго производителя, имѣвшаго уже за собою какое-нибудь превосходство, будетъ гораздо легче, нежели для всякаго другаго фабриканта; ибо онъ имѣетъ за собой преимущество фирмы, времени, кредита, привычку покупщиковъ. Такое направленіе дѣятельности всякаго фабриканта можетъ быть только выгодно для всего общества; не уничтожая его собственныхъ выгодъ, оно увеличиваетъ общую массу выгодъ (хорошаго товара) для всѣхъ; но для такого направленія дѣла съ возрастаніемъ конкурренціи необходимо неослабное наблюденіе за развитіемъ промышленности, характеръ, энергія. Въ виду угрожающей опасности фабрикантъ нашъ можетъ прибѣгнуть и къ дру-

гимъ мѣрамъ; онъ можетъ выхлопотать себѣ у правительства разныя привилегіи, которыя искусственнымъ образомъ закрѣпили бы за нимъ его превосходство: запрещеніе заводить новыя суконныя фабрики въ странѣ или увеличивать размѣры существующихъ, возвышенную таксу для суконъ своей фабрики, исключительное право на казенныя поставки, запрещеніе мастерамъ отходить съ его фабрики, таможенные тарифы и т. д. Очевидно, такія привилегіи не будутъ выгодны для успѣховъ суконной промышленности въ странѣ и для людей, потребляющихъ сукно. Но выгодны ли эти привилегіи даже для самого фабриканта? Что значитъ то непрочное превосходство, которое они ему даютъ, если сравнить его съ превосходствомъ, которое онъ имѣлъ бы, усиливъ свою дѣятельность и усовершенствовавъ свою фабрику, безъ всякихъ искусственныхъ привилегій, ставящихъ его въ зависимость отъ произвола администраціи и въ непріязненное отношеніе къ своимъ согражданамъ? Вмѣсто довѣрія, товаръ его внушаетъ всѣмъ подозрѣніе, покупщики стараются его обѣгать, его обязанные мастера работаютъ на него плохо. Выгоды наслѣдниковъ привилегированнаго фабриканта уже очевидно ничтожны въ сравненіи съ выгодами наслѣдниковъ непривилегированнаго, но превосходнаго по своему капиталу, искусству и дѣятельности. Вмѣсто преданія честности, энергіи, популярности въ одномъ случаѣ, переходитъ въ другомъ случаѣ традиція искательства, промысла, зависимаго отъ случая и покровительства, традиція угодливости передъ сильными и высокомѣрія передъ слабыми. Исторія всякихъ искусственныхъ аристократическихъ привилегій можетъ быть та же самая, какъ взятый нами примѣръ. Изъ всѣхъ европейскихъ аристократій одна только англійская съумѣла удержать свое превосходство безъ всякихъ искусственныхъ привилегій: она постоянно слѣдовала въ своей дѣятельности за движеніями времени и удерживала за собою власть и преобладаніе, постоянно сливаясь своими пріобрѣтеніями со всѣми прочими классами.

Вслѣдъ за возникновеніемъ въ странѣ искусственныхъ аристократическихъ привилегій, мы видимъ другое стремленіе, необходимо имъ вызываемое, стремленіе оградить также искусственными мѣрами непривилегированные классы общества отъ притѣсненія привилегированныхъ. Одна искусственная мѣра, одно искусственное вмѣшательство закона въ процессъ естественнаго развитія общества влечетъ за собою другое вмѣшательство. Государственная власть, разъ обезпечивъ какое-нибудь общественное преимущество, тѣмъ самымъ принимаетъ его на свою отвѣтственность и бываетъ вынуждена обезпечивать противодѣйствіе исключительному преобладанію аристократіи, протягивать руку помощи и опеки наиболѣе слабымъ. Такъ возникаютъ *искусственныя привилегіи мѣры*.

Сдѣлавъ очеркъ естественныхъ преимуществъ и естественныхъ силъ, имъ противодѣйствующихъ, мы приступимъ къ положительному законодательству и къ государственной власти, къ вопросу, какое вліяніе можетъ и должно имѣть законодательство страны на естественный процессъ развитія общественнаго превосходства и общественнаго равенства. За тѣмъ мы должны показать роль и мѣсто естественной аристократіи уже не въ обществѣ, а въ государствѣ. Таковъ будетъ предметъ слѣдующей главы.

3.

Искусственная аристократія и искусственная демократія.

Мы разсматривали до сихъ поръ выросъ о равенствѣ и неравенствѣ въ человѣческихъ обществахъ и различныя явленія жизни, съ нимъ связанныя, совершенно независимо отъ тѣхъ вліяній, какія могутъ имѣть на развитіе общества государственная власть и законодательство. Исключительно сосредоточивъ наше вниманіе на

изученіи нѣкоторыхъ естественныхъ законовъ общественной жизни, мы старались забыть о *законахъ*, которые воля людей *предполагаетъ* обществу. Но тотъ процессъ естественнаго развитія неравенства въ человѣческихъ обществахъ и естественнаго противодѣйствія ему, на которыя мы старались указать въ предыдущей главѣ, никогда не совершается во всей своей естественной простотѣ и свободѣ; онъ постоянно, какъ мы вездѣ видимъ вокругъ насъ, въ той или другой степени, нарушается положительнымъ законодательствомъ государствъ и только по непреложности своей силы пробивается наружу сквозь препятствія, поставленныя исторіей свободному развитію народнаго благосостоянія.

Окончательный результатъ всѣхъ нашихъ изслѣдованій и разсужденій заключался, если не ошибаемся, во первыхъ, въ томъ, что свободное развитіе общества, успѣхи народа на поприщѣ умственной и промышленной дѣятельности образуютъ сами собою ту общественную группу, которую мы назвали естественною аристократіей, то есть собственно ту группу людей, которую, на общеупотребительномъ языкѣ, всѣ привыкли (правильно или неправильно) называть *высшими классами общества*. И во-вторыхъ, мы нашли, что тѣ же самые успѣхи народнаго благосостоянія сами собою противодѣйствуютъ исключительному преобладанію этой общественной группы и постепенно пріобщаютъ къ ней большую массу народонаселенія, такъ-называемые *низшіе классы*. Затѣмъ мы отмѣтили многія естественныя преимущества общественнаго положенія, которыми въ средѣ этой аристократической группы особенно пользуется земледѣльческій классъ народа. Но мы знаемъ, что законодательства нѣкоторыхъ государствъ и умы различныхъ политическихъ мыслителей не довольствуются этими естественными различіями людей, по ихъ воспитанію, богатству, общественному положенію и т. д., и не примиряются съ постепеннымъ естественнымъ ослабленіемъ этихъ различій, а напротивъ того стремятся поставить людей въ тѣ или другія, искус-

свени опридуманныя привиллегированныя отношенія, какъ напримѣръ сословныя; или же напротивъ, другіе стремятся ускорить насильственными мѣрами уравненіе общественныхъ преимуществъ, дать то или другое искусственное направленіе распредѣленію между людьми богатства, образованности и авторитета, насильственно осуществить въ государствѣ извѣстный политическій и общественный *идеалъ равенства*. Любопытно взглянуть, какія имѣютъ дѣйствительныя послѣдствія въ общественной жизни эти различныя попытки человѣческаго ума и государственной мудрости.

Въ этомъ отношеніи мы видимъ два другъ другу противоположныя направленія, которыми раздѣляются между собою всѣ политическія системы. Одно желаетъ закрѣпить общественное *неравенство*, сосредоточить всѣ общественныя преимущества въ извѣстныхъ поставленныхъ закономъ границахъ, въ извѣстныхъ классахъ общества, и стѣснить развитіе причинъ, противодѣйствующихъ преобладанію этихъ преимуществъ. Другое направленіе желаетъ водворить общественное *равенство*, сгладить всѣ существующія между людьми преимущества и стѣснить причины, ихъ образующія. Одно направленіе создаетъ или охраняетъ привиллегіи и монополіи въ пользу извѣстныхъ классовъ, сословій, корпорацій; другое создаетъ государственныя учрежденія для опеки народныхъ массъ, бюрократическую и полицейскую централизацію, вызываетъ нерѣдко самыя насильственныя государственныя мѣры уравненія (такъ-называемаго нивелированія) имуществъ и воспитанія людей. Въ дѣйствительности эти два противоположныя направленія не всегда проявляются во всей своей краткости и простотѣ, и имѣютъ безконечное множество оттѣнковъ, видоизмѣненій и взаимныхъ сплетеній.

Мы спѣшимъ теперь же оговориться: то или другое политическое направленіе никакъ не влечетъ за собою *безусловно* тѣ или другія внѣшнія формы государственнаго устройства; каждое изъ нихъ совмѣстимо съ весьма

различными формами государственнаго правленія, и каждое направленіе высказывается гораздо болѣе въ *характерѣ* власти и управленія, хотя безъ сомнѣнія не можетъ не оставить нѣкоторыхъ слѣдовъ и на государственномъ устройствѣ.

Какія же послѣдствія имѣетъ искусственное завладѣваніе преимуществами *рожденія, воспитанія, знанія, рода занятій, общественной среды*, закрѣпленіе этихъ преимуществъ путемъ государственной привилегіи за однимъ классомъ народа? Каковъ долженъ быть результатъ насильственнаго противодѣйствія постепенному и естественному распространенію всѣхъ этихъ благъ и преимуществъ въ массахъ народа? Повидимому, результатъ долженъ быть выгоднымъ по крайней мѣрѣ для самихъ представителей аристократическаго начала въ обществѣ или для людей, получившихъ какія-либо преимущества воспитанія, богатства, общественнаго положенія, въ силу исторической жизни народа. Но посмотримъ, дѣйствительно ли это такъ. Возьмемъ напримѣръ *искусственное сохраненіе чистоты крови или породы*, и мы увидимъ изъ опыта, что превосходство крови не поддерживается, а утрачивается вслѣдствіе стѣсненій, полагаемыхъ обстоятельствами или законами смѣшенію и обновленію крови. Именно помѣсь и счастливое сліяніе разныхъ человѣческихъ породъ и типовъ производитъ самыя благопріятныя, самыя аристократическія въ естественномъ смыслѣ человѣческія рожденія. Обособленіе родовъ постоянно истощало ихъ. А въ этомъ непрерывномъ обмѣнѣ соковъ между всѣми классами общества нѣтъ никакой возможности для законодателя уловить самыя благопріятныя смѣшенія крови, какъ нѣтъ возможности уловить и самыя счастливыя для человѣка нравственныя случайности его рожденія. Искусственныя аристократическія прикрасы семейныхъ преданій тоже не въ силахъ охранить знатные роды, когда роды сами утратили свѣжесть и живи-

тельность аристократическаго преданія. Никакіе заплѣсненные пергаменты и никакіе наружные аттрибуты благородства не въ силахъ поселить въ окружающемъ народонаселеніи уваженіе къ лицамъ, обладающимъ ими, если въ этихъ лицахъ уже давно застылъ духъ, когда-то воодушевлявшій ихъ предковъ; исхудалые представители такихъ тысячелѣтнихъ геральдическихъ сокровищъ, обезцѣненныхъ на вѣсахъ общественнаго мнѣнія новыхъ поколѣній, блѣднѣютъ подлѣ родовъ, сумѣвшихъ въ теченіи двухъ-трехъ поколѣній выставить людей честныхъ и уважаемыхъ въ обществѣ. Если же законодательство искусственными мѣрами отдаетъ въ руки такихъ людей судьбы страны, то неспособные члены привиллегированной аристократіи бросаютъ тѣнь на все сословіе, и вселяютъ къ нему сначала презрѣніе, а вскорѣ народную ненависть. Народная молва не знаетъ исторіи архивовъ, она знаетъ и помнитъ только исторію жизни, исторію дѣлъ; изъ памяти народной трудно изгладить воспоминаніе о любимыхъ именахъ, но точно также трудно навязать ей имена благодѣтелей, ей невѣдомыхъ; всѣ подобныя попытки насилія противъ народныхъ сочувствій и общественнаго мнѣнія только поселяютъ въ немъ нерасположеніе къ именамъ, которыя безъ того были бы предметомъ по меньшей мѣрѣ равнодушія.

Не трудно было бы прослѣдить разрушительныя для аристократіи дѣйствія всякихъ *привиллегій воспитанія, рода занятій и общественныхъ круговъ или союзовъ.* Всѣ эти виды сословной замкнутости и исключительности парализируютъ свободное развитіе высшихъ классовъ общества, ибо всѣ эти преимущества только тогда дѣлаются силою и превосходствомъ въ рукахъ своихъ обладателей, когда они именно не заперты въ неподвижныхъ группахъ: воспитаніе, когда оно открыто соприкосновенію всѣхъ классовъ; родъ занятій, когда онъ является слѣдствіемъ свободнаго избранія и личныхъ способностей; общественная среда, когда она представляется естественнымъ средоточіемъ представителей лучшихъ идей, дви-

ленiи и влеченiй общества. Такъ напримѣръ воспитанiе замкнутое и обезпеченное привилегiями, въ частныхъ ли домахъ или въ публичныхъ заведенiяхъ, давало бы дѣтямъ и всему новому поколѣнiю не превосходство, не силу, а напротивъ того преждевременно ослабляло бы ихъ, ставило бы въ подчиненное отношенiе къ поколѣнiю, воспитанному въ атмосферѣ, открытой соприкосновенiю и взаимодѣйствiю элементовъ всѣхъ классовъ общества. Современное хорошее воспитанiе, дающее дѣйствительное аристократическое превосходство въ обществѣ, самымъ коренным образомъ непрiязненно всякому разобщенiю сословiй. Сыновья англiйской королевы безбоязненно вдыхаютъ въ себя запахъ грубыхъ матросовъ, который будетъ ли ихъ живительнѣе, придастъ ихъ воспитанiю гораздо болѣе аристократичности, нежели приторный *parfum de la cour* какихъ-нибудь прародительскихъ замковъ. Лучшiе ароматы преданiй этихъ замковъ должны соединяться съ лучшими ароматами свободной общественной жизни. Истинный аристократъ долженъ быть чуждъ грубымъ чувствамъ и выходкамъ грубаго быта, но никакъ не чуждъ дѣйствительнымъ, будничнымъ отношенiямъ народной жизни. Можно уважать матроса, не сочувствуя грубости его нравовъ; въ запертыхъ стѣнахъ замковъ молодые люди нерѣдко научались сочувствовать не меньшей грубости придворной лести и не уважать человѣка. Различiе воспитанiя въ современномъ обществѣ обусловливается только специальностiю занятiй. Есть дѣйствительно и въ наше время одна специальность воспитанiя, которая дастъ рѣшительное превосходство въ практической жизни, это — политическое воспитанiе; но эта специальность уже рѣшительно не можетъ быть пріобрѣтена въ замкнутыхъ кругахъ, она составляетъ естественную принадлежность болѣе обезпеченныхъ и досужихъ классовъ и семействъ, и единственный путь къ ней — широкое развитiе публичной и политической жизни въ странѣ, чему сословные предразсудки и сословное обособленiе ставятъ непреодолимыя преграды.

Искусственныя аристократическія привилегіи относительно *богатства* или *имущества* заслуживаютъ особеннаго нашего вниманія; къ нимъ чувствуется какую-то особенную притягательную силу, какую-то особенную симпатію нѣкоторыя высшія сословія даже нашего времени: необходимо уяснить для себя несостоятельность и ложь возврѣнія передъ понятіемъ истинной аристократіи, разсѣять и этотъ оптическій обманъ ложнаго аристократическаго возврѣнія.

Сословныя привилегіи или изъятія изъ общей системы гражданскаго и административнаго права въ пользу такъ-называемой рыцарской (въ Германіи) или дворянской поземельной собственности могутъ быть и бываютъ вообще двухъ родовъ: *экономическія* и разныя *привилегіи* и *административныя* (полицейскія, судебныя и прочія такъ-называемыя *вотчинныя* права владѣльцевъ дворянской поземельной собственности).

Экономическія привилегіи, связанныя съ поземельною собственностью, могутъ заключаться въ освобожденіи дворянскихъ имѣній отъ податей, въ исключеніи прочихъ классовъ общества отъ права пріобрѣтенія нѣкоторыхъ имѣній или вообще поземельной собственности, въ исключительныхъ правахъ владѣльцевъ привилегированныхъ имѣній на обложеніе жителей ихъ какими-либо сборами или повинностями (т. е. сборами не въ силу свободно съ обѣихъ сторонъ заключеннаго на общемъ правѣ контракта, а въ силу *вотчиннаго* права), какова напримѣръ барщина, разныя повинности въ пользу землевладѣльца со стороны жителей другихъ мѣстностей, напримѣръ за проѣздъ черезъ его имѣніе, за торговлю въ немъ и проч., наконецъ всѣ другія печальныя принадлежности или остатки отношеній крѣпостнаго права. Несомнѣнно всѣ подобныя хозяйственныя и фискальныя привилегіи служатъ чрезвычайнымъ препятствіемъ для развитія промышленности и торговли въ странѣ: это показалъ опытъ всѣхъ государствъ Европы, и это очевидно при самыхъ поверхностныхъ понятіяхъ объ усло-

ныхъ, необходимыхъ для развитія народнаго хозяйства и благосостоянія. Между тѣмъ, именно успѣхи торговли и промышленности, возрастаніе народонаселенія и народнаго богатства вокругъ крупныхъ поземельныхъ владѣній и въ нихъ самихъ сильно содѣйствуютъ увеличенію доходовъ отъ имѣній, и можно даже утверждать, что безъ этихъ необходимыхъ экономическихъ условій невозможно правильное и постоянное возрастаніе поземельнаго дохода собственника, или ренты, которая есть самое естественное послѣдствіе свободнаго и безпрепятственнаго развитія народнаго благосостоянія. Мы укажемъ опять на Англію; эта страна раньше и рѣшительнѣе всѣхъ европейскихъ государствъ упразднила всякія экономическія привилегіи поземельной собственности; открыла еще въ XIV столѣтіи право пріобрѣтенія рыцарскихъ имѣній всѣмъ безъ изъятія подданнымъ, сравняла въ хозяйственномъ и фискальномъ отношеніи всѣ роды поземельной собственности; въ позднѣйшее время уничтожила послѣднюю привилегію поземельныхъ собственниковъ — таможенныя пошлины на ввозъ иностраннаго хлѣба, — и нигдѣ, ни въ одной странѣ Европы, доходы отъ поземельной собственности не возрастали какъ въ Англіи, и нигдѣ собственники не пользуются такими естественными экономическими преимуществами.

Но нѣкоторые благородные представители сословныхъ притязаній, сословной крови и ложно понимаемыхъ историческихъ воспоминаній готовы отказаться при освобожденіи крестьянъ отъ всякихъ хозяйственныхъ привилегій, пожертвовать изъятіемъ изъ общей системы налоговъ, правомъ натуральныхъ повинностей крестьянъ, ненавистною для всѣхъ барщиной и т. д.; они готовы принести на алтарь отечества нѣкоторыя матеріальныя жертвы: и ихъ смущаетъ лишь потеря административныхъ, полицейскихъ и судебныхъ привилегій; имъ улыбается болѣе всего такъ-называемая *вотчинная власть помѣщика!*.

Но всѣ виды *вотчинной* власти помѣщика въ отношеніи къ людямъ, живущимъ на его землѣ: вотчинная

полиція, вотчинный судъ (патримоніальный) и расправа и т. д., заключаются въ противоестественномъ смѣшеніи частнаго права собственности съ публичнымъ правомъ, смѣшеніи принадлежностей права на землю на вещи, съ принадлежностями права на людей. Понятія о возможности и правомѣрности такого смѣшенія возникли у насъ въ Россіи какъ плодъ страшныхъ усилій страны къ объединенію государства и сохраненію его независимости; въ западно-европейскихъ обществахъ они составляли остатокъ феодальной системы, осуществившей, вслѣдствіе особенностей западно-европейской исторіи, полное сліяніе частнаго и публичнаго права, и сдѣлавшей принадлежности и разныя юридическія отношенія, возникающія изъ началъ публичнаго права, принадлежностями частнаго права собственности. Съ разложеніемъ феодальной системы область публичнаго права постепенно выдѣлялась изъ области частнаго права, и по понятіямъ государственнаго права новѣйшаго времени смѣшеніе въ одномъ фактѣ правъ частной собственности съ какими-либо правами публичной власти есть самое неправомѣрное, самое противоестественное смѣшеніе. Въ точномъ и послѣдовательномъ разграниченіи частнаго и общественнаго права заключается первое необходимое условіе развитія гражданственности и политической жизни.

Не вдаваясь здѣсь въ изложеніе коренныхъ началъ этихъ двухъ сферъ права, мы скажемъ только, что государство можетъ съ величайшею для себя выгодою, и должно въ видахъ общественной пользы, воспользоваться авторитетомъ лица, выросшимъ на почвѣ частныхъ общественныхъ отношеній, нравственныхъ и экономическихъ, авторитетомъ и силою человѣка богатаго, образованнаго, благовоспитаннаго, для облеченія его въ авторитетъ государственный или правительственный, во власть полицейскую, судебную или административную; но пріобрѣтеніе этой власти не можетъ идти путемъ пріобрѣтенія частнаго права, покупкою, дареніемъ, наслѣдствомъ и т. д., какъ совершается переходъ всякаго права частной соб-

ственности на вещи, и какъ именно совершается переходъ вотчинной власти. Способъ пріобрѣтенія публичной власти долженъ соотвѣтствовать общей установленной системѣ пріобрѣтенія публичныхъ должностей, по непосредственному ли назначенію отъ правительства или по общественному выбору, или по системѣ, смѣшанной изъ обоихъ началъ. Во всякомъ случаѣ, источникомъ власти долженъ быть не частный произволъ и не частный контрактъ, а то или другое начало власти, положенное въ основаніе всей государственной системы. За тѣмъ пользованіе правами власти и исполненіе обязанностей ея должны подчиниться общему контролю и суду, оберегающимъ общество отъ насилія всякой поставленной власти, должны подчиниться наблюденію правительства, отдѣльныхъ лицъ или корпорацій, отъ которыхъ зависѣло самое назначеніе, всѣмъ существующимъ органамъ общественнаго мнѣнія и наконецъ болѣе всего гражданскому и уголовному суду. Никакая публичная власть не можетъ быть исключительно подчинена только нравственнымъ побужденіямъ собственной совѣсти лица, держащаго власть. Наконецъ, пространство дѣйствія всякой публичной власти не можетъ обусловливаться пространствомъ дѣйствія частнаго права: фабрикою, вотчиною и т. д., то-есть границами какой бы то ни было частной собственности, границами, зависящими отъ вкуса, расположенія и произвола частнаго лица. Предметъ, на который дѣйствуетъ публичная власть, не есть вещь или неодушевленная природа, а общество людей, общественные интересы, сосредоточеніе которыхъ къ тому или другому центру не можетъ зависѣть отъ частнаго произвола одного человѣка, а должно зависѣть отъ всей совокупности движенія государственной и общественной жизни. Всякій органъ публичной власти есть только звѣно въ общей системѣ управленія: онъ можетъ имѣть силу и значеніе, только дѣйствуя въ связи со всѣми другими звеньями. Само собой разумѣется, что эта связь вовсе не нуждается въ какой-либо искусственной централизаціи и симметріи, которыя

могутъ своею наружною правильностью заслонить самое крайнее внутреннее противорѣчіе и распаденіе отдѣльныхъ частей. Но эта связь необходимо требуетъ одного всепроникающаго начала, *общаго закона*, одного всеобщаго отношенія подданныхъ къ государственной власти, соединяющаго людей въ одно цѣлое, въ государство.

Все, что мы сказали, нисколько не противорѣчитъ началу мѣстнаго *самоуправленія*, такъ назойливо просящему себѣ мѣсто въ правительственной системѣ всѣхъ государствъ и съ такою силою вступившему въ сознаніе всѣхъ образованныхъ обществъ. Управленіе *вотчинной властью* въ разныхъ ея видахъ не только не препятствуетъ *самоуправленію*, но оно даже совершенно необходимо для того, чтобъ эта система могла быть примѣнена съ успѣхомъ и безъ опасности для государства. *Самоуправленіе* не есть *самоуправство*. Самоуправленіе подчиняется общему для всѣхъ подданныхъ закону и суду: оно основывается на взаимномъ соприкосновеніи всѣхъ мѣстныхъ интересовъ страны; оно не зависитъ неограниченно отъ личнаго произвола каждаго сильнаго человѣка, оно не основано исключительно на личныхъ его интересахъ, какъ *самоуправство*. Вотчинная же власть есть самоуправство и потому сама требуетъ бюрократическаго надзора за собою; она не только не способна быть органомъ самоуправленія страны, но дѣлаетъ невозможнымъ настоящее самоуправленіе и вызываетъ преобладаніе бюрократіи. Съ другой стороны, и вотчинникъ, и бюрократъ могутъ быть одинаково самовластны и самоуправны, а всего труднѣе быть самовластнымъ и самоуправнымъ публичному органу самоуправленія, то-есть авторитету, свободно выросшему на почвѣ частной жизни народа, возникшему изъ игры всѣхъ мѣстныхъ и частныхъ интересовъ общества и подчиненному этимъ интересамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ общей системѣ и отвѣтственности публичной власти. Если мы взглянемъ на Англію, гдѣ самоуправленіе достигло высшаго и самаго правильнаго развитія, то увидимъ, что [illegible]

всѣхъ другихъ странъ, были упразднены всѣ права вотчинной власти землевладѣльцевъ надъ населеніемъ ихъ помѣстьевъ; напротивъ того въ Пруссіи, какъ и во многихъ земляхъ Германіи, притязанія закоренѣлыхъ въ своихъ понятіяхъ дворянъ — юнкеровъ — на судъ и полицію въ своихъ имѣніяхъ долго затрудняли образованіе самоуправленія, несмотря на то, что къ нему весьма склоненъ духъ личной независимости германскаго народа. Привилегіи вотчинной власти, домашней полиціи и домашняго суда несовмѣстимы съ первыми непремѣнными условіями всякой системы самоуправленія; эта система именно имѣетъ своимъ основаніемъ не единицы частнаго владѣнія, а цѣлыя естественныя группы народонаселенія и земельныхъ владѣній, она возникаетъ именно не изъ личныхъ, случайныхъ, преходящихъ отношеній одного человѣка къ другому, а изъ взаимныхъ постоянныхъ отношеній всего мѣстнаго народонаселенія. Авторитетъ вотчинника основанъ на насильственной, искусственно навязанной зависимости отъ него нѣсколькихъ единицъ, десятковъ или сотенъ семействъ, случайно живущихъ въ его имѣніи или подлѣ его имѣнія; авторитетъ землевладѣльца, облеченнаго въ публичную должность, основанъ на естественной обоюдо-выгодной связи интересовъ всего мѣстнаго народонаселенія съ интересами всѣхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ.

Именно въ томъ коренномъ разладѣ, въ которомъ находятся всѣ права вотчинной власти, административныя, полицейскія и судебныя, съ необходимыми условіями самоуправленія, заключается первый и главный вредъ этихъ правъ для истинныхъ интересовъ самихъ высшихъ классовъ. Въ системѣ самоуправленія, которое рѣшительно невозможно при существованіи вотчинной полиціи, вотчинной расправы и вотчиннаго суда, въ исполненіи различныхъ должностей, связанныхъ съ этою системою, начиная съ мѣстныхъ административныхъ, полицейскихъ и судебныхъ и восходя до высшихъ ступеней государственнаго самоуправленія, находятъ обра-

зованные землевладѣльцы такое удовлетвореніе всѣмъ своимъ естественнымъ наклонностямъ и потребностямъ власти, вліянія и честолюбія, какого они никогда не могутъ найдти въ тѣсныхъ предѣлахъ своихъ вотчинъ. Ограничиваясь пока мѣстнымъ или провинціальнымъ самоуправленіемъ, сравнимъ общественное положеніе и власть англійскаго мироваго судьи съ положеніемъ и властію вотчинника, приводящаго въ трепетъ населеніе своего имѣнія или призывающаго на помощь своего гаснущаго авторитета скудныя силы мѣстныхъ чиновниковъ и полицейскихъ служителей. Первый творитъ судъ и правду, наблюдаетъ за хозяйствомъ, кладетъ основаніе благотворительныхъ учрежденій цѣлой области; онъ опирается въ своихъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ на силу земледѣльческаго класса всей области, онъ почерпаетъ свои силы изъ той неизбѣжной нравственной и умственной зависимости, въ которой находятся всѣ низшіе классы страны отъ высшихъ, то-есть образованныхъ и достаточныхъ ея классовъ; онъ найдетъ въ случаѣ надобности содѣйствіе и помощь въ общественномъ мнѣніи страны, въ лучшихъ представителяхъ ея умственныхъ и нравственныхъ потребностей, въ союзѣ всего земледѣльческаго населенія. Соблазнительна ли подъ такого землевладѣльца, облеченнаго въ публичную должность, вотчинная власть помѣщика? Можно безъ преувеличенія сказать, что она исключительно опирается на матерьяльную силу или на болѣе или менѣе ловкія сдѣлки съ мѣстною бюрократіей. Она можетъ быть безпредѣльна лишь въ удовлетвореніи грубыхъ инстинктовъ самовластія и жестокосердія, личныхъ порывовъ мести, досады и барской спѣси, но она совершенно немощна для доставленія своему обладателю уваженія сосѣдей и подвластныхъ ему людей и серіознаго вліянія на вопросы и интересы мѣстности. Далѣе вотчинныя права разобщаютъ между собою землевладѣльцевъ, дробятъ ихъ по единицамъ владѣнія, и лишаютъ ихъ того единства, которое для нихъ совершенно необходимо, какъ для охраненія своихъ интере-

сонъ, такъ и для успѣха всякихъ предпріятій совокупною силою. Этотъ недостатокъ единства чувствуется всегда въ сословіи привилегированныхъ вотчинниковъ; сами сознавая свою слабость, они тщетно ищутъ ея причинъ то въ однихъ, то въ другихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ: не обстоятельства, не случайности, не недостатокъ въ характерахъ и личностяхъ и не политическія условія быта всей страны лишаютъ ихъ силы и возможности дѣйствовать, въ случаѣ надобности, сообща и съ нужнымъ согласіемъ, а условія собственно ихъ быта, обвѣтшалыя формы вотчинной власти, въ которыхъ заржавѣла вся ихъ энергія, и въ которыхъ спутаны всѣ ихъ начинанія. Вооруженные своими вотчинными правами, они сидятъ каждый въ предѣлахъ своего помѣстья и наслаждаются полнотой своей власти, питая совершенное равнодушіе къ общимъ дѣламъ своего собственнаго сословія; отталкивая отъ себя безсмысленною спѣсью лицъ другихъ сословій, а между собою соперничая хвастовствомъ и тщеславіемъ, они не могутъ найдти никакой живой силы, которая бы соединила ихъ между собою и съ интересами остальнаго народонаселенія. Между тѣмъ, люди благовоспитанные и образованные изъ ихъ числа, безъ всякой подкладки вотчинной власти, нашли бы если не преданія прошедшаго, то идеи съ предчувствіями лучшаго будущаго, на которыя бы дружно отозвались лучшіе люди и въ ихъ собственной средѣ, и вокругъ нея. Наконецъ, заботы вотчинной власти и суровыя обязанности, съ нею соединенныя, отвлекаютъ помѣщичій классъ отъ болѣе существенныхъ занятій по улучшенію ихъ хозяйства, сообразно современнымъ успѣхамъ земледѣлія, и нравственно развращаютъ и растлѣваютъ воспитаніе новыхъ поколѣній.

Такъ всѣ искуственныя привиллегіи обращаются противъ самой аристократіи, противъ ея собственныхъ интересовъ.

Но независимо отъ частныхъ неудобствъ каждой отдѣльной искуственной привиллегіи для интересовъ аристократіи, вся совокупность ихъ, весь характеръ искус-

ственной правительственной привиллегіи противоположенъ истинному аристократическому началу. Всякая искуственная привиллегія, идущая наперекоръ условіямъ свободнаго развитія общества, не усиливаетъ аристократію, а ослабляетъ ее, ибо ставитъ ее въ положеніе зависимости, подчиненности, въ отношеніи къ рукѣ, дающей и поддерживающей привиллегію. А сущность всѣхъ преимуществъ аристократіи заключается въ ея независимости. Въ независимости положенія вся выгода человѣка, пользующагося какимъ-нибудь преимуществомъ въ обществѣ. Независимость, сообщенная искуственною привиллегіей, только кажущаяся; она дѣлаетъ независимымъ отъ окружающей общественной среды, но ставитъ въ зависимость отъ произвола администраціи, ея соображеній и надобностей. Эти соображенія и надобности чрезвычайно измѣнчивы, онѣ зависятъ отъ временныхъ и преходящихъ нуждъ государства и политики, отъ лицъ болѣе или менѣе расположенныхъ къ аристократіи сочувствій государственныхъ людей. Зависимость отъ общественной среды, отъ преобладающихъ въ ней стремленій и сочувствій гораздо легче, ибо въ основаніи всѣхъ этихъ стремленій и сочувствій лежатъ общественные, нравственные и экономическіе интересы, которые постоянны, упорны, и посреди которыхъ образованная и богатая группа людей есть всегда сила.

Нѣтъ страны и народа, нѣтъ такого общественнаго слоя, — какъ бы первоначально ни были мало развиты ихъ потребности и вкусы, — въ которыхъ было бы совершенное отсутствіе инстинктовъ къ усовершенствованію своего нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія, а при малѣйшемъ ихъ пробужденіи, при малѣйшемъ обнаруженіи притягательной силы къ промышленнымъ предпріятіямъ, къ образованности и наукѣ, къ гражданской и политической самостоятельности, люди непремѣнно группируются около капитала, одушевленнаго нѣкоторою промышленною смѣлостію, около науки, стремящейся къ распространенію свѣдѣній полезныхъ въ жизни, около

школы и около усовершенствованнаго хозяйства, около проповѣди, отводящей душу страждущихъ и обращающейся къ идеальнымъ порывамъ, не находящимъ себѣ удовлетворенія въ чертвои дѣйствительности, наконецъ около искусства оградить слабаго отъ насилія сильнаго, примирить распрю, устроить общественное дѣло, соединить въ правильное разумное движеніе волнующіяся страсти, безотчетные взрывы негодованія, разныя наклонности общественнаго мнѣнія, *около суда и расправы, около опытныхъ публичныхъ и политическихъ дѣятелей.* Но и фабрика, и школа, и образцовое хозяйство, и проповѣдь, и судъ, и публичный дѣятель, только тогда пріобрѣтаютъ силу и авторитетъ, когда всѣ они дѣйствуютъ единственно подъ вліяніемъ собственныхъ внутреннихъ побужденій,—промышленной прибыли, вкуса къ сельскому хозяйству, любви къ знанію и образованности, религіознаго вѣрованія, голоса совѣсти и правды, политическаго убѣжденія, — когда они сильны только силой капитала земли, науки, религіи, справедливости, нравственной самостоятельности. Привиллегированныя (или такъ называемыя у насъ казенныя) фабрика, школа, хозяйство проповѣдь, политическая дѣятельность, не могутъ имѣть такой силы; ибо людей, имъ служащихъ, руководятъ не тѣ самыя побужденія, которыя общи всей окружающей средѣ; въ основаніи ихъ разсчетовъ лежатъ не тѣ же самые шансы успѣха, которые одинаково можетъ имѣть каждый изъ непривиллегированныхъ; они *заподозрѣны* въ своей чистотѣ даже въ то время, когда, по счастливому стеченію обстолтельствъ, они совершенно чисты и передъ своею привиллегіей, и передъ своею совѣстію. Толпа всегда слишкомъ расположена перенести свое уваженіе съ лучшаго въ околоткѣ товара на его производителя, самого фабриканта; толпа всегда слишкомъ расположена перенести свое уваженіе съ полей, не знающихъ неурожаевъ, съ пастбищъ, на которыхъ гуляетъ скотъ необычайныхъ качествъ, на ихъ владѣльца; толпа всегда расположена, услыхавъ живую проповѣдь о любви къ ближ-

нимъ и кротости, вѣрить въ присутствіе этой любви и кротости въ самомъ проповѣдникѣ и чтить его; толпа всегда расположена слѣпо подчиниться человѣку, смѣло и сочувственно отзывающемуся на ея порывы, бодро захватившему въ свои руки распоряженіе дѣломъ, для котораго нуженъ распорядитель; толпа даже расположена видѣть и въ ихъ дѣтяхъ, и въ ихъ близкихъ что-то особенное, что-то имѣющее право на власть и авторитетъ, и свято хранить въ своей памяти преданіе, соединяющее нѣсколько поколѣній около одного дѣла, около одной мысли. Но толпа также сильно расположена переносить свое неуваженіе къ привиллегированному товару на самого фабриканта; злобно смотрѣть на обладателей полей, пріобрѣтеніе которыхъ отмѣчено привиллегіей, не довѣрять проповѣднику, когда онъ только одинъ можетъ проповѣдывать; быть равнодушною и насмѣшливою къ внѣшнимъ украшеніямъ преданія, ей совершенно невѣдомаго, почерпнутаго изъ источниковъ, для нея не существующихъ. И это глумленіе, и это подозрѣніе, и это равнодушіе одинаково властвуютъ надъ соображеніемъ толпы, хотя бы привиллегированному хозяину удалось произвести дѣйствительныя чудеса хозяйства; привиллегированному публичному дѣятелю сотворить дѣйствительно доброе дѣло. Всѣ эти люди не независимы; они принадлежатъ не обществу, а своей привиллегіи. Потому и своего авторитета, своего вліянія, своей власти они должны искать не у общества, а у своей привиллегіи, у власти, поддерживающей привиллегію, и раздѣлять скоротечную участь всѣхъ искусственныхъ привиллегій.

Отъ искусственныхъ попытокъ замкнуть аристократію мы переходимъ къ различнымъ политическимъ системамъ, стремящимся, путемъ различныхъ государственныхъ мѣръ и учрежденій, пресѣчь неравномѣрное распредѣленіе благъ въ человѣческихъ обществахъ, такъ или иначе *устроить*, съ помощію закона, искусственно или на-

ственно—*равенство*. Мы взглянемъ на это направленіе только въ самыхъ общихъ чертахъ его характера, не вдаваясь въ частныя его проявленія и доктрины: для насъ достаточно выставить только *сущность* начала, которое принимало и принимаетъ самыя разнообразныя формы и перерождается въ такія организаціи, которыя нерѣдко встрѣчаются между собою въ жизни, повидимому, какъ совершенно враждебныя между собою направленія.

Искусственно-демократическое направленіе, взятое во всей своей общности, стремится, съ одной стороны, стѣснить *орудіями государственной власти* пользованіе разными духовными и матерьяльными преимуществами, выпавшими, въ историческомъ развитіи общества, на долю нѣкоторыхъ его группъ или членовъ, и, съ другой стороны, доставить *силою той же государственной власти* пользованіе этими преимуществами людямъ, еще не пріобрѣтшимъ ихъ въ силу историческаго развитія, такъ-называемой массѣ народа, создать для нея государственный фондъ матерьяльнаго и духовнаго богатства, который бы не зависѣлъ отъ частнаго произвола, и изъ котораго она могла бы постоянно получать даровыя средства для своего благосостоянія. Таковы всѣ государственныя мѣры, запрещающія титулы или историческія семейныя воспоминанія и преданія; таковы таксы на разные предметы потребленія, устраняющія выгоды капитала и богатства и облегчающія пріобрѣтеніе этихъ предметовъ для массы людей недостаточныхъ; таковы государственныя мастерскія и работы, предпринимаемыя для того, чтобы занять людей, не имѣющихъ дѣла; таковъ прогрессивный налогъ, въ томъ случаѣ, когда онъ установленъ съ цѣлію противодѣйствовать возрастанію частныхъ богатствъ; таковы разныя государственныя учрежденія для публичнаго воспитанія, съ запрещеніемъ всякихъ частныхъ заведеній и способовъ преподаванія, съ цѣлію поставить даровое воспитаніе въ распоряженіе всего народа и противодѣйствовать преимуществамъ воспитанія, возникающимъ изъ неравенства богатства, семейныхъ обстоятельствъ, преданій и обще-

ственнаго положенія; таковы, въ видахъ устраненія сельскаго пролетаріата или батрачества, запрещенія раздроблять крестьянскую поземельную собственность ниже извѣстныхъ размѣровъ, *minimum* крестьянской собственности, обязательное надѣленіе всѣхъ членовъ сельскаго населенія землею и съ этою цѣлію, какъ необходимое послѣдствіе, сохраненіе извѣстнаго количества земли въ вѣчной собственности государства или казны, и проч. [1]). Мы не можемъ и не имѣемъ надобности исчислять всѣ государственныя учрежденія и мѣры съ искусственно-уравнивающимъ характеромъ, или всѣ формы, въ которыхъ онъ проявляется и пытается проявиться; мы указали только на самыя обыкновенныя. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ дѣйствительности бывали, и зарождались въ умахъ государственныхъ людей и мыслителей такіе смѣлые, такіе рѣшительные планы искусственнаго уравненія, которыхъ невѣжеству или чудовищности могутъ позавидовать и самыя смѣлыя попытки искусственной аристократіи. Общая цѣль всѣхъ такихъ государственныхъ мѣръ и учрежденій — собрать около государственнаго центра запасъ богатства, кредита, образованности, и оттуда раздавать всѣ эти нравственныя и матерьяльныя блага большинству людей нуждающихся, такъ-называемымъ массамъ народнымъ, поставленнымъ въ печальную зависимость отъ частныхъ людей, богатыхъ, значительныхъ, предпріимчивыхъ. Средствами къ этой цѣли представляются: возможно-большее подчиненіе частной дѣятельности правительственному надзору, частной промышленности государственному хозяйству, централизація и государственная опека надъ частными лицами. Такимъ характеромъ запечатлѣны всѣ столь знаменитыя идеи революціонной демократіи, а равно и всѣ *idées napoléoniennes*. Проявленія искусственно-уравнивающей политики или такъ называемаго государственнаго соціализма весьма разнообразны, но сущность и результатъ ихъ одни и тѣ

---

[1]) Никакъ не слѣдуетъ смѣшивать со всѣмъ этимъ чрезвычайныхъ мѣръ, принимаемыхъ въ случаяхъ народныхъ бѣдствій.

же въ дѣйствіяхъ людей и правительствъ, повидимому совершенно между собою не сходныхъ.

Всего лучше выставляется это направленіе политики въ народномъ образованіи и воспитаніи. Въ воспитаніи лежитъ самый первоначальный корень разнообразія и различія людей; всѣ сколько-нибудь послѣдовательные въ своихъ воззрѣніяхъ управители древнихъ и новѣйшихъ временъ очень хорошо это понимали, и потому всѣ ихъ усилія сосредоточивались преимущественно на воспитаніи. Такъ дѣйствовали они въ Спартѣ, такъ дѣйствовали и объ имперіи во Франціи, гдѣ частное воспитаніе было подавлено, а офиціальное отдано въ распоряженіе католическаго духовенства и воинаго духа, двухъ главныхъ опоръ власти Наполеонидовъ. Частное воспитаніе, домашнее и публичное, питается преданіями, нравами и обычаями народа, которые упорно держатся въ извѣстныхъ семействахъ, родахъ, мѣстностяхъ, общественныхъ кругахъ, не быстро переходятъ отъ одного класса общества въ другой и не быстро въ нихъ обобщаются; успѣхи частнаго воспитанія хотя самымъ прочнымъ образомъ поднимаютъ общій уровень народной образованности и цивилизаціи, или, лучше, только они и способны его поднять, но эти успѣхи медленны, они не подвластны ни волѣ правителей, ни сангвиническимъ требованіямъ нетерпѣливыхъ просвѣтителей народа. Свободное публичное воспитаніе со всѣми своими органами: университетами, публичными курсами, журналами и литературой и т. д., такъ же могущественно распространяетъ образованность и нравственныя понятія въ массахъ, но такъ же весьма прихотливо въ своихъ проявленіяхъ и результатахъ, такъ же не терпитъ офиціальности и однообразной казенной формы и никакъ не поддается регламентамъ, никакъ не можетъ обезпечить постоянное и періодическое заготовленіе образованныхъ и благовоспитанныхъ людей въ такомъ-то количествѣ, заранѣе опредѣленномъ волею законодателей; кромѣ того оно также, въ извѣстной мѣрѣ, держится преданій мѣстности и классовъ народа, не быстро

ихъ обобщаетъ, и творитъ личные характеры, выходящіе изъ того уровня понятій, на которомъ желательно было бы держать всю массу общества. Потому нѣкоторымъ умамъ и правителямъ казалось проще — узаконить самый уровень народнаго воспитанія, собрать около государственнаго центра умственныя силы страны и придать имъ официальный характеръ, запереть свѣтъ науки въ казенныхъ резервуарахъ знанія, отпускать оттуда стихію воспитанія въ узаконенной нормѣ и пропорціи всѣмъ и каждому, сдѣлать это продовольствіе знаніе даже обязательнымъ и наконецъ «*единообразить*» всѣ разнообразные плоды частнаго воспитанія. Этою искусственно-демократическою идеей уравненія народнаго воспитанія воспользовались, какъ всегда бываетъ, государственные люди, собственно преслѣдующіе не идею, а то, что̀ есть въ ней выгоднаго для личныхъ интересовъ власти и инстинктовъ самовластія. Такимъ образомъ мы видимъ цѣлыя группы казенныхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ официальный характеръ и система *единообразія* дѣйствительно достигли своего апогея, но къ сожалѣнію эти заведенія нисколько не служили ни успѣхамъ народнаго просвѣщенія, ни прочности порядка, къ которому они внушаютъ отвращеніе.

Уже въ самомъ корнѣ своемъ это начало искусственнаго уравненія общества совершенно ложно; сколько-нибудь послѣдовательное осуществленіе его совершенно немыслимо. Богатство или блага жизни, нравственныя и матеріальныя, создаются не предписаніемъ закона, а трудомъ, усиліемъ частныхъ лицъ. Потому, чтобы возвигнуть этотъ государственными, даровой фондъ для массы народа, необходимо заставить трудиться надъ нимъ тѣхъ же самыхъ частныхъ людей; но единственный двигатель труда есть личная воля; свобода распоряженія направленіемъ и результатомъ личнаго усилія есть необходимое условіе производства благъ, и матерьяльныхъ, и духовныхъ. Для матерьяльнаго богатства это очевидно; но и для духовнаго то же самое, и еще въ высшей сте-

ніи. Неужели возможно предполагать, что труды геніальныхъ ученыхъ, публицистовъ, поэтовъ могутъ дать тѣ же самые результаты, когда они работаютъ по своему личному произволенію и вдохновенію, совершенно свободно располагая и своими мыслями, и плодами своихъ мыслей, и когда ихъ дѣятельность подчинена извѣстному, извнѣ навязанному имъ плану, когда они обязаны служить своею мыслію извѣстной, извнѣ опредѣленной цѣли и въ извѣстныхъ, извнѣ опредѣленныхъ границахъ, отказываясь отъ своей личности въ томъ самомъ, что должно исходить изъ глубины ея? Надъ дѣйствіями еще можно установить контроль и опеку, но какой контроль возможенъ надъ тѣмъ, что таится въ глубинѣ человѣческой души, надъ сокровеннымъ движеніемъ мысли, надъ священною тайной вдохновеннаго творчества? Казна такой же дурной хозяинъ въ производствѣ умственнаго богатства, какъ и матерьяльнаго; и здѣсь, какъ и тамъ, неизбѣжна такая же безсмысленная трата силъ, капиталовъ и труда; никакъ нельзя придумать устройства такой казенной фабрики, которая бы изготовляла образованность и воспитаніе въ размѣрахъ, могущихъ насытить потребности всего народонаселенія, и которая такимъ образомъ противодѣйствовала бы неравномѣрному ихъ распредѣленію въ разныхъ группахъ общества. Затѣмъ, когда, въ видахъ уравненія нравственнаго благосостоянія народа и обезпеченія масъ противъ нравственныхъ преимуществъ образованнаго класса, источники духовнаго богатства захватываются въ одни руки и сосредоточиваются къ одному центру, у котораго всѣ разнообразные плоды свободнаго воспитанія подводятся подъ одну мѣрку, когда, одними словомъ, казна или государственный центръ, гдѣ бы онъ ни лежалъ въ данную эпоху, налѣво или направо, дѣлается исключительнымъ производителемъ знанія, воспитанія, образованности, монополистомъ мысли, слова, убѣжденія, тогда такая патентованная гражданская образованность принимаетъ непремѣнно какую-нибудь одну постоянную норму, со-

отвѣтствующую убѣжденіямъ и возрѣніямъ людей, стоящихъ подлѣ центра. Между тѣмъ сущность, начало жизни человѣческой мысли (а съ нею и воспитанія, и науки, и образованности, и искусства) заключается въ вѣчномъ, непрестанномъ ея движеніи и видоизмѣненіи; только тогда человѣческій духъ можетъ дать какіе-нибудь плоды въ дѣлѣ науки, искусства, человѣческой культуры или цивилизаціи, когда онъ не связанъ никакимъ заданнымъ извнѣ урокомъ, когда онъ можетъ свободно устремляться по всѣмъ направленіямъ; дать патентованную норму проявленіямъ человѣческаго духа, хотя бы эта норма соотвѣтствовала самымъ передовымъ, самымъ свѣтлымъ возрѣніямъ данной эпохи, значитъ остановить духъ человѣческій въ его развитіи.

Въ кругу собственно народнаго хозяйства или промышленной, матерьяльно-производительной жизни народа, всякая попытка искусственнаго государственнаго уравненія состояній есть совершенный оптическій обманъ, который можно раскрыть при самой блестящей и соблазнительной ея обстановкѣ. Поземельная собственность есть, какъ извѣстно, самое аристократическое имущество: она творитъ самыя завидныя преимущества и самое выпуклое общественное неравенство; сконцлясь въ рукахъ немногихъ лицъ, она дѣлаетъ большинство гражданъ людьми безземельными. Видя, что полная коммерческая свобода поземельной собственности и затѣмъ возможно большее раздробленіе ея оказываются весьма недостаточною гарантіей противъ золъ сельскаго батрачества, которое, къ сокрушенію, явилось (напримѣръ во Франціи) въ средѣ самихъ крестьянъ-собственниковъ, нѣкоторые нетерпѣливые люди пришли къ мысли, что надобно дѣйствовать искусственными средствами противъ размноженія класса людей безземельныхъ и малоземельныхъ. Свободная ассоціація земельныхъ участковъ и возникновеніе естественнымъ путемъ свободнаго соглашенія или товарищества мелкихъ землевладѣльцевъ или общинной поземельной собственности — единственной прочной экономической

гарантіи противъ монополіи поземельной собственности - кажутся этой кучкѣ людей, просящихся въ непрошенные благодѣтели человѣческаго рода, путемъ слишкомъ отдаленнымъ, дѣленіемъ слишкомъ медленнымъ, зависящимъ отъ слишкомъ большаго количества экономическихъ и нравственныхъ условій. Проще, казалось бы, объявить огромное пространство земель собственностію государства и отдавать участки земли во временное, пожизненное, даже хотя бы наслѣдственное владѣніе всѣмъ нуждающимся въ землѣ, всѣмъ членамъ этой массы *смирныхъ, посредственныхъ* людей, не имѣющихъ на столько промышленнаго таланта, чтобы накопить собственное, частное имущество. При большихъ запасахъ государственной поземельной собственности казалось бы, что, съ одной стороны, невозможно будетъ сельское батрачество, ибо каждый земледѣлецъ можетъ получить свой пай земли, и отдача земли въ пользованіе уже не будетъ зависѣть отъ произвола частнаго собственника, и съ другой стороны, развязывается гордіевъ узелъ народнаго хозяйства, *поземельная рента* или плата за наемъ земли въ пользу собственника, ибо государство будетъ богато, оно будетъ именно богато обезпеченностію быта большинства своихъ подданныхъ, оно можетъ облагать свою землю самымъ ничтожнымъ налогомъ, никогда не увѣсивъ земледѣльца возвышеніемъ налога, наконецъ благотворительное государство можетъ даже вовсе ничего не брать за пользованіе своею землей, предоставляя всѣ выгоды отъ нея крестьянамъ, на ней поселеннымъ. Вникнемъ ближе въ экономическія отношенія, возникающія изъ такой системы землевладѣнія. Коль скоро право собственности на землю принадлежитъ государству или казнѣ, то это право собственности не можетъ быть только номинальное и безусловно отвлеченное, оно должно же въ чемъ-нибудь обнаруживаться, оно должно же сопровождаться какими-либо видимыми экономическими признаками и послѣдствіями, признаками, которые бы отличали такое *государственное право собственности* отъ экономическихъ признаковъ и послѣд-

ствіи, сопровождающихъ *частное право собственности* на земли, то-есть собственности на землю самихъ земледѣльцевъ, членовъ земледѣльческой общины, или наконецъ постороннято лица, землевладѣльца, помѣщика. Эти специальные признаки и послѣдствія государственной поземельной собственности, составляющіе зерно, *причину, raison d'être*, всей системы, заключаются во-первыхъ въ томъ, что каждый нуждающійся въ землѣ земледѣлецъ получаетъ свои земельный наѣ, что на полученіе наѣ или на земельный надѣлъ имѣютъ право всѣ, кто только дѣйствительно, своимъ собственнымъ лицомъ, занимается земледѣліемъ или пожелаетъ имъ заниматься, и что отъ надѣла устраняются всѣ члены сельскаго населенія, сами не занимающіеся хлѣбопашествомъ. И во-вторыхъ, имѣетъ возрастаніемъ потребности въ землѣ, не возвышается плата за пользованіе ею; арендная плата или вовсе не допускается казною, или установлена ею разъ навсегда, или наконецъ по крайней мѣрѣ на весьма продолжительные періоды; государство именно должно наблюдать за тѣмъ, чтобы даже малоспособный земледѣлецъ не былъ лишенъ земли невозможностію платить за нее высокую наемную плату или оброкъ. Государство, какъ собственникъ земли, не можетъ допустить, чтобы подъ вліяніемъ чьихъ бы то ни было частныхъ промышленныхъ интересовъ, отдѣльныхъ лицъ или общины, покровительствуемый имъ землевладѣлецъ былъ обремененъ высокою платой или рентой за пользованіе землей. Относительно перваго пункта мы скажемъ, что въ данной странѣ или въ данной мѣстности количество земли или можетъ вполнѣ удовлетворять потребности въ ней земледѣльческаго народонаселенія, или нѣтъ; ничего третьяго не можетъ быть. Если земля находится въ такомъ количествѣ, какое потребно для количества людей, занимающихся земледѣліемъ, то каждый земледѣлецъ получитъ для себя нужный участокъ земли покупкою или наймомъ и безъ помощи со стороны государства. Если земли недостаточно, то почему же натура государственной поле-

мельной собственности, въ отличіе отъ частной, такъ эластична, что въ ней всегда будетъ такое количество пасенъ, какое нужно для всѣхъ нуждающихся въ землѣ? Но, говорятъ, государственная земля можетъ дробиться на паи до безконечности, пропорціонально возрастанію народонаселенія и людей, нуждающихся въ землѣ; «можетъ», нѣтъ спора: все дѣло будетъ въ томъ, что земля не будетъ сконцентрироваться въ рукахъ немногихъ лицъ, а будетъ напротивъ дробиться до безконечности; но въ такомъ случаѣ гдѣ же обезпеченность постояннаго, пожизненнаго, даже наслѣдственнаго владѣнія землей, которое признается необходимымъ условіемъ всякаго земледѣлія и даже выставляется какъ таковое самими защитниками системы исключительной государственной поземельной собственности? Является непремѣнною принадлежностію этой системы *переділы* земельныхъ участковъ, переділы краткосрочные, или черезъ продолжительные періоды времени, но во всякомъ случаѣ переділы земли, сообразующіеся съ количествомъ наличнаго земледѣльческаго народонаселенія. Не говоря уже о томъ, что переділы, въ какой бы отдаленный срокъ они ни производились, должны въ эпоху своего совершенія коренньмъ образомъ подрывать всѣ безъ изъятія отдѣльныя хозяйства, установившіяся къ этой эпохѣ, но рано или поздно переділы достигаютъ своего минимума, за которымъ или паи земли, по своимъ малымъ размѣрамъ, уже не обезпечиваютъ насущныхъ нуждъ ни одного крестьянскаго семейства, или же дальнѣйшіе переділы должны навсегда остановиться, и тогда земли по необходимости не достанетъ для всѣхъ въ ней нуждающихся. Система, именно разсчитанная на *вѣчное* застрахованіе сельскаго народонаселенія отъ язвъ пролетаріата, именно разсчитанная на примиреніе вѣковой борьбы капитала съ трудомъ, не можетъ упускать изъ виду этого существеннаго для нея обстоятельства. Но, говорятъ, при системѣ государственной поземельной собственности ею пользуются лишь люди, дѣйствительно занимающіеся земледѣліемъ, а при развитіи частной собственности, земля захваты-

вается людьми, не занимающимися хлѣбопашествомъ, а только пользующимися поземельною рентой, которою они утѣсняютъ дѣйствительныхъ земледѣльцевъ. И потому хотя въ обоихъ случаяхъ будетъ равное количество земли, но въ первомъ будетъ ея болѣе для нуждающихся, ибо они получатъ ее даромъ, а во второмъ, если и получатъ, то за высокую плату ренты. Итакъ мы переходимъ къ борьбѣ съ непомѣрнымъ возрастаніемъ поземельной ренты, т.-е. ко второму преимуществу государственной поземельной собственности, выставляемому ея приверженцами. Поземельная рента есть необходимая, неотъемлемая естественно-экономическая принадлежность всякой поземельной собственности, въ чьихъ бы рукахъ ни были право собственности и право владѣнія; она возникаетъ изъ *различія въ цѣнности земли*, или, что то же, изъ различія въ цѣнности произведеній земли въ *пространствѣ* и во *времени*. Въ нынѣшнемъ году доходъ отъ земли покрываетъ расходы на ея воздѣлываніе и не оставляетъ никакого излишка въ пользу землевладѣльца — ренты не было. Черезъ десять лѣтъ цѣны на хлѣбъ и другія произведенія поднялись, расходы на воздѣлываніе той же самой земли съ избыткомъ покрываются доходомъ — рента существуетъ. Таково возникновеніе ренты отъ различія цѣнности произведеній земли *во времени*. Подъ рѣки лугъ даетъ въ десять разъ болѣе сѣна, чѣмъ на болотѣ, при равныхъ расходахъ на снятіе травы, и посѣянный лугъ даетъ ренту сравнительно съ болотнымъ, на которомъ доходъ только покрываетъ расходы. Таково возникновеніе ренты отъ различія цѣнности земли *въ пространствѣ*. Земля можетъ находиться въ пользованіи самого собственника или быть отдана имъ въ наемъ другому лицу; въ обоихъ случаяхъ она приноситъ ренту: въ первомъ — въ видѣ излишка дохода противъ дохода сосѣда, излишка, поступающаго въ руки собственника въ видѣ или большаго количества денегъ (при продажѣ произведеній земли) противъ количества денегъ, получаемаго сосѣдомъ, или въ видѣ большаго количества произведеній земли (при непосредствен-

ному ихъ потребленію) — это все равно. Во второмъ случаѣ рента является въ видѣ наемной платы, которую оброчникъ или наемщикъ земли платитъ ея собственнику. Собственникъ или хозяинъ земли можетъ не брать наемной платы за свою землю, можетъ отдавать ее въ пользованіе даромъ, но тѣмъ не менѣе рента будетъ существовать и вмѣсто собственника будетъ поступать въ руки дароваго съемщика. При успѣхахъ народнаго хозяйства и возрастаніи народонаселенія доходы отъ всѣхъ вообще земель возрастаютъ, и причины этому очевидны. При государственной поземельной собственности и даровомъ пользованіи ею, если народонаселеніе въ государствѣ возрастаетъ, и народное хозяйство сколько-нибудь преуспѣваетъ, тогда рента существуетъ на казенныхъ земляхъ точно такъ же какъ и на частныхъ, только, вмѣсто того чтобы поступать въ руки собственника, она остается въ распоряженіи людей, пользующихся землею. Теперь, если такое пользованіе сколько-нибудь продолжительно, и если въ качествахъ личныхъ пользователей и качествѣ ихъ земельныхъ наемъ есть какое-нибудь неравенство, — а это неизбѣжно, — то въ доходахъ, получаемыхъ пользователями съ своихъ участковъ, будетъ также *неравенство*. Но явится не одно только неравенство въ выгодахъ и доходахъ. Этого недостаточно. Земледѣльцы, получившіе наи. худшіе по достоинству (мѣстоположенію и плодоносію), становятся совершенно въ такія же отношенія подчиненности и зависимости къ получившимъ лучшіе участки, какъ безземельные крестьяне. батраки, къ крестьянамъ-собственникамъ, къ хозяевамъ. Не одинаковыя декораціи — полуразвалившаяся хата и безплодное поле у обнищалаго найщика — нисколько не перемѣняютъ сущности положенія. Послѣдній будетъ дома и на рынкѣ въ такой же точно зависимости отъ счастливаго наищика, какъ батраки отъ зажиточнаго хозяина, скупившаго большую часть земли въ своей деревнѣ; превосходство послѣдняго, очевидно, не въ томъ, что онъ номинально имѣетъ поземельную собственность, а въ томъ, что онъ обезпеченъ поземельнымъ доходомъ,

можетъ имѣть вліяніе на цѣны земледѣльческихъ произведеній, можетъ наносить невыгодную конкурренцію другимъ крестьянамъ, находиться наконецъ въ болѣе-независимомъ положеніи, чѣмъ батракъ. Всѣми этими выгодами и этимъ превосходствомъ положенія пользуется и счастливый найщикъ, въ сравненіи съ обыкновеннымъ [1]).

Итакъ эта система не достигаетъ ни того, чтобы всѣ члены общества были застрахованы противъ недостатка въ землѣ, ни того, чтобы рента исчезла съ лица земли, и она могла бы повести только къ тому, что недостатокъ въ землѣ окажется ранѣе, потому что земля, обрабатываемая малоспособными людьми, будетъ давать меньше продуктовъ, и если рента, при этой системѣ, будетъ стоять на низкой степени, то выгоду изъ того будутъ извлекать не бѣдные люди въ странѣ, а другія страны, которыя не имѣютъ у себя такой противоестественной системы.

Таковы результаты идеальной уравнительности и минимальной справедливости отношеній при осуществленіи утопическихъ плановъ исключительной поземельной собственности въ рукахъ государства. При развитіи частной поземельной собственности, отношенія представляются въ иномъ видѣ. При частной собственности, *неравенство покупныхъ и наемныхъ цѣнъ на землю, всегда пропорціональное неравенству чистаго дохода отъ нихъ или ихъ качеству и мѣстоположенію, уравниваетъ положеніе всѣхъ покупщиковъ и наемщиковъ земли;* обязанность платить за пользованіе землею превосходнаго качества и превосходной мѣстности большую цифру покупной или наемной суммы (оброка, ренты), чѣмъ съ худшей земли, ставитъ покупщика или наемщика первой точно въ такое же экономическое положеніе, какое имѣетъ покупщикъ или

---

[1]) Все здѣсь сказанное относится только къ государственной поземельной собственности, поставленной *исключительнымъ* основаніемъ всего земельнаго владѣнія въ государствѣ (съ исключеніемъ всякой личной собственности), согласно нѣкоторымъ утопическимъ (соціально-демократическимъ системамъ). Сказаннымъ нисколько не отвергается польза государственныхъ и земельныхъ имуществъ, какъ фонда воспособленія народной нуждѣ въ землѣ, даже постояннаго воспособленія такой постоянной нуждѣ, каковы переселенія изъ густонаселенныхъ краевъ въ менѣе населенные.

немецкій второй. „Дѣйствіе этой уравнивающей силы не можетъ быть распространено на владѣльцевъ государственной земли, которая не можетъ быть оплачиваема въ пользу казны пропорціонально своей цѣнности, потому что тѣмъ самымъ возлагались бы на казну совершенно недоступныя для нея хозяйственныя обязанности: казна должна была бы оцѣнить и безпрерывно переоцѣнивать каждый единичный пай земли, распредѣлять оброки по всемъ пространствѣ государства и измѣнять ихъ, сообразно ежедневнымъ движеніямъ и колебаніямъ цѣнъ на земли. Спрашивается, мыслима ли такая дѣятельность казны и казеннаго управленія? и если мыслима, то не отниметъ ли она у земледѣльцевъ именно ту самую ренту, о которой такъ хлопочутъ, и которая при этомъ порядкѣ вещей поступала бы въ казну? Не будетъ ли государство тяготѣть надъ земледѣльческимъ сословіемъ еще болѣе, нежели богатые земледѣльцы? Между земледѣльцами все-таки будетъ конкурренція, а при этомъ предположеніи вся рента была бы монополизирована въ рукахъ государства. Наконецъ, что государство будетъ дѣлать съ тѣми, кто не станетъ платить оброка, справедливо назначеннаго? Согнать ихъ съ земли? но тогда земля достанется въ руки немногихъ, способныхъ людей, чего разбираемая нами система старается избѣжать. Оставлять ихъ на землѣ даромъ? но это значитъ награждать неспособность и недобросовѣстность, и побуждать всѣхъ къ подражанію неспособнымъ и недобросовѣстнымъ людямъ. Не лучше ли поискать другаго устроенства, которое, не предавая земледѣльческаго промысла въ руки неспособныхъ людей, обезпечило бы земледѣльческому населенію пользованіе рентой? Оцѣнкой и раздачей участковъ можетъ заниматься міръ, община, и въ ея же распоряженіе можетъ поступать плата за пользованіе землей, или рента. „Дѣйствительно, послѣднее возможно. Но въ такомъ случаѣ отдалился отъ насъ право государственной собственности на землю? Собственникомъ дѣлается міръ, община, ибо опредѣленіе ренты и полученіе ея

есть неотъемлемая принадлежность собственника, самый непреложный признакъ права собственности на землю. Собственность коллективная, собственность юридическаго лица возможна. Община, міръ, уже не такое отвлеченное понятіе, какъ государство; для того, чтобы міръ сдѣлался собственникомъ земли, нужно, чтобъ онъ ее пріобрѣлъ или по крайней мѣрѣ согласился, пожелалъ быть собственникомъ. По этому неизбѣжному пути мы приходимъ къ *общинной собственности*, которая въ сущности основана на началѣ товарищества или ассоціаціи, хотя и съ нѣкоторыми существенными отличіями отъ частной компаніи. Противъ *общинной собственности* экономическая наука не можетъ выдвинуть ни одного довода.

Есть, конечно, еще другой исходъ, возможный, изъ того положенія, къ которому привела насъ система государственной собственности и даровато ею пользованія. Противоположности богатства и нищеты, достатка и крайняго разоренія могутъ возникнуть въ странѣ только при нѣкоторыхъ успѣхахъ народнаго хозяйства, возрастаніи народонаселенія и цѣнности земли, но они могутъ и не возникнуть, при совершенномъ промышленномъ и умственномъ застоѣ земледѣльческаго населенія, когда люди, владѣющіе лучшими участками, также мало сумѣютъ извлечь изъ нихъ выгоду, какъ изъ самыхъ худшихъ участковъ; поземельная рента дѣйствительно можетъ почти не существовать на огромныхъ пространствахъ земель, самыхъ разнообразныхъ качествъ, когда умственныя силы всего народонаселенія находятся въ такомъ усыпленіи, что каждый земледѣлецъ, какой бы у него ни былъ клочокъ земли, заботится единственно только о томъ, чтобъ извлечь изъ него достаточно хлѣба для своего годоваго прокормленія, единственно ради обезпеченія себя отъ голода, и никогда не помышляетъ о томъ, что можетъ дать его земля, и что можетъ извлечь изъ него его трудъ, *при лучшей обработкѣ*. Можетъ, наконецъ, возникнуть вопросъ лишь о необходимости обезпеченія или застрахованія, на вѣчныя времена, насущ-

наго хлѣба для сельскаго народонаселенія, объ открытіи лишь способовъ къ его содержанію. какъ содержатся войска, казарменный людъ, воспитательные дома, исправительныя арестантскія колоніи и т. д. Въ этихъ учрежденіяхъ дѣйствительно процвѣтаетъ уравнительность, нѣтъ и помину о преобладаніи богатаго надъ бѣднымъ, о промышленныхъ прибыляхъ, о рентѣ. Дѣйствительно, такое состояніе или просто *прозябаніе* народонаселенія возможно; ему есть примѣры, для него дѣйствительно пригодна государственная поземельная собственность, и нельзя сказать, чтобъ она ему не содѣйствовала. Но неужели въ виду опасности, возникающей при успѣхахъ общественнаго развитія для запоздалыхъ и отсталыхъ членовъ общества, можно обречь все общество на умственный и промышленный застой, на *прозябаніе*? Неужели это прозябаніе на сколько-нибудь разрѣшаетъ задачу человѣческой жизни, задачу освобожденія ея изъ-подъ насильственнаго гнета природы и людей, когда въ этомъ прозябаніи вмѣсто равенства независимости водворяется болѣе или менѣе полное равенство неволи и зависимости? Мы понимаемъ, что въ каждомъ обществѣ есть члены, почему-либо злополучные, и мы вполнѣ признаемъ обязанность общества призрѣвать этихъ больныхъ или разслабленныхъ членовъ. Мы не отвергаемъ палліативныхъ мѣръ филантропіи, даже государственной. Мы вполнѣ сочувствуемъ мысли о государственной поземельной собственности и даровомъ пользованіи ею въ исправительныхъ, пенитенціарныхъ колоніяхъ, въ благотворительныхъ учрежденіяхъ и т. д.: но кому же когда-нибудь могла убыть мысль о распространеніи на массы народа системы содержанія исправительныхъ колоній, странноприимныхъ домовъ и больницъ, о подчиненіи цѣлаго здороваго народонаселенія образу жизни, приличному для воспитательныхъ домовъ и богадѣленъ? Впрочемъ мы здѣсь только мимоходомъ коснулись системы государственной поземельной собственности, на сколько это было нужно намъ для настоящаго времени. Мы предоставляемъ себѣ

когда-нибудь ближе къ нее вникнутъ. при разсмотрѣніи во всей совокупности вопроса о разныхъ началахъ и системахъ поземельной собственности.

Кажущаяся обезпеченность народнаго быта, сопровождающая разные виды искусственной государственной организаціи народнаго хозяйства и народной жизни, выставляетъ смѣлыми государственными организаторами и хирургами какъ превосходство такихъ мѣръ государственной опеки передъ свободнымъ развитіемъ, поражденіемъ будто бы самую крайнюю нищету, подлѣ самыхъ крайнихъ проявленій богатства и роскоши; эта кажущаяся уравнительность общественнаго строя соблазняетъ и нѣкоторыхъ мирныхъ друзей человѣчества, оплакивающихъ печальную зависимость массы смирныхъ и посредственныхъ людей отъ могущества матерьяльныхъ и духовныхъ преимуществъ, возникающихъ въ атмосферѣ свободнаго и естественнаго развитія народовъ. Дѣйствительно то довольство въ удовлетвореніи потребностей, вслѣдствіе самой крайней ихъ неразвитости, то животное прозябаніе, на возможность котораго мы указали какъ на самый благопріятный выходъ изъ системы государственной поземельной собственности и даровато пользованія, есть, при самыхъ благопріятныхъ для организаторовъ обстоятельствахъ, необходимое послѣдствіе всякой искусственной мѣры уравненія путемъ государственной власти или искусственно-демократической политики. Постояннымъ механическимъ удаленіемъ отъ человѣка, съ первоначальной эпохи его воспитанія, всѣхъ явленій жизни, способствующихъ его развитію — слова, свободно произнесеннаго въ разладъ съ понятіями, царствующими въ домашнемъ кругу, кушанья, не входящаго въ составъ однообразнаго домашняго обѣда, знакомствъ, не гармонирующихъ со строгою дисциплиной домашней семьи и т. д.,—однимъ словомъ, подчиненіе человѣка строгой нравственной и тѣлесной дiэтѣ можетъ усыпить всѣ его умственныя способности, и онъ можетъ не чувствовать иныхъ потребностей, кромѣ тѣхъ, которыя внушены и навязаны ему

его воспитателями. Сперва, въ эпоху дѣтства, человѣкъ по необходимости подчиняется такой діэтѣ, вслѣдствіе власти надъ нимъ взрослаго, но потомъ діэтетическій образъ жизни можетъ мало-по-малу всосаться въ его плоть и кровь, и онъ, уже по отсутствію всякаго человѣческаго сознанія, по рутинѣ, останется ребенкомъ до своей смерти. Необычайныя обстоятельства и потрясенія жизни могутъ вывести человѣка, выросшаго подъ присмотромъ такого крайняго попечительства, изъ его умственнаго усыпленія: необычайныя природныя дарованія и энергія могутъ пробиться наружу и заставить человѣка освободиться отъ на него наложеннаго; но можно безъ преувеличенія сказать, что бо́льшая часть людей, состоящая безъ сомнѣнія изъ людей смирныхъ и посредственныхъ, воспитанная по такой системѣ, подчинится и не проснется, а если проснется, то только для того, чтобы накуралесить разныя безтолковщины и произвести безсмысленную смуту въ обществѣ. Что мы сказали объ отдѣльномъ человѣкѣ, то же самое можно отнести и къ цѣлымъ обществамъ людей. Цѣлыя общества людей могутъ быть воспитаны на извѣстной діэтѣ и могутъ надолго подчиниться такому довольству прозябанія: человѣкъ, кромѣ духовной природы, стремящейся къ развитію и движенію, имѣетъ и животную, по существу своему предрасположенную къ косности и прозябанію. Можно съ помощію извѣстной, приспособленной къ тому системы, дать развитіе однимъ только инстинктамъ животной природы. Что можно имѣть такое вліяніе на человѣческія общества, доказываетъ намъ состояніе невольниковъ, у которыхъ наклонности дѣйствительно бываютъ иныя, нежели у людей свободныхъ. И въ обществахъ, содержимыхъ на подобномъ нравственномъ и физическомъ продовольствіи, дѣйствительно могутъ наконецъ раждаться люди, которые не будутъ чувствовать потребности ни въ возвышенныхъ успѣхахъ человѣческаго ума, ни даже въ сколько-нибудь улучшенной пищѣ; будутъ съ тупымъ смиреніемъ жевать свой отрубяный

хлѣбъ и наслаждаться до самозабвенія одурѣющимъ напиткомъ, нисколько не завидуя роскоши искусства, науки и промышленности въ другихъ обществахъ, нынѣ куску ростбифа въ чужихъ желудкахъ, и даже будутъ смотрѣть на всю эту роскошь жизни съ тупымъ равнодушіемъ и презрѣніемъ, предпочитая свое опьяненіе малѣйшему усилію выйдти изъ него. Конечно, мы никакъ не увѣрены, чтобы цѣлыя человѣческія общества, какъ отдѣльныя человѣкъ, могли навсегда остаться въ такомъ довольствѣ пролѣбанія; но они могутъ остаться въ немъ на нѣкоторое время, и даже, при попеченіяхъ сочувствующихъ подобному пролѣбанію друзей человѣчества, могутъ остаться на весьма продолжительное время. Нужны бываютъ тогда особенно счастливыя или особенно печальныя обстоятельства въ жизни народа, столкновенія съ другими народностями, глубокія потрясенія его духа, чтобы дать толчокъ дремлющему его генію и пробудить народное самосознаніе. Но такія судорожныя движенія не легко обходятся живущимъ поколѣніямъ.

Въ самой неразвитой и непробужденной къ самосознанію толпѣ всегда найдется нѣсколько человѣкъ смышленѣе, смѣлѣе, зажиточнѣе, приближе другихъ, и тогда подчиненіе имъ толпы бываетъ самое полное, самое неограниченное. Дѣйствительно, ни въ одномъ образованномъ обществѣ мы не найдемъ такой печальной зависимости умовъ и дѣятельности тысячъ людей отъ удачнаго повышенія голоса, необычайнаго звона монеты, воодушевленной рѣчи, какъ въ толпѣ, въ такъ-называемыхъ народныхъ массахъ, и въ этомъ никакъ нельзя обвинять толпу, изъ этого никакъ нельзя выводить заключенія о ея нравственномъ растлѣніи; ежедневныя гнетъ насущныхъ потребностей воспитываетъ человѣка въ духѣ покорности и подчиненія. Итакъ вотъ къ чему ведетъ это кажущееся механическое равенство. На мѣстѣ его мы находимъ полнѣйшее неравенство свободы человѣческой личности, а равенство свободы, какъ мы уже говорили прежде, есть единственное для

всѣхъ желанное, для всѣхъ людей пригодное благо жизни.

Второй практическій результатъ, постоянно сопровождающій искусственную демократію — это крайнее развитіе административной *централизаціи* и *бюрократіи*. Эти два начала также весьма обманчивымъ образомъ вносятъ равенство въ человѣческія общества. Противодѣйствуя образованію естественныхъ центровъ промышленной и умственной жизни страны, самоуправленію, въ которомъ могутъ получить преобладающее вліяніе естественныя преимущества людей — таланты, воспитаніе, общественное положеніе, семейныя преданія, богатство.— напрягая всѣ свои усилія, чтобы стереть и сломить всякое превосходство и авторитетъ, возникшіе въ игрѣ частныхъ общественныхъ интересовъ, централизація и бюрократія никогда не могутъ вполнѣ достигнуть этихъ цѣлей, уничтожить всякое преимущество географическихъ выгодъ мѣстности, рожденія, воспитанія, личнаго превосходства, богатства, общественной среды, счастія, и только къ естественному неравенству прибавляютъ еще свое собственное, искусственное неравенство и искусственную іерархію правительственной силы. Это послѣднее неравенство, хотя бы оно могло сколько-нибудь успѣшно противодѣйствовать естественнымъ отличіямъ людей, само по себѣ производитъ гораздо болѣе тяжкій гнетъ на общество, чѣмъ эти отличія, ибо оно могущественнѣе и упорнѣе ихъ; оно механически, насильственно закрѣпляетъ людскія отношенія и не заключаетъ въ себѣ тѣхъ естественныхъ, уравнивающихъ силъ, которыя (какъ мы говорили въ предыдущей нашей статьѣ) ежедневно противодѣйствуютъ преобладанію естественной аристократіи. Іерархіи бюрократіи и централизаціи, распредѣляя по своимъ собственнымъ соображеніямъ степень власти и вліянія однихъ членовъ общества на другіе, если и успѣваетъ сколько-нибудь парализировать власть и вліяніе, связанныя съ естественными общественными преимуществами, то въ то же самое время централизація и

бюрократія парализируетъ и то естественное движеніе общественныхъ элементовъ къ разумному уравненію общества, къ уравненію независимости его членовъ, которое непремѣнно сопровождаетъ всѣ успѣхи общества, на пути свободнаго промышленнаго, гражданскаго и умственнаго развитія.

Мы непростительно погрѣшили бы передъ истиной, если-бы въ этомъ *искусственно или ложно-демократическомъ* направленіи не умѣли строго различить тѣхъ, которые добросовѣстно и совершенно благонамѣренно заблуждаются въ пользѣ практическихъ способовъ искусственной демократіи, и тѣхъ, которые пользуются тою же самою механикой, но для своихъ личныхъ видовъ и цѣлей. Первые видятъ передъ собою только цѣль, сочувственную ихъ убѣжденіямъ; вторые видятъ передъ собою только средства, соблазнительныя для ихъ инстинктовъ самовластія или корысти, и не помышляютъ ни о какой цѣли, не имѣя никакихъ убѣжденій. Первые — жрецы ложно-понимаемой идеи, иногда совершенно непричастные ослѣпленію властолюбія, которое, къ несчастію, часто сопутствуетъ этой начальной идеѣ; вторые — жрецы только матерьяльныхъ пружинъ идеи, жрецы механики власти. Къ несчастію, въ практической жизни жрецы идеи, нисколько не подвигая самой идеи, безсознательно обращаются въ служителей механики.

Итакъ все нами сказанное объ искусственной демократіи клонилось къ тому заключенію, что *вмѣсто уравненія она достигаетъ совершенно противоположныхъ результатовъ, что въ интересахъ истинной, разумной, естественной демократіи, должно точно такъ же отказаться отъ искусственныхъ мѣръ уравненія, какъ въ интересахъ разумной, естественной аристократіи, должно отказаться отъ всякихъ искусственныхъ преимуществъ или отличій.* Въ сущности, оба направленія, устремляясь къ совершенно противоположнымъ цѣлямъ, сходятся въ одномъ пунктѣ: *въ невѣдѣніи и непризнаніи естественныхъ законовъ общественной жизни.* Въ естественномъ

процессѣ общественнаго развитія, какъ мы уже видѣли, дѣйствительно возникаетъ неравенство, и въ нѣкоторые моменты развитія и въ нѣкоторыхъ сферахъ народной дѣятельности естественныя преимущества, нравственныя и матерьяльныя, получаютъ чрезвычайное преобладаніе, сокрушительное для истинныхъ друзей человѣчества; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ естественномъ процессѣ сами собою раждаются и съ каждымъ днемъ болѣе растутъ другія силы, уравнивающія общественныя преимущества и могущественно противодѣйствующія ихъ исключительному преобладанію, — публичная жизнь и публичное воспитаніе, независимое общественное мнѣніе и гласность, печать и всѣ способы распространенія и обобщенія знаній, раздробленіе и соединеніе капиталовъ, личный кредитъ и духъ товарищества между членами общества, слабыми въ своей разрозненности и сильными въ своемъ соединеніи, и проч. Всѣ эти силы съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе распространяются въ обществѣ и дѣлаются принадлежностью все большаго и большаго числа людей, стремясь сдѣлаться принадлежностью всѣхъ. Въ предыдущей главѣ, мы въ нѣсколькихъ словахъ останавливались на каждой категоріи этихъ силъ. Всѣ онѣ, какъ мы видѣли, пробуждаются сами собою и обнаруживаютъ свое дѣйствіе медленно, *но неуклонно*, не быстрыми скачками, *но безъ всякихъ внезапныхъ и бурныхъ потрясеній*. Эти потрясенія вносятся въ жизнь только двумя крайними направленіями — искусственною аристократіей и искусственною демократіей, — и больше всего, и прежде всего, бездушною силою невѣжественной бюрократіи, которая, бывъ сама по себѣ непричастна никакому направленію, пользуется для своихъ личныхъ цѣлей то тѣми, то другими средствами, такъ щедро ей вручаемыми со стороны двухъ крайнихъ направленій.

Мы видѣли въ самыхъ осязаемыхъ признакахъ современной жизни, какъ естественныя преимущества людей, безъ всякихъ искусственныхъ привилегій, сохраняютъ свою силу и значеніе и уступаютъ времени, но

упраздняясь, а постепенно *облагораживаясь*, и дѣлаясь болѣе и болѣе доступными для всѣхъ членовъ общества. Чтобы воспользоваться этими естественными условіями, примиряющими между собою два, какъ-будто совершенно противоположныя, начала, каждое изъ нихъ должно рѣшительно отказаться отъ печальныхъ попытокъ пріобрѣсти для себя торжество насиліемъ надъ естественнымъ ходомъ вещей, и каждое должно ожидать несомнѣннаго примиренія съ другимъ началомъ отъ постепенныхъ, но неуклонныхъ успѣховъ времени. Между тѣмъ, путемъ искусственной политики, и аристократическое и демократическое начало, въ своей борьбѣ, только укрѣпляютъ насиліе и наступь на себя противной стороны. Подъ аристократіи, защищающей свои искусственныя правительственныя привиллегіи, свою замкнутость, притязанія и предразсудки касты, сословныя предубѣжденія и разграниченія, свои *вотчинныя* права, мы непремѣнно найдемъ крайнюю административную централизацію и бюрократію, силящіяся поставить искусственныя ограды для защиты массы непривиллегированныхъ людей отъ самовластія и корысти привиллегированныхъ, распространить свою искусственную опеку надъ интересами слабѣйшихъ членовъ общества, вознаградить своими дарами за ущербъ отъ привиллегій, однимъ словомъ, протянуть свою желѣзную руку помощи угнетаемому народу. Подъ притязаній и патиска искусственной демократіи, стремящейся провести свой насильственный уровень надъ всѣмъ разнообразіемъ и неравенствомъ народной жизни, мы найдемъ опять искусственную касту бюрократовъ и блюстителей общественнаго порядка, которая по своей исключительности, нетерпимости и самовластію не хуже всякой сословной касты средневѣковыхъ вотчинниковъ; мы найдемъ наконецъ тутъ же и особую, праздную, для всѣхъ чуждую, для никого не сочувственную знать, искусственно созданную въ центрахъ бюрократіи, для утѣхъ и украшенія досуговъ власти. Такова картина Франціи, создавшей своихъ образцовыхъ жантильомовъ и образцовыхъ бюрократовъ. Такова

нѣкоторая сторона политической жизни Пруссіи, съ ея крауть-юнкерами и канцеляріями. Путь, одинаково чуждый обѣимъ крайностямъ, указываемый самыми здравыми воззрѣніями современной науки и лучшими умами современныхъ политическихъ дѣятелей, путь, признающій естественные историческіе законы развитія человѣческаго общества, представляетъ единственныя, сколько-нибудь прочныя обезпеченія противъ кровавыхъ переворотовъ, политическихъ волненій и насилій съ чьей бы то ни было стороны,—какъ со стороны искусственной аристократіи, такъ и искусственной демократіи.

4.

Гражданская свобода и ея обезпеченія.

Уже по самому здравому смыслу казалось бы, что наиболѣе прочна и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе способна имѣть вліяніе на человѣческія дѣла та *политика*, которая наиболѣе сообразуется съ непреложными, естественными законами развитія человѣка и общества, а не насилуетъ ихъ природы и не задаетъ ей собственныхъ, искусственно-придуманныхъ цѣлей. Чѣмъ болѣе мы будемъ вникать въ практическія послѣдствія такого законодательства и такихъ отношеній власти къ подданнымъ, у образованныхъ народовъ современнаго міра, тѣмъ болѣе мы убѣдимся, что такое направленіе государственной жизни, внутренней и внѣшней, не только есть самое разумное, но и самое практически полезное, самое благопріятное для народнаго благосостоянія и самое умѣренное. Это направленіе политики заключается вообще въ возможно-большемъ *обезпеченіи свободы взаимныхъ между собою отношеній всѣхъ жителей государства отъ насилія и обмана*, въ обезпеченіи свободы всѣхъ проявленій человѣческой дѣятельности, духовной и физической, свободы религіозныхъ убѣжденій или совѣсти, свободы воспитанія, свободы умственнаго и техническаго образованія, свободы

промышленности, торговли и кредита, свободы всякаго соединенія силъ или образованія товариществъ и частныхъ союзовъ и возможно большей свободы всѣхъ общественныхъ группъ и союзовъ по завѣдыванію и управленію своими дѣлами и интересами, — словомъ, *въ обезпеченіи свободы человѣческой личности.*

Полную нравственную и экономическую независимость не въ силахъ дать своимъ подданнымъ никакая государственная власть; такая независимость, какъ мы видѣли, возникаетъ и распространяется въ обществѣ сама собою. Эта независимость, а съ нею и разумное, естественное равенство между членами общества, постепенно возрастаютъ при свободныхъ отношеніяхъ ихъ между собою. Но полную свободу взаимныхъ отношеній можетъ дать только законъ. Въ чемъ же заключается свобода этихъ отношеній, прямо зависящая отъ государственной власти и закона? Она заключается въ освобожденіи отъ всякихъ искусственныхъ привилегій, отъ всякаго насилія и обмана и отъ всякаго ненужнаго вмѣшательства власти въ частныя отношенія людей. Такое обезпеченіе, собственно только *отрицательное*, могутъ дать власть и законъ; если они не могутъ никого сдѣлать богатымъ или нравственно независимымъ, то они совершенно могутъ предоставить каждому употребить по своему произволу всѣ существующія въ обществѣ нравственныя и матерьяльныя средства къ воспитанію, образованію, обогащенію, къ пріобрѣтенію вліянія и авторитета и къ огражденію себя отъ преобладанія могущества и вліянія другихъ.

На почвѣ этого направленія государственной власти и законодательства возникаетъ понятіе, имѣвшее въ сознаніи всѣхъ современныхъ образованныхъ народовъ, — понятіе объ установленіи безусловнаго *равенства гражданскихъ правъ и о равенствѣ передъ закономъ*, или о гражданской полноправности всѣхъ безъ изъятія подданныхъ въ государствѣ. Отсюда очевидно истекаетъ: равенство всѣхъ супружескихъ союзовъ, равенство всѣхъ рожденій, изъ нихъ проистекающихъ, ра-

венство права всѣхъ на воспитаніе свободно избираемыми средствами, равенство правъ на всякаго рода гражданскіе акты, равенство передъ судомъ и полиціей, и равенство передъ фискомъ или казною. Такого рода равенство такъ же чуждо искусственно-аристократическимъ понятіямъ о привилегіяхъ рожденія, воспитанія, суда, уголовнаго наказанія, изъятія отъ податей, какъ и искусственно-демократическимъ понятіямъ объ уравненіи государственною властію воспитанія всѣхъ классовъ общества, о естественномъ правѣ каждаго человѣка на трудъ, о государственныхъ или національныхъ мастерскихъ, о прогрессивномъ налогѣ, о даровомъ кредитѣ и проч.

Таковы задачи, поставленныя тѣмъ направленіемъ политики въ законодательствѣ и управленіи, которое вообще называется *либеральнымъ*; либеральное направленіе, вмѣстѣ съ искусственно-аристократическимъ (феодальнымъ или вотчиннымъ) и искусственно или ультра-демократическимъ, представляютъ собою три главныя струи политическихъ убѣжденій современной Европы и три главныя грани въ политическихъ партіяхъ. Всѣ болѣе или менѣе мелкіе оттѣнки и дѣленія партій могутъ быть подведены подъ эти три существенныя категоріи; самая большая сила вліянія, самая лучшая часть современныхъ политическихъ талантовъ и въ наукѣ, и въ жизни, и наконецъ самые большіе успѣхи въ будущемъ принадлежатъ, очевидно, либеральной партіи (разумно понимаемой). Разумная и искренняя либеральная политика примиряетъ собою всѣ крайности общественныхъ отношеній и столкновенія сословій, и даетъ единственную прочную почву для разрѣшенія общественныхъ или соціальныхъ вопросовъ, поставленныхъ идеями новѣйшаго времени. Она одна въ силахъ обезпечить народы и правителей отъ *реакціи*, которою угрожаютъ феодальныя и вотчинныя притязанія искусственной аристократіи, и отъ *деспотизма* и диктатуры искусственной демократіи, и она одна обезпечиваетъ вѣрное поступательное движеніе народовъ, безъ насильственныхъ переворотовъ. Она видимо присоеди-

имѣть къ себѣ все большее и большее число двигателей изъ двухъ противоположныхъ лагерей [1]); и чѣмъ болѣе эта партія будетъ разрастаться въ обѣ стороны, тѣмъ вѣрнѣе будетъ ея дѣятельность. Дѣйствительно, на либеральной почвѣ и аристократическіе, и демократическіе элементы общества, то-есть естественныя силы, создающія неравенство, и естественныя силы уравнивающія, и *общественныя группы, стремящіяся къ сохраненію пріобрѣтенныхъ благъ, и общественныя группы, стремящіяся къ пріобрѣтенію ихъ*, находятъ для себя мѣсто и примиреніе.

Что совершенно отличаетъ Англію отъ всѣхъ государствъ Европы —это именно то, что въ ней всѣ партіи вышли на эту спасительную нейтральную почву, на которой всѣ онѣ могутъ другъ съ другомъ бороться безъ всякой опасности и для государственной власти, и для народа. Такія опасности — революція, реакція и диктатура — немыслимы въ Англіи, (за исключеніемъ Ирландіи, гдѣ свирѣствуетъ не политическій, а племенной раздоръ). Поле, дѣйствующихъ партій Англіи только слегка, на своихъ крайнихъ оконечностяхъ, окрашено тенденціями феодальными и ультра-демократическими; но увлеченія представителей этихъ тенденцій, возбуждаемыя событіями материка, а не прямо выросшія на классической почвѣ свободы, сами по себѣ не составляютъ никакой тяжести на вѣсахъ общественнаго мнѣнія, а только развѣ дополняютъ собою образцовую коллекцію этой всемірной лабораторіи политическихъ убѣжденій. Повторяемъ, это именно существенная черта политической жизни Великобританіи, въ которой всѣ общественные интересы и политическія стремленія всѣхъ классовъ и группъ народонаселенія безусловно вышли на либеральную почву, и крайніе торіи, представители крупныхъ

---

[1] Этотъ фактъ вѣренъ только относительно большихъ періодовъ времени. Бываютъ, вслѣдствіе какихъ-нибудь исключительныхъ событій, реакціи общественнаго мнѣнія, враждебныя либерализму, какъ теперь.

землевладѣльческихъ интересовъ и собственности, и крайніе демократы, представители неимущаго рабочаго народонаселенія и труда. Всѣ они не иначе принимаютъ споръ и борьбу съ враждующими интересами, какъ на либеральной почвѣ терпимости, миролюбія и законной реформы. До этой великой политической фазы не дорослъ ни одинъ континентальный народъ, какіе бы ни были впрочемъ нравственные и общественные недостатки въ бытѣ англо-саксонскаго племени, и какіе бы великіе общественные идеалы и золотые сны ни носились надъ головами континентальныхъ народовъ. Въ Великобританіи, всѣ политическія брани совершаются подъ открытымъ небомъ общественнаго мнѣнія и опираются единственно на нравственныя понятія и различныя комбинаціи общественныхъ интересовъ; неограниченная свобода этой, по преимуществу, нравственной борьбы открыта для всѣхъ безъ изъятія типовъ общественной жизни, начиная отъ горделиваго потомка феодальныхъ бароновъ до не менѣе горделиваго чартиста или британскаго выродка современной демократіи, подавляющей и подавляемой на континентѣ, а въ Великобританіи либеральной, и потому безопасной и здоровой: неограниченная свобода мысли и борьбы доведена здѣсь до той заповѣдной черты, за которою политическій агитаторъ хватается уже не за оружіе законной и мирной борьбы, а за насиліе, и на которой безоружный констабль останавливаетъ его во имя законнаго порядка. Въ Великобританіи возможны всякія проявленія человѣческаго разума и силы, кромѣ реакціи и революціи, которыя рѣшительно невозможны [1]). Неужели

---

[1] Даже въ Ирландіи, гдѣ идетъ теперь кровавая племенная борьба, и гдѣ почти открытое народное возстаніе, великобританское правительство (почти при единодушной поддержкѣ всѣхъ партій) дѣйствуетъ весьма своеобразно сравнительно съ дѣйствіями другихъ европейскихъ правительствъ въ подобныхъ случаяхъ. При всей энергіи вооруженнаго сопротивленія мятежникамъ и нарушителямъ общественнаго спокойствія, оно оставляетъ въ силѣ и въ точности соблюдаетъ всѣ основные законы, охраняющіе свободу и неприкосновенность личности и дѣятельности мирныхъ гражданъ.

же всего этого мало для истинныхъ друзей человѣчества, неужели всего этого мало, когда черезъ арену даже самыхъ передовыхъ политическихъ обществъ континентальной Европы безпрестанно съ грохотомъ перекочевываютъ опасные приверженцы всякаго тяжелаго и легкаго вооруженія, всякіе искатели диктаторскихъ карьеръ, германскіе юнкера и ученые бюрократы.

Мы обозначили общій характеръ *либеральной* политики, но это еще не значитъ, чтобы съ этимъ направленіемъ не соединялось чрезвычайное разнообразіе какъ въ самыхъ возврѣніяхъ на государство, такъ и въ убѣжденіяхъ относительно практическихъ способовъ къ разрѣшенію политическихъ задачъ, поставленныхъ потребностями современнаго общества. Для насъ достаточно было поставить главныя черты этой политики, такъ существенно важныя, по общему своему направленію, для интересовъ современной аристократіи, которая, подъ угрозою окончательной смерти, или весьма опаснаго недуга, не можетъ не вѣдать условій той почвы, на которой разрѣшаются нынѣ всѣ близкіе для ея существованія вопросы. Мы не обязаны входить здѣсь въ болѣе подробное разсмотрѣніе оттѣнковъ либеральной политики: по тѣмъ или другимъ личнымъ сочувствіямъ, личнымъ интересамъ и темпераментамъ, она можетъ вести къ весьма-различнымъ практическимъ способамъ разрѣшенія вопросовъ дѣйствительности; но въ случаѣ опасности съ двухъ враждебныхъ сторонъ либеральная политика не можетъ не соединить своихъ приверженцевъ подъ одно знамя. Мы хотѣли бы только указать здѣсь, въ кругу разныхъ либеральныхъ политическихъ тенденцій, на *одно направленіе мыслей* (которое мы назовемъ *историко-физіологическимъ*), особенно для насъ сочувственное: оно пробивается наружу въ сознаніи лучшихъ мыслителей нашего времени и особенно отличается своею умѣренностію и миролюбіемъ, при всѣхъ задаткахъ движенія и прогресса. Этому направленію постоянно сла-

рапись слѣдовать и мы, въ обсужденіи нашихъ общественныхъ и государственныхъ вопросовъ, и этому направленію, по глубокому нашему убѣжденію, предвидимъ мы въ Европѣ блестящую будущность, хотя до сихъ поръ оно дѣйствовало лишь инстинктивно, и только въ настоящее время скромно отыскиваетъ путь къ самосознанію въ наукѣ и литературѣ.

Гражданская свобода, сказали мы, не есть еще экономическая и нравственная независимость. Гражданское равенство, или равенство права всѣхъ на гражданскую свободу, есть не что иное какъ равное право всѣхъ стремиться къ возможно болѣе независимому положенію въ обществѣ. Законодательство обязано не препятствовать этимъ стремленіямъ, но оно не въ силахъ по произволу увеличивать число людей независимыхъ. Экономическая и нравственная независимость бываетъ плодомъ личныхъ усилій, и путь для этихъ усилій не можетъ и не долженъ быть предписываемъ. Онъ обусловленъ множествомъ индивидуальныхъ, мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ, которыя безпрерывно измѣняются. Но въ числѣ этихъ условій на первомъ мѣстѣ обыкновенно является опять-таки законодательство, которое, возникши въ отдаленныя времена исторіи народа, когда взаимныя отношенія людей были еще очень неопредѣленны, значительно содѣйствуетъ ихъ опредѣленію и само направляетъ отчасти исторію народа. Законодательство каждаго народа не есть отвлеченное общечеловѣческое право; всякое живое законодательство всегда бываетъ *національно* и отражаетъ на себѣ особенности народной жизни; оно развивается вмѣстѣ съ ними и само отчасти развиваетъ ихъ. Дѣло было бы очень просто, и либеральное направленіе не могло бы даже имѣть оттѣнковъ, еслибы законодательство могло ограничиться установленіемъ абсолютной и идеальной гражданской свободы, издать какой-нибудь *Code Napoléon*, и затѣмъ почить отъ трудовъ своихъ. Въ дѣйствительности такъ не бываетъ. Законодательство не ограничивается однимъ лишь граж-

данскимъ правомъ, но даже и въ самомъ гражданскомъ правѣ каждаго народа есть элементъ, происходящій не изъ одного чистаго общечеловѣческаго понятія о гражданской свободѣ, а также и изъ народныхъ и мѣстныхъ понятій о средствахъ ея осуществленія. Особенно при устраненіи законодательныхъ стѣсненій, препятствующихъ достиженію независимости членами общества, самое воздержное законодательство не можетъ обойтись безъ нѣкотораго вліянія на тотъ путь, которымъ будутъ въ послѣдствіи идти стремленія отдѣльныхъ гражданъ къ пріобрѣтенію независимаго положенія. При законодательныхъ задачахъ такого рода недостаточно руководствоваться одною теоріей о началахъ права, а необходимо сообразоваться съ исторіей и *національною* жизнію.

Понятія объ условіяхъ независимаго положенія вырастаютъ исторически въ сознаніи каждаго народа, и хотя имѣютъ свою общечеловѣческую сущность, но имѣютъ также свои особенности мѣста и времени, которыя законодателю непозволительно не вѣдать и не признавать. Англичанинъ считаетъ себя независимѣе, живя какъ фермеръ на землѣ своего ландлорда, чѣмъ на своей собственной полоскѣ земли, ибо эта полоска, вслѣдствіе тяжкихъ условій поземельной собственности въ Англіи, была бы для его независимости меньшимъ обезпеченіемъ, нежели ферма; лучше сказать, зависимость отъ ландлорда, вслѣдствіе характера англійскаго ландлорда и самаго фермера, менѣе тяжка для послѣдняго, нежели экономическая зависимость, въ которую онъ былъ бы поставленъ пріобрѣтеніемъ своего собственнаго клочка земли. Вслѣдствіе дороговизны земли и условій выгодной ея обработки и вслѣдствіе дешевизны гражданской и политической свободы въ Англіи, пріобрѣтеніе политическихъ правъ обошлось и обходится англійскому крестьянину дешевле, чѣмъ пріобрѣтеніе поземельной собственности, и потому, съ свойственнымъ англо-саксонскому племени здравымъ смысломъ, англійскій крестья-

нинъ покинулъ заботы о поземельной собственности, и издавна сосредоточилъ свои стремленія къ независимости на пріобрѣтеніи политическихъ льготъ. Онъ сдѣлался на землѣ ландлорда хозяиномъ и гражданиномъ болѣе независимымъ и свободнымъ, нежели бы онъ былъ на своей собственной землѣ безъ тѣхъ великихъ обезпеченій, которыя выработалъ для него ландлордъ; такому результату способствовали всѣ вѣковыя, историческія отношенія, въ которыя поставили себя ландлорды къ людямъ, жившимъ около нихъ, и отношенія ландлордовъ къ правительству и администраціи; этому результату способствовали также наклонности всего народонаселенія. *Но все это никакъ не значитъ, чтобы такая форма обезпеченія личной независимости крестьянина была единая и всесовершенная.* Форма, въ которой нашло обезпеченіе для своей независимости земледѣльческое народонаселеніе Англіи, подъ землевладѣльческаго, не значитъ даже, чтобы тѣ же самые земледѣльцы не почли себя еще болѣе счастливыми, еслибъ они могли, сохранивъ всѣ гражданскія и политическія обезпеченія, добытыя нынѣ существующими отношеніями, вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣсти и обезпеченія полной поземельной собственности. Но во-первыхъ англійскіе земледѣльцы пока еще не получили и всей той суммы политическихъ льготъ, какая возможна для нихъ на этомъ самомъ пути, и какую они постепенно пріобрѣтаютъ съ такимъ несомнѣннымъ успѣхомъ. Во-вторыхъ, контрактъ найма земли въ томъ видѣ, какъ онъ развился въ Великобританіи, едвали уже получилъ свою окончательную форму. Устремиться къ новымъ формамъ общественныхъ отношеній, прежде нежели исчерпаны досюльзи всѣ выгоды существующихъ, не въ духѣ и не въ понятіяхъ англо-саксонскаго племени; при томъ же ничего особенно соблазнительнаго и не представляется ему у другихъ народовъ; однако уже и въ Англіи возникло нынѣ движеніе къ измѣненію формъ поземельной собственности. Понятія одного и того же народа измѣняются во времени.

Посмотримъ теперь на французскаго крестьянина. Онъ постоянно стремился къ поземельной собственности, и только въ ней одной могъ онъ получить нѣкоторое обезпеченіе своей независимости: такого обезпеченія не представляли для него ни исторически выработавшіяся отношенія къ нему дворянства, ни исторически выработавшіяся отношенія дворянства къ остальному народу, къ государственной власти и администраціи. Форма аренды не представлялась прочною гарантіей для обезпеченія не только самостоятельности земледѣльческаго класса Франціи, но и для обезпеченія интересовъ самаго земледѣльческаго класса. Французское дворянство, по своему общественному и политическому положенію, не могло дать народонаселенію своихъ помѣстьевъ, подъ контракта аренды, все то, что дало англійское. Нельзя сказать, чтобъ экономическія формы быта французскаго земледѣльческаго народонаселенія, чтобы типъ *собственника-пролетарія*, точно также какъ и *типъ французскаго жанльома*, чуждаго всему у себя дома, были окончательными формами общественныхъ отношеній для самой Франціи. Это впрочемъ никакъ не значитъ, чтобы французскому крестьянину и французскому дворянину было бы лучше, еслибы, при тѣхъ же условіяхъ своей исторіи, первый изъ нихъ не сдѣлался собственникомъ своего клочка земли, второй захватилъ бы себѣ всю землю, и это также не значитъ, чтобы дальнѣйшее развитіе обезпеченія ихъ гражданской и политической самостоятельности заключалось въ заимствованіи формъ англійскихъ отношеній. Въ исторіи, формы экономическихъ, гражданскихъ и политическихъ отношеній не такъ бѣдны и не такъ легко повторяются.

Перенося высказанныя здѣсь понятія на нашу русскую почву, мы точно также должны придти къ заключенію, что узелъ отношеній земледѣльческаго класса къ помѣщичьему долженъ развиваться сообразно съ нашею, а не съ чужою исторіей и съ современнымъ характеромъ этихъ отношеній у насъ. Если бы мы вздумали примѣнить

здѣсь какія-нибудь абсолютныя формы независимости, если бы мы вздумали фантазировать надъ русскимъ обществомъ и русскою жизнію, то мы бы горько ошиблись: вмѣсто того, чтобы къ существующимъ обстоятельствамъ примѣнить наши понятія и дать только возможность отношеніямъ, уже существующимъ, но еще не вполнѣ опредѣлившимся юридически, преобразоваться въ отношенія, болѣе опредѣленныя, мы оторвали бы нашу исторію отъ корней ея: мы не создали бы новыхъ формъ крестьянскаго быта, что невозможно, но перепутали бы существующія, что всегда возможно. Русскій крестьянинъ всѣми своими нравственными и экономическими инстинктами стремится къ положенію *крестьянина-собственника земли;* таковъ доселѣ лучшій типъ русскаго крестьянина, и нельзя сказать, чтобы такое воззрѣніе, инстинктивно таящееся въ душѣ русскаго крестьянина, не было правильнымъ воззрѣніемъ его на свое прошедшее и будущее: оно вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру всѣхъ взаимныхъ отношеній земли, крестьянина, помѣщика и государственной власти. Исторія связала крестьянина съ землею; безумно было бы насильственно разлучать его съ нею. Государственная задача заключается въ томъ, чтобъ *обезпечить, вмѣстѣ съ безусловнымъ освобожденіемъ гражданской личности крестьянина, и не нарушая гражданскихъ правъ помѣщика, окончательное опредѣленіе правъ крестьянина на землю,* помочь развязкѣ исторически-неопредѣленныхъ правъ помѣщика и крестьянина на землю, находящуюся въ неотъемлемомъ пользованіи послѣдняго. Благопріятное разрѣшеніе этой задачи сопряжено съ интересами не только самого крестьянскаго, но и помѣщичьяго сословія. Взять за образецъ (какъ о томъ мудрствуютъ иные наши сеньоры) только одну сторону отношеній англійской аристократіи къ сельскому народонаселенію, только одну сторону обезпеченія самостоятельности этого народонаселенія, когда нѣтъ и тѣни другой стороны обезпеченія, было бы безумно, было бы даже совершенно противоположно самымъ кореннымъ

пониіямъ и самому духу англійской аристократіи. *Англійская аристократія именно всегда стремилась взять на себя какъ можно болье обязанностей и тяостей передъ обществомъ и передъ государственною властью, чтобы пріобрѣсти какъ можно болье выодъ и льготъ, а не стремилась набрать какъ можно болье для себя выодъ и льготъ, чтобъ увеличились потомъ ть обязанности и тяости, которыхъ будутъ отъ ея требовать и общество и государственная власть, и которыя бы только затруднили ея положеніе.* Въ это послѣднее трудное положеніе именно было бы поставлено русское помѣщичье сословіе, еслибы крестьянскому сословію былъ затрудненъ путь къ превращенію неопредѣленнаго права на землю въ опредѣленное и юридически совершенное право поземельной собственности; оно собрало бы вокругъ самого себя столько затрудненій, что для разрѣшенія ихъ не смогло бы отыскать довольно силъ ни въ своемъ настоящемъ, ни въ своемъ прошедшемъ. Мы никакъ не убѣждены, чтобы землевладѣльческій классъ въ Россіи былъ вовсе не способенъ въ будущемъ пріобрѣсти для себя многія выгоды и льготы того положенія и быта, которыя имѣетъ великобританскій землевладѣлецъ, хотя эти выгоды и льготы должны проявиться въ нѣсколько-иныхъ формахъ, нежели великобританскія: такое пріобрѣтеніе было бы одинаково благодѣтельно для интересовъ и крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, и всего общества. Но передѣлать мгновенно свою вѣковую исторію не властно никакое общество и никакое сословіе: при томъ же, вслѣдствіе общественнаго и государственнаго характера русскаго помѣщика, улучшеніе быта будетъ значительно облегчено для него самого, подлѣ крестьянина, обезпеченнаго поземельною собственностью, нежели подлѣ крестьянина, лишеннаго правъ, прежде принадлежавшихъ ему, хотя и не опредѣленныхъ и не совершенныхъ ни въ экономическомъ, ни въ юридическомъ смыслѣ. Наконецъ пріобрѣтеніе крестьянами земли обѣщаетъ матеріальное вознагражденіе для дворянъ, ко-

торые опять, по своимъ хозяйственнымъ обстоятельствамъ, сложившимся издавна, нуждаются въ денежныхъ средствахъ. Итакъ русское общество и государство должны всѣми силами облегчить крестьянамъ переходъ отъ теперешнихъ поземельныхъ отношеній къ праву поземельной собственности; но при этомъ никакъ не можетъ быть нарушено общее начало свободы личности и ея продукта — собственности, иначе средства противорѣчили бы самой цѣли, ибо пріобрѣтеніе поземельной собственности для крестьянина необходимо какъ обезпеченіе его экономической независимости, а не номинально, для того только, чтобы въ оффиціальныхъ статистическихъ таблицахъ показывалось въ собственности крестьянъ столько-то десятинъ земли, ради утѣхи административныхъ соображеній [1]). Необходимо, чтобы крестьянину позволено было знать самому, нужна ли ему земля въ собственность, или нѣтъ, и сколько; чтобы крестьянинъ какъ можно скорѣе вышелъ на этотъ путь, съ того пути, на которомъ не онъ самъ, а другой за него знаетъ (кто бы и каковъ бы ни былъ этотъ другой), что ему нужно и что онъ долженъ дѣлать. Выкупъ крестьянами земли, безъ всякаго насилія къ его исполненію, обезпечиваетъ интересы и крестьянъ, и помѣщиковъ; инициатива, дѣятельность и вліяніе въ этомъ дѣлѣ помѣщичьяго класса, съ обезпеченіями, необходимыми со стороны государства, будутъ первымъ задаткомъ, первымъ шагомъ дворянства на поприщѣ новой гражданской жизни. Взявшись бодро и энергически за это дѣло, призвавъ себѣ на помощь всѣ лучшія свои силы, растрачиваемыя нерѣдко на иныя, менѣе патріо-

---

[1]) Затѣмъ историческое своеобразіе нашего землевладѣнія можетъ выразиться еще ярче въ формѣ *общинной поземельной собственности* (см. выше). Вопросъ объ этой формѣ землевладѣнія, могущей примирить и разрѣшить много экономическихъ противурѣчій жизни, уже давно возбужденный, но все еще не ясно сознается въ обществѣ (общинная собственность не отличается отъ общиннаго пользованія); онъ станетъ у насъ окончательно на очередь съ завершеніемъ послѣдняго періода освобожденія крестьянъ, т. е. съ переходомъ ихъ всѣхъ на выкупъ.

тическія дѣла. русскій образованный классъ можетъ надѣяться на успѣхъ и многихъ другихъ своихъ начинаній.

Способъ воззрѣнія, какимъ мы руководствовались, при сужденіи объ этомъ трудномъ вопросѣ, называемъ мы *историко-физіологическимъ*: онъ пользуется историческимъ положеніемъ, какъ точкою отправленія для разрѣшенія вопроса, но, не довольствуясь никакимъ завершеніемъ историческаго факта, онъ старается открыть въ немъ всѣ тѣ элементы общественной физіологіи, которые, вслѣдствіе однихъ историческихъ обстоятельствъ, *не пришли* къ извѣстному сочетанію, а вслѣдствіе другихъ обстоятельствъ *могутъ къ нему придти*. Въ этомъ *возможномъ* сочетаніи дѣйствительныхъ, данныхъ условій общественной жизни здравая политика должна отыскивать осуществленія своихъ идей. Такая политика также далека отъ грубой теоріи исторически законченныхъ фактовъ (des faits accomplis), какъ и отъ непримѣнимыхъ формулъ отвлеченной политической теоріи.

Различія историческихъ условій жизни народовъ и государствъ вынуждаютъ здравую политику сообразовать съ ними требованія чистаго разума и искать въ данныхъ, а не воображаемыхъ обстоятельствахъ разрѣшенія своей задачи. Мы уже сказали, что сущность этой задачи для единственно-разумной *либеральной* политики нашего времени заключается *въ обезпеченіи свободы личности*. До сихъ поръ мы говорили о необходимости установить въ обществѣ гражданское равенство и о необходимости окружить этотъ законодательный актъ законами, сообразенными съ историко-физіологическимъ изученіемъ данныхъ условій и особенностей народной жизни. Но установленіе гражданскаго равенства *не есть еще обезпеченіе его*, и здѣсь, при вопросѣ объ обезпеченіи гражданскаго равенства, или лучше равнаго права всѣхъ на гражданскую свободу, опять находимъ мы, что либеральное направленіе раздѣляется на многіе оттѣнки. Свобода — одна: это—отвлеченная формула, общая для всякаго человѣческаго общества. Но какъ различны бываютъ способы

пользоваться со дня пріобрѣтенія независимости. такъ бываютъ различны и пути пріобрѣтенія и ограниченія свободы. И если законодательство, при всей своей возможности, болѣе или менѣе вліяетъ на способы пользоваться свободой, то обезпеченіе свободы есть вполнѣ дѣло законодательства. Поэтому-то, говоря вообще о предметѣ либеральной политики, мы употребляли выше выраженіе: *обезпеченіе свободы.*

Переходя теперь къ спеціальному вопросу объ обезпеченіи свободы или о ея гарантіяхъ, мы совершенно вступаемъ на почву государственнаго или правильнѣе публичнаго права. *jus publicum.* Право частное. *jus privatum*, въ обширномъ смыслѣ этого слова, имѣетъ своимъ предметомъ установленіе юридическихъ нормъ, необходимыхъ для того, чтобы свобода одного человѣка не мѣшала свободѣ другаго человѣка, и мы видѣли, что для блага всѣхъ членовъ общества очень важно, чтобъ эти нормы были одинаковы для всѣхъ гражданъ. Но нормы эти могутъ быть нарушаемы; за тѣмъ, чтобъ онѣ не были нарушаемы безнаказанно, блюдетъ государственная власть, вооруженная на этотъ конецъ физическою силою и дѣйствующая посредствомъ многочисленныхъ органовъ. Самое существенное назначеніе государственной власти заключается въ охраненіи права и въ возстановленіи его, въ случаѣ, если оно будетъ нарушено. Но государственная власть дѣйствуетъ противъ нарушителей права посредствомъ людей, которые, какъ люди, могутъ сами нарушать право. Нужны слѣдовательно мѣры, чтобъ этого не было, чтобы блюстители и возстановители закона сами не выходили изъ предѣловъ закона, и эти-то мѣры, устанавливающія гарантіи противъ незаконныхъ дѣйствій со стороны людей, имѣющихъ обязанность блюсти законъ, составляютъ содержаніе публичнаго права.

Обезпеченія законности и свободы, устанавливаемыя публичнымъ правомъ, имѣютъ въ разныхъ странахъ и у разныхъ народовъ наиболѣе разнообразныя формы, но само собою разумѣется, что и въ нихъ не можетъ не

быть чего-либо общаго, чего-либо всюду безусловно-необходимаго, какой-либо сущности, которую всѣ народы могли бы имѣть передъ своими глазами и къ которой бы всѣ могли стремиться, нисколько не нарушая особенностей своего историческаго національнаго развитія Дѣйствительно, мы найдемъ такія общечеловѣческія обезпеченія, и они немногочисленны и весьма просты. Чтобъ указать на нихъ, воспользуемся прекрасною статьей г. Ремюза [1]), весьма близко подходящею къ изложеннымъ нами мыслямъ о гражданской и политической свободѣ.

Авторъ дѣлаетъ очеркъ *прочныхъ обезпеченій свободы* (garanties stables). «Мы предполагаемъ, говоритъ онъ, гражданскій законъ, охраняющій свободу и охраняемый справедливымъ судомъ. Первое обезпеченіе справедливости суда есть его *независимость*. Независимость судовъ заключается въ высотѣ и прочности положенія лицъ, ихъ составляющихъ. Если судьи не должны искать возобновленія своего состава ни у публики, ни у власти, то они независимы, и ихъ собственный интересъ — быть справедливыми. Поставить судебную власть внѣ всякой прямой зависимости отъ какой бы то ни было власти есть первая гарантія свободы. Замѣчу, что даже деспотическія правительства рѣдко присвоивали себѣ право судить и говорить какъ божество: «мнѣ одному принадлежитъ право возмездія». Нѣкоторая естественная стыдливость какъ-будто вырывала у нихъ изъ рукъ право судьи на независимость. Преступленіе, отъ котораго было бы всего труднѣе имъ защищаться — это нарушеніе независимости суда: примѣръ такой тиранніи, превзошедшей всякія иныя тиранніи, пятно, котораго не въ силахъ смыть всѣ воды Стикса и Леты, представляетъ лишь *революціонный трибуналъ*. Въ эпохи, болѣе спокойныя, учрежденіе коммиссій, временныхъ и произвольныхъ распоряжающихся судьбою гражданъ, есть ничѣмъ неизгла-

---

[1]) *De la liberté civile et politique* (*Revue des deux Mondes*, 1859, 15 Juillet).

димое преступленіе со стороны какого бы то ни было правительства. Но на этотъ счетъ намъ трудно встрѣтить противниковъ, и потому мы продолжаемъ далѣе. Задача наша въ обезпеченіи гражданской свободы. Какимъ же образомъ оградить ее отъ нарушеній тайныхъ? Законы не существуютъ, если исполненіе ихъ не *гласно*. Въ этомъ выраженіи не можетъ быть никакой неясности: все то, что̀ интересуетъ *публику*, должно дѣлаться *публичнымъ образомъ;* общественныя дѣла должны быть для всѣхъ гласны. Какой смыслъ можетъ имѣть законъ не обнародованный? Это ни болѣе, ни менѣе, какъ лишняя бумага въ архивахъ. Но если даже онъ обнародованъ и если неизвѣстны его послѣдствія, если неизвѣстно, каково было его исполненіе, тогда все законодательство обращается въ западню для общества. Мы теряемъ всякую гарантію въ томъ, что то, что̀ дѣлается, согласно съ тѣмъ, что̀ пишется. Итакъ гласность есть первая гарентія — гарантія гарантій. Три тысячи лѣтъ тому назадъ, Гезіодъ говорилъ, что устами народовъ изрекается божественная правда. Наши предки, болѣе скромные, предоставили общественному мнѣнію царство сего міра. Но въ новѣйшихъ обществахъ, въ этихъ великихъ собраніяхъ людей, покрывающихъ собою огромныя территоріи, нѣтъ такой обширной площади, которая была бы достаточнымъ мѣстомъ для всеобщей гласности. Чтобы дѣла были гласны, мало того, чтобъ ихъ видѣли люди, могущіе быть очевидцами ихъ, нужно, чтобъ ихъ знали всѣ, кто хочетъ знать ихъ, а для этого необходимо, чтобъ они были разсказаны публикѣ. Поэтому гласность новаго времени, это — книгопечатаніе! Смѣшно было бы разъяснять все, что̀ заключается въ этомъ словѣ. Часто прославляли исторію: къ исторіи обращались съ апелляціей противъ всѣхъ злоупотребленій власти и партій. Вызывали страхъ исторіи противъ могущества дѣлать зло. Но что̀ такое исторія? Опять-таки печать, прошедшее, отданное въ распоряженіе печати. Даже тѣ, которые еще не знали печати, Ѳукидиды и Тациты, посредствомъ нея продол-

жаютъ до сихъ поръ давать уроки правительствамъ и народамъ. То, что исторія для прошедшаго, то книгопечатаніе для настоящаго: это исторія нашего времени. Станете ли вы обвинять печать въ невѣжествѣ или обманѣ, въ худѣ или лести? Но она то же, что исторія. Развѣ исторія не лгала, не ругалась, не льстила? Если вы надѣетесь водворить истину молчаніемъ, то заставьте же молчать и исторію, и печать; но этимъ вы только замѣните ложь утаеніемъ истины: что я говорю? — вы ничего не выиграете, ибо вы никогда не въ силахъ воспретить ложь сильному. Вы только дадите побѣдителямъ право на поруганіе побѣжденныхъ и подлецамъ полную свободу лести; вы задушите и для настоящаго и для прошедшаго то, что Тацитъ называлъ *совѣстью* человѣческаго рода.

«Судъ независимъ; все гласно въ исполненіи законовъ. Все извѣстно и все можетъ быть напечатано. Но достаточно ли этого? Конечно, нѣтъ. Судья, хранитель публичной власти, самъ подчинетъ законамъ, надобно, чтобъ и онъ отвѣчалъ за ихъ нарушеніе. Гласность можетъ угрозой остановить его въ минуту дѣйствія, возбудить въ немъ муки совѣсти, если онъ уже совершилъ зло. Часто этого достаточно, чтобы предотвратить зло и даже чтобы за него наказать; но иногда нужно болѣе этого. Каково бы ни было могущество чести, приговоры общественнаго мнѣнія даже въ самыхъ просвѣщенныхъ обществахъ, недостаточны для огрубѣлой нравственности. Приговоры суда необходимы, чтобъ уяснить, исправить, освятить приговоры общественнаго мнѣнія. *Отвѣтственность* должна быть особая на этомъ свѣтѣ; отвѣтственность по суду и закону только ея форма и примѣненіе въ случаяхъ важныхъ и рѣдкихъ. Этому условію дѣятельности, общему для всѣхъ людей и гражданъ, должны быть подчинены и должностныя лица государства, которыя, конечно, также люди и граждане».

Этотъ судебный элементъ отвѣтственности долженъ простираться далѣе предѣловъ суда; онъ долженъ про-

никать собою все государственное устроиство. Преобладаніемъ его отличается государство, основанное на законѣ (Rechts-Staat), *правомѣрное* государство отъ такъ называемаго *полицейскаго* государства (Polizey-Staat). Мы не можемъ подробно говорить здѣсь о всѣхъ проявленіяхъ этого элемента въ государственной жизни; но, имѣя въ виду поясненіе политическое значеніе естественной аристократіи, какъ одну изъ гарантій, обезпечивающихъ свободу, укажемъ только на то несомнѣнное явленіе, что полицейское государство старается искать служителей своихъ преимущественно между людьми зависимыми, тогда какъ государство, основанное на законѣ, ищетъ независимыхъ людей и имъ даетъ свои порученія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ общемъ государственномъ устроиствѣ сила, умѣряющая и уравновѣшивающая отношенія государства къ обществу, можетъ опираться преимущественно на содѣйствіе тѣхъ лицъ, которыя, уже по своему естественному общественному положенію, пользуются независимостію. Политическая мудрость состоитъ именно въ искусствѣ отыскать въ обществѣ эти независимые элементы и воспользоваться ими для обезпеченія законности. Законодательство не можетъ создать эти элементы: опытъ показалъ, что государственныя формы совершенно безсильны въ этомъ отношеніи, и что страны, въ которыхъ мало людей независимыхъ, при любой формѣ правленія управляются дурно. Поэтому-то благоразумная либеральная политика такъ дорожитъ существованіемъ въ народѣ группъ, которыя возвышены надъ массой общества не искусственными мѣрами законодательства, а естественнымъ физіологическимъ процессомъ общественной жизни, и, благодаря неоцѣненному благу своего независимаго положенія, могутъ оказать великія услуги государству и обществу своимъ участіемъ въ государственномъ управленіи.

На группу этихъ людей, которые, по положенію своему, могутъ говорить и дѣйствовать во имя закона свободно и независимо, должно опираться *самоуправленіе*. Безъ существованія этой группы оно было бы невозмо-

зно, потому что самоуправленіе, не дополненное судебнымъ характеромъ, превратилось бы въ самоуправство. Но гдѣ эта группа существуетъ въ достаточныхъ размѣрахъ, и гдѣ законодательство умѣетъ воспользоваться ею для государственнаго благоустройства, тамъ возможно удовлетворительное обезпеченіе личной и общественной свободы и спокойное законное развитіе общества; правильная система самоуправленія оберегаетъ интересы правительства и общества отъ злоупотребленія своеволія, и она же открываетъ самый естественный путь для дѣятельности естественной аристократіи и позволяетъ ей употребить свои силы самымъ выгоднымъ образомъ для всего общества. Дѣятельнымъ участіемъ въ самоуправленіи эта группа людей, которая, въ историческомъ движеніи, всплыла на поверхность общества, можетъ вполнѣ вознаградить народныя массы за всѣ невыгоды той естественной зависимости, нравственной и экономической, въ которой находятся люди необразованные и бѣдные отъ людей образованныхъ и богатыхъ. Тѣмъ же самымъ послѣдніе могутъ возвратить себѣ за утрату гражданскихъ привилегій, несовмѣстимыхъ съ самыми первоначальными понятіями справедливости и безвозвратно гибнущихъ съ успѣхами общества.

5.

Общія понятія о самоуправленіи.

Едва ли есть, въ политическомъ мірѣ нашего времени, вопросъ болѣе живой и насущный, нежели *вопросъ о самоуправленіи*. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что удачное разрѣшеніе этого вопроса есть настоятельнѣйшая нужда для всѣхъ современныхъ государствъ Европы, кромѣ Англіи, которая въ этомъ отношеніи далеко опередила материкъ: удовлетвореніе этой нуждѣ должно, если не покончитъ тяжбу между есте-

ственными стремленіями свободы человѣческой личности и необходимыми условіями власти и порядка, то дать этой тяжбѣ самый правильный и безопасный для общественныхъ интересовъ исходъ. По нашему глубокому убѣжденію, система самоуправленія, искренно и честно принятая правительствами и разумно понятая обществомъ и лучшими его представителями, должна разрѣшить многія недоумѣнія и правителей, и народовъ, обезпечить многіе интересы государственной власти, тщетно ищущіе теперь подпоры въ пружинахъ централизаціи, и развѣять предразсудки вотчинной (крѣпостной) власти, доживающей свои послѣдніе дни. И для такъ-называемыхъ *общественныхъ* (соціальныхъ) вопросовъ нашего времени самоуправленіе представляется самою лучшею почвой; понимая всю важность этихъ вопросовъ, нравственныхъ и экономическихъ, далеко переходящихъ собственно-государственные вопросы, мы тѣмъ болѣе возлагаемъ наши упованія на начала самоуправленія, которыя должны устранить много горечи въ общественныхъ столкновеніяхъ и тревогахъ.

Однимъ изъ главныхъ и любимыхъ доводовъ противъ системы самоуправленія выставляется его противниками невозможность занятій государственныхъ и административныхъ для людей, къ тому не приготовленныхъ, имѣющихъ другія занятія и другой промыселъ, и затѣмъ необходимость существованія въ обществѣ группы людей, *спеціально занимающихся* государственнымъ и административнымъ дѣломъ. На эту спеціальность государственныхъ и административныхъ обязанностей постоянно указываютъ защитники бюрократизма; эта спеціальность необходимо влечетъ за собою существованіе особаго *государственнаго и административнаго промысла*. Посмотримъ что говоритъ объ этомъ промыслѣ лордъ Брумъ.

Невозможность сколько-нибудь продолжительнаго существованія въ какой бы то ни было странѣ политической партіи или рода государственной дѣятель-

ности (political profession), говоритъ онъ [1]), является изъ многихъ соображеній.

«1) Если въ какомъ-либо государствѣ существуютъ партіи или духъ партій, то очевидно, что люди, занимающіеся *политическимъ ремесломъ, или подкупные, или буктовщики, или то и другое вмѣстѣ*, ибо, вмѣсто того чтобы только зарабатывать свой насущный хлѣбъ своими способностями, какъ во всѣхъ другихъ промыслахъ, они постоянно находятся въ такомъ положеніи, что *или должны измѣнить свои партіи, или насильственно пріобрѣсти для нея власть*. Предположимъ, что частный адвокатъ могъ бы имѣть практику только состоя въ подчиненіи къ судебнымъ мѣстамъ, или ухаживая за ихъ прокурорами; даже его можно было бы назвать менѣе продажнымъ человѣкомъ, нежели государственнаго промышленника, человѣка, занимающагося политикой какъ торговлей. Адвокатъ не могъ бы имѣть въ такомъ случаѣ никакой для себя прибыли, обманывая своего довѣрителя; тогда какъ политическій *промышленникъ долженъ надувать своихъ довѣрителей, всю страну*, чтобъ имѣть средства къ жизни, и наконецъ долженъ сдѣлаться совершенно безчувственнымъ для всѣхъ безъ изъятія интересовъ общества. Онъ *можетъ* и честно исполнить свой долгъ, ибо случайно его промышленный интересъ можетъ быть въ согласіи съ его убѣжденіями и политическими воззрѣніями: но къ тому, чтобъ это непремѣнно случилось такъ, а не иначе, нѣтъ никакой необходимой причины.

«2) Предположимъ, что въ государствѣ нѣтъ партій, но и въ этомъ случаѣ продажность все-таки неизбѣжна, ибо кто бы ни располагалъ властію, все-таки политическому промышленнику придется хлопотать о пріобрѣтеніи ея покровительства. Политическій промышленникъ, какъ актеръ, который живетъ только для того, чтобы

---

[1]) *Political philosophy*, P. II, pag. 29.

нравиться, должень нравиться, чтобы жить. Но къ несчастію, его дѣятельность сама по себѣ такова, что для ея успѣховъ необходимы свойства и самаго развращеннаго лицемѣра, и самаго честнаго человѣка.

3) Впрочемъ, вовсе излишне говорить о государствахъ, совершенно свободныхъ отъ духа партій. Политическія системы имѣютъ характеръ партіи во всякомъ государствѣ, по крайней мѣрѣ, на сколько это обстоятельство важно для настоящихъ нашихъ разсужденій; правительство всякой страны должно же опираться на какой-нибудь кругъ общихъ понятій и убѣжденій. Существованіе политическаго промысла превращаетъ такое положеніе вещей въ дѣятельность партіи самаго пошлаго, площаднаго и низкаго сорта.

4) Если вы допустите выраженіе: «мы заплатимъ государственному человѣку за его службу намъ», то надо сейчасъ допустить мысль, что есть разрядъ людей, которыхъ можно купить. Не всякій человѣкъ, который нравится публикѣ, согласится быть ея наемникомъ. Это необходимо ведетъ къ возникновенію цѣлаго класса наемныхъ агентовъ, подлѣ необходимыхъ чиновниковъ правительства, и кто-нибудь долженъ содержать первыхъ, какъ содержатся послѣдніе.

5) Въ Аѳинахъ было десять государственныхъ ораторовъ, и весьма трудно было кому-либо другому, кромѣ нихъ, принимать участіе въ преніяхъ какъ народнаго собранія, такъ и сената. Чтобы получить позволеніе говорить, должно было предварительно подвергнуться строгому экзамену. Всякая неправильность или злоупотребленіе въ производствѣ этого экзамена строго наказывались; не только происхожденіе отъ чистой аттической крови, но также и какая-либо собственность въ Аттикѣ были необходимымъ условіемъ, чтобы получить званіе публичнаго оратора. Неизвѣстно, было ли сопряжено съ этимъ званіемъ какое-либо жалованье, или нѣтъ. Если оно и существовало, то никакъ не могло быть значительно, ибо мы знаемъ, какъ ничтожно было содержа-

ніе судей... Если-бы наши члены парламента получали жалованье, какъ желаютъ того нѣкоторые легкомысленные люди, полагая, что это откроетъ низшимъ классамъ доступъ къ законодательству, то единственнымъ послѣдствіемъ такого преобразованія было-бы чрезвычайное возрастаніе подкуповъ на выборахъ и неограниченное подчиненіе представителей волѣ и прихоти избирателей, подчиненіе, которое разрушительно дѣйствовало-бы на политическія убѣжденія, столь необходимыя для всякой представительной системы.

Всѣ эти обстоятельства, показывающія зло, которое было-бы послѣдствіемъ политическаго промысла, весьма рѣшительно говорятъ противъ долговѣчности его существованія, ибо никакое учрежденіе не можетъ быть прочно въ государствѣ, сколько-нибудь благоустроенномъ, какова бы ни была форма правленія его, аристократическая, или демократическая, или смѣшанная, если такое учрежденіе *непремѣнно влечетъ за собою подкупы и злоупотребленія въ исполненіи публичныхъ обязанностей.* Изъ этого истекаетъ какъ необходимое послѣдствіе, что управленіе общественными дѣлами должно непремѣнно, и въ теченіи весьма короткаго времени, сосредоточиться преимущественно въ рукахъ естественной аристократіи, то-есть въ классахъ общества, отличающихся передъ другими по имуществу, по умственности характера, по способностямъ и познаніямъ, по опытности и заслугамъ. Гдѣ нѣтъ сословія политически-привилегированнаго по закону, такое сословіе образуется въ практической жизни само собою. Если есть привилегированное сословіе, которому закономъ предоставлено исключительное или преимущественное право политической власти, то, съ возрастаніемъ этого сословія, часть его, отличающаяся естественнымъ аристократическимъ превосходствомъ, непремѣнно получитъ преобладаніе надъ остальными.

Мы разсматривали политическій промыселъ въ отношеніи къ вопросу объ естественной аристократіи. Нужно сказать также нѣсколько словъ для тѣхъ, которые сво-

трятъ на государственное ремесло, какъ на весьма полезное для успѣха самыхъ государственныхъ дѣлъ. Такое мнѣніе основывается на началѣ раздѣленія труда, которое полагаютъ возможнымъ примѣнить и къ занятіямъ государственнаго управленія: говорятъ, что люди должны исключительно посвятить себя государственной наукѣ, для того чтобъ имѣть право завѣдывать публичными дѣлами. Особенно часто употребляются къ этому слѣдующее доказательство: всякое ремесло или мастерство требуетъ школы или ученичества; какимъ же образомъ человѣкъ можетъ внезапно изучить трудное дѣло управленія? Въ этомъ способѣ доказательства заключается одно важное заблужденіе. Конечно, никто не пожелаетъ, чтобы государственное управленіе было поручено людямъ неизжественнымъ и неопытнымъ; конечно, никто никогда не желалъ, чтобъ администрація была въ рукахъ людей, посвятившихъ свою дѣятельность другимъ серіознымъ занятіямъ: но весь вопросъ заключается въ томъ, должна или нѣтъ административная каста состоять изъ людей, независимыхъ по своимъ домашнимъ обстоятельствамъ и положенію, должна ли она состоять изъ людей, сдѣлавшихъ изъ административныхъ занятій свое ремесло, или же изъ людей, могущихъ обойдтись для своего пропитанія и безъ нихъ, но занимающихся администраціей изъ побужденій честолюбія, склонности къ публичной жизни, тщеславія или властолюбія и можетъ-быть даже изъ желанія нѣсколько увеличить свои средства къ жизни, и безъ того уже обезпеченныя?

Нельзя не допустить, что если государственными дѣлами будутъ заниматься только люди достаточные и не пользующіеся администраціей какъ ремесломъ, то въ государственной и общественной службѣ не будутъ участвовать многіе люди съ большими талантами и безкорыстіемъ, но бѣдные. Но съ другой стороны всѣ даже либеральныя профессіи или свободныя искусства могутъ быть предметомъ занятій только людей достаточныхъ, ибо въ теченіи многихъ лѣтъ ученичества они не даютъ хлѣба;

и тѣмъ не менѣе никто никогда не полагалъ, что это лишаетъ общество способныхъ адвокатовъ, художниковъ или духовныхъ лицъ, родившихся въ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ жизни. Конечно, трудно или, лучше, невозможно, именно такъ устроить государственное управленіе, чтобы въ немъ участвовали всѣ люди, имѣющіе на то право по своимъ талантамъ или добродѣтелямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы не должны упускать изъ виду великое зло, неразлучное съ существованіемъ многочисленнаго класса людей, которыхъ средства къ жизни зависятъ отъ успѣха ихъ государственныхъ занятій; ибо они дѣйствительно находятся въ томъ положеніи, что должны во что бы то ни стало обѣгать за мѣстами. Мы уже показали, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ должно неизбѣжно вести такой образъ жизни.

Величайшая ошибка людей, защищающихъ необходимость государственнаго ремесла, заключается въ слѣдующемъ: они не замѣчаютъ, что во всякомъ другомъ ремеслѣ довѣріе покупщика или потребителя къ ремесленнику бываетъ самое непринужденное и полное, если первый знаетъ, что ремесленникъ не имѣетъ никакого другаго круга дѣятельности; чѣмъ болѣе предполагается, что онъ зависитъ отъ своей профессіи, тѣмъ болѣе ему довѣряютъ. Но въ политической дѣятельности именно совершенно противное явленіе; никто здѣсь такъ мало не цѣнится, никто не пользуется столь малымъ довѣріемъ, какъ человѣкъ, про котораго всѣ знаютъ, что онъ не имѣетъ другихъ способовъ къ жизни. Захочетъ ли кто-нибудь, когда-либо, признаться, что его пропитаніе зависитъ отъ его успѣховъ въ парламентѣ? Въ то же время никто въ средѣ адвокатовъ, духовныхъ особъ, лицъ торгующихъ и проч., не усомнится открыто признаться, что всѣ средства къ жизни его и его семейства совершенно зависятъ отъ заработковъ. Масса публики, конечно, имѣетъ преувеличенное понятіе о независимости богатаго человѣка, ибо люди, не чувствующіе недостатка въ деньгахъ, подвержены опасности другаго рода соблаз-

новъ. Но въ извѣстной мѣрѣ, и даже въ весьма большой, почти справедливо, что бѣдные люди вообще болѣе зависимы, даже если мы съ великодушіемъ отвергнемъ справедливость поговорки: «пустой мѣшокъ никогда не станетъ прямо» (*an empty bag will not stand upright*).

«Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что достаточныя познанія въ государственныхъ дѣлахъ и привычка къ политической дѣятельности могутъ быть пріобрѣтены людьми, посвятившими себя совершенно другому роду занятій. Купцы весьма часто являлись отличными дѣятелями въ сенатахъ и политическихъ собраніяхъ своей страны. Адвокаты всегда проводятъ часть своей жизни въ политическихъ преніяхъ и собраніяхъ. Военные люди часто выказывали замѣчательныя качества государственныхъ людей. Можетъ быть всѣ истинно-великіе полководцы были великими государственными людьми во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Вообще, весьма распространена и весьма ошибочно привычка сравнивать школу, необходимую для изученія всякаго обыкновеннаго ремесла съ обученіемъ искусству управлять себѣ подобными. Чтеніе, размышленіе, наблюденія, — вотъ что приготовляетъ государственнаго человѣка, но никакое чтеніе, никакія размышленія и никакія наблюденія не могутъ научить человѣка механической ловкости, нужной для техническихъ искусствъ.

«Итакъ мы можемъ придти къ тому заключенію, что зло вообще значительно перевѣшиваетъ выгоды, которыя можно допустить при существованіи политическаго ремесла; это ремесло никогда не можетъ сдѣлаться настоящимъ и прочнымъ обезпеченіемъ для человѣка, настоящимъ его ремесломъ».

Въ этихъ разсужденіяхъ лорда Брума разомъ затронуты два главнѣйшіе довода, на которые большею частію опираются противники свободнаго развитія системы самоуправленія. Защитники крайней бюрократіи и ея централизаціи, такъ-называемаго *полицейскаго государства*,

выставляютъ спеціальность государственныхъ и административныхъ занятій, какъ нѣчто несовмѣстимое съ самоуправленіемъ. Послѣднее именно требуетъ, чтобы люди, занимающіеся всю свою жизнь сельскимъ хозяйствомъ, промышленностью, литературой и т. д., могли быть безпрестанно призываемы къ подачѣ голоса о той или другой административной мѣрѣ, къ разрѣшенію какого-нибудь государственнаго вопроса, къ исполненію публичной должности. Далѣе, защитники искусственнаго уравненія людей выставляютъ преобладающее вліяніе, которое пріобрѣтаютъ въ самоуправленіи люди богатые и значительные по своему общественному положенію, и которое какъ бы противно демократическимъ интересамъ времени. То и другое дѣйствительно составляютъ необходимыя послѣдствія системы самоуправленія: мы этого не можемъ отрицать, и даже потому именно, что не можемъ отрицать втораго послѣдствія, мы должны были коснуться вопроса о самоуправленіи, говоря о естественной аристократіи. Но дѣйствительно ли оба эти послѣдствія, находящіяся между собою въ самой тѣсной связи, — съ одной стороны конкуренція опасная чиновническому промыслу, или разсѣяніе призрака спеціальности государственнаго дѣла, и съ другой стороны, сосредоточеніе вліянія и силы въ рукахъ высшихъ классовъ общества, — дѣйствительно ли оба эти послѣдствія такъ противны успѣху государственныхъ дѣлъ и интересамъ разумной демократіи и большинства народа? Дѣйствительно ли полезно для государства и народа такое дѣло, къ которому равно стремятся и бюрократы и ярые демократы?

Но во-первыхъ, что такое спеціальность государственнаго и административнаго дѣла? То ли она въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ представляютъ ее патентованные мастера дѣла? Нѣтъ ли въ воззрѣніи ихъ на свои занятія значительной доли того увлеченія спеціальностью своего призванія, которое сопровождаетъ всякій промыселъ, этой столь извѣстной *jalousie de métier*?

Государственная дѣятельность, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, имѣетъ дѣйствительно нѣкоторую особенность, рѣзко отличающую ее отъ всѣхъ безъ изъятія другихъ отраслей человѣческой дѣятельности. Но эта особенность, по крайнему нашему разумѣнію, требуетъ не какихъ-нибудь особенныхъ спеціальныхъ, техническихъ свѣдѣній; она гораздо болѣе требуетъ совершенно иныхъ свойствъ человѣка. Когда мы говоримъ о человѣкѣ, дѣйствующемъ на государственномъ и административномъ поприщѣ, то мы прежде всего цѣнимъ такъ-называемое *его направленіе, его убѣжденія*; тѣ или другія убѣжденія государственнаго человѣка и администратора всѣми сознательно или безсознательно признаются первымъ, необходимымъ условіемъ, чтобы дѣятельность его была полезна для общества: это условіе ставится превыше его знанія дѣла, его трудолюбія и даже честности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всякое убѣжденіе выигрываетъ, когда опирается на знаніе, усердіе и честность въ дѣлѣ; но каждый изъ насъ, не только образованный, но даже и необразованный, если только имѣетъ какіе-нибудь интересы въ обществѣ, каждый изъ насъ, къ какимъ бы оттѣнкамъ политическихъ убѣжденій ни принадлежалъ, будетъ не только равнодушенъ къ качествамъ знанія, усердія и нравственной чистоты государственнаго человѣка, дѣйствующаго по убѣжденіямъ, нами не раздѣляемымъ и считаемымъ нами за ложныя; но даже будетъ сожалѣть объ этихъ качествахъ, когда они даютъ силу и торжество началамъ, по нашему убѣжденію, вреднымъ или опаснымъ. Эти качества должны, по необходимости, препятствовать торжеству тѣхъ убѣжденій, которыя мы желали бы видѣть во главѣ управленія или одной изъ его вѣтвей, и которыя, по необходимости, выиграли бы, то-есть, получали бы болѣе вѣса, силы и вліянія въ обществѣ, при умственной и нравственной несостоятельности, въ практической жизни, противныхъ имъ убѣжденій. Государственное управленіе во всѣхъ своихъ проявленіяхъ имѣетъ ту особенность, что при

равенствѣ всѣхъ условій таланта, образованности, трудолюбія, честности, дѣятельность человѣка можетъ быть въ высшей степени благодѣтельна и въ высшей степени пагубна для общественныхъ интересовъ, смотря потому, какому направленію онъ слѣдуетъ, какія убѣжденія имъ руководятъ, въ истину какихъ государственныхъ началъ онъ вѣруетъ. А мы знаемъ, что, при нынѣ-существующихъ условіяхъ государственной жизни, не только въ самыхъ просвѣщенныхъ странахъ, но и у полуобразованныхъ народовъ, эти начала могутъ быть совершенно различны: могутъ являться дѣятели, одинаково умные, даровитые, энергическіе и честные, устремляющіеся къ совершенно-противоположнымъ цѣлямъ. Этой особенности, заставляющей цѣнить въ государственномъ человѣкѣ прежде всего его политическія убѣжденія, нѣтъ ни въ какой другой отрасли человѣческой дѣятельности, ни въ наукѣ, ни въ искусствѣ, ни въ промышленности; даже на политической литературѣ, посредницѣ между наукой и государственною практикой, видимъ мы отраженіе характера послѣдней, уже въ публицистѣ высоко цѣнится направленіе, въ то время, какъ мы о немъ забываемъ въ ученомъ, художникѣ и промышленникѣ, отъ которыхъ прежде всего требуемъ знанія, таланта и труда.

Ставя на первый планъ между всѣми качествами и свойствами государственнаго человѣка его *убѣжденія*, мы считаемъ оговориться и устранить одно недоразумѣніе, которое въ послѣдствіи можно было бы обратить противъ насъ. Важность убѣжденія для государственнаго дѣла, конечно, не значитъ, чтобы государственный человѣкъ, прикрываясь щитомъ извѣстныхъ, провозглашенныхъ имъ началъ своей дѣятельности, могъ обойтись и безъ знанія и безъ честности. Тогда легко было бы управлять государствомъ; можно было бы сдѣлаться великимъ человѣкомъ, только желая ввести справедливость въ обложеніи жителей податьми и не зная, что такое подать, или желая сдѣлать судъ независимымъ и не зная, что такое зависимость суда отъ администраціи и поли-

ціи, или желая освободить промышленность отъ регламентаціи для подкрѣпленія своего собственнаго кармана. Но когда мы говоримъ объ «убѣжденіи», то мы безъ всякаго сомнѣнія разумѣемъ, что оно *сознательно* и *честно*. Для перваго необходимо нѣкоторое умственное развитіе, для втораго необходимы нѣкоторыя нравственныя условія личнаго характера. Но дѣло только въ томъ, что въ дѣятельности государственнаго человѣка и администратора всѣ его свѣдѣнія и нравственныя качества должны служить одной цѣли, сосредоточиваться въ одномъ центрѣ, въ его убѣжденіи, безъ котораго всѣ они мертвая буква. Самый ученый министръ безъ политическаго убѣжденія можетъ быть самымъ невѣжественнымъ политическимъ дѣятелемъ, и самый нравственно-честный человѣкъ можетъ сдѣлаться, безъ путеводной нити убѣжденія, самымъ безчестнымъ правителемъ.

Государственный человѣкъ долженъ знать, куда онъ идетъ, иначе ему не помогутъ никакія свѣдѣнія и никакое безкорыстіе. Но эти руководящія начала государственнаго дѣла и администраціи вырабатываются не въ занятіяхъ какимъ-либо спеціальнымъ искусствомъ или ремесломъ: они почерпаются въ совокупной жизни общества, въ общемъ запасѣ его образованности и нравственныхъ понятій. Можно просидѣть пятьдесятъ лѣтъ безвыборной службой въ канцеляріяхъ, посреди книгъ всякаго содержанія, и быть совершенно чуждымъ всякому государственному взгляду на дѣло, и не только это возможно, но даже такое пришибленіе политическаго чутья бываетъ неизбѣжно среди атмосферы, пропитанной канцелярскимъ чадомъ. Никакая канцелярія и никакая школа, къ сожалѣнію, не могутъ заготовить государственныхъ людей; были живые опыты, и они не удались; такіе люди воспитываются на вольномъ воздухѣ, посреди водоворота дѣйствительной жизни народа.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что иногда, при нѣкоторыхъ особенныхъ условіяхъ политической жизни, мы принуждены прежде всего желать образованности, энергіи

и честности въ государственныхъ людяхъ, вовсе не заботясь о ихъ убѣжденіяхъ. Дѣйствительно, бываютъ въ жизни всѣхъ государствъ такія исключительныя или переходныя эпохи. Но опять, и въ смыслѣ такого рода желаній надо ближе вникнуть, и мы найдемъ въ нихъ не только не противорѣчіе, но скорѣе подтвержденіе сказаннаго нами. Такъ напримѣръ, при совершенномъ отсутствіи всякихъ руководящихъ началъ въ управленіи и при отсутствіи въ государственныхъ людяхъ всякихъ убѣжденій, надъ ними получаютъ обыкновенно власть корыстные интересы и животные инстинкты: эти люди легко могутъ быть увлекаемы по всѣмъ направленіямъ, и въ этихъ направленіяхъ, при отсутствіи всякой открытой нравственной борьбы убѣжденій, получаетъ перевѣсъ такое оружіе закулисной, мелкой борьбы интригъ, за которое мы, съ нашими убѣжденіями, не можемъ взяться. Тогда намъ весьма позволительно желать, чтобы передъ нами всталъ, даже противъ насъ самихъ пошелъ государственный человѣкъ съ какими бы то ни было убѣжденіями, лишь бы эти убѣжденія были дѣйствительно имъ сознаны; ибо мы можемъ надѣяться, что человѣкъ, уважающій какое бы то ни было убѣжденіе, дѣйствующій подъ знаменемъ убѣжденія, а не исключительно матерьяльной силы, хотя сколько-нибудь понимаетъ цѣну убѣжденія, хотя сколько-нибудь понимаетъ наслажденіе защищать свои убѣжденія орудіемъ нравственной силы, и мы можемъ надѣяться, что подлѣ человѣка, въ чемъ либо убѣжденнаго, мы скорѣе будемъ имѣть возможность высказывать наши собственныя убѣжденія, нежели подлѣ человѣка, ни въ чемъ не убѣжденнаго. При преобладаніи въ управленіи какихъ бы то ни было общихъ началъ и руководящихъ цѣлей, противоположныя начала далеки отъ своего торжества, но все-таки ближе къ нему, нежели при отсутствіи всякихъ общихъ началъ: возможность торжества какого-нибудь политическаго убѣжденія не исключаетъ возможности торжества и нашего убѣжденія, тогда какъ невозмож-

ность торжества никакого политическаго убѣжденія исключаетъ возможность торжества всякаго убѣжденія, въ томъ числѣ и нашего. „Дайте, мы можемъ желать только честности и нравственной чистоты въ органахъ управленія, на томъ основаніи, что при этихъ свойствахъ будетъ допущено болѣе справедливости въ свободѣ защищать каждому свои убѣжденія, въ томъ числѣ и намъ защищать наши; менѣе насилія противъ всякихъ нравственныхъ убѣжденій, въ томъ числѣ и нашихъ. Мы можемъ желать только образованности и умственнаго развитія въ органахъ управленія еще потому, что можемъ надѣяться, что эти свойства приблизятъ ихъ къ нашимъ собственнымъ воззрѣніямъ и убѣжденіямъ, не совсѣмъ отсталымъ и не совсѣмъ мечтательнымъ. Итакъ, во всякомъ случаѣ, вездѣ и всегда, главную роль въ государственной дѣятельности играютъ убѣжденія, и слѣдовательно тѣ ея условія, которыя даютъ болѣе или менѣе возможности тому или другому политическому направленію имѣть перевѣсъ и вліяніе.

Но первое, необходимое условіе возможности для человѣка убѣжденія въ политической и публичной жизни, то-есть, возможности примѣненія убѣжденія къ дѣлу,— это *независимость* его общественнаго положенія.

Внутренняя независимость публичнаго человѣка, то-есть, рѣшимость его согласовать свои дѣйствія только съ судомъ собственной совѣсти, признается всѣми людьми, къ какимъ бы парціямъ и сочувствіямъ они сами ни принадлежали, какъ первое, необходимое условіе всякой полезной государственной и публичной дѣятельности.

Внутренняя независимость публичнаго человѣка, его свобода располагать своими дѣйствіями по внушенію своихъ понятій, а не дѣйствовать подъ гнетомъ какихъ бы то ни было принужденій и побужденій, есть тотъ корень, на которомъ вырастаетъ и зиждется *политическое убѣжденіе*. Возможность всегда оставить дѣло, которое противно побужденіямъ ума и сердца публичнаго человѣка,

есть первое условіе плодотворности его дѣятельности. Именно, то обстоятельство, что на каждое дѣло публичной службы можно смотрѣть весьма различно, заставляетъ искать въ исполнителяхъ независимаго характера. Собственно политическое убѣжденіе является уже на высшихъ ступеняхъ государственной власти; требованіе нравственной независимости сопровождаетъ всѣ безъ изъятія должности публичной власти, начиная отъ самыхъ высшихъ и кончая самыми низшими. Только при независимости возможны добрая воля, справедливость, сила и авторитетъ.

Подъ независимыми убѣжденіями человѣка мы разумѣемъ, конечно, только такія его нравственныя понятія и воззрѣнія, которыя побуждаютъ его такъ или иначе дѣйствовать въ практической жизни, которыя такъ или иначе обусловливаютъ его дѣятельность, которыя составляютъ для него какую-нибудь нравственную необходимость согласовать свои поступки съ своими мыслями. До убѣжденій, которыя таятся въ сердцѣ и ни въ чемъ не проявляются въ жизни, обществу нѣтъ никакого дѣла: подобныя горячія и тайныя убѣжденія могутъ составлять весьма важный психологическій вопросъ для анализа души человѣка, живущаго и дѣйствующаго въ совершеномъ съ ними разладѣ, но для публики, для общественныхъ интересовъ они вовсе не составляютъ никакого вопроса. Мы очень хорошо знаемъ, что могутъ быть и бываютъ іезуиты, таящіе въ своей душѣ самый смѣлый вольтеріанизмъ; усердные служители самой крайней бюрократіи, которые въ душѣ враги всякой бюрократіи; самые ревностные исполнители всякихъ мѣръ противъ развитія печати, съ упоеніемъ почитывающіе въ тиши своего кабинета всякое произведеніе свободной человѣческой мысли; наконецъ, даже экономисты, устраняющіе таксы и всякія стѣсненія промышленности. Къ стыду ли человѣческой природы, или къ стыду условій политическаго быта современныхъ обществъ, такія явленія существуютъ, и мы не можемъ отрицать ихъ суще-

ствованія. Но какое бы скорбное чувство ни внушали намъ такія личности, какимъ бы состраданіемъ ни проникались мы къ ихъ душевному разладу, это соболѣзнованіе можетъ относиться къ нимъ, только какъ къ частнымъ людямъ; въ нашихъ сужденіяхъ о нихъ какъ о публичныхъ людяхъ, какъ о служителяхъ общества, не можетъ быть и нѣтъ ни малѣйшаго недоумѣнія; мы, нисколько не колеблясь, видимъ передъ собой только отвратительныхъ іезуитовъ, закоснѣлыхъ бюрократовъ, безумныхъ ревнителей просвѣщенія и промышленныхъ регламентаторовъ. *Внутреннія* убѣжденія сердца не имѣютъ рѣшительно никакой цѣны для общества, хотя и могутъ людямъ, питающимъ ихъ, давать поводъ къ весьма драматическимъ эпизодамъ въ ихъ внутренней жизни, къ жалобамъ на суровыя обязанности ихъ ремесла, къ весьма пріятнымъ и оживленнымъ дружескимъ бесѣдамъ, и производить весьма замѣчательные феномены анархіи человѣческаго ума. Для общества имѣютъ значеніе только убѣжденія, выражающіяся въ публичной дѣятельности людей, только убѣжденія ихъ дѣлъ, а не убѣжденія сердца.

Въ виду невозможности для публичныхъ дѣятелей, по обстоятельствамъ ихъ положенія, дѣйствовать согласно съ своими убѣжденіями, публика можетъ только допустить одно, — самый крайній предѣлъ ея снисходительности, — отсутствіе въ такихъ людяхъ всякихъ убѣжденій; но допустить, что они питаютъ убѣжденія, противныя дѣлу, которому они служатъ, она не можетъ безъ посягательства на святость самаго понятія *убѣжденіе*.

Тѣмъ не менѣе однакожъ независимость, безъ всякаго сомнѣнія, есть качество человѣка внутреннее и дается прежде всего *нравственнымъ характеромъ* человѣка; всѣ безъ изъятія люди могутъ быть независимы въ своихъ убѣжденіяхъ, если имѣютъ силу страдать за нихъ. Но не всѣ, а весьма немногіе, во всякихъ человѣческихъ обществахъ, безъ различія племенъ и странъ свѣта, готовы страдать за свои политическія убѣжденія, и не

всегда, а весьма рѣдко; обречь же себя и всѣ свои семейные и сердечные интересы на тѣ тяжкія испытанія, до которыхъ можетъ иногда довести рѣшимость не допускать въ своихъ поступкахъ ни малѣйшаго противорѣчія съ своими убѣжденіями, способна только весьма незначительная доля человѣческаго рода. Разсчитывать на спасеніе съ помощью героевъ было бы весьма легкомысленно со стороны общества, разсчитывать на вольныхъ страдальцевъ въ дѣлѣ обезпеченія честности администраціи было бы весьма неблагоразумно со стороны всякаго правительства: приходится, стало-быть, искать обезпеченія въ болѣе прочныхъ, въ болѣе постоянныхъ и повседневныхъ условіяхъ общественнаго быта. Задача каждой государственной формы и каждаго административнаго механизма, именно, заключается въ томъ, чтобы только воспользоваться *данными* условіями общественной жизни, а не создавать новыя. Выполненіе этой задачи зависитъ отъ степени искусства такъ сопоставить существующіе общественные элементы, чтобъ изъ нихъ вышли наиболѣе выгодные результаты, а не опираться на элементы мечтательные, на счастливыя случайности. Но героическая сила нравственнаго характера не составляетъ необходимаго и единственнаго условія человѣческой независимости. Нѣтъ сомнѣнія, что *обезпеченность общественнаго положенія* облегчаетъ для человѣка независимость его убѣжденій. Вся та сила, которая собирается вокругъ человѣка въ обществѣ, вслѣдствіе его воспитанія и имущества, даетъ ему возможность вынести борьбу за свои убѣжденія съ несравненно меньшими лишеніями, чѣмъ для человѣка слабаго и несостоятельнаго въ обществѣ. Для человѣка богатаго участіе въ государственной и публичной дѣятельности, въ самомъ худшемъ случаѣ, есть только удовлетвореніе его личнымъ вкусамъ, а не ремесло, не необходимость, которая вынуждаетъ сообразовать свои убѣжденія съ требованіями ремесла. Для человѣка воспитаннаго и образованнаго сознаніе своей политической и гражданской самостоятельности есть высокое

наслажденіе, которое заставляетъ пренебречь многими иными благами. Соединеніе же духовнаго и матерьяльнаго богатства въ одномъ лицѣ представляется лучшею гарантіей твердости его убѣжденій. Отсюда самое необходимое призваніе естественной аристократіи къ политической и административной дѣятельности въ правильной системѣ самоуправленія. Публичное право можетъ предполагать внутреннюю независимость только тамъ, гдѣ уже есть условія для внѣшней независимости.

Характеръ *ремесла* и *промысла* противенъ характеру государственной и вообще публичной дѣятельности; это необходимо истекаетъ, какъ мы видѣли, изъ самаго понятія этой дѣятельности и существенныхъ ея условій, что инстинктивно чувствуется всѣми обществами, всѣми классами и всякаго рода людьми. Какъ никогда и нигдѣ чиновникъ не признается открыто, что онъ живетъ взятками, хотя бы за такимъ признаніемъ не послѣдовало никакой кары закона, такъ точно естественная стыдливость никогда и нигдѣ не позволитъ человѣку сознаться, что публичная его дѣятельность есть для него ремесло, что примѣненіе чужихъ убѣжденій къ дѣлу есть его промыселъ. Многіе будутъ открыто оплакивать печальныя свои обстоятельства, связавшія ихъ съ дѣломъ, которому они не сочувствуютъ; но всякій будетъ при этомъ всячески удостовѣрять, что онъ напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы противодѣйствовать тому направленію, которое дано дѣлу не по его волѣ, что онъ старается *проводить* втихомолку свои собственныя убѣжденія или, по крайней мѣрѣ, парализировать это направленіе своимъ бездѣйствіемъ. Послѣднее, дѣйствительно, и случается, когда на мѣсто живаго государственнаго дѣятеля стараются поставить какъ можно болѣе исполнительныхъ снарядовъ. Но каковъ долженъ быть успѣхъ дѣла, когда его безпрестанно тянутъ во всѣ стороны, даже самыя противоположныя, и наконецъ разносятъ по ключамъ, оставляя одни слѣды его на загроможденныхъ полкахъ архивовъ? Каковъ долженъ быть успѣхъ дѣла, въ которомъ луч-

ними двигателями признаются безучастіе и апатія дѣятелей?

Государственное дѣло и администрація перестаютъ быть ремесломъ и промысломъ въ системѣ управленія, построеннаго на началахъ *самоуправленія*. То-есть, когда публичные дѣятели страны на разныхъ ступеняхъ власти призываются къ дѣлу въ силу своихъ убѣжденій, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, подъ контролемъ лучшихъ, то-есть, самыхъ образованныхъ и самостоятельныхъ его представителей, когда они отвѣтствуютъ въ своихъ дѣйствіяхъ передъ судомъ закона, и въ своихъ убѣжденіяхъ передъ судомъ гласности. Тогда публичная дѣятельность не только въ самыхъ высшихъ сферахъ, но и на самыхъ низшихъ ступеняхъ, въ должности присяжнаго судьи и сельскаго старосты, является не ремесломъ и промысломъ, а лучшимъ украшеніемъ гражданской жизни, лучшимъ ея цвѣтомъ. Какія бы ни были побужденія такой дѣятельности, — честолюбіе, властолюбіе, тщеславіе, — они неизмѣримо плодотворнѣе и безопаснѣе для общества, неизмѣримо чище и нравственнѣе, чѣмъ побужденія, руководящія *политическимъ и административнымъ ремесломъ*, заставляющія свободнаго мыслителя притворяться святошей, филантропа упражняться въ тѣлесныхъ наказаніяхъ, либерала наполнять строками цензурные уставы, экономиста регламентировать питейную и промышленность и выпускать бумажныя деньги съ пагубнѣйшимъ курсомъ.

Въ системѣ самоуправленія, государственная дѣятельность непремѣнно требуетъ *досуга* отъ лицъ, принимающихъ въ ней участіе. Если общественное положеніе человѣка не таково, что вся его жизнь есть *досугъ*, то-есть, если онъ не совершенно обезпеченъ въ своемъ существованіи, независимо отъ своего труда, то, по крайней мѣрѣ, подъ публичной должности онъ долженъ имѣть какое-нибудь другое, не противорѣчащее ей ремесло, которое бы обезпечивало его насущный хлѣбъ, чтобъ онъ могъ имѣть серіозное вліяніе на дѣла своей

страны и своихъ согражданъ. Безъ этого человѣкъ рабъ дѣла, а въ политическомъ дѣлѣ можно что-нибудь сдѣлать только бывши полнымъ его хозяиномъ. Весьма естественно, что самое дѣятельное участіе въ самоуправленіи выпадаетъ на долю естественной аристократіи, то-есть той группы людей, которая, по своему образованію, воспитанію, имуществу, талантамъ, наконецъ по независимости общественнаго положенія, стоитъ выше уровня окружающихъ ее обстоятельствъ и людей. Такая группа, собирающаяся на поверхности общества подъ названіемъ высшихъ классовъ, разсѣяна всюду; она столько же существуетъ въ столицѣ, сколько въ самой ничтожной деревушкѣ, гдѣ всегда найдется хотя одинъ болѣе зажиточный дворъ, знатный крестьянинъ, имѣющій болѣе досуга и болѣе возможности, сказать правдивое слово, нежели его собратья, менѣе самостоятельные; этотъ знатный крестьянинъ непремѣнно получитъ вѣсъ и вліяніе, при свободномъ мірскомъ управленіи.

Большая доля могущества въ рукахъ значительныхъ и знатныхъ людей всякаго рода, — такова оказывается и въ теоріи, и въ практикѣ необходимая принадлежность всякой формы самоуправленія, если только оно не воображаемое, не наружная декорація бюрократическаго произвола, а дѣйствительность. Но это явленіе въ нашихъ глазахъ далеко не такъ печально и не такъ грозно для интересовъ демократіи, для интересовъ преуспѣянія народныхъ массъ, какимъ оно рисуется въ понятіяхъ нѣкоторыхъ демократическихъ партій и филантроповъ, или, лучше, оно столько же печально и столько же враждебно для демократіи, какъ и то обстоятельство, что во всѣхъ доселѣ извѣстныхъ историческихъ обществахъ Европы есть люди образованные и невѣжды, богатые и бѣдные, талантливые и бездарные, и что пока политическія учрежденія сколько-нибудь не мечтательны, они должны принимать въ соображеніе этотъ, можетъ быть, печальный, но къ несчастію несомнѣнный фактъ. Для дѣйствительныхъ успѣховъ народа въ политической и гражданской

жизни, могущественное вліяніе на публичныя дѣла со стороны естественныхъ аристократическихъ элементовъ общества даже чрезвычайно благодѣтельно, ибо оно даетъ ту именно *самостоятельность* и *независимость* всей системѣ управленія, которыя ограждаютъ отъ насилій и произвола свободу личности всякаго члена общества, и которыя невозможны при равносильномъ вліяніи на дѣла толпы, такъ называемыхъ массъ, къ сожалѣнію, весьма склонныхъ подчиниться всякаго рода диктатурѣ и всякаго рода деспотизму для разрѣшенія своихъ недоумѣній.

Отсюда истекаетъ то необходимое заключеніе, что *объемъ политическихъ правъ каждаго лица долженъ соображаться со степенью его общественной самостоятельности, нравственной и имущественной.* Степень этой самостоятельности для пользованія каждымъ родомъ политическихъ правъ и для исполненія каждой публичной обязанности различна: одна изъ величайшихъ задачъ государственнаго управленія заключается въ томъ, чтобъ угадать мѣру самостоятельности, нужной для пользованія каждымъ правомъ и уловить наружные признаки этой самостоятельности. Ошибка въ одну сторону влечетъ за собою порученіе политическаго права въ недостойныхъ рукахъ и содѣйствіе деспотизма власти на головахъ безгласной толпы; ошибка въ другую сторону ведетъ къ оскорбленію гражданскаго самосознанія въ грудяхъ людей, переросшихъ своимъ развитіемъ и самостоятельностью права, дарованныя имъ законодателемъ.

Вѣсъ и вліяніе высшихъ классовъ общества на общественныя дѣла страны нисколько не опасны для успѣховъ народнаго благосостоянія и для истинныхъ демократическихъ интересовъ, когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, страна пользуется тѣми обезпеченіями гражданской свободы, составляющими необходимую принадлежность именно той системы самоуправленія, въ которой только и могутъ обнаружиться вѣсъ и вліяніе естественной аристократіи: при безусловномъ равенствѣ гражданскихъ правъ и безусловномъ равенствѣ всѣхъ безъ изъятія подданныхъ передъ

закономъ, судомъ и налогомъ. При отвѣтственности всѣхъ безъ изъятія должностныхъ лицъ передъ судомъ и общественнымъ мнѣніемъ страны, при гласности и свободѣ всѣхъ органовъ общественнаго мнѣнія. Только въ этой системѣ пріобрѣтаютъ значеніе здоровые демократическіе элементы общества, которые, какъ мы уже не разъ говорили, мало-по-малу развивались, и созрѣвая болѣе и болѣе, противодѣйствуютъ одностороннему преобладанію аристократическихъ элементовъ и болѣе и болѣе съ ними примиряются.

На основаніи сказаннаго нами, весьма ошибочно было бы думать, что люди, не имѣющіе обезпеченнаго общественнаго положенія, вовсе не могутъ принимать участія въ политической жизни страны и ея администраціи, что для ремесла вовсе не можетъ быть мѣста въ государственномъ управленіи, и что наконецъ людямъ, не пользующимся никакими общественными превосходствами, такъ-называемой массѣ публики и народа, должно быть закрытъ доступъ къ администраціи. Такіе выводы были бы совершенно противны излагаемымъ нами воззрѣніямъ. Весь затронутый здѣсь вопросъ заключается лишь въ томъ, что необходимо для интересовъ политической жизни народа и его администраціи, чтобъ естественная аристократія принимала живое и энергическое участіе въ управленіи, но нѣтъ никакой рѣшительно надобности, чтобъ оно исключительно или *олигархически* сосредоточивалось въ ея рукахъ. Достаточно присутствія, въ главѣ администраціи или одной изъ ея вѣтвей, нѣсколькихъ людей съ неопровержимо-независимымъ нравственнымъ характеромъ и самообладаніемъ, чтобы придать духъ самостоятельности и независимости всему составу администраціи: каждый изъ самыхъ слабѣйшихъ людей, къ нимъ прикомандированныхъ, чувствуетъ себя свободнѣе и независимѣе отъ всякихъ посторонннихъ вліяній и насилій, когда онъ можетъ опереться на авторитетъ болѣе сильныхъ людей, свободно соединившихся для однихъ и тѣхъ же цѣлей, для одного и того же дѣла, во имя тѣхъ же убѣжденій.

Независимость политическихъ убѣжденій, обусловленная независимостью общественнаго положенія лица, не исключаетъ изъ области администраціи ремеслъ или занятій, служащихъ способомъ жизни. Въ государственномъ управленіи, подъ общими руководящими началами, необходимы также по всѣмъ частямъ и нѣкоторыя спеціальныя свѣдѣнія, каковы юридическія, финансовыя, полицейскія и т. д., и каковы наконецъ вообще спеціальные обычаи и правила администраціи. Можно, вообще, болѣе или менѣе раздѣлить весь составъ должностей всякой администраціи на обязанности, требующія только спеціальныхъ свѣдѣній и трудолюбія, и на обязанности, необходимо влекущія за собою извѣстныя общія воззрѣнія и убѣжденія. Перваго рода должностныя лица могутъ оставаться тѣ же при самыхъ коренныхъ измѣненіяхъ въ общемъ характерѣ управленія и направленіи политики; отъ нихъ требуются не ихъ убѣжденія, а только ихъ свѣдѣнія, ихъ трудъ и навыкъ; какъ примѣръ достаточно указать на почтовыхъ чиновниковъ. Вторыя, при сколько-нибудь рѣшительныхъ преобразованіяхъ въ государственномъ управленіи, неизбѣжныхъ въ безконечномъ развитіи общественной жизни, должны или измѣнить, смотря по обстоятельствамъ, свои политическія убѣжденія, то-есть зависѣть отъ внѣшнихъ вліяній и случайностей, а не отъ своей собственной разумно-свободной воли, въ томъ, что есть самаго святаго для всякаго образованнаго гражданина, что составляетъ его гражданскую религію, что имѣетъ какой-нибудь смыслъ только когда оно свободно, что есть самаго человѣческаго въ человѣкѣ; или же они должны принимать на себя обязанности только согласныя съ ихъ убѣжденіями: *они должны, смотря по надобностямъ времени, не измѣнять свои убѣжденія, а примыкать къ той или другой струѣ политическаго движенія, соотвѣтствующаго ихъ влеченіямъ.* Но послѣднее несовмѣстимо съ политическимъ ремесломъ или промысломъ. Для этого необходимо, чтобы человѣкъ былъ самостоятеленъ и независимъ отъ промысла и могъ бы отказаться отъ него, то-есть выйдти въ отставку и выжидать,

пока для его убѣжденій опять наступитъ другое время, болѣе благопріятное. Только при этомъ условіи могутъ быть духъ и жизнь въ администраціи. Преобладаніе въ государственномъ управленіи такъ-называемой административной спеціальности или *ремесла*, хотя бы самой усовершенствованной, самой тонкой и просвѣщенной, есть одно изъ величайшихъ золъ государственной жизни: администраторъ-техникъ или еще хуже ремесленникъ заботится только о совершенствѣ своихъ пріемовъ въ дѣлѣ, объ искусствѣ войти въ дѣло и выйдти изъ него: для него дѣло оторвано отъ всякихъ общественныхъ интересовъ, ибо съ обществомъ могутъ связывать человѣка какія-нибудь убѣжденія, находящія отголосокъ въ странѣ, а не подвиги техническаго искусства бюрократіи, находящіе для себя отголосокъ только въ замкнутомъ кругу бюрократической механики. Тогда государственное управленіе обращается въ великую, но бездушную машину всякихъ исполнительныхъ снарядовъ, исполнителей какого-то круговраснаго механическаго движенія, въ машину, приводимую въ дѣйствіе не живыми интересами страны, а побужденіями матерьяльнаго вознагражденія неминуемо слѣдующаго за тщательнымъ исполненіемъ, и мелкимъ тщеславіемъ счастливой карьеры, — побужденіями, столь же бездушными какъ паръ, какъ всякій механическій двигатель. И никакая случайная добросовѣстность сердца, никакія глубокія спеціальныя свѣдѣнія, оторванныя отъ живаго убѣжденія, не могутъ придать администраціи то, что ей можетъ дать только убѣжденіе; всѣ заботы такой технической администраціи направлены только къ самому усердному и блестящему исполненію, — къ исполненію чего бы то ни было. Въ административномъ ремеслѣ нѣтъ никакой надежной опоры для правительства. Эта опора заключается только въ такой дѣятельности государственныхъ людей, которая есть плодъ самопроизвольныхъ ихъ убѣжденій, — убѣжденій, не имѣющихъ никакой надобности скрывать себя и никакой надобности служить враждебнымъ для себя идеямъ. Всѣмъ извѣстно, но недостаточно

ребми глубоко прочувствовано изреченіе: *on n'appuit bien que sur ce qui oppose de la résistance!* Можно опереться только на то, что способно къ отпору. Истина эта одинаково непреложна и для міра нравственнаго, и для міра физическаго. Мы видимъ передъ собою ясный образецъ всего безобразія техническихъ государственныхъ усовершенствованій, это *возрожденіе Австріи* съ 1849 по 1859 годъ. Точнѣйшія технически усовершенствованія были приложены къ этому уродливому политическому тѣлу, и мы видѣли, каковы были ихъ послѣдствія въ Италіи. Всѣмъ этимъ техническимъ усовершенствованіямъ не доставало одного, повидимому маленькаго условія, — духа жизни.

Вездѣ, гдѣ начала самоуправленія получили, какъ въ Англіи, серіозное примѣненіе къ жизни, мы найдемъ огромную массу вліянія и авторитета, собранную въ рукахъ богатой и образованной земледѣльческой группы. Но эта группа вездѣ на свѣтѣ имѣетъ большое вліяніе на государственныя дѣла: полагать, что всякое преобладаніе силы, которою располагаетъ поземельная аристократія, исчезаетъ въ системѣ административной централизаціи и крайней бюрократіи, значило бы горько ошибаться; тѣ же самыя вліянія и преимущества сохраняютъ свою силу и въ бюрократіи, съ тою только разницею, что богатый землевладѣлецъ и знатный человѣкъ, дѣйствующіе съ помощью бюрократической власти, несравненно опаснѣе для своего сосѣда, нежели богатый и сильный человѣкъ, облеченный общественною публичною властью; въ первомъ случаѣ, онъ не подчиненъ никакому контролю, суду и вліянію среды, заинтересованной въ его дѣйствіяхъ; во второмъ, всякое злоупотребленіе власти связано съ отвѣтственностью и въ лучшемъ случаѣ сопряжено съ неминуемыми затрудненіями во всѣхъ его общественныхъ отношеніяхъ. Кромѣ того, вліяніе сильныхъ людей, безъ которыхъ не можетъ обойтись никакая бюрократія, есть вліяніе отдѣльныхъ личныхъ интересовъ, прихотей и пристрастій; въ самоуправленіи, вліяніе сильныхъ людей или аристо-

кратіи есть корпоративное вліяніе цѣлой общественной группы, въ которой внутреннее, взаимное соревнованіе членовъ и постоянное соприкосновеніе и треніе съ прочими классами общества представляютъ несравненно болѣе обезпеченія противъ самовластія отдѣльныхъ личностей и грубыхъ и исключительныхъ личныхъ инстинктовъ.

Наконецъ, — и это едва ли не самое главное обстоятельство, сопровождающее развитіе естественныхъ аристократическихъ элементовъ въ системѣ самоуправленія, — полѣ нихъ возникаетъ самостоятельность и независимость всѣхъ остальныхъ группъ общества, которыя никогда не достигли бы гражданскаго совершенолѣтія при бюрократической системѣ. Если сколько-нибудь желательно распространеніе великаго блага независимости въ средѣ такъ-называемыхъ массъ или людей *смирныхъ и покорствующихъ*, то необходимо начать съ предоставленія политической независимости людямъ, имѣющимъ въ гражданскомъ отношеніи наибольшую степень независимости, пріобрѣтшимъ наиболѣе силы нравственной и матеріальной, наиболѣе независимымъ по своимъ отношеніямъ къ обществу и слѣдовательно наиболѣе способнымъ къ независимости по отношенію къ власти. Если государство должно измѣнить свой характеръ и сдѣлаться изъ полицейскаго государства правомѣрнымъ государствомъ, основаннымъ на законѣ и судѣ, то для этой цѣли оно нуждается въ независимыхъ дѣятеляхъ и должно прежде всего воспользоваться всѣми тѣми силами, которыя фактически уже имѣютъ независимое положеніе въ обществѣ. Потомъ кругъ этихъ силъ будетъ расширяться самъ собой. Но очевидно, что расширеніе круга политически-независимыхъ людей невозможно, гдѣ люди фактически уже независимые находятся въ политической зависимости отъ бюрократіи. При бюрократическомъ опекѣ не только не можетъ расшириться, но вовсе не можетъ существовать кругъ людей политически-независимыхъ. Такимъ образомъ мы можемъ связать съ полнымъ убѣжденіемъ, что развитіе естественной демократіи возможно только

подъ естественной аристократіи. Все то направленіе въ развитіи аристократіи, на которое мы старались указать, какъ на единственное согласное съ успѣхами народнаго благосостоянія и образованности и съ условіями правильной государственной жизни, чрезвычайно благодѣтельно для успѣховъ самой демократіи, если только подъ этими успѣхами мы будемъ разумѣть постепенное пріобщеніе возможно-большаго числа людей ко всѣмъ благамъ цивилизаціи, просвѣщенія и богатства, а не дикое уравненіе, во имя какихъ-то смутныхъ идеаловъ. Мы видимъ, что при возможно болѣе свободномъ развитіи народной дѣятельности, умственной и промышленной, уравненіе членовъ общества въ независимости ихъ положенія дѣлаетъ все большіе и большіе успѣхи: тѣ неравенства, которыя, по естественному закону необходимости, сопровождаютъ этотъ процессъ развитія, могутъ быть насильственно устранены лишь для внѣшняго, мечтательнаго, а не дѣйствительнаго уравненія и подъ опасностью стѣсненія самой свободы народной дѣятельности, которая медленно, но вѣрно вырабатываетъ всѣ преобразованія въ общественныхъ отношеніяхъ разныхъ группъ народонаселенія, а подавленная искусственными уравнивающими мѣрами, скрывается и оставляетъ по себѣ одно только равенство, — равенство всеобщей зависимости и всеобщаго отсутствія свободы. Къ такому злому исходу ведетъ стремленіе бороться искусственными средствами съ естественными неравенствами между людьми. Напротивъ, здравая политика учитъ насъ, что этими неравенствами или общественными преимуществами государству слѣдуетъ воспользоваться для блага всего общества. Съ другой стороны, здравая политика учитъ, что не менѣе пагубно задерживать размноженіе людей независимыхъ въ странѣ искусственнымъ установленіемъ привилегій, стѣсняющихъ гражданскую свободу непривилегированныхъ сословій: ибо, раздѣливъ націю на враждебные лагери, мы лишили бы привилегированное сословіе того независимаго положенія, которое возможно лишь при полной безопасности и проч-

ности отношений къ окружающей средѣ. Естественныя преимущества, закрѣпляемыя гражданскими привиллегіями, утрачиваютъ способность дѣлать независимымъ человѣка, пользующагося ими, и пріобрѣтаютъ способность возбуждать ненависть непривиллегированныхъ. Напротивъ, въ политической, административной и вообще публичной дѣятельности эти преимущества находятъ для себя самый лучшій и мирный исходъ. Невооруженная никакими искусственными сословными привиллегіями, аристократія всякой страны можетъ самымъ прочнымъ образомъ пріобрѣсти такую долю вліянія и силы, какую она никогда не можетъ имѣть, преслѣдуя сословные интересы, разобщающіе ее отъ интересовъ всего общества. Смотря на это вліяніе и силу, какъ на свою серіозную обязанность передъ обществомъ и страной, а не какъ на источникъ личныхъ выгодъ, аристократія можетъ занять почетное мѣсто въ кругу государственнаго управленія, преимущественно мѣстнаго, и системой самоуправленія предотвратить гибельныя послѣдствія административной централизаціи и бюрократіи. Напротивъ, алчно держась за свои привиллегіи или даже стараясь расширить ихъ, аристократія неминуемо потеряетъ свое значеніе въ странѣ, и самоуправленіе сдѣлается невозможнымъ, потому что власть, находящаяся въ рукахъ касты, безспорно хуже и тяжеле для народа, нежели даже власть бюрократіи.

Въ продолженіи всего сказаннаго объ аристократіи и интересахъ дворянства мы излагали нашъ предметъ въ самыхъ общихъ чертахъ: мы старались, по возможности, возвести его къ самымъ общимъ началамъ и понятіямъ, имѣющимъ одинаковое значеніе при всѣхъ обстоятельствахъ мѣста и времени. Потому наше изложеніе, по необходимости, должно было получить нѣсколько отвлеченныя формы, и только изрѣдка могло прямо обращаться къ современнымъ отношеніямъ русскаго общества. Обязанность не затрогивать многихъ щекотливыхъ сторонъ нашего быта придавала еще болѣе отвлеченности нашимъ разсужденіямъ и не позволила войти во многія частныя

применения. Но эти применения возникали сами собою и сопровождали всѣ наши выводы. Въ первой главѣ мы представили нѣкоторыя черты изъ быта аристократіи въ западной Европѣ и тѣхъ въ немъ преобразованій, которыя неминуемо должны были слѣдовать за историческимъ развитіемъ общества. Во второй главѣ мы указали на естественные законы, образующіе неравенство въ человѣческомъ обществѣ, и на естественное ему противодѣйствіе успѣхами образованности, промышленности и гражданственности. Въ третьей, мы старались доказать несостоятельность всякаго искусственнаго противодѣйствія этимъ законамъ естественнаго развитія и необходимость, въ которую поставлена государственная власть и положительное законодательство, сообразоваться съ этими естественными условіями жизни общества, если законодательство не намѣрено противиться нравственнымъ и промышленнымъ успѣхамъ народа. Всѣ эти общія начала имѣютъ непосредственное примѣненіе и къ положенію нашего дворянства, затронутаго преобразованіемъ крестьянскаго быта, въ одномъ изъ существенныхъ условій своего собственнаго историческаго быта. Никакая страна, и никакое сословіе не могутъ вовсе отрѣшиться отъ задачъ, поставляемыхъ общечеловѣческимъ движеніемъ исторіи, и потому будущность нашего дворянства подчинена тѣмъ же непреложнымъ законамъ нравственныхъ и экономическихъ успѣховъ общества, которые оказали свое непреложное могущество надъ судьбами подобныхъ же сословій въ европейской исторіи. Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе практическихъ результатовъ всѣхъ высказанныхъ нами мыслей, для русскаго дворянства, мы хотѣли бы въ заключеніе всего нашего изложенія, выставить эти результаты въ самомъ краткомъ перечнѣ предстоящихъ дворянству задачъ. Въ болѣе или менѣе успѣшномъ разрѣшеніи этихъ задачъ, столько же (если даже не въ большей степени) зависящемъ отъ самого дворянства, какъ и отъ законодательства, заключаются, по нашему глубокому убѣжденію, вся будущность и всѣ интересы дворянства.

Упраздненіемъ крѣпостнаго состоянія снимается съ дворянства послѣднее условіе его *служилаго* характера — этого ярма, наложеннаго на него, вмѣстѣ съ другими классами общества, суровыми историческими обстоятельствами *государственной необходимости*, всюду тяжкой, всюду жестокой, но, по особеннымъ свойствамъ славянской національности и сѣверовосточной равнины, особенно тяжкой и особенно жестокой въ Россіи. Совершающееся преобразованіе можно столько же назвать освобожденіемъ дворянства отъ крѣпостнаго состоянія, сколько и освобожденіемъ отъ него крестьянъ. Таковымъ оно и должно быть. Дворянство, лишаясь крѣпостнаго труда, освобождается изъ оковъ искусственнаго государственнаго сословія, оно дѣлается естественною общественною группой образованныхъ землевладѣльцевъ. Всѣ интересы дворянства заключаются потому въ естественныхъ условіяхъ жизни землевладѣльческой группы, а не искусственнаго сословія, и въ естественныхъ отношеніяхъ этой группы къ прочимъ группамъ. Мы должны принять всѣ послѣдствія этого новаго положенія и не только не отворачиваться отъ него, но смѣло идти ему навстрѣчу.

На этомъ пути представляются слѣдующія задачи:

1) Безусловно и прямодушно разстаться съ крѣпостнымъ правомъ и со всѣми, безъ изъятія, отношеніями къ крестьянамъ, носящими на себѣ какіе бы то ни было слѣды этого права въ хозяйствѣ; потому, какъ можно скорѣе разстаться со всякими работами и повинностями, имѣющими характеръ принужденія и барщины, обращаться съ послѣднею, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда она останется на время неизбѣжнаго переходнаго состоянія, какъ съ самымъ кореннымъ зломъ въ хозяйствѣ, при которомъ невозможны никакія въ немъ улучшенія. Первою цѣлію всѣхъ заботъ и усилій помѣщика должно сдѣлаться *устройство хозяйства на единственно возможныхъ для его успѣховъ основаніяхъ вольнонаемнаго труда*. Еслибы послѣднее оказалось совершенно неисполнимымъ для нѣкоторыхъ хозяевъ, по особеннымъ личнымъ об-

стоятельствамъ, то лучше разстаться вовсе съ хозяйствомъ и передать его, тѣмъ или другимъ способомъ, на тѣхъ или другихъ условіяхъ (арендою, продажей и пр.) въ другія руки, болѣе расположенныя и готовыя взяться за дѣло коммерческимъ образомъ. Въ такихъ рукахъ, смѣемъ думать, не будетъ недостатка. Русское дворянство не должно забывать, что его лучшіе и благороднѣйшіе интересы заключаются въ интересахъ образованнаго и самостоятельнаго земледѣльческаго класса, а не искусственнаго государственнаго сословія, что если интересы этого класса имѣютъ великое значеніе для страны и право на почетное мѣсто въ обществѣ, то лишь въ томъ случаѣ, *когда эти интересы суть чисто интересы образованнаго земледѣльческаго класса, то-есть класса, умѣющаго употребить свои поземельныя имущества для политическаго служенія обществу*, а не интересы сословія, не могущаго извлечь выгодъ изъ своего имущества иначе какъ съ помощію исключительныхъ привилегій, стѣснительныхъ для другихъ членовъ общества. Но мы никакъ и не связываемъ такого печальнаго понятія съ русскимъ дворянствомъ; настоящая переходная эпоха, полная недоумѣній и недоразумѣній, выведетъ все общество на настоящій путь и откроетъ нашему помѣщичьему хозяйству будущность болѣе блистательную всѣхъ нынѣшнихъ коммерческихъ операцій на барщину. Для того, чтобы пойти по этому пути, нужно стряхнуть много лѣни съ нашего хозяйства, нужна энергія, нужно болѣе свѣдѣній въ земледѣліи, и уже нельзя ограничиться перелистываніемъ англійскихъ агрономическихъ журналовъ, восторгами передъ необычайными породами заморскаго скота и надеждой улучшать земледѣльческія работы при пособіи исправительныхъ наказаній.

2) Воспользоваться для разрѣшенія предыдущей задачи денежными способами, возникающими изъ выкупа крестьянскихъ земель. Новые капиталы должны быть приложены къ самымъ имѣніямъ, а не къ непроизводительнымъ тратамъ. При этомъ уже нельзя болѣе обра-

щаться съ новыми денежными вспособленіями, какъ въ бывалое время; надо видѣть въ нихъ начало прочнаго обезпеченія будущаго потомства, а не дешевое средство улучшенія своего комфорта и удовлетворенія ненасытимой жажды къ тщеславной роскоши и туризму.

3) Озаботиться устройствомъ выкупа, и тѣмъ самымъ въ устройствѣ частныхъ земледѣльческихъ кредитныхъ товариществъ или земскихъ банковъ положить первое основаніе учрежденіямъ самоуправленія, а завѣдываніемъ такихъ учрежденій, нынѣ пашедшихъ у насъ всеобщее сочувствіе показать себя способными къ самоуправленію, столько же необходимому для интересовъ общества, какъ и самого правительства. Но для успѣха такихъ кредитныхъ учрежденій уже нельзя оставаться равнодушнымъ зрителемъ безаконія и злоупотребленія сьоихъ собратій, и надо вовсе забыть о печальныхъ добродѣтеляхъ прежняго времени, — приличномъ равнодушіи къ общественному дѣлу, терпимости къ наглымъ порокамъ служителей публичнаго дѣла и паническомъ страхѣ прослыть безпокойнымъ человѣкомъ. [1])

4) Облегчить всѣми мѣрами возникновеніе крестьянской поземельной собственности, какъ того типа хозяйства, къ которому исторически тяготѣетъ нашъ земледѣльческій классъ. Удовлетвореніе этому стремленію должно охранить земледѣльческую группу отъ безпокойныхъ притязаній со стороны земледѣльческой, снять съ первой значительную долю отвѣтственности передъ страной и исторіей, и упрочить на долгія времена тѣ мир-

[1]) Для объясненія этого пункта нужно припомнить, что въ то время, когда были написаны эти строки, самые способы производства выкупа крестьянской земли (черезъ посредство государственнаго выкупнаго учрежденія) еще далеко не были рѣшены. Была мысль объ устройствѣ выкупной операціи черезъ посредство частныхъ кредитныхъ учрежденій (обществъ землевладѣльцевъ-заемщиковъ) съ гарантіями и пособіями отъ правительства. Эта мысль очень занимала собою автора, который былъ въ то время занятъ устройствомъ такихъ обществъ (въ Высочайше учрежденной коммиссіи для земскихъ банковъ). Позже такія общества и образовались отчасти по указаніямъ коммиссіи, но безъ того правительственнаго содѣйствія, которое ею было проектировано.

ныя отношенія между этими двумя важнѣйшими элементами общества, которыя такъ между ними возможны, такъ близки интересамъ каждаго, такъ плодотворны для благосостоянія всей страны и такъ необходимы даже для денежныхъ интересовъ дворянства. При этомъ надо забыть на нѣкоторое время о тѣхъ юридическихъ тонкостяхъ и опредѣленіяхъ владѣнія, которыя совершенно чужды исторіи нашихъ поземельныхъ отношеній, которыя противны духу ихъ, до сихъ поръ чуждавшемуся всякой опредѣленности, которыя могутъ быть призываемы на помощь изъ-за моря только для затрудненія вопроса и для сверхъестественнаго союза съ воззрѣніями, не имѣющими никакого юридическаго прошедшаго, и которыя наконецъ совершенно безполезны при экономическихъ условіяхъ цѣнности нашихъ поземельныхъ владѣній. Достаточно казалось бы озаботиться чисто-экономическими интересами земли, требующими выкупа крестьянскихъ земель столько же для выгодъ крестьянскаго хозяйства, какъ и помѣщичьяго, которое нуждается въ капиталахъ и въ осѣдлости рабочаго народонаселенія, гораздо болѣе чѣмъ въ землѣ.

5) Отказаться отъ тяжкаго гнета всѣхъ безъ изъятія искусственныхъ привилегій вотчинной власти и искать вознагражденія за нее въ правильной системѣ самоуправленія, которая, избавляя отъ злоупотребленій крайней централизаціи и бюрократіи, будетъ столько же выгодна для всѣхъ классовъ общества, какъ и для самого дворянства, безпрестанно воюющаго противъ административныхъ злоупотребленій, но которая немыслима, если дворянство не откажется отъ всякихъ искусственныхъ привилегій, несовмѣстимыхъ съ самымъ понятіемъ о самоуправленіи. Привилегированное сословіе, имѣющее въ своихъ рукахъ управленіе хотя бы только и мѣстное, на *вотчинномъ или исключительно дворянскомъ началѣ*, — это было бы хуже всякой бюрократіи, это было бы возвращеніемъ къ египетскимъ или индійскимъ кастамъ. Наше дворянство должно разомкнуться во всѣ стороны, если

хочетъ пріобрѣсти вліяніе на управленіе; оно должно принять въ себя всю землевладѣльческую группу общества, безъ всякихъ искусственныхъ различій, которыя къ тому же противны духу и историческимъ преданіямъ нашего народа. Въ какихъ бы границахъ ни получила вліяніе землевладѣльческая группа, она должна принять къ сердцу интересы земледѣльческаго народонаселенія, или міра, какъ своего лучшаго союзника. Въ этой задачѣ заключается едва ли не самый существенный вопросъ всѣхъ предстоящихъ нашему отечеству преобразованій. Крайняя административная централизація и бюрократія, со всѣми своими злоупотребленіями, не только сдѣлались предметомъ жалобъ въ обществѣ, но явно не удовлетворяютъ болѣе требованіямъ и желаніямъ самого правительства. Способно ли само общество или земство поставить на мѣсто этихъ крайностей свои собственные органы? Разрѣшеніе этого вопроса зависитъ гораздо болѣе отъ самого дворянства, чѣмъ отъ закона, который не можетъ творить честныхъ и самостоятельныхъ органовъ публичной власти, а можетъ только пользоваться существующими условіями общественнаго быта. Этотъ бытъ пока не внушаетъ много къ себѣ довѣрія, но онъ долженъ внушить это довѣріе, или, лучше, обезпечить его для себя, и тогда уже предъявить свои права. *Гражданская самостоятельность и нравственная независимость* образованныхъ и значительныхъ представителей этого быта — таково необходимое условіе, которымъ обезпечивается уваженіе и довѣріе! Но гражданская самостоятельность и нравственная независимость невозможны, когда подлѣ стоятъ притязанія на искусственныя привилегіи, разобщающія представителей такихъ притязаній съ интересами остальнаго общества и подчиняющія ихъ благорасположенію власти.

На указанномъ нами пути политическаго развитія *вмѣсто привилегій являются права:* здѣсь уже невозможно помышлять о сословныхъ разграниченіяхъ, выгодныхъ впрочемъ только для той силы, которая пользуется

общественными междоусобіями, дабы закрѣпить свое владычество и распространить свою опеку. При этомъ невозможно призывать на помощь безобразныя сословныя притязанія, чуждыя намъ теоріи о какихъ-то различіяхъ высшаго, средняго и низшаго рода людей: при этомъ необходимъ дружный союзъ всѣхъ элементовъ общества, которые могутъ искать различій только въ степени патріотизма своихъ стремленій, просвѣщенности своихъ инстинктовъ и готовности своей служить общему дѣлу.

6) Приготовить себя и грядущія поколѣнія къ исполненію такой задачи успѣхами умственнаго развитія и воспитаніемъ духа самостоятельности и гражданскаго характера. Но при этомъ уже нельзя ограничиваться фельетоннымъ воспитаніемъ, на основаніяхъ салоннаго либерализма и барской спѣси. Надо подумать поставить грядущія поколѣнія на уровень европейскаго образованія, — не того европейскаго образованія, которое кидается въ глаза на желѣзныхъ дорогахъ, въ блестящихъ гостиницахъ, на улицахъ большихъ городовъ, на модныхъ водахъ и въ дипломатическихъ салонахъ, а того европейскаго образованія, которое построило желѣзныя дороги, дало науку, выработало частное и публичное право, возвело политическія учрежденія и создало всѣ обезпеченія человѣческой свободы.

Таковы, если не ошибаемся, естественные интересы русскаго дворянства. Всѣ они таковы, что ихъ можно назвать *интересами всего русскаго общества*. А въ тожествѣ интересовъ высшаго класса и интересовъ народа заключается величайшее благо въ жизни всякой страны и всякаго государства.

III.

1861.

МАНИФЕСТЪ

19 февраля 1861 года [1]).

Съ Манифестомъ 19 февраля 1861 г. Россія вступила въ новый періодъ своей государственной и гражданской жизни! Если справедлива мысль, что внѣшніе, вещественные рубежи историческихъ періодовъ имѣютъ значеніе лишь условное, для облегченія человѣческому уму возможности помнить и обнять прошедшее, что эти рубежи не соотвѣтствуютъ внутреннему смыслу и содержанію историческаго развитія, которое творитъ свои эпохи постепенно, медленно и неуклонно, не взирая ни на какіе внѣшніе признаки, — то, во всякомъ случаѣ, въ исторіи собственно гражданской и государственной жизни великіе памятники законодательства могутъ служить настоящими раздѣльными пунктами или урочищами періодовъ. Вслѣдствіе того преобладающаго вліянія, которое имѣютъ положительные законы каждой страны на гражданскія и государственныя отношенія народа, великіе законодательные урочища могутъ и создавать новыя эпохи въ исторіи этихъ отношеній; за тѣмъ, по опыту вѣковъ, акты законодательства, самые могущественные

---

[1]) Эта статья была напечатана въ еженедѣльной газетѣ «Вѣкъ» вслѣдъ за появленіемъ Манифеста.

по своему вліянію на народную жизнь суть именно тѣ, которые *отмѣняютъ*, уничтожаютъ или отрицаютъ законодательныя преграды, прежде наложенныя исторіею на свободное развитіе народовъ. Всѣ эти свойства и признаки вполнѣ принадлежатъ законоположеніямъ, сопровождающимъ Всемилостивѣйшій Манифестъ 19 февраля 1861 г. На долю Императора Александра II выпалъ счастливый жребій поставить великое урочище въ исторіи судебъ нашего отечества!

Безъ всякаго сомнѣнія, люди, стоящіе на самомъ рубежѣ, всего менѣе способны его измѣрить, оцѣнить весь его историческій смыслъ и значеніе; но каждый изъ нихъ обязанъ бросить свою горсть праха къ подножію воздвигаемаго памятника. Въ эту горсть праха можетъ быть вложена человѣческая мысль, и тогда дань признательности современниковъ не остается только безсмысленнымъ взрывомъ восторга, рабольпнымъ лепетомъ слѣпаго восхищенія, а дѣлается плодомъ сознательнаго духа, тою новою силою, которая расширяетъ въ народѣ сознаніе новыхъ началъ грядущаго періода и очищаетъ имъ путь. Смыслъ же нашего государственнаго событія такъ ясенъ, что если мы не можемъ измѣрить и опредѣлить всѣхъ его историческихъ послѣдствій, то мы, конечно, можемъ, уразумѣть сущность новыхъ понятій, вносимыхъ событіемъ въ нашу гражданственность, и никакъ не можемъ сравнить себя въ этомъ отношеніи съ нашими предками, надъ головами которыхъ издавались указы Годунова и Шуйскаго о прикрѣпленіи крестьянъ. Не подлежитъ, кажется, никакому сомнѣнію, что вслѣдствіе успѣховъ народнаго самопознанія, мы гораздо лучше можемъ обнять нашимъ сознаніемъ подвиги Александра II, чѣмъ могли подданные Годунова и Шуйскаго — подвиги этихъ монарховъ.

Высочайше утвержденными положеніями 19 февраля 1861 г. отмѣняется въ Россіи навсегда крѣпостное состояніе! Въ этихъ трехъ строкахъ первой статьи Общаго Положенія заключается громадный государственный фактъ, — фактъ далеко оставляющій за собою все остальное

ное, возвигаемое новымъ закономъ. Чтобы вполнѣ уразумѣть великость этого факта, нужно только вникнуть въ смыслъ гражданскихъ правъ для всякаго народа. Распространеніе, посредствомъ упраздненія крѣпостнаго состоянія, гражданской полноправности на цѣлую треть всего народонаселенія государства, стоявшую за предѣлами гражданской жизни народа, есть еще самая маловажная сторона этой мѣры. Ея значеніе не потому только велико, что до нея 5 десятковъ милліоновъ были гражданами государства, а послѣ нея будетъ 7 десятковъ милліоновъ гражданъ. Не численность членовъ государства опредѣляетъ его характеръ и его всемірно-историческую задачу, а качества государственныхъ стихій, свойства гражданскихъ отношеній между членами государства. Дѣло въ томъ, что гражданское право есть первая необходимая основа, на которой могутъ прочно существовать какія бы то ни было блага государственной жизни, это — первое обезпеченіе свободы человѣческой личности, вносимое государствомъ въ человѣческое общежитіе и открывающее путь ко всѣмъ дальнѣйшимъ государственнымъ обезпеченіямъ. А до тѣхъ поръ, пока существуетъ въ государствѣ крѣпостное право, хотя-бъ тому праву было подчинено не 20 мил. подданныхъ, а только 20 десятковъ, до тѣхъ поръ, пока есть въ обществѣ сколько-нибудь людей, подчиненныхъ въ своей гражданской личности произволу другихъ людей, до тѣхъ поръ, пока есть освященная закономъ возможность такого коренного нарушенія самыхъ основныхъ правъ человѣческой личности, — до тѣхъ поръ настоящаго гражданскаго права и гражданскаго общества нѣтъ въ государствѣ, до тѣхъ поръ нѣтъ гражданской личности и у самихъ тѣхъ людей, въ которыхъ развитіе свободы человѣческаго духа основано прежде всего на непризнаніи гражданской личности другихъ, себѣ подобныхъ. Самыя блестящія государственныя построенія разлетаются во прахъ пока подъ ними, гдѣ-нибудь, хотя бы въ самыхъ темныхъ подземельяхъ тается какая-нибудь капля крѣпостнаго состоянія, — этой язвы

общественныхъ организмовъ, оставшейся отъ болѣзненныхъ процессовъ и переломовъ средневѣковой исторической жизни. Современныя событія (1861 г.) одной изъ величайшихъ и горделивѣйшихъ республикъ міра служатъ самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ этой истины, еслибъ могло быть малѣйшее въ ней сомнѣніе: южные граждане рабовладѣльцы Сѣверо-Американскихъ Штатовъ не могутъ ужиться вмѣстѣ съ сѣверными гражданами, за плечами которыхъ чисто поле гражданской свободы, и никакія политическія сочетанія и ухищренія, никакія свободолюбивыя учрежденія не могутъ помочь этимъ двумъ разрядамъ людей жить вмѣстѣ подъ крышею одного государства. Истинное гражданское уложеніе государства не вмѣщаетъ въ себѣ главъ, хотя бы и въ видѣ примѣчаній и изъятій, — главъ, отрицающихъ весь здравый смыслъ началъ, на которыхъ основаны другія его главы; иначе это не гражданскій кодексъ, не книга законовъ, — а призракъ. Безъ всякаго сомнѣнія, дѣло уничтоженія крѣпостной зависимости пріобрѣтаетъ для государства еще большую громадность, когда ей была подчинена цѣлая треть народонаселенія и когда большинство ея образованнаго класса было заражено этою язвою. Тогда водвореніе гражданскаго права въ такомъ государствѣ дѣлается событіемъ великимъ уже для всего человѣчества. Каковы самыя опредѣленія этого гражданскаго права, распространяемыя на всѣхъ подданныхъ, каковъ самъ гражданскій законъ, — это уже вопросъ второстепенный; для насъ важно пока то, что создана и подослана подо все общество та гражданская почва, на которой каждый можетъ стоять крѣпко, обѣими ногами, и которую всячески можно усовершенствовать, когда она разъ уже есть, — легче усовершенствовать, нежели когда ее вовсе нѣтъ.

Новый законодательный актъ не могъ, однако, ограничиться простымъ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости помѣщичьихъ крестьянъ отъ господъ. Узелъ этой зависимости глубоко вросъ въ поземельную собствен-

ность, около которой исторически завязались отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ; разрѣзать этотъ узелъ, скрытый подъ землею, разлучить помѣщиковъ съ крестьянами, не сказавъ ничего о землѣ, на которой вѣка врѣзали глубокія борозды сохи крестьянской и барщинои, въ которую вѣка внедрили самыя неизгладимыя воспоминанія этой печальной драмы гражданскихъ отношеній, — такое дѣло затронуло бы за живое самыя болѣзненныя струны всего земледѣльческаго быта, привело бы своею крайностью въ брожение самыя основныя понятія сложившейся жизни, и подвергнуло бы опасности самую почву, которая должна была бы вынести столь крутое потрясеніе. Изложенными нами взглядъ на развязку отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и внесъ въ законоположеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, начало надѣла крестьянъ усадьбами и землею за повинности въ пользу помѣщика, — начало, выраженное въ 3 статьѣ Общаго Положенія и, на ряду съ упраздненіемъ крѣпостнаго права, проникающее собою всю систему новаго законодательства.

Наконецъ русскій крестьянинъ исторически тяготѣетъ, всѣми своими интересами, къ типу земледѣльца-собственника и всѣ интересы дворянства склоняютъ его имѣть подъ себя такого сосѣда земледѣльца и уступить ему часть своихъ земель. Эти настоятельной политической и экономической потребности нашего общества и призваны удовлетворить 11, 12 и 14 статьи Общаго Положенія, послужившія основаніемъ особаго Положенія о выкупѣ. Крестьянамъ предоставляется право выкупать въ собственность усадебную ихъ осѣдлость посредствомъ взноса опредѣленной выкупной суммы; и „Дабы облегчить крестьянамъ пріобрѣтеніе въ собственность отведенныхъ имъ въ постоянное пользованіе земель, въ случаѣ добровольнаго на то соглашенія между помѣщикомъ и крестьянами, или въ случаѣ требованія самаго помѣщика, правительство оказываетъ пособіе, въ томъ размѣрѣ и тѣмъ порядкомъ, какіе опредѣлены въ особомъ Поло-

женіи о выкупѣ крестьянами усадебной осѣдлости и о содѣйствіи правительства къ пріобрѣтенію ими въ собственность полевыхъ угодій.» Съ пріобрѣтеніемъ крестьянами въ собственность ихъ земельнаго надѣла прекращается всѣ обязательныя поземельныя отношенія между помѣщиками и крестьянами. Обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, возникающія изъ земельнаго надѣла, не могли быть признаны окончательною развязкою вопроса о землѣ, на которой водворены крестьяне, и правительство, открывая, съ одной стороны, широкія двери добровольнымъ соглашеніямъ между крестьянами и помѣщиками относительно земли, и съ другой стороны, предлагая свое содѣйствіе выкупной сдѣлкѣ, — облегчило путь къ переходу временно-обязанныхъ крестьянъ въ собственниковъ, т. е., переходу соотвѣтствующему самымъ насущнымъ историческимъ и экономическимъ нашимъ потребностямъ, и интересамъ всѣхъ сословій. Эта идея — является послѣднимъ и окончательнымъ звѣномъ, къ которому примыкаютъ и сосредоточиваются всѣ отдѣльныя части новаго законоположенія. Ею полагается заронить великой стихіи въ судьбахъ каждаго народа и государства — классу земледѣльцевъ-собственниковъ. Въ этомъ классѣ представляется могущественный оплотъ противъ великихъ общественныхъ и экономическихъ переворотовъ, и грузъ, умѣряющій стремительность хода великой государственной машины!.

Таковы великія пріобрѣтенія нашего отечества съ изданіемъ Манифеста 19 февраля; мы старались, въ самомъ краткомъ очеркѣ, указать на основныя начала законодательства, имъ обнародованнаго. Какъ ни важны и ни рѣшительны они должны быть въ исторіи нашей государственной и гражданской жизни, они сдѣлаются для всѣхъ, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе осязательными по своимъ неминуемымъ жизненнымъ послѣдствіямъ, нежели по своему внутреннему содержанію и идеѣ. Упомянемъ пока объ одномъ необходимомъ послѣдствіи, близкомъ и органически вошедшемъ въ составъ самаго законода-

тельства. Гражданское полноправіе лица уничтожаетъ возможность домашняго надъ нимъ суда, домашней полиціи, домашней администраціи господина земли — *управляется въ законномъ государствѣ вотчинное государство, какимъ досель было каждое помѣщичье имѣніе.* Новые граждане подчиняются общему закону, суду и управленію и составляютъ изъ себя новую единицу государства — сельское общество и волость. «Въ каждомъ сельскомъ обществѣ и въ каждой волости завѣдываніе общественными дѣлами предоставляется міру и его избраннымъ». Значеніе этого постановленія 17-й статьи Общаго Положенія *важно не для однихъ крестьянъ*, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, а *для всѣхъ*. Этотъ крестьянскій міръ — будетъ дѣйствительно новою единицею въ государственномъ строѣ нашего общества, тою единицею, какою не могъ быть ни одинъ крестьянскій міръ всѣхъ существующихъ свободныхъ сельскихъ обывателей, ни въ одномъ изъ его разрядовъ, пока бокъ-о-бокъ съ этимъ міромъ существовалъ міръ крѣпостныхъ крестьянъ и пока вокругъ него существовала атмосфера понятій о сельскихъ обывателяхъ несвободныхъ. Отнынѣ возникаетъ въ Россіи классъ свободнаго крестьянскаго народонаселенія, имѣющаго свои права и обязанности въ общемъ кругу государственной жизни. Общее Положеніе заключаетъ въ себѣ особое отдѣленіе о переходѣ въ среду новаго крестьянскаго міра лицъ изъ всѣхъ свободныхъ сословій государства. Отнынѣ падаютъ всѣ перегородки между членами огромнаго большинства нашихъ соотечественниковъ, имѣющихъ одни и тѣ же государственные и общественные интересы, одни и тѣ же источники жизни, до сихъ поръ насильственно разъединенные заворами крѣпостнаго права и вотчинной власти. Послѣ этого сдѣлалась очевидною необходимость общихъ государственныхъ преобразованій для всего вообще сельскаго состоянія въ государствѣ, и въ Высочайшемъ Рескриптѣ того же 19 Февраля на Имя Великаго Князя Константина Николаевича мы читаемъ: При утвержденіи предположеній объ отмѣнѣ крѣпостной зависимости и по-

мѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ и объ устройствѣ ихъ быта, И признавъ необходимымъ принять мѣры и къ устройству всего вообще сельскаго состоянія на общихъ и единообразныхъ началахъ». Эти незабвенныя слова прочтены нами съ неменьшею признательностью къ государственной мудрости Императора, чѣмъ и всѣ Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.

Но не для одного крестьянскаго народонаселенія и не для однихъ сельскихъ обывателей важно образованіе новаго крестьянскаго міра, а для всего русскаго общества, для всего народонаселенія Имперіи. *Только съ постепеннымъ исчезновеніемъ въ государствѣ мелкихъ единицъ власти, основанныхъ на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ вся остальная система управленія, возможно сколько нибудь существенное преобразованіе мѣстнаго управленія*, согласно потребностямъ времени, сознанныя имъ и самимъ правительствомъ. Свободный крестьянскій міръ есть первое, необходимое звѣно провинціальной администраціи, и уже передъ нами воздвигается новый образъ сельской власти — мировой посредникъ, сдѣлавшійся возможнымъ лишь съ упраздненіемъ крѣпостной зависимости однихъ сельскихъ обывателей отъ другихъ. Мировой посредникъ новая власть въ мѣстномъ управленіи, — новая власть подъ крестьянскаго міра, призванная замѣнить исчезающую вотчинную власть, примирить прошедшее съ будущимъ. Пожелаемъ изъ глубины нашей души, чтобы собрались всѣ лучшія силы русскихъ людей къ достойному исполненію обязанностей этой новой и важной власти, поставленной на рубежѣ стараго и новаго порядка нашей государственной жизни!

Мы старались выставить главнѣйшія и ближайшія послѣдствія упраздненія крѣпостнаго права; мы старались показать, какъ плодотворно начало гражданскаго полноправія въ государствѣ, этого насущнаго хлѣба каждаго человѣческаго общества.

Всѣ новыя начала, вносимыя Положеніями о крестьянахъ въ нашъ бытъ, по возможности, пріурочиваются ко

всѣмъ сложившимся условіямъ нашего прошедшаго и къ разнообразнымъ мѣстностямъ, входящимъ въ составъ Имперіи, — и примѣняются съ постепенностью, умѣряющею слишкомъ крутые переходы къ новымъ условіямъ быта. Глубоко признательные за великія пріобрѣтенія, связанныя съ Манифестомъ 19 февраля, будемъ терпѣливо ожидать постепеннаго водворенія ихъ въ жизни. Но этого мало, будемъ, всякій по своему, содѣйствовать упроченію дѣла, отъ котораго зависитъ вся наша историческая будущность. И здѣсь, въ торжественную минуту нашего государственнаго обновленія, какъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье, забудется, кто пришелъ на праздникъ прежде, чѣмъ послышался радостный благовѣстъ, кто въ первый часъ, кто въ девятый, кто совсѣмъ не пришелъ — все забыто, все прощено. Всѣмъ простится, кто увѣруетъ въ Воскресенье, кто бодро встанетъ и пойдетъ къ обновленію!

IV.

1861.

НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ ДѢЙСТВІЕМЪ НОВЫХЪ КРЕСТЬЯНСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

(Письма изъ деревни) [1].

1.

Вы нетерпѣливо ожидаете отъ меня извѣстій *изъ деревни*, этого міра разочарованій для нашего брата, такъ

---

[1] Эти письма изъ деревни были напечатаны въ газетѣ «Вѣкъ» въ 1861 году (въ маѣ — сентябрѣ мѣсяцахъ), вслѣдъ за вступленіемъ въ дѣйствіе крестьянскихъ Положеній. Въ нихъ изложены личныя, непосредственныя наблюденія автора надъ ходомъ крестьянскаго дѣла и въ особенности надъ первыми шагами вступленія въ жизнь новыхъ учрежденій крестьянскихъ и посредническихъ. Мы сохранили въ этихъ статьяхъ безъ перемѣны эту первоначальную форму «писемъ», такъ какъ въ ней вѣрнѣе всего отражается картина новой жизни, загорѣвшей въ то время въ деревнѣ и уѣздѣ. (Чтобы оставить слѣды этой жизни, мы даже оставили безъ перемѣны нѣкоторыя мѣста не совсѣмъ подходящія къ общему тону этого изданія.) Эти письма, кромѣ многихъ другихъ впечатлѣній, сосредоточены главнѣйше на новыхъ началахъ власти (крестьянской и посреднической), ставшихъ на мѣсто вотчинной и бюрократической властей. Въ этихъ началахъ были зародыши перехожденія мѣстнаго бюрократическаго или приказнаго управленія въ земское самоуправленіе. Вопросы этого перерожденія затронуты въ этихъ статьяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ-же намѣчены и нѣкоторыя недоумѣнія, связанныя съ крестьянскимъ самоуправленіемъ (волостные суды), сдѣлавшіяся впослѣдствіи болѣе ясными.

называемыхъ теоретиковъ, и міра разрѣшенія крестьянскаго дѣла уже въ дѣйствительности, а не на бумагѣ. Сейчасъ передамъ вамъ самыя первыя впечатлѣнія свѣжаго пріѣзжаго въ деревню, и напередъ оговариваюсь, что въ моихъ впечатлѣніяхъ нѣтъ до сихъ поръ никакихъ особенныхъ разочарованій и ничего подходящаго подъ рубрику «безпорядковъ въ губерніяхъ». Мои извѣстія будутъ вообще весьма успокоительнаго свойства.

Сдѣлавъ это успокоительное предисловіе, я уже имѣю право, по примѣру всѣхъ деревенскихъ доносчиковъ, начинающихся классическимъ удостовѣреніе о томъ, что «все обстоитъ благополучно» — прибавить мое «*но*». Однако и это «*но*» не будетъ заключать въ себѣ ничего разрушительнаго. Вотъ оно. Первое время, передъ началомъ полевыхъ работъ, по деревнямъ было, какъ говорятъ, тревожно. Это тревожное состояніе — ожиданіе немедленныхъ послѣдствій свободы, съ одной стороны, и ожиданіе неповиновенія, съ другой, — миновалось, или, какъ говорятъ, перетерпѣлось. Не смотря на разныя колебанія въ умахъ крестьянъ, требованія льготъ, неизбѣжныя столкновенія на счетъ барщины, — крестьяне повсемѣстно вышли на работы и до сихъ поръ нигдѣ не оказываютъ неповиновенія. Я говорю о Дмитровскомъ уѣздѣ Московской г. и всѣ мои свѣдѣнія ограничиваются пока этимъ уѣздомъ. Впрочемъ, и изъ другихъ смежныхъ мѣстностей никакихъ неблагопріятныхъ слуховъ до сихъ поръ до насъ не доходитъ. Дмитровскій уѣздъ одинъ изъ весьма фабричныхъ въ Московской губ.; крестьянское народонаселеніе одно изъ наиболѣе умственно развитыхъ въ имперіи; Дмитровскій уѣздъ близокъ многимъ большимъ трактамъ и въ немъ самомъ найдется много бойкихъ мѣстъ, хотя есть и нѣсколько захолустьевъ. Все это не мѣшаетъ имѣть въ виду, когда желаешь судить о значеніи извѣстія изъ того или другаго края, при совершенномъ разнообразіи обстоятельствъ, не только въ одной и той же губерніи, но нерѣдко въ одномъ и томъ же уѣздѣ.

Жалуются, что крестьяне плохо работаютъ, поздно

мходить на барщину, рано уходять! Но, скажите, когда же барщина была удобнымъ способомъ хозяйства? Развѣ всѣ ея выгоды не зависѣли единственно отъ палки, постоянно висѣвшей надъ головами крестьянъ? Теперь распоряженіе палкой въ пользу хозяйственныхъ соображеній сдѣлалось невозможнымъ и невозможна барщина, по крайней мѣрѣ въ нашей мѣстности, гдѣ помѣщики единогласно признаютъ невозможнымъ продолжать хозяйство съ какимъ бы то ни было обязательнымъ трудомъ, а крестьяне чувствуютъ непреодолимое къ нему отвращеніе, и готовы, лишь бы отъ него избавиться, на всякія денежныя повинности. Плохая барщина самый естественный переходъ къ вольнонаемному труду: а въ немъ теперь и вся задача, въ немъ единственный неразрѣшенный вопросъ для нашихъ хозяевъ. Къ слѣду должно признаться, что въ нашей мѣстности (во всемъ уѣздѣ) слышно до сихъ поръ только объ одномъ опытѣ вольнонаемнаго хозяйства.

Я говорилъ о колебаніяхъ передъ началомъ полевыхъ работъ; все это тревожное состояніе умовъ миновало со вступленіемъ въ должность мировыхъ посредниковъ. Съ этой поры (не знаю почему и по чьей винѣ, у насъ значительно замедлившейся) наступилъ рѣшительно новый періодъ въ деревенской жизни. Явилась новая власть, къ которой всѣ обратились съ полнымъ довѣріемъ: и крестьяне, и помѣщики. Моменты образованія новыхъ властей въ государствѣ въ высшей степени важны; эти самыя первыя мгновенія появленія новой власти на свѣтъ божій рѣшаютъ окончательно всѣ дальнѣйшія ея судьбы. У насъ первые и еще весьма немногочисленные дни дѣятельности мировыхъ посредниковъ внушаютъ самыя лучшія упованія относительно будущаго! Впрочемъ, въ самомъ назначеніи лица мироваго посредника для нашего участка намъ посчастливилось. Самыя рѣдкія нравственныя качества, непреклонная настойчивость, при самыхъ мягкихъ внѣшнихъ формахъ обращенія, свобода отъ всякихъ другихъ занятій и добровольная рѣшимость посвя-

тить себя исключительно новой должности, знакомство съ бытомъ крестьянъ, — безъ той печальной опытности въ деревенскихъ и господскихъ дрязгахъ, которая перѣдко оставляетъ на всю жизнь осадокъ горечи и сомнѣнія въ душѣ, — наконецъ, твердая рѣшимость дѣйствовать внѣ всякихъ сословныхъ интересовъ, и помѣщичьихъ, и крестьянскихъ, а быть только представителемъ законности и интересовъ общественнаго мира: — вы согласитесь, что такія достоинства [1]) нашего посредника заставляютъ всѣхъ безусловно радоваться его назначенію и тотчасъ внесли въ нашъ тѣсный сельскій бытъ тотъ элементъ довѣрія къ власти и спокойствія въ умахъ, безъ котораго невозможна никакая дѣятельность. Чрезвычайно любопытно первое появленіе мироваго посредника въ господскомъ домѣ, до сихъ поръ живущемъ въ полномъ невѣдѣніи *достойныхъ уваженія* представителей мѣстной власти, и также появленіе посредника (называемаго крестьянами *посредственникомъ*), на міркой сходкѣ, не видавшей отъ роду власти ближе, какъ за спиною барина. Въ нашей мѣстности крестьяне рѣшительно видятъ въ словахъ посредника послѣднее слово закона и правительства; они рѣшительно признали въ немъ окончательнаго для себя рѣшителя того, что приказано Государемъ, которому повинуются безусловно. Такъ было до сихъ поръ; надѣемся, что такъ будетъ и дальше. Отношенія посредника къ помѣщикамъ также удовлетворительны. Успѣшность дѣйствій мироваго посредника особенно интересна подъ тотъ всеобщій фактъ, что тѣ же самые крестьяне слушаютъ съ недовѣріемъ толкованія новаго закона изъ устъ помѣщика, а за прежними представителями власти, хотя и признаютъ, можетъ быть, болѣе авторитета въ новомъ положеніи, чѣмъ за помѣщикомъ, да, къ несчастію, знаютъ за ними грѣхъ *повернуть* дѣло, смотря по мѣстнымъ видамъ и выго-

---

[1]) Такими достоинствами, какъ извѣстно, отличались многіе посредники перваго призыва.

лямъ. При этомъ не лишенъ интереса слѣдующій случай: крестьяне того же самаго помѣщика, который назначенъ у насъ мировымъ посредникомъ, никакъ не хотѣли, до вступленія его въ должность, вѣрить не смотря на самыя лучшія, многолѣтнія отношенія) его объясненію одного пункта положенія и пошли въ городъ жаловаться на его распоряженія. По собственному признанію нашего посредника, онъ встрѣчаетъ въ крестьянахъ другихъ деревень такое довѣріе, какого онъ не можетъ найти какъ помѣщикъ, а не посредникъ, въ крестьянахъ своего имѣнія; хотя и до вступленія своего въ должность, онъ дѣйствовалъ въ своемъ имѣніи въ точности, на основаніи закона, какъ дѣйствуетъ теперь въ качествѣ посредника. Таково значеніе новой власти, счастливымъ образомъ основанной на началѣ *общественномъ*, не исключительно сословномъ, не бюрократическомъ, и не вотчинномъ, и таковы послѣдніе дни вотчинной власти, уступающей свое мѣсто новой власти.

2.

Послѣ болѣе мѣсячнаго отсутствія моего изъ здѣшнихъ мѣстъ, я нашелъ, что положеніе крестьянскаго дѣла здѣсь нисколько не измѣнилось, а потому оно и весьма мало подвинулось. Это обстоятельство, можетъ быть, нѣсколько лишитъ настоящее мое письмо того розоваго цвѣта, которымъ отличалось предъидущее и за который мнѣ даже сдѣланы были нѣкоторые упреки.

Въ нашемъ посредническомъ участкѣ до сихъ поръ не открыто ни одного волостнаго правленія. На это со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы, и нельзя сказать, чтобы эти жалобы не имѣли основанія. Волостное правленіе и судъ являются необходимыми охранителями сельскаго міра. Недоразумѣнія, сколько-нибудь серьезныя, между помѣщиками и крестьянами, разрѣшаются посредниками; а о замѣшательствахъ, опасныхъ, здѣсь пока ничего не слышно.

Но ежеминутно возникаютъ всякія мелкія столкновенія и споры, требующіе немедленной полицейской охраны и судебнаго разбора: потрава, безъ которой не обойдешься ни одинъ день, воровское конокрадство чужаго сѣна, насильственное изгнаніе крестьянскою семьею слабоумнаго члена, остающагося безъ всякаго пристанища, драки, и тому подобное. Всѣ эти домашнія дрязги, безпрестанно принимающія характеръ публичный и не могущія, безъ явнаго ущерба для лицъ и общественнаго порядка, оставаться изъятыми отъ всякаго вліянія и контроля публичной власти, остаются однако отъ нихъ изъятыми. Но, при всемъ этомъ, общественный порядокъ не распадается и жизнь продолжаетъ свое мирное теченіе; не знаешь: сожалѣть ли объ отсутствіи болѣе бойкихъ отправленій общественнаго организма, которыя бы необходимо вызвали и болѣе энергическихъ органовъ власти, или же восхищаться страшнымъ накопленіемъ въ народѣ охранительныхъ элементовъ. Но отсутствіе власти, если и безопасно для настоящаго, то можетъ приготовить много порчи и много затрудненій для будущаго. Сельскіе старосты, уже повсемѣстно воспріявшіе свою власть, съ открытіемъ сельскихъ обществъ, не имѣютъ настоящей власти до открытія волости; безъ послѣдней, они не рѣшаются, подъ помѣщика, на пользованіе всѣми своими правами, и для крестьянъ ихъ власть безъ власти волостной совершенно не чувствительна. Губернскія и уѣздныя власти слишкомъ далеки отъ нашихъ мелкихъ дѣлъ; да онѣ и принадлежатъ (выражаясь утонченнымъ слогомъ) иной категоріи понятій, которая никакъ не должна смѣшиваться съ новою категоріею, откуда мы ждемъ нашего обновленія: да онѣ здѣсь и не смѣшиваются — и слава Богу! Что касается до господской власти, то она еще можетъ творить судъ и правду, когда крестьяне не только внѣшнимъ образомъ подчиняются ей, но и питаютъ полное нравственное довѣріе къ помѣщичьей расправѣ, а помѣщики, внушающіе такое довѣріе сами, по всѣмъ своимъ инстинктамъ и умственнымъ стремленіямъ, не могутъ продолжать рас-

правляться по старому. Нравственное вліяніе такихъ помѣщиковъ на крестьянскій бытъ именно получитъ свое полное значеніе съ возникновеніемъ крестьянскаго общественнаго управленія и окончательно разовьется съ развязкою отношеній крѣпостной зависимости.

Посредникъ, котораго усердіе и дѣятельность выше всякихъ похвалъ, оправдываетъ медлительность въ открытіи волостей, необходимостью приготовить крестьянъ къ новой гражданской жизни и къ пониманію важности интересовъ, связанныхъ для нихъ съ выборомъ людей на разныя волостныя должности. Это убѣжденіе весьма благонамѣренно и примѣняется посредникомъ съ величайшею добросовѣстностью: онъ не только самъ лично открывалъ каждое сельское общество, но провелъ нѣсколько часовъ въ каждой деревнѣ своего участка, толкуя съ крестьянами о новыхъ ихъ правахъ и обязанностяхъ, вразумляя ихъ какъ можно обдуманнѣе производить выборы, и лично знакомясь съ положеніемъ, духомъ и отношеніями крестьянъ въ каждомъ имѣніи. Все это прекрасно, и въ другое время, даже медлительность была бы весьма разумна. но теперь какъ можно скорѣйшее установленіе власти, съ открытіемъ волостей, есть главный интересъ, превозмогающій всякіе иные.

Изложенное обстоятельство прискорбно для насъ также потому, что оно даетъ поводъ къ жалобамъ, къ которымъ могутъ присоединять свои сѣтованія люди съ инымъ образомъ мыслей. Къ жалобамъ мы вообще весьма падки. и даже самые искренніе въ своихъ жалобахъ рѣдко у насъ понимаютъ, что жалоба на то или другое зло еще не есть то истинное сознаніе зла, которое его исправляетъ, то критическое отношеніе къ общественному злу, которое позволяетъ овладѣть имъ и пересоздать его. Наши жалобы большею частію вовсе не похожи на критику: послѣдняя добивается до корней зла и ихъ подтачиваетъ, требуетъ умственнаго напряженія и, проникая въ плоть и кровь человѣка, по необходимости переходитъ въ дѣло, если уже не есть дѣло сама по себѣ. Наши

жалобы большею частію заключаются въ печалованіи надъ самыми внѣшними, болѣзненными послѣдствіями зла, надъ непосредственными страданіями отъ недуга; такія жалобы нерѣдко питаются тѣмъ злосчастнымъ направленіемъ умовъ, которое усиливается искать во всякихъ внѣшнихъ затрудненіяхъ оправданія для своей бездѣятельности. Мы замѣчали и въ обществѣ, какъ и надъ отдѣльными больными, такія страданія, которыми больные тѣшутся, всячески отдалия роковой часъ выздоровленія, когда придется приняться за дѣло.

А теперь дѣло у насъ въ рукахъ, и величайшее несчастіе было бы для всей нашей будущности, если бы мы не съумѣли или не хотѣли бы съ нимъ справиться. Мы говорили о мировомъ посредникѣ; на этотъ разъ имъ и ограничимся. Много было высказано въ литературѣ благородныхъ мыслей и теплыхъ словъ объ этомъ учрежденіи, но едва ли все это перешло въ жизнь и едва ли не осталось роскошнымъ цвѣткомъ на ея поверхности, гдѣ оно и выросло. Между тѣмъ, въ мировомъ посредникѣ — *семя всего нашего государственнаго возрожденія*, и, кажется, это сѣмя заслуживаетъ всяческаго ухода отъ окружающей среды. Но такой уходъ потребовалъ бы нѣкотораго напряженія, а иной разъ даже пронанцаго (для карты и иныхъ увеселеній) дня, и, что всего хуже, непріятностей и столкновеній, какія русскому порядочному человѣку не приличествуютъ; наслажденіе же self-governemant'омъ можно пріобрѣсти и при чтеніи Revue des deux Mondes, которое обходится безъ всякихъ жертвъ. Разумѣется, первое условіе успѣшнаго выполненія обязанностей мирового посредника заключается въ личности, облеченной этою властью; но одного этого условія далеко недостаточно. Здѣсь многое зависитъ и отъ общественной среды, въ которой дѣйствуетъ посредникъ. О крестьянахъ мы не говоримъ; они повинуются его власти и пока имъ больше нечего дѣлать. Но другая сторона,—окружающее посредника общество,—обязана оказывать ему прямодушное содѣйствіе и имѣть

надъ нимъ неусыпный контроль, какъ надъ ближайшимъ своимъ органомъ, а не оставаться праздными зрителями, какъ въ чужомъ дѣлѣ, въ случаѣ ошибокъ, умывая себѣ руки, а иногда и подмигивая и ухмыляясь тѣмъ, кто дѣйствительно могъ и даже желалъ бы обойтись безъ посредниковъ, кому они дѣйствительно не свои люди. Образцомъ подобнаго рода отношеній было бы напр. намѣренное устраненіе себя отъ всякихъ переговоровъ съ крестьянами по составленію уставной грамоты и сваливаніе послѣдней на посредника; сюда можно было бы также отнести пользованіе всякимъ малѣйшимъ замѣшательствомъ въ дѣйствіяхъ посредника, какъ доказательствомъ для оправданія собственныхъ недоразумѣній съ крестьянами или нежеланія дать себѣ трудъ преодолѣть эти затрудненія, или же для оправданія собственныхъ самыхъ безотрадныхъ убѣжденій (въ родѣ того, что «ни какіе переговоры съ крестьянами ни къ чему не ведутъ», русскій человѣкъ безъ палки обойтись не можетъ» и т. п.). При такомъ направленіи умовъ, къ сожалѣнію, замѣтномъ иногда въ кругу лучшихъ людей, плаксивые разговоры, пересуды, а иногда и брань, по поводу какого-нибудь ошибочнаго или неудачнаго распоряженія, предпочитаются откровенному, ясному, а смотря по надобности, и строгому объясненію съ обвиняемымъ, или открытому, хладнокровному обсужденію его дѣйствій въ кругу заинтересованныхъ лицъ. Странно, что при подобныхъ положеніяхъ совершенно забывается характеръ новой власти, которая уже не *барская*, извнѣ намъ навязанный, не заморская сила, на насъ насѣвшая, а часть насъ самихъ, наша собственная сила, которая легко, а при нашей беззаботности, и весьма легко, можетъ обратиться и въ наше собственное бѣдствіе. Все безъ изъятія современное общество, которое живетъ у источниковъ этой власти, будетъ призвано за нее къ суду передъ будущими поколѣніями, которыя должны вкусить ея настоящіе плоды и за чистоту ея дастъ отвѣтъ. Я упомянулъ о забвеніи, но такое слово можетъ быть слишкомъ строго,

и справедливѣе замѣнить его невѣдѣніемъ. При полномъ сознаніи силъ, скрытыхъ въ какомъ-нибудь орудіи, легкомысленное обращеніе съ нимъ невозможно. А едва ли, не смотря на громкія фразы, всѣ мы достаточно сознали, что въ лицѣ мировыхъ посредниковъ мы, наконецъ, пытаемъ наши силы въ дѣйствительной борьбѣ съ тѣмъ порядкомъ вещей, противъ котораго мы не переставали вопіять, пытаемъ наши силы въ установленіи новаго порядка; отъ такой честной борьбы уже никто не имѣетъ права устраниться. Всякій новый порядокъ долженъ преодолѣть затрудненія и болѣзни, наконецъ нашъ старымъ, долженъ выдержать борьбу, которая нигдѣ не устлана розами; предаваться мечтамъ о новыхъ порядкахъ, ниспадающихъ на главы людей, какъ манна небесная — едва ли позволительно. Мы весьма хорошо понимаемъ, что теперь представляется намъ трудъ непривычный, трудъ совершенно иного рода, нежели тотъ, къ которому мы пріобыкли съ давнихъ поръ, болѣе, можетъ быть, суровый и будничный, нежели даже всѣ умственныя напряженія, которымъ предавались лучшіе люди прежняго времени. Вмѣсто созерцанія міровыхъ историческихъ законовъ преемственности государственныхъ формъ у образованныхъ народовъ, вмѣсто пытливаго вопрошенія самыхъ таинственныхъ и окончательныхъ путей каждой науки, или произнесенія смѣлаго, сочувственнаго слова пролетарію, гибнущему въ индустріализмѣ западно-европейскихъ обществъ, вмѣсто многихъ иныхъ порывовъ ума, обреченнаго на безмолвныя и безпомощныя отношенія къ окружающей дѣйствительности, теперь приходится: заниматься потравами, нанимать работниковъ, возиться съ землемѣрами, ѣхать за 50 верстъ чтобъ толковать о разложеніи земскаго сбора, размыслить объ устраненіи мелочныхъ недостатковъ податной системы, не общихъ великихъ недостатковъ всякой финансовой системы, не о разрѣшеніи интереснаго вопроса объ относительныхъ достоинствахъ прогрессивнаго и пропорціональнаго налоговъ, а объ устраненіи вотъ именно неудобствъ такого-то сбора,

и именно каких-то неудобствъ, и т. д. Мы понимаемъ, что все это вопросы новые и что уже не такъ виновны всѣ мы, что мы къ нимъ не приготовлены, но едва ли мы будемъ очень виновны, если въ обращеніи съ новымъ трудомъ мы не сдѣлаемъ никакихъ усилій, чтобы сбросить съ себя старыя привычки. Въ такомъ случаѣ, современники окажутся несмѣримо ниже своихъ предшественниковъ, которымъ предлежала, по обстоятельствамъ времени, не зависѣвшимъ отъ ихъ воли, иная задача — обрѣсть какъ бы то ни было струю умственнаго движенія, — и они исполнили эту задачу.

Чтобъ и самому не заслужить упрека въ общихъ разсужденіяхъ, я спѣшу перейти къ одному частному замѣчанію въ связи съ высказаннымъ выше о мировыхъ посредникахъ. Мировой съѣздъ, о существованіи котораго здѣсь ничего пока не слышно, есть необходимѣйшее звѣно въ системѣ мировыхъ учрежденій. Напрасно полагаютъ, что когда онъ состоитъ изъ какихъ-нибудь трехъ членовъ, какъ въ нашемъ уѣздѣ, то можно обойтись и безъ него, что собирать съѣздъ — только даромъ тратить время, когда два посредника могутъ и безъ него, и съ меньшими неудобствами, видѣться между собою, а, въ случаѣ надобности, обращаться лично за наставленіями въ губернское присутствіе. Не говоря о вопросахъ, которые именно предоставлены разрѣшенію мирового съѣзда и которыхъ можетъ въ теченіе нѣкотораго времени и вовсе не быть, безъ всякаго ущерба для дѣла, я бы хотѣлъ указать на иное значеніе уѣзднаго мирового съѣзда: какъ органа общественнаго и взаимнаго контроля надъ дѣйствіями посредниковъ и самаго естественнаго публичнаго средоточія для всей мѣстной дѣятельности по крестьянскому вопросу. Потребность такого законнаго органа и такого средоточія живо чувствуется. Никакія домашнія свиданія и бесѣды не могутъ замѣнить ихъ, а губернское присутствіе можетъ служить пока только весьма слабымъ средоточіемъ для помѣщиковъ, ибо губернія слишкомъ крупная общественная единица, и мѣстные интересы го-

раздо удобнѣе сосредоточиваются въ уѣздныхъ центрахъ. Мировые съѣзды въ уѣздномъ городѣ могли бы замѣнить многіе разъѣзды какъ посредниковъ, такъ и помѣщиковъ и, со временемъ, крестьянъ, на свиданіе съ первыми; вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма полезно было бы приглашать всѣхъ желающихъ сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе или выразить мнѣніе относительно направленія разныхъ вопросовъ, связанныхъ съ крестьянскимъ дѣломъ, заявлять ихъ, словесно или письменно мировому съѣзду, не стѣсняясь никакими офиціальными формальностями, и, если кто пожелаетъ, даже совершенно частнымъ образомъ. Безъ сомнѣнія, есть очень много случаевъ, когда трудно рѣшиться подать формальную жалобу или просьбу и, вообще, отпадаетъ всякая охота пускаться въ переписку; между тѣмъ, заявить свой голосъ на мировомъ съѣздѣ или просто провѣрить на немъ свои соображенія, когда дни его собраній положительно опредѣлены, было бы весьма не безполезно для всѣхъ сторонъ. Такимъ образомъ, чрезъ собранія уѣзднаго мироваго съѣзда посредники легче всего пришли бы въ соприкосновеніе съ мѣстнымъ общественнымъ мнѣніемъ, которое есть необходимѣйшая принадлежность всякаго публичнаго дѣла, какова дѣятельность посредниковъ до самой ничтожнѣйшей въ ней мелочи. Безъ мироваго съѣзда, дѣятельность мировыхъ посредниковъ все еще какъ-то отзывается домашнимъ характеромъ, который уже никакъ ей не приличествуетъ; на мировомъ съѣздѣ посредники окончательно выходятъ на публичную почву.

Нынѣшнее мое письмо оказалось не такимъ розовымъ, какъ предъидущее, и я обязанъ объясниться на счетъ розоваго цвѣта, отчасти ставимаго мнѣ въ упрекъ. Смѣю думать, что онъ не заслуженный. Каждому дню предлежитъ своя забота, какъ говорятъ, «свой гнѣвъ». Когда я писалъ послѣднее письмо, я былъ подъ впечатлѣніемъ разныхъ смутныхъ и черныхъ ожиданій на счетъ охраненія сельской тишины въ нынѣшнее лѣто, съ началомъ полевыхъ работъ. Я нашелъ въ здѣшней мѣстности

состояніе умовъ совершенно противуположное этимъ ожиданіямъ. Нельзя было не радоваться. Но очевидно, что крестьянскій вопросъ ежедневно вступаетъ въ новую фазу, ежедневно требуетъ новыхъ заботъ; пока мы убѣждены только въ томъ, что медленность въ этомъ дѣлѣ никакъ не уменьшитъ его затрудненія. Мы пишемъ подъ впечатлѣніемъ каждаго дня, иной характеръ и не могутъ имѣть наши письма. Если наши впечатлѣнія не ошибочны, то въ нихъ отразится окружающая насъ дѣйствительность, которою, по необходимости, обусловливаются всѣ дальнѣйшія судьбы вопроса.

3.

Вчера мы были свидѣтелями великаго событія въ нашей сельской жизни — перваго волостнаго схода и открытія волостнаго управленія. Не безъ смущенія ожидали мы этой минуты, связывая съ нею столько дорогихъ сердцу интересовъ; не безъ волненія прислушивались мы къ мрачнымъ предсказаніямъ однихъ, къ сангвиническимъ ожиданіямъ другихъ; не вѣрилось въ горькія слова долговременнымъ опытомъ изощренныхъ, практическихъ людей, самоувѣренно удостовѣрявшихъ, что на крестьянской сходкѣ могутъ дѣйствовать только злонамѣренные горланы, что на должности будутъ избраны самые дрянные люди и плутни, отъ которыхъ каждый можетъ ожидать для себя только побаловки; здравый смыслъ и нѣкоторые горькіе случаи собственной опытности не позволили намъ также усыпляться идиллическими мечтами иныхъ, не менѣе самоувѣренныхъ, но болѣе отвлеченныхъ, проницателей великаго народнаго генія и непогрѣшимости народнаго смысла, сокрытыхъ подъ грубою оболочкою крестьянскаго быта. И много другихъ недоумѣній и опасеній осаждающихъ всякаго мыслящаго человѣка, когда онъ долженъ присутствовать при встрѣчѣ людскаго дѣла, дорогаго его убѣжденіямъ, идеи — съ дѣйствительностью, съ жизнію, не

менѣе дорогою, — много подобныхъ опасеній и недоумѣній послось около насъ. «Чай, къ вечеру посредникъ подъѣдетъ» говоритъ Карпъ. «Такъ неужто намъ здѣсь, нѐсмши цѣлый день его ждать; сказывали къ полудню, такъ къ полудню и пріѣдетъ. Коли на всякій сходъ мы будемъ сутки тратить, такъ чортъ ли въ нихъ въ новыхъ-то порядкахъ» — говорилъ Осадей. «Дурень ты, Осадей», возражали ему въ одинъ голосъ нѣсколько крестьянъ: «стапетъ онъ къ тебѣ, мужику, поспѣшать; гдѣ-же ты видалъ, чтобы мужикъ барина не обождалъ; чай посредственникъ тоже свои господскій обрядъ соблюдаетъ. Не по̀смши онъ не поѣдетъ, а ѣдятъ господа не въ мужицкое время». Подобныя рѣчи, раздававшіяся около насъ въ толпѣ крестьянъ, увеличивали наше волненіе.

Но вотъ посреди безсвязнаго говора крестьянъ, въ первый разъ въ своей жизни сошедшихся вмѣстѣ для общаго дѣла, а не для общаго гулянья, раздался колокольчикъ мироваго посредника, мужички сняли шапки и, посреди обступившей толпы, развернулась толстая, переплетенная книга Положенія. Посредникъ, поспѣшно подходя къ присутствующимъ, счелъ нужнымъ объяснить причины, почему онъ опоздалъ 10 минутъ противъ часа, назначеннаго для волостнаго схода. Многое отлегло у насъ на душѣ. Это первое мгновеніе зачинавшагося передъ нами событія, эти первые *новые* звуки, уже подѣйствовали успокоительно на тревогу нашей души; только 10 минутъ опозданія на переѣздѣ въ 30 верстъ, и объясненіе посредника, сдѣланное просто, безъ всякой притворности, но съ самымъ непринужденнымъ сознаніемъ долга — разсѣяли всѣ наши недоумѣнія. Рядъ успокоительныхъ силлогизмовъ уже возникалъ въ умѣ: дѣло, открывающееся чистосердечнымъ сознаніемъ долга со стороны барина передъ крестьянами, выходящими вчера изъ крѣпостной зависимости, такое дѣло не можетъ быть плохо. И мы въ ту же минуту забыли о запозданіи въ открытіи волостей (о чемъ упомянали въ прошедшемъ

письмѣ), и всѣ дальнѣйшія впечатлѣнія событія оправдали его доброе начало.

Наша волость состоитъ изъ 1,200 душъ, изъ многихъ деревень, имѣющихъ мало между собою связи и даже общихъ знакомствъ. На волостной сходъ собралось до 60 человѣкъ, раздѣлившихся, по необходимости, на географическія группы, каждая съ своими кандидатами на должности старшины и волостныхъ судей. Посредникъ объяснилъ крестьянамъ значеніе должностей, на которыя должны были производиться выборы, и сообщилъ, какія дѣла требуютъ обсужденія на сходкѣ. Послѣ того всѣ пошли въ церковь, чтобъ помолиться о добромъ совѣтѣ и поблагодарить за царскую милость: священникъ произнесъ нескладную рѣчь о необходимости избрать людей, имѣющихъ страхъ Божій, рѣчь, выслушанную крестьянами съ благоговѣніемъ. Послѣ молебствія, посредникъ далъ крестьянамъ время переговорить *безъ него* и согласиться на счетъ предстоящихъ выборовъ. За тѣмъ началась собственно сходка посреди деревенской улицы, въ присутствіи посредника и нѣсколькихъ сосѣднихъ помѣщиковъ. Вслѣдствіе географическаго разобщенія членовъ схода, было заявлено имъ посреднику четыре человѣка на должность старшины. Посредникъ пустилъ этихъ четырехъ кандидатовъ на голоса. Одинъ изъ нихъ слезно умолялъ посредника исключить его изъ списка. Посредникъ объяснилъ, что, безъ согласія міра, онъ этого сдѣлать не можетъ. Нѣсколько человѣкъ согласились на исключеніе и посредникъ уже хотѣлъ исключить. Но множество голосовъ энергически протестовали и не соглашались, не смотря на земные поклоны кандидата православнымъ и его слезливыя жалобы, что онъ человѣкъ слишкомъ смирный для должности старшины. Посредникъ вразумилъ міръ (съ неоднократною оговоркою, что онъ имѣетъ право дать только совѣтъ), чтобъ онъ пощадилъ такого слезливаго кандидата, но избиратели стояли на своемъ, что имъ такого и нужно, что боится онъ должности, потому что

онъ человѣкъ честный». Баллотировка посчастливилась этому кандидату: большинство голосовъ оказалось за другимъ: коммерческимъ крестьяниномъ, весьма умнымъ, характернымъ и зажиточнымъ.

Этотъ выборъ удаченъ: сколько можно судить по свойствамъ и общественному положенію этого человѣка, коротко намъ извѣстнымъ, — онъ справится съ своею должностью и постоитъ за себя и за дѣло. «Плутъ» говорятъ подлѣ меня. Разумѣется, плутъ, какъ всякій московскій торговый крестьянинъ; да вѣдь тутъ и это не помѣшаетъ. Безъ политики волостному старшинѣ тоже не обойтись. «Теперь кафтанъ-то у него не больно богатъ; да, вотъ пробудетъ одинъ срокъ старшиной, такъ смотри, какъ разжирѣетъ». «Нашими карманами богатъ будетъ: теперь, у, какой смирный, а завтра нашему брату и кланяться не захочетъ...» толкуютъ избиратели, подстрекаемые злобными насмѣшками провалившихся кандидатовъ. «Ну, коли больно закуражится, такъ мы его и смѣнимъ: въ нашей волѣ теперь». «Взятокъ брать не дадимъ, не то время»... были и такіе толки.

Кромѣ выбора старшины и 4 волостныхъ судей, волостной сходъ занимался опредѣленіемъ расходовъ на новое управленіе и назначеніемъ необходимыхъ на нихъ мірскихъ сборовъ. Наша волость не богата: вся изъ незначительныхъ барщинныхъ имѣній. По этому крестьяне опредѣлили на все чрезвычайно умѣренные расходы; споры объ нихъ продолжались нѣсколько часовъ. Нѣкоторыя ассигновки были до крайности скупы; напр. жалованье старшинѣ хотѣли назначить въ 120 р. с. въ годъ. Посредникъ сталъ представлять крестьянамъ, что за такое плохое жалованье они не могутъ требовать отъ старшины много дѣятельности, что въ другой сосѣдней волости опредѣлили жалованье въ 225 р., да на лошадей 225 р. с. «Та волость богата, намъ не указъ» говорили крестьяне и, наконецъ, согласились на 150 р. жалованья. Пара лошадей для разъѣздовъ старшины возбудила особенно жаркія пренія. Одинъ изъ главныхъ

говоруновъ, заправлявшихъ сходкою, предложилъ ставить лошадей натурою, по очереди отъ каждой деревни. Это понравилось многимъ. Посредникъ объяснилъ неудобства этого порядка и доказывалъ, что меньше 175 р. с. невозможно назначить на лошадей. Не соглашавшіеся крестьяне требовали, чтобъ вопросъ былъ рѣшенъ на голоса. раздѣленіемъ на двѣ стороны. «Смотрите, этотъ горланъ тянетъ за собой весь сходъ», говоритъ мнѣ сосѣдъ. Стали переходить и нашъ ораторъ остался одинъ, при единодушномъ смѣхѣ всѣхъ крестьянъ. Никто не взялся ставить лошадей дешевле, чѣмъ за 175 р., и эти деньги отдали въ распоряженіе самого старшины. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что способъ подачи голосовъ, посредствомъ раздѣленія на двѣ стороны, былъ предложенъ самими крестьянами, и больше имъ нравился, чѣмъ баллотированіе посредствомъ шаровъ, употребленное для выборовъ. Они видимо не признавали надобности въ тайной подачѣ голосовъ, и большею частію открыто клали свои шары въ ящикъ, на ту или другую сторону. И мы не видимъ никакой надобности прививать обычай тайной подачи голосовъ.

Посредникъ прикинулъ всѣ расходы и вышло всего около 50 к. сбора съ каждой души въ волости. «Вотъ они. новые-то порядки, разсуждали нѣкоторые крестьяне, почесывая затылки; пожалуй, что теперь и больше съ насъ сойдетъ, чѣмъ прежде». Спѣшимъ замѣтить, что подобные голоса были не многочисленны. Въ то же время другіе разсуждали, что прежде и не вѣсть сколько сходило на господъ, что теперь ставятся въ начальники свои люди и т. д. Вообще крестьяне, казалось, были удовлетворены первымъ опытомъ своего новаго быта. Во всемъ ихъ обращеніи не было никакого стѣсненія; они свободно выражали свои чувства, не обошлось и безъ нѣкотораго шума, хотя собственно шума могло бы быть и болѣе. Нѣсколько помѣщиковъ, присутствовавшихъ на сходѣ и принимавшихъ въ немъ живѣйшее участіе, нисколько не стѣснили естественнаго хода дѣла: къ сча-

стіе, это были люди, не зараженные сословными предразсудками и смотрящіе впередъ безъ всякаго враждебнаго чувства. Кучки крестьянъ перемѣшивались съ господами и прежіе обошлось безъ всякихъ косыхъ взглядовъ.

Привыкнемъ, не шумъ пугаетъ насъ на подобныхъ собраніяхъ, не своеволія боимся мы около мироваго посредника на волостномъ сходѣ. У насъ одинъ страхъ,— въ эпохи народной жизни, подобныя введенію Положенія 19 февраля, — одинъ страхъ, *чтобы новый порядокъ не былъ искусственнымъ порядкомъ*. До сихъ поръ, все совершающееся вокругъ насъ болѣе и болѣе отдаляетъ этотъ страхъ и внушаетъ намъ лучшія упованія. Да не поставятъ намъ, однако, въ упрекъ нашихъ недоумѣній. Они несольны: они опираются на многіе горькіе опыты и на многіе извѣстные факты исторіи не въ одномъ нашемъ отечествѣ. Мы не можемъ изгнать изъ себя твердаго убѣжденія, что народъ живетъ не одними благими намѣреніями своихъ правителей. Нужно, чтобы эти намѣренія слились съ собственными, самодѣятельными силами народнаго быта, чтобы реформа превратилась въ дѣло народа, а не оставалась мертвою оболочкою на его поверхности, чтобы никто не напрягался въ новыя формы, а надѣлъ ихъ какъ свое нужное платье. Насъ смущаетъ не крикъ на волостной сходкѣ, ни даже неурядица въ первомъ засѣданіи волостнаго схода, если только крестьянинъ попалъ на волостной сходъ, какъ на свою собственную крестьянскую сходку, а не на чужую, по наряду посредника, если только крестьянинъ судитъ и рядитъ въ волостномъ судѣ, какъ въ своей избѣ. Насъ гораздо болѣе смущали бы, напримѣръ, вытопыренные глаза сельскаго старосты передъ мировымъ посредникомъ, называющимъ его: «господинъ Трофимовъ»; точно также смущало бы насъ безмолвное присутствіе крестьянъ на волостномъ сходѣ, въ видѣ приличной сельской декораціи около мироваго посредника, провозглашающаго свои распоряженія. Эти вычурныя и болѣзненныя про-

явленія новаго порядка гораздо менѣе обезпечивается въ нашихъ глазахъ дѣйствительный порядокъ будущаго, нежели шумъ и неурядица около новаго учрежденія. Самый нестройный шумъ и самая безалаберная неурядица еще могутъ быть послѣдствіемъ того естественнаго броженія умовъ и интересовъ, которое, по необходимости, совершается около новаго учрежденія, прокладывающаго себѣ путь въ нѣдра народной жизни, того общественно-физіологическаго процесса, который можно сравнить съ вареніемъ въ желудкѣ непривычной пищи. Отъ пищеваренія мы ожидаемъ новыхъ, питательныхъ соковъ для организма, а отъ гастрономическихъ фокусовъ надъ желудкомъ, отъ игры въ новыя учрежденія, отъ либеральныхъ спектаклей — мы рѣшительно ничего не можемъ ожидать, кромѣ одуренія, сопровождающаго всякую непереваренную пищу, или тумана, остающагося за всякими потѣшными огнями... Слава Богу, мы здѣсь свободны отъ всякихъ подобныхъ потѣхъ; введенію въ дѣйствіе новыхъ учрежденій не предшествовала въ умахъ нашихъ дѣятелей никакая напередъ заданная политическая система, насиженная за гаванскою сигарою, ничто,—кромѣ искренняго желанія практическаго добра и точнаго выполненія закона. Смѣю думать, что послѣднее обстоятельство не мало будетъ содѣйствовать успѣху дѣла.

Какъ я уже сказалъ, волостной сходъ, продолжавшійся 7 часовъ сряду, безъ всякаго отдохновенія, обошелся весьма благополучно. Одно изъ самыхъ отрадныхъ для насъ впечатлѣній было то, что крестьяне дѣлали свое дѣло, нимало не тревожась присутствіемъ господъ, и послѣдніе нисколько не смущали схода, даже принимая въ немъ живое участіе. Намъ казалось даже возможнымъ, чтобъ эти господа сдѣлались сами членами волостнаго схода. Но картина совершенно перемѣнилась, когда отъ волостнаго схода мировой посредникъ перешелъ къ разбирательству взаимныхъ жалобъ помѣщиковъ и крестьянъ. Тутъ началось уже дѣло совершенно другаго рода, начались дрязги барщины и крикливое раздраженіе

крѣпостнаго права, не имѣющее никакой будущности. Не легко столковаться съ крестьянами, которые, не выходя изъ границъ повиновенія передъ законными властями, передъ царскими людьми, всячески стараются облегчить для себя обязанности барщины. Но не легко также столковаться и съ помѣщиками, изъ которыхъ многіе никакъ не хотятъ посмотрѣть впередъ, а все смотрятъ назадъ. Мы всячески гонимъ отъ себя обвиненія противъ людей, обвиняя во всякомъ общественномъ злѣ злыя *начала* и *учрежденія;* и теперь мы охотно предаемся предоставленной намъ свободѣ — обвинять во всемъ ненавистное крѣпостное право. Но много нужно стоицизма, чтобы слушать хладнокровно нѣкоторыя рѣчи. Мы наслаждались терпѣніемъ нашего посредника, непреклоннаго въ своемъ уваженіи ко *взаимнымъ* правамъ и обязанностямъ. Мы убѣдились здѣсь еще разъ, что только крѣпостное право раздѣляетъ наши сословія...

4.

Въ предъидущемъ письмѣ, я описывалъ крестьянскій сходъ, сегодня буду говорить о помѣщичьемъ, т. е. объ уѣздномъ мировомъ съѣздѣ, на которомъ мы вчера присутствовали. Я уже прежде упоминалъ о значеніи, которое придаю мировымъ съѣздамъ: это значеніе имѣетъ особенную важность въ глазахъ всякаго, кто, съ упраздненіемъ крѣпостнаго состоянія, связываетъ не только вопросъ объ улучшеніи крестьянъ, но и помѣщиковъ. Сближая въ самомъ началѣ письма собранія двухъ сословій, которыя, одно за другимъ, происходили передъ нами, я нисколько не помышляю о сравненіи ихъ между собою, хотя свѣжесть впечатлѣній, вынесенныхъ изъ того и другаго собранія, по неволѣ наводитъ на многія черты взаимнаго сходства и различія, не лишенныя интереса и поученія. Но рѣшиться на подобную параллель, затрогивающую, по необходимости, многіе щекотливые во-

просы нашего быта, пока весьма трудно. Ограничусь здѣсь указаніемъ только на одну черту различія и на одну черту сходства, для всякаго очевидныя и потому безспорныя. Различіе заключалось въ томъ, что одно собраніе было *сходъ*, а другое *съѣздъ*; сходство — въ томъ, что каждое изъ нихъ было собраніемъ одного сословія, за исключеніемъ другаго, съ тою, однако, разницею, что на крестьянскомъ сходѣ присутствовали лица и другаго сословія. Наконецъ, — если дозволено мнѣ будетъ еще одно сближеніе, — и сходъ, и съѣздъ можно одинаково назвать *сходкой*, ибо о томъ, и другой скорѣе представляли картину сходки, нежели правильно организованнаго собранія; на сходѣ однако чувствовалась какая-то внутренняя, бытовая организація, та связь обрядовъ, преданій, привычки дѣйствовать сообща, которая, въ случаѣ надобности, можетъ заявить себя и внѣшнею организаціей, которая легко можетъ выработаться подъ вліяніемъ новыхъ потребностей, и которая вовсе не чувствовалась на съѣздѣ. Этими едва намѣченными чертами я и ограничу пока мои сближенія.

Нашъ мировой съѣздъ былъ первый; если бы не удовлетворительными вообще (я не говорю объ исключеніяхъ) ходъ крестьянскаго дѣла въ нашемъ уѣздѣ и въ особенности, если бы не успѣшная дѣятельность нашихъ мировыхъ посредниковъ, то запозданіе въ открытіи мировыхъ съѣздовъ могло бы навлечь много жалобъ. Во всякомъ случаѣ, мы весьма рады, что съ открытіемъ ихъ, мы окончательно вступили здѣсь на почву новаго законодательства и новыхъ учрежденій. На первомъ съѣздѣ собственно не было рѣшено ни одного дѣла, и только опредѣленъ порядокъ съѣздовъ; члены и посторонніе лица — помѣщики и мѣстные чиновники — частнымъ образомъ вступили въ обсужденіе нѣкоторыхъ вопросовъ и отдѣльныхъ случаевъ, возбуждающихъ недоразумѣнія и вообще обмѣнялись мыслями и извѣстіями о ходѣ дѣла. Мы увѣрены, что и этотъ день не пропадетъ даромъ, для успѣха дѣла.

Съ общаго согласія, положено собираться разъ въ мѣсяцъ (въ уѣздномъ городѣ) и передъ формальнымъ или оффиціальнымъ съѣздомъ, имѣть въ тотъ же день домашнее или частное собраніе всѣхъ съѣхавшихся лицъ, для предварительнаго обсужденія вопросовъ и для бесѣды по предметамъ, собственно не подлежащимъ рѣшенію на мировомъ съѣздѣ. Хотя отъ присутствованія на оффиціальномъ съѣздѣ, слава Богу, не устраняются и посторонніе лица, не члены, и хотя оффиціальный съѣздъ требуетъ нѣкоторыхъ формальностей, которыя, дѣйствительно, трудно соединить съ частною бесѣдою, а избѣгнуть которыхъ мы какъ-то не умѣемъ, но, признаюсь, такое раздѣленіе *оффиціальнаго* отъ *частнаго* собранія тѣхъ же самыхъ людей кажется мнѣ не совсѣмъ удобнымъ. Не потому ли самому всѣ наши оффиціальныя собранія такъ безжизненны, а частныя — такъ бездѣльны. Не здѣсь ли надо, между прочимъ, искать причины тому, что, съ одной стороны, на оффиціальныхъ собраніяхъ, или въ засѣданіяхъ занимаются исполненіемъ однѣхъ формальностей, а дѣло рѣшается напередъ съ глазу на глазъ и въ тихомолку между двумя, тремя сильнѣйшими членами; съ другой стороны, не потому ли въ частныхъ собраніяхъ преобладаютъ или личныя перебранки, когда общество въ дурномъ расположеніи духа, или же шутовскія розсказни и обмѣнъ курьезныхъ анекдотовъ, когда общество въ веселомъ расположеніи. Не лучше ли стремиться къ тому, чтобы оффиціальныя собранія какъ можно болѣе освободились отъ формальностей, изгоняющихъ живую бесѣду и откровенный споръ, и потому стали бы представлять какой-нибудь интересъ и для настоящихъ своихъ членовъ, и для посторонпихъ посѣтителей. Точно также можно стремиться и къ тому, чтобы наши частныя собранія, уже черезъ-чуръ крикливыя, въ контрастъ съ безмолвіемъ оффиціальныхъ собраній, нѣсколько обуздали свою страсть къ личнымъ интересамъ — къ остроумію, сплетнямъ, и раздѣленію на нѣсколько разговоровъ между парами

болѣе близкихъ другъ другу собесѣдниковъ: а эта цѣль можетъ быть достигнута лишь когда въ эти собранія будетъ вдохнуто какое-нибудь содержаніе, когда бесѣда непосредственно поведетъ къ рѣшенію дѣла. Къ такой бесѣдѣ уже никто не будетъ оставаться равнодушнымъ; она всякаго затронетъ за живое и вынудитъ высказаться. Именно соединеніе частныхъ собраній съ оффиціальными, т. е., возможно большее пріобщеніе къ послѣднимъ элементовъ *общественныхъ* и возможно большее освобожденіе ихъ отъ элементовъ формализма и бюрократіи — есть лучшее средство къ этой цѣли. Такія собранія могутъ пріучить насъ не бояться свѣта для нашихъ мыслей и желаній, и отучить отъ одной весьма скверной привычки, вкоренившейся въ нашемъ обществѣ, — привычки, которую всего лучше можно выразить поговоркой: шипѣть камнями изъ-за угла.

Уже въ этихъ немногихъ словахъ я отчасти высказалъ значеніе, которое придаю мировымъ съѣздамъ. По моему крайнему убѣжденію, они могутъ, при нѣсколько широкомъ развитіи, принести огромную пользу. Мировому съѣзду предоставлено разсмотрѣніе всякихъ споровъ и недоразумѣній, возникающихъ изъ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, а пока, и вѣроятно надолго, вся наша сельская помѣщичья жизнь будетъ переполнена этими отношеніями, чтобы не сказать, что она исключительно изъ нихъ состоитъ. Эти отношенія каждаго изъ насъ обусловливаютъ всѣ наши наклонности, всѣ наши страсти, всѣ наши занятія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчу, что порядокъ дѣйствій и образъ производства дѣлъ въ мировыхъ съѣздахъ не стѣсненъ по закону никакимъ формализмомъ, ибо дѣла разсматриваются преимущественно словесно и при публикѣ. Нужно имѣть сильный запасъ бюрократическаго духа, которымъ, конечно, заражены у насъ не одни чиновники, чтобы сдѣлать изъ этого прекраснаго учрежденія приказную избу. Уѣздные мировые съѣзды, если только мы приложимъ къ нимъ наше стараніе, могутъ сдѣлаться самымъ

естественнымъ средоточіемъ для всѣхъ пересудъ по крестьянскому вопросу, совершающихся нынѣ по угламъ. У насъ такъ много искусственныхъ центровъ, и такъ мало естественныхъ, что мы должны всячески дорожить новыми зернами для послѣднихъ. Изъ среды мироваго съѣзда могутъ потечь въ самыя темныя деревенскія захолустья живительныя струи совершенно новыхъ понятій, лучшихъ воззрѣній на отношенія сословій, на хозяйство, на право: а эти лучшія понятія устранятъ много затрудненій. Мы въ особенности много ожидаемъ отъ тѣснаго сближенія съ мѣстнымъ народонаселеніемъ такого мироваго съѣзда, какъ нашъ; сколько мы можемъ судить по одному собранію, въ немъ преобладаютъ самыя искреннія намѣренія къ добросовѣстному выполненію Положеній и та заботливость объ интересахъ низшихъ классовъ, которая единственно можетъ упрочить вліяніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и выгоды болѣе образованныхъ и состоятельныхъ классовъ.

Мы были, напримѣръ, свидѣтелями, какъ всѣ присутствовавшіе единодушно, хотя и въ частной бесѣдѣ, выразили свое несогласіе съ возврѣніемъ одного помѣщика, заявившаго неудовольствіе на рѣшеніе мироваго посредника. Помѣщикъ, при этомъ присутствовавшій, можетъ быть, и устранилъ бы самъ собою, не прибѣгая къ посреднику, свое недоразумѣніе съ крестьянами, если бы было ему извѣстно такое единодушіе возврѣній противъ права, которое онъ думалъ себѣ присвоить. Есть много понятій, выросшихъ подъ исключительнымъ господствомъ крѣпостнаго права, и только вслѣдствіе совершеннаго разобщенія съ остальнымъ образованнымъ міромъ, враждебнымъ крѣпостному праву,—такія понятія могутъ еще существовать или, по крайней мѣрѣ, себя заявлять. Съ другой стороны, и споры на мировыхъ съѣздахъ чрезвычайно плодотворны; признаюсь, при нѣкоторомъ знакомствѣ съ новымъ законодательствомъ, я долженъ былъ самъ, послѣ упорной защиты, уступить одному мнѣнію, которое я прежде не раздѣлялъ и которое даже

ближе подходитъ подъ общій мой образъ мыслей, чѣмъ прежнее мое мнѣніе. Крестьянское дѣло, въ своемъ практическомъ исполненіи, именно такого рода, что люди, болѣе или менѣе образованные и благонамѣренные, не могутъ не сойтись въ общихъ взглядахъ и не соединиться для общаго дѣйствія; единодушію здѣсь могутъ препятствовать только наше разобщеніе и совершенный недостатокъ центровъ для обмѣна мыслей.

Въ заключеніе, укажу вѣкло на два обстоятельства, которыя въ моихъ глазахъ могутъ облегчить многія неудобства на собраніяхъ мировыхъ съѣздовъ. Во-первыхъ, гораздо лучше назначать ихъ не на частной квартирѣ предсѣдателя или одного изъ членовъ (всего менѣе удобно въ присутственномъ мѣстѣ), а на общей квартирѣ, которую, безъ всякихъ прихотей и затѣй, можно было бы содержать на счетъ мѣстныхъ помѣщиковъ въ уѣздномъ городѣ, за весьма ничтожныя деньги. Пора удалять изъ нашихъ собраній характеръ домашній, стѣснительный во многихъ отношеніяхъ, точно также какъ и оффиціальный, а по возможности проникнуться характеромъ *общественнымъ*, котораго всегда не достаетъ народамъ, живущимъ патріархальною жизнію, окаймленной бюрократическими преградами.

Во-вторыхъ, весьма полезно бы приглашать на мировые съѣзды всѣхъ волостныхъ старшинъ, которые своими объясненіями облегчили бы многія сужденія. У насъ волостные старшины, какъ москвичи, люди весьма развитые; отъ нихъ можно многому научиться и они годятся въ какую угодно компанію.

5.

Кругъ нашихъ наблюденій надъ крестьянскимъ дѣломъ постепенно расширяется. Вчера мы присутствовали на губернскомъ мировомъ съѣздѣ въ Москвѣ; это уже поприще гораздо болѣе обширное, нежели сельское об-

ществo, волостной сходъ и уѣздный мировой съѣздъ, о которыхъ я говорилъ въ предыдущихъ письмахъ.

Не знаю, кому принадлежитъ мысль о созваніи московскаго губернскаго съѣзда: кажется, это первый до сихъ поръ опытъ подобнаго собранія во всей Имперіи. Въ губернскомъ съѣздѣ участвовали всѣ члены губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и члены всѣхъ уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ Московской губерніи, т. е. всѣ уѣздные предводители, мировые посредники, ихъ кандидаты и члены уѣздныхъ съѣздовъ отъ правительства. Помѣщикамъ Московской губ. и вообще всякому, желавшему присутствовать на съѣздѣ, открытъ былъ совершенно безпрепятственный входъ; лицамъ, отъ которыхъ зависѣло такое прекрасное распоряженіе, нельзя не выразить глубокой признательности. Посторонняхъ посѣтителей было, однако, весьма мало, безъ сомнѣнія потому, что созваніе съѣзда было неизвѣстно публикѣ; прибывъ въ Москву въ самый день собранія, мы были весьма удивлены, что первые сообщили о немъ извѣстіе даже въ такихъ кругахъ московскаго общества, которые слѣдятъ съ живымъ любопытствомъ за ходомъ крестьянскаго дѣла. Нельзя не выразить желанія, чтобы, на будущее время, были сдѣланы заблаговременно публикаціи въ вѣдомостяхъ. Предсѣдательствовалъ въ собраніи московскій гражданскій губернаторъ князь Оболенскій; всего присутствовало до 65 человѣкъ. Собраніе происходило въ одной изъ залъ московскаго дворянскаго собранія, началось въ 11 часовъ утра и продолжалось до 6-ти, съ небольшимъ роздыхомъ и завтракомъ въ третьемъ часу. Предсѣдательствующимъ предложены были на обсужденіе нѣсколько вопросовъ, возбужденныхъ нѣкоторыми мировыми посредниками Московской губерніи, относительно примѣненія разныхъ правилъ положенія; секретарь губернскаго присутствія докладывалъ справки изъ законовъ, передъ началомъ преній по каждому вопросу. Но я едва ли не напрасно употребилъ выраженіе *преній*, ибо въ настоящемъ смыслѣ слова преній не

было. При каждомъ вопросѣ нѣсколько человѣкъ принимались говорить въ одно время, и за тѣмъ собраніе распадалось на множество группъ собесѣдниковъ. При этомъ поднимался такой шумъ, что при самомъ усиленномъ желаніи прислушаться къ какому-нибудь мнѣнію, не было возможности разобрать ни одного слова. Приходилось каждому изъ присутствовавшихъ, чтобы вынести что-нибудь изъ этого собранія, примкнуть къ разговору сосѣдей; въ нѣкоторыхъ группахъ происходили весьма жаркіе споры, но интересные только для самихъ участниковъ. Признаюсь, что на нашемъ волостномъ сходѣ было, безъ всякаго преувеличенія, гораздо болѣе порядка въ сужденіяхъ. Пока мы желали бы на нашихъ публичныхъ собраніяхъ уваженія хотя къ одному основному правилу всякаго благовоспитаннаго общества, и именно, чтобы нѣсколько человѣкъ не говорили въ одно время, и чтобы между желающими имѣть слово была принята какая-нибудь очередь. Кажется, это требованіе не велико.

На собраніи, о которомъ я говорю, можно было разслышать, и то не совсѣмъ хорошо, посреди всеобщаго шума, — только окончательныя рѣшенія, принятыя по большинству голосовъ. Голоса собирались посредствомъ подписей подъ однимъ изъ двухъ мнѣній, на особомъ листѣ; эти мнѣнія схватывались на лету, посреди общихъ толковъ и излагались на бумагѣ секретаремъ. Рѣшенія съѣзда имѣютъ, разумѣется, характеръ чисто совѣщательный, какъ и самое собраніе, т. е. губернское присутствіе можетъ принять и не принять ихъ въ уваженіе въ своихъ рѣшеніяхъ или представленіяхъ. Вопросы, предложенные на обсужденіе, были большею частію весьма не важны, ибо почти всѣ они въ общемъ своемъ смыслѣ вполнѣ разрѣшаются положеніемъ, а въ частностяхъ должны зависѣть отъ соображеній каждаго исполнителя. Мы съ удовольствіемъ замѣтили, что со стороны мировыхъ посредниковъ нашего уѣзда (Дмитровскаго) не было возбуждено ни одного вопроса. Дѣй-

ствительно, у насъ какъ-то не любятъ загромождать высшія инстанціи представленіями и возбуждать общіе вопросы, тѣмъ отличаются многія другія мѣстности; нельзя не сочувствовать этому направленію, діаметрально противоположному духу бюрократовъ, стремящихся посредствомъ плодовитой переписки и свѣдѣній начальству, съ одной стороны, выказать свою ревность къ службѣ, а съ другой свалить отвѣтственность на чужія плечи. Мировая дѣятельность именно такого рода, что она должна искать преимущественно *въ самой жизни*, въ условіяхъ каждаго отдѣльнаго случая указаній для разрѣшенія своихъ недоумѣній. Боться же произвола въ дѣйствіяхъ мировыхъ посредниковъ, кажется, трудно: они имѣютъ дѣло съ интересами слишкомъ чувствительными, способными, посредствомъ своей взаимной борьбы, разоблачить злоупотребленіе и заявить свои притязанія передъ другими учрежденіями, которыми обставлены мировые посредники. Повторяю, однако, сказанное мною прежде: контроль уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ, возможно широкое ихъ развитіе съ пріобщеніемъ къ нимъ не только всѣхъ наличныхъ помѣщиковъ, но и волостныхъ старшинъ, и, наконецъ, полная гласность дѣйствій всѣхъ мировыхъ учрежденій — все это условія первой необходимости для успѣха дѣла.

Изъ числа вопросовъ, предложенныхъ на московскомъ губернскомъ съѣздѣ, мы можемъ назвать одинъ весьма важный: о разверстаніи помѣщичьихъ и крестьянскихъ угодій. Рѣшено ходатайствовать о дозволеніи окончательнаго разверстанія до истеченія двухъ-лѣтняго законнаго срока, даже въ имѣніяхъ, по которымъ будутъ составлены уставныя грамоты самими помѣщиками, безъ добровольнаго соглашенія съ крестьянами. Разверстаніе дѣйствительно очень важно для того, чтобы можно было приступить къ устройству правильнаго помѣщичьяго хозяйства не позже будущаго лѣта, а добровольное соглашеніе не всегда достигается. Законъ, присвоивая право окончательнаго разверстанія (или обмѣна черезполос-

ныхъ крестьянскихъ и помѣщичьихъ угодій) лишь имѣніемъ, по которымъ состоятся добровольныя соглашенія, и воспрещая развертаніе до истеченія 2 лѣтъ съ изданія Положенія, въ имѣніяхъ, въ которыхъ будутъ введены грамоты, обязательныя для крестьянъ, очевидно усиливаетъ тѣмъ самымъ побужденія помѣщиковъ къ добровольнымъ соглашеніямъ: нельзя сказать, чтобы съ этой точки зрѣнія законъ не былъ разумѣнъ. Но интересъ возможно скорѣйшаго устройства помѣщичьихъ хозяйствъ также весьма важенъ и ежедневно даже усиливается. Съ миновапіемъ политическихъ опасностей, которыхъ многіе ожидали отъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса, экономическія затрудненія болѣе и болѣе выступаютъ на первый планъ. Мы не боимся и этихъ затрудненій, не вѣря, чтобы могли быть такъ разрушительны для сельскаго хозяйства упраздненіе барщины, непроизводительность которой у насъ передъ глазами, и упраздненіе кровностной зависимости, которая не мало убивала времени у помѣщиковъ посреди земледѣльческихъ заботъ; но мы желали бы всякихъ законныхъ облегченій для сельскихъ хозяевъ, желающихъ продолжать свои занятія по сельскому хозяйству. Необходимымъ условіемъ для послѣдняго есть, безъ сомнѣнія, уничтоженіе черезполосности помѣщичьихъ земель съ крестьянскими.

Мнѣ ничего не остается сказать болѣе о московскомъ съѣздѣ. Какъ центръ для помѣщиковъ и для развитія общественнаго мнѣнія, уѣздный мировый съѣздъ кажется мнѣ болѣе удобнымъ, чѣмъ губернскій; на первыхъ порахъ новаго порядка желательно, чтобы укрѣпились и созрѣли самые мелкіе земскіе круги, прежде нежели возникнутъ болѣе крупные. Какъ новое мировое учрежденіе, губернскій мировый съѣздъ будетъ едва ли не лишнею инстанціею; громоздить одну инстанцію на другую весьма не хорошая административная привычка. Мнѣ кажется, гораздо полезнѣе приглашать мировыхъ посредниковъ по очереди или иначе въ засѣданія

губернскаго присутствія, которое, впрочемъ, для нихъ уже открыто.

6.

Обозрѣвая новыя учрежденія, возникшія съ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, я до сихъ поръ ничего не говорилъ о *волостномъ судѣ*. Вслѣдствіе весьма недавняго открытія у насъ волостей, первое собраніе нашего волостнаго суда было только три дня тому назадъ. Насъ во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно интересуетъ развитіе этого учрежденія; но первое собраніе не могло снабдить насъ никакими наблюденіями, ибо на разсмотрѣніе суда не поступило ни одного дѣла (вѣроятно, вслѣдствіе недавняго его открытія, даже не извѣстнаго большей части крестьянъ) и засѣданія, въ настоящемъ смыслѣ слова, не было. Мы воспользовались этимъ случаемъ, чтобы, по желанію нашего мироваго посредника, объяснить судьямъ сущность волостнаго суда, права и обязанности, присвоенныя имъ въ положеніи и нѣкоторыя практическія и также нравственныя условія, при которыхъ они могутъ съ пользою дѣйствовать въ своей новой должности. Узаконенія, относящіяся къ волостному суду въ положеніи (ст. 93 — 110), весьма не многочисленны и не сложны; въ этомъ заключается, въ нашихъ глазахъ, ихъ большое достоинство. Законъ намѣтилъ только самыя общія границы власти волостнаго суда, мѣсто, принадлежащее ему въ кругу административныхъ и судебныхъ учрежденій, предѣлы, въ которыхъ онъ судитъ по искамъ гражданскимъ окончательно, и предѣлы взысканій и наказаній, которыя предоставлены его власти, наконецъ, общій характеръ дѣлъ, подлежащихъ его разбирательству. Дальнѣйшее развитіе волостнаго суда и порядка его дѣйствій предоставлены самой жизни, и самъ законъ обязываетъ судъ руководствоваться вообще мѣстными обычаями и правилами, при-

пятыми въ крестьянскомъ быту. Положеніе (2 прим. къ 92 ст.) не упраздняетъ даже другихъ крестьянскихъ судовъ, уже существующихъ и установившихся по мѣстнымъ обычаямъ. Лица *другихъ состояній*, которыя имѣютъ тяжбы съ крестьянами или противъ которыхъ совершены послѣдними проступки, *могутъ* отыскивать удовлетворенія въ волостномъ судѣ, или въ общихъ судебныхъ и полицейскихъ учрежденіяхъ. Вся эта осторожность въ предписаніяхъ закона весьма разумна; здѣсь законодатель касался самыхъ чувствительныхъ струнъ народнаго быта и многихъ весьма щекотливыхъ отношеній въ нашемъ обществѣ, въ особенности въ настоящую минуту самаго коренного переворота во взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ двухъ сословій.

Укажу на два вопроса, тотчасъ возникающіе при учрежденіи волостнаго суда: 1) пойдутъ ли въ волостной судъ судиться между собою крестьяне, пойдутъ ли они туда *сами*, когда они не привлечены въ судъ по требованію должностныхъ лицъ или помѣщиковъ? 2) пойдутъ ли въ волостной судъ судиться съ крестьянами лица другихъ состояній, т. е., именно помѣщики?

Утвердительное разрѣшеніе перваго вопроса будетъ зависѣть отъ того, въ какой степени волостной судъ будетъ представителемъ тѣхъ самыхъ понятій о людской, или, лучше, мірской, справедливости, которыя преобладаютъ въ народномъ быту. Эти понятія весьма разнообразны, весьма прихотливы, иногда весьма страшны и грубы; эти понятія могутъ значительно расходиться съ понятіями о справедливости, выработавшимися въ высокопросвѣщенныхъ кругахъ у образованныхъ народовъ. Такъ, напр., трудно будетъ ожидать, на первыхъ порахъ, отъ волостныхъ судовъ строгихъ мѣръ наказанія за порубки въ казенныхъ лѣсахъ, если приговоры не будутъ, въ этихъ случаяхъ, *внушаемы* посторонними лицами и если судьи-крестьяне будутъ руководствоваться только собственною своею совѣстью. Однако, каковы бы ни были преобладающія въ крестьянскомъ быту понятія о справедливости

и какъ бы приговоры волостныхъ судовъ, — приговоры самопроизвольные, а не внушенные, — ни мало удовлетворяли понятіямъ образованныхъ людей и также требованіямъ государственнаго благоустройства, всего менѣе желательно, чтобы крестьяне избѣгали ихъ расправы, смотрѣли на ихъ приговоры, какъ на *распоряженія начальства*, чтобы волостной судъ остался въ народномъ быту мертвою буквою. Всего менѣе желательно, чтобы волостные суды въ понятіяхъ крестьянъ были мѣстами, существующими исключительно для потребы начальства и чтобы о бокъ съ ними существовали или возникли другіе крестьянскіе суды, уже по понятіямъ крестьянъ. *настоящіе* суды, а не заказные; всего же хуже, еслибъ насильственное изгоненіе какихъ бы то ни было натуральныхъ крестьянскихъ судовъ, для замѣны ихъ волостными, лишило крестьянскій бытъ всякой судебной расправы. Духъ новаго законодательства, кажется, совершенно противуположенъ такому направленію дѣла; но общаго смысла закона еще недостаточно, успѣхъ его будетъ зависѣть отъ мѣстныхъ исполнителей и блюстителей. При этомъ, самыя благія и просвѣщенныя намѣренія блюстителей общественнаго порядка могутъ, при сколько-нибудь неосторожномъ и необдуманномъ обращеніи съ народными обычаями, привести къ послѣдствіямъ печальнымъ и даже трудно исправимымъ. Напр. въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне выражали желаніе продолжать свой судъ всѣмъ міромъ: разумѣется, подобное судилище не можетъ удовлетворить всѣмъ нашимъ понятіямъ о судебномъ учрежденіи и оказалось бы несостоятельнымъ для разрѣшенія тѣхъ важныхъ дѣлъ, которыя, съ теченіемъ времени, могутъ сосредоточиться въ волостныхъ судахъ, при правильномъ ихъ развитіи. Внезапное воспрещеніе міркомъ судебной расправы едва ли, однако, возможно: должно скорѣе стремиться къ постепенному переселенію ея въ волостной судъ, который бы такимъ образомъ сдѣлался, мало по малу, въ глазахъ крестьянъ тѣмъ же самымъ судомъ на міру. И очень хорошо со-

знаю трудности этого дѣла, но онѣ не непреодолимы, въ особенности, когда новые органы власти взяты изъ самаго земства и даже изъ самихъ крестьянъ. Дружная дѣятельность въ этомъ смыслѣ мировыхъ посредниковъ съ волостными старшинами и послѣднихъ съ сельскими старостами можетъ превозмочь многія препятствія и не нарушитъ никакихъ предубѣжденій народа. По взятому нами примѣру, если крестьяне станутъ упорно держаться своей мірской расправы, предпочитая ее волостному суду, должно, по нашему мнѣнію, вмѣсто искусственнаго подчиненія ихъ волостному суду, стараться о постепенномъ избраніи отъ каждаго сельскаго міра по одному выборному въ волостной судъ: и это слѣдовало бы дѣлать безъ всякой поспѣшности, пользуясь замѣнательствами мірской расправы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и изъ этихъ частныхъ замѣнательствъ, которыя будутъ стѣснительны для интересовъ самихъ крестьянъ, можно постепенно возвести ихъ самихъ къ волостному суду. Такой порядокъ, можетъ быть, нѣсколько отклонился бы отъ Положенія, которое требуетъ непремѣннаго избранія судей на волостномъ сходѣ (примѣч. 2 къ ст. 92); но указанный мною способъ дѣйствія былъ бы совершенно согласенъ съ общимъ духомъ закона.

Безъ всякаго сомнѣнія, желательно, чтобы понятія о правѣ и справедливости въ народѣ очистились и улучшились, и постепенно уступили мѣсто болѣе правильному юридическому сознанію, котораго не достаетъ всему нашему обществу, а не однимъ крестьянамъ; но новыя понятія тогда только можно признать прочно водворившимися въ народномъ бытѣ, когда *въ нихъ переродились старыя понятія*, а не тогда, когда подъ старыхъ понятій, нисколько не потерявшихъ своей живучести, явилась только внѣшняя, формальная обстановка новыхъ понятій, безъ всякаго сознанія ихъ внутренней сущности. Въ занимающемъ насъ вопросѣ практическій примѣръ судебной расправы мировыхъ посредниковъ, строгая справедливость въ ихъ собственныхъ дѣйствіяхъ, неуклонная правда во

всѣхъ ихъ отношеніяхъ къ народу, будутъ производить самое могущественное дѣйствіе на воззрѣнія самихъ крестьянъ и не могутъ не отразиться на ихъ расправѣ. Понятія и идеи изгоняются только другими понятіями и идеями; преслѣдуемые-же формальнымъ закономъ грубые предразсудки только прячутся, и тогда борьба съ ними понятій образованныхъ людей дѣлается еще труднѣе.

Новое законодательство не загромоздило, однако, волостные суды никакими формальностями; будемъ надѣяться, что и исполнители закона съумѣютъ внести ихъ въ жизнь, не разлучая съ народными обычаями и правами. Наши мѣстные дѣятели поступаютъ въ этомъ отношеніи весьма разумно: мировой посредникъ посѣщаетъ поочередно открывающіеся волостные суды, присматривается къ нѣкоторой неурядицѣ, по необходимости проявляющейся на первыхъ порахъ, толкуетъ съ судьями, но не спѣшитъ подчинить ихъ строгому формальному порядку. Пусть судятъ какъ знаютъ. Это нисколько не мѣшаетъ намъ сказать имъ, какъ слѣдуетъ судить по нашему, и почему по нашему лучше: мы можемъ это сказать имъ тѣмъ болѣе, что не имѣемъ никакого права требовать, чтобы они судили по нашему и у нихъ также нѣтъ никакой причины скрывать отъ насъ, какъ они судятъ.

Обращаюсь ко второму упомянутому мною вопросу — о разбирательствѣ въ волостныхъ судахъ дѣлъ, въ которыхъ участвуютъ лица не крестьянскаго сословія. Съ нашей точки зрѣнія, нѣтъ никакой надобности, чтобы волостной судъ былъ спеціальнымъ крестьянскимъ судомъ; если такая спеціальность и была вынуждена, въ настоящее время, вслѣдствіе крайняго обособленія нашего крестьянства, то мы не видимъ причины, чтобы онъ сохранилъ этотъ характеръ навсегда. Точно также нѣтъ причины, чтобы, съ исчезновеніемъ сословныхъ разграниченій, волостной судъ и по самому своему составу оставался исключительно крестьянскимъ. Напротивъ того, мы видимъ въ немъ самый низшій судебной расправы для всѣхъ вообще споровъ и проступковъ, которыми пресѣченъ

сельскій бытъ всѣхъ классовъ общества. Уже теперь волостной судъ можетъ разсматривать дѣла, къ которымъ прикосновенны другія сословія, и у насъ безпрестанно возбуждается вопросъ: пойдетъ ли къ нему судиться помѣщикъ? Законъ предоставляетъ это на волю каждаго. Мы замѣтили, что новость подобной расправы не нравится многимъ, но только новость, ибо въ нашихъ нравахъ вовсе нѣтъ тѣхъ сословныхъ предубѣжденій, которыя бы рѣшительно препятствовали помѣщикамъ судиться въ гражданскихъ тяжбахъ съ крестьянами или искать удовлетворенія за ихъ проступки, въ волостныхъ судахъ. Неудобства старыхъ судебныхъ учрежденій будутъ даже привлекать многихъ испытать новыя. Между тѣмъ, разбирательство въ волостныхъ судахъ дѣлъ, въ которыхъ участвуютъ лица другихъ сословій, было бы важнымъ успѣхомъ на пути нашего государственнаго развитія; а практическое прикосновеніе судей-крестьянъ къ болѣе образованнымъ людямъ, пришедшимъ къ нимъ судиться, не мало способствовало бы юридическому воспитанію первыхъ; наконецъ, приходъ помѣщиковъ въ волостной судъ усилилъ бы его значеніе въ глазахъ крестьянъ.

Судьи нашего волостнаго суда (четверо) люди не молодые и, сколько можно было замѣтить, толковые. Сожалѣю, что не могъ еще послушать ихъ суда и мое посѣщеніе ограничилось одною бесѣдою. При этомъ я не могу не упомянуть вообще о расположеніи нашихъ крестьянъ слышать рѣчи образованныхъ людей: они принимаютъ съ чрезвычайною благодарностью всякое слово искренняго участія въ ихъ дѣлахъ и съ жадностью ищутъ людей, которые бы могли безпристрастно дать имъ совѣтъ въ новомъ ихъ положеніи. Они какъ будто чувствуютъ, что имъ не достаетъ многихъ свѣдѣній на новомъ, открывающемся передъ ними поприщѣ гражданской жизни, не достаетъ и руководителей, искренне имъ преданныхъ. Какъ только становится подлѣ крестьянъ человѣкъ, совершенно свободный отъ интересовъ и предразсудковъ

крѣпостнаго права, такъ они обращаются къ нему съ полнымъ довѣріемъ.

7.

Наконецъ, и на нашей улицѣ былъ праздникъ. Мы праздновали въ нашей деревнѣ вступленіе во второй періодъ нашего развода съ крестьянами, — подписаніе и введеніе въ дѣйствіе *уставной грамоты:* празновали мы скромно, съ тѣми домашними средствами, какія у насъ были подъ рукою: съ молебномъ, съ чаемъ, водкой и пряниками. Но незатѣйливость нашего празднества вполнѣ вознаградилась искреннимъ веселіемъ обѣихъ сторонъ, крестьянъ и помѣщика, и ихъ шумною, нестѣсненною, въ теченіе 7 часовъ, бесѣдою, послѣ предписанія грамоты въ господскомъ домѣ. Радость была непритворная съ обѣихъ сторонъ, ибо грамота составлена по добровольному соглашенію, зрѣло и обоюдно обдуманному въ теченіи трехъ мѣсяцевъ. Сегодня она введена въ дѣйствіе мировымъ посредникомъ, т. е. прочтена на мірскомъ сходѣ, въ присутствіи добросовѣстныхъ изъ сосѣднихъ селеній и окончательно утверждена, со всѣми установленными формальностями. Пишущій эти строки долженъ признаться, что послѣ этого обряда онъ вздохнулъ свободнѣе, — какъ будто самъ выходилъ изъ крѣпостной зависимости: наконецъ, подписана *хартія*, опредѣлившая взаимныя права и обязанности, какія могутъ существовать только между людьми равноправными, между гражданами, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, разрушились всякія насильственныя отношенія, не допускавшія никакого свободнаго союза и искажавшія самыя естественныя влеченія чувствъ съ обѣихъ сторонъ. Теперь открылось и передъ крестьянами, и передъ помѣщикомъ широкое поприще для всякихъ совокупныхъ и общеполезныхъ предпріятій. теперь началось настоящее нравственное вліяніе населенія господскаго дома на населеніе деревни, не стѣсняемое никакимъ

взаимнымъ недовѣріемъ и взаимными подозрѣніями въ корыстолюбивыхъ видахъ. Можно затѣять всякое дѣло и всякое улучшеніе къ развитію благосостоянія нашей необширной деревушки, нисколько не опасаясь внушить крестьянамъ опасеніе, что съ возрастаніемъ ихъ зажиточности будутъ увеличиваться и ихъ оброки; а много можетъ быть подобныхъ предпріятій, выгодныхъ не только для крестьянъ, но и для господскаго хозяйства, хотя бы напр осушеніе болота, на которомъ почти всѣ наши сѣнокосы, и господскіе, и крестьянскіе. Я увѣренъ, что всѣ такія предпріятія не будутъ болѣе встрѣчать, со стороны крестьянъ, не только тупаго противудѣйствія, но и того равнодушія, которыми парализировались многія добрыя начинанія въ прежнее время. О нѣкоторыхъ предметахъ можно будетъ говорить теперь съ крестьянами и съ большею строгостью, и съ большею настойчивостью, чѣмъ прежде; такъ напр. мы надѣемся болѣе рѣшительнымъ образомъ объясниться съ ними на счетъ обученія ихъ дѣтей и выставить имъ въ настоящемъ свѣтѣ, — нисколько не смягчая выраженій нашего негодованія, — безразсудство родителей, не допускающихъ своихъ сыновей, въ рабочіе дни, въ нашу домашнюю школу, которая по тому самому должна была изъ ежедневной обратиться въ воскресную, не смотря на пламенное усердіе учительницы. Таковы, по крайней мѣрѣ, наши надежды!

— Теперь я заведу больницу, говорю я крестьянамъ, выстрою избу и приставлю къ ней сидѣлку; пусть всякій больной и идетъ въ эту избу.

— А мы не пойдемъ въ вашу больницу, отвѣчаютъ крестьяне (воодушевившись до полной откровенности посредп угощенія послѣ подписанія грамоты), на своей печи, въ своей хатѣ лежать вольготнѣе. Конца все равно не убѣжишь въ больницѣ, или у себя на дому.

— А я все-таки заведу больницу.

— Заводите, пусть себѣ стоитъ порожняя; вреда намъ отъ нея не будетъ.

Дѣйствительно, дѣло не легкое уговорить крестьянина пойти въ больницу; и пашъ братъ ее не долюбливаетъ. Больница есть, однако, дѣло первостепенной важности для нашего сельскаго быта; не говоря уже о преподаніи медицинскихъ пособій больнымъ и объ уходѣ за ними, сколько у насъ бѣдствій и сколько жертвъ единственно отъ неразлученія больныхъ съ здоровыми членами семейства. Мы знаемъ одно многочисленное крестьянское семейство, въ которомъ всѣ дѣти заражены страшною язвою только потому, что однажды пропочевать и паривался въ избѣ какой-то прохожій. Въ подобныхъ случаяхъ, при явной опасности для всего народонаселенія отъ людей, зараженныхъ прилипчивыми болѣзнями, можно будетъ и не спишкомъ съ ними церемониться; міръ самъ придетъ къ необходимости принимать принудительныя мѣры для передачи такихъ больныхъ въ больницы. Существованіе послѣднихъ дастъ право преслѣдовать и чрезвычайно вредныхъ въ сельскомъ быту знахарей и лекарокъ. Но я далеко отвлекся отъ моего предмета...

Какъ я сказалъ, намъ удалось составить уставную грамоту, что называется *полюбовную*, совершенно добровольно, единогласно, и даже охотно подписанную крестьянами. Разсказывая постепенно всѣ мои наблюденія надъ ходомъ крестьянскаго дѣла въ нашей мѣстности, я не могъ умолчать и этого обстоятельства, хотя печатное, подробное описаніе его, вслѣдствіе многихъ личныхъ вопросовъ не совсѣмъ для меня удобно. До сихъ поръ въ нашемъ участкѣ всего подано посреднику *пять* грамотъ, и только двѣ, съ нашею, по добровольному соглашенію. Невозможность откладывать болѣе мой отъѣздъ изъ деревни заставила меня ускорить это дѣло, хотя собственно я велъ переговоры съ крестьянами въ теченіи 3 мѣсяцевъ. Нельзя отчасти не согласиться съ общимъ мнѣніемъ, что склонить крестьянъ къ добровольному согласію и въ особенности къ *подписанію* грамоты, — являющемуся въ ихъ воображеніи символомъ какого-то добровольнаго и вѣчнаго закабаленія, — дѣло вообще не

легкое, но никакъ не могу согласиться и съ тѣмъ, чтобы трудности этого дѣла были всегда непреодолимы, и еще менѣе, чтобы въ этомъ были виноваты одни крестьяне. Сущность отвращенія ихъ отъ добровольныхъ соглашеній съ помѣщиками, или, лучше, ихъ паническаго страха къ подписанію грамоты заключается въ *недовѣріи*.

Добровольныя сдѣлки вообще очень не легки съ русскимъ человѣкомъ, во всѣхъ слояхъ общества; чтобы не ходить далеко, я припомнаю разсказы иностранцевъ (въ особенности англичанъ) о томъ, какой огромной траты времени на предварительные переговоры стоитъ имъ каждое маленькое дѣло съ русскимъ купцомъ, сколько пропадаетъ денегъ на всякіе накладные расходы, на чаепитіе и угощеніе, какія страшныя усилія необходимы, чтобы получить окончательный отвѣтъ. Англичане говорятъ, что, среднимъ числомъ, они могутъ заключить въ сутки 10 коммерческихъ дѣлъ въ Лондонѣ, а въ Петербургѣ только одно точно такое же дѣло. Русскій человѣкъ находится при этомъ всегда въ какомъ-то особенномъ состояніи духа, всего болѣе похожемъ на страхъ быть надутымъ и одураченнымъ. Кто изъ насъ наиболѣе виноватъ въ подобномъ душевномъ расположеніи, какіе общественные элементы и условія слѣдуетъ наиболѣе привлекать къ отвѣтственности за этотъ грустный фактъ, другой вопросъ, и вопросъ чрезвычайно сложный. Но фактъ существуетъ. Въ крестьянствѣ онъ особенно рельефенъ. Крестьяне вообще держатся, сколько я замѣтилъ, такого направленія мышленія: «мы люди темные, необразованные, господа люди ученые; есть между нами люди смышленые, да есть и между ними люди не менѣе смышленые; имъ обойти насъ легче, чѣмъ намъ — ихъ; такъ ужъ лучше себя поберечь, отъ всякаго дѣла воздержаться, все-таки отвѣта будетъ меньше. Теперь говорятъ намъ господа: пишите грамоту; а ходятъ слухи, что черезъ 2 года будетъ другой поворотъ дѣлу. Подождемъ. Пугали насъ многіе и прежде, что насъ отпустятъ на волю безъ земли, что мы всю землю нанимать будемъ, а мы все-таки при

землѣ остались. Что было бы, если бы мы тогда повѣрили?» и проч.

Вся задача при добровольномъ соглашеніи съ крестьянами заключается въ томъ, чтобы внушить имъ довѣріе; разъ упрочено довѣріе — дѣло идетъ уже само собою. Но довѣріе не такъ легко пріобрѣтается, оно никакъ не приходитъ съ разу, тѣмъ болѣе, что всѣ наши прошедшія отношенія къ крестьянамъ именно клонились къ лишенію насъ всякаго довѣрія въ ихъ глазахъ. Первое необходимое условіе довѣрія — есть искренность. А много ли у насъ искренности въ сношеніяхъ не только между разными общественными классами, но даже между членами одного и того же круга. Самые лучшіе изъ насъ не пріучены ли съ дѣтства имѣть одинъ разговоръ между собою и совершенно другой разговоръ въ публикѣ и съ народомъ; даже при самыхъ добрыхъ намѣреніяхъ, мы считаемъ нашею обязанностью скрывать отъ народа наши мысли и чувства, и до сихъ поръ даже иначе не разговариваемъ между собою, въ присутствіи простолюдина, какъ по-французски! Трудно предполагать, чтобы народъ оставался совершенно равнодушенъ къ этимъ разговорамъ въ тихомолку, на языкѣ для него непонятномъ къ этимъ вѣчнымъ опасеніямъ объясниться съ нимъ запросто, безъ всякой задней мысли!...

Далѣе, крестьяне не имѣютъ никакого сознанія юридическихъ правъ и обязанностей; все ихъ прошедшее было ясно враждебно всякимъ подобнымъ понятіямъ и нельзя сказать, чтобы высшіе классы подавали имъ примѣръ юридическихъ доблестей. А съ уставной грамотой приходится выступить на юридическую почву, къ тому-же весьма у насъ шаткую и плохо огражденную; и образованному человѣку иногда страшно выступить на эту почву, и онъ старается всячески ее обѣгать, возлагая болѣе надежды на разныя случайныя силы, чѣмъ на силу права.

Все сказанное мною, взятое въ совокупности, и многое другое, объясняютъ трудность добровольныхъ

соглашеній. Я не сомнѣваюсь однако, что число ихъ будетъ постепенно возрастать; между крестьянами постоянно выражается желаніе выждать, какъ поступятъ сосѣди. Для полнаго успѣха крестьянскаго дѣла, нельзя не желать возможно большаго развитія добровольныхъ соглашеній; полюбовныя грамоты во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе для интересовъ обѣихъ сторонъ (и въ особенности для помѣщиковъ), чѣмъ обязательныя. Независимо отъ личныхъ интересовъ, еще болѣе важно вліяніе добровольныхъ соглашеній на всѣ послѣдующія отношенія двухъ классовъ, которыхъ *соглашеніе* есть первое условіе нашего гражданскаго и государственнаго преуспѣянія. Самое преніе, по необходимости происходящее между ними, во время переговоровъ о грамотѣ, въ высшей степени полезно для воспитанія каждаго, и крестьянина, и помѣщика. Крестьянинъ, по умъ забитый въ попеченія о насущныхъ, матерьяльныхъ потребностяхъ текущаго дня, безпрестанно наталкивается здѣсь на вопросы отдаленнаго, безконечнаго будущаго, на интересы права и гражданской самостоятельности; черезъ это кругъ его понятій, по необходимости, расширится. Въ то же время помѣщикъ, искони пріобыкшій приказывать, а не договариваться, видитъ передъ собой новую силу, которую сломить нѣтъ никакой возможности, съ которой приходится вступить въ нравственную борьбу, чрезвычайно спасительную для пробужденія и изощренія бодрости духа, посреди нравственнаго усыпленія, барства, обломовщины и всѣхъ недуговъ, порожденныхъ въ высшемъ классѣ безработнымъ пользованіемъ привиллегіею крѣпостнаго права. Но есть особенный, утонченный видъ барства, для котораго также предвидится душеспасительныя метаморфозы на почвѣ вынужденнаго обстоятельствами соглашенія съ крестьянами: я говорю объ этихъ отвлеченныхъ отъ всякой дѣйствительной жизни системахъ міра, этихъ общественныхъ и политическихъ теоріяхъ, наполнявшихъ головы туманными стремленіями и нравственными призраками, существованіе которыхъ обусловливалось лишь воз-

можностью жить и даже жить, въ полномъ довольствѣ, никогда не справляясь съ жизнію. Всѣ эти понятія приходили къ намъ, подобно массамъ иностранныхъ товаровъ, залежавшихся въ огромныхъ факторіяхъ западноевропейскихъ народовъ, подобно машинамъ, обезцѣненнымъ у нихъ изобрѣтеніемъ новыхъ машинъ и искусно сбываемымъ въ Россію, гдѣ слабость промышленной конкуренціи и бѣдность капиталовъ допускаютъ употребленіе многихъ орудій, невыгодныхъ посреди крайностей конкуренціи на западѣ; всѣ эти товары, также какъ и идеи, приходили къ намъ послѣ долгихъ мытарствъ на всесвѣтныхъ ярмаркахъ и въ всесвѣтныхъ литературахъ, съ искусственными, дутыми, спекуляторскими преміями и прибылями въ рукахъ иноземныхъ и отечественныхъ перекупщиковъ, — приходили и жили у насъ, давно заброшенные на чужихъ рынкахъ. «Für Russland ist alles gut» говорили германскіе фабриканты, сбывая намъ свой бракъ или свою ветошь. Дѣйствительно, благодаря бариніи, можно было извлекать огромные барыши изъ какой угодно сохи и можно было выгодно молотить хлѣбъ самыми допотопными снарядами; беззаботно собирая оброки, можно было также наѣзжать, на лѣтніе мѣсяцы, въ деревню, для прохладительнаго чтенія на балконѣ французскихъ книжекъ, наслаждаться необозримою далью равнины, и группами этихъ добрыхъ крестьянъ, живописно разбросанными на господской работѣ; съ поступленнымъ красноръчіемъ разсказывать необразованному сосѣду ужасы англійскаго пролетаріата, описанные во французскихъ книжкахъ, и мечтать о царствѣ равенства и братства, готовомъ наступить для европейскаго общества. Занятія по составленію уставной грамоты могущественно сдерживаютъ этотъ полетъ мысли и быстро отрезвляютъ умы, — иногда даже слишкомъ быстро: соприкосновеніе мечты, — не знавшей никакихъ преградъ въ туманѣ понятій, въ который она упосилась съ почвы безотрадной дѣйствительности, — соприкосновеніе ея съ реальными интересами крестьянскаго міра, въ которомъ

нѣтъ досуга для мечты подлѣ гнетущей заботы дня — чрезвычайно цѣлебно дѣйствуетъ на всякіе нравственные недуги. Къ сожалѣнію, реакція оказывается иногда слишкомъ крутою: на мѣсто прежнихъ мечтательныхъ и свѣтлыхъ призраковъ становятся мрачныя воззрѣнія на грубость русской крестьянской натуры, на ея тупоуміе, — когда обмѣнъ угодій или переселеніе усадьбъ не удаются такъ легко, какъ воображаемое переселеніе Икаріи на русскія черноземныя поля. Но и въ этихъ разочарованіяхъ, вынужденныхъ трудностями добровольнаго соглашенія, не будемъ обвинять ни ту, ни другую сторону, ни невѣжество русскаго крестьянина, ни легкомысліе русскаго барина, ни какую-то прирожденную будто бы намъ черную немочь, а будемъ обвинять одно злое начало — крѣпостное состояніе, — разлучившее помѣщика съ крестьяниномъ и порывы образованнаго человѣка съ дѣйствительностью.

И намъ пришлось превозойти многія трудности при соглашеніи съ крестьянами. И намъ не далась полюбовная грамота съ разу и безъ всякихъ хлопотъ и усилій, чему служатъ доказательствомъ 3-хъ-мѣсячные переговоры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я долженъ однако признаться, что мы имѣли въ нашу пользу нѣкоторыя благопріятныя обстоятельства, которыя встрѣчаются не во всѣхъ имѣніяхъ. Обмѣнъ угодій крестьянскихъ и помѣщичьихъ былъ особенно выгоденъ для крестьянъ, ибо безъ особаго великодушія, а вслѣдствіе особенныхъ условій мѣстности, пришлось отдать имъ лучшія земли въ имѣніи; крестьяне получили то же количество надѣла, какимъ до сихъ поръ пользовались, но этотъ надѣлъ такъ не великъ (немного болѣе 2 д. на душу, когда высшій надѣлъ для нашей мѣстности $3^1/_2$ д.), что оброкъ, причитающійся съ нихъ по Положенію, гораздо ниже прежнихъ ихъ повинностей; за тѣмъ и этотъ оброкъ по уставной грамотѣ былъ понизкенъ, ибо, по совѣсти, невозможно было обложить крестьянскіе сѣнокосы, находящіеся у насъ на болотѣ. оброкомъ, назначеннымъ въ Положеніи; крестьяне приняли

эту уступку, добровольно сдѣланную передъ самымъ подписаніемъ грамоты, съ чрезвычайною благодарностью; наконецъ, крестьяне нашей деревушки (всего 73 души) извѣстны во всемъ околоткѣ своею добропорядочностью и 20-ти-лѣтнее тѣсное знакомство съ ними всего помѣщичьяго семейства связало насъ дружескими узами, скрѣпившимися еще болѣе въ послѣднее время, посредствомъ школы и почти ежедневныхъ, откровенныхъ бесѣдъ о взаимныхъ нуждахъ и потребностяхъ.

Такъ вступили мы во второй періодъ нашего *развода*, который наши крестьяне называютъ почему-то *обрученіемъ*; мы не хотимъ спѣшить вступленіемъ въ 3-й и окончательный періодъ, т. е., *выкупъ*, хотя сами лично чрезвычайно его желаемъ. Но мы не хотѣли заключать этой сдѣлки, безъ того, чтобы она была внимательно обсужена крестьянами и пока ограничились включеніемъ въ уставную грамоту нашего согласія на выкупъ всего надѣла. Выражаясь словами крестьянъ, что уставная грамота была *обрученіемъ*, мы твердо увѣрены, что выкупъ будетъ уже окончательнымъ нашимъ *союзомъ*.

8.

Желтѣетъ листъ, обнажаются поля, комнатныя городскія занятія при свѣчахъ смѣнили всѣ очарованія сельскихъ вечеровъ, на дворѣ пронзительная изморозь, дороги застилаются непроходимою кашею, выѣздъ изъ деревни дѣлается подвигомъ; наступила осень, которую почти *неприлично* проводить въ деревнѣ. «Скучно въ деревнѣ, говоритъ мой сосѣдъ, хорошо вамъ, вы скоро въ городъ, а вотъ когда обстоятельства не позволяютъ...» —Да, я бы радъ совсѣмъ здѣсь остаться; обстоятельства, призывающія въ городъ, совсѣмъ меня не радуютъ. — «Что ни говорите, а скучно въ деревнѣ», повторяетъ мой унылый сосѣдъ. — и слово *скучно*, какъ

зѣвота, эпидемически сообщается отъ одного къ другому въ тѣсномъ деревенскомъ кругу, и всѣ жалуются на скуку. Но почему же *скучно?* То же ли это безотчетное сотрясеніе нервовъ, какъ и зѣвота? Есть ли возможность сколько нибудь осилить эту овладѣвающую нами немочь, также какъ благовоспитанные люди осиливаютъ зѣвоту? Почему же это увяданіе природы, унылое, какъ всякое оскудѣніе силъ, *на этотъ разъ* не гонитъ меня самого изъ деревни, и томительно считаешь часы, послѣ которыхъ придется съ нею разстаться? Дѣло въ томъ, что около насъ въ этой скучной деревнѣ выросли и ежедневно ростутъ иные вопросы, которые уже не вопросы одной неподвижной природы, а безконечные вопросы человѣческой жизни, способной забывать, въ своихъ лучшихъ интересахъ, и пѣгу, и увяданіе природы. Приходится ѣхать въ городъ, вступивъ въ неизмѣнный зимній сезонъ, которыи начнется осадками и отрыжками прошлогодныхъ сплетенъ и несмѣтнымъ количествомъ благихъ бюрократическихъ предначертаній закинитъ суетливою дѣятельностью къ высшимъ цѣлямъ новаго года и свѣтлаго праздника, и сдастъ къ весне въ архивъ всѣ благія предначертанія «за недостаткомъ элементовъ и людей въ странѣ и самодѣятельности въ провинціи»; приходится опять пенить до дна эту извѣданную чашу, а здѣсь въ деревнѣ сколько покидаешь вопросовъ, которые быстро бѣгутъ на встрѣчу неизвѣстнаго будущаго, которыхъ уже никакія особыя обстоятельства и соображенія не силахъ сдать въ архивъ, на которые жизнь должна дать отвѣтъ и непремѣнно дастъ... «А какъ-то уладитъ свои дѣла съ крестьянами спиѣбрюховскій баринъ, какъ постоятъ за себя брызгаловскіе мужики?» Все это — Спиѣбрюхово, Брызгалово — деревеньки крошечныя (по 10 дворовъ), недостойныя высшихъ бюрократическихъ соображеній, да и у нихъ есть свои дѣла, свои заботы, которыя нимало не разрѣшаются простымъ господскимъ нарядомъ, а сдѣлались *спорными:* людской споръ, какъ бы онъ ни былъ мелокъ, говорятъ, великое дѣло! Спорятъ Карпъ съ Ива-

номъ Кузьмичемъ, такихъ Карловъ 10 милліоновъ на свѣтѣ и такихъ Кузьмичей по меньшей мѣрѣ полмилліона, и оба они умрутъ безслѣдно, не оставивъ на землѣ никакихъ посмертныхъ твореній; да оба они, видите, люди, спорить человѣкъ съ человѣкомъ и такой споръ долженъ уже непремѣнно что нибудь за собою оставить. Какъ ни ничтожны Карлъ и Иванъ Кузьмичъ, но между ними споръ человѣческій, и есть даже такіе смѣльчаки, которые увѣряютъ, что ихъ споръ важнѣе, чѣмъ споръ Наполеона съ австрійскимъ императоромъ, что споръ одного человѣка съ однимъ человѣкомъ важнѣе, чѣмъ споръ милліоновъ пудовъ желѣза съ милліонами пудовъ желѣза, сотенъ тысячъ зуавовъ съ сотнями тысячъ тирольскихъ стрѣлковъ. Споръ Карла съ Иваномъ Кузьмичемъ человѣческій, между ними стоитъ законъ и мировой посредникъ; между зуавомъ и тирольскимъ стрѣлкомъ — трескъ желѣза и столбъ пороховаго дыма! Здѣсь разрѣшается вопросъ о человѣческомъ правѣ, ибо здѣсь оно можетъ восторжествовать и можетъ покориться; тамъ разрѣшаются вопросы химіи и механики; ибо тамъ могутъ восторжествовать нарѣзныя орудія надъ ненарѣзными. Здѣсь общечеловѣческіе, нравственные интересы, которые могутъ и должны затронуть за живое всякаго человѣка; тамъ интересы техники, удобопонятные и живые только для особыхъ спеціалистовъ. Но покинемъ это сколькое поприще хитрыхъ сближеній и обратимся къ простымъ вопросамъ нашей деревни... Число ихъ необозримо какъ русская равнина! На чемъ покончитъ міръ свою ссору съ старостой? Какъ поведетъ себя въ должности волостнаго стряпчаго нашъ Филиппъ Васильевичъ? Каковъ будетъ второй волостной сходъ? Какъ будутъ судить волостные судьи? Что мировой съѣздъ, оживится ли его собранія, будутъ ли на него ѣздить помѣщики, будутъ ли приглашены волостные старшины? Нѣтъ конца этимъ вопросамъ, ставимъ теперь въ этой пустынѣ, знавшей еще въ прошломъ году только одинъ общественный вопросъ: *что новаго въ Петербургѣ?* И весь

эти вопросы полны самаго животрепещущаго общественнаго интереса; ихъ уже никакъ не оцѣпенять крещенскіе морозы и не усыпитъ никакая вьюга. И жаль промѣнять этотъ міръ, въ которомъ слышится новое дыханіе жизни, на городскую рутину и усыпляемые вопросы.

«Все это ваше воображеніе, твердитъ мой сосѣдъ, все это идеи, а намъ нужны практическіе интересы; вотъ какъ проѣзда не будетъ и поговорить будетъ даже не съ кѣмъ, такъ настанетъ скука смертная. Теперь только бы хлѣбъ убрать съ грѣхомъ пополамъ, уже нынче какое въ деревнѣ веселье. На міркой сходкѣ или на волостномъ сходѣ мнѣ нечего дѣлать, на мировой съѣздъ не поѣду, изъ-чего и волѣзу на непріятности; Филиппъ Васильевичъ и безъ меня справитъ свою должность, волостные судьи также безъ меня разсудятъ, да вѣдь насъ нынче и не спрашиваютъ. Какъ хотите, въ этомъ захолустьѣ великая отрада хоть бы съ пріятелемъ поговорить: что Наполеонъ, что англійскій парламентъ? А какъ и этого зимою не будетъ! Въ этой скукѣ одно утѣшеніе: прочтешь въ «Русскомъ Вѣстникѣ», какъ тамъ порядочные люди живутъ».

Мой угрюмый сосѣдъ, однако, дѣйствительно и непритворно скучаетъ; и меня уже самого начинаетъ смущать вопросъ: когда скука и пустыня около моего сосѣда, то жизнь и обновленіе, зачавшіяся около меня, не плодъ ли моего пылкаго воображенія? Вдумываюсь въ отвѣты сосѣда и размышленіе нѣсколько облегчаетъ мое смущеніе, объясняетъ наше противорѣчіе. Онъ не пойдетъ на сходку, ему нѣтъ дѣла до міра; волостной судъ, мировой съѣздъ и безъ него разсудятъ!... Такъ не въ этихъ ли *отрицаніяхъ* корень противурѣчія? Отрицанія могутъ быть весьма глубокомысленны, но въ окончательныхъ своихъ результатахъ, они всегда приводятъ къ одной вѣрной цѣли — скукѣ.

Чѣмъ болѣе вы будете вглядываться въ современную русскую деревню, тѣмъ болѣе вы замѣтите въ ней: съ одной стороны, пробужденіе жизни, игру и борьбу но-

выхъ силъ, съ другой стороны — пустыню и скуку. На селѣ, на базарахъ, ярмаркахъ, храмовыхъ праздникахъ, рѣшительное оживленіе; учащаются крестьянскія и мірскія сходки; возникли новые вопросы, которые приходится крестьянамъ рѣшить самимъ, безъ всякой чужой помощи и опеки, — новыя права, за которыя приходится постоять; явились новые дѣятели, — старосты, старшины, судьи, — бойко принялись за свое дѣло и смѣло ведутъ его впередъ. Возбудилась дѣятельность и на окраинахъ другой сферы: съ бодрымъ духомъ стали трудиться мировые посредники, стряхнули съ себя вѣковую пыль дворянскихъ и всякихъ другихъ гамлетовскихъ сомнѣній, дворянской и всякой другой лѣни, спѣшатъ, безпримѣрнымъ образомъ, въ назначенные часы, къ крестьянамъ, къ помѣщику, на уѣздные мировые съѣзды; не забываютъ, еще болѣе безпримѣрнымъ образомъ, за картами, за охотой, за болтовней о назначенныхъ свиданіяхъ, о людяхъ, ожидающихъ въ ихъ переднихъ; никакъ не хотятъ поручить своихъ занятій секретарямъ, письмоводителямъ, писарямъ и всякимъ инымъ непорядочнымъ производителямъ дѣлъ у порядочныхъ дѣловыхъ людей; наконецъ — и это уже совершенно баснословно посреди преданій стараго времени — являются люди, которые трудятся, хлопочутъ, нисколько не заботясь о матерьяльныхъ интересахъ своего усердія, даже пренебрегая положительными расходами, которыхъ стоитъ это усердіе. Образовались новыя учрежденія, новыя должностныя лица, новыя власти, ни вотчинныя, ни сословныя, ни чиновничьи, — новыя должности и новыя власти, которыя, очевидно, не подходятъ ни подъ какіе старые типы и категоріи, посѣваютъ въ обществѣ новые типы и новыя категоріи, ищутъ для себя новаго мѣста, шевелятъ въ умахъ новыя понятія (о самоуправленіи). Возникли новые центры — мировые съѣзды — гдѣ также новая непривычная обстановка, гдѣ уже позабудешь о старинной сословной грани дворянства и крестьянства, гдѣ произносятся новыя рѣчи, гдѣ въ новыхъ словахъ —

общественный долгъ, общественная польза, общественное дѣло, — уже вопрошается будущее. Таковы признаки новой жизни, рѣшительно выступившіе въ одномъ слоѣ деревни и показавшіеся *на окраинахъ другаго слоя*. Но еще не весь этотъ другой слой объятъ новой жизнью; въ его сердцевину еще не проникнуло новое слово — *общественный интересъ* — и на днѣ его еще лежатъ томленіе и скука, *нравственныя отрицанія* и исключительно, грубо *матерьяльныя утвержденія*. Отрицанія усилились и въ нихъ пока преимущественно отразился новый порядокъ вещей. Невозможность продолжать хозяйство барщиной, трудность вольнонаемнаго труда и добровольныхъ соглашеній съ крестьянами для уставной грамоты, несговорчивость крестьянъ, недостатокъ капиталовъ, знанія и энергіи для новаго устройства хозяйства: все это печали и отрицанія, пожалуй, новыя, но однѣ печали и отрицанія, подобныя отрицательнымъ отвѣтамъ моего сосѣда. Отрицаніями, конечно, разлагается старый порядокъ жизни, но одними отрицаніями еще не слагается новый порядокъ. Необходимы *утвердительныя* стремленія, *образовательные элементы!* Но кто же мѣшаетъ вступить въ тотъ кругъ, гдѣ болѣе ярко выступили признаки новой жизни, кто же мѣшаетъ съ полною вѣрою и со всѣми силами приступить къ положительнымъ фактамъ уже существующимъ, къ образовательнымъ стихіямъ быта уже слагающагося, и слить съ ними всю свою собственную стихію, — вмѣсто того, чтобы искать для нея своего особаго, отдѣльнаго, замкнутаго мѣста, котораго, пожалуй, можно и не найти, ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ, или-же, потерявъ всякую надежду на успѣхъ своихъ поисковъ, предаваться безплоднымъ сѣтованіямъ и скукѣ.

Человѣкъ, сколько нибудь образованный, дѣйствительно не можетъ довольствоваться грубыми наслажденіями плоти, обезпеченнымъ насущнымъ хлѣбомъ, даже ухищреніями матерьяльнаго комфорта; ему мало даже нѣгъ семейной жизни, въ тѣсномъ ея смыслѣ, и пре-

лостей домашняго очага; ему мало всякаго удовлетворенія внѣшнихъ его чувствъ, въ томъ числѣ и знойныхъ лѣтнихъ дней, и благоухающихъ вечеровъ; ему необходимы и *умственные интересы жизни*. Безъ нихъ наслажденія чувствъ и комфорта быстро влекутъ за собою пресыщеніе и скуку; проходятъ молодость, весна, поэзія любви и полей, скоро настаетъ осень, для которой нужны иные цвѣты и иныя наслажденія. Всякій человѣкъ или сознательно порывается къ этимъ высшимъ умственнымъ интересамъ, или безсознательно томится надъ ихъ отсутствіемъ. Но не многіе способны предаться *чистымъ* умственнымъ занятіямъ и созерцаніямъ: для массы людей удовлетвореніе потребности въ умственныхъ интересахъ заключается въ *интересахъ общественныхъ*, въ участіи въ публичной жизни, которая можетъ достаточно обезпечить удовлетвореніе всѣхъ этихъ высшихъ нравственныхъ стремленій массы людей. Въ деревнѣ общественная жизнь сосредоточивается пока исключительно въ крестьянствѣ, въ *мірѣ*, и только что возникла въ мировыхъ учрежденіяхъ, гдѣ она также ближе къ крестьянству, чѣмъ къ помѣщикамъ. Въ публичныхъ интересахъ крестьянства помѣщики не принимаютъ пока никакого участія; съ мировыми учрежденіями они соприкасаются *почти* исключительно по вопросамъ личнымъ и частнымъ. Вникните въ характеръ всей группы мировыхъ учрежденій и вы скоро убѣдитесь, что они держутся на почвѣ крестьянскаго быта; ихъ корни, какъ ихъ низшія инстанціи, въ крестьянствѣ. Иначе и быть не могло: потому только они могутъ держаться крѣпко, потому только ихъ корни и здоровы. Мировыя учрежденія—*публичныя* учрежденія, не вотчинныя, не сословныя, не бюрократическія; они должны были отыскать для себя основы въ той публичной жизни, въ томъ *земствѣ*, какія есть на лицо. Публичная жизнь, безъ всякой примѣси сословныхъ и бюрократическихъ интересовъ, наиболѣе ей враждебныхъ, оказалась пока только въ крестьянствѣ, и на него пока оперлись новыя учреж-

денія. Остается и другой группѣ народонаселенія, если только дѣйствительно жизнь сдѣлалась ей постылою, примкнуть къ этой единственной сельской публичной жизни. Созданіе другой публичной жизни, другаго земства поверхъ, или помимо, или подлѣ существующаго, невозможно. Два *разнородныхъ* публичныхъ быта, два замкнутыхъ круга земства не могутъ жить другъ подлѣ друга: можетъ быть въ государствѣ только одна публичная жизнь, одно земство и одна въ немъ система общественнаго управленія. Если бы существовало подобное раздвоеніе, то эти особники были бы не членомъ одного земства и одной системы управленія, а—сословія, въ которыхъ нѣтъ ни земства, ни общественнаго управленія. Такіе особники — юнкерство въ Пруссіи, дворянство во Франціи; они чужды публичной жизни вѣ общины, которая въ Германіи была, по преимуществу, крестьянская, во Франціи крестьянская и мѣщанская, и они не нашли для себя мѣста; публичная жизнь ушла впередъ, оставя ихъ позади и они достигли одной скуки. Правда, скука еще не совсѣмъ отодвинула германское юнкерство, оно удовлетворяется кое-какъ агрономіей, но для этого необходимы особые нѣмецкіе темпераменты; правда, и французское дворянство пробавляется кое-какъ Парижемъ и салонами, но для этого необходимы Парижъ и салоны, а, можетъ быть, также и особый французскій складъ ума, къ которому не всѣ способны. Въ Англіи община или *приходъ* не знаетъ никакой сословной подкладки, она заключаетъ въ себѣ всѣхъ мѣстныхъ жителей, также какъ графство — болѣе крупное и послѣднее звѣно земства. Примѣръ Англіи обличителенъ. Остается примкнуть и намъ къ существующему публичному кругу, и тогда надо идти на крестьянскую сходку, въ волостной судъ, надо приглашать волостныхъ старшинъ на мировыя съѣзды! Тогда уже нельзя говорить, что нѣтъ дѣла до этихъ учрежденій; въ нихъ пробудились общественные интересы, безъ которыхъ жить невыносимо скучно. И нѣтъ ничего обиднаго придти на крестьянскую сходку, сдѣлаться членомъ міра, въ кото-

рый открыть входъ для людей всѣхъ сословій. Было бы дѣйствительно обидно, если бы пришлось помѣщику, т. е. образованному собственнику, безслѣдно потонуть въ этой чуждой стихіи, въ этомъ безбрежномъ морѣ чуждыхъ крестьянскихъ интересовъ. Нѣтъ это интересы вовсе не чисто крестьянскіе — это интересы всего мѣстнаго народонаселенія; правда, въ нихъ пока преобладаютъ интересы матерьяльные, и узкіе, но пріобщеніе къ нимъ идей образованнаго человѣка одухотворитъ и расширитъ ихъ; эти интересы выиграютъ. Ничего не можетъ быть обиднаго выиграть самому и помочь выиграть другому. Выиграютъ на сторонѣ помѣщиковъ очевидный: исчезаютъ крѣпостное право, полицейская власть, помѣщичье вліяніе: взамѣнъ ихъ пріобрѣтаются: общественное вліяніе, публичная власть, публичное право. Крѣпостное право было грань между двумя необходимыми членами одной стихіи *земства*, слово, которое было позабыто и которое исторія помнитъ.

«Но все это идеи, исторія, говоритъ мнѣ сосѣдъ, дайте мнѣ практику, я ѣсть хочу; баснями соловья не накормишь».

Рѣчь шла у насъ пока о скукѣ, а идеи-то и необходимы, чтобы не было скучно жить на свѣтѣ. Это уже не теорія, а самая простая практика. Даже баснями разгонишь иную скуку. Однако, я согласенъ, что есть люди, которымъ теперь не до скуки, что въ переходную эпоху, которую мы переживаемъ, есть трудности въ помѣщичьемъ бытѣ, болѣе тяжкія и болѣе вопіющія, чѣмъ скука, — трудности того насущнаго обихода, тѣхъ такъ называемыхъ практическихъ интересовъ, которые теперь разстроились и которые надо, что бы то ни стало, опять устроить.

Но одна ли вымышленная идея уже такъ далеки отъ этого практическаго обихода, одни ли онѣ уже такъ негодны для удовлетворенія и этихъ самыхъ практическихъ нуждъ помѣщичьяго хозяйства. Трудности всякой переходной эпохи заключаются собственно въ томъ, что *про-*

требленіе старыхъ силъ дѣятельности сдѣлалось невозможнымъ, а новыя силы — еще не вошли во всеобщее употребленіе; старая организація разлагается; а новая еще не сложилась. Тѣ же трудности и въ помѣщичьемъ хозяйствѣ современной намъ эпохи. Онѣ сходны, съ разстройствомъ ручной фабрикаціи при изобрѣтеніи механическом. Тяжко положеніе домашнихъ мастеровъ съ открытіемъ паровой фабрики, производящей тѣ же самые товары за полцѣны, но положеніе ихъ можетъ сдѣлаться изъ тяжкаго гибельнымъ, если домашніе мастерки будутъ силиться конкурировать своими самодѣльными снарядами съ паровой машиной. Если они не хотятъ кинуть своего ремесла, для нихъ одно спасеніе — или соединиться и самимъ завести механическую фабрику, или идти работать на чужую фабрику: одно спасеніе — самимъ овладѣть употребленіемъ новыхъ силъ. Положеніе помѣщичьихъ хозяйствъ, съ упраздненіемъ крѣпостнаго труда, почти то же. Положеніе помѣщика сдѣлалось бы, однако, еще болѣе обиднымъ, если бы онъ ограничился переустройствѣ своего хозяйства печалованіемъ надъ разстройствомъ прежняго порядка или старался бы какъ сколотить новый, съ помощью оскудѣвшихъ силъ и обветшалыхъ орудій стараго порядка. Ему остается самому сдружиться съ новыми силами и употребить ихъ въ дѣло, въ свое практическое, а не мечтательное дѣло. Здѣсь мы опять встрѣтимся лицомъ къ лицу съ идеями. Нужно найти *трудъ* взамѣнъ прежняго труда, и найти на самыхъ выгодныхъ условіяхъ; нужно найти земледѣльца, прислугу, возчика, наконецъ всякаго пособника для ежедневныхъ и экстренныхъ нуждъ хозяйства и всего быта, взамѣнъ прежнихъ служителей и пособниковъ. Очевидно, что всѣ эти старанія и поиски были бы безуспѣшны, если бы они обратились къ прежнимъ отношеніямъ помѣщика къ крестьянамъ, къ прежней вотчинной власти; на этой почвѣ уже ничего не найдешь, надо обратиться къ новымъ условіямъ. Эти новыя, самыя выгодныя, условія заключаются въ новыхъ отношеніяхъ къ земледѣль-

ческому и рабочему пародонаселенію, которыя надо создать, которыми надо овладѣть, надо воспользоваться. Всѣ, безъ изъятія, потребности хозяйства будутъ удовлетворяться несравненно легче, всѣ, безъ изъятія, сдѣлки будутъ несравненно проще, когда онѣ будутъ совершаться между людьми, тѣсно другъ съ другомъ связанными въ интересахъ публичной жизни, нежели между людьми разъединенными, принадлежащими къ двумъ несовмѣстимымъ сферамъ, съ разнородными и даже противуположными общественными стремленіями. Въ короткихъ словахъ: несравненно легче нанять работника на мірской сходкѣ, на волостномъ сходѣ, нежели на господскомъ дворѣ, нежели на барщинѣ. Это также идея...

— Хорошо, говоритъ сосѣдъ, это уже нѣсколько практичнѣе, чѣмъ ваши прежнія умствованія, да мы *не привыкли* нанимать рабочихъ, ходить на сходки, а если и ходили — такъ господами; да и крестьянинъ не привыкъ наниматься и не привыкъ видѣть насъ въ своихъ дѣлахъ иначе, какъ барами.

Это возраженіе сосѣда сильнѣе всѣхъ предъидущихъ: *привычка* великое дѣло. Надо измѣнить привычки. Въ этомъ дѣйствительно вся трудность положенія. Остается, убѣдившись въ ней, идти къ ней на встрѣчу; но только къ борьбѣ съ нею и надо устремить всѣ свои силы.

— Неужели, однако, возражаетъ опять мой сосѣдъ, весь успѣхъ дѣла въ нашей волѣ и нѣтъ другихъ препятствій. Этихъ препятствій и въ сельскомъ хозяйствѣ, и во всемъ помѣщичьемъ бытѣ бездна; вы ихъ какъ будто не хотите видѣть. Оттого у васъ все и выходитъ такъ гладко. Практика-то будетъ пошероховатѣе, на ней не напишите всего, что вздумается, какъ на бумагѣ. Есть препятствія, которыхъ не отвратишь никакимъ хотѣньемъ, никакимъ стараньемъ. Да, чтобы не ходить далеко, я вамъ сейчасъ насчитаю вежихъ препятствій, которыя у насъ на каждомъ шагу, за что ни возьмись. Для вольнонаемнаго хозяйства нужны капиталы, а гдѣ они у насъ, хоть бы по прежнему заложить имѣніе, да

и того нельзя; вмѣсто судъ у насъ покуда только Труды Коммиссіи для устройства земскихъ банковъ, на нихъ какъ хотите машинъ не вышишешь... Ну да не будемъ трогать этого больнаго мѣста, и безъ земскихъ банковъ у насъ не мало препятствій. Пожалуй, можно бы достать деньгъ подъ залогъ моего имѣнія и безъ банка, да никто не вѣритъ, извѣрились. И въ самомъ дѣлѣ, мнѣ лично еще повѣрить, а какъ я умру, возись потомъ кредиторъ съ наслѣдниками, съ опекой, съ присутственными мѣстами. Вы сами знаете, какъ взыскиваются у насъ долги. Другое затрудненіе — желѣзо. Желѣзо покупаютъ у насъ на вѣсъ золота, да въ иныхъ мѣстахъ и совсѣмъ его не достанешь, а въ другихъ государствахъ оно дешево. Безъ желѣза какое можетъ быть усовершенствованіе въ хозяйствѣ. Впрочемъ, за что ни возьмись, все у насъ дорого, а поднимутся-ли цѣны на нашъ товаръ, на хлѣбъ, такъ чтобы онъ окупилъ всѣ огромныя затраты, какія теперь нужны въ хозяйствѣ — это еще вопросъ. И это положимъ ничего, тамъ какъ нибудь цѣны по законамъ вашей политической экономіи да уравновѣсятся. Нѣтъ, доровизна-то у насъ сдѣлалась не обыкновенная, не простая, а съ какими-то непристойными признаками. До того все дорого, что деньги въ рукахъ таютъ. Оставимъ, однако, поскорѣе всѣ эти финансовые вопросы, я въ нихъ не знатокъ, а вы сейчасъ приметесь защищать банковую реформу. И безъ денежныхъ затрудненій, найдутся у насъ запозы. Вздумалъ я выписать сѣмена изъ Петербурга, три письма пропало, на четвертое только получилъ отвѣтъ, когда уже и сѣять поздно стало. Говорятъ, я живу въ провинціи; да въ Англіи, полагаю, почта до всякаго захолустья доходитъ. Вздумалъ я выписать машины и орудія изъ-за границы: пріѣхали благополучно, да съ экспедиторами пошла такая возня, что, представьте, я кинулъ свои вещи, чтобы только избавиться отъ переписки. А контракты съ рабочими: извольте съ нихъ что нибудь взять, когда они убѣгутъ съ работы. Посмотримъ, что сдѣлаютъ мировые посредники, да вѣдь и они, безъ

суда и полиціи, ничего не подѣлаютъ. Вы говорите заводить школы, библіотеки, больницы! Хорошо говорить, а какими безконечными административными препятствіями окружено у насъ всякое самое простое дѣло. Вздумалъ мой пріятель завести публичную библіотеку, такъ говорять — нельзя. То есть оно можно, да кто же станетъ, изъ-за своихъ денегъ, терпѣть непріятности и хлопоты. Вотъ какое было на-дняхъ обстоятельство, кажется самое неожиданное, а оно сплошь и рядомъ: вздумали крестьяне всѣмъ міромъ вмѣстѣ съ помѣщикомъ поставить часовню на деревнѣ, въ память подписанія уставной грамоты; кажется, дѣло самое святое, препятствій всего бы менѣе можно было ожидать; однако помѣщикъ, опрометчиво взявшій на себя, по желанію крестьянъ, хлопоты по этому дѣлу, до сихъ поръ не могъ приступить къ нему: кого онъ ни спрашивалъ ему со всѣхъ сторонъ отвѣчали, что это дѣло трудное. . Положимъ. не всѣ такъ богомольны какъ этотъ помѣщикъ. а согласитесь всякому, надо напр. по дорогамъ ѣздить; хороши наши дороги? Какія бы ни были дороги, вздумали. однако, нѣсколько человѣкъ съѣзжаться, чтобы совѣщаться объ общихъ нуждахъ хозяйства, это вездѣ дѣлается, говорятъ и это нельзя.

Разговоръ моего сосѣда начиналъ уже принимать желчный характеръ, котораго мнѣ было очень трудно избѣгнуть и которымъ всего менѣе хотѣлось бы окрасить заключеніе этого письма. Въ этомъ положеніи остается, если не опровергать новыя отрицанія моего сосѣда, то возвратиться отъ нихъ къ моимъ прежнимъ утвержденіямъ болѣе успокоительнаго свойства. Я готовъ согласиться, что всѣ эти препятствія къ возрожденію хозяйства (въ томъ числѣ и препятствія со стороны отжившихъ административныхъ порядковъ) существуютъ, что они весьма существенны; но они были и прежде и всегда были также существенны. Объ нихъ теперь всѣ говорятъ, они сдѣлались теперь чувствительнѣе, чѣмъ когда нибудь, но почему же? Прежде всѣ препятствія въ хозяйствѣ, издавна усвоенныя нашему быту, съ избыткомъ возпа-

граждались прибылями обязательнаго труда, крѣпостнаго права, которое служило, такъ сказать, преміи за всѣ неудобства нашего быта. Очевидно, что съ упраздненіемъ крѣпостнаго права, и нѣкоторыхъ другихъ побочныхъ премій, пріютившихся подъ его покровомъ: какъ напр. ссудъ изъ казенныхъ банковъ, необходимость въ устраненіи многихъ препятствій къ дѣятельности, остающихся безъ прежняго противувѣса, прежней тяжелой гири — крѣпостнаго права, сдѣлалась ощутительнѣе. Сознаніе есть уже само по себѣ шагъ къ улучшенію. И здѣсь опять неизбѣжно приходишь къ высказанному прежде мыслимъ; нѣтъ этого спасительнаго противувѣса, этого упора для возрожденія быта, не въ горечи прошедшаго, — она безпомощна, — а въ возбужденіи энергіи всѣхъ дѣятельныхъ силъ, въ упованіяхъ будущаго. Какія бы ни были преграды для труда, все-таки въ немъ единственное средство превозойти эти преграды, какія бы ни были преграды для энергіи силъ — она сама все-таки единственное средство предотвратить преграды. Совокупленіе и соединеніе экономическихъ силъ признается самымъ могущественнымъ средствомъ къ возбужденію ихъ энергіи. Въ деревнѣ такимъ процессомъ соединенія силъ представляется ближе всего сдруженіе интересовъ помѣщичьихъ съ интересами крестьянскими, господскаго дома съ міромъ, всѣхъ элементовъ просвѣщенія, существующихъ въ первомъ, со всѣми историческими, образовательными, земскими элементами, существующими во второмъ (на новой открывающейся передъ нами почвѣ мѣстнаго земскаго самоуправленія). Одинъ пріятель говорилъ намъ, что послѣ подписанія уставной грамоты, составленной по добровольному соглашенію, и развязавшей его окончательно съ крестьянами, которые сдѣлались крестьянами-собственниками, послѣдніе сказали ему: «теперь ты у насъ будешь *первый!*» Желаемъ отъ души, чтобы это предреченіе сбылось во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ; уповаемъ, что оно сбудется во многихъ.

V.

1862.

МИРОВЫЯ ПОСРЕДНИЧЕСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ [1]).

Въ кругу политическихъ вопросовъ мы долго и исключительно были заняты законодательствомъ и государственными учрежденіями другихъ европейскихъ народовъ; насъ тревожило малѣйшее движеніе на парижскихъ улицахъ, и краше озабочивали затрудненія каждаго конституціоннаго монарха Европы при составленіи новаго ми-

---

[1]) Статья эта была помѣщена въ Русскомъ Вѣстникѣ, въ 1862 г. Въ ней все вниманіе обращено на значеніе власти Мировыхъ Посредниковъ, какъ зародыша преобразованія всей мѣстной администраціи на началахъ самоуправленія. Мы указывали, въ этой статьѣ, на основаніи личныхъ наблюденій, на возможность развитія этого учрежденія въ этомъ желательномъ направленіи и также на препятствія, противустоявшія ему на этомъ пути. Эти препятствія превозмогли и только теперь вполнѣ сознана понесенная въ лицѣ мировыхъ посредниковъ, утрата въ новѣйшей исторіи нашихъ мѣстныхъ учрежденій и нашего самоуправленія. Мѣсто ихъ до сихъ поръ остается чувствительнымъ пробѣломъ въ нашемъ уѣздномъ административномъ строѣ. Неподвиженъ этого пробѣла озабочены теперь всѣ составители проектовъ будущей реформы мѣстнаго управленія. Когда мировыя посредническія учрежденія вымирали посреди враждебныхъ къ нимъ отношеній съ самыхъ противуположныхъ сторонъ, посреди равнодушія къ нимъ большинства окружающаго общества, когда почти никто не сознавалъ значенія этой утраты въ нашей государственной жизни. Этотъ историческій примѣръ въ ходѣ нашей администраціи за послѣднія 20 лѣтъ въ высшей степени назидателенъ теперь, когда приходится болѣе, чѣмъ когда либо, взвѣсить всѣ благопріятныя и неблагопріятныя условія для развитія нашего мѣстнаго самоуправленія. Всѣ эти условія, не потерявшія свою силу и понынѣ, составляютъ главный предметъ настоящей статьи (1881).

интереса, а смысла законовъ и учрежденій, которымъ было подчинено наше собственное существованіе, мы не знали, и даже нисколько не считали нужнымъ знать: любимыя политическія отношенія къ отечественнымъ учрежденіямъ ограничивались для насъ полученіемъ ссудъ изъ опекунскихъ совѣтовъ и хлопотами о паспортахъ для заграничныхъ поѣздокъ. Трудно было бы обвинять русскую мысль за такое равнодушіе къ политическимъ интересамъ своего отечества. Прикосновеніе русской мысли къ отечественнымъ учрежденіямъ и вопросамъ было преграждено такими матерьяльными препятствіями, всѣ условія нашего воспитанія и быта такъ усиленно были сосредоточены къ усыпленію въ насъ всякаго политическаго самосознанія, что окружающая дѣйствительность по необходимости потеряла для мыслящихъ людей почти всякое значеніе. Нужны были исключительныя натуры, необходимы были особенно болѣзненныя содроганія ихъ нервной системы, чтобы мысль продолжала свое существованіе и не совершенно заглохла посреди общественной жизни, всецѣло поглощенной удовлетвореніемъ матерьяльныхъ нуждъ и животныхъ инстинктовъ. Когда политическая мысль вырывалась изъ наложенныхъ на нее оковъ, она поневолѣ, и на каѳедрѣ, и въ литературѣ, и въ общественныхъ кружкахъ, упосилась къ учрежденіямъ чужеземнымъ, гдѣ могла сколько-нибудь свободно относиться къ своимъ вопросамъ, или ко временамъ призванія варяжскихъ князей. Отношенія ея къ окружающей дѣйствительности были исключительно отрицательныя: мысль знала въ отечественныхъ учрежденіяхъ и законахъ только препятствія, противопоставленныя ея движенію. Какъ ввозъ произведеній иностранной промышленности и искусства нѣсколько уберегъ вкусъ и благовоспитанность нашихъ высшихъ классовъ, также точно иностранныя книги и иностранныя учрежденія нѣсколько поддерживали скудное прозябаніе нашей политической мысли. Такая искусственная пища мысли была подобна искусственной пищѣ, которую предписываютъ врачи больнымъ

для поддержанія ихъ жизни, и которая никогда не можетъ возстановить ихъ, какъ обыкновенная пища здороваго человѣка. Рѣдкія у насъ явленія политической мысли, дѣйствительно болѣе сходныя съ болѣзненными припадками, чѣмъ съ здоровою умственною дѣятельностію, ограничивались весьма легкомысленнымъ знакомствомъ съ наружнымъ блескомъ иностранной политической жизни, оставались на ея поверхностяхъ и вершинахъ и были совершенно чужды ея основаніямъ. Политическіе вопросы, возникавшіе въ умахъ нашихъ политическихъ мыслителей, были совершенно разобщены съ дѣйствительностію, а масса общества только тогда можетъ интересоваться политическими вопросами, когда они тѣсно связаны съ ея практическими нуждами. Между тѣмъ, послѣ долгаго усыпленія, общество внезапно очутилось посреди самыхъ трудныхъ и сложныхъ политическихъ задачъ, которыхъ разрѣшеніе не можетъ быть отложено ни на одинъ день, ни на одинъ часъ, которыя приходится разрѣшать уже не потому только, что вообще пріятно заниматься политическими вопросами, а потому, что отъ ихъ разрѣшенія зависитъ продолженіе порядка, необходимаго для самыхъ обыденныхъ нуждъ каждаго человѣка, зависитъ продолженіе производства хлѣба, фабричной промышленности, кредитныхъ сдѣлокъ, судебной расправы, полицейскаго надзора. Все это нужно человѣку хотя бы ему никогда не приходила въ голову никакая политическая мысль. Внезапно поколебался ходъ самыхъ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлъ; подвергается вопросу возможность; засѣять поле и снять во время хлѣбъ; получить деньги за товаръ, изготовлявшійся въ теченіе десятковъ лѣтъ; подвергнуть быстрой расправѣ или задержанію всякаго нерасторопнаго исполнителя нашихъ приказаній; приказать осудить всякую непріятную намъ личность, вкушать на счетъ наслѣдія отцовъ безъ-заботныя наслажденія домашнихъ ярмарокъ и чужестраннаго разврата; достать теплое мѣстечко на государственной службѣ для обѣдневшихъ или честолюбивыхъ сно-

движниковъ юношескаго кутежа; ѣздить на дворянскіе выборы только для предводительскихъ обѣдовъ; извлекать безграничныя цифры государственныхъ доходовъ изъ питейныхъ сборовъ, пріумножать народное богатство посредствомъ государственныхъ ассигнацій, мечтать о политическомъ господствѣ Россіи въ дипломатическихъ совѣщаніяхъ державъ и о скоромъ водруженіи русскаго креста на Софійскомъ соборѣ Константинополя! Всѣ эти наши права, занятія и мечты, добрыя и дурныя, подверглись теперь сомнѣнію; приходится задуматься о самыхъ первоначальныхъ основахъ общественнаго быта и государственнаго порядка, задуматься о причинахъ бывшаго и возможностяхъ будущаго. Каждый русскій человѣкъ, хотя прежде ни о чемъ не размышлявшій, теперь поневолѣ ищетъ какихъ-нибудь твердыхъ основъ для разрѣшенія своихъ сомнѣній, для опоры въ своихъ надеждахъ. Его побуждаетъ къ этому практическая необходимость: самые высшіе вопросы политики, права, экономіи, возбуждавшіе досель въ практическихъ людяхъ только насмѣшку, стали поперекъ дороги: поперекъ разсчетовъ откупщиковъ, надеждъ кандидатовъ на дворянскія должности, служебныхъ замысловъ честолюбивыхъ юношей, растраты перезаложенныхъ имѣній и крестьянскихъ оброковъ въ парижскихъ трущобахъ; приходится по поводу самыхъ простыхъ вещей, совершавшихъ досель свое однообразное теченіе независимо отъ всякаго мышленія, размыслить о высшихъ задачахъ государственнаго права, финансовой системы, суда и администраціи. Невозможность заложить попрежнему наслѣдственное имѣніе ставитъ человѣка лицомъ къ лицу съ вопросомъ о возможностяхъ будущаго устройства кредита, а потому и съ вопросомъ объ основныхъ началахъ кредита: такимъ же точно образомъ, по поводу замѣны барщины вольнонаемнымъ трудомъ, становятся вопросы: о необходимыхъ обезпеченіяхъ силы контрактовъ, объ основныхъ началахъ суда и полиціи; по поводу убытковъ вслѣдствіе перевода крестьянскихъ оброковъ на разные

города Европы, вопросы о монетной единицѣ, о прекращеніи нашихъ ассигнаціонныхъ операцій, объ обезпеченіи противъ ихъ повторенія, объ основаніяхъ государственнаго порядка. И къ разрѣшенію этихъ высшихъ задачъ политической жизни оказываются совершенно несостоятельными сокровища политическаго вѣдѣнія, накопленныя нами къ тысячелѣтнему годовщинѣ нашего государственнаго бытія, глубокія наши познанія въ топографіи парижскихъ улицъ: въ западномъ пролетаріатѣ по рѣдкимъ книжкамъ: въ скандальныхъ уголовныхъ процессахъ по газетнымъ фельетонамъ: въ свѣтельствахъ гражданскихъ палатъ, въ графахъ отчетныхъ вѣдомостей, въ формѣ сношеній между государственными сановниками. Безумно было бы удивляться теперь нестройному говору, который поднялся со всѣхъ сторонъ на русской землѣ, въ такъ называемомъ образованномъ обществѣ, вынужденномъ говорить о предметахъ, къ которымъ мысль не имѣла до сихъ поръ никакого доступа: мы пожинаемъ плоды пресѣченнаго, плоды полнаго разобщенія мысли съ окружающею насъ практическою дѣйствительностью. Самые образованные русскіе люди привыкли искать пищи для своей мысли не въ явленіяхъ русской жизни, а въ явленіяхъ чужеземныхъ, пріютившихъ русскую мысль въ тяжкую годину ея гоненія: собственная политическая жизнь, наши собственныя учрежденія, порвали всякія связи съ нашимъ политическимъ сознаніемъ, утратили для насъ всякій смыслъ. Только практическая несостоятельность прежняго быта, только потрясенія въ насущныхъ интересахъ и обиходныхъ дѣлахъ могли пробудить мысль и заставили поневолѣ искать пищи у себя дома. Но мы до такой степени свыклись съ разобщеніемъ всѣхъ высшихъ нравственныхъ стремленій мыслящаго человѣка съ окружающею дѣйствительностію, съ практическими дѣлами и обиходомъ жизни, что съ трудомъ можемъ отыскать между ними связь, съ трудомъ можемъ примирить что либо изъ существующаго около насъ съ существующимъ въ нашихъ мысляхъ; мы

готовы даже отрицать всякую возможность подобнаго соглашенія. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которое поставили насъ потрясенныя основы нашего быта, требующаго отъ мысли своего обновленія, и наличныя силы нашей мысли, ограничивающіяся самыми поверхностными понятіями, мы готовы бросаться во всякую крайность; мы готовы отрицать всякую связь между явленіями русскаго міра и нравственными началами всего остальнаго человѣчества; готовы объявить себя свободными отъ всякихъ притязаній на общечеловѣческую цивилизацію и отъ ея *предразсудковъ* относительно быта необразованныхъ народовъ; готовы самые грубые инстинкты необразованнаго человѣка возвести въ политическій и нравственный идеалъ человѣческой жизни. Все это можетъ быть очень выгодно для нашего самообольщенія, но нисколько не подвигаетъ дѣла, которое безотлагательно должно идти впередъ. Единственный спасительный выходъ изъ этого положенія было бы сближеніе нашее и съ наукою и съ жизнію, болѣе короткое знакомство и съ содержаніемъ науки, изъ которой мы выхватили до сихъ поръ лишь нѣсколько общихъ мѣстъ, и съ содержаніемъ нашей жизни, которая знакома намъ до сихъ поръ только по самымъ внѣшнимъ и грубымъ своимъ очертаніямъ. На этомъ пути мы скоро убѣдимся, что наука и жизнь не такъ враждебны другъ другу, какъ намъ можетъ казаться изъ нѣсколькихъ неприязненныхъ схватокъ нашихъ несознанныхъ желаній, называемыхъ научными свѣдѣніями, съ нѣсколькими непонятными фактами, называемыми жизнью; мы убѣдимся, что наука въ самыхъ высшихъ своихъ умозрѣніяхъ знаетъ жизнь и уважаетъ ея права, а жизнь, для самыхъ простыхъ своихъ отправленій, требуетъ науки и не можетъ безъ нея обойдтись. На этомъ пути намъ необходимо сдружить нашу мысль съ окружающею дѣйствительностію, откинуть всякую робость передъ ихъ встрѣчами. Безумно было бы опасаться этихъ встрѣчъ. Чѣмъ болѣе будемъ мы вдумываться въ условія нашей государственной жизни, чѣмъ

болѣе будемъ въ ней самой искать отвѣтовъ на наши вопросы, тѣмъ трезвѣе будетъ становиться наша мысль и тѣмъ скорѣе выйдетъ она на путь того гражданскаго преуспѣянія, которое также чуждо ломкѣ, какъ и неподвижности существующаго. Съ этою цѣлію, мы должны вникнуть въ историческое значеніе нашихъ учрежденій, въ причину ихъ бытія, въ ихъ пынѣшнія и возможныя будущія отношенія къ новымъ потребностямъ нашего быта; однимъ словомъ, мы должны искать *смысла* въ нашихъ учрежденіяхъ.

Въ этомъ направленіи мы намѣрены подвергнуть обсужденію наши *мировыя учрежденія*. Мы попробуемъ высказать по этому предмету нѣсколько общихъ мыслей, которыя могутъ послужить поводомъ для дальнѣйшихъ и болѣе спеціальныхъ соображеній.

I.

Въ нашей литературѣ было уже много говорено о мировыхъ учрежденіяхъ, созданныхъ законоположеніями 19 февраля 1861 г.; но великое значеніе этихъ учрежденій для политической жизни нашего отечества и знаменательныя событія, совершающіяся около нихъ, заставляютъ какъ можно чаще возвращаться къ этому предмету. Къ тому же, точка зрѣнія на мировыя учрежденія далеко еще не установилась, и похвалы и порицанія имъ еще слишкомъ разнорѣчивы. Мировыя учрежденія дороги намъ не только тѣмъ, чѣмъ они уже стали, а *въ особенности тѣмъ, чѣмъ они могутъ стать*. А когда дѣло идетъ о будущемъ какого-нибудь учрежденія, то тутъ особенно важно печатное его обсужденіе, ибо будущее всякаго учрежденія зависитъ прежде всего отъ тѣхъ понятій, которыя о немъ сложатся въ его представителяхъ и въ окружающей общественной средѣ. Никакой законъ не въ силахъ придать государственному

учрежденію характеръ противоположный понятіямъ людей, посреди которыхъ оно существуетъ; извѣстно, какихъ трудныхъ и почти всегда напрасныхъ усилій стоило законодателямъ и правителямъ облагородить или испортить учрежденія, должности и званія, вопреки составившемуся о нихъ общественному мнѣнію. Литература можетъ въ этомъ отношеніи дѣйствовать успѣшнѣе, ибо она именно имѣетъ дѣло съ понятіями, и въ особенности съ понятіями которымъ суждено дѣйствовать въ будущемъ.

Нельзя не замѣтить, что хотя всѣ наши періодическія изданія переполнены разсказами о дѣйствіяхъ мировыхъ посредниковъ и волостныхъ старшинъ, этихъ двухъ главныхъ членовъ новой системы мѣстнаго управленія, однако этимъ еще не подвигается существенная задача литературы въ этомъ вопросѣ. Для литературы, какъ хранительницы высшихъ умственныхъ интересовъ всякой страны, важна не оцѣнка отдѣльныхъ должностныхъ лицъ и ихъ поступковъ, а оцѣнка самаго учрежденія, къ которому они принадлежатъ. Въ первомъ случаѣ, литература служитъ только органомъ гласности, необходимымъ, но подчиненнымъ тѣмъ требованіямъ и личнымъ интересамъ, которые зависятъ отъ дѣятельности каждаго должностнаго лица; во второмъ случаѣ литература дѣлается органомъ политической жизни всей страны, и, обусловливая собою развитіе учрежденія, имѣетъ сама вліяніе на удовлетвореніе всей совокупности общественныхъ интересовъ. Въ этомъ смыслѣ, для насъ важно знать, что относится къ самому учрежденію и что къ личностямъ входящимъ въ его составъ; необходимо различить, что въ дѣятельности послѣднихъ остается на отвѣтственности ихъ самихъ и что на отвѣтственности самаго учрежденія. А для этого мы должны знать, насколько каждое полезное или вредное дѣйствіе учрежденія зависѣло отъ добрыхъ или дурныхъ наклонностей лицъ, облеченныхъ въ немъ властію, отъ ихъ умѣнья или неумѣнья пользоваться ею, а также въ какой мѣрѣ зависѣло оно отъ тѣхъ условій власти, въ которыя по-

ставлены должностныя лица самимъ устройствомъ учрежденій, которыя облегчаютъ проявленіе добрыхъ или дурныхъ наклонностей, и т. д. Наконецъ, мы должны также знать тѣ условія общественной среды, наклонности, стремленія, нравы и обычаи, посреди которыхъ дѣйствуетъ учрежденіе и вліянію которыхъ подчинены ея члены, то есть мы должны знать историческую почву учрежденія. Для всего этого, устранивъ всякія случайныя и исключительныя обстоятельства, мы должны уяснить себѣ самую *сущность учрежденія* и его отношенія къ современному обществу.

Уразумѣніе сущности всякаго политическаго учрежденія важно не только само по себѣ, какъ успѣхъ политическаго образованія, одного изъ главнѣйшихъ элементовъ цивилизаціи, — оно важно также и для непосредственной практической пользы учрежденія, для дальнѣйшихъ его усовершенствованій: чѣмъ болѣе общество понимаетъ сущность учрежденія, тѣмъ болѣе оно знаетъ свойства людей наиболѣе пригодныхъ для него, и также цѣну людей уже дѣйствующихъ въ немъ, знаетъ чего можетъ отъ нихъ ожидать, чѣмъ можетъ способствовать ихъ дѣятельности, и наконецъ въ какомъ направленіи должны и могутъ быть сдѣланы улучшенія, и въ какомъ не могутъ?

Желая, по возможности, пролить на наши мировыя посредническія учрежденія въ сказанномъ направленіи, мы прямо обратимся къ двумъ интереснымъ вопросамъ:

Во-первыхъ относится ли уваженіе и сочувствіе возбуждаемыя мировыми учрежденіями къ ихъ сущности, а всякаго рода неудовольствія лишь къ ихъ личнымъ представителямъ и исполнителямъ? *Во-вторыхъ*, въ чемъ состоитъ добрая сущность этихъ учрежденій, которую надо развивать совокупными усиліями правительства и частныхъ лицъ, и которую надо уберечь въ общественномъ сознаніи отъ всякаго ложнаго пониманія?

Мы не колеблясь отвѣчаемъ утвердительно на первый изъ двухъ поставленныхъ вопросовъ. Если ни одна власть

въ нашемъ мѣстномъ управленіи не пользуется такимъ довѣріемъ мѣстнаго народонаселенія какъ власть мировыхъ посредниковъ, то причина этому конечно не столько въ личныхъ достоинствахъ людей облеченныхъ этою властію, сколько въ свойствахъ самой власти. Тотъ самый фактъ, что общій уровень личнаго состава этого учрежденія стоитъ неизмѣримо выше личнаго состава всѣхъ безъ изъятія административныхъ учрежденій въ государствѣ, служитъ лучшимъ доказательствомъ нашей мысли. Одно изъ необходимѣйшихъ качествъ всякой власти заключается между прочимъ въ томъ, чтобы по условіямъ своего устройства, она могла привлечь къ себѣ возможно большее число лучшихъ людей страны. Это качество пока безспорно принадлежитъ мировой власти, по крайней мѣрѣ сравнительно со всѣми другими властями въ государствѣ. Это относительное превосходство ея именно и важно для насъ, ибо въ дѣлѣ государственныхъ учрежденій рѣчь можетъ быть только о разныхъ степеняхъ добра и зла, а не объ идеальномъ совершенствѣ, недостижимомъ никакими въ мірѣ законами. Можно смѣло сказать, что мировыя учрежденія привлекали къ себѣ людей самымъ устройствомъ соединенной съ ними власти, а не какими-либо посторонними побужденіями, которыя могли развѣ только усилить собою дѣйствіе главной причины. Такъ, важность и интересъ дѣла возложеннаго на мировыхъ посредниковъ, сами по себѣ, еще нисколько не объясняютъ факта; мы видимъ много другихъ учрежденій, которымъ поручены не менѣе важныя и интересныя дѣла, и которыя не только не привлекаютъ къ себѣ лучшихъ людей, а часто даже, не взирая на интересъ дѣла, отталкиваютъ ихъ отъ себя. Нѣкоторыя учрежденія иногда бываютъ обязаны улучшеніемъ своего личнаго состава людямъ, которые, ставъ во главѣ, умѣютъ привязать къ себѣ другихъ людей; такое случайное и временное освѣженіе личнаго состава администраціи бываетъ, и мы видали тому не мало примѣровъ. Эти счастливыя случайности, столь же скоротечныя въ исторіи государ-

ственныхъ учрежденій, какъ скоротечно въ нихъ всякое личное вліяніе, мало имѣютъ значенія для политической жизни народа, и даже могутъ быть вредны, распространяя ложное понятіе, что общественное благо требуетъ непремѣнно героевъ. Законы и государственныя учрежденія именно существуютъ для того, чтобы можно было обходиться безъ героевъ. Героическіе періоды народной исторіи тѣмъ и отличаются отъ періодовъ политической жизни народовъ, что въ первыхъ спасеніе отечества поручается героямъ, а во вторыхъ законамъ; благодѣянія же законовъ зависятъ преимущественно отъ успѣховъ всего общества, и въ особенности лучшихъ, по обыкновенныхъ его членовъ, а не отъ усилій людей исключительныхъ. Но всѣмъ извѣстно, что во главѣ администраціи не было какихъ-нибудь особыхъ личностей, отъ которыхъ зависѣла судьба личнаго состава мировыхъ учрежденій; скорѣе можно сказать, что лучшіе люди стремились къ должности мироваго посредника, не взирая ни на какія оффиціальныя личности, съ которыми они поставлены въ соприкосновеніе, или лучше, мало помышляя о нихъ. Наконецъ, могла быть одна особая причина сравнительно лучшаго состава учрежденія мировыхъ посредниковъ — предварительное взаимное соглашеніе кандидатовъ, единодушіе партіи или цѣлаго сословія спасти дѣло во что бы то ни стало. Но и этого не было; мы знаемъ напротивъ, что кандидаты были люди ничего не имѣвшіе между собою общаго, что не только въ цѣлой губерніи, но даже въ уѣздѣ между ними часто не было никакихъ связей, что ихъ разъединяли разнообразныя общественныя положенія, мнѣнія и влеченія, что единства партіи или сословія не было и тѣни, что, напротивъ, назначенію мировыхъ посредниковъ предшествовало величайшее разъединеніе. Итакъ влеченіе лучшихъ людей къ мировымъ учрежденіямъ нельзя приписать никакимъ изъ особенныхъ указанныхъ нами побужденій, *внѣшнихъ* для учрежденія, а должно искать причину такого влеченія въ самомъ учрежденіи, то-есть, въ условіяхъ его устройства.

Что касается до матеріальныхъ выгодъ связанныхъ съ должностью посредника, то едва ли стоитъ объ этомъ говорить; эта должность, по отношенію къ преобладающему въ ней разряду лицъ, сопряжена съ матеріальными невыгодами и даже положительными жертвами. Могли быть исключенія изъ всего нами сказаннаго, могли быть особыя въ разныхъ мѣстностяхъ воззрѣнія на новую власть со стороны нѣкоторыхъ оффиціальныхъ и частныхъ лицъ, но явленій подобныхъ указаннымъ, *какъ явленій всеобщихъ* и потому характеризующихъ учрежденіе, не было. Можно сказать, что вся притягательная сила его заключалась по преимуществу въ немъ самомъ; лучшіе люди, съ лучшими способностями, съ лучшими репутаціями, съ лучшимъ общественнымъ положеніемъ, обратились къ должности мировыхъ посредниковъ прежде всего потому, что ни одна должность въ нашемъ сельскомъ быту, ни бюрократическая, ни сословная, не представлялась досель до такой степени соотвѣтствующею понятіямъ этихъ людей о власти, до такой степени удобною для ихъ трудовъ на пользу общую, какъ эта должность. Всѣ бюрократическія мѣстныя власти, несмотря на энергическія усилія нѣкоторыхъ начальниковъ облагородить и освѣжить личный составъ бюрократіи, несмотря на многихъ благородныхъ представителей ея, внушали къ себѣ недовѣріе и неуваженіе въ мѣстномъ народонаселеніи; всѣ бюрократическія мѣстныя власти издавна сдѣлались любимымъ предметомъ русской сатиры, и даже въ послѣднее время подвергались открытому порицанію со стороны самой центральной власти, для которой онѣ не щадили однако ни своего усердія, ни преданности. А что касается до сословныхъ властей, то, за немногими исключеніями, онѣ наполнялись самыми худшими осадками сословія.

Почему же мировыя учрежденія мгновенно пріобрѣли все то, чего тщетно, хотя и съ несравненно бо́льшими усиліями, добивались всѣ другія наши учрежденія? Безъ всякаго сомнѣнія, они обязаны этимъ только тѣмъ на-

чалами *самоуправленія*, которыя составляютъ ихъ истинную сущность и самое существенное отличіе отъ всѣхъ прочихъ мѣстныхъ учрежденій и властей, какъ бюрократическихъ, такъ и сословныхъ. Эта, и только эта, сущность мировыхъ учрежденій позволила имъ преодолѣть всѣ затрудненія и неудачи, препятствующія успѣху многихъ другихъ нашихъ административныхъ начинаній, затѣянныхъ съ не менѣе благими намѣреніями. Эту именно сущность, — принадлежащую новымъ учрежденіямъ пока лишь въ качествѣ зародыша, но тѣмъ не менѣе рѣзко отдѣляющую ихъ отъ всѣхъ остальныхъ отраслей мѣстнаго управленія, — обязаны мы имѣть въ виду и *сберечь для будущаго развитія*. Необходимо окончательно убѣдиться, что въ самоуправленіи коренная и единственная причина успѣха новой власти, успѣха сопровождавшаго эту государственную мѣру, несмотря на всю горечь и раздраженіе времени, несмотря на самыя печальныя разочарованія, связанныя со многими предыдущими нашими государственными и административными попытками. Эти начала самоуправленія соотвѣтствовали всѣмъ созрѣвшимъ потребностямъ времени и всѣмъ предубѣжденіямъ, накопившимся въ общественномъ мнѣніи относительно бюрократической или приказной системы господствовавшей у насъ досель. Желательно, чтобы сознаніе этой сущности мировыхъ учрежденій — этой политической и исторической ихъ задачи — проникло во всѣ слои нашего общества и отчетливо представлялось мыслямъ каждаго дѣятельнаго его члена. Только при подобномъ сознаніи сущности дѣла, возможны сколько-нибудь продолжительные его успѣхи. только при подобномъ сознаніи личныя усилія людей, даже самыя великодушныя и энергическія, не будутъ лишь счастливыми случайностями. тѣми воздушными метеорами, которые иногда озаряютъ своимъ мгновеннымъ свѣтомъ темные закоулки всякой администраціи, и сообщаютъ ущлой картинѣ общественнаго быта нѣкоторыя драматическія движенія, вызывающія сочувствіе и умиленіе. но которые въ историческомъ развитіи обще-

ства держаться не могутъ. При безсознательныхъ отношеніяхъ окружающаго общества къ какому-нибудь учрежденію, лучшія усилія дѣятелей не только пропадаютъ даромъ, но даже могутъ обратиться во вредъ дѣлу, то-есть дѣлу политическаго развитія; таковы были бы напримѣръ усилія людей, которые стали бы полагать всю свою славу по должности мировыхъ посредниковъ въ точномъ и ловкомъ исполненіи приказаній начальства, хотя бы начальства исключительнымъ образомъ доблестнаго. Такіе люди придали бы своей должности характеръ чиновничій или приказный, вовсе ей несвойственный. Точно такъ безплодны были бы усилія людей, которые вздумали бы пользоваться властью мировыхъ посредниковъ какъ властью народныхъ трибуновъ. Они могли бы вызвать много рукоплесканій, но вся ихъ дѣятельность пошла бы наперекоръ сущности учрежденій и безвозвратно пропала бы въ исторіи нашей политической жизни: гораздо плодотворнѣе будетъ для нашихъ политическихъ успѣховъ дѣятельность тѣхъ *средняго людей*, которые идутъ въ должности мировыхъ посредниковъ только прямаго ея смысла - законной и безобидной для обѣихъ сторонъ развязки крестьянскаго дѣла и стремятся, силою своего права и независимости своего положенія, оградить эту развязку отъ всякихъ насильственныхъ вторженій, съ какой бы то ни было стороны.

При ясномъ сознаніи сущности мировыхъ учрежденій, имъ предстоитъ опасность и отъ многочисленныхъ нашихъ нововводителей. Снѣдаемые съ нѣкоторыхъ поръ ненасытною страстью къ государственнымъ преобразованіямъ, — собственно къ неутомимому матеріальному передвиженію людей и вещей, — мы можемъ нанести мировой власти смертельные удары, отталкивая на нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ начала дѣйствительно въ ней новыя, пребывая въ твердомъ убѣжденіи, что улучшаемъ ее, или по принятому выраженію, *идемъ дальше*. Подобныя опасности въ пользованіи новою властью и въ ея усовершенствованіяхъ, вопреки основнымъ ея началамъ, тѣмъ болѣе

возможны, что новыя начала въ ней находятся еще на степени зародыша и смѣшаны со многими элементами совершенно иныхъ и даже противоположныхъ свойствъ. Правильное, органическое развитіе, какое мы желали бы видѣть въ новыхъ учрежденіяхъ, отчасти трудно и потому, что они обязаны своимъ происхожденіемъ скорѣе историческому стеченію обстоятельствъ, вынудившихъ положить въ нихъ новыя начала власти, нежели цѣлой послѣдовательной системѣ государственныхъ преобразованій. Поэтому насъ невольно пугаетъ мысль, что рука уповителей, не только частныхъ, но и оффиціальныхъ, можетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ намѣреній, даже положительно противоположныхъ сущности учрежденія. Все это станетъ яснѣе, при ближайшемъ взглядѣ на происхожденіе новой власти.

Сущность мировыхъ учрежденій, отличающая ихъ отъ всѣхъ другихъ видовъ мѣстной администраціи и заключающаяся, по нашимъ понятіямъ, въ началахъ *самоуправленія*, выразилась въ ясныхъ признакахъ. Вотъ эти признаки: способъ назначенія мировыхъ посредниковъ, не зависѣвшаго отъ произвола никакой власти: избраніе мировыхъ посредниковъ изъ среды самихъ заинтересованныхъ лицъ и мѣстныхъ жителей; несмѣняемость ихъ путемъ административнымъ и подчиненіе ихъ, по служебной отвѣтственности, единственно судебной власти и притомъ тому органу судебной власти (сенату), который единственно пользуется у насъ нѣкоторою самостоятельностью и независимостью; свобода и самостоятельность дѣйствій мировыхъ посредниковъ, ограниченныхъ только закономъ, внѣ бюрократической іерархіи; подчиненіе дѣлъ завѣдываемыхъ посредниками пересмотру и обжалованію лишь въ учрежденіяхъ коллегіальныхъ, а не административному распоряженію отдѣльныхъ лицъ; вмѣненіе мировымъ посредникамъ въ обязанность руководствоваться, сверхъ положительнаго законодательства, мѣстными народными обычаями и преданіями, — правомъ неписаннымъ; гласность всѣхъ дѣйствій и контроль со стороны мѣстныхъ совѣ-

щательныхъ собраній (мировыхъ съѣздовъ); мѣстный и отчасти выборный характеръ личнаго состава высшихъ инстанцій (губернскихъ присутствій) мировыхъ учрежденій и полный характеръ самоуправленія во всѣхъ низшихъ органахъ власти (сельскомъ управленіи), чрезъ посредство которыхъ преимущественно дѣйствуютъ посредники; наконецъ, извѣстная мѣстная самостоятельность, преобладающая во всей системѣ мировыхъ учрежденій, не подверженной духу той крайней централизаціи, которая преобладаетъ во всей нашей административной системѣ. Вотъ признаки новыхъ учрежденій, рѣшительнымъ образомъ выдвигающіе ихъ изъ ряда всѣхъ доселѣ извѣстныхъ у насъ мѣстныхъ властей и сообщающіе новой власти характеръ самоуправленія. Въ эти-то признаки надо тщательно вникнуть, чтобъ ясно отличать ихъ отъ многихъ другихъ принадлежностей новыхъ учрежденій, которыя въ нихъ не существенны, или даже чужды и отчасти противоположны основной мысли, и съ которыми эта мысль, по обстоятельствамъ, должна была смѣшаться.

Чтобы ясно различать въ мировыхъ учрежденіяхъ то что̀ усвоено ими какъ условіе самоуправленія, чему слѣдуетъ развиваться, и то что̀ въ нихъ чуждо началу самоуправленія и потому должно быть постепенно устраняемо, необходимо обозначить себѣ яснѣе основной характеръ всякой системы самоуправленія, отличающій ее отъ системы бюрократической, необходимо съ точностію опредѣлить понятіе самоуправленія. Иначе всякія попытки развитія и улучшенія полонъ власти могутъ сдѣлаться опасною игрою фантазіи, а неудача такихъ попытокъ поводомъ къ безцѣльному раздраженію въ отношеніяхъ общества къ власти.

Такъ напримѣръ, при неполномъ сознаніи сущности самоуправленія, многіе у насъ весьма ошибочно хотятъ видѣть главное и чуть не исключительное условіе его въ выборномъ началѣ. Выборное начало само по себѣ еще не отличаетъ системы бюрократической отъ системы самоуправленія; оно даже не принадлежитъ къ числу самыхъ

существенныхъ условій самоуправленія; для иныхъ должностей оно совершенно излишне, а для иныхъ положительно вредно. Выборное начало встрѣчается и въ бюрократической системѣ, которая можетъ пользоваться общественными выборами для своихъ односторонніхъ цѣлей. Казалось бы, обиліе выборныхъ должностей въ нашемъ губернскомъ и уѣздномъ управленіи, даже сельскомъ (въ сословіи государственныхъ крестьянъ), должно было достаточно убѣдить, что выборное начало само по себѣ не въ силахъ противодѣйствовать бюрократическому началу. Есть даже должности, и въ особенности судебныя, а также всякаго рода занятія требующія спеціальныхъ свѣдѣній, къ которымъ выборное начало вовсе не примѣнимо. Такъ нравственная *независимость* судьи есть первое и необходимое условіе благонадежнаго дѣйствія судебной власти; въ каждомъ приговорѣ своемъ судья будетъ выдерживать пытки совѣсти, если его положеніе и его насущный хлѣбъ будутъ зависѣть отъ произвола начальства или, что все равно, отъ произвола избирателей. Поэтому пока мировые посредники облечены властью судебною, назначеніе ихъ исключительно по выбору (однихъ ли дворянъ, однихъ ли крестьянъ или обоихъ сословій вмѣстѣ) можетъ совершенно исказить ихъ характеръ. Изъ всего нами сказаннаго было бы весьма ошибочно выводить, что мы не придаемъ никакого значенія выборному началу въ системѣ самоуправленія; оно имѣетъ свое опредѣленное мѣсто и служитъ между прочимъ необходимымъ условіемъ для назначенія членовъ *собраній* законодательныхъ, совѣщательныхъ, контролирующихъ и вообще ограничивающихъ произволъ административныхъ властей. Мы хотѣли только сказать, что выборное начало само по себѣ не можетъ ни придать администраціи характеръ самоуправленія, ни совлечь съ него характеръ бюрократическій.

Назначеніе мировыхъ посредниковъ не было отдано въ *полное распоряженіе* никакихъ властей и личностей, ни администраціи, ни сословій. Оно зависѣло прежде всего отъ нѣкоторыхъ неотъемлемыхъ правъ на должность

со стороны самихъ кандидатовъ, которые могли заявлять и доказывать свои права, а нисколько не были вынуждены *искать мѣстъ*; затѣмъ назначеніе мировыхъ посредниковъ зависѣло отъ соглашенія двухъ силъ, различныхъ и отчасти соперничествующихъ нынѣ въ нашемъ общественномъ быту: *бюрократіи* и *землевладѣльцевъ*, или вотчинниковъ-дворянъ; эти двѣ силы должны были, въ назначеніи мировыхъ посредниковъ, согласить и взаимно уравновѣсить свои притязанія, по крайней мѣрѣ самыя крайнія и одностороннія изъ своихъ притязаній. Прежде всего одна сторона не могла (то-есть не имѣла права), по своему произволу, лишить кандидатовъ принадлежащихъ имъ правъ на должность, и потомъ каждая сторона должна была умѣрить свои крайнія требованія, свои такъ-называемыя *лучшія желанія*. Послѣдствіемъ этого было то, что мировые посредники вообще никому, кромѣ самихъ себя, не обязаны своимъ назначеніемъ. Мы очень хорошо знаемъ, что не всегда такъ было, что были и не могли не быть уклоненія, то въ одну, то въ другую сторону. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ упорство одной стороны, и именно той, которая пока еще сильнѣе въ ходѣ нашей государственной машины, привело къ назначенію людей лучшихъ только по мнѣнію этой одной стороны. Могли быть случаи и противоположные: слабость со стороны нѣкоторыхъ представителей бюрократической власти могла отдать мировыя должности въ безусловное распоряженіе *лучшихъ желаній* другой стороны. Мы уже слышали о мировыхъ посредникахъ, вынужденныхъ оставить свои должности единственно по требованію сосѣдей-помѣщиковъ, не опиравшихся въ своихъ жалобахъ ни на какіе законные доводы. Такія уклоненія отъ того взаимнаго соглашенія крайнихъ притязаній двухъ сторонъ, которое мы видимъ въ законномъ порядкѣ назначенія мировыхъ посредниковъ, не могутъ быть, впрочемъ, выгодны ни для одной изъ сторонъ; рано или поздно каждая должна будетъ раскаяться въ

своемъ случайномъ торжествѣ, нарушающемъ равновѣсіе силъ въ основахъ новой власти.

Въ лицѣ мировыхъ посредниковъ должно было произойти взаимное соглашеніе, *отлика* двухъ пока односторонних интересовъ: съ одной стороны *бюрократическаго*, приказнаго, или интереса административной централизаціи, который по необходимости явился въ упраздненіи крѣпостнаго права весильнымъ представителемъ *государственнаго начала*, и съ другой стороны *сословнаго* интереса, который по необходимости тутъ же явился представителемъ начала *частной собственности*. Взявъ на себя починъ въ упраздненіи крѣпостнаго права и опеку надъ устройствомъ быта сословія подавленнаго игомъ вотчинныхъ привиллегій другаго сословія, бюрократія могла дѣйствовать во всеоружіи своего историческаго могущества и съ полнымъ сознаніемъ своей силы: насупротивъ этой силы дворянство, въ разрѣшеніи того же самаго вопроса, было слабо и чувствовало всю тягость своихъ матеріальныхъ интересовъ, которые были имъ затрачены въ сословныхъ преимуществахъ крѣпостнаго права, и представительство и защиту которыхъ оно по необходимости должно было принять на свою долю. Конечно, и въ средѣ самаго дворянства раздались голоса въ пользу угнетеннаго сословія, въ пользу правъ человѣчества, явились люди позабывшіе въ своихъ великодушныхъ порывахъ всякіе разчеты и экономическіе интересы; но такія лица отрѣшались отъ существующихъ привиллегій своего сословія, являлись представителями его высшихъ и дальнѣйшихъ нравственныхъ интересовъ. Этого мало: умственное движеніе предшествовавшее оффиціальному движенію вопроса вполнѣ принадлежитъ самому дворянству, а не бюрократіи; но если это умственное движеніе принадлежитъ дворянству, то не какъ организованному сословію, а какъ классу образованныхъ русскихъ людей. Впрочемъ, мы говоримъ не о лицахъ, а объ идеяхъ, которыя играли роль на той и на другой сторонѣ, и даже только о тѣхъ идеяхъ, которыя *пре-*

обладали здѣсь и тамъ въ данный моментъ разрѣшенія вопроса.

Хотя на сторонѣ дворянства стояло начало равносильное всякому другому въ государствѣ—право частной собственности, неприкосновенность которой призвано охранять само государственное начало; но дворянство, какъ привиллегированное сословіе, не было исключительнымъ въ странѣ представителемъ права частной собственности, во всей его чистотѣ; подлѣ права собственности помѣщиковъ, были и права крестьянъ, которыхъ представительство и защита выпала на долю администраціи. Какъ сила съ одной стороны, такъ и слабость съ другой, были фактами исторической необходимости, которой ни честь, ни вина не принадлежать ни одной изъ сторонъ, а лежать на отвѣтственности одной исторіи.

Изъ указаннаго нами взаимнаго отношенія двухъ силъ слѣдовало бы, что участіе ихъ въ окончательномъ разрѣшеніи вопроса могло бы распредѣлиться далеко неравномѣрно; сословное начало могло подпасть въ устройствѣ новой власти полному преобладанію бюрократическаго начала. Къ счастію, обстоятельства помогли выработать органъ власти не принадлежащій исключительно ни одной изъ двухъ сторонъ, — органъ ни бюрократическій, ни сословный, ни приказный, ни дворянскій, — органъ образовавшійся изъ сочетанія нѣсколькихъ общественныхъ элементовъ.

Этому содѣйствовали особенныя историческія условія, съ которыми было сопряжено у насъ развитіе каждой изъ двухъ стихій: государственнаго начала и земледѣльческаго сословія. Съ одной стороны, государственное начало само видѣло недостаточность чисто бюрократическихъ учрежденій, чисто приказнаго порядка, для новаго дѣла: оно убѣдилось въ односторонности своей исключительной дотолѣ представительницы, бюрократіи, никакъ не привившейся къ народному духу, и искажавшей своими злоупотребленіями лучшія намѣренія государственной власти. Съ другой стороны, и сословные пред-

резсудки оказались слишкомъ слабыми, чтобы перенти за историческую грань крѣпостнаго права, около котораго они почти исключительно сосредоточивались: въ средѣ самаго дворянства всюду обнаружились рѣшительныя стремленія слить свои сословные интересы съ интересами всего *земства*. Доказательствомъ этому можетъ служить между прочимъ то, что должность мироваго посредника въ большей мѣрѣ привлекла къ себѣ лучшихъ людей чѣмъ привлекали досель всѣ сословныя должности: она сдѣлала энергическими представителями власти людей неумѣвшихъ даже пользоваться льготами вотчинной власти. Самые неумѣлые, посреди льготъ крѣпостнаго права, оказались самыми лучшими дѣятелями въ мировыхъ учрежденіяхъ, свободныхъ отъ всякихъ привилегій вотчинной власти; подобнаго явленія не могло быть въ средѣ зараженной, подобно германскому юнкерству, предразсудками привилегированной породы Мировая власть сдѣлалась внезапно, въ кругу самаго дворянства, предметомъ желаній и почета, какимъ никогда не были въ немъ самомъ окружены сословныя званія и льготы вотчинной власти: но въ этихъ льготахъ дворянство наше никогда и не видало, подобно германскому юнкерству или французской *noblesse*, своего достоинства, своей чести, а видѣло въ нихъ только свои матеріальные интересы.

Взаимная уступчивость бюрократіи и дворянства въ пользу начала новаго, начала земскаго, то-есть самоуправленія, весьма у насъ понятна, ибо та и другая сторона имѣютъ одно и то же первоначальное историческое происхожденіе Бюрократія и дворянство явились у насъ элементами одного и того же служилаго состоянія, а не враждебными лагерями, какими могли быть западно-европейская централизующая администрація насупротивъ дворянскаго сословія, коренившагося въ феодальной организаціи. Вотчинная власть называется у насъ, даже самыми ярыми защитниками своими, *помѣстною*: она сама была происхожденія чисто административнаго, то-есть бюрократическаго, а не того рыцарскаго происхожденія,

восходящаго къ источникамъ особой благородной крови и божественныхъ родоначальниковъ. Всѣ преданія нашего баратва перемѣшиваются съ преданіями служебными. Крайняя, централизующая бюрократія и сословное обособленіе, какъ историческіе наносы на русской почвѣ, можетъ-быть необходимые въ силу историческаго развитія, по тѣмъ не менѣе чуждые внутреннимъ условіямъ самой почвы, всѣмъ инстинктамъ народнаго духа, эти наносы не могли выдержать приближенія новой исторической эпохи, открывшейся съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права. Послѣднее было у насъ продуктомъ государственной власти и въ то же время средоточіемъ всѣхъ сословныхъ привилегій; около него преимущественно вращались (каждый по своему), имъ были преимущественно крѣпки какъ бюрократическіе, такъ и сословные интересы.

Добровольная политическая уступчивость какъ со стороны государственной власти, такъ и земледѣльческаго класса, выгодная для обѣихъ сторонъ, можетъ значительно облегчить путь нашего политическаго преуспѣянія въ будущемъ; чѣмъ болѣе они будутъ сближаться и взаимно ограничивать притязанія временныхъ своихъ представителей, государственное начало — притязанія сословныя, земледѣльцы — притязанія бюрократическія, тѣмъ болѣе будутъ выигрывать интересы *земства*, то-есть народа; съ земствомъ государственная власть, сама по себѣ, не можетъ быть ни въ какомъ антагонизмѣ, а можетъ быть только временно разъединяема крайностями бюрократіи, и въ земствѣ же классъ образованныхъ земледѣльцевъ есть необходимѣйшее звено, которое могло быть разъединяемо съ нимъ лишь сословною организаціей на основаніи крѣпостнаго права. Чисто земскіе органы власти, удовлетворяющіе собою законнымъ интересамъ и государственной власти, и образованнаго земледѣльческаго класса, должны служить связующимъ звеномъ между государствомъ и земствомъ. Представляя этотъ мирный путь нашего политическаго развитія и эти благопріятныя сочетанія условій нашего быта, мы безъ сомнѣнія говоримъ

только о *возможномъ*, и о лучшемъ возможномъ; историческія судьбы, въ которыхъ сплетаются безчисленные элементы жизни, могутъ дать иное, менѣе благопріятное направленіе нашему политическому развитію, могутъ надолго задержать лучшія возможности. Но что бы ни совершалось вокругъ насъ, мы никогда не должны терять изъ виду возможно-лучшихъ сочетаній политическихъ силъ чтобы, по крайней мѣрѣ, знать чего желать, и на что надѣяться. Новыя мировыя учрежденія, явившіяся на рубежѣ стараго и новаго порядка вещей, не могли тотчасъ же сдѣлаться настоящими органами самоуправленія: самая сущность дѣла, не позволила имъ принять вполнѣ такой характеръ. Съ одной стороны, первостепенная важность государственнаго интереса соединеннаго съ развязкою крестьянскаго вопроса и вѣковая правительственная опека надъ народными массами; съ другой—крайняя противоположность интересовъ двухъ сословій въ разрѣшеніи вопроса, сословное обособленіе, равномѣрно не допускали, на почвѣ этого вопроса, чистыхъ земскихъ учрежденій. Во всякомъ случаѣ, между государственнымъ началомъ и сословнымъ произошла сдѣлка, взаимная уступка въ пользу третьяго начала, *земства*, отъ котораго одно изъ нихъ отдѣлилось перегородкою крѣпостнаго права, а другое — бюрократіей. Власть мировыхъ посредниковъ не имѣетъ ни исключительно бюрократическаго, ни исключительно сословнаго характера, а скорѣе, имѣетъ смѣшанный.—служащій переходомъ отъ стараго порядка къ новому. Мировыя учрежденія сдѣлались органами самоуправленія и ни властью земскою, насколько бюрократія и вотчинное право могли уступить другъ другу поле разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Чѣмъ ближе будетъ подвигаться къ своей развязкѣ крестьянскій вопросъ, тѣмъ значительнѣе могутъ быть уступки съ обѣихъ сторонъ. Отъ этихъ взаимныхъ уступокъ, бюрократической исключительности съ одной стороны и сословной съ другой, зависитъ постепенное развитіе мѣстнаго самоуправленія, которое столько же несовмѣстимо съ приказною,

какъ и съ дворянскою исключительностью. Отъ успѣховъ въ пользу самоуправленія выиграютъ истинные интересы государственной власти, парализуемой въ своихъ отношеніяхъ къ обществу крайностями бюрократіи, и также выиграютъ истинные землевладѣльческіе интересы, ослабляемые сословною организаціей. Итакъ, въ лицѣ мировыхъ учрежденій произошло, нѣкоторымъ образомъ, согласіе двухъ началъ: государственнаго права, въ лицѣ бюрократической власти, и права частной собственности въ лицѣ сословія, въ пользу третьяго начала, то-есть *земства*, на которое и государственная власть и землевладѣльческій классъ должны были по необходимости опереться; въ немъ же, оба они найдутъ и окончательное примиреніе свое, и возрожденіе государственнаго организма, распадавшагося въ ущербъ обоимъ. Съ развязкою крѣпостнаго права могутъ окончательно образоваться земскія учрежденія, необходимыя для прочнаго и окончательнаго водворенія въ землѣ нашей *порядка*, олицетворяемаго государственною властью, и *свободы личности*, коренящейся въ основахъ частной поземельной собственности. Въ земскихъ учрежденіяхъ, мѣстныхъ и центральныхъ, государственная власть найдетъ незыблемую опору для охраненія общественнаго порядка, а частная собственность пріобрѣтетъ въ нихъ политическія права, которыми обезпечивается общественная свобода.

Но уже теперь должно всячески стараться воспользоваться новыми органами власти, и никакъ не терять изъ виду и немедленныхъ и будущихъ выгодъ, связанныхъ съ ними для каждой стороны. Эти выгоды заключаются въ томъ новомъ характерѣ, которымъ облечена власть мировыхъ посредниковъ, и котораго ни одна изъ сторонъ не должна забывать, ища въ нея опоры для своихъ интересовъ. Сдѣлавъ уступку въ самомъ образованіи и составѣ мировыхъ учрежденій, объ стороны тѣмъ свободнѣе и чище могутъ добиваться своихъ законныхъ цѣлей въ разрѣшеніи вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, тѣмъ независимѣе поставлены мировые посредники относительно бюрократи-

ческой власти, тѣмъ ближе они къ интересамъ помѣщиковъ, тѣмъ съ большею энергіей могутъ дѣйствовать бюрократическіе представители государственнаго начала и тѣмъ благонадежнѣе ихъ опора въ исполненіи закона. Чѣмъ независимѣе мировые посредники отъ сословныхъ интересовъ, тѣмъ съ бо́льшимъ спокойствіемъ совѣсти, тѣмъ съ большею настойчивостью могутъ сами помѣщики искать удовлетворенія за свои нарушенные интересы Наконецъ, чѣмъ тѣснѣе союзъ мировыхъ учрежденій съ сельскимъ міромъ, тѣмъ болѣе находятъ они опоры въ земствѣ, тѣмъ устойчивѣе долженъ быть весь организмъ этихъ учрежденій и тѣмъ болѣе въ немъ обезпеченій для обѣихъ сторонъ. Та *независимость положенія*, которая по необходимости создалась для мировыхъ посредниковъ между обѣими сторонами, не рѣдко пугаетъ робкихъ или своекорыстныхъ участниковъ тяжбы на той и на другой сторонѣ: а между тѣмъ, въ этой *независимости* главное обезпеченіе истинныхъ интересовъ для обѣихъ сторонъ. Только та опора благонадежна, которая самостоятельна, то-есть, въ смыслѣ общественности власти, *независима*. А потому и послѣднее звено системы мировыхъ учрежденій, послѣдняя ихъ опора — сельскія власти требуютъ для себя той же независимости, какъ и высшіе ея органы.

Мы съ намѣреніемъ употребили выраженіе *независимость*, ибо въ этомъ понятіи заключается, по нашему мнѣнію, сущность самоуправленія и отличительное свойство учрежденій и представителей общественной или земской власти, въ сравненіи съ учрежденіями и представителями власти приказной или бюрократической. Въ послѣдней системѣ, начиная съ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ ступеней власти, каждый ея носитель есть агентъ своего начальства, исполнитель воли пославшаго, и вся его заслуга заключается, прежде всего, въ возможно болѣе точномъ выполненіи приказаній. Русское слово *«приказный»* какъ нельзя лучше передаетъ понятіе, связываемое нами съ словомъ бюрократія, въ противоположность

ность самоуправленію, или *власти земской*. Въ системѣ самоуправленія каждое учрежденіе и каждый представитель власти дѣйствуетъ самостоятельно, исполняя исключительно только велѣнія закона и совѣсти. Чиновникъ, или приказный, ограниченъ въ своихъ распоряженіяхъ намѣреніями, видами, цѣлями начальства, которому онъ прежде всего и обязанъ отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ, а представитель земской власти ограниченъ въ своихъ распоряженіяхъ исключительно постановленіями своего учрежденія и предписаніями закона, въ точномъ выполненіи котораго онъ обязанъ матерьяльною отвѣтственностью только передъ *судебною властію*. Судебная власть вѣдаетъ только существующіе законы и высшія требованія безпристрастнаго правосудія, и не знаетъ ни личныхъ, ни политическихъ видовъ и цѣлей.

Въ лицахъ облеченныхъ общественною властью, къ сознанію своей отвѣтственности только передъ судомъ и закономъ, должно присоединить внутреннее сознаніе *интересовъ общества* или мѣстнаго народонаселенія, въ отношеніи къ которымъ всякая бюрократическая власть является чуждою, какъ представительница только административной централизаціи. Такое живое сознаніе общественныхъ или земскихъ интересовъ достигается чрезъ назначеніе лицъ на общественныя должности изъ среды самихъ заинтересованныхъ лицъ, или мѣстнаго народонаселенія. Поэтому учрежденія и власти въ системѣ самоуправленія весьма хорошо называются у насъ *земскими учрежденіями* и *властями*.

Мы старались, по возможности, въ короткихъ словахъ, выставить на видъ самыя существенныя принадлежности самоуправленія, въ отличіе отъ бюрократіи; нравственная и юридическая *независимость* всѣхъ лицъ, облеченныхъ властью представляется намъ самою существенною принадлежностью учрежденій и органовъ самоуправленія. Очевидно, что не всякая административная дѣятельность возможна при подобной независимости учрежденій и должностныхъ лицъ, и потому рядомъ съ самою усовершенствованною системой самоуправленія и внутри ея всегда бу-

дуть должности бюрократическія, которыхъ лучшимъ качествомъ всегда останется формальная исполнительность.

Наши мировыя учрежденія имѣютъ всѣ описанные нами признаки самоуправленія, но какъ учрежденія переходныя, они, разумѣется, обладаютъ ими невполнѣ. Не только развязка крестьянскаго вопроса, но и преобразованія во всей нашей административной системѣ и въ особенности устройство прочной судебной власти, этого необходимаго условія самоуправленія, нужны для полнаго развитія начатковъ новой власти заключающихся въ мировыхъ учрежденіяхъ. Именно потому что эти учрежденія находятся не въ полномъ своемъ развитіи, именно потому что они брошены посреди разныхъ чуждыхъ имъ условій жизни, важно, чтобъ общество умѣло воспользоваться ими въ томъ направленіи, въ которомъ они только и могутъ быть полезны, чтобъ оно помогло имъ выйти изъ тѣхъ опасностей, посреди которыхъ они зародились. Новымъ учрежденіямъ грозитъ именно опасность переродиться въ формы тѣхъ двухъ односторонихъ силъ (бюрократической и сословной), временное соглашеніе которыхъ образовало эти учрежденія.

Перерожденіи мировой власти въ сословную, кажется, всего менѣе можно ожидать. Скорѣе должно опасаться, чтобъ она не заразилась бюрократическимъ духомъ, которымъ проникнутъ весь оффиціальный бытъ соприкасающійся съ мировыми учрежденіями и которымъ отзываются и личныя воспоминанія многихъ людей, принадлежащихъ къ ихъ составу. Самое большое зло можетъ быть въ превращеніи этихъ людей въ чиновниковъ. Противъ этой опасности должно всего болѣе дѣйствовать сознаніе основныхъ началъ и условій новой власти, именно сознаніе, что мировая власть есть блюстительница порядка, во имя закона и совѣсти, а не простая исполнительница приказаній. Кромѣ успѣховъ личнаго сознанія, этому должно содѣйствовать и неусыпный контроль общественнаго мнѣнія, для котораго гласные мировые съѣзды и печать могутъ служить органами. Наконецъ, въ томъ же на-

правленіи будетъ дѣйствовать и извѣстный корпоративный духъ, который къ счастію уже начинаетъ проявляться въ кругу мировыхъ посредниковъ и будетъ постепенно укрѣпляться черезъ совѣщанія и съѣзды. Этотъ корпоративный духъ, котораго зачатки замѣтны въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ также весьма добрый признакъ въ жизни новаго учрежденія; корпоративный духъ есть, между прочимъ, одна изъ принадлежностей самоуправленія. Зоркое взаимное наблюденіе, взаимная, нравственная и умѣстная помощь и поддержка посреди непріязненныхъ общественныхъ стихій, сознаніе чести носимаго званія, сознаніе себя нравственно ослабленнымъ и оскорбленнымъ дурными поступками всякаго носящаго то же званіе, отвращеніе отъ недостойныхъ членовъ, открытое осужденіе ихъ,— все это служитъ лучшимъ обезпеченіемъ для нравственной чистоты учрежденія, гораздо болѣе прочнымъ обезпеченіемъ нежели представленіе отчетныхъ вѣдомостей вверхъ по начальству и препровожденіе начальническихъ отмѣтокъ внизъ по инстанціямъ, которыя переполнены людьми, глумящимися надъ своимъ собственнымъ званіемъ.

Въ заключеніе и подкрѣпленіе высказанныхъ мыслей, мы хотѣли бы обратить вниманіе на одну сторону мировыхъ учрежденій, именно на отношеніи мировыхъ посредниковъ къ волостнымъ старшинамъ. Желательно, чтобы въ этихъ отношеніяхъ, по возможности, упрочились тѣ свойства, которыя должны преимущественно характеризовать новое мѣстное управленіе. Чтобы выразиться какъ можно яснѣе, мы скажемъ, въ связи со всѣмъ предыдущимъ, что волостные старшины ни въ какомъ случаѣ не должны быть механическими исполнителями приказаній мировыхъ посредниковъ или ихъ агентами. Мы слышали о покушеніяхъ нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ представлять волостныхъ старшинъ къ наградамъ за ихъ усердіе. Подобныя покушенія слишкомъ у насъ естественны; они обусловлены, съ одной стороны, преданіями бюрократіи, а съ другой, можетъ-быть, тѣми добрыми намѣреніями, въ которыхъ всякое преувеличеніе, всякая крайность, всякое

увлеченіе признаются, къ сожалѣнію, за доблесть, несмотря на законность переступаемыхъ ими границъ. Мы смѣемъ думать, что дѣло *низшихъ братій* выиграетъ гораздо болѣе, когда поставленная ими самими власть не будетъ смущаема въ своихъ дѣйствіяхъ личными благими, но чужими намѣреніями. Самое непріятное зрѣлище представляли бы намъ волостные старшины, которыхъ первый помыселъ, въ каждомъ распоряженіи и каждомъ отвѣтѣ, обращался бы не къ закону, не къ ихъ собственной совѣсти и не къ суду и мнѣнію мира, а къ вопросу: что скажетъ объ этомъ посредникъ, какъ покажется это посреднику? При этомъ, разумѣется, вредна мысль не о посредникѣ, какъ человѣкѣ болѣе образованномъ и потому лучше понимающемъ смыслъ закона, а о человѣкѣ съ извѣстными личными мнѣніями, вкусами, прихотями, о человѣкѣ, который можетъ наградить и опорочить за удачное или неудачное исполненіе его личныхъ желаній. При этомъ не должно забывать, что превращеніе волостныхъ старшинъ въ маленькихъ чиновниковъ всего опаснѣе для интересовъ самой мировой власти. Когда подчиненная власть есть не болѣе какъ эманація, отраженіе высшей власти, тогда первая не можетъ сообщить никакой силы для опоры послѣдней, а напротивъ должна отъ нея же заимствовать свою силу; затѣмъ всякая власть неуклонно подпадаетъ въ своихъ отношеніяхъ къ высшей власти тому характеру отношеній, который она установляетъ къ подчиненнымъ ей властямъ. Таковъ законъ природы.

2.

Говоря о мировыхъ учрежденіяхъ, мы вышли за предѣлы непосредственной задачи, то-есть, крестьянскаго дѣла, поставленнаго законодательствомъ ихъ прямою цѣлію. Въ нашемъ изложеніи, упраздненіе крѣпостнаго права представлялось только историческимъ поводомъ къ обра-

зованію тѣхъ новыхъ государственныхъ началъ, въ которыхъ заключается, по нашему мнѣнію, политическая задача мировыхъ учрежденій. Новыя начала, внесенныя ими въ нашу государственную жизнь, суть начала самоуправленія, впрочемъ новыя только для нашего законодательства и для послѣдней эпохи нашего оффиціальнаго быта, но коренящіяся во всѣхъ народныхъ инстинктахъ и преданіяхъ. На этой политической идеѣ и на ея отношеніяхъ къ дѣйствующимъ нынѣ политическимъ силамъ сосредоточили мы все наше вниманіе. Мы убѣждены, что эти учрежденія, какъ освященный закономъ зародышъ самоуправленія, не только не находятся въ противорѣчіи съ политическими требованіями противоположныхъ сторонъ и интересовъ нашего быта, но что только эти учрежденія и способны въ настоящую минуту удовлетворить здравымъ интересамъ всѣхъ оттѣнковъ нашего зарождающагося политическаго мнѣнія, дать около себя просторъ свободному развитію всякихъ общественныхъ стремленій, и способствовать политическому воспитанію нашего общества. Этимъ въ особенности и дороги намъ мировыя учрежденія. Для успѣховъ политической жизни народа именно важны учрежденія, которыя не могли бы сдѣлаться орудіемъ никакой одной дѣйствующей политической силы, и стояли бы несокрушимо посреди всякихъ бурь. Только около такихъ учрежденій возможна совершенно свободная и мирная борьба политическихъ интересовъ и мнѣній, безъ потрясенія основъ государственнаго порядка, который равно необходимъ для всѣхъ безъ изъятія. Около такихъ учрежденій невозможно насиліе, на которое могутъ возлагать надежды лишь самые близорукіе или самые нескренніе поборники власти. Поэтому мы смѣло скажемъ, что сторонники всякихъ политическихъ убѣжденій въ нашемъ отечествѣ, но сторонники истинные, а не собиратели мелкихъ крохъ власти и политическаго тщеславія, всѣ образованные и самостоятельные люди, гдѣ бы они ни стояли, должны поддерживать наши мировыя учрежденія и употребить всѣ

свои усилія на охраненіе ихъ политической идеи, получившей силу закона и для всѣхъ равно необходимой.

Въ послѣднее время, и въ публикѣ и въ литературѣ, раздались голоса въ пользу такъ-называемыхъ *охранительныхъ началъ*. Посреди переживаемой нами переходной эпохи, послѣ продолжительнаго промышленаго застоя и политическаго затишья, внезапно возмущенныхъ военными громами и бумажными кредитными операціями, когда въ ходѣ государственной машины и народнаго хозяйства, ощущаются по временамъ неправильныя сотрясенія, которыя кажутся многимъ предвѣстниками еще болѣе жестокаго разстройства въ частныхъ интересахъ, когда въ умахъ замѣтно зловѣщее броженіе, препятствующее сколько-нибудь массивнымъ сочетаніямъ и соединеніямъ общественныхъ силъ; наконецъ, когда на окраинахъ государства накопляются политическія затрудненія, усложняемыя племенною враждой, тогда весьма естественно, что всѣ установившіеся въ обществѣ интересы, всѣ затраченные капиталы, матерьяльные и умственные, всѣ независимые и просвѣщенные люди со страхомъ озираются, томимые загадками будущаго. Потому и весьма понятенъ призывъ къ охранительнымъ политическимъ началамъ, *къ государственнымъ условіямъ жизни, охраняющимъ общественный порядокъ.*

Но посреди этихъ охранительныхъ заботъ не должно забывать, какой общественный порядокъ имѣетъ дѣйствительную цѣну для всѣхъ общественныхъ интересовъ нуждающихся въ порядкѣ, и потому охраненіе какого порядка наиболѣе желательно? Всякій знаетъ, что самый прочный внѣшній порядокъ есть тотъ, которому соотвѣтствуетъ порядокъ внутренній. При самомъ строгомъ формальномъ государственномъ порядкѣ можетъ царствовать величайшая неурядица въ удовлетвореніи умственныхъ потребностей народа, въ его народномъ хозяйствѣ, въ его семейномъ быту. Тѣмъ не менѣе, всякій историческій народъ чрезвычайно дорожитъ даже и внѣшнимъ порядкомъ своего быта, и готовъ принести ему многое

въ жертву. Ради государственнаго парада наши предки, по словамъ исторической легенды, рѣшились пожертвовать даже самостоятельностью своего племеннаго быта.

Всякій формальный порядокъ есть та внѣшняя организація, въ которой установилось какое-нибудь равновѣсіе общественныхъ силъ и интересовъ, и на которую они молчаливо между собою согласились для продолженія своего развитія. Поэтому всякій внѣшній порядокъ опирается на какія-нибудь внутреннія условія народнаго быта, на какія-нибудь преобладающія въ немъ влеченія и наклонности, и съ измѣненіемъ этихъ влеченій и наклонностей, или съ измѣненіемъ установившагося равновѣсія въ общественныхъ интересахъ, разстраивается. Всѣ народныя влеченія и наклонности, всѣ общественныя силы и интересы, у народовъ историческихъ находятся въ непрерывномъ движеніи, и потому подлежатъ непрерывному измѣненію своихъ качественныхъ и количественныхъ отношеній. Подчиненныя такому непреложному закону развитія, человѣческія общества не могли бы имѣть ни какой сколько-нибудь постоянной формальной организаціи, никакого прочнаго государственнаго устройства, если бы, къ счастію, не были возможны устройства, имѣющія способность сами собою непрерывно видоизмѣняться, согласно съ новыми сочетаніями общественныхъ силъ, и мѣнять одну формы на другія безъ всякаго видимаго разстройства и распаденія своихъ основныхъ началъ. Такимъ образомъ внѣшній государственный порядокъ долженъ заключать въ самомъ себѣ условія своего движенія, соотвѣтственно движенію всѣхъ стихій народнаго быта. Мы совершенно понимаемъ, что Джонъ Стюартъ Миль, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ политическихъ мыслителей нашего времени, признаетъ первымъ достоинствомъ всякой существующей государственной формы, чтобы въ ней самой заключалась возможность перехода къ послѣдующей формѣ, вызываемой созрѣвающими въ обществѣ силами. Это дѣйствительно можно назвать первымъ государственнымъ благомъ, въ противоположность тому госу-

дарственному порядку, который безъ самоотрицанія не можетъ уступить новому, и потому уступаетъ лишь вслѣдствіе насилія и матерьяльной борьбы. Какъ на крайній примѣръ такого положенія вещей, можно указать на иноземное владычество и политическое порабощеніе одного народа другимъ.

Способность развиваться и претерпѣвать самыя глубокія преобразованія въ своихъ формахъ, не нарушая своей сущности, и потому ни на минуту не лишая общества необходимыхъ обезпеченій порядка, — эта способность очевидно придаетъ наибольшую устойчивость политическому организму.

Способностью устойчивости посреди величайшихъ общественныхъ смутъ, вслѣдствіе способности развивать свои формы не нарушая ихъ сущности, обладаетъ по преимуществу государственное устройство, основанное на *самоуправленіи*. Въ немъ являются такіе органы государственной власти, которые въ то же время служатъ органами общества, и потому постоянно подвержены взаимодѣйствію потребностей государства и общества, государственнаго порядка и народной жизни. Поэтому-то самоуправленіемъ и дорожатъ всѣ интересы желающіе охраненія прочнаго политическаго порядка. Все что мы сказали о цѣломъ политическомъ тѣлѣ, относится болѣе или менѣе и къ отдѣльнымъ его частямъ или учрежденіямъ. Чѣмъ болѣе въ нихъ самихъ элементовъ для дальнѣйшаго развитія въ будущемъ, сообразно съ развитіемъ общества и историческими обстоятельствами, чѣмъ менѣе въ нихъ этихъ *законченныхъ формулъ*, въ родѣ закона Магомета или правъ человѣка XVIII вѣка, тѣмъ способнѣе онѣ выдерживать всѣ историческія движенія, самыя стремительныя, ни на минуту не лишая общества законныхъ обезпеченій порядка. Въ противоположность государственнымъ организмамъ, окаменѣлымъ въ своихъ формахъ, имѣющимъ притязаніе на непогрѣшимость и совершенство своихъ формулъ, въ родѣ восточныхъ деспотій или французской республики, основанной на отвле-

ченныхъ правахъ человѣка, мы видимъ, напримѣръ, въ Великобританіи, государственныя зданія, которыя отличаются прочностью, и въ которыхъ въ то же время нѣтъ ничего безусловно-законченнаго, въ которыхъ все въ движеніи, все постоянно строится и ничто на глухо не замыкается.

Эта возможность безпрерывнаго развитія всего государственнаго организма и всѣхъ отдѣльныхъ учрежденій должна по необходимости, примирять съ коренными основами существующаго порядка всѣхъ, даже самыхъ крайнихъ его противниковъ, кромѣ развѣ людей проповѣдывающихъ разрушеніе для разрушенія.

Во всѣхъ свойствахъ государственнаго устройства, которыя сообщаютъ ему описанный характеръ, и во всѣхъ общественныхъ силахъ, которыя содѣйствуютъ къ его упроченію, заключаются истинныя *охранительныя* начала въ государствѣ Поддержка всѣхъ такихъ свойствъ, наклонностей и силъ въ государственной власти и въ народномъ духѣ и есть, по нашему мнѣнію, истинное *служеніе охранительнымъ* началамъ. Только въ такомъ служеніи со стороны независимаго общественнаго мнѣнія нуждается сама власть, ибо усердное служеніе инымъ свойствамъ власти можетъ причинить ей болѣе вреда нежели пользы. Дѣйствительно, друзья власти, поддерживающіе безъ всякаго разбора всѣ ея свойства, и даже не рѣдко такія свойства, которыя въ самихъ себѣ носятъ сѣмя ея разрушенія, часто походятъ на тѣхъ людей, которые, живя на счетъ дурныхъ наклонностей своего друга, по необходимости вынуждены вскармливать въ немъ эти наклонности. Не таковы истинные друзья общественнаго порядка и служители разумныхъ охранительныхъ началъ, о которыхъ мы говоримъ.

Поборники такого рода охранительныхъ началъ ужи-ваются въ одномъ и томъ же государственномъ цѣломъ, съ поборниками убѣжденій самыхъ враждебныхъ той или другой изъ существующихъ формъ этого цѣлаго. Между тѣми и другими не можетъ быть борьбы на смерть, ибо

тѣ и другіе приходятъ къ сознанію, что для живучести политическаго тѣла необходимы и элементы порядка, обезпечивающіе успѣхи движенія, и элементы движенія, не позволяющіе порядку обратиться въ болѣзненное затвердѣніе. На стражѣ порядка становятся всѣ общественные интересы, въ данный моментъ времени, по преимуществу нуждающіеся въ порядкѣ; на путяхъ движенія становятся всѣ общественные интересы, нуждающіеся по преимуществу въ движеніи. Представитель всякаго интереса находитъ свое мѣсто и это мѣсто можетъ для него мѣняться, смотря по обстоятельствамъ времени и вопросамъ, стоящимъ на очереди. Очевидно, что такая борьба интересовъ, на незыблемыхъ основахъ государственнаго зданія, возможна лишь при свободѣ совѣсти, мнѣнія и слова, этой существенной принадлежности устойчивыхъ государственныхъ порядковъ, о которыхъ говорили мы выше.

Возвращаясь къ нашему предмету, мы должны вспомнить, что мировыя учрежденія одарены тѣми превосходными свойствами, которыя мы выставляли какъ главное условіе устойчивости политическихъ организмовъ и учрежденій. Въ нихъ положено начало самоуправленія, и они ожидаютъ *въ будущемъ своего дальнѣйшаго развитія*. Въ то же время мировыя учрежденія служатъ самою прочною въ настоящую минуту опорою власти, примиряя въ себѣ всѣ существующія въ общественномъ тѣлѣ противоположности. Пертурбація въ дѣйствіяхъ мировыхъ учрежденій была бы, безъ всякаго сомнѣнія, дѣломъ самымъ опаснымъ въ настоящую минуту. Она поставила бы лицомъ къ лицу всѣ противоположности нашего быта, и открыла бы поприще для всякихъ столкновеній и случайностей. Вотъ, почему, мы убѣждены, что всѣ въ равной мѣрѣ должны стремиться къ поддержанію мировой власти, въ ея истинномъ политическомъ значеніи, и что каждая сторона употребитъ принадлежащія ей средства къ упроченію этого значенія. Мы особенно настаиваемъ на послѣдней мысли, ибо должны повторить въ заключеніе то, что не разъ было нами сказано выше.

Сила мировыхъ учрежденій заключается единственно въ ихъ современной политической идеѣ, то есть, въ *зародышѣ мѣстнаго самоуправленія*, а потому каждый элементъ нашего государственнаго и общественнаго быта долженъ сообразовать свою дѣятельность съ условіями этого новаго начала, если только желаетъ найти въ немъ опору для себя.

Условія эти, во многихъ отношеніяхъ для насъ новыя, естественно сопровождаются во всей нашей официальной и частной жизни явленіями новыми. Но этотъ предметъ долженъ быть разсмотрѣнъ особо.

Пока мы ограничимся заключительнымъ замѣчаніемъ, что мировыя учрежденія, какъ зачатокъ мѣстнаго самоуправленія, должны внести въ нашъ бытъ, вмѣстѣ съ *независимостью* власти, и ея *законность*. Законность есть такая же необходимая принадлежность самоуправленія, какъ и независимость: та и другая составляютъ части одного цѣлаго и одна безъ другой не мыслимы; какъ никакая личная свобода невозможна безъ личной отвѣтственности, такъ никакая независимость учрежденія невозможна безъ его полнаго подчиненія закону. Поэтому, если отношенія всего нашего общества или частныхъ лицъ и правительства, или всѣхъ органовъ правительственной власти къ мировымъ учрежденіямъ должны быть основаны на строгой, безусловной законности, то она же должна быть краеугольнымъ камнемъ мировыхъ учрежденій. Малѣйшее нарушеніе дѣйствующихъ узаконеній лишаетъ мировыя учрежденія всякой почвы и можетъ повергнуть ихъ въ область произвола и всякихъ случайностей, равно опасныхъ для русскаго общества.

VI.

1863.

БУДУЩНОСТЬ КРЕСТЬЯНСКИХЪ (СЕЛЬСКИХЪ) УЧРЕЖДЕНІЙ [1]).

Отовсюду все болѣе и болѣе доходятъ весьма печальные слухи о дѣятельности сословныхъ учрежденій у временно-обязанныхъ крестьянъ. Сами крестьяне очень жалуются на обузу, соединенную для нихъ съ обязанностями и правами волостныхъ сходовъ, судовъ и старшинъ, и сельскихъ старостъ. На первое время, какъ

---

[1]) Статья эта была напечатана въ Современной лѣтописи Русскаго Вѣстника (издававшейся тогда отдѣльно отъ журнала) въ 1863 г. Хотя статья эта далеко не исчерпываетъ вопроса о крестьянскихъ учрежденіяхъ, но также какъ въ помѣщенной выше статьѣ IV (наблюденія и проч.) въ ней указаны нѣкоторыя слабыя стороны этихъ учрежденій, которыя съ тѣхъ поръ сдѣлались весьма выпуклыми (если не вездѣ, то во многихъ краяхъ Россіи) и не могутъ не обратить на себя вниманіе при будущей реформѣ мѣстнаго управленія. Если не осуществится приходъ, который предлагается въ этой статьѣ, какъ новая всесословная) административная единица въ уѣздѣ, то во всякомъ случаѣ, всѣ знакомые съ практическими нуждами нашей уѣздной жизни, сознаютъ имѣ необходимость *болѣе мелкой земской единицы*, чѣмъ уѣздныя управы, какъ связи между уѣзднымъ управленіемъ и сельскимъ (крестьянскимъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ единодушно сознаются имѣ и неудобства указанныя въ этой статьѣ волостной единицы, хотя мнѣнія и весьма разнорѣчивы относительно преобразованій волости. Съ тѣхъ поръ, какъ была написана настоящая статья, всѣ недостатки волостнаго управленія до крайности усилились: оно исполнено бумажнымъ дѣлопроизводствомъ, которое совершенно не подъ силу крестьянамъ и только расширяетъ владычество писаря, и въ то-же время волостные старшины сдѣлались какими-то приказными агентами полиціи, вопреки всякой идеѣ о крестьянскомъ самоуправленіи.

ни дико смотрѣли крестьяне на новые свои порядки и власти, и съ какимъ трудомъ ни было сопряжено отысканіе людей, согласныхъ поступить на новыя должности, однако мысль освободиться изъ-подъ помѣщичьей власти и получить свое собственное независимое отъ помѣщика управленіе не мало прельщала крестьянъ и уменьшала въ ихъ глазахъ новую, павшую на ихъ долю тяготу. Освобожденіе изъ крѣпости и полученіе новыхъ учрежденій представлялись имъ однимъ нераздѣльнымъ дѣломъ. Притомъ же и пріобрѣсти своихъ собственныхъ представителей и защитниковъ тотчасъ по обнародованіи упраздненія крѣпостной зависимости, и прежде нежели прекратились ея отношенія, не могло не нравиться крестьянамъ. Но съ тѣхъ поръ многое измѣнилось: съ одной стороны, высшая крестьянская власть, волостные старшины сдѣлались самымъ дѣятельнымъ орудіемъ взысканія съ крестьянъ ихъ повинностей въ отношеніи къ помѣщику и совершенно ничтожною и безпомощною представительницею ихъ интересовъ какъ передъ помѣщикомъ, такъ и передъ всякими мѣстными властями; съ другой стороны, въ лицѣ волостныхъ старшинъ явились новые самовластные господа и чиновники. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что крестьянскія власти, даже въ этомъ особомъ смыслѣ удовлетворенія нравственному чувству самосознанія и какой-то самобытности насупротивъ другихъ учрежденій и сословій, ничего привлекательнаго не представляютъ крестьянамъ, то-есть что крестьяне ими вовсе не дорожатъ.

Должность волостнаго старшины есть единственная должность нѣсколько привлекающая къ себѣ честолюбивыхъ крестьянъ; на всѣ остальныя они смотрятъ какъ на самую горькую для себя участь, и они совершенно правы.

Самая печальная доля — сельскихъ старостъ: они настоящія козлы отпущенія для крестьянскаго общества. За какихъ-нибудь 20 р. сер. годоваго жалованья они обязаны покинуть всѣ свои домашнія работы и всякій

промыселъ, почти невозможный при выполненіи всего, что на нихъ взваливается властями. Всего отяготительнѣе для нихъ отлучки, которыя они безпрестанно должны дѣлать по своей должности — къ волостнымъ старшинамъ, въ волостной судъ, къ посредникамъ, на мировой съѣздъ и проч. Извѣстно, что должность старосты не пользуется у крестьянъ никакимъ почетомъ, даже и тѣмъ, которымъ она была окружена при прежнемъ порядкѣ, въ особенности въ оброчныхъ имѣніяхъ. Вездѣ крестьяне хлопотали, чтобы должность сельскаго старосты была выполняема каждымъ домохозяиномъ поочередно (съ ежемѣсячною или по крайней мѣрѣ годовою смѣной), а не по выбору; въ старосты попадаютъ тѣ, которые никакъ не могутъ избавиться отъ выбора; эти люди не представляютъ никакихъ гарантій особенной благонадежности или выдающагося положенія въ своей средѣ; напротивъ это по большей части самые незначительные люди.

Должность волостнаго судьи также тягость, хотя и меньшая чѣмъ старосты; она требуетъ значительнаго пожертвованія временемъ, большею частію цѣлымъ днемъ въ недѣлю, что весьма существенный разчетъ въ крестьянскомъ быту, и кромѣ того ставитъ крестьянъ въ самое непріятное и скучное для нихъ положеніе, изъ котораго единственный удобопятный для нихъ выходъ есть *мировая*.

Волостной старшина пользуется нѣкоторымъ почетомъ, и получаетъ значительное для крестьянина денежное вознагражденіе за свои труды. Но этотъ почетъ должно скорѣе назвать *силой* нежели почетомъ, которымъ и безъ того пользовались мочные крестьяне, избранные въ эту должность; притомъ же блескъ, окружающій это званіе, начинаетъ быстро меркнуть. Про волостныхъ старшинъ уже стала ходить дурная слава, они берутъ взятки, спиваются посреди ежедневныхъ угощеній, безъ которыхъ не обходится съ ними ни одно дѣло, и наконецъ, ко всему этому, дѣлаются (большею частію) угодниками начальства, а вмѣстѣ съ тѣмъ притѣснителями подвластныхъ. Другими словами, волостные

старшины становятся чиновниками, а это общественное положеніе и въ крестьянскомъ быту вовсе не считается особенно почетнымъ. Для самихъ старшинъ ихъ должность, если они не берутъ взятокъ, (давая обыкновенно не болѣе 300 или 500 р. въ томъ числѣ и содержаніе лошадей жалованья въ годъ) заставляетъ ихъ разстаться и можетъ-быть навсегда, съ промыслами, которые нерѣдко приносили имъ больше и никогда не меньше этого жалованья. Въ мѣстностяхъ, гдѣ не такъ значителенъ доходъ богатыхъ крестьянъ, изъ среды которыхъ выбираются волостные старшины, тамъ и жалованье имъ положено гораздо меньшее, напримѣръ въ Малороссіи обыкновенно полагается жалованье отъ 100 до 200 р.

Можно сказать вообще, что привлекательность всѣхъ этихъ властей и должностей для крестьянъ возможна лишь при условіяхъ весьма невыгодныхъ для ихъ нравственнаго и матерьяльнаго благосостоянія, лишь при разнаго рода поощреніяхъ и возбужденіяхъ, развращающихъ ихъ нравы и разстраивающихъ ихъ промышленные расчеты.

Такъ для крестьянъ. Посмотримъ теперь въ какой степени могутъ быть оправданы тягости, связанныя для нихъ съ ихъ учрежденіями, государственными надобностями и цѣлями. Крестьянскія учрежденія, установленныя Положеніями 19-го февраля 1861 г., были весьма полезны для спеціальной цѣли этихъ положеній: они дали правительству и мировымъ учрежденіямъ пособниковъ къ введенію Положеній и регулированію отношеній между помѣщиками и крестьянами, пособниковъ, взятыхъ изъ среды самихъ крестьянъ. Это было важнымъ практическимъ условіемъ успѣха новаго дѣла. Какъ мировые посредники сдѣлались въ большей части случаевъ ревностными защитниками крестьянскихъ интересовъ, такъ и волостные старшины стали гораздо болѣе на сторону видовъ правительства, мировыхъ посредниковъ и даже на сторону помѣщичьихъ интересовъ нежели на сторону интересовъ крестьянъ. Они тотчасъ выдѣлились изъ своей

среды, сдѣлались ревностными агентами власти, а между тѣмъ крестьяне никакъ не могли признать ихъ, какъ выборныхъ ими людей, не своими людьми. Ѣсъ тому же никто лучше волостныхъ старшинъ не могъ оказать мировымъ учрежденіямъ содѣйствія своими свѣдѣніями о крестьянскомъ бытѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, крестьянскія власти, дѣйствуя заодно и въ связи съ мировыми учрежденіями, значительно уравновѣсили и ослабили собою дворянскій характеръ послѣднихъ; соединеніе тѣхъ и другихъ приготовило почву для земскихъ учрежденій, которыя должны быть столь же мало сословно-дворянскими, какъ и сословно-крестьянскими.

Если самоуправленіе будетъ устроено у насъ на сколько-нибудь правильныхъ и прочныхъ основаніяхъ, то сословная власть волостнаго старшины сдѣлается совершенно посторонними и чуждымъ земству учрежденіемъ. То же самое можно сказать и о самой волости, единицѣ искусственно и произвольно созданной. Что такое власть волостнаго старшины, которой на значительномъ пространствѣ земли подчинены одни жители и не подчинены, и конечно никакъ не могутъ быть подчинены, всѣ остальные жители? Уже и теперь во всѣхъ случаяхъ прикосновенности другихъ сословій къ крестьянскимъ дѣламъ или къ разнымъ полицейскимъ и административнымъ казусамъ случающимся или въ крестьянскомъ быту или просто на пространствѣ волости, возникаютъ безпрерывныя недоразумѣнія, къ которымъ подастъ поводъ вопросъ о правѣ вмѣшательства и власти старшинъ и волостныхъ правленій; волостные старшины въ этихъ случаяхъ обыкновенно устраняются отъ дѣла и оно передается или мировому посреднику или общимъ полицейскимъ властямъ. Для домашней административной власти между крестьянами, т. е. людьми живущими въ одномъ мѣстѣ, составляющими одно общество, достаточно сельскаго старосты; эту власть каждый крестьянинъ понимаетъ издавна, но и она должна быть освобождена отъ административныхъ сношеній, и ограничена исключительно

дѣлами подлежащими вѣдѣнію мірскаго схода и не выходящими за межу каждаго села или деревни. Болѣе крупная административная единица, чѣмъ сельское общество, должна заключать въ себѣ безусловно и нераздѣльно всѣхъ жителей извѣстнаго пространства, безъ различія сословій; такою, уже существующею единицей представляется у насъ только приходъ, и едва ли законодательство въ состояніи создать другую подобную единицу. Мысль, о пріуроченіи нашего административнаго устройства къ этой естественной единицѣ, есть мысль, которая сама собой представляется всякому кто не питаетъ довѣрія къ искусственнымъ построеніямъ. Приходъ, какъ единица народонаселенія, не есть у насъ какое-нибудь отвлеченное понятіе; уже издавна всѣ прихожане привыкли считать себя однимъ цѣлымъ, и церковный староста съ незапамятныхъ временъ избирается изъ всѣхъ сословій, безъ различія. Мы не знаемъ въ какой степени можно будетъ въ административномъ отношеніи воспользоваться этою послѣдней должностью, но во всякомъ случаѣ приходъ есть очевидно единственное, представляемое дѣйствительною народною жизнію звено между сельскими обществами и болѣе обширными административными единицами, какими будутъ участки мировыхъ судей.

Въ каждомъ приходѣ можетъ быть сверхъ старостъ нѣсколько приходскихъ старшинъ. Они могли бы вмѣстѣ съ приходскимъ священникомъ и церковнымъ старостою заниматься приходскими дѣлами, къ которымъ должны быть отнесены школа, больница, богадѣльня и проч. Всѣ эти и подобныя учрежденія могутъ существовать только при церквахъ и въ этомъ случаѣ будутъ пользоваться всеобщею поддержкой. Только церковь можетъ привлечь къ нимъ всѣ тѣ силы, которыя въ состояніи обезпечить ихъ существованіе. Одна церковь также можетъ соединить для управленія и завѣдыванія этими заведеніями лицъ разныхъ сословій. Нѣтъ сомнѣнія, что на безвозмездную должность церковныхъ старшинъ нашли бы

преимущественно помѣщики, а въ фабричныхъ и промышленныхъ мѣстностяхъ и купцы. Наконецъ, только при этомъ устройствѣ духовенство получило бы то участіе въ земскихъ дѣлахъ, которое согласно съ характеромъ православнаго духовенства. Принимать участіе въ земскихъ собраніяхъ едва ли согласно съ этимъ характеромъ, и потому въ этомъ отношеніи на священниковъ нельзя много разчитывать. Ихъ мѣсто — приходъ, и только въ управленіи приходскими дѣлами они могутъ быть несомнѣнно полезны.

Что касается до волостей и волостныхъ правленій, то они могли бы какъ у временно-обязанныхъ, такъ и у государственныхъ крестьянъ быть вовсе упразднены, а дѣла находящіяся въ ихъ завѣдываніи и не могущія поступить въ вѣдѣніе приходовъ перешли бы частію къ мировымъ судьямъ, частію къ сельскимъ обществамъ. По времени, сами собой возникли бы земскіе союзы изъ приходовъ для поддержанія училищъ, богадѣленъ, больницъ; они возникли бы безъ всякаго искусственнаго зодчества и безъ всякой нивелировки, соединили бы людей разнаго происхожденія и всѣхъ безъ изъятія сословій въ государствѣ. Никто не могъ бы считать ниже своего достоинства быть членомъ этихъ союзовъ и между тѣмъ первенство въ нихъ, по самому роду церковныхъ и приходскихъ дѣлъ, принадлежало бы самымъ образованнымъ, достаточнымъ и достойнымъ свѣтскимъ людямъ въ каждой мѣстности, съ присоединеніемъ и всѣхъ священниковъ, что особенно важно и чего рѣшительно не можетъ быть при всякомъ другомъ устройствѣ.

Упраздненіе волостныхъ старшинъ безъ сомнѣнія увеличило бы занятія мировыхъ судей, но возросла бы собственно только чисто-исполнительная часть въ ихъ дѣятельности; а для этой части они и такъ должны имѣть въ своемъ распоряженіи полицейскихъ должностныхъ лицъ, и простыхъ разсыльныхъ, чѣмъ теперь для мировыхъ посредниковъ служатъ волостные старшины. Особенно важно, что вмѣстѣ съ тѣмъ уже вовсе упразди-

лась бы ко всеобщему удовольствію власть волостныхъ писарей.

Переходимъ теперь къ волостнымъ судамъ, къ этимъ наименѣе удавшимся крестьянскимъ учрежденіямъ. Упраздненіе ихъ можно будетъ назвать рѣшительною льготой для крестьянъ: по крайней мѣрѣ такъ они примутъ эту мѣру. Если можетъ существовать крестьянскій судъ, то онъ долженъ оставаться такимъ, какимъ его понимаютъ сами крестьяне и какимъ онъ только можетъ быть, т. е. мирскимъ или домашнимъ. Этому суду могутъ подлежать, *по волѣ сторонъ*, всѣ спорныя дѣла и проступки не выходящіе изъ предѣловъ домашняго крестьянскаго быта (передѣлы, семейныя ссоры, мелкое забіячество и т. д.) и рѣшаемые не иначе какъ по совѣсти и обычаю, безусловно, безъ всякихъ законныхъ опредѣленій. Этотъ судъ долженъ оставаться въ тѣхъ формахъ въ какихъ онъ существовалъ у крестьянъ до сихъ поръ, а недовольные должны всегда имѣть право обратиться къ мировому судьѣ, или по роду дѣлъ, въ судебное мѣсто. Теперь волостные суды, можно сказать, поставлены въ тупикъ; они должны судить по своему, по-крестьянски, а между тѣмъ они связаны разными опредѣленіями закона, которыя имъ совершенно чужды; одна уже обязанность заносить рѣшенія въ книгу очень тяжела для крестьянъ. Кромѣ того, никакъ нельзя отказать крестьянамъ въ возможности судиться по всѣмъ дѣламъ у людей болѣе ихъ образованныхъ; эта потребность живо ими чувствуется. Если крестьяне предпочитаютъ волостной судъ уѣздному, то на это есть много причинъ, заставляющихъ и всѣхъ насъ избѣгать дѣлъ съ вышѣшними нашими судами. Безъ этихъ причинъ, крестьяне по большей части предпочитали бы общіе суды своимъ сословнымъ.

Когда крестьяне не могутъ имѣть иной судебной расправы, кромѣ крестьянской, даже въ самыхъ мелкихъ и домашнихъ своихъ ссорахъ и дрязгахъ, когда имъ закрытъ всякій доступъ къ обсужденію и рѣшенію ихъ дѣлъ на основаніи высшихъ понятій о правѣ и нравственно-

сти, тогда отнимается у крестьянскаго и у всего народнаго быта одно изъ важнѣйшихъ условій къ преуспѣянію и къ умственному движенію. Въ волостныхъ судахъ главную роль играютъ волостные старшины; крестьяне никакъ не могутъ понять раздѣленія административной власти съ судебною и всегда обращаются въ судебныхъ дѣлахъ единственно къ волостнымъ старшинамъ, безъ участія которыхъ и волостные суды никакъ не могутъ обойтись въ своихъ рѣшеніяхъ. Мировые посредники не въ силахъ искоренить это нарушеніе закона и втолковать крестьянамъ что̀ такое судебная власть, и какъ важно для обезпеченія ихъ правъ раздѣленіе властей. Они хотятъ справедливаго суда и разумныхъ приказаній. Ихъ очень удивляетъ, когда посредникъ отсылаетъ ихъ къ волостному суду, то-есть заставляетъ ихъ безусловно подчиняться волѣ волостнаго старшины. Эта конституція — для нихъ лѣсъ темный. Они не подозрѣваютъ, что въ основаніи этой конституціи лежитъ желаніе, чтобъ они судились по старинѣ и по пошлинѣ. Напротивъ, это кажется имъ величайшимъ и самымъ удивительнымъ нововведеніемъ. Съ одной стороны — начальство, съ другой стороны — мірская сходка, вотъ ихъ старина.

Мы высказали лишь нѣсколько мыслей, чтобы памятить тотъ общій духъ, въ какомъ желательно видѣть дальнѣйшее развитіе нашего крестьянскаго управленія. Въ нашемъ планѣ, крестьянскій бытъ остается неприкосновеннымъ всякому насильственному вторженію въ него чуждыхъ ему нововведеній; вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣстное управленіе остается сосредоточеннымъ въ рукахъ мировыхъ судей, т.-е. образованныхъ и лучшихъ людей, въ которыхъ и необходимо сохранить центръ тяжести всего будущаго нашего административнаго зданія. Желать перенесенія этого центра въ крестьянскую среду было бы химерою; въ дѣйствительности эта химера обратилась бы въ разобщеніе центровъ и въ сословную розпь, при которыхъ выиграли бы только бюрократическіе элементы, то-есть въ этомъ случаѣ всего болѣе сословіе волостныхъ

писарей. Когда крестьянскія власти не ограничиваются тѣснымъ крестьянскимъ или лучше сказать, деревенскимъ бытомъ и предѣлами одной крестьянской общины, а переносятся въ общую административную сферу, тогда необходимо искусственное подведеніе крестьянскихъ порядковъ подъ разныя бюрократическія формы, придуманныя для соглашенія ихъ съ административными требованіями. Всѣ этого рода вторженія въ крестьянскій бытъ растлѣваютъ нравы крестьянъ и воспитываютъ ихъ въ дурномъ духѣ приказнаго порядка.

VII.

1863.

МЫСЛИ О ДѢЙСТВУЮЩИХЪ МѢСТНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ И О БУДУЩЕМЪ ИХЪ УСТРОЙСТВѢ [1]).

1.

Международные наши вопросы начинаютъ стихать [2]) и внутреннія дѣла выступаютъ снова съ неотразимою силой. Въ нихъ, въ неуклонномъ продолженіи начатыхъ государственныхъ преобразованій заключается очевидная историческая задача современной намъ эпохи и единственный залогъ благонадежнаго разрѣшенія всѣхъ нашихъ зарубежныхъ вопросовъ. Подъ продолженіемъ преобразованій, мы, само собою разумѣется, никакъ не понимаемъ продолженія *ломки* и произвольнаго зодчества

---

[1]) Здѣсь соединены нѣсколько мелкихъ статей, помѣщенныхъ нами въ современной лѣтописи «Русскаго Вѣстника» 1863 г. Наложенныя въ нихъ личныя наблюденія надъ крестьянскими учрежденіями имѣли въ то время особенный интересъ, при ожидавшемся тогда устройствѣ земской администраціи, которая могла быть поставлена *не врозь* съ крестьянскимъ самоуправленіемъ (какъ это потомъ случилось) и устранить многія его недостатки. Эти недостатки (въ особенности въ волостныхъ учрежденіяхъ) съ тѣхъ поръ только усилились; бюрократическій духъ сталъ завладѣвать крестьянскимъ самоуправленіемъ, которое съ одной стороны лишено было попечительной и руководящей руки мировыхъ посредниковъ, а съ другой стороны, подпало гнету полицейскихъ властей, отчужденныхъ отъ всей системы нашего самоуправленія. Поэтому нижеслѣдующія наши мысли вполнѣ соотвѣтствуютъ и нынѣшнему положенію вещей.

[2]) Подъ этимъ разумѣлись враждебныя намъ движенія, возникшія со стороны западно-европейскихъ правительствъ (въ 1862—1863 гг.) по случаю польскаго повстанія, и возбужденная ими дипломатическая переписка.

въ сферѣ государственныхъ учрежденій. Напротивъ, теперь болѣе нежели когда-нибудь чувствуется потребность въ совершенно противоположномъ направленіи нашей внутренней преобразовательной дѣятельности: мы должны примирить между собою всѣ послѣдствія великаго переворота, совершившагося во всѣхъ гражданскихъ и сословныхъ нашихъ отношеніяхъ и всѣ послѣдствія новыхъ учрежденій, отчасти вступившихъ уже въ жизнь (*каковы крестьянскія, мировыя и сельскія*), отчасти готовящихся (каковы судебныя мировыя и земско-хозяйственныя); мы должны примирить все это со множествомъ интересовъ, затрагиваемыхъ въ старомъ порядкѣ вещей, интересовъ, отчасти нарушенныхъ, но живыхъ, готовыхъ, въ случаѣ забвенія ихъ въ настоящемъ, громко заговорить въ будущемъ, съ историческими преданіями и стремленіями, которыя по временамъ какъ бы замираютъ подъ громомъ современныхъ государственныхъ заботъ и нововведеній, но потомъ снова выступаютъ наружу, съ энергіей и могуществомъ, превозмогающими надъ мгновенною силой всякихъ *новшествъ*. Наконецъ, намъ предстоитъ много усилій къ *согласованію* всѣхъ разрозненно возникающихъ преобразованій, которыя безъ этого повредятъ врозь, и будутъ парализировать одно другое. Намъ нѣтъ надобности спѣшить и работать въ поныхахъ, однако мы не можемъ и мѣшкать; мы должны бодро идти на встрѣчу ожидающаго насъ развитія политической жизни. Все въ нашей волѣ, кромѣ времени, которое можетъ заговорить ни для кого нежданнымъ образомъ. Помня это, мы должны неустрашительно заботиться, чтобы встрѣтить преобразованія въ государственномъ строѣ достаточно обезпеченными насчетъ благонадежности нашего гражданскаго строя. Германскія представительныя учрежденія, возникшія рядомъ съ самымъ вопіющимъ неравенствомъ гражданскихъ правъ и съ сословною розныо, и хворый ростъ этихъ представительныхъ учрежденій могутъ служить для насъ такимъ урокомъ или указаніемъ, какія намъ дѣйствительно полезно извлекать изъ политическихъ судебъ

Европы. То же скажетъ намъ и трагическая исторія Польши, развратившейся посреди разгула политическихъ льготъ, насажденныхъ на шляхетскія привиллегіи и коренное разобщеніе сословій.

Коренным и окончательнымъ переворотомъ въ нашемъ гражданскомъ строѣ было упраздненіе крѣпостнаго состоянія, создавшее, или лучше возсоздавшее, основанія общаго гражданскаго нашего права на почвѣ, обезображенной историческимъ наносомъ сословныхъ правъ; ближайшая здѣсь задача обезпеченіе правъ собственности и личности, и также уврачеваніе ранъ, произведенныхъ экономическими потрясеніями освобожденія крестьянъ. Но важнѣйшій способъ этого уврачеванія есть та же охрана собственности и личности, которая съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія сдѣлалась для сельскаго быта особенно настоятельною.

Въ этой охранѣ неприкосновенности правъ собственности и личности, а отнюдь не въ охранѣ сословныхъ привиллегій заключается самый естественный и самый выгодный, столько же для помѣщичьяго класса, сколько для всего государства, способъ вознагражденія за ущербы, нанесенные съ упраздненіемъ крѣпостнаго права, ибо безъ этого немыслимы никакіе серьезные успѣхи сельскаго хозяйства и невозможно ожидать со стороны сельскихъ хозяевъ рѣшимости затрачивать свои капиталы и свой трудъ въ какія-либо агрономическія предпріятія. Плоды труда и капитала должны быть охранены отъ нарушеній законнаго порядка, отъ всякаго частнаго и административнаго произвола; это первое условіе всякой хозяйственной дѣятельности. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія и надо говорить это безумолку, что вольнонаемный трудъ самъ по себѣ вовсе не есть теперь затрудненіе для помѣщиковъ; о выгодахъ обязательнаго труда нѣтъ теперь и помину. Но хозяйничать съ вольнонаемнымъ трудомъ, тратить деньги на новыя постройки, орудія, скотъ, мучиться круглый годъ съ хозяйствомъ, и не имѣть никакой увѣренности, что рабочій, съ кото-

рымъ заключено условіе, не уйдетъ до срока, не сказавъ никому ни слова, да еще уйдетъ съ вашимъ задаткомъ, и въ самую рабочую пору, что взлелѣянный вами лугъ съ кормовыми травами не будетъ выгравленъ или даже скошенъ сосѣдями, не признающими между собою и вами никакихъ межей, что весь вашъ плодовой садъ не будетъ обобранъ прежде нежели вы успѣли его сдать съемщику, что наконецъ цѣлая ваша лѣсная дача не будетъ сожжена до тла мимошедними странниками, вздумавшими разложить костеръ у опушки вашего лѣса, и проч., вотъ это такъ затрудненіе, вотъ это такъ вопросъ!

Въ деревнѣ особенно видно, какъ важно было бы серьезное и прочное освобожденіе нашей общественной жизни отъ бюрократическихъ путъ, которыя положительно навязаны народной жизни, вопреки всѣмъ внутреннимъ стремленіямъ и наклонностямъ народнаго характера. Но, скажутъ, противъ бюрократіи ратовали у насъ кажется съ достаточнымъ громомъ, и даже въ самыхъ высокихъ сферахъ! Разумѣется, не было у насъ недостатка въ крикахъ и на этомъ поприщѣ, но къ сожалѣнію и здѣсь поражали зло, не вѣдая часто его источника. О какъ опасны тѣ враги бюрократическаго порядка, которые сами бюрократы и дѣйствуютъ противъ него своими бюрократически сочиненными способами. Вотъ напримѣръ самые отъявленные, казалось бы, враги бюрократическаго порядка (изъ бюрократовъ въ жизни или въ душѣ), были убѣждены, что спасеніе отъ него заключается въ такъ-называемомъ крестьянскомъ самоуправленіи. Но вмѣсто крестьянскаго самоуправленія, если только возможна самая идея какого бы то ни было самоуправленія въ формѣ какихъ бы то ни было сословныхъ учрежденій, только вскармливался въ крестьянской средѣ, приказный духъ, и закрѣплялось бюрократическое самовластіе. Къ какому блистательному развитію способенъ приказный духъ, чрезъ посредство крестьянскихъ административныхъ учрежденій, мы имѣемъ тому передъ собою прекрасный опытъ въ учрежденіяхъ государствен-

ныхъ крестьянъ. Чтобы не ходить далеко отъ приведенныхъ выше казусовъ нашего сельскаго быта, я опишу дѣлопроизводство, порожденное недавно самовольнымъ захватомъ помѣщичьяго луга сосѣдними государственными крестьянами. Когда помѣщичій прикащикъ требовалъ отъ крестьянъ выдачи захваченной травы, то они его прогнали, предлагая ему войти въ надлежащее сношеніе съ ихъ начальствомъ. Помѣщикъ долженъ былъ писать отношеніе въ волостное правленіе о воспрещеніи косить на его землѣ, съ приложеніемъ плана своего имѣнія, такъ какъ означенные крестьяне вдругъ вздумали, для оправданія своего поступка, оспаривать право собственности на землю. Волостное правленіе, по безграмотству ничего не разобравъ въ планѣ, дало однако строгое предписаніе сельскому обществу: имѣя въ виду то-то (нѣсколько пунктовъ) и принимая въ соображеніе то-то (нѣсколько пунктовъ), на основаніи такихъ-то статей Свода Законовъ предписывается то-то. Бумага вышла удивительная; волостному правленію, по его политическимъ соображеніямъ, хотѣлось угодить помѣщику и между тѣмъ не ссориться съ крестьянами и оно вышло отлично изъ дѣла, не хуже любаго, даже столичнаго, начальника отдѣленія: крестьянамъ въ самыхъ общихъ дѣлопроизводственныхъ выраженіяхъ, усвоенныхъ какъ нельзя лучше всѣми волостными писарями, предписывалось возвратить помѣщику траву, скошенную *на его землѣ*, если таковая окажется (по разсмотрѣніи межей и плана), и впредь оной не косить, съ отвѣтственностью въ противномъ случаѣ по всей строгости законовъ. Къ предписанію, для руководства крестьянъ относительно вопроса (т.-е. главнаго) гдѣ находится межа ихъ земли и помѣщичьей, прилагался планъ, доставленный помѣщикомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ волостное правленіе отправило отношеніе и къ помѣщику съ увѣдомленіемъ о сдѣланномъ распоряженіи и съ приложеніемъ копіи съ предписанія. Бумаги, благодаря политическимъ соображеніямъ волостнаго правленія о выгодахъ международныхъ сношеній съ помѣщикомъ

(замѣтьте, я беру случай при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ) полетѣли довольно быстро, хотя и прошло нѣсколько дней на частную, конфиденціальную, переписку (уже не на бланкахъ какъ предыдущая, а въ формѣ писемъ) волостнаго писаря съ приказчикомъ помѣщика о титулахъ послѣдняго, которые необходимы для бумагъ, и въ точномъ прописаніи которыхъ писаря считаютъ верхъ своего искусства. Бумаги однако полетѣли прежде нежели сѣно успѣло сгнить отъ нонешнихъ дождей; завязалась переписка; сельское общество, еще менѣе волостнаго правленія, разобрало планъ; да впрочемъ весьма резонно оправдывалось своимъ крестьянскимъ безграмотствомъ, оно и не стало разсматривать планъ, а отписало въ волостное правленіе дополненіе, также со всѣми мотивами и консидераціями, въ которыхъ отставной солдатъ, приглашенный крестьянами для составленія бумаги, никакъ не хотѣлъ уступить распорядѣнію волостнаго писаря. Волостное правленіе, получивъ донесеніе, собиралось дать новое строжайшее предписаніе и послать еще болѣе утонченное отношеніе къ помѣщику, съ истребованіемъ отъ него нѣкоторыхъ дополнительныхъ свѣдѣній. Будемъ писать, говорили крестьяне (какъ я самъ отъ нихъ слышалъ), будемъ писать, говорили волостной голова и писарь. Но прежде нежели разразилась эта бумажная гроза, готовая продолжаться годъ и перейти по всѣмъ инстанціямъ чуть не до Петербурга (крестьяне уже собирались писать жалобу на волостное правленіе, жалобу, пришедшуюся по вкусу отставному солдату, который и за первую бумагу получилъ знатную выпивку), помѣщику пришла свѣтлая мысль выйти изъ этой бюрократической колеи на бѣлый свѣтъ русской мировой. Крестьянамъ предложено было, вмѣсто сеора, не только уже возвратить, но и убрать сѣно, за ведро водки. Дѣло окончено было въ одно утро къ общему удовольствію всѣхъ сторонъ и всѣхъ административныхъ властей, принявшихъ живое участіе въ мировой выпивкѣ. Выпивка конечно разрѣшаетъ многія недоумѣнія, она весельна къ устраненію многихъ админи-

стративныхъ препятствій въ сельскомъ быту; при нынѣшнихъ цѣнахъ дешевки она даже не слишкомъ убыточна и наконецъ, по увѣренію одной петербургской газеты, опирающейся въ этомъ случаѣ на разнохарактерные авторитеты германскихъ ученыхъ, Молешота и Роберта Моля, вышивка очень полезна для здоровья: но спрашивается, что же это за охрана неприкосновенныхъ и священныхъ правъ собственности и личности, — дешевка? А безпрестанно, почти каждый день, приходится выбирать между перепиской и дешевкой! Какъ ни велико бываетъ отвращеніе отъ послѣдней, но требуется иногда очень много самоотверженія, чтобы рѣшиться на первую.

Кто знаетъ дѣйствительность нашего административнаго быта и не судитъ о немъ по однимъ теоріямъ, насиженнымъ въ канцеляріяхъ или по бумагамъ и вѣдомостямъ, получаемымъ изъ подчиненныхъ мѣстъ, тотъ конечно не найдетъ ничего преувеличеннаго въ разсказанномъ нами казусѣ. Онъ изъ рода самыхъ обыкновенныхъ. И вотъ что особенно важно, и вотъ что заставило насъ разсказать этотъ казусъ: онъ даетъ вѣрный очеркъ именно того типа нашей сельской администраціи, который до сихъ поръ возводился многими въ образецъ для подражанія при устройствѣ всей области нашей сельской администраціи. Нашъ казусъ позволяетъ вникнуть въ жизненныя, дѣйствительныя послѣдствія этого административнаго типа. Переписка поставлена на мѣсто дѣла, это первое и главное послѣдствіе. Когда мы опять наблюдаемъ это явленіе въ мѣстахъ центральнаго управленія, то тамъ вредъ его ничтоженъ въ сравненіи съ вторженіемъ бюрократической переписки въ самыя нѣдра народной жизни. Тамъ вредъ почти только отрицательный, печальная непроизводительная трата умственныхъ силъ и денегъ на занятія, ни для кого не нужныя, идущія врозь съ дѣйствительнымъ дѣломъ, которое движется само-собою въ народной жизни, почти даже не справляясь съ ходомъ производящейся о немъ канцелярской переписки. Здѣсь, въ сельской администраціи, переписка тормозитъ дѣло въ его

корнѣ, задерживаетъ естественное теченіе жизни въ самыхъ насущныхъ ея отправленіяхъ. Дѣло о захватѣ чужаго луга могло бы быть окончено въ теченіи одного часа (при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ въ одно утро) въ рукахъ настоящей, приспособленной къ сельскому быту административной власти, въ рукахъ власти живой, понимающей свои обязанности, способной ихъ выполнить, имѣющей личный нравственный интересъ въ выполненіи долга и свободной выполнить его по совѣсти (напримѣръ нынѣшняго мироваго посредника или возможнаго будущаго мироваго судьи изъ круга образованныхъ мѣстныхъ обывателей), а не въ рукахъ административнаго миѳа, призрака называемаго волостнымъ правленіемъ и имѣющаго единственное живое для себя воплощеніе въ лицѣ волостнаго писаря. Что же такое власть писаря въ кругу неграмотныхъ, необразованныхъ и вообще бѣдныхъ людей, какъ не самовластіе всякой общественной *силы*, способной захватить писаря въ свое распоряженіе, будь эта сила деньги, знатное положеніе (хотя бы и крестьянское), офиціальное вліяніе и связи, интрига, умъ, наконецъ просто милый человѣкъ, а въ иныхъ случаяхъ и просто сильный кулакъ? Все это, что именуется въ обществѣ силой, можетъ захватить подобную власть въ каждомъ данномъ случаѣ въ свое неограниченное и (замѣтьте) *безотвѣтственное* распоряженіе. Не много будетъ разницы, если въ видѣ исключенія изъ общаго правила, бразды правленія, вмѣсто писаря, находятся въ рукахъ волостнаго головы, этого головы, рисующагося пожалуй въ административномъ воображеніи маститымъ патріархомъ, доблестнымъ народнымъ вождемъ, а дѣйствительно существующаго въ образѣ добродушнаго или плутоватаго русскаго мужичка, скорѣе ничтожнаго, нежели значительнаго въ сравненіи съ прочими своими односельцами. Онъ, этотъ мужичокъ, можно сказать *попалъ* въ эту должность, отъ которой всячески отбивался, если только не имѣлъ на нее никакихъ грѣшныхъ замысловъ; попалъ, напримѣръ, какъ намъ разсказывалъ одинъ голова,

потому что кругомъ вся деревня, кромѣ него, перебывала въ какихъ-нибудь должностяхъ, которыхъ не оберешься. Однимъ словомъ, и съ волостнымъ головой справится, если только захочетъ, всякая сила.

Въ прежнее время были окружные начальники, и собственно они распоряжались. Тогда уже трудно было говорить о крестьянскомъ самоуправленіи, тогда владычествовала чистая, самодержавная и живая бюрократія, которая нынѣ владычествуетъ своимъ духомъ, только отчасти сосредоточеннымъ въ писарѣ, и отчасти въ низшихъ чиновникахъ, занимающихся впрочемъ исключительно ревизіей бумагъ въ волостныхъ правленіяхъ, и по собственному выраженію крестьянъ, «ихняго крестьянскаго дѣла не смыслящихъ.» (Замѣчательно, что мы никогда не слыхали этого отъ крестьянъ про мировыхъ посредниковъ). Но неужели и прежніе окружные начальники представляли собою ту власть, которая могла сколько-нибудь постоять за себя и оберечь и себя и подвластныхъ отъ всякихъ вліяній *силы?* Итакъ *сила* не теряетъ своего значенія и въ той административной системѣ, которая преимущественно расчитана на то, чтобы поставить бѣдняковъ и простыхъ людей подъ всесильную защиту бюрократіи. Эту систему воображаемаго самоуправленія противопоставляютъ той системѣ, такъ-называемой аристократической, а въ сущности системѣ истиннаго самоуправленія, гдѣ власть находилась бы въ рукахъ людей болѣе достаточныхъ, болѣе образованныхъ или вообще болѣе значительныхъ, досужихъ и независимыхъ.

2.

Выше я говорилъ о крестьянскомъ самоуправленіи у государственныхъ крестьянъ. Оно любопытно, потому что сельская жизнь всѣхъ высшихъ и низшихъ классовъ не обходится безъ ежедневныхъ столкновеній съ этимъ вѣдомствомъ, состоящимъ на правахъ

чуть-чуть не особаго государства; но этотъ видъ *самоуправленія* любопытенъ также и потому, что къ нему могутъ тяготѣть и крестьянскія учрежденія временно-обязанныхъ крестьянъ. На этотъ разъ я сообщу нѣсколько замѣчаній, почерпнутыхъ мною изъ личныхъ наблюденій, какія я успѣлъ сдѣлать надъ дѣйствіемъ этихъ послѣднихъ учрежденій.

Само собою разумѣется, что мои наблюденія относятся лишь къ окружающей меня мѣстности, въ другихъ мѣстахъ могутъ быть иныя явленія, хотя, признаюсь, свѣдѣнія, сообщаемыя изъ весьма противоположныхъ краевъ Россіи и съ весьма даже противоположныхъ точекъ зрѣнія, большею частію, подтверждаютъ нашъ взглядъ на это дѣло.

Сословныя учрежденія временно-обязанныхъ крестьянъ до сихъ поръ еще не установились окончательно; это, кажется, всеобщее мнѣніе. Они еще не получили никакого окончательнаго типа; но именно въ подобную эпоху дѣйствія учрежденій и важно уловить разныя встрѣчающіяся въ нихъ явленія, узнать условія, посреди которыхъ слагаются элементы ихъ жизни и самые эти элементы, пока еще находящіеся въ броженіи. Едва ли мы не дадимъ самаго вѣрнаго понятія о нынѣшнемъ положеніи этихъ учрежденій, если скажемъ, что они находятся пока въ состояніи *недоумѣнія*; недоумѣваетъ надъ ними ихъ начальство, недоумѣваютъ ихъ должностныя лица, недоумѣваютъ люди, имѣющія до нихъ дѣло, и всего болѣе недоумѣваетъ около нихъ крестьянскій людъ. Надъ чѣмъ недоумѣваютъ, то и можетъ лучше всего указать на заключающіеся въ крестьянскихъ учрежденіяхъ зачатки, а также и недостатки, и на разные возможные для нихъ въ будущемъ пути развитія, какъ желательные, такъ и нежелательные.

Всего болѣе недоумѣваютъ, пока, волостные старшины, еще не рѣшившіеся безусловно предаться въ распоряженіе своихъ писарей, тѣмъ болѣе что недоумѣваютъ въ волостныхъ правленіяхъ также и писаря, — эти

смышленые люди, никогда и ни въ чемъ не недоумѣвающіе. Да и какъ же не быть здѣсь недоумѣніямъ; они возникаютъ преимущественно въ иностранныхъ или международныхъ сношеніяхъ волостныхъ правленій. Эти сношенія съ присутственными мѣстами и съ сословіями, не подчиненными власти волостнаго старшины, множатся и растутъ ежедневно въ постоянно усиливающейся прогрессіи. Какъ ни щекотливы отношенія волостныхъ старшинъ къ не подчиненнымъ имъ лицамъ, въ особенности къ помѣщикамъ, однако они еще здѣсь кое-какъ изворачиваются, и даже иногда съ удивительною ловкостью. Съ руки неграмотнымъ волостнымъ старшинамъ, что господа вообще не любятъ приказной переписки. Въ этомъ, какъ и вообще въ отвращеніи къ приказному духу, оба сословія (помѣщики и крестьяне) лучше всего между собою сходятся. Посредствомъ личныхъ посѣщеній и объясненій волостные старшины большею частію довольно благополучно заканчиваютъ свои дѣла и счеты съ помѣщиками, которые безпрестанно прибѣгаютъ къ нимъ съ жалобами на крестьянъ. Наши же волостные старшины все народъ тертый, бывалый, что называется *обстоятельный*: послѣднее качество сильно развилось въ зажиточныхъ крестьянахъ сѣверной центральной и лѣсы Россіи вслѣдствіе преобладающей въ ней коммерческой и фабричной дѣятельности. Волостные старшины изъ всѣхъ силъ бьются, чтобъ угодить помѣщикамъ и большею частію успѣваютъ въ этомъ. Въ деликатномъ обращеніи съ господами они нѣкоторымъ образомъ ставятъ свое самолюбіе: какъ люди по преимуществу коммерческіе и промышленные, они видятъ въ этомъ свою прямую выгоду. Впрочемъ угодить помѣщикамъ вообще для волостныхъ старшинъ не такъ трудно, во всякомъ случаѣ гораздо легче чѣмъ угодить на міръ, на которыя, по ихъ собственнымъ отзывамъ, никакъ не угодишь. Волостные старшины съ большою ревностью подгоняютъ крестьянъ къ исполненію господскихъ повинностей; кромѣ того, кто же не знаетъ, что помѣщики вообще, и въ особенности тѣ.

которые имѣютъ личныя отношенія къ должностнымъ лицамъ, значительно притихли въ послѣднее время. По крайней мѣрѣ, волостные старшины, во взаимныхъ пререканіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами, имѣютъ гораздо менѣе непріятныхъ столкновеній съ первыми чѣмъ съ послѣдними. Если въ первое время введенія новыхъ учрежденій, возникали съ горяча попытки волостныхъ старшинъ насолить помѣщикамъ и показать свою силу, то теперь ни о чемъ подобномъ не слышно. Въ своихъ сношеніяхъ съ волостными старшинами помѣщики вообще не слишкомъ прихотливы; здѣсь нельзя не замѣтить явленій доказывающихъ какъ не глубоки корни, пущенные въ нашемъ обществѣ сословною рознью и спѣсью: помѣщики не только не кичатся прибѣгать въ своихъ нуждахъ къ волостнымъ старшинамъ, какъ къ власти предержащей, но даже мы видѣли въ дѣлахъ волостныхъ правленій весьма почтительныя хозяйственныя письма помѣщиковъ къ волостнымъ старшинамъ и даже *доношенія* (sic), какъ бывали озаглавлены нѣкоторыя изъ нихъ. Доношенія достигаютъ своей цѣли; къ чести русскаго мужичка надо сказать, что они не слишкомъ сбиваютъ его съ толку онъ только лукаво ухмыляется, ни какъ не отвѣчаетъ помѣщику на донесеніе предписаніемъ (какъ бы слѣдовало), еще болѣе старается угодить барину и развѣ иной разъ позволитъ себѣ въ дружеской компаніи, подъ пьяную руку, безъ всякаго злаго умысла, хвастнуть, что дескать «отъ господъ получаю донесенія». Не знаю обошлись ли бы такъ легко подобные фокусы со всякими иными крестьянами не русской натуры. Итакъ, съ этой стороны дѣятельности крестьянскихъ властей нѣтъ пока недоумѣній, по крайней мѣрѣ если не въ идеѣ, то въ дѣйствительности; русская жизнь своимъ добродушіемъ, перемѣшаннымъ съ нѣкоторою апатіей, распущенностью, водкою и чаями, и пожалуй также съ нѣкоторымъ унынiемъ минуты, а также и интересы насущнаго дня, положительно заставляющіе помѣщиковъ нуждаться и искать въ крестьянскихъ властяхъ, примиряютъ всѣ неудобства

въ отношеніяхъ высшаго класса къ этимъ властямъ и не даютъ пока недоумѣніямъ лежащимъ въ ихъ основаніи всплыть наружу. Предоставляемъ судить другимъ на сколько отношенія образованныхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и вообще всякаго рода крупныхъ людей къ крестьянскимъ властямъ могутъ быть благонадежны въ будущемъ и на сколько въ нихъ можетъ заключаться недоумѣній при дальнѣйшемъ развитіи нашего мѣстнаго управленія, когда помѣщики окончательно освободятся отъ временно-обязанныхъ крестьянъ; что касается до лицъ другихъ сословій (напримѣръ купцовъ) попадающихъ по своимъ дѣламъ подъ распоряженіе крестьянскихъ властей, то здѣсь уже были многія недоразумѣнія, ибо эти лица, даже находясь на территоріи волостныхъ старшинъ и въ дѣлахъ имъ подвѣдомыхъ, вообще не желаютъ подчиняться ихъ власти. У этихъ лицъ, съ одной стороны, гораздо менѣе чѣмъ у помѣщиковъ интереса въ такомъ подчиненіи, а съ другой стороны, крестьянскія власти вовсе не чувствуютъ себя расположенными имъ угождать; крестьяне всегда болѣе кичливы въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ высшимъ сословіямъ нежели къ помѣщикамъ, съ которыми ихъ сеорило только крѣпостное право. Приномнимъ одинъ случай, породившій запутанное дѣло, продолжающееся и до сихъ поръ; волостной старшина настигъ въ своихъ владѣніяхъ самовольную порубку лѣса со стороны одного лѣсопромышленника-купца, связалъ прикащика, засадилъ въ арестантскую, находящуюся въ его распоряженіи при волостномъ правленіи, предалъ его волостному суду и по приговору послѣдняго (большею частью весьма однообразному по всѣмъ дѣламъ) наказалъ прикащика розгами. Волостной старшина дѣйствовалъ здѣсь въ предѣлахъ своей власти, но купецъ затѣялъ дѣло, не признаетъ этихъ предѣловъ власти волостнаго старшины, да и дѣйствительно ихъ весьма не легко опредѣлить, а если и можно, то только по теоріи, которой полное примѣненіе еще въ будущемъ.

Въ сношеніяхъ съ должностными лицами и присут-

ственными мѣстами дѣло однако обходится не такъ легко, и тутъ пока происходятъ главныя недоразумѣнія. Бюрократическій міръ (мѣстный) непремѣнно желаетъ принять волостныя правленія въ свои братскія объятія, т.-е. смотритъ на нихъ какъ на *присутственныя мѣста*, тождественныя со всѣми прочими мѣстами губернскаго и уѣзднаго управленія. Съ волостными правленіями всѣ мѣстныя правительственныя учрежденія затѣяли переписку; случай усилить бумажное производство былъ такъ обольстителенъ для приказнаго люда, что нельзя было имъ не воспользоваться. Къ тому же волостныя правленія заключаютъ въ себѣ условія особенно выгодныя для бюрократическаго міра; это не только новыя инстанціи, съ которыми можно производить переписку по какому угодно дѣлу и переписку весьма обильную, ибо на каждое уѣздное присутственное мѣсто или должностное лицо приходится по нѣсколько волостныхъ правленій, а на губернскій городъ приходится ихъ можетъ быть до ста; но, сверхъ всего этого, волостныя правленія представляютъ одно особенное бюрократическое удобство, какого конечно не имѣетъ никакая другая инстанція: если враги бюрократіи и говорятъ, что на бумагѣ съ официальнымъ заголовкомъ можно писать что вздумается и что нѣтъ въ мірѣ дѣла, по которому нельзя было бы отписаться, то всякій знаетъ, что это шутка; относительно же переписки съ волостными правленіями это вовсе не шутка, а дѣйствительная истина.

Нѣтъ дѣла, по которому нельзя было бы снестись съ волостнымъ правленіемъ, и нѣтъ бумаги, которую бы нельзя было къ нему отправить; просидятъ волостной старшина и писарь сутки, разбирая одну страницу, присланную въ казенномъ конвертѣ, и никакъ не добравшись до того, чего отъ нихъ тутъ требуютъ (исправникъ, казначейство, уѣздный судъ и проч.), иной разъ просидятъ они двое сутокъ, не выходя изъ избы волостнаго правленія и не ложась спать, а все таки имъ и въ голову не придетъ подумать, что въ бумагѣ нѣтъ смысла;

напротивъ того, чѣмъ менѣе они понимаютъ бумагу, тѣмъ болѣе они убѣждаются въ своемъ собственномъ невѣжествѣ и въ необычайной мудрости бумаги, и волостной старшина только лишній разъ обругаетъ писаря, что онъ не смыслитъ своего дѣла, что онъ даромъ получаетъ деньги, проклянетъ лишній разъ свою должность, и наконецъ писарь, буквально не выпускаемый старшиной изъ избы до тѣхъ поръ пока чего-нибудь не напишетъ, дѣйствительно пишетъ отвѣтную бумагу. Можно себѣ представить, какая необыкновенная путаница изъ всего этого выходитъ. Безъ сомнѣнія, найдутся люди (и они дѣйствительно есть), которые способны придти въ восторгъ даже и отъ этого административнаго хаоса, видя въ немъ распространеніе цивилизующаго государственнаго начала. У волостныхъ правленій кромѣ посредниковъ пѣтъ начальства, всѣ бюрократическія инстанціи сносятся съ ними почти какъ равныя съ равными, въ формѣ такъ-называемыхъ отношеній, и вотъ могутъ сказать, какъ далеко мы шагнули, какой самостоятельности достигло наше крестьянство? Такъ можетъ представляться этотъ порядокъ съ крайней бюрократической точки зрѣнія, въ сущности же это лазейка для самаго зловреднаго приказнаго крючкотворства, для самыхъ произвольныхъ и беззаконныхъ распоряженій и даже для самыхъ опасныхъ въ народномъ быту недоразумѣній. Спрашивается, что можетъ противопоставить безграмотный и безпомощный волостной старшина этому напору всякихъ бумагъ и распоряженій, сыплющихся на него со всѣхъ сторонъ изъ бюрократическаго поднебесья? Единственное, что онъ можетъ противопоставить, это свое невѣжество: «я мужикъ, я ничего не понимаю, дѣлайте изъ меня что хотите, я сдѣлаю все, что вамъ угодно, только избавьте меня отъ вашихъ бумагъ, которыхъ я никакъ не могу взять въ толкъ» — таково болѣе или менѣе размышленіе волостнаго старшины посреди этой передряги. Кланяться въ поясъ и идти въ полонъ къ любому уѣздному подьячему или къ любой бюрократической власти, только чтобы

спастись отъ бумажной бѣды, таково политическое положеніе этой выборной народной власти посреди административнаго міра. Иначе и быть не могло. Все что я говорю не есть какой-нибудь плодъ моего воображенія, все это основано на фактахъ, бывшихъ у меня передъ глазами. Я уже разъ упоминалъ объ административномъ распоряженіи относительно открытія питейныхъ заведеній временно-обязанными крестьянами безъ согласія ихъ помѣщиковъ; это распоряженіе было именно сдѣлано чрезъ посредство волостныхъ правленій, которыя, какъ и слѣдовало ожидать, выказали въ этомъ дѣлѣ необыкновенное административное рвеніе и привели въ величайшее смущеніе помѣщиковъ. Недавно былъ другой болѣе замѣчательный случай смущенія, производимаго административною перепиской съ волостными правленіями. Случай этотъ произошелъ по поводу распоряженія о взысканіи съ помѣщиковъ податныхъ недоимокъ, накопившихся на имѣніяхъ до положенія 19-го марта 1861 года. Это распоряженіе, само по себѣ совершенно законное и простое, подверглось единственно чрезъ прямую переписку уѣзднаго казначейства съ волостными правленіями, получившими копіи съ циркуляра высшей инстанціи, такому перетолкованію, что крестьяне, уплативъ недоимки за помѣщиковъ, необязаны болѣе платить оброковъ; въ пяти имѣніяхъ крестьяне, вооружась копіей съ какой-то бумаги, которую они откуда-то добыли, конечно не даромъ, упорно отказывались отъ господскихъ повинностей, опираясь на объявленную имъ царскую волю. Этотъ случай, породившій весьма непріятное замѣшательство, отъ котораго безъ сомнѣнія потерпятъ болѣе всего, какъ и всегда бываетъ, сами же крестьяне, доказываетъ еще разъ какъ надо быть осмотрительнымъ съ этими бумажными административными распоряженіями, проникающими въ глубь народнаго быта и какія язвленія способна производить приказная переписка, пропущенная въ народную сердцевину; извѣстно, что крестьяне особеннымъ, непонятнымъ для грамотныхъ людей образомъ, относятся ко

всякому письму и бумагѣ. Недавно крестьяне. несмотря на самыя доброжелательныя внушенія и настоянія, продолжавшіяся около мѣсяца, отказались отъ подписанія,— чего бы вы думали? Общественнаго приговора о слушаніи заявленія посредника, что помѣщикъ представляетъ имѣніе къ выкупу, *съ процентомъ 20%*. Такъ какъ этотъ приговоръ требуется по буквѣ закона, то упорство крестьянъ въ дѣлѣ, во всѣхъ отношеніяхъ для нихъ выгодномъ, чуть-чуть не превратилось въ открытое сопротивленіе власти; крестьяне рѣшительно ничего не возражали, какъ только то, что они боятся подписывать какую бы то ни было бумагу. Видя этотъ самый искренній паническій страхъ, внушаемый крестьянамъ написанною бумагою, только потому, что она написанная и формальная бумага, невозможно было сколько-нибудь сердиться на этихъ людей; они безусловно убѣждены, что если есть какая-нибудь бумага, то это не къ добру, что всякая бумага — кабала. При такихъ понятіяхъ крестьянъ нужно ограничивать самою крайнею необходимостью письменное производство дѣлъ, до нихъ касающихся, усиливать же это производство, къ чему неминуемо можетъ привести дальнѣйшій ходъ дѣлъ въ волостныхъ правленіяхъ. не только напрасная трата силъ и денегъ, но даже источникъ печальныхъ затрудненій и замѣшательствъ для будущаго.

Сколько извѣстно, непосредственная переписка присутственныхъ мѣстъ съ волостными правленіями развилась преимущественно потому, что мировые посредники отказываются отъ производства этой переписки чрезъ нихъ. При нынѣшнихъ условіяхъ власти мировыхъ посредниковъ, которыхъ участіе въ мѣстной администраціи ограничено спеціально крестьянскимъ дѣломъ, весьма понятно, что они не хотятъ сдѣлаться пересылочнымъ мѣстомъ для безчисленнаго множества бумагъ, которыя не только измѣнить, но даже сократить они не имѣли бы никакого права; нежеланіе мировыхъ посредниковъ сдѣлаться новою и совершенно безсильною бюрократическою

инстанціей весьма естественно. Однако въ виду самыхъ важныхъ интересовъ, было бы, кажется, необходимо, прежде всякихъ преобразованій въ крестьянскомъ управленіи, нынѣ же безусловно воспретить какія бы то ни было письменныя оффиціальныя сношенія съ волостными правленіями, *помимо мировыхъ посредниковъ*. Можно сказать навѣрное, что при этомъ количество переписки тотчасъ, въ весьма значительной степени, сократится. Иначе, не только никаны въ волостныхъ правленіяхъ будутъ обваливаться отъ дѣлъ и потребуютъ для себя цѣлыхъ публичныхъ зданій и канцелярій, но что гораздо важнѣе, власть волостныхъ правленій, не ограниченная крестьянскимъ дѣломъ, подобно власти мировыхъ посредниковъ, *перерастетъ* послѣднюю, превратившись въ настоящую бюрократическую инстанцію. Безъ сомнѣнія, эта инстанція будетъ существовать только на бумагѣ, она будетъ мнимой, но тѣмъ тяжелѣе она заставитъ себя чувствовать: силой бюрократической инерціи, которая будетъ проникать въ волостныя правленія, пропорціонально устраненію мировыхъ посредниковъ или мировыхъ судей отъ административной власти, — крестьянское самоуправленіе превратится въ безсмысленную напыщенную фразу, въ которую будутъ драпироваться чиновники-прогрессисты, а подъ этою фразой будетъ дѣйствительно жить механизмъ, приводимый въ движеніе: сверху приказнымъ людомъ, а внизу волостнымъ писаремъ, или тѣмъ же чиновникомъ только безъ вицъ-мундира, для извлеченія всякихъ житейскихъ выгодъ, только всего менѣе выгодъ народныхъ. Нынѣ мировые посредники спасаютъ крестьянское самоуправленіе отъ этого дальнѣйшаго развитія, они водятъ самоуправленіе на помочахъ и во всякомъ случаѣ не даютъ его въ обиду.

Теперь спрашивается, какъ относятся къ крестьянскимъ учрежденіямъ сами крестьяне? въ какой степени они ими удовлетворены по своимъ понятіямъ? Я уже сказалъ, что крестьяне *недоумѣваютъ* надъ новыми учрежденіями: въ этомъ нѣтъ ничего преувеличеннаго и также

ничего удивительнаго. Новыя учрежденія, сколько я могъ убѣдиться, не вполнѣ или даже весьма мало соотвѣтствуютъ историческимъ, исконнымъ, задушевнымъ понятіямъ крестьянъ; между тѣмъ будущее правильное и желательное устройство мѣстнаго самоуправленія едва ли даже не лучше можетъ ужиться съ этими послѣдними понятіями крестьянъ, нежели съ ихъ новыми сословными учрежденіями. Не говоря уже о томъ, что географическіе размѣры волости слишкомъ велики и потому неудобны для сосредоточенія собственно крестьянскихъ или домашнихъ деревенскихъ дѣлъ, — крестьяне не совсѣмъ понимаютъ устройство и составъ волостнаго схода. Всего менѣе понимаютъ они, почему волостной сходъ, вопреки самымъ кореннымъ крестьянскимъ понятіямъ, — волостной сходъ, который не можетъ представляться крестьянамъ ничѣмъ инымъ какъ крестьянскою сходкой, — не заключаетъ въ себѣ всѣхъ безъ изъятія домохозяевъ, а только выборныхъ представителей сельскихъ обществъ, и въ томъ числѣ должностныхъ лицъ.

Волостной сходъ, сколько мы на него ни смотрѣли, и въ него ни вглядывались, есть нѣчто совершенно искусственное, внѣшнее, чуждое быту крестьянъ, точно также чуждое и быту всѣхъ прочихъ мѣстныхъ обывателей, которые въ немъ не принимаютъ участія; однимъ словомъ, волостной сходъ есть дѣло совершенно постороннее какъ для всего мѣстнаго, такъ и для крестьянскаго народонаселенія. Кажется, нѣтъ надобности доказывать, какъ вреденъ можетъ оказаться административный порядокъ сколько фальши онъ можетъ внести въ народную жизнь, когда въ его основаніе положенъ искусственный союзъ людей или сочиненная община, каковыми являются волостные сходы; сельская *община* есть конечно краеугольный камень всего государственнаго зданія, но лишь община натуральная, живая, самородная, а не поддѣланная, — живая какъ напримѣръ крестьянскій міръ въ каждомъ селеніи или даже приходъ, въ которомъ всѣ прихожане издавна привыкли считать себя за одно цѣлое.

Волостные сходы собираются въ нашей мѣстности весьма рѣдко, напримѣръ не болѣе одного раза въ годъ. Болѣе частыя созванія волостнаго схода были бы при нынѣшнихъ пространствахъ волостей чрезвычайнымъ отягощеніемъ для крестьянъ. Сверхъ того, положеніе крестьянъ, которые принуждены сами собою, безъ всякаго участія образованныхъ и грамотныхъ людей, обсуждать на волостномъ сходѣ дѣла и вопросы, выходящіе изъ тѣснаго круга собственно крестьянскихъ понятій и быта, — положеніе ихъ дѣлается безпомощнымъ и жалкимъ. Такъ недавно были мы свидѣтелями учета на волостномъ сходѣ сборовъ и расходовъ по волости; по настоятельному желанію крестьянъ мы не могли отказать имъ въ этомъ случаѣ, въ нашемъ содѣйствіи; иначе имъ пришлось бы прибѣгнуть въ содѣйствію писаря или старшины, т.-е. тѣхъ самыхъ людей, которыхъ требовалось учесть. Мировой посредникъ, обревизовавъ накануѣ дѣла и счеты волостнаго правленія и убѣдившись въ совершенной ихъ исправности, не хотѣлъ, несмотря на громкія, единодушныя, чуть-чуть не слезныя, просьбы крестьянъ произвести учетъ вмѣсто нихъ; онъ говорилъ крестьянамъ, что онъ не въ правѣ это дѣлать, что они должны привыкать жить своимъ умомъ, а они отвѣчали ему «а намъ за *вами*, батюшка, жить было бы легче, мы люди простые, этихъ дѣловъ не смыслимъ», и едва ли крестьяне не были правы. Учетъ волостныхъ доходовъ и расходовъ дѣло не совсѣмъ простое, для крестьянъ же — это лѣсъ темный; тутъ возникаетъ много вопросовъ столь тонкихъ и щекотливыхъ, что надъ ними и не крестьянамъ пришлось бы поломать голову. Такъ напримѣръ и мы стали втупикъ, когда клали на счеты разные накладные расходы, встрѣчающіеся при каждой статьѣ взноса податей въ казну и дипломатически обозначенные волостнымъ писаремъ въ книгахъ, подъ общимъ наименованіемъ *секретныхъ расходовъ*. Волостной старшина отзывается, что безъ этихъ секретныхъ расходовъ онъ рѣшительно обойтись не можетъ; что же тутъ могутъ сдѣлать крестьяне?

Если можетъ кто помочь этому дѣлу, такъ развѣ мировой посредникъ, который и обѣщалъ похлопотать, но и онъ едва ли успѣетъ при нынѣшнихъ отношеніяхъ мировой власти къ администраціи. Или, напримѣръ, статьи расхода на выписку какихъ-то *журналовъ;* крестьяне выпучили глаза при слушаніи этой статьи, ибо журналовъ, получаемыхъ волостнымъ правленіемъ, никто изъ нихъ не видалъ, да и не про нихъ они писаны; писарь объяснилъ, что журналы эти выписаны по предложенію бывшаго посредника. Само собою разумѣется, что крестьяне ничего не посмѣли на это замѣтить и намъ пришлось имъ объяснить, что выписка журналовъ для волостныхъ правленій, на что весьма охочи нѣкоторыя журнальныя редакціи, вовсе не обязательна. Или, наконецъ, даже по вопросамъ подобнымъ тому: слѣдуетъ ли покупать для волостнаго правленія стеариновыя свѣчи или только сальныя, нужны ли стальныя перья или гусиныя, двадцать бутылокъ чернилъ или десять и проч., крестьяне отказываются имѣть сужденіе. Мы спрашиваемъ: какая надобность оставлять народъ въ этомъ безпомощномъ положеніи, какая надобность воспитывать въ немъ понятія объ административныхъ и канцелярскихъ дрязгахъ, когда у него есть совершенно иные интересы и занятія, какая наконецъ надобность, чтобы трудовыя крестьянскія деньги находились въ распоряженіи или людей безграмотныхъ или людей живущихъ и промышляющихъ на счетъ безграмотства другихъ, и были подчинены контролю людей неспособныхъ и даже вовсе нерасположенныхъ заниматься контролемъ?

Волостной судъ также не соотвѣтствуетъ понятіямъ крестьянъ. Это не есть ихъ обычный мірской судъ, который вершитъ дѣла вслѣдствіе полюбовнаго на то соглашенія сторонъ и при томъ *безусловно* по совѣсти, т.-е., по понятіямъ о собственности и нравственности исторически сложившимся не только въ каждой мѣстности, но даже въ каждой деревнѣ. Волостной судъ есть *формальный* и потому уже не крестьянскій, судъ безпре-

станно возбуждающій своими приговорами неудовольствіе крестьянъ и ставящій въ затрудненіе мировыхъ посредниковъ. Крестьяне недовольны, что они не могутъ судиться по своимъ дѣламъ у людей образованныхъ, которыхъ справедливости они положительно довѣряютъ, гораздо болѣе нежели своимъ собратьямъ. Когда крестьяне не поладили между собою и ищутъ суда внѣ своего міра, то они желаютъ чтобъ ихъ разсудилъ кто-либо иной, а не мужикъ. Поэтому крестьяне всячески стремятся, чтобъ ихъ судилъ не волостной судъ, а посредникъ. Мировые посредники ежечасно поставлены въ замѣнительство приговорами волостныхъ судовъ вслѣдствіе ихъ формальной незаконности; такъ напримѣръ не легко было отучить волостные суды приговаривать къ тѣлесному наказанію женщинъ. Какъ только приговоры волостныхъ судовъ соприкасаются съ какими-нибудь положительными узаконеніями, такъ начинается путаница. 15 томовъ нашихъ узаконеній неѣдомы не однимъ только людямъ засѣдающимъ на волостной судейской скамьѣ, а невѣдомы многимъ иныхъ судьямъ. Приговоры волостныхъ судовъ вообще весьма суровы и жестки; человѣколюбіе заставляетъ мировыхъ посредниковъ смягчать ихъ предварительными частными наставленіями судьямъ или волостному старшинѣ. И въ волостныхъ судахъ дѣло не можетъ обойтись безъ писаря, этого всесильнаго спасителя нашего крестьянскаго самоуправленія. Однимъ словомъ, *крестьянскаго* въ волостныхъ судахъ только то, что въ нихъ судятъ *крестьяне;* форма и условія суда, характеръ дѣлъ (по большей части) и отношеній ко всей окружающей административной и юридической средѣ вовсе не *крестьянскіе,* въ спеціальномъ смыслѣ этого слова, а такіе же какъ и во всякой иной судебной инстанціи. Спрашивается: какая необходимость для благоустроеннаго государства, чтобы въ немъ непремѣнно были судьями *крестьяне?* кажется для должности судьи требуются въ благоустроенномъ государствѣ многія условія, какихъ нѣтъ и никогда не можетъ быть въ крестьянинѣ.

Намъ остается сказать, какія понятія связываютъ крестьяне съ нынѣшнею своею высшею выборною властью, т.-е. съ волостнымъ старшиною. Сдѣлавшись агентомъ или просто разсыльнымъ мироваго посредника и строгимъ блюстителемъ выполненія господскихъ повинностей, чѣмъ волостной старшина не могъ не сдѣлаться, онъ пересталъ быть своимъ человѣкомъ для крестьянъ. Мы не можемъ лучше выразить понятія крестьянъ о волостномъ старшинѣ какъ ихъ собственными словами: они постоянно говорятъ ему на всѣ его вразумленія, что онъ не такой же мужикъ какъ они, что «онъ человѣкъ съ *подъломъ*», т.-е. подосланный. Здѣсь въ этихъ подлинныхъ крестьянскихъ словахъ, удивительнымъ образомъ сливается инстинктивное сознаніе крестьянъ что волостной старшина чиновникъ, т.-е. человѣкъ исполняющій волю и говорящій словами *начальства* его. Итакъ, волостной старшина не есть собственно власть крестьянская и видѣть въ немъ типъ крестьянскаго самоуправленія было бы весьма легкомысленно. Волостной старшина ищущій спасенія отъ своихъ административныхъ заботъ въ любомъ писарѣ или подъячемъ, готовый сдѣлаться орудіемъ всякаго произвола, уже растлѣваемый служебнымъ тщеславіемъ и желаніемъ выслужиться, можетъ легче всего послужить орудіемъ къ превращенію крестьянскаго самоуправленія въ чисто приказное управленіе. Этимъ я и заключу настоящую главу, и безъ того слишкомъ длинную, предполагая поговорить еще впослѣдствіи о нашемъ самоуправленіи.

3.

Многіе увлекаются [1]) величавостію того, что обык-

---

[1]) Эта статья была напечатана въ то самое время какъ составлялись въ Петербургѣ проекты земскихъ учрежденій. Наши опасенія относительно неправильной постановки этихъ учрежденій въ мѣстномъ административномъ строѣ въ значительной степени оправдались: объ этомъ см. подробнѣе ниже въ статьѣ «Земскія учрежденія и самоуправленіе».

новѣнно называется, впрочемъ не безъ оттѣнка прозѣи, государственнымъ творчествомъ. Нерѣдко эти увлеченія основываются на пламенномъ желаніи общаго блага или на желаніи совершить великое дѣло. Но результаты почти никогда не отвѣчаютъ желаніямъ. Въ мірѣ политики, всего менѣе дозволено человѣку творить изъ ничего; иное созданіе выходитъ хуже ломки. Въ нормальныя эпохи рѣдко овладѣваетъ людьми страсть къ такому созданію, но въ эпохи усиленныхъ историческихъ движеній, въ эпохи такъ-называемыя переходныя, когда смутно бродятъ общественныя силы, выведшія изъ одной нормы сочетаній и ищущія другой, въ такія эпохи многими чувствуется потребность создать что-нибудь прочное, и эта потребность, ложно понятая, легко ведетъ къ попыткамъ сочинять учрежденія, втискивая въ нихъ податливый матеріалъ. Въ такія эпохи жизнь не внушаетъ къ себѣ довѣрія. Будущее покрыто мракомъ; настоящее растаталось. Но именно потому-то, преимущественно въ такія эпохи благоразуміе и предписываетъ воздержность, и пользуясь уроками прошедшаго, лишь помогать, какъ говорятъ медики, натурѣ, чтобъ она сама произвела спасительную реакцію. Врачъ руководствуется при лѣченіи познаніемъ причинъ болѣзни и знакомствомъ съ конституціей субъекта. Тѣмъ же самымъ можетъ и тѣмъ же самымъ долженъ руководствоваться политическій человѣкъ. Устранять причины неурядицы, завѣдомо дѣйствовавшія въ прошедшемъ, — причины, которыхъ устраненіе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть вредно, — и въ то же время заботливо слѣдить за жизнью, чтобы, ничего не создавая искусственно, давать полный просторъ всему согласному съ исторической конституціей общества: вотъ въ чемъ должна состоять задача мудраго политическаго дѣятеля въ такъ-называемыя эпохи броженія.

Эти мысли, безпрестанно навязывающіяся посреди нынѣшнихъ обстоятельствъ, невольно приходятъ въ голову по поводу одного изъ нашихъ государственныхъ вопросовъ, стоящаго теперь на очереди, именно вопроса о

преобразованіи нашего мѣстнаго управленія, губернскаго и уѣзднаго.

Наше общество высказываетъ на словахъ очень энергически свое стремленіе къ самоуправленію, въ противоположность бюрократіи и централизаціи, которыми отличается нынѣшняя администрація; это стремленіе образованныхъ классовъ находитъ отголосокъ въ преданіяхъ всего народа. Намѣренія правительства замѣтно склоняются къ той же цѣли; въ мировыхъ учрежденіяхъ сдѣлана первая попытка, и она имѣла такой успѣхъ, какого только можно было ожидать. Правительство само не разъ высказывало, что нашъ бюрократическій порядокъ и наша административная централизація доведены до крайности, и что оно не возлагаетъ болѣе своихъ упованій на силу инструкцій и циркуляровъ, поучающихъ чиновничество не заниматься лихоимствомъ и сокращать переписку. Итакъ дѣло, что называется, на ходу. Оно до такой степени на ходу, что иностранцы, посѣщающіе Россію, удивляются нашему единомыслію относительно этого вопроса, и все представляется имъ *couleur de rose*. Если бы между желаніемъ и исполненіемъ не было бездны, то и мы были бы готовы вторить ихъ лестнымъ о насъ отзывамъ. Но желать самоуправленія и умѣть пользоваться имъ — двѣ вещи разныя. Стремиться на словахъ къ самоуправленію — дѣло самое дешевое на свѣтѣ; осуществить его на дѣлѣ, для этого нужна готовность трудиться и жертвовать.

Такъ вы говорите противъ самоуправленія, вы не довѣряете жизни, скажутъ намъ! Ничуть не бывало. Самоуправленія мы желаемъ, но не придаемъ цѣны параднымъ фразамъ о самоуправленіи. Жизни мы довѣряемъ, но не довѣряемъ хвастливому подобію жизни, которое набрасывается на бумагѣ. По нашему мнѣнію, понятіе земства живо въ сознаніи народномъ; по нашему мнѣнію, оно не вовсе погибло и въ высшихъ классахъ, но оно загромождено множествомъ искусственныхъ наслоѣ-

дѣній и затѣмпено сословными перегородками. Это понятіе находится пока на степени не дѣятельной, скрытой силы, которая можетъ быть вызвана къ жизни, и подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ можетъ выступить изъ-подъ запоровъ, но отъ того, какъ она будетъ вызвана и какъ она выступитъ, зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ ея первыхъ приступовъ къ дѣлу. Вызовъ можетъ дать правильное и свободное теченіе потоку, который оплодотворитъ наши нивы; онъ можетъ также стѣснить его русло плотинами и забросать дно каменьями; онъ можетъ даже открыть такую ложбину для стока водъ, что онѣ въ нее совсѣмъ не потекутъ, а понесутся по другимъ путямъ, и разольются тамъ, гдѣ ихъ никто не ожидалъ.

Съ упраздненіемъ крѣпостнаго состоянія, взаимныя отношенія нашихъ сословій и отношенія сословій къ государству совершенно измѣнились; между различными слоями нашего общества очевидно возникаютъ новыя связи. Но пока не исчезли всѣ юридическія послѣдствія крѣпостнаго права, отношенія двухъ самыхъ многочисленныхъ группъ народонаселенія, помѣщиковъ и крестьянъ, не могутъ установиться удовлетворительно. Къ этому затрудненію присоединяется другое, — раздражительность мѣстныхъ и племенныхъ притязаній, — раздражительность, въ большей части случаевъ произведеніе искусственное, но тѣмъ не менѣе существующая. Все это внушаетъ опасенія; все это заставляетъ желать усиленія политической жизни въ цѣломъ на ряду съ усиленіемъ политической жизни въ частяхъ. Мѣстное самоуправленіе можетъ безвредно развиваться лишь подъ охраной, которую будутъ давать ему общія государственныя учрежденія, гдѣ голосъ сословныхъ интересовъ по необходимости долженъ высказываться примирительнѣе и гдѣ сильнѣе должны чувствоваться крѣпость государственнаго единства и всѣ выгоды, съ нимъ связанныя. Только при этомъ условіи мѣстное самоуправленіе не будетъ причиной для борьбы

между сословіями и для увлеченій разными фантазіями мѣстнаго патріотизма.

Мѣстное самоуправленіе, какъ фраза, исполнена привлекательности; какъ настоящее дѣло, самоуправленіе есть обязанность, и притомъ трудная обязанность. Для успѣшности его дѣйствій требуется много условій. Надобно, чтобы люди, которымъ оно предоставляется, были живо заинтересованы его результатами; надобно, чтобъ они были между собою въ довольно тѣсныхъ связяхъ, чтобы между ними установилась общность интересовъ и привычка къ взаимнымъ сношеніямъ. Законодательство не можетъ создать этихъ данныхъ; оно можетъ только пользоваться данными существующими. Въ каждой губерніи, вѣроятно, есть нѣсколько человѣкъ, способныхъ дѣйствовать сообща по нѣкоторымъ дѣламъ интересующимъ ихъ. Но возложите на нихъ другія дѣла, и они окажутся неспособными дѣйствовать, или поручите дѣло, которое они могли бы исполнить, другимъ лицамъ, принадлежащимъ тому или другому уѣзду, тому или другому городу болѣе чѣмъ цѣлой губерніи, и вы опять будете обмануты въ вашихъ ожиданіяхъ. Какія же средства избѣжать такой неудачи? Средство одно — воздержаться отъ регламентаціи. Намъ кажется, законодательство, допуская мѣстное самоуправленіе, какъ новый элементъ политической жизни, должно ограничиться самыми необходимыми опредѣленіями, полагая лишь общія, широкія основы, разрѣшая закономъ только немногіе учредительные вопросы. Дальнѣйшая судьба мѣстныхъ учрежденій должна быть предоставлена времени и жизни, которая сама будетъ требовать и вызывать новыя законодательныя опредѣленія.

Вопросы, предварительное разрѣшеніе которыхъ совершенно необходимо для реформы, по нашему мнѣнію слѣдующіе:

Вопервыхъ вопросъ о самомъ *представительствѣ* земства, которому участіе признается необходимымъ условіемъ новаго управленія. Здѣсь возбуждается прежде

всего вопросъ *о цензѣ*. Мы разумѣемъ этотъ вопросъ въ самомъ общемъ его смыслѣ, какъ опредѣленіе степени правъ каждаго мѣстнаго жителя на участіе въ управленіи (права быть избирателемъ, выборнымъ, должностнымъ лицомъ и т. д.). Главная и существенная здѣсь забота должна состоять въ томъ, чтобы первыя у насъ земскія собранія были собраніями представителей настоящаго земства, чтобы *законное* земство совпадало съ *дѣйствительнымъ* земствомъ, чтобы послѣднее не почуяло себя чуждымъ тому, что будетъ названо земствомъ по закону. Для этого цензъ долженъ быть какъ можно болѣе естественный, т. е., совпадать и съ мѣстными земскими интересами и съ способностью ихъ представлять.

Второй главный вопросъ, требующій разрѣшенія: какіе будутъ центры мѣстнаго самоуправленія, то-есть каково будетъ отношеніе губерніи къ уѣзду? Этотъ вопросъ не менѣе важенъ, чѣмъ вопросъ о цензѣ. Если отъ послѣдняго будетъ зависѣть примиреніе или взаимное раздраженіе сословій, то первымъ будетъ рѣшена дальнѣйшая судьба мѣстнаго самоуправленія. Не предупреждая рѣшенія, мы полагаемъ однакоже что есть обстоятельства, явно указывающія на правильный путь. Неудобства путей сообщенія, затруднительность частую ѣзду въ губернскій городъ, незначительность многихъ губернскихъ городовъ, обязанныхъ своимъ почетомъ лишь сосредоточенной въ нихъ администраціи, слишкомъ большая обширность нашихъ губерній, сравнительно съ испытанными на практикѣ группами мѣстнаго самоуправленія (англійскими и венгерскими графствами), наконецъ то обстоятельство, что жители уѣзда обыкновенно знаютъ другъ друга, тогда какъ между жителями губерніи до сихъ поръ было довольно мало общихъ интересовъ, все это возбуждаетъ надежды на большую успѣшность уѣзднаго, чѣмъ губернскаго самоуправленія. Къ тому же въ уѣздахъ уже учреждены мировые посредническіе съѣзды, которые могутъ быть съ этою цѣлію расширены. Въ нижней инстанціи нѣтъ ни малѣйшей необходимости заботливо разграни-

чивать судебную власть отъ исполнительной. Раздѣленіе властей имѣетъ смыслъ лишь вверху.

Третій главный вопросъ: Какія будутъ отношенія новой власти къ существующимъ? какое мѣсто должны занять новыя земскія или обновленныя земствомъ старыя учрежденія въ общей системѣ губернскаго и уѣзднаго управленія? Этотъ вопросъ еще важнѣе предшествовавшихъ для самоуправленія. Передъ нами два пути. Съ одной стороны, наши старинныя губернскія и уѣздныя учрежденія представляютъ много недостатковъ: мы можемъ постепенно устранять эти недостатки, и лучшимъ средствомъ къ тому служило бы постепенное ограниченіе круга дѣйствій этихъ учрежденій. Съ другой стороны, у насъ есть новыя мировыя учрежденія, принявшіяся сильно и уже служащія главнымъ обезпеченіемъ общественнаго спокойствія: сферу ихъ дѣятельности можно постепенно расширять, увеличивая въ то же время и личный составъ этой будущей мировой юстиціи. Таковъ одинъ путь. На другой путь мы вступимъ, если, увлекшись политическимъ творчествомъ, затѣемъ строить цѣлую систему совѣтовъ, собраній, коллегій, и дадимъ этой сложной системѣ имя самоуправленія, вовсе къ ней не относящееся. На этомъ пути могутъ ожидать насъ лишь неудачи и разочарованія. Все хорошо на своемъ мѣстѣ. Губернія и уѣздъ не мѣсто для произнесенія рѣчей. Заботы объ общемъ благѣ тутъ, какъ извѣстно легко переходятъ въ интриги, да въ потребленіе кулебякъ. Къ тому же губернскія собранія, въ родѣ французскихъ conseils généraux, вовсе не могутъ считаться органами самоуправленія. Мы не отрицаемъ, впрочемъ что такимъ собраніямъ можетъ быть съ нѣкоторою пользою придавъ характеръ учрежденій *контролирующихся* и *направляющихъ* дѣйствія администраціи. Безъ самостоятельныхъ учрежденій этого рода, органы власти и должностныя лица легко получаютъ бюрократическій характеръ, хотя бы всѣ они были назначаемы по выбору земства: важность такихъ учрежденій особенно ощутительна, когда

надъ администраціей нѣтъ судебнаго контроля. Сверхъ того, земскимъ органамъ губерніи безъ всякаго сомнѣнія должно принадлежать право совѣщанія и заявленія о мѣстныхъ нуждахъ. Но, съ другой стороны, значеніе этихъ губернскихъ собраній должно быть ограничено: по отношенію къ государству — совершеннымъ изъятіемъ изъ ихъ власти всего того, что имѣетъ чисто законодательный характеръ (исполнять законы и ходатайствовать объ измѣненіи законовъ, вотъ все что можетъ быть предоставлено этимъ собраніямъ, а никакъ не постановлять что-либо подходящее подъ категорію законодательныхъ распоряженій); по отношенію къ уѣзду — передачей уѣздному самоуправленію всего того, что только можетъ быть поручено уѣздной власти и преимущественно мировымъ учрежденіямъ, безъ ущерба для интересовъ губерніи. Не надобно забывать, что вся сила самоуправленія — въ мировыхъ учрежденіяхъ.

Наконецъ, четвертый вопросъ: будетъ ли заключаться реформа въ образованіи совершенно новыхъ учрежденій или въ преобразованіи существующихъ, то-есть пріобщеніи послѣднимъ новаго элемента — *земскаго*? Этотъ вопросъ въ нашихъ глазахъ совершенно зависитъ отъ того или другаго разрѣшенія предыдущихъ вопросовъ. Вообще говоря, созданіе новыхъ учрежденій не можетъ быть желательно, когда сколько-нибудь возможно удовлетворительное преобразованіе старыхъ. Та роль въ губернскомъ управленіи, о которой мы говорили по поводу третьяго вопроса, всего ближе относилась бы къ нашимъ губернскимъ правленіямъ (съ присовокупленіемъ къ нимъ строительныхъ и дорожныхъ коммиссій, комитета продовольственнаго, приказа общественнаго призрѣнія, комитета земскихъ повинностей и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій). Превращеніе губернскихъ правленій въ земскія учрежденія казалось бы самымъ естественнымъ и простымъ шагомъ къ реформѣ. Съ этимъ шагомъ необходимо должны были бы измѣниться внѣшнія отноше-

нія губернскихъ правленій къ начальникамъ губерній; съ тѣмъ вмѣстѣ измѣнилось бы и положеніе послѣднихъ посреди мѣстнаго народонаселенія. Но самое коренное преобразованіе во всей системѣ управленія, — то преобразованіе, которое одно могло бы дать тонъ и направленіе всѣмъ послѣдующимъ мѣрамъ, — заключалось бы въ возможно полной эмансипаціи уѣзда отъ губерніи.

VIII.

1865.

МИРОВАЯ СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ [1]).

Изъ всѣхъ великихъ дѣлъ царствованія, Императора Александра II судебная реформа наиболѣе способна ко-

---

[1]) Эта статья, написанная вслѣдъ за вступленіемъ въ дѣйствіе судебныхъ установъ 20 ноября 1861 г., была напечатана въ Русскомъ Вѣстникѣ въ 1865 г. Ожиданія автора относительно упроченія мироваго судебнаго института, какъ главнаго центра тяжести всей системы нашего самоуправленія *въ уѣздахъ*, не осуществились; главный пунктъ этихъ ожиданій состоялъ въ привлеченіи мировымъ судьямъ распорядительной или административной власти (между прочимъ всей компетенціи мировыхъ посредниковъ). Необходимость расширенія въ этомъ направленіи мироваго судебнаго института чувствуется теперь, болѣе и болѣе, всѣми, знакомыми съ практическою жизнію въ нашихъ уѣздахъ и не расположенными жертвовать ея интересами отвлеченной доктринѣ, къ тому же весьма спорной. Нынѣ кажется этотъ вопросъ встрѣчаетъ менѣе противъ себя упорства со стороны нашихъ юристовъ-доктринеровъ, и можно ожидать что онъ будетъ возбужденъ при будущей реформѣ мѣстныхъ учрежденій. Ограниченіе мироваго института чисто судебною властью, несостоятельною для охраны земскаго мира, было причиною тому, что онъ имѣетъ мало значенія въ нашей уѣздной жизни. Такая причина удалила отъ него много хорошихъ мѣстныхъ силъ, а это обстоятельство еще болѣе умалило его значеніе. Сверхъ того процедура нашихъ мировыхъ судей заразилась общимъ крайнимъ формализмомъ нашихъ новыхъ судовъ, который въ мировой инстанціи особенно вреденъ. Наконецъ, еще очень важная больная сторона этого учрежденія, которой мы касаемся въ нижеслѣдующей статьѣ и которая имѣетъ особенный современный интересъ,—это разъединеніе съ мировою судебною властью полицейскихъ властей. Оно возросло съ тѣхъ поръ, какъ написана эта статья, вопреки самымъ естественнымъ ожиданіямъ. Если невозможно полное подчиненіе полиціи мировой судебной власти (*въ уѣздахъ*), то необходимо какое нибудь соединеніе ихъ въ одномъ организмѣ власти.

реннымъ образомъ измѣнить условія нашего народнаго и государственнаго быта; какъ ни рѣзительны и глубоки были государственныя преобразованія предшествовавшія судебной реформѣ, ей однако принадлежитъ самый обширный кругъ дѣйствія на всѣ наши общественныя отношенія, частныя и оффиціальныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ на понятія всѣхъ классовъ народонаселенія. Такое всеобщее значеніе судебной реформы несомнѣнно для всякаго, кто знаетъ въ какой степени не было у насъ до сихъ поръ, въ дѣйствительности, судебной власти и въ какой степени совершеніе реформы ставитъ дѣйствительность на мѣсто призрака, именовавшагося судебною властію. Реформа вноситъ въ народную жизнь *право* какъ живой, дѣйствительный фактъ на мѣсто права, существовавшаго лишь какъ мертвая буква закона, какъ смутное понятіе, не исчезавшее, конечно, никогда изъ вѣрованій и чаяній народа, но носившееся въ облакахъ, надъ его головами, какъ нѣчто неуловимое, несозидаемое, никогда не воплощавшееся въ настоящее, практическое дѣло и потому не подлежавшее никакому положительному разчету. Отнынѣ право переходитъ у насъ изъ области вѣрованій въ область дѣла, изъ невѣдомаго идеальнаго начала, — существованія котораго, какъ идеи, никто не отрицалъ, но и въ неудобопримѣнимости котораго въ практической жизни никто также не сомнѣвался, — превращается въ элементъ разчета, пригодный для всякаго практическаго предпріятія, ибо отнынѣ возникаетъ у насъ сила способная осуществить эту идею, дать ей во что бы то ни стало жизнь, не взирая ни на какія могущества и интересы въ государствѣ, чуждые праву и иногда готовые поработить право. На мѣсто судебной сферы, подчиненной единству всѣхъ этихъ интересовъ, на которые всякому приходилось гораздо болѣе разсчитывать, чѣмъ на свое право, ставится сфера, обязанная въ осуществленіи права руководствоваться только сознаніемъ права и достаточно вооруженная, чтобъ оградить отправленіе правосудія отъ всякаго на него пося-

гательства. Громадность нравственныхъ и практическихъ послѣдствій такого переворота очевидна: онъ способенъ перевоспитать мало-по-малу всѣ слои нашего общества.

Поэтому, независимо отъ спеціальной и ближайшей сферы своего дѣйствія, независимо отъ всякихъ юридическихъ и судебно-техническихъ вопросовъ, судебная реформа, въ силу своего всеобщаго нравственнаго значенія, порождаетъ безчисленное множество общихъ вопросовъ, одинаково любопытныхъ и близкихъ какъ для юристовъ, такъ и для неюристовъ. Такимъ всеобщимъ значеніемъ, затрогивающимъ всѣ интересы жизни, въ особенности отличается въ судебной реформѣ мировая юстиція. Изъ всѣхъ проявленій новой судебной власти, мировая наиболѣе глубоко захватываетъ ежедневныя отправленія народнаго быта и наиболѣе способна могущественно и быстро дѣйствовать на измѣненіе понятій въ нашемъ обществѣ. Значительная часть народонаселенія можетъ никогда не имѣть дѣла до общихъ судовъ и только косвенно, мало-по-малу, ощутить на себѣ ихъ дѣйствіе; безъ какого-нибудь прямаго прикосновенія къ мировой судебной власти едва ли кому-нибудь придется обойтись. Если судебная реформа вноситъ къ намъ дѣйствительное живое право на мѣсто призрака права, то мировая власть вноситъ право въ такую сферу отношеній нашего общества, гдѣ не существовало даже и призрака права, даже и понятія о возможности права. Чтобъ убѣдиться какъ мало въ этихъ словахъ преувеличенія, надо видѣть изумленіе людей, которые въ своемъ самоуправствѣ должны подчиниться приговорамъ мировыхъ судей; надо видѣть то изумленіе,— *изумленіе*, — подавляющее своею силой даже всякое раздраженіе, съ которымъ выслушиваютъ эти приговоры господа, прогнавшіе отъ себя служителей, не выдавъ имъ жалованья за полгода службы, только потому что служители имъ не понравились, рабочіе, самовольно ушедшіе съ работъ, до срока найма, вопреки письменному контракту, только потому что цѣны на работу поднялись, пьяницы, никогда не слыхавшіе, чтобы

нельзя было валяться или ругаться на улицахъ, мужья, не имѣвшіе никакого понятія, что нельзя избивать до полусмерти своихъ женъ, барынь ускакавшій на тройкѣ, даже не оглянувшись на ребенка раздавленнаго имъ на дорогѣ, и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ необходимы были прежде всего неимовѣрныя усилія, чтобы люди всѣхъ званій и состояній поняли, что они вызваны къ мировому суду не для шутки, и что приговоръ его можетъ быть приведенъ въ исполненіе. Это истинный переворотъ въ умахъ, и къ тому еще чрезвычайно быстро совершающійся послѣ двухъ-трехъ приговоровъ, энергически приведенныхъ въ исполненіе, посреди людей, пораженныхъ изумленіемъ, не вѣрящихъ своимъ глазамъ, чтобы покровительство оказанное ими неправнику не освобождало ихъ отъ обязанности платить жалованье слугамъ, или чтобы дружественныя попойки съ засѣдателемъ полицейскаго управленія не давали имъ права быть не только рабочихъ, но и самихъ полицейскихъ служителей. Изумленіе однако быстро смѣняется другими чувствами, и толпы народа валятъ къ мировымъ судьямъ; выѣзжаютъ на свѣтъ Божій изъ всѣхъ темныхъ закоулковъ и щелей такія дѣла, которыя на памяти людской никогда иначе не рѣшались какъ кулачнымъ правомъ, а въ самомъ лучшемъ случаѣ терпѣніемъ и забвеніемъ.

Подъ впечатлѣніемъ такого переворота, готоваго или, лучше, могущаго, совершиться подъ дѣйствіемъ мировой юстиціи, мы рѣшаемся высказать нѣсколько мыслей и наблюденій, почерпнутыхъ изъ кратковременной (двухмѣсячной) нашей дѣятельности въ должности участковаго мироваго судьи (по одному изъ уѣздовъ московской губерніи). Наши замѣтки будутъ относиться преимущественно къ нѣкоторымъ общимъ вопросамъ, связаннымъ съ мировою властію, и притомъ преимущественно въ уѣздахъ. На это послѣднее обстоятельство мы обращаемъ особенное вниманіе, такъ какъ мировой судебный институтъ имѣетъ въ уѣздахъ совершенно иное значеніе чѣмъ въ большихъ городахъ и столицахъ, и должетъ, по на-

шему убѣжденію, получить въ будущемъ и по закону иной характеръ, какъ уже получилъ его нынѣ въ дѣйствительности. Въ уѣздахъ, мировая власть въ особенности способна произвести глубокій переворотъ въ условіяхъ нашего быта, какой она уже обнаруживаетъ и въ столицахъ, откуда до сихъ поръ исключительно сообщаются по этому предмету всѣ печатныя извѣстія.

1.

Законодательство наше по отношенію къ мировой власти отличается образцовымъ въ своемъ родѣ совершенствомъ; не только въ теоретическомъ, но даже и въ чисто практическомъ отношеніи, оно обработано съ такою точностью, послѣдовательностью и тщательностью, что не возбуждаетъ, при практическомъ своемъ примѣненіи, почти никакихъ сомнѣній и недоумѣній. Кажущіяся съ перваго раза и возникавшія въ нѣкоторыхъ случаяхъ недоразумѣнія и противорѣчія въ законѣ исчезаютъ при внимательномъ его изученіи. Таковъ, по крайней мѣрѣ, общій результатъ нашего собственнаго опыта, насколько мы успѣли ознакомиться съ закономъ, котораго впрочемъ почти каждую строку намъ пришлось неоднократно приводить въ исполненіе. Можно, въ связи съ потребностями нашего быта и съ устройствомъ другихъ нашихъ властей, оспаривать многія начала, виды и цѣли, положенныя законодателемъ въ основаніе мирового института, но то, что предполагалось въ немъ сдѣлать, сдѣлано съ рѣдкою у насъ послѣдовательностью, обдуманностью и строгостью системы до самыхъ мелкихъ подробностей. Опредѣлительность и точность этого закона не разъ напоминали намъ о законодательствѣ по земскимъ учрежденіямъ, далеко не отличающемся этими достоинствами и возбуждающемъ на практикѣ кучу вопросовъ и недоумѣній. Наше новое судебное законодательство во всей своей совокупности, каковы бы ни были его техни-

ческіе недостатки, о которыхъ мы не призваны судить, есть законодательный и вмѣстѣ съ тѣмъ умственный памятникъ, долженствующій служить въ отдаленномъ потомствѣ величайшею честью нашего времени. Посреди многихъ печальныхъ движеній нашей исторической эпохи, посреди заблужденій и увлеченій, по необходимости связанныхъ съ ея переходнымъ характеромъ, мы можемъ съ гордостью указывать на этотъ законодательный актъ. Его достоинства, могущія свидѣтельствовать въ пользу цѣлой исторической эпохи, въ особенности выпуклы въ комментаріяхъ къ судебнымъ уставамъ, изданныхъ государственнымъ совѣтомъ; чтеніе этого изданія чрезвычайно успокоительно дѣйствуетъ на умъ, встревоженный разными нравственными и умственными явленіями, сопровождающими современное броженіе нашего общества. Когда подъ впечатлѣніемъ, съ одной стороны, отважныхъ и крикливыхъ, хотя и немногочисленныхъ, голосовъ, подвергающихъ вопросу самыя несомнѣнныя основы общежитія, съ другой — какъ будто мертвой и безпредѣльной пустыни, гдѣ иногда господствуютъ эти немногіе голоса, — со страхомъ и недоумѣніемъ осматриваешься и ищешь болѣе отрадныхъ симптомовъ времени, тогда съ особеннымъ наслажденіемъ останавливаешься на произведеніяхъ современной законодательной дѣятельности, подобныхъ новымъ судебнымъ уставамъ. Снѣимъ, впрочемъ, оговориться, что уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, составляетъ нѣкоторое исключеніе изъ сказаннаго нами о судебныхъ уставахъ. Въ обработкѣ его участвовала какъ будто другая рука, гораздо менѣе опытная и осмотрительная. Ниже будутъ сдѣланы нѣкоторыя замѣтки относительно устава о наказаніяхъ

Введеніе мироваго судебнаго института едва ли не составляетъ, по своимъ ближайшимъ послѣдствіямъ, самаго знаменательнаго явленія во всей судебной реформѣ, хотя несомнѣнно, что и мировая власть не разомъ и не безусловно можетъ обнаружить все то благотворное дѣи-

ствіе на народный бытъ, къ которому она способна. Успѣхъ будетъ зависѣть какъ отъ дѣятельности самихъ лицъ, облеченныхъ мировою властію, такъ и отъ окружающихъ ихъ условій, и между прочимъ отъ устраненія множества обстоятельствъ, неблагопріятныхъ для развитія мирового института и не вполнѣ зависящихъ отъ воли самихъ мировыхъ судей. Мировая юстиція вступаетъ въ нашъ бытъ, когда онъ еще преисполненъ интересами ей враждебными. Одни изъ этихъ интересовъ, каковы всѣ интересы возросшіе на почвѣ самоуправства, безправія, невѣжества и распущенности нравовъ, по самой натурѣ своей, враждебны мировой власти, въ которой они не могутъ не видѣть конечной для себя гибели. Борьба съ этими интересами не можетъ внушать уныній мировымъ дѣятелямъ; торжество надъ всѣми нравственными элементами быта, враждебными правосудію и законности, вполнѣ зависитъ отъ ихъ доброй воли. Добросовѣстное, неуклонное выполненіе своего долга, до нельзя безпощадное въ отношеніи ко всякой злонамѣренной враждѣ противъ законности, и по возможности снисходительное въ отношеніи къ предразсудкамъ и невѣжеству, должно рано или поздно ослить старый порядокъ вещей, укрѣпившійся на самоуправствѣ. Желательно только, чтобы въ эту борьбу мировые дѣятели вносили какъ можно менѣе горячихъ порывовъ, хотя бы и самыхъ благородныхъ, и какъ можно болѣе сдержанной, настойчивой энергіи, ни на минуту не упывающей и не ослабѣвающей. Гораздо важнѣе другаго рода неблагопріятныя для мирового института обстоятельства, истекающія изъ нѣкоторыхъ не вполнѣ нормальныхъ отношеній его къ прочимъ мѣстнымъ властямъ; эти отношенія въ особенности возникаютъ изъ устройства многихъ частей мѣстной службы, не соотвѣтствующаго характеру мировой юстиціи и вовсе къ ней не приспособленнаго. Съ этой стороны, могутъ развиться около мировой юстиціи интересы искуственно ей враждебные; такъ напримѣръ, самые законные естественные интересы полиціи, по охране-

нію матерьяльнаго порядка и предупрежденію преступленій, могутъ. вслѣдствіе недоразумѣній въ отношеніяхъ полицейскихъ властей къ мировой власти, получить искусственно-враждебное расположеніе къ послѣдней: своевременное устраненіе подобной безплодной борьбы мироваго института съ затрудненіями, обусловленными не столько силой вещей, сколько искусственно установленнымъ или лучше недостаточно установленнымъ порядкомъ, въ высшей степени необходимо. Нѣтъ сомнѣнія, что и здѣсь многое зависитъ отъ доброй воли самихъ мировыхъ дѣятелей, ибо множество еще не разрѣшенныхъ закономъ вопросовъ и множество еще не установленныхъ отношеній мировой юстиціи къ прочимъ частямъ мѣстной власти разрѣшатся и установятся самою жизнію, которая во многихъ случаяхъ упредитъ законъ и послужитъ нормой для его опредѣленій. Отъ личности первыхъ носителей всякой новой власти зависитъ многое, почти все въ ея будущихъ судьбахъ; дѣятельность нынѣшнихъ мировыхъ судей и ихъ образъ мыслей будутъ имѣть вліяніе даже на измѣненіе тѣхъ неблагопріятныхъ для мировой юстиціи обстоятельствъ, которыми находится нынѣ какъ будто внѣ круга ихъ дѣйствія и правъ. Съ одной стороны, смотря по большему или меньшему уваженію, которое пріобрѣтутъ мировые судьи въ общественномъ мнѣніи, будутъ, рано или поздно, опредѣлены и многія отношенія къ нимъ прочихъ частей государственнаго строя, опредѣлены въ пользу большаго или меньшаго развитія мироваго института. Съ другой стороны, успѣхи этого развитія будутъ и помимо закона зависѣть отъ воззрѣнія самихъ мировыхъ судей, а эти воззрѣнія — отъ ихъ болѣе или менѣе сознательныхъ отношеній къ своему дѣлу. Все нами высказанное клонится къ мысли о необходимости изученія условій дѣятельности мировыхъ судей въ разныхъ мѣстностяхъ, гласнаго обсужденія образа ихъ дѣйствія и возможно большаго возбужденія какъ въ публикѣ, такъ и въ средѣ самихъ мировыхъ дѣятелей интереса къ общимъ вопросамъ, связаннымъ съ мировою юсти-

ціей. Отъ тѣхъ или другихъ образовавшихся въ обществѣ понятій по этимъ вопросамъ будетъ несомнѣнно зависѣть само будущее направленіе мировой власти. Закономъ о мировомъ судѣ брошены только первыя сѣмена учрежденія, которое, смотря по обстоятельствамъ, можетъ получить въ будущемъ различныя формы. Все это преимущественно относится къ мировой власти въ уѣздахъ. Въ нашихъ замѣткахъ мы обращаемъ особенное вниманіе именно на тѣ общіе вопросы, которые въ будущемъ могутъ подвергнуться тѣмъ или другимъ толкованіямъ и на которые наголкнули насъ не только общія понятія о мировомъ институтѣ, но и опытъ и факты.

2.

Первый и господствующій надъ всѣмъ остальнымъ вопросомъ, есть, конечно, вопросъ *объ объемѣ и предѣлахъ* власти мировыхъ судей. Какъ ни точно, просто и ясно разрѣшенъ этотъ вопросъ закономъ, мы убѣждены, что въ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ въ подробностяхъ, онъ разрѣшается весьма разнообразно и что въ будущемъ предѣлы мировой власти могутъ въ разныхъ направленіяхъ значительно измѣниться. Главный здѣсь камень преткновенія *безусловно судебный характеръ*, приданный закономъ мировому институту, и безусловное лишеніе его всякихъ правъ административной или распорядительной власти. Вопросъ о томъ, необходимо ли раздѣленіе судебной и административной власти въ низшихъ инстанціяхъ, былъ уже не разъ возбуждаемъ въ печати и заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, особеннаго вниманія. Самая идея о такомъ раздѣленіи въ кругу мелкихъ дѣлъ обыденной жизни, вызывающихъ вмѣшательство власти, можетъ быть оспариваема; въ практикѣ же мировой власти, по крайней мѣрѣ въ уѣздахъ, раздѣленіе это рѣшительно неосуществимо. Большею частію невозможно даже опредѣлить специальный характеръ тои

власти, отъ которой народная жизнь ждетъ охраны въ ея ежедневныхъ столкновеніяхъ и недоразумѣніяхъ относительно права и нарушеній законнаго порядка. Можно ли, напримѣръ, даже по самой идеѣ, въ наказаніи налагаемомъ за мелкій проступокъ, за разныя укоренившіяся въ народѣ, единственно вслѣдствіе безпечности власти, дурныя привычки, — сами по себѣ не преступныя, но порождающія преступленія, — уловить отличіе судебнаго элемента наказанія, какъ кары или возмездія, отъ элементовъ собственно административныхъ и полицейскихъ, — предупрежденія, устраненія, вразумленія или, наконецъ, охраненія порядка посредствомъ матерьяльнаго удаленія нарушителей. Все это перемѣшивается въ наказаніи и расправѣ по мелкимъ проступкамъ: лицомъ къ лицу съ этими проступками, почти немыслимъ судья съ безусловно судебнымъ характеромъ. Онъ долженъ быть для подсудимыхъ людей и происшествій въ одно и то же время судьей, распорядительною и полицейскою властью, нравственнымъ и умственнымъ авторитетомъ и т. д., то-есть, руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ видами, цѣлями и интересами, свойственными каждой изъ этихъ ролей. Точно также и въ мелкихъ ежедневныхъ спорахъ о правахъ собственности и владѣнія, судья имѣетъ дѣло не столько съ гражданскою тяжбой въ собственномъ смыслѣ, требующею судебнаго приговора, съ недоумѣніями насчетъ законности права, сколько съ матерьяльными покушеніями насчетъ чужой собственности: послѣдній большею частію даже господствуетъ надъ элементомъ судебнымъ или собственно тяжебнымъ (процессуальнымъ) и вызываетъ со стороны судьи, независимо отъ приговора, необходимость административныхъ, полицейскихъ, хозяйственныхъ и т. п. мѣръ къ охраненію собственности, къ матерьяльному возстановленію нарушеннаго владѣнія, къ предупрежденію самаго нарушенія, иногда же, и очень часто, вызываютъ только разъясненія законности и предѣловъ права. Потому полное раздѣленіе властей, на самыхъ низшихъ степеняхъ публичной власти съ особенности посреди сель-

скихъ населеній), и не существуетъ, сколько намъ извѣстно, ни въ одномъ государствѣ. Раздѣленіе власти, подобно великому экономическому началу раздѣленія труда, требуетъ для своего осуществленія нѣкоторыхъ условій, безъ которыхъ, при всей справедливости и необходимости его какъ общаго начала, оно можетъ сдѣлаться въ данномъ случаѣ неосуществимымъ или нелѣпымъ. Подобно раздѣленію труда, и раздѣленіе власти возможно между прочимъ при извѣстномъ только количествѣ, съ одной стороны, производящихъ капиталовъ, съ другой стороны, сбыта; когда нѣтъ, напримѣръ, въ небольшомъ городкѣ такого количества коммерческихъ капиталовъ, чтобы каждый могъ заниматься только одною спеціальною отраслью торговли, и когда нѣтъ достаточнаго числа покупателей, чтобы занять коммерческія руки продажей одного рода товаровъ, тогда каждая изъ лавокъ въ этомъ городкѣ торгуетъ всѣми безъ изъятія товарами, нужными для жизни, и купецъ, который вздумалъ бы продавать только кожу или сало, вскорѣ бы обанкрутился. Нѣчто подобное, кажется намъ, происходитъ и на низшихъ степеняхъ власти, тамъ гдѣ она находится въ непосредственномъ соприкосновеніи съ жизнію. Съ одной стороны, для плодотворной дѣятельности власти, раздѣленной по спеціальнымъ отраслямъ, потребовалась бы гораздо болѣе обширная и болѣе энергическая организація каждой власти, нежели какъ это есть на низшихъ ея степеняхъ, въ особенности въ нашемъ уѣздномъ управленіи; съ другой стороны, потребовался бы болѣе обширный спросъ на спеціальныя проявленія власти, то-есть, болѣе крупныя дѣла, болѣе крупные процессы и проступки, которые могли бы дать достаточно пищи для спеціальныхъ отправленій судебной власти и которыя въ дѣйствительности составляютъ самый ничтожный процентъ въ сравненіи съ огромнымъ количествомъ мелкихъ дѣлъ [1]). Да-

---

[1]) Такъ, несмотря на то, что мировымъ судьямъ предоставлено разрѣшать гражданскія дѣла до 500 р., споры превышающіе 100 р. состав-

лѣе, соединеніе въ однихъ и тѣхъ же лицахъ разныхъ проявленій публичной власти на низшихъ ступеняхъ государственной іерархіи нисколько не исключаетъ раздѣленія властей на высшихъ ступеняхъ, и главное, нисколько не можетъ ослабить самостоятельности и независимости судебной власти въ государствѣ. Мы видимъ это въ Англіи, гдѣ всѣ отрасли мѣстной власти сосредоточены въ рукахъ мировыхъ судей и гдѣ, конечно, судебная власть пользуется самостоятельностью болѣе нежели въ какой бы то ни было странѣ. Великое начало раздѣленія властей въ государствѣ требуетъ только, чтобы судебная власть, въ высшихъ своихъ проявленіяхъ, была сосредоточена въ органахъ вполнѣ независимыхъ отъ администраціи и непосредственно подчиненныхъ верховной власти, и только верховной власти; при существованіи такой власти, каждая личность въ государствѣ обезпечена въ своей законной свободѣ отъ притязаній администраціи и отъ давленія всякихъ измѣнчивыхъ политическихъ настроеній самаго общества. Мѣстные представители власти въ своихъ судебныхъ дѣйствіяхъ могутъ тяготѣть къ судебной власти, также какъ по всѣмъ инымъ отраслямъ своей дѣятельности они могутъ относиться къ другимъ высшимъ правительственнымъ инстанціямъ. Дѣлаемое между прочимъ возраженіе о неудобствѣ подчиненія мировыхъ судей разнымъ вѣдомствамъ изобличаетъ намѣренное непризнаніе начала самоуправленія, органы котораго, ради присущей имъ *личной независимости*, составляющей главную характеристическую черту системы самоуправленія въ отличіе отъ бюрократической или приказной, именно не должны быть звеньями никакой чиновничьей іерархіи, а должны быть подчинены, вмѣсто циркуляровъ и инструкцій центральныхъ представителей

лютъ (по нашимъ, по крайней мѣрѣ, наблюденіямъ) рѣдкое исключеніе а число превышающихъ 50 р. ничтожно въ сравненіи со спорами меньшими этой цифры. Точно также преступленія, наказываемыя тюрьмою заключеніемъ и штрафами свыше 50 р., составляютъ рѣдкое исключеніе въ сравненіи съ огромнымъ количествомъ мелкихъ проступковъ.

государственной власти, только закону и суду. Эта безусловно личная (то-есть своимъ лицомъ) отвѣтственность передъ судомъ и закономъ за всѣ свои дѣйствія и безусловная независимость отъ всякихъ внушеній правительственныхъ властей и составляютъ самую неотъемлемую принадлежность органовъ *самоуправленія*. Такой характеръ имѣютъ они въ государствѣ обще съ представителями судебной власти; и вотъ почему такъ правильно сосредоточеніе мѣстнаго самоуправленія въ лицѣ судей, называемыхъ мировыми. Пусть въ ихъ дѣятельности господствуетъ *по преимуществу* судебный характеръ; это можетъ дать самый лучшій тонъ всему мѣстному управленію, которое чѣмъ ближе держится прямаго смысла закона, чѣмъ болѣе подчинено судебному контролю и чѣмъ болѣе разобщено съ движеніемъ политическихъ страстей и видовъ, какъ въ высшихъ государственныхъ сферахъ, такъ и въ общественныхъ политическихъ кругахъ, тѣмъ лучше. Во всякой странѣ, а въ особенности у насъ въ Россіи (за исключеніемъ развѣ окраинныхъ ея областей), для мѣстныхъ представителей власти можетъ быть столько дѣла, по удовлетворенію самыхъ насущныхъ потребностей жизни, и безъ всякой политики, что судебный характеръ мѣстнаго управленія,—характеръ сдерживающій и охранительный по преимуществу, и потому по натурѣ своей нѣсколько медлительный и невосприимчивый для быстрыхъ административныхъ усовершенствованій,—не можетъ парализовать мѣстной административной дѣятельности; законность въ дѣйствіяхъ власти и полное удовлетвореніе самымъ первоначальнымъ условіямъ гражданскаго благоустройства и благочинія составляютъ у насъ господствующую надъ всѣмъ потребность. Эту простую задачу вполнѣ можетъ разрѣшить административная власть съ оттѣнкомъ судебнымъ.

Въ дѣйствительности мировые судьи уже и теперь не дѣйствуютъ только какъ судьи и безпрестанно выходятъ за предѣлы чисто судебной власти; можно даже сказать (по крайней мѣрѣ въ уѣздахъ), что количество ихъ не

судебныхъ дѣйствій, такихъ, на которыя законъ или вовсе ихъ не уполномочиваетъ или только косвенно даетъ имъ право, значительнѣе чѣмъ количество чисто-судебныхъ дѣйствій, прямо возложенныхъ на нихъ буквой закона. Иначе и быть не можетъ, если мировой судья не совершенно равнодушенъ къ своему дѣлу и къ окружающей его жизни, если онъ не только судья, но и человѣкъ, и къ тому еще *мѣстный*, свой человѣкъ. Приходитъ къ мировому судьѣ женщина съ жалобой на дурное обращеніе мужа. Не говоря уже о томъ, что эта женщина вовсе не желаетъ, чтобы мужъ ея былъ подвергнутъ наказанію, а желаетъ только, чтобъ его *унялн*, самому мировому судьѣ прежде всего нужно распорядиться, чтобъ оказаны были какія нибудь медицинскія пособія избитой, безпомощной женщинѣ, чтобъ у ея мужа, приведеннаго жалобой жены еще въ бо́льшую ярость, была до судебнаго разбирательства отнята возможность продолжать свои насилія, чтобы наконецъ обиженная женщина была безотлагательно защищена. Само судебное разбирательство, вслѣдствіе нашихъ разстояній, вызова свидѣтелей, накопленія дѣлъ и пр., наконецъ вслѣдствіе необходимости предварительнаго успокоенія страстей, должно быть отложено иногда на нѣсколько дней; между тѣмъ мужъ по роду преступленія не можетъ быть отданъ судьей подъ стражу до суда, даже если онъ нанесъ самыя тяжкіе побои, ибо въ этомъ послѣднемъ случаѣ мировой судья или разбираетъ дѣло въ видахъ примиренія, или же передаетъ его судебному слѣдователю. Во взятомъ нами примѣрѣ мировому судьѣ и приходится, если онъ не рѣшается остаться при своемъ безусловно-судебномъ характерѣ, или передать дѣло для всѣхъ упомянутыхъ распоряженій подлежащимъ полицейскимъ и административнымъ властямъ (большею частію даже различнымъ и находящимся въ разныхъ мѣстахъ), или распорядиться самому, отчасти посредствомъ своихъ частныхъ отношеній къ разнымъ властямъ, отчасти собственными своими средствами. Первое, при необходимости безотлагательныхъ распоряженій

и медленности официальнаго движенія всякаго у насъ дѣла, оказывается почти всегда невозможнымъ, да, собственно говоря, такія официальныя сношенія вовсе и не предоставлены закономъ мировому судьѣ. Остается сдѣлать второе, то-есть отправить женщину на свои счетъ въ больницу, или оставить у себя для излѣченія, *просить* знакомыхъ полицейскихъ и административныхъ лицъ наблюсти за обидчикомъ, и т. д. Мы могли бы привести безчисленное множество примѣровъ, до очевидности доказывающихъ, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ нашего быта и нынѣшней организаціи всѣхъ нашихъ властей, мировой судья, вслѣдствіе ограниченія его правъ предѣлами чисто-судебной власти, бываетъ часто обреченъ на совершенное безсиліе въ удовлетвореніи самыхъ вопіющихъ потребностей окружающаго его общества. Не занимаясь разборомъ всѣхъ этихъ примѣровъ, укажемъ на нѣкоторые, составляющіе наиболѣе обыкновенные роды случаевъ. Неправное содержаніе путей сообщенія есть, безъ сомнѣнія, одна изъ наиболѣе сознаваемыхъ нами потребностей, какъ общихъ государственныхъ, такъ и мѣстныхъ; въ ожиданіи сооруженія государственными и земскими способами искусственныхъ путей, — шоссейныхъ и желѣзныхъ, — уже одно только поддержаніе и своевременное исправленіе существующихъ дорогъ, — и въ томъ числѣ въ особенности мѣстныхъ уѣздныхъ, коммерческихъ и проселочныхъ трактовъ, и просто сельскихъ дорогъ (отъ одной деревни до другой), а также переправъ всякаго рода, было бы величайшимъ благомъ для современной Россіи. Мировые судьи имѣютъ по закону право налагать штрафы на *виновныхъ* въ неисправности дорогъ *частныхъ лицъ* и обывателей (ст. 69 уст. о нак.) и сверхъ того имѣютъ право, налагая эти штрафы, заставить виновныхъ сдѣлать лежащія на нихъ исправленія по общему смыслу закона (ст. 26 уст. о нак.), по которому мировые судьи, независимо отъ наказанія, приговариваютъ за просушки, заключающіеся въ неисполненіи законовъ и законныхъ предписаній властей, къ испра-

лению сдѣланныхъ упущеній. Эти права относительно путей сообщеній составляютъ въ рукахъ мировыхъ судей, какъ мы убѣдились на опытѣ, великую силу для ихъ улучшенія; но пользоваться этою силой для дѣйствительнаго улучшенія дорогъ, а не для одного только легкаго собиранія денежныхъ штрафовъ, и съ соблюденіемъ не одной только формальной, но и внутренней справедливости, весьма трудно, если мировые судьи остаются строго въ предѣлахъ своей судебной власти, и не рѣшаются, ради общаго блага и очевидныхъ практическихъ условій дѣла, косвенно нарушить предѣлы этой власти. Въ дѣлѣ исправнаго содержанія нашихъ путей сообщенія, подчиненныхъ безчисленному множеству вѣдомствъ, шестаціи и должностныхъ лицъ, господствуетъ величайшая неурядица, въ которой оказываются наиболѣе виновными не люди, обязанные такъ или иначе исправлять и ремонтировать сообщенія, а должностныя лица (государственныя и общественныя) обязанныя за этимъ наблюдать и распоряжаться. Согласно съ духомъ судебной власти, законъ (ст. 69 уст. о наказ.) дозволяетъ мировымъ судьямъ налагать взысканія за неисправленіе дорогъ лишь *послѣ напоминанія* нерадивымъ со стороны разныхъ административныхъ и полицейскихъ должностныхъ лицъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, если даже не всегда, такихъ напоминаній не бываетъ; и пути сообщеній, которые, — при неутомимомъ наблюденіи даже и нынѣ дѣйствующаго и узаконеннаго порядка и при нынѣшнихъ жертвахъ на нихъ казны, земства и частныхъ лицъ, — могли бы быть значительно лучше, чрезвычайно страдаютъ, какъ отъ корыстныхъ злоупотребленій, такъ и отъ бездѣйствія и нерадѣнія должностныхъ лицъ. Заставить обязанныхъ къ тому должностныхъ лицъ дѣлать напоминанія объ исправленіи дорогъ мировые судьи не могутъ, такъ какъ дѣйствія и проступки *по должности* даже такихъ должностныхъ лицъ какъ низшіе полицейскіе чины, волостные старшины и сельскіе старосты безусловно изъяты изъ подсудности имъ. Сверхъ того, при наконившихся испо-

конъ вѣка злоупотребленіяхъ, при всеобщемъ нерадѣніи о путяхъ сообщенія, при неурядицѣ, сдѣлавшейся сильнѣе закона, и между прочимъ при нынѣшнемъ переходномъ состояніи земскаго хозяйства, очень трудно добраться, кто собственно долженъ наблюдать за дорогами (преимущественно мѣстными), дѣлать напоминанія, и кому долженъ онъ ихъ дѣлать. Въ окончательномъ результатѣ, ближайшею задачей въ этомъ дѣлѣ представляется не столько наложеніе наказанія, сколько изслѣдованіе установленнаго законами порядка содержанія дороги и наблюденія за нею и затѣмъ возстановленіе и сохраненіе этого порядка, что̀ по необходимости бываетъ сопряжено съ цѣлымъ рядомъ вовсе не судебныхъ дѣйствій. Эта задача, кажется намъ, разрѣшается весьма успѣшно, какъ мы убѣдились на опытѣ, даже безъ всякаго превышенія мировой власти, такимъ образомъ: въ силу данной ему власти (ст. 47 и 52 уст. угол. судопр.), мировой судья поручаетъ должностнымъ лицамъ, полицейскимъ и сельскимъ, изслѣдованіе обстоятельствъ, причинъ и виновныхъ въ замѣченной имъ неисправности дороги: при этомъ, самъ участвуя въ изслѣдованіи, онъ по необходимости, посредствомъ своихъ свѣдѣній, соображеній и указаній на законы, возстановляетъ согласный съ законами порядокъ исправленія дороги, а пока происходитъ это изслѣдованіе, дорога обыкновенно, безъ всякаго прямаго приказанія со стороны мироваго судьи, исправляется, такъ что съ окончаніемъ изслѣдованія не оказывается вовсе виновныхъ, или по крайней мѣрѣ оказываются виновные безъ всякаго намѣренія и потому не подлежащіе иному взысканію, кромѣ внушенія, выговора и т. п. Еще проще достигается цѣль, когда возможно предварительное частное соглашеніе между мировымъ судьей и должностнымъ административнымъ лицомъ: одинъ систематически дѣлаетъ напоминанія, а другой систематически взыскиваетъ за неисполненіе этихъ напоминаній. Такое дружное соглашеніе оказывается на практикѣ всего болѣе удобнымъ между мировымъ судьей и мировымъ посред-

никомъ, имѣющимъ нѣкоторыя права по наблюденію за сельскими дорогами. Такое соглашеніе сопровождается въ высшей степени благотворными послѣдствіями и по всѣмъ другимъ отраслямъ административной дѣятельности мировыхъ посредниковъ: разъединенная закономъ власть мировыхъ судей и мировыхъ посредниковъ можетъ быть соединяема *къ совокупному дѣйствію*, только посредствомъ дружныхъ усилій тѣхъ и другихъ, какъ мы это видѣли на дѣлѣ.

Укажемъ еще на одну весьма обширную группу явленій, требующую также совокупной дѣятельности распорядительной и судебной власти. Мы говоримъ о всѣхъ нарушеніяхъ общественнаго порядка, собственности и нравственности, такъ или иначе связанныхъ съ пьянствомъ. Мы по опыту убѣдились, что не только множество проступковъ въ ежедневной народной жизни (во всѣхъ слояхъ уѣзднаго народонаселенія, даже въ чиновничествѣ), но даже огромное количество мелкихъ тяжбъ и споровъ о собственности возникаютъ и вращаются по преимуществу около питейныхъ заведеній. Въ этомъ мірѣ постоянно живетъ и безконечно плодится та нравственная зараза, которая порождаетъ, можетъ быть, девяносто пять процентовъ всѣхъ преступныхъ и безнравственныхъ дѣяній въ Россіи, отъ самыхъ мелкихъ до самыхъ крупныхъ. Въ этомъ мірѣ ежедневно воспитываются цѣлыя поколѣнія людей, начиная съ дѣтскаго возраста, въ томъ числѣ многочисленный классъ продавцевъ питей обоего пола, людей, дѣлающихся обыкновенно неспособными ни къ какому честному промыслу и ни къ какому благонравственному и порядочному образу жизни. Не станемъ распространяться объ этомъ предметѣ, о которомъ уже столько говорено и писано, но который, повидимому, все-таки оказывается недостаточно изслѣдованнымъ, чтобъ убѣдить тѣхъ, которые наивно разсуждаютъ объ уменьшеніи пьянства въ послѣднее время и о государственной необходимости этого источника государственныхъ доходовъ, на самомъ

дѣлъ уничтожающаго всѣ безъ изъятія источники государственнаго и народнаго богатства. Скажемъ только, что какъ ни широко представляли мы себѣ развитіе у насъ пьянства, лишь мировая практика могла выяснить намъ настоящее значеніе этого порока въ нашей народной жизни и хозяйствѣ. Достаточно сказать, что мы почти не видали буйства, драки и вообще насилія, которымъ бы не предшествовало опьяненіе. Самые тихіе и скромные въ трезвомъ видѣ люди совершаютъ неслыханныя безчинства *въ пьяни*. Почти всѣ семейные раздоры происходятъ отъ пьянства. Главный же вопросъ заключается здѣсь въ томъ, что пьянство, какъ источникъ всякаго рода преступныхъ дѣяній, существуетъ у насъ единственно благодаря тому покровительству, которымъ оно, сперва систематически, а нынѣ по рутинѣ и привычкѣ, пользуется со стороны публичныхъ властей. Не отъ стѣсненія свободы продажи и потребленія крѣпкихъ напитковъ, не отъ какихъ бы то ни было новыхъ регламентацій по этому промыслу, а единственно отъ преслѣдованія на основаніи существующихъ законовъ преступныхъ дѣйствій потребителей и продавцовъ крѣпкихъ напитковъ зависитъ обузданіе этого порока, обузданіе, которое, мы несомнѣнно въ томъ убѣждены, можетъ быть очень энергическое. Напримѣръ, какую крѣпкую узду налагаетъ на пьянство уже одно неукоснительное преслѣдованіе каждаго мертвецки-пьянаго на улицѣ, въ особенности когда при этомъ подвергается взысканію не только пьяный, но и содержатель кабака, отпустившій его отъ себя въ этомъ видѣ; или преслѣдованіе закладчиковъ вещей въ кабакахъ, или оштрафованіе каждаго заведенія за всякую въ немъ драку и т. д. Если обузданіе пьянства есть пресѣченіе важнѣйшаго источника преступныхъ дѣяній въ нашемъ отечествѣ, важнѣйшаго источника нравственной порчи великаго народа, если для этого достаточно точное выполненіе законовъ, то какое блистательное поприще открывается для мировой юстиціи! Но противъ пьянства должны быть направлены уси-

лія не одной только чисто судебной власти. Вопервыхъ, пьяный человѣкъ не можетъ быть судимъ, пока не отрезвится. Вотъ тутъ и возникаетъ важный вопросъ, на который намъ хотѣлось обратить особенное вниманіе, такъ какъ онъ имѣетъ огромное значеніе во всѣхъ отношеніяхъ судебной власти къ власти распорядительной и въ особенности къ полицейской. Это вопросъ о предварительномъ задержаніи подсудимыхъ, а также объ арестованіи ихъ до вступленія приговоровъ въ законную силу. Затрогиваемъ этотъ вопросъ по поводу пьянства лишь потому, что здѣсь всего рельефнѣе выражается его практическій смыслъ, такъ какъ съ задержанія пьянаго полиціей въ публичномъ мѣстѣ начинается обыкновенно передача его на мировое разбирательство.

Одна изъ величайшихъ заслугъ новыхъ судебныхъ уставовъ заключается въ подчиненіи законному порядку права задержанія и отдачи подъ стражу до суда, — права, которымъ у насъ пользовались, въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, не только публичныя власти, но даже и просто частные люди, въ силу своихъ могущественныхъ отношеній къ властямъ [1]). Одно изъ самыхъ возвышенныхъ началъ, положенныхъ въ основаніе судебныхъ уставовъ, это то значеніе, которое они придаютъ свободѣ личности и ея ограниченію. Никогда прежде необходимость законныхъ гарантій для лишенія лица правъ гражданской свободы не высказывалась у насъ такъ рѣшительно, какъ въ этомъ законодательномъ актѣ. Мы видали на дѣлѣ, какія, напримѣръ, благотворныя

---

[1]) Съ тѣхъ поръ, какъ написаны были эти строки, сфера административнаго, неподлежащаго судебному контролю, ареста у насъ чрезвычайно расширилась. Высказанныя нами ниже опасенія, что «благія намѣренія» новыхъ судебныхъ уставовъ относительно огражденія «личнаго задержанія» судебными гарантіями могутъ обратиться «въ мертвую букву» и что понадобятся новые законодательные акты для «воскрешенія этихъ благихъ намѣреній» оправдались въ значительной степени. Надо думать, что по минованіи чрезвычайныхъ политическихъ обстоятельствъ, отчасти оправдывающихъ расширеніе сферы административнаго ареста, этотъ вопросъ станетъ у насъ на первую очередь (1881).

послѣдствія имѣетъ одно право мѣстнаго суды, возведенное даже въ обязанность (ст. 10 и 11 уст. угол. судопр.), немедленно освобождать каждаго неправильно лишеннаго свободы. Но желательно, чтобы *благія намѣренія* законодателя не превратились мало-по-малу (какъ это часто бываетъ, вслѣдствіе невозможности практическаго выполненія) *въ мертвую букву, которую потомъ придется воскрешать новыми законодательными актами.* Таковъ, между прочимъ, занимающій насъ случай арестованія пьяныхъ, предаваемыхъ мировому суду за публичныя безчинства. Здѣсь собственно два вопроса: о предварительномъ задержаніи полиціей и о немедленномъ арестованіи осужденныхъ послѣ постановленія приговора и до вступленія его въ законную силу. Тотъ и другой вопросъ выясняютъ практическую трудность узаконеннаго нынѣ безусловнаго разъединенія судебной и полицейской властей.

Что касается до права полицейскаго *предупредительнаго* задержанія людей, готовыхъ, какъ пьяные въ публичныхъ мѣстахъ, всякую минуту совершить проступокъ, подвергающій ихъ наказанію, или уже самымъ присутствіемъ своимъ нарушающихъ приличіе и порядокъ, то необходимость такого права, какъ вообще права предупрежденія и пресѣченія преступленій, не можетъ подлежать сомнѣнію, даже въ странахъ, пользующихся благами величайшей личной свободы. Очевидно однако, что это право полицейскихъ и административныхъ властей должно подлежать какому нибудь ограниченію и контролю, тѣмъ болѣе, что даже предварительное задержаніе людей судебною властью поставлено нынѣ въ такія тѣсныя и точно опредѣленныя границы. Какъ бы строго ни выполнялось правило о немедленной передачѣ въ распоряженіе судебной власти всякаго лица задержаннаго полиціей, это правило далеко не представляетъ достаточной гарантіи противъ произвольныхъ дѣйствій полицейскихъ властей, къ числу которыхъ могутъ принадлежать въ этомъ случаѣ и

низшіе полицейскіе чины. Съ другой стороны, не должно забывать, что всякій приговоръ мироваго судьи. хотя бы подвергающій арестованію на одинъ день, вступаетъ въ законную силу, то есть можетъ быть исполненъ, никакъ не ранѣе сутокъ послѣ его постановленія и объявленія подсудимому, и сверхъ того кассаціонная жалоба, допускаемая по каждому приговору мироваго судьи, какъ бы ни было ничтожно присужденное наказаніе, можетъ пріостановить его исполненіе на цѣлый мѣсяцъ (мировые съѣзды бываютъ обыкновенно разъ въ мѣсяцъ), а кассаціонная жалоба на рѣшеніе мироваго съѣзда, въ случаѣ утвержденія обжалованнаго приговора мироваго судьи, можетъ пріостановить наказаніе на нѣсколько мѣсяцевъ. Мы говоримъ только о приговорахъ, не выходящихъ за предѣлы трехдневнаго ареста и 15 р. штрафа. въ прежнее время безконтрольно налагавшихся полицейскими чинами; а всякій арестъ, превышающій трое сутокъ (чего ныиѣ далеко недостаточно для обузданія пьянства и безчинствъ), можетъ быть пріостановленъ апелляціонною жалобой. Такія жалобы будутъ несомнѣнно съ каждымъ днемъ возрастать, когда развьется изъ остающихся за штатомъ судейскихъ чиновниковъ,—естественныхъ враговъ мировой юстиціи и всей судебной реформы,—классъ повѣренныхъ и лбдниковъ, для которыхъ апелляціонныя и кассаціонныя жалобы и хожденія по нимъ представляютъ самымъ легкимъ и естественнымъ способомъ прокормленія и вмѣстѣ съ тѣмъ борьбы съ мировою юстиціей. Представимъ же, что вслѣдствіе кассаціонной или апелляціонной жалобы приговоръ приводится въ исполненіе черезъ мѣсяцъ, или даже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его произнесенія. Въ этотъ срокъ изъ памяти подсудимаго конечно изгладится всякая нравственная и матеріальная связь между проступкомъ и наказаніемъ, да онъ легко можетъ успѣть (такого именно рода разсматриваемая категорія проступковъ и подсудимыхъ) нѣсколько разъ послѣ того провиниться. Сверхъ того не забудемъ, что

одно заявленіе неудовольствія на приговоръ (подлежащій апелляціи), безъ подачи жалобы, можетъ пріостановить всякое взысканіе на двѣ недѣли. Неудобства, и совершенно непреодолимыя неудобства, этой процедуры, слишкомъ очевидны, а между тѣмъ всякое отклоненіе отъ нея есть положительное нарушеніе законнаго порядка. Мы хорошо знаемъ, что въ практикѣ едва ли не всѣхъ безъ изъятія мировыхъ судей, въ томъ числѣ и столичныхъ, безпрестанно отсылаются люди подъ арестъ прямо изъ камеры, и вообще окончательные и даже неокончательные приговоры къ мелкимъ наказаніямъ (въ томъ числѣ и къ денежнымъ штрафамъ) немедленно приводятся въ исполненіе. Къ этому мировые судьи бываютъ вынуждены самыми неумолимыми практическими условіями жизни, ибо не только краткій арестъ, но даже ничтожный денежный штрафъ имѣетъ совсѣмъ иную силу, когда подсудимый подвергается ему тотчасъ послѣ проступка или по истеченіи нѣкотораго времени [1]). Но всякій приговоръ приведенный въ исполненіе ранѣе 24-хъ часовъ есть несомнѣнное *беззаконіе* [2]). А если гдѣ беззаконіе, могущее быстро войти въ привычку, наименѣе терпимо, то это конечно въ судебномъ, да еще къ тому же новомъ дѣлѣ. Между тѣмъ описанная нами процедура не есть какая-нибудь случайность или могущая измѣниться подробность, или недосмотръ въ узаконеніяхъ о мировомъ институтѣ; она составляетъ самую необходимую его принадлежность, какъ судебнаго института, и истекаетъ изъ самыхъ неизбѣжныхъ гарантій суда. Законодатель не могъ поступить иначе, если было принято начало безусловнаго отдѣленія отъ мироваго института всякой не-

[1]) Немедленные денежные штрафы съ пьяницъ, когда они (въ рѣдкихъ случаяхъ) возможны, весьма благодѣтельны, отнимая возможность продолжать пьянство до послѣдней копѣйки.

[2]) Иногіе судьи думаютъ, что можно обойти это беззаконіе, получивъ тотчасъ послѣ приговора *заявленіе удовольствія*, но принятіе такого заявленія само по себѣ беззаконно и противорѣчитъ сущности правосудія.

судебной власти. Процедура эта, до крайности усложняющаяся и просто невыполнимая въ уѣздной мировой практикѣ, дѣйствующей (не надо этого забывать) *при безусловномъ отсутствіи всякой полицейской власти*, можетъ измѣниться лишь съ придачей мировымъ судьямъ нѣкоторыхъ полицейскихъ правъ, *по пресѣченію и предупрежденію* преступленій и вообще по охраненію *земскаго мира*, къ чему, казалось бы, ближе всего призваны мировые суды въ уѣздахъ. Въ противномъ случаѣ, съ преобразованіемъ полицейскаго устава и вообще законовъ по предупрежденію и пресѣченію преступленій, — преобразованіемъ нынѣ самымъ настоятельнымъ послѣ судебной реформы, къ которой еще не приложены полицейскіе порядки, — пришлось бы вооружить полицейскія власти, по крайней мѣрѣ въ уѣздахъ, такими правами, пользованіе которыми разомъ уничтожило бы большую часть благъ ожидаемыхъ отъ мировой юстиціи. Неужели было бы лучше предоставить большіе власти безотвѣтственнымъ полицейскимъ чиновникамъ и даже низшимъ полицейскимъ служителямъ, нежели мировымъ судьямъ, ни одинъ шагъ которыхъ не можетъ укрыться отъ контроля суда, общественнаго мнѣнія и всѣхъ заинтересованныхъ лицъ? Одно изъ великихъ благъ, даруемыхъ мировою юстиціей, и одна изъ самыхъ благородныхъ и либеральныхъ чертъ новаго судебнаго законодательства заключаются именно въ безусловномъ отнятіи у безконтрольной и бюрократически устроенной полицейской власти всякаго права судебной расправы, взысканія и наказанія. Это право, въ области дѣлъ, всюду въ Европѣ предоставленныхъ такъ-называемой судебно-полицейской расправѣ и едва ли даже совмѣстимыхъ съ условіями чисто-судебной расправы, можетъ, къ сожалѣнію, возвратиться къ полиціи, когда всѣ интересы тяжебные мировой власти возбудятъ кучу практическихъ затрудненій и вопросовъ, нынѣ не возбуждаемыхъ отчасти вслѣдствіе незнакомства съ дѣломъ, отчасти вслѣдствіе популярности, которою на первыхъ порахъ окру-

жеть мировой институтъ. Но популярность эта можетъ пройти, какъ и все на свѣтѣ проходитъ.

Возвратимся къ вопросу о пьянствѣ. Мы сказали уже, что одинъ изъ главнѣйшихъ корней, питающихъ неомѣрное развитіе пьянства, скрытъ въ злоупотребленіяхъ торговли крѣпкими напитками. Преслѣдованіе преступныхъ дѣяній въ питейныхъ домахъ и въ средѣ питейныхъ промышленниковъ едва ли не цѣлесообразнѣе, чѣмъ преслѣдованіе проступковъ пьяныхъ людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, первое можетъ быть во всѣхъ отношеніяхъ и энергичнѣе и безпощаднѣе втораго. Но здѣсь мировые судьи, чтобы дѣйствовать съ успѣхомъ, не могутъ довольствоваться получаемыми отъ полиціи сообщеніями о злоупотребленіяхъ въ питейныхъ заведеніяхъ. Практика установила въ этого рода заведеніяхъ самый беззаконный порядокъ, полный хитростныхъ и намѣренно ложныхъ истолкованій существующихъ правилъ; этотъ порядокъ до сихъ поръ поддерживается множествомъ интересовъ и можетъ быть сокрушенъ лишь систематическимъ преслѣдованіемъ со стороны мировыхъ судей. Въ этомъ преслѣдованіи мировые судьи должны возвратить существующимъ законамъ утраченный ими прямой смыслъ (такъ напримѣръ должны быть пресѣчены допускаемая расшивочная продажа вмѣсто продажи на вынось, разгаръ пьянства въ кабакахъ вблизи собора во время литургіи, подъ тѣмъ предлогомъ что соборъ не приходская церковь, и вообще истолкованіе запрещенія торговать расшивочно во время литургіи лишь временемъ службы въ приходѣ содержателя питейнаго дома, допущеніе въ кабаки во всю ночь съ задняго хода и т. д.). Для того чтобы достигнуть своей цѣли, мировые судьи должны какъ собственными личными дѣйствіями, такъ и содѣйствіемъ полиціи, подвергнуть питейныя заведенія непрерывному надзору. Но такая дѣятельность, хотя бы она и прикрывалась законнымъ предлогомъ розысканія по замѣченнымъ проступкамъ, походитъ гораздо болѣе на административную, чѣмъ на судебную. Вмѣстѣ съ тѣмъ

замѣтимъ, что эта дѣятельность требуетъ не только искренняго содѣйствія мировымъ судьямъ со стороны всѣхъ полицейскихъ чиновъ, но и просто подчиненія ихъ дѣйствій руководству, указаніямъ и даже надзору мировыхъ судей. Такъ оно и происходитъ въ дѣйствительности во множествѣ случаевъ, когда полиція производитъ первоначальныя дознанія и розысканія по порученіямъ мироваго судьи. Судьѣ подана жалоба на покражу лошади, съ просьбой преданія суду человѣка, угнавшаго лошадь или скрывшагося на ней безъ вѣсти. Судья поручаетъ полиціи отыскать вора, и по необходимости, до отысканія, наблюдаетъ за дѣйствіями полиціи и помогаетъ ей Такъ ежечасно перемѣшивается въ нашей уѣздной жизни судебная власть съ полицейскою и административною, и разлучить ихъ нельзя никоимъ образомъ. Если же мѣстныя полицейскія и административныя власти захотятъ видѣть въ каждомъ подобномъ дѣйствіи мироваго судьи посягательство на ихъ власть и захотятъ во что бы то ни стало провести въ жизнь узаконенное разъединеніе административной власти съ судебною, то тутъ возродится самый печальный антагонизмъ властей, который рано или поздно придется устранить или значительнымъ стѣсненіемъ благодѣтельнаго вліянія мироваго института, или освященіемъ силой закона того, что установится жизнію.

Еще одинъ послѣдній примѣръ неосуществимости чисто судебнаго характера мировой власти, уже въ нѣсколько иной, не полицейской области. Такъ-называемое возстановленіе нарушеннаго владѣнія, до рѣшенія въ общихъ судахъ или другими властями самого вопроса о правѣ собственности на недвижимыя имущества, составляетъ одну изъ важныхъ отраслей дѣятельности мировыхъ судей въ уѣздахъ; самовольныя пользованія сѣнокосами, выгонами, настбищами случаются на каждомъ шагу въ нашемъ сельскомъ быту Тутъ большею частію судебный приговоръ о неприкосновенности правъ владѣльца и о взысканіи съ нарушителя, до рѣшенія са-

мого вопроса о правѣ собственности, не достигать цѣли; необходимо (въ особенности при неполной собственности крестьянъ на казенныя и помѣщичьи земли, при разныхъ сложныхъ условіяхъ этого права, при общинномъ пользованіи и передѣлахъ, еще болѣе сложныхъ), необходимо разслѣдованіе всѣхъ хозяйственныхъ обстоятельствъ спорящихъ сторонъ и спорнаго имущества и наконецъ окончаніе спора мировою сдѣлкою, сообразенною гораздо болѣе съ этими хозяйственными обстоятельствами чѣмъ съ юридическими основаніями спора. Большая часть дѣйствій мироваго суда въ этихъ случаяхъ вовсе не имѣетъ судебнаго характера, какъ напримѣръ подобовный раздѣлъ спорнаго покоса на одно лѣто: такой раздѣлъ долженъ быть обусловленъ насущными нуждами текущаго дня гораздо болѣе чѣмъ правомъ. Знаніе и опредѣленіе этихъ нуждъ бываетъ важнѣе чѣмъ опредѣленіе существующаго владѣнія, которое иногда, напримѣръ у государственныхъ крестьянъ, запутано до нельзя. Такимъ образомъ мировому судьѣ, съ помощью мировыхъ посредниковъ или сельскихъ властей, приходится дѣйствовать въ качествѣ административной власти и вмѣстѣ съ тѣмъ, по необходимости, принимать мѣры къ охраненію приговора отъ матеріальнаго нарушенія или по крайней мѣрѣ вразумлять и устранять нетовипующихся наказаніемъ.

Съ какой бы стороны, мы ни посмотрѣли на дѣятельность уѣздныхъ мировыхъ судей, не трудно убѣдиться, что имъ не возможно будетъ сохранить свой чисто-судебный характеръ, что вслѣдствіе самыхъ насущныхъ потребностей, удовлетворенія которыхъ напр. мѣстный бытъ ожидаетъ отъ публичной власти, они неминуемо будутъ втянуты въ кругъ дѣятельности другихъ, не судебныхъ властей. Или же, вся нынѣшняя обстановка властей около мировыхъ судей должна коренньмъ образомъ измѣниться; должны быть созданы, для удовлетворенія этихъ насущныхъ потребностей земскаго мира, новыя власти, земскія или бюрократическія. Но когда же мы покончимъ съ

нашими ежедневными созданіями новыхъ властей, одна на другую нагромождаемыхъ, безъ всякой системы, одна другую парализующихъ, до нельзя истощающихъ запасъ мѣстныхъ служебныхъ силъ, и сверхъ всего этого, притупляющихъ вкусъ къ новымъ властямъ и самое уваженіе къ нимъ со стороны общества? Лучшія силы общества призываются попеременно то къ должностямъ мировыхъ посредниковъ, то членовъ земскихъ управъ, то мировыхъ судей, то, можетъ-статься, будутъ призваны въ качествѣ новыхъ органовъ мѣстной власти, которыми рано или поздно можетъ пополниться пробѣлъ, происходящій вслѣдствіе чисто-судебнаго характера мироваго института. Съ одной стороны, запасъ мѣстныхъ служебныхъ силъ у насъ самъ по себѣ весьма не великъ, а съ другой стороны, онъ можетъ искусственно сократиться вслѣдствіе постепенно возрастающаго охлажденія людей, съ независимымъ общественнымъ положеніемъ, къ должностямъ, которыя съ перваго дня поставлены выше всѣхъ окружающихъ властей, и надъ которыми, лишь только онѣ пріобрѣтутъ авторитетъ, высятся новыя, подавляющія ихъ власти. Самый краснорѣчивый примѣръ этому мы видимъ въ мировыхъ посредникахъ; несмотря на спеціальность своей дѣятельности, они заключали въ себѣ всѣ условія, чтобы сдѣлаться зародышемъ нашего мѣстнаго самоуправленія, но этотъ зародышъ преждевременно погибъ, единственно потому, что дальнѣйшему его развитію предпочтено было созданіе новой власти. Каково бы ни было происхожденіе, спеціальное призваніе и названіе мѣстныхъ властей, центръ тяжести мѣстнаго самоуправленія можетъ быть только въ одной какой-нибудь власти, около которой сосредоточиваются лучшія силы и наибольшее уваженіе мѣстнаго общества. Думать о какомъ-то равновѣсіи мѣстныхъ властей, на подобіе равновѣсія центральныхъ государственныхъ властей въ конституціонныхъ государствахъ, чистая химера, которая въ дѣйствительности превратится въ господство бюрократіи надъ само-

управленіемъ, лишеннымъ центра тяжести и потому всякой силы отпора.

Противъ практическихъ затрудненій, которыя возникаютъ для дѣятельности мировыхъ судей вслѣдствіе отдѣленія отъ судебнаго мироваго института всякой распорядительной власти, и которыя мы старались объяснить примѣрами, взятыми изъ опыта, возражаютъ, что всѣ эти затрудненія происходятъ не изъ сущности дѣла, а единственно вслѣдствіе недостатковъ въ организаціи нашей уѣздной полиціи и ея неудовлетворительной дѣятельности. Мы и не споримъ, что въ городахъ, и въ особенности въ столицахъ, мировые судьи гораздо менѣе вынуждены выходить за предѣлы своей судебной власти; тамъ, можетъ-статься, и совершенно осуществимо раздѣленіе властей, хотя и тамъ необходимо будетъ приспособить полицейскій уставъ къ мировой юстиціи, потому что и въ столицахъ потребности полицейскаго порядка и благочинія безпрестанно заставляютъ мировыхъ судей выходить за предѣлы законной своей власти. Но мы говоримъ только объ уѣздахъ (со включеніемъ въ нихъ мелкихъ уѣздныхъ городовъ), гдѣ власть мировыхъ судей уже имѣетъ, и еще болѣе получитъ въ будущемъ, иной характеръ, чѣмъ въ столицахъ.

Недостатки нашего полицейскаго порядка въ уѣздахъ слишкомъ общеизвѣстны, и можно пожалуй согласиться, что ими одними значительно усиливаются неудобства лишенія мировыхъ судей всякой распорядительной власти. Но въ какой мѣрѣ устранимы эти недостатки, и устранимы ли они именно съ точки зрѣнія приведеннаго нами возраженія, то-есть, при усиленіи самостоятельнаго значенія мѣстныхъ полицейскихъ властей и при безусловномъ невмѣшательствѣ мировыхъ судей въ ихъ дѣятельность? Въ этомъ направленіи уже сдѣлано многое; значеніе, содержаніе и составъ высшихъ полицейскихъ чиновъ повсемѣстно усилены и улучшены, а между тѣмъ ощутительнаго успѣха въ дѣятельности полиціи отъ того не оказалось. Мы полагаемъ, что дальнѣйшее усиленіе вы-

ших полицейских должностей не можетъ повести ни къ чему иному, кромѣ увеличенія государственныхъ расходовъ и возбужденія антагонизма между казенными и земскими властями. Составъ высшихъ полицейскихъ властей, занятія которыхъ, съ развитіемъ судебныхъ учрежденій, земскаго хозяйства и разныхъ органовъ казенной администраціи, значительно сократятся, можетъ быть даже скорѣе уменьшенъ, чѣмъ увеличенъ, и это сокращеніе слѣдовало бы обратить въ пользу усиленія состава низшихъ полицейскихъ чиновъ. Единственно въ послѣднихъ заключается численный недостатокъ нашей полиціи, въ особенности сельской, и на этомъ предметѣ нельзя не настаивать. Полицейская стража, конная и пѣшая, есть всѣми ощущаемая потребность [1]); источниковъ для покрытія расходовъ на стражу всего ближе искать въ сокращеніи расходовъ на разныя высшія должности, и вообще въ упрощеніи ежедневно усложняющейся у насъ мѣстной администраціи. Это упрощеніе и сокращеніе расходовъ казны и земства будутъ значительно зависѣть отъ развитія истинныхъ началъ самоуправленія и отъ привлеченія къ нему возможно большаго количества силъ изъ высшаго образованнаго и достаточнаго, то-есть земледѣльческаго класса. Необходимо стараться, чтобы новые органы самоуправленія и земскія власти постепенно болѣе и болѣе замѣняли собою прежнія бюрократическія или приказныя власти, чтобы центръ тяжести мѣстнаго управленія постепенно переходилъ изъ бюрократической среды въ земскую. Тогда только будутъ ощутительны, и

---

[1]) Учрежденіе *урядниковъ* нисколько не улучшило, а скорѣе ухудшило полицейскій порядокъ въ уѣздахъ, потому что вмѣсто того, чтобы ограничить эту должность безусловно исполнительнымъ характеромъ полицейскаго стражника, ей придано извѣстныя *права власти*. Эти права, при плохомъ личномъ составѣ, который немилуетъ въ эти мѣста учрежденія, привели къ гораздо бо̀льшимъ нарушеніямъ законнаго порядка со стороны самыхъ урядниковъ, чѣмъ къ усиленію его охраны. Во всякомъ случаѣ, это учрежденіе увеличило силу, и безъ того сильнаго, элемента безконтрольнаго личнаго произвола въ нашемъ мѣстномъ управленіи въ ущербъ самоуправленію (1881).

для правительства и для народа, практическія выводы самоуправленія, сравнительно съ казенною администраціей, и тогда только окажутся сбереженія въ тратѣ народныхъ силъ и денегъ. Иначе могутъ произойти совершенно противоположные и неожиданные результаты, хотя бы число выборныхъ должностныхъ лицъ сдѣлалось вдесятеро болѣе чѣмъ теперь. Когда рядомъ съ развитіемъ іерархіи казенныхъ должностей будетъ развиваться съ своими собственными функціями земская чиновная іерархія, когда подлѣ усиленія государственнаго хозяйства будетъ усиливаться для своихъ собственныхъ цѣлей хозяйство земское, когда произойдетъ система управленія, которую можно назвать чѣмъ угодно, только не самоуправленіемъ [1]). Это то же, какъ если бы подлѣ казеннаго почтоваго вѣдомства, казенныхъ училищъ, казенныхъ статистическихъ комитетовъ, казенной полицейской стражи и т. д., стали бы устраиваться для тѣхъ же самыхъ надобностей, да еще съ видами на соревнованіе, земское почтовое вѣдомство, земскія школы, земскіе статистическіе комитеты, земская полицейская стража и т. д. Мы вовсе не фантазируемъ въ нашихъ примѣрахъ; кое-что похожее уже случалось въ дѣйствительности, и еще болѣе въ томъ же духѣ, можетъ случиться въ будущемъ, если будутъ послѣдовательно примѣняемы нѣкоторые отчасти уже высказавшіеся у насъ взгляды. Этого рода взгляды опираются на самые противоположные интересы и мнѣнія; ихъ одинаково питаютъ какъ люди стремящіеся къ преувеличенному расширенію земскаго дѣла, такъ и люди опасающіеся его развитія и старающіеся не уступать ему ни одного клочка почвы, принадлежащей казенному дѣлу. Но въ этихъ-то послѣднихъ усиліяхъ и заключается горькая ошибка. Если можно сколько-нибудь серіозно говорить о какихъ-либо внутреннихъ политическихъ затрудненіяхъ со стороны нашего земства,

---

[1]) Объ этомъ подробнѣе см. ниже въ статьѣ «Земскія учрежденія и самоуправленіе».

то конечно лишь о тѣхъ, какія могутъ создаться искусственнымъ соперничествомъ властей при существованіи нѣсколькихъ разнохарактерныхъ центровъ тяжести въ мѣстномъ управленіи, неискренностью въ упроченіи самоуправленія и ребяческою съ нимъ борьбою. Органы самоуправленія - земскія власти — могутъ и должны быть такими же, какъ и коронные, то-есть органами верховной власти, единаго источника всякой власти и всякаго публичнаго права въ государствѣ. Соперничества тутъ никакого быть не можетъ, въ особенности когда починъ въ дѣлѣ самоуправленія принадлежитъ правительству.

Мировые судьи по роду своихъ занятій, по близкому знакомству со всѣми мѣстными личными и вещественными элементами, враждебными порядку и общественному благоустройству, наконецъ, по ежеминутнымъ своимъ соприкосновеніямъ съ полиціей, конечно, болѣе чѣмъ кто-нибудь будутъ обладать качествами, необходимыми для *высшей* (ни о какой иной мы не говоримъ) полицейской власти. Въ уѣздахъ мировые судьи, въ самое короткое время, привыкаютъ видѣть передъ собою, *по преимуществу*, не только извѣстные роды дѣлъ и проступковъ, но и одинъ и тѣ же личности; весь составъ народонаселенія въ своихъ нравственныхъ элементахъ, даже до подробностей и дрязгъ домашней жизни, и всѣ его наклонности, влеченія, добродѣтели и пороки, всѣ мѣстныя условія быта, и сверхъ того (что особенно важно) всѣ ожидаемыя и возможныя въ будущемъ нарушенія порядка дѣлаются извѣстны мировому судьѣ скорѣе, чѣмъ кому либо другому. Нигдѣ жизнь не проявляется передъ властью съ такою непринужденностью, искренностью, какъ на мировомъ расправѣ. Всѣми этими качествами мировыхъ судей необходимо воспользоваться для улучшенія нашего полицейскаго порядка. Дѣятельности нашихъ высшихъ мѣстныхъ полицейскихъ властей именно не достаетъ того интереса къ дѣлу, энергіи и контроля общественнаго мнѣнія, которые могутъ сообщить имъ мировые судьи; уже теперь,

при весьма косвенныхъ отношеніяхъ мировой юстиціи къ полиціи, замѣтно пробужденіе въ послѣдней новой дѣятельности. Нѣкоторыя, болѣе положительныя, права мировыхъ судей на полицейскія и административныя распоряженія и болѣе опредѣленное подчиненіе имъ полицейской власти повели бы къ тому оживотворенію нашей полиціи, котораго ей именно не достаетъ. Этого оживотворенія полицейскаго управленія, въ которомъ бумажное производство и отписка вмѣсто дѣла укоренились болѣе, чѣмъ гдѣ либо, невозможно достигнуть никакимъ усиленіемъ и бюрократическимъ обезображиваніемъ высшихъ полицейскихъ должностей. Сверхъ того, только высшій полицейскій контроль мировыхъ судей можетъ придать нашимъ полицейскимъ властямъ другое качество, котораго имъ также не достаетъ: *довѣрія къ нимъ со стороны общества.* Недостатокъ довѣрія постоянно парализуетъ всѣ, даже самыя лучшія, дѣйствія нашей полиціи. Само собою разумѣется, что зависимость полиціи отъ мировыхъ судей нисколько не уничтожитъ подчиненія первой центральнымъ государственнымъ властямъ, которыя не могутъ не имѣть своихъ мѣстныхъ агентовъ: дѣйствуя подъ надзоромъ и контролемъ судебной и земской власти, полиція всегда остается въ полномъ распоряженіи казенной администраціи, на которой лежитъ, въ своихъ конечныхъ результатахъ, полицейская отвѣтственность въ государствѣ. Но для этого нѣтъ надобности въ особенно высоко поставленныхъ мѣстныхъ полицейскихъ должностяхъ. Важнымъ доказательствомъ этому служитъ то, что множество дѣлъ исполняются въ губерніяхъ непосредственными сношеніями губернаторовъ съ сельскими властями. Во многихъ, если даже не во всѣхъ случаяхъ, для успѣха и быстроты дѣла были бы выгоднѣе прямыя приказанія губернаторовъ становымъ приставамъ, помимо уѣздныхъ исправниковъ, которымъ очень часто ничего не остается дѣлать, кромѣ надписей о передачѣ бумагъ, и которые, безъ всякаго преувеличенія, служатъ преимущественно

для наружной симметріи административной централизаціи, никакъ не желающей вообще обходиться безъ куполовъ. Въ мѣстной администраціи центры тяжести гораздо важнѣе куполовъ; послѣдніе служатъ по преимуществу внѣшнимъ украшеніемъ и не придаютъ прочности зданію. Центромъ тяжести въ мѣстномъ управленіи, очевидно, никакъ не можетъ быть уѣздный исправникъ; если-бъ это было возможно, то послужило бы къ полному отрицанію самоуправленія, но это и невозможно вслѣдствіе всего нынѣшняго развитія мѣстныхъ земскихъ властей и нравственнаго настроенія всѣхъ слоевъ общества. Какъ объемомъ своихъ правъ, своею официальною независимостью, такъ и своимъ общественнымъ положеніемъ, мировые судьи господствуютъ нынѣ надъ всѣми органами мѣстной власти. Нѣкоторое исключеніе изъ этого составляютъ только мировые посредники, о которыхъ мы скажемъ ниже. Какъ бы ни специализировали власть мировыхъ судей, она всетаки неизмѣримо сильнѣе и независимѣе, хотя бы въ своемъ только кругу, чѣмъ власть всѣхъ безъ изъятія мѣстныхъ должностныхъ лицъ въ присвоенныхъ имъ кругахъ. Это обстоятельство заслуживаетъ особаго вниманія въ вопросѣ о разграниченіи низшихъ властей; вмѣсто того, чтобы возвышать бюрократическія, полицейскія и административныя власти, и тщетно стараться противопоставить ихъ земскимъ властямъ и мировымъ судьямъ, не проще ли возложить на послѣднихъ извѣстную долю отвѣтственности въ дѣлахъ, въ которыхъ и безъ опредѣленій закона голосъ мировыхъ судей будетъ раздаваться громче всѣхъ?

Могутъ замѣтить, что характеръ власти, которою мы желали бы надѣлить мировыхъ судей, совершенно иной, нежели та власть, которую имѣло въ виду законодательство, и что съ развитіемъ мировой власти въ указанномъ нами направленіи, задача законодателя измѣнилась бы коренньмъ образомъ, и на мѣстѣ только что возродившейся и возбуждающей общее сочувствіе власти, возникла бы другая, успѣхъ которой скрывался

бы въ неизвѣстномъ будущемъ. Мы нарочно выставили это возраженіе, такъ какъ его не трудно предвидѣть, и оно было бы весьма сильно, еслибы факты, положенные въ его основаніе, были справедливы. Но мы указывали уже, что и теперь дѣйствія мировыхъ судей въ дѣйствительности вовсе не осуществляютъ собою того *идеала чисто-судебной власти*, который вложенъ закономъ въ новый мировой институтъ. Чѣмъ болѣе будетъ развиваться дѣятельность мировыхъ судей, тѣмъ болѣе она будетъ, по крайней мѣрѣ въ уѣздахъ, сама собою удаляться отъ этого идеала. Далѣе, идеалъ чисто-судебной власти, безусловно разграниченной со всякою распорядительною властью, — идеалъ, спорный даже самъ по себѣ, рѣшительно отвергается всѣми условіями и потребностями нашего народнаго быта. Мы готовы, однако, согласиться, что такой идеалъ заключаетъ въ себѣ много обаятельнаго, и что еслибъ онъ былъ осуществимъ, то мы никакъ не захотѣли бы отъ него отказаться. Но для осуществимости идеала чисто-судебной власти, требуется прежде всего, чтобы подлѣжащія были крѣпко организованы другія власти, отъ которыхъ слѣдовало бы отдѣлить судебную; безъ этого, очевидно, немыслимо раздѣленіе властей. А когда еще такъ недостаточно, можно сказать, вовсе даже не организованы у насъ въ уѣздахъ эти другія, не судебныя власти, вызываемыя самыми насущными потребностями народнаго быта, тогда задача отдѣленія отъ нихъ власти судебной не имѣетъ для себя предмета. Наконецъ, мы отвѣтимъ на выставленное выше возраженіе, что предполагаемое нами развитіе новаго судебнаго института, если только оно будетъ постепенное, вовсе не будетъ кореннымъ измѣненіемъ закона, а напротивъ лишь согласованіемъ мироваго института съ остальными законодательными реформами послѣдняго времени. Дальнѣйшее развитіе учрежденія мировыхъ судей должно именно послужить связью этого учрежденія со всѣми органами мѣстнаго управленія, которые были радикально перестроены въ послѣднее время. До сихъ поръ

мы указывали на отношенія мировой власти преимущественно къ полиціи; намъ остается присовокупить нѣсколько словъ объ отношеніяхъ ея вообще къ мѣстной администраціи. Эта администрація претерпѣла въ послѣднее пятилѣтіе самый крутой переворотъ. Этотъ переворотъ совершился собственно въ сельской или уѣздной нашей жизни (на городской онъ отозвался еще весьма слабо) и еще далеко не закончился, потому-то и не легче нынѣ жить въ деревнѣ. До этого переворота одна половина сельскаго народонаселенія находилась подъ владычествомъ крѣпостнаго права, которое замѣняло собою всѣ безъ изъятія проявленія государственной власти: полицію, администрацію, судъ, законодательство, и держало подвластныхъ какъ бы внѣ сферы государства. Другая половина сельскаго народонаселенія, приписанная къ разнымъ вѣдомствамъ, находилась подъ владычествомъ болѣе или менѣе сходнымъ съ крѣпостнымъ правомъ и во всякомъ случаѣ также почти исключавшимъ дѣйствіе общихъ государственныхъ властей. Таковы были удѣльныя, горнозаводскія, казенныя имѣнія; ихъ управленія составляли въ общемъ какъ бы нѣсколько государствъ съ своею собственною исключительною администраціей, полиціей и судомъ. Государственные крестьяне, болѣе всѣхъ другихъ крестьянскихъ сословій устроенные на подобіе свободныхъ и полноправныхъ гражданъ, были однако же обставлены цѣлою особою системой властей, преднамѣренною задачей которой было, какъ извѣстно, возможно большее изъятіе государственныхъ крестьянъ отъ дѣйствія общихъ властей въ государствѣ; управленіе государственными крестьянами находилось въ настоящихъ международныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ прочимъ вѣдомствамъ въ государствѣ. Затѣмъ, всѣ разнородныя состоянія русскаго народонаселенія, не подчиненныя ни одной изъ всѣхъ этихъ категорій крѣпостнаго права, въ томъ числѣ и городскія сословія, находились въ полномъ распоряженіи бюрократически устроенной государственной администраціи. Безусловный

произволъ бюрократіи не былъ ограниченъ ни независимою судебною властію, ни даже выборными общественными властями высшихъ классовъ (дворянства и купечества), безсильныхъ въ своемъ сословномъ разъединеніи. Отсюда возникала административная бюрократическая опека, до такой степени крайняя, что каждый русскій подданный считался или крѣпостнымъ человѣкомъ или подчиненнымъ какому нибудь вѣдомству и начальству, на подобіе отношеній государственной службы, или наконецъ и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, и крѣпостнымъ и подначальнымъ. Отъ этой опеки, доходившей до того, что никто не могъ отлучиться на одинъ день съ мѣста своего официальнаго жительства безъ разрѣшенія какого-нибудь начальства, были до нѣкоторой степени свободны, въ видѣ исключенія, только люди стоявшіе на двухъ противоположныхъ оконечностяхъ этой системы: вершины наиболѣе независимыхъ слоевъ дворянства и крѣпостные крестьяне въ нѣкоторыхъ оброчныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, пользовавшихся безусловнымъ самоуправленіемъ. Вся эта система администраціи, основанная на двойномъ произволѣ крѣпостной и приказной властей, безвозвратно рушилась на нашихъ глазахъ; царствованіе Александра II совершило великій подвигъ освобожденія гражданской личности русскаго подданнаго, подвигъ, который не можетъ быть уничтоженъ никакими интересами враждебными дѣлу освобожденія. Вслѣдъ за упраздненіемъ помѣщичьяго крѣпостнаго права, были одно за другимъ отмѣнены и крѣпостныя права разныхъ вѣдомствъ: на двихъ эта реформа окончательно довершена въ обширномъ вѣдомствѣ государственныхъ крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, совокупно съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, во всѣхъ его оттѣнкахъ, стала воздвигаться — взамѣнъ казенной мѣстной администраціи и произвола бюрократическихъ властей — система самоуправленія общественныхъ властей, независимыхъ отъ казенной администраціи и подчиненныхъ контролю общественнаго мнѣнія. Этотъ процессъ освобожденія отъ без-

контрольной бюрократической власти, никакъ не менѣе важный и гораздо болѣе трудный, чѣмъ законченное освобожденіе отъ вотчинной помѣщичьей власти, находится нынѣ въ полномъ своемъ разгарѣ и требуетъ для своего успѣха неусыпныхъ попеченій правительства и самаго земства. Этотъ процессъ далеко не закончился, жизнь не вошла еще въ свою колею и потому можетъ сбиться въ разныя стороны. Когда на мѣстѣ какого-нибудь стараго порядка возникаетъ новый, то особенное вниманіе должно быть обращено на интересы, связанные съ старымъ порядкомъ; необходимо прежде всего умѣть отличить между ними имѣющіе дѣйствительную силу, здоровые, соотвѣтствующіе естественнымъ нуждамъ народа, отъ возбужденныхъ искусственно и болѣзненныхъ. Послѣдніе имѣютъ силу только цѣпляясь за первые, на которыхъ они вырастаютъ какъ паразиты. Интересы крѣпостнаго права, отъ котораго съ такимъ великодушіемъ отказалось все сколько-нибудь образованное дворянство, могутъ быть сочтены, нынѣ не существующими: борьба съ ними была бы борьбой съ вѣтряными мельницами. Воспоминанія о крѣпостномъ правѣ не возбуждаютъ въ дворянствѣ, стоящемъ безспорно во главѣ русскаго общественнаго мнѣнія, никакихъ иныхъ чувствъ кромѣ глубочайшаго отвращенія. Иное дѣло интересы, подчинившіеся до нынѣ исключительно бюрократическимъ порядкамъ и административной опекѣ. Эти интересы будутъ заявлять себя тѣмъ сильнѣе, чѣмъ медленнѣе будетъ идти удовлетвореніе насущныхъ нуждъ народной жизни новыми общественными властями, чѣмъ далѣе будутъ оставаться не занятыми тѣ сферы дѣятельности упраздняемой бюрократіи, гдѣ народъ не привыкъ и не можетъ обойтись безъ власти. Полицейская дѣятельность помѣщиковъ едва ли можетъ возбудить въ комъ-либо, и всего менѣе въ нихъ самихъ, сколько-нибудь отрадныя воспоминанія; но когда, напримѣръ, съ упраздненіемъ распорядительной власти исправниковъ и становыхъ, сельскія дороги не будутъ поддерживаться даже и въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ

служили сообщеніями до сихъ поръ, тогда найдутся не безосновательные голоса въ пользу исправниковъ и становыхъ, хотя бы прежняя дѣятельность этихъ властей и не сопровождалась никакими розовыми воспоминаніями. Все мѣстное хозяйство переходитъ нынѣ въ распоряженіе земскихъ учрежденій и городскихъ думъ; какъ отъ ихъ собственной энергіи, такъ и отъ чистосердечнаго содѣйствія имъ казенныхъ властей и отчасти отъ нѣкоторыхъ преобразованій въ устройствѣ земскихъ учрежденій, будетъ зависѣть успѣхъ земскаго хозяйства, въ сравненіи съ казеннымъ. Но кромѣ области собственно земскаго хозяйства, есть еще множество сферъ, гдѣ у насъ могущественно дѣйствовала всепоглощающая опека правительственныхъ и вотчинныхъ властей, нынѣ упраздненныхъ. Между тѣмъ, нѣкоторыя условія народнаго быта, вызывавшія эту опеку, условія, хотя и искусственно организованныя, но тѣмъ не менѣе издавна сложившіяся, продолжаютъ существовать и не скоро уступятъ мѣсто другому порядку; въ послѣднее время въ сельскомъ нашемъ быту они даже значительно усилились. Между такими особенностями нашего народнаго быта, обусловливающими если не опеку, то нѣкоторое попечительство власти, мы разумѣемъ въ особенности отношенія крестьянъ къ общинѣ, къ земельному надѣлу и къ своимъ выборнымъ властямъ. Всѣ эти отношенія почти не существуютъ въ городахъ, или не имѣютъ того господствующаго надъ всѣми другими интересами значенія, какое они имѣютъ для нашего сельскаго народонаселенія. Указанныя нами отношенія въ сельскомъ быту таковы, что при нихъ невозможно обойтись съ одними общими судебными и полицейскими властями, а необходимо еще постоянное присутствіе какой-нибудь посредствующей и покровительствующей административной власти. При этомъ не должно забывать, что вслѣдствіе всѣхъ этихъ сложныхъ обязательныхъ отношеній, покровительство власти необходимо не только для людей отъ нихъ зависящихъ, но и для посторонніихъ. Такою властью и явились для всего народонасе-

ленія помѣщичьихъ имѣній (въ томъ числѣ и для самихъ помѣщиковъ и для лицъ разныхъ сословій, проживающихъ въ имѣніяхъ) *мировые посредники*. Съ полною развязкой отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, въ томъ числѣ даже съ окончаніемъ развертанія и выкупныхъ сдѣлокъ, оказалось однакоже невозможнымъ упразднить мировыхъ посредниковъ. Отношенія нашего сельскаго быта, обусловливающія необходимость этой опекающей власти, значительно усилились съ упраздненіемъ крѣпостного права, вслѣдствіе всей принятой системы земельнаго надѣла, организаціи общины и спеціальныхъ крестьянскихъ властей. Возникшее не чисто исторически, а болѣе или менѣе искусственно, насажденное сверху административною рукой, наше нынѣшнее крестьянское самоуправленіе не можетъ обойтись безъ покровительства и помощи какой-нибудь посторонней, не крестьянской власти. Конечно, всего менѣе поняли бы отсутствіе такой власти сами крестьяне. Главную потребность въ такой власти вызываетъ здѣсь, между прочимъ, необходимость защиты отдѣльныхъ лицъ и меньшинства отъ самовластія и деспотизма міра, который закабаляетъ своихъ членовъ не хуже крѣпостного права; также необходима защита крестьянъ отъ притѣсненій и безаконій крестьянскихъ властей и, наоборотъ, охрана послѣднихъ отъ неповиновенія и самоуправства имъ подвластныхъ. Надзоръ за дѣйствіями крестьянскихъ властей, въ особенности волостныхъ старшинъ и судовъ, то вовсе бездѣйствующихъ, то учиняющихъ противозаконными распоряженіями, и надзоръ за мірскими приговорами, которые весьма нерѣдко выходятъ за предѣлы законной власти надъ членами міра, все это составляетъ важнѣйшую нынѣ обязанность мировыхъ посредниковъ, не выполнимую никакою другою властію. Чтобы судить объ этомъ, надо знать, какое огромное количество жалобъ подается крестьянами на старшинъ, на рѣшенія волостныхъ судовъ и на мірскіе приговоры. Этими жалобами, которыхъ тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе дѣятельны посредники и которыя нынѣ, при сокра-

щеній мировыхъ участковъ, умножились, въ началѣ были завалены уѣздные мировые судьи, такъ какъ крестьяне видятъ въ судьяхъ тѣхъ же мировыхъ посредниковъ, только съ большею властью. Распорядительная дѣятельность мировыхъ посредниковъ чрезвычайно усилилась съ переходомъ въ ихъ завѣдываніе государственныхъ крестьянъ. Благоустроиство и законный порядокъ въ казенныхъ имѣніяхъ требуютъ нынѣ особенныхъ попеченій со стороны посредниковъ, ибо въ послѣдніе годы управленіе государственными крестьянами было въ переходномъ состояніи, прежняя система крайней административной опеки и хозяйственной регламентаціи, система, сама въ себѣ замкнутая, послѣдовательная и цѣльная, была нарушена, и такъ какъ внутренняя организація быта осталась та же самая, то съ ослабленіемъ опеки вышла страшная неурядица, доходившая во многихъ случаяхъ до полнаго безначалія. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ общей мысли, нами изложенной: уже съ упраздненіемъ окружныхъ управленій, казавшихся съ перваго взгляда вовсе не нужными, началось разложеніе прежней системы управленія государственными крестьянами, и почувствовались послѣдствія отсутствія той попечительной власти, о которой мы говоримъ и которая обусловливается административною регламентаціей нашего крестьянскаго быта. Эта регламентація, хотя съ тѣхъ же основнымъ характеромъ, но несравненно сильнѣе у государственныхъ, чѣмъ у освобожденныхъ помѣщичьихъ крестьянъ; поэтому всего болѣе жалобъ на свои власти и міръ поступало къ мировымъ судьямъ отъ государственныхъ крестьянъ, которые нахынули къ судьямъ, какъ къ какимъ-то спасителямъ. Мировымъ посредникамъ много дѣла у государственныхъ крестьянъ, и, между прочимъ, въ особенности для освобожденія ихъ отъ крѣпостной административной опеки.

Все сказанное нами клонится къ тому, чтобы доказать, что нашъ сельскій бытъ не можетъ пока обойтись безъ той распорядительной власти, съ попечительнымъ

характеромъ, какую представляютъ нынѣ мировые посредники. Эта власть (въ томъ числѣ въ особенности право административныхъ взысканій съ крестьянскихъ властей) самымъ естественнымъ порядкомъ должна бы перейти на долю мировыхъ судей. Сохранить подлѣ нихъ мировыхъ посредниковъ въ высшей степени неудобно [1]), мы готовы сказать невозможно. Лучшія силы вскорѣ совсѣмъ покинутъ эту должность, которая потеряла всякое обаяніе рядомъ съ мировыми судьями, а между тѣмъ требуетъ теперь чрезвычайнаго напряженія дѣятельности въ казенныхъ имѣніяхъ. Соединеніе всецѣло обоихъ мировыхъ институтовъ, вездѣ перекрещивающихся въ своей дѣятельности, кажется намъ самою воплощею и легко удовлетворимою мѣстною потребностью времени. Эта мѣра разомъ облегчила бы заваленныхъ дѣломъ мировыхъ судей, посредствомъ увеличенія ихъ числа числомъ существующихъ посредниковъ и посредствомъ сокращенія районовъ мировыхъ участковъ. Превращеніе лицъ нынѣ находящихся въ должности мировыхъ посредниковъ въ мировыхъ судей сохранило бы отъ конечнаго разрушенія отличные политическіе элементы, — капиталы опытности, знанія, корпоративнаго духа, уваженія и довѣрія окружающей среды, — скопившіеся въ прежнемъ мировомъ институтѣ и которые не скоро опять соберешь. Пріобщеніемъ къ власти мировыхъ судей власти мировыхъ посредниковъ былъ бы сдѣланъ первый и самый естественный опытъ расширенія власти мировыхъ судей въ сферу распорядительной или административной власти. Административную власть мировыхъ посредниковъ слѣдовало бы дать мировымъ судьямъ относительно всего безъ изъятія народонаселенія въ предѣлахъ ихъ участковъ, подобно тому какъ посредники пользовались ею

---

[1]) Неудобства отдѣленія мировыхъ судовъ отъ посредниковъ и возможность соединенія обоихъ учрежденій прекрасно изложены въ особой докладѣ московской губернской управы губернскому земскому собранію 1866 г. Послѣ этого труда излишне было бы входить здѣсь въ ближайшее обсужденіе этого вопроса.

относительно жителей всѣхъ сословій въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Нѣтъ надобности теоретически опредѣлить эту власть, которой объемъ опредѣлился самъ собою вполнѣ удавшимся жизненнымъ опытомъ. Мировые судьи сдѣлались бы тогда настоящими охранителями земскаго мира, въ которыхъ такъ нуждается все наше сельское народонаселеніе, не помышляющее о раздѣленіи властей. Эта попечительная административная власть, отвѣтственная и ограниченная во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, чуждая бюрократическому духу, чисто-земскаго происхожденія, составила бы благодѣтельный историческій переходъ отъ крайней опеки стараго порядка къ новому порядку вещей. Такіе мировые судьи, съ властью, во всякомъ случаѣ, по преимуществу судебною, были бы, даже въ сраженіи съ мировыми посредниками, дальнѣйшимъ шагомъ на пути освобожденія народа отъ прежняго произвола властей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ шагъ охранилъ бы интересы общественнаго порядка и благочинія, которые могутъ громко заговорить съ внезапнымъ паденіемъ вѣковой опеки и искать для себя удовлетворенія въ иной, чуждой духу времени, организаціи власти. Наконецъ, предполагаемое соединеніе двухъ мировыхъ институтовъ окончательно укрѣпило бы центръ тяжести въ нашемъ мѣстномъ самоуправленіи; около него могли бы группироваться и съ тѣмъ вмѣстѣ значительно упроститься всѣ прочіе органы земства, совершенно одинаковаго происхожденія съ мировыми судьями. Вся система мѣстнаго управленія получила бы судебный оттѣнокъ, который лучше всякаго выборнаго предохранилъ насъ отъ крайняго развитія административной опеки, отживающей, но еще не отжившей свой вѣкъ. Этотъ судебный оттѣнокъ государственнаго управленія остался лучшими воспоминаніями древняго міра и лучшими примѣрами современной образованной Европы (именно Англіи).

Итакъ желательное, по нашему мнѣнію, развитіе новаго мирового института нисколько не было бы корен-

нымъ преобразованіемъ дѣйствующаго нынѣ порядка. Въ области административной или распорядительной власти мы бы желали единственно присоединія мировымъ судьямъ правъ мировыхъ посредниковъ, посредствомъ слитія обоихъ учрежденій въ одно. Гораздо труднѣе разрѣшается вопросъ о расширеніи власти мировыхъ судей въ полицейской области. Мы указали на неудобства безусловнаго раздѣленія власти мировыхъ судей и полиціи и на затрудненія, сопряженныя съ чисто-судебною расправой по нѣкоторымъ дѣламъ; мы убѣждены, что высшіе интересы благоустройства и благочинія въ уѣздахъ, интересы земскаго міра, требуютъ придачи мировымъ судьямъ нѣкоторыхъ правъ полицейской или предупредительной власти. Мѣру и видъ этой власти мы не беремся въ точности опредѣлить, тѣмъ болѣе, что тутъ все дѣло въ подробностяхъ. Какъ общее правило, достаточно высказать необходимость представленія мировымъ судьямъ права требовать отъ полиціи охраненія общественнаго порядка, всякій разъ когда они это признаютъ нужнымъ, и непосредственно возлагать на полицейскихъ чиновъ исполненіе всѣхъ тѣхъ полицейскихъ дѣйствій, какія будутъ признаны судьями полезными въ дознаніяхъ до нихъ дѣлахъ и какія не относятся прямо до судебной расправы. Полицейскій уставъ долженъ ближе опредѣлить эти отношенія полиціи къ мировымъ судьямъ и разграничить ихъ права по преслѣдованію и пресѣченію преступленій. Мы не думаемъ, чтобы возможно было сосредоточить эти права, въ иныхъ случаяхъ весьма обширныя, исключительно въ рукахъ полицейскихъ чиновъ, безъ всякаго контроля со стороны мировыхъ судей. Но крайней мѣрѣ желательно, чтобы право предварительнаго задержанія людей и вообще лишеніе свободы до суда исходило только отъ мировыхъ судей. Въ законѣ, по которому никто не могъ бы быть арестованъ безъ постановленія мирового судьи, заключалось бы полное обезпеченіе гражданской свободы въ нашемъ отечествѣ; мы не думаемъ, чтобы съ этимъ связано было

много практическихъ неудобствъ, такъ какъ въ экстренныхъ случаяхъ, при отсутствіи мироваго судьи, полиціи могло бы быть предоставлено право ареста на 24 часа съ немедленнымъ доведеніемъ о томъ до свѣдѣнія мироваго судьи, который или освобождалъ бы заключеннаго, или постановлялъ бы о продолженіи ареста. Далѣе, мировому разбирательству, по нѣкоторымъ проступкамъ и нарушеніямъ общественнаго спокойствія, могъ бы быть придань характеръ судебно-полицейской расправы съ освобожденіемъ ея отъ нѣкоторыхъ обрядовъ числа судебной процедуры; въ этихъ случаяхъ, количество которыхъ должно быть ограничено самою крайнею необходимостью, апелляціонныя или по крайней мѣрѣ кассаціонныя жалобы не должны пріостанавливать исполненія приговоровъ, или же сроки заявленія неудовольствія и подачи отзывовъ должны быть значительно сокращены (напримѣръ, неудовольствіе могло бы быть заявляемо лишь непосредственно по объявленіи приговора, а отзывъ поданъ не далѣе 24 часовъ). Противъ возраженія, что наше предположеніе сократило бы гарантіи нынѣ дѣйствующаго порядка, мы замѣтимъ, что расширеніе правъ полиціи по предупрежденію и пресѣченію нарушеній общественнаго спокойствія угрожало бы не только сокращеніемъ, но и полнымъ уничтоженіемъ этихъ гарантій, которыя нынѣ существуютъ только на бумагѣ и которыя мы желали бы сколько-нибудь уберечь въ дѣйствительности. А расширенія правъ полиціи, при пересмотрѣ полицейскаго устава, — если это расширеніе не будетъ сдѣлано въ пользу мировыхъ судей,—мы должны немилуемо ожидать, если только не будетъ предпочтенъ status quo, при которомъ нынѣшняя полицейская практика довольствуется обычаемъ, ежеминутно нарушающимъ всѣ законы. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы напомнимъ, что противъ беззаконныхъ и неправильныхъ дѣйствій мировыхъ судей оставалось бы въ своей силѣ право вчиненія исковъ судебнымъ уголовнымъ или гражданскимъ порядкомъ. Наконецъ, въ связи съ предыдущимъ, мы

полагали бы полезнымъ предоставить мировымъ судьямъ право ареста и въ дѣлахъ подвѣдомственныхъ судебнымъ слѣдователямъ и право присутствія на производимыхъ послѣдними слѣдствіяхъ и допросахъ. Полное разъединеніе судебныхъ слѣдователей и мировыхъ судей также весьма вредно, при томъ взглядѣ на мировыхъ судей, какъ на охранителей земскаго мира, который намъ особенно дорогъ. Вотъ и все, что мы позволяемъ себѣ высказать относительно развитія полицейской власти мировыхъ судей предоставляя заняться этимъ вопросомъ людямъ болѣе насъ къ тому призванымъ.

Въ заключеніе, скажемъ, что идеалъ чисто-судебной власти могъ бы осуществляться въ мировомъ институтѣ въ лицѣ почетныхъ мировыхъ судей, которые составляютъ весьма важную составную часть мировыхъ учрежденій. Желательно, чтобы дѣятельность почетныхъ мировыхъ судей развивалась какъ можно болѣе, и чтобъ она не ограничивалась присутствіемъ на мировыхъ съѣздахъ. Право почетныхъ мировыхъ судей производить судъ наравнѣ съ участковыми подвергается многими сомнѣнію; многіе полагаютъ, что юрисдикція почетныхъ мировыхъ судей ограничена исключительно гражданскими тяжбами, въ которыхъ обѣ стороны согласятся къ нимъ обратиться. Но это противорѣчило бы какъ общему духу закона, такъ и комментаріямъ государственнаго совѣта къ ст. 16 части III Судеб. Уст. (стр. 34), гдѣ положительно высказаны не только право, но и обязанность почетныхъ мировыхъ судей оказывать содѣйствіе къ охраненію общественнаго порядка, производить разбирательство въ случаяхъ явнаго нарушенія законовъ, въ особенности, когда на мѣстѣ нѣтъ участковаго мироваго судьи и когда *обвиняемый не настаиваетъ на судѣ именно у послѣдняго*. Это условіе, кажется намъ, составляетъ по закону единственное ограниченіе юрисдикціи почетныхъ мировыхъ судей, дѣятельность которыхъ можетъ значительно умешьшить накопленіе и медленность дѣлъ у участковыхъ судей. Почетные мировые

судьи могли бы осуществить собою разделение власти судебной и административной, въ случаѣ предоставленія участковымъ судьямъ нѣкоторой распорядительной и полицейской власти.

3.

Въ предѣлахъ собственно судебной власти могутъ также потребоваться нѣкоторыя измѣненія въ объемѣ правъ мировыхъ судей. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ, основываясь на нашихъ практическихъ наблюденіяхъ.

Мера подсудности въ дѣлахъ подлежащихъ мировому разбирательству должна быть скорѣе сокращена нежели расширена. Сколько намъ извѣстно изъ собственнаго нашего опыта и дѣятельности мировыхъ учрежденій въ другихъ мѣстностяхъ, дѣла крупныя по цѣнѣ гражданскаго иска или по размѣрамъ денежнаго взысканія составляютъ исключеніе въ дѣятельности мировыхъ судей, не только уѣздныхъ, но и городскихъ. Безъ всякаго стѣсненія для подсудимыхъ, цифра 500 р. с. для гражданскихъ исковъ и частныхъ убытковъ въ уголовныхъ дѣлахъ могла бы быть уменьшена въ пользу расширенія дѣятельности окружныхъ судовъ. Въ особенности слишкомъ распространена по цифрѣ (до 300 р. с.) подсудность преступленій кражи. Мы убѣждены, что количественно границы мировой юстиціи вообще у насъ слишкомъ широки; онѣ такъ широки какъ, кажется, нигдѣ въ Европѣ, за исключеніемъ развѣ Англіи, гдѣ мировые судьи судятъ нѣкоторыя дѣла съ присяжными. Для нѣсколько значительныхъ судебныхъ процессовъ, гражданскихъ и уголовныхъ, связанныхъ съ сложными юридическими вопросами и знаніемъ дѣйствующаго по разнымъ частямъ законодательства, мировые судьи не соединяютъ въ себѣ достаточныхъ условій.

Между прочимъ, именно одно изъ тѣхъ обстоятельствъ

которыя мы выставили какъ побужденіе къ развитію распорядительной власти мировыхъ судей, должно, по нашему мнѣнію, побуждать къ сокращенію ихъ судебной власти. Это обстоятельство заключается въ ихъ слишкомъ близкихъ связяхъ съ подсудимымъ народонаселеніемъ, въ слишкомъ короткомъ личномъ знакомствѣ со всѣми предыдущими домашними сторонами жизни судящихся; отсюда легко можетъ проистекать, даже въ лучшемъ случаѣ, то невольное, часто руководимое благороднѣйшими порывами сердца, пристрастіе, или предупрежденіе, которыхъ не можетъ избѣжать самый безпристрастный человѣкъ и которыя между тѣмъ несовмѣстны съ требованіями объективнаго судебнаго приговора. Нѣкоторое разстояніе между судьей и подсудимыми, въ особенности въ уголовныхъ дѣлахъ, всегда будетъ необходимою принадлежностью судебной власти. Поэтому, безъ всякаго ущерба для мѣстнаго народонаселенія, размѣръ гражданскихъ тяжебъ, гражданскихъ и уголовныхъ исковъ подсудныхъ мировымъ судьямъ, также и денежныхъ взысканій (нынѣ до 300 р.) можетъ быть понижень, если только окружные суды будутъ имѣть очередныя засѣданія въ уѣздныхъ городахъ. Послѣднее и безъ того рѣшительно необходимо; иначе разборъ множества мелкихъ споровъ о правахъ собственности на недвижимыя имущества, весьма правильно изъятыя безусловно изъ юрисдикціи мировой власти, и въ особенности раздѣлы и утвержденіе въ правахъ наслѣдства на эти имущества будутъ сопряжены съ большими затрудненіями для уѣздныхъ жителей.

Размѣръ дѣлъ подсудныхъ мировымъ судьямъ долженъ быть обрѣзанъ сверху, чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ расширить его снизу, именно въ пользу крестьянскихъ тяжебъ и проступковъ, подсудимыхъ нынѣ обязательно волостнымъ судамъ. Эта сторона мировой юрисдикціи заслуживаетъ особеннаго вниманія, тѣмъ болѣе что она, кажется, вовсе упускается изъ виду.

Изъ разбирательства мировыхъ судей безусловно изъяты (ст. 34. п. 3 Уст. Угол. Суд.) всѣ гражданскія и

уголовныя дѣла между крестьянами, окончательное рѣшеніе по которымъ предоставлено ихъ собственнымъ судамъ. Эта окончательная, то-есть безапелляціонная, подсудность крестьянскихъ дѣлъ волостнымъ судамъ весьма обширна: сюда принадлежатъ всѣ такъ-называемые *проступки*, составляющіе главную часть дѣятельности мировыхъ судей по уголовной части. Изъ этого видно, что крестьяне,—за исключеніемъ случаевъ участія лицъ другихъ сословій, дающаго право на перенось дѣла въ общія судебныя мѣста,—лишены въ своихъ взаимныхъ спорахъ и обидахъ судебной защиты мировой власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ маловажныя преступныя дѣянія и нарушенія законнаго порядка, отъ которыхъ въ общей сложности народный бытъ страдаетъ гораздо болѣе чѣмъ отъ крупныхъ преступленій и къ разряду которыхъ принадлежатъ также мелкое воровство и мошенничество, изъяты у крестьянъ изъ подсудности мировыхъ судей. Можно сказать безъ преувеличенія, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ ежедневной своей жизни, въ которыхъ крестьяне чувствуютъ наиболѣе потребности обращаться къ мировымъ судьямъ, они по закону не имѣютъ на это права! Спрашивается, чѣмъ можно оправдать такую вопіющую несправедливость относительно огромнаго большинства русскихъ гражданъ, къ благосостоянію которыхъ приложено было въ послѣднее время столько стараній? За что крестьяне лишены благодѣяній новой судебной власти? Изъятіе изъ мировой подсудности сдѣланное въ пользу крестьянскихъ судовъ положительно равняется лишенію крестьянъ всякаго правосудія и отнимаетъ у мировой судебной власти просвѣтительное и воспитательное ея дѣйствіе въ тѣхъ именно сферахъ, которыя наиболѣе въ томъ нуждаются. Къ такому заключенію долженъ прійти каждый, кто знаетъ въ какомъ положеніи находится нынѣ волостной судъ, какъ у бывшихъ помѣщичьихъ, такъ и въ особенности у государственныхъ крестьянъ. Установленная закономъ у тѣхъ и другихъ крестьянская судебная расправа суще-

ствуетъ только по имени: волостные суды, за весьма немногими исключеніями, можно сказать, вовсе не дѣйствуютъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ намъ мѣстностяхъ; когда же они что-нибудь рѣшаютъ (въ большинствѣ случаевъ принудительнымъ примиреніемъ сторонъ), тогда всѣ не только остаются недовольны, но вопіютъ противъ ихъ рѣшеній. Въ народѣ составилось самое дурное понятіе о крестьянскихъ судахъ; они были организованы искусственно и никогда не имѣютъ въ основѣ своихъ рѣшеній ни обычаевъ и преданій мірскаго суда, ни положительнаго закона. Единственная пружина, способная приводить ихъ въ дѣйствіе — волостной писарь, лицо, правосудію котораго народъ всего менѣе довѣряетъ. Когда крестьяне не могутъ разобраться своимъ собственнымъ, дѣйствительно крестьянскимъ судомъ, то-есть на міру или у третьихъ лицъ, тогда они желаютъ судиться у образованныхъ людей, у посредниковъ и мировыхъ судей а не у писарей, которые даже въ извѣстныхъ имъ законахъ изучили только способы обходить и нарушать законъ. Крестьянинъ, очевидно, никакъ не можетъ понять (и, замѣтимъ, никакъ не вѣритъ, когда ему объясняютъ вышеизложенную неподсудность мировымъ судьямъ крестьянскихъ дѣлъ), чтобъ у него одного въ цѣломъ государствѣ было отнято право судиться такъ, какъ судятся всѣ остальные русскіе подданные. Замѣтимъ здѣсь кстати одно обстоятельство, не совсѣмъ согласное съ извѣстнымъ образомъ мыслей относительно нашего крестьянскаго быта, но которое положительно намъ извѣстно: крестьяне во всѣхъ важныхъ для нихъ дѣлахъ любятъ судиться *по законамъ*, а не по своимъ обычаямъ, они особенно уважаютъ судъ, основанный на положительномъ законодательствѣ, изданномъ для всей Имперіи. Мы безпрестанно слышали похвалы крестьянъ мировымъ судьямъ именно за то, что они разсудили ихъ по писаннымъ законамъ. Эта черта народныхъ воззрѣній вырочемъ весьма естественная: для простаго здраваго смысла человѣка, не испорченнаго сочиненными на

досугѣ теоріями крестьянскаго быта, представляется тягостнымъ лишеніе права судиться въ судахъ, гдѣ судятся высшіе классы [1]).

Только въ нѣкоторыхъ опредѣленіяхъ закона о подсудности судебныхъ дѣлъ между крестьянами можно усматривать право мировыхъ судей не совсѣмъ еще отказывать крестьянамъ въ правосудіи; неточность эта, впрочемъ, даетъ только возможность обойти законъ, которымъ довольно ясенъ и по которому мировой судья можетъ отклонить отъ себя безусловно всякое разбирательство споровъ и проступковъ между крестьянами. Рѣшиться на это, конечно, очень трудно, такъ какъ большая часть людей приходящихъ къ убѣднымъ мировымъ судьямъ принадлежатъ къ крестьянскому сословію. Намъ кажется, что дѣло не можетъ быть оставлено въ этомъ положеніи и что самый естественный изъ него исходъ — предоставленіе сторонамъ права апелляціи мировымъ судьямъ на всѣ безъ изъятія рѣшенія волостныхъ судовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мировымъ судьямъ слѣдовало бы дать и право кассаціи этихъ рѣшеній [2]), которымъ законно или незаконно пользуются мировые посредники. Предлагаемая мѣра была бы переходною до тѣхъ поръ, пока волостные суды сами собой доживутъ свой вѣкъ въ нынѣшнемъ своемъ видѣ (весьма искусственномъ и непародномъ) [3]).

Необходимо упомянуть объ одномъ особомъ родѣ дѣлъ, изъятіе которыхъ изъ мировой подсудности сопряжено также съ большими неудобствами. Мы говоримъ о про-

---

[1]) Этимъ мы нисколько не отрицаемъ необходимости для многихъ дѣлъ сельскихъ судовъ по обычному праву.

[2]) Съ тѣхъ поръ право кассаціи рѣшеній волостныхъ судовъ было передано уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ (1881).

[3]) Преобразованіе волостныхъ судовъ, освобожденіе ихъ отъ всемогущей дѣятельности писарей, для этой послѣдней цѣли упрощеніе дѣлопроизводства, ограниченіе ихъ компетенціи дѣлами, которыя могутъ быть рѣшаемы по обычному и не писанному праву и приведеніе сельскаго суда въ связь съ мировою юстиціей, — все это составляютъ теперь вопросы на очереди при будущей реформѣ мѣстныхъ учрежденій (1881).

стуиках по должности всѣхъ сельскихъ должностныхъ лицъ. Весьма понятно и правильно отнесеніе исключительно къ вѣдѣнію общихъ судовъ всякихъ исковъ, вчиняемыхъ противъ должностныхъ лицъ, *относительно ихъ дѣйствій по должности*, когда эти лица состоятъ на государственной службѣ и потому всѣ ихъ дѣйствія составляютъ неразрывную часть правительственной дѣятельности, исходящей отъ высшихъ и центральныхъ властей въ государствѣ; но едва ли необходимо относить сюда же сельскихъ должностныхъ лицъ: волостныхъ старшинъ, головъ, судей, старостъ, десятскихъ, сотскихъ и проч. Еще можетъ быть нѣкоторая рѣчь объ административной связи и іерархической солидарности между волостными старшинами и государственными должностными лицами, хотя и желательно, чтобы волостные старшины по возможности менѣе служили административными агентами мѣстныхъ бюрократическихъ властей, и чтобы всякій разъ, когда распоряженія послѣднихъ сколько-нибудь замѣшаны въ обжалованныя дѣйствія и проступки волостныхъ старшинъ, дальнѣйшее производство дѣла могло быть передано въ общіе суды. Но сравненіе, въ отношеніи къ подсудности, дѣйствій по должности всѣхъ прочихъ сельскихъ должностныхъ лицъ, въ томъ числѣ даже сотскихъ и разсыльныхъ, съ дѣйствіями государственныхъ чиновниковъ кажется намъ совершенно излишнимъ. Огражденіе крестьянъ отъ произвола и самовластія ихъ властей есть одна изъ самыхъ чувствительныхъ потребностей нынѣшняго ихъ быта. На кого какъ не на мировыхъ судей естественѣе всего возложить контроль надъ сельскими должностными лицами, въ томъ числѣ и волостными старшинами, привлеченіе ихъ къ судебной отвѣтственности за всякое нарушеніе ими законной власти или обязанности и взысканія съ нихъ по жалобамъ подвластныхъ имъ людей? Мировые судьи лучше чѣмъ кто-либо могутъ судить о дѣйствіяхъ сельскихъ должностныхъ лицъ. Это было бы въ особенности необходимо, когда будутъ упразднены или слиты съ мировыми судьями ми-

рояые посредники, имѣющіе нынѣ право производить административнымъ порядкомъ взысканіе съ волостныхъ старшинъ, головъ и сельскихъ старостъ и даже вовсе увольнять послѣднихъ отъ должности. А сложность, затруднительность и медленность процедуры, въ случаѣ отдачи подъ судъ въ окружные суды, несомнѣнно будутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ то, что волостные старшины будутъ предаваемы суду лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, то-есть только за уголовныя преступленія по должности, а не за проступки; сельскіе же старосты и прочія сельскія должностныя лица — никогда. Однимъ словомъ, такой порядокъ можетъ угрожать полною безнаказанностью сельскихъ властей. Съ другой стороны, судебныя, гласныя и подчиненныя контролю высшихъ судебныхъ мѣстъ порядокъ мироваго разбирательства гораздо лучше способенъ охранить независимость и законныя права сельскихъ властей отъ произвола бюрократическихъ начальствъ чѣмъ допускаемый нынѣ порядокъ административныхъ взысканій. Этими взысканіями, къ числу которыхъ относится даже увольненіе волостныхъ старшинъ вовсе отъ должности губернаторами, поневолѣ приходится нынѣ замѣнять судебную расправу, которая сопряжена съ такими затрудненіями.

Уравненіе сельскихъ властей съ государственными чиновниками простирается нынѣ въ законахъ такъ далеко, что даже наказанія за оскорбленія волостныхъ старшинъ и головъ могутъ быть налагаемы не мировыми судьями, а только общими судами (Уст. о наказ. ст. 31). Отсюда происходитъ, что мелкія и даже крупныя оскорбленія волостныхъ начальниковъ, столь обыкновенныя въ крестьянскомъ быту, остаются безнаказанными, тогда какъ оскорбленія сельскихъ старостъ строго преслѣдуются мировыми судьями, даже когда тѣ и другія нанесены въ одно время и одними и тѣми же лицами. Мы видѣли много такихъ примѣровъ, которые весьма легко объясняются, съ одной стороны, трудностью, почти невозможностью преслѣдовать крестьянина въ окружномъ судѣ за

всякое ругательство противъ старшинъ и головы, а съ другой стороны, легкостью наложенія штрафа мировымъ судьей за всякую обиду, нанесенную старостѣ, полицейскому служителю и другимъ лицамъ, оскорбленія которыхъ ему подсудны.

Наконецъ мы должны, хотя бѣгло, коснуться общаго вопроса о судебной отвѣтственности за преступленія и дѣйствія по должности. Какъ извѣстно, подчиненіе судебному разбирательству всякихъ жалобъ частныхъ лицъ противъ государственныхъ должностныхъ лицъ за ихъ дѣйствія по службѣ, судебный порядокъ разсмотрѣнія всякихъ споровъ и исковъ, возникающихъ по случаю распоряженій этихъ лицъ, возможно большее равенство передъ судомъ оффиціальныхъ и частныхъ лицъ, наконецъ вообще судебная отвѣтственность людей, облеченныхъ государственною властію, - все это составляетъ одно изъ важнѣйшихъ обезпеченій,—мы готовы сказать, важнѣйшее обезпеченіе - гражданской свободы и безопасности личности и собственности въ государствѣ. Нельзя не привѣтствовать съ особенною признательностью къ верховной власти все, что̀ сдѣлано на этой почвѣ въ новыхъ судебныхъ уставахъ; многое здѣсь значительно измѣняетъ прежде дѣйствовавшій порядокъ и составляетъ рѣшительный успѣхъ въ нашей государственной жизни. Мы обязаны въ особенности цѣнить этотъ успѣхъ, потому что всякіе успѣхи въ этой щекотливой почвѣ чрезвычайно трудно даются всѣмъ народамъ.

Новые судебные уставы хотя и не измѣнили существенно прежнихъ законовъ о преданіи суду и о судопроизводствѣ по преступленіямъ по должности (ч. II, ст. 1066—1123), однако болѣе точнымъ образомъ опредѣлили судебный порядокъ этихъ дѣлъ и во всякомъ случаѣ, подчинивъ ихъ наравнѣ со всякими другими судебными дѣлами тѣмъ же условіямъ гласности, суду присяжныхъ и состязательному процессу, значительно подвинули впередъ дѣло судебной отвѣтственности правительственныхъ лицъ. Еще болѣе значительное улучшеніе

прежняго порядка составляетъ «судопроизводство по преступленіямъ и проступкамъ относящимся до разныхъ частей административнаго управленія» (ч. II ст. 1124—1228). Въ этомъ отношеніи судебная реформа, подчинивъ судебному разсмотрѣнію всякія нарушенія казенной собственности, дала много новыхъ обезпеченій, какъ интересамъ казны, такъ и частныхъ лицъ. Но важнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ въ разсматриваемой нами сферѣ должно, кажется, признать отдѣлъ судебныхъ уставовъ о взысканіи вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные распоряженіями должностныхъ лицъ. Хотя основныя начала законодательства по этому предмету и не измѣнились, но въ практическомъ своемъ исполненіи судебный порядокъ отысканія убытковъ съ должностныхъ лицъ значительно облегченъ. А между тѣмъ въ значительной части случаевъ упущенія и безаконныя распоряженія должностныхъ лицъ обусловливаются главнымъ образомъ невозможностью взысканія съ нихъ убытковъ; съ другой стороны, страхъ матеріальной отвѣтственности за эти убытки составляетъ одну изъ важнѣйшихъ охранъ противъ произвола и безаконія. Уголовное преслѣдованіе противъ правительственныхъ лицъ гораздо менѣе важно для частныхъ интересовъ чѣмъ гражданское. Частныя лица, получивъ возможность преслѣдовать должностныхъ лицъ гражданскимъ порядкомъ за убытки и вредъ, причиненные ихъ незаконными служебными дѣйствіями, наравнѣ съ дѣйствіями частныхъ лицъ, могутъ оставаться равнодушны къ уголовному преслѣдованію, предоставивъ его въ безусловное распоряженіе правительства.

Но вполнѣ признавая заслуги, уже оказанныя въ этомъ отношеніи судебною реформой, и вполнѣ соглашаясь, что дальнѣйшее развитіе всякаго законодательства въ указанномъ направленіи [1]) зависитъ не отъ однихъ только добрыхъ желаній правительства, но также и отъ граж-

---

[1]) Ср. Суд. Уст. изд. госуд. совѣта, ч. I, стр. 611—610 (комментаріи къ ст. 1,322 Уст. гражд. судопр.).

данныхъ успѣховъ самаго общества, нельзя однако не пожелать въ ближайшемъ будущемъ еще большихъ облегченій въ порядкѣ вчиненія и разбора исковъ по возмѣщенію за вредъ и убытки, производимые дѣйствіями должностныхъ лицъ. Между прочимъ желательно пониженіе судебныхъ инстанцій, которымъ подсудны эти дѣла, смотря по классамъ обвиняемыхъ должностныхъ лицъ. Здѣсь, между прочимъ, кажется намъ возможнымъ предоставить мировой судебной власти разбирательство подобныхъ процессовъ противъ низшихъ должностныхъ лицъ мѣстной администраціи, сверхъ сельскихъ властей. Судопроизводство по этимъ дѣламъ можетъ быть обставлено нѣкоторыми исключительными условіями: такъ, оно можетъ быть предоставлено исключительно мировымъ съѣздамъ, съ участіемъ начальниковъ подсудимыхъ, съ неограниченными правами на апелляцію въ общіе суды и т. д.

Чтобы требованія наши не показались чрезмѣрными, мы должны подкрѣпить ихъ слѣдующимъ соображеніемъ, которое упускается изъ виду при сужденіи о судебной реформѣ. Если судебная реформа даровала новыя права частнымъ лицамъ, то она вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно усилила обезпеченія въ пользу правительства казны и должностныхъ лицъ противъ частныхъ лицъ и частныхъ имуществъ. Отвѣтственность уголовная и гражданская за всѣ проступки, нарушающіе правительственные и общественные интересы, и также имущество и пользу казны, стали съ новыми судебными порядками несравненно строже чѣмъ прежде; взысканія по этой отвѣтственности стали несравненно быстрѣе, чувствительнѣе и неукоснительнѣе. Это въ особенности замѣтно въ дѣлахъ подсудныхъ мировой юстиціи. Для примѣра укажемъ хотя на ссоры и столкновенія полиціи съ частными лицами, въ такомъ множествѣ разбираемыя мировыми судьями. Едва ли приходилось въ прежнее время въ десять лѣтъ подвергнуться столькимъ наказаніямъ и денежнымъ взысканіямъ за обиды, неповиновеніе, неисполненіе приказаній полицейскихъ чиновъ и проч., какъ у мировыхъ

судей, въ теченіе одного мѣсяца. Между тѣмъ, когда мы видѣли на опытѣ строгость этихъ приговоровъ, строгость совершенно законную и необходимую, мы невольно приходили въ раздумье объ относительной трудности, съ которою сопряжено для частныхъ лицъ отысканіе судебнымъ же порядкомъ вознагражденія съ должностныхъ лицъ и вообще судебное правосудіе по ихъ проступкамъ и злоупотребленіямъ. Кто же не согласится, что если наше общество справедливо можетъ быть обвиняемо въ неуваженіи къ законности и въ нравственной распущенности, то это обвиненіе въ такой же мѣрѣ можетъ быть обращено и противъ официальнаго и чиновничьяго міра, въ беззаконныхъ отношеніяхъ котораго къ своему служебному долгу коренится къ тому же не мало нравственной порчи самого общества.

Сказанное нами, въ видѣ примѣра, о столкновеніяхъ полицейской власти съ частными лицами, примѣняется вообще ко всѣмъ требованіямъ со стороны правительственныхъ лицъ въ отношеніи къ частнымъ. Отвѣтственность за нарушенія законнаго порядка со стороны послѣднихъ чрезвычайно возрасла съ судебною реформой; привлеченіе къ этой отвѣтственности, въ особенности въ нарушеніяхъ подсудныхъ мировой власти, чрезвычайно облегчилось для правительственной власти. Чувство справедливости требуетъ, чтобъ и съ другой стороны были въ равной мѣрѣ расширены способы защиты отъ вреда, сопряженнаго съ нарушеніями того же порядка со стороны правительственныхъ лицъ. Ограничиваемся пока этими краткими указаніями на предметъ, возбуждающій множество размышленій и вопросовъ. Скажемъ здѣсь только, что мы не разъ приходили въ тупикъ, и совѣсть наша страдала, когда рядомъ съ строгими взысканіями за малѣйшее ослушаніе частныхъ лицъ мѣстнымъ властямъ, мы видѣли чувствительные ущербы частныхъ лицъ, по винѣ должностныхъ, остающіеся безъ всякаго вознагражденія.

4.

Отдавая дань уважения и признательности новымъ Судебнымъ Уставомъ, мы сѣтовали оговорку относительно Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Множество наблюденій надъ примѣненіемъ этого Устава убѣдили насъ, что онъ необходимо будетъ требовать пересмотра. Нельзя, конечно, торопиться передѣлкой закона, только-что вступившаго въ дѣйствіе, необходимо выждать результаты опыта въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи и, можетъ-быть, необходимо собрать свѣдѣнія и замѣчанія отъ самихъ членовъ мировыхъ учрежденій. Однако и нельзя будетъ надолго откладывать это дѣло, ибо нѣкоторыя постановленія Устава о наказаніяхъ рѣшительно неудобопримѣнимы.

Главный недостатокъ Устава о наказаніяхъ заключается, кажется намъ, въ слишкомъ слабомъ развитіи его отдѣльныхъ частей, по разнымъ группамъ преступныхъ дѣяній; нѣкоторыя группы опредѣлены въ такихъ общихъ выраженіяхъ, что отдѣльные, весьма распространенные у насъ виды проступковъ вовсе не обозначены. Между тѣмъ точныя опредѣленія проступковъ и слѣдующихъ за нихъ наказаній можетъ-быть нужнѣе въ этой части уголовныхъ законовъ, чѣмъ въ уложеніи о наказаніяхъ, такъ какъ большинство мировыхъ судей не можетъ имѣть строгаго юридическаго образованія, ни теоретическаго, ни практическаго.

Какъ на примѣръ недостаточнаго развитія нѣкоторыхъ частей Устава о наказаніяхъ, укажемъ на статьи о пьянствѣ, которыя всего чаще приходится примѣнять на практикѣ. Ихъ всего двѣ (12 и 43), тогда какъ для проступковъ пьянства (независимо отъ всякихъ другихъ соединяющихся съ нимъ проступковъ) слѣдовало бы составить особую главу, опредѣляющую множество специальныхъ у насъ преступныхъ проявленій этого порока. Это тѣмъ болѣе необходимо, что опьяненіе во многихъ

случаяхъ разсматривается какъ смягчающее обстоятельство при опредѣленіи вины и наказанія. Для множества видовъ нарушенія порядка и причиненія вреда вслѣдствіе крайностей употребленія спиртныхъ напитковъ, Уставъ о наказаніяхъ заключаетъ въ себѣ собственно только одну статью (42); другая же (43) указываетъ на одинъ весьма спеціальный видъ этой группы проступковъ: соблазнительныя для другихъ дѣйствія въ публичномъ мѣстѣ. Первою статьей (42) «о появленіи въ публичномъ мѣстѣ пьянымъ до безпамятства или въ безобразномъ отъ опьяненія видѣ» приходится руководствоваться во всѣхъ безъ изъятія случаяхъ пьянства. Но примѣненіе ея ко многимъ случаямъ можетъ быть сдѣлано только съ величайшею натяжкой, и сверхъ того высшій размѣръ назначаемаго въ ней наказанія, 7 дней ареста [1]), слишкомъ недостаточенъ для огромнаго числа весьма разнообразныхъ случаевъ, сюда подводимыхъ.

Самый распространенный видъ проступковъ пьянства, который для возможно бо́льшаго обобщенія назовемъ «безчинствомъ въ публичномъ мѣстѣ», вовсе не находитъ для себя опредѣленія въ Уставѣ о наказаніяхъ. Величайшія безчинства, совершаемыя на улицахъ единственно отъ опьяненія, конечно и болѣе вредны для общественнаго порядка и болѣе обидны для присутствующей публики чѣмъ такъ-называемыя «обиды дѣйствіемъ» (наказываемыя, безъ усиливающихъ вину обстоятельствъ, арестомъ до одного мѣсяца), могутъ быть наказаны по ст. 42-й арестомъ не свыше семи дней, если даже примѣнять къ нимъ эту статью. Не должно забывать, что примѣненіе въ этихъ случаяхъ разныхъ другихъ статей, въ которыхъ назначены наказанія за проступки, такъ часто сопровождающіе крайнее опьяненіе, несправедливо, ибо пьяный человѣкъ совершаетъ кучу вещей, которыхъ

---

[1]) Тутъ же опредѣлено и денежное взысканіе до 25 руб. сер., но денежные штрафы съ пьяницъ почти никогда не [illegible]. Объ отношеніи штрафовъ къ арестамъ скажемъ ниже.

онъ никогда не въ состояніи сдѣлать въ трезвомъ видѣ, и справедливость требуетъ, чтобъ онъ былъ наказанъ именно за *преступное* (то-есть вредное для общества) *опьяненіе*, а не за что-либо другое. Укажемъ еще на одинъ видъ проступковъ пьянства, весьма распространенный и давній поводъ ко множеству жалобъ, подаваемыхъ мировымъ судьямъ родственниками: это — непристойное обращеніе пьянаго человѣка съ своимъ семействомъ, безпорядочное домашнее поведеніе, буянство въ семействѣ, пропиваніе домашнихъ вещей и т. д. Всѣ эти домашнія и семейныя преступныя дѣйствія, которыя не всегда можно и должно оканчивать примиреніемъ и которыя могутъ быть въ нѣкоторой степени (въ юномъ возрастѣ даже въ значительной степени) обузданы судебными приговорами, также не находятъ для себя никакихъ опредѣленій въ Уставѣ; между тѣмъ, эти проступки, очевидно, составляютъ одинъ изъ видовъ проступковъ пьянства и должны быть наказываемы какъ такіе.

Другой родъ преступныхъ дѣяній, составляющій поступъ пьянства главный предметъ уголовнаго судопроизводства у мировыхъ судей, — *матерьяльное насиліе* и *матерьяльное самоуправство*, — также весьма слабо развитъ въ Уставѣ. Сюда могутъ быть спеціально отнесены только 38 статья о дракахъ, и чрезвычайно неопредѣленная, примѣняемая къ самымъ разнородимъ проступкамъ, статья 142 о самоуправствѣ вообще. Какъ мало сообразенъ Уставъ съ нашими обстоятельствами можно, между прочимъ, видѣть изъ того, что высшею мѣрою наказанія за драку въ публичномъ мѣстѣ и вообще за нарушеніе тишины полагается семь дней ареста или 25 руб. сер. денежнаго взысканія; между тѣмъ драки, а также публичные скандалы (вовсе неупоминаемые въ Уставѣ) вызываютъ весьма часто дѣятельность мировой власти, и въ нихъ нерѣдко участвуютъ люди весьма богатые, изъ которыхъ иной пожалуй, съ удовольствіемъ заплатитъ 25 руб. сер. штрафа за возможность произвести скандалъ и безпорядокъ въ публичномъ мѣстѣ. Очевидно, что тутъ,

смотря по состоянію виноватаго, и ста рублей взысканія можетъ быть недостаточно. Самый обыкновенный у насъ видъ разсматриваемаго рода проступковъ (насилій), суть *побои;* къ нимъ относится около половины всѣхъ уголовныхъ приговоровъ мировыхъ судей. Между тѣмъ, для побоевъ, какъ это ни покажется невѣроятнымъ, почти нѣтъ наказанія въ Уставѣ; о побояхъ упоминается только мимоходомъ въ разныхъ случаяхъ и, строго говоря, за побои нѣтъ наказанія въ Уставѣ, ибо примѣняемыя къ нимъ обыкновенно статьи, 133 и 134, говорятъ только объ *обидѣ дѣйствіемъ*, которая совсѣмъ не то, что побои, и которая можетъ быть нанеса даже безъ всякаго матеріальнаго прикосновенія обидчика къ обиженному. Статьи 133 и 134, по которымъ, за неимѣніемъ другихъ, почти всегда приходится назначать наказаніе за побои, опредѣляютъ высшую его мѣру, — когда обиженный самъ подалъ поводъ, — 15 днями ареста или 50 р. с. штрафа, а когда обиженнымъ не подано никакого повода, мѣсяцемъ ареста. Эта высшая мѣра, очевидно, недостаточна, если даже и правильно примѣненіе означенныхъ статей къ побоямъ, въ чемъ мы сомнѣваемся [1]). Составленіе особаго ряда статей по предмету побоевъ есть одна изъ насущныхъ потребностей уголовнаго мироваго судопроизводства. Побои имѣютъ столько оттѣнковъ, которымъ соотвѣтствуютъ различныя степени виновности и вреда, что тутъ необходима весьма тщательная разработка закона. При этомъ весьма желательно, чтобы были установлены и какія-нибудь нормы для вознагражденія за убытки и за безчестіе отъ побоевъ, такъ какъ по этому предмету, составляющему главную часть исковъ за побои, ничего не узаконено въ Уставѣ, и при-

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что если дѣлать въ законѣ лишь самыя общія опредѣленія преступныхъ дѣяній, то необходимо, по крайней мѣрѣ, назначать крайній предѣлъ наказаній гораздо выше, чѣмъ какъ это обыкновенно находимъ въ Уставѣ. Это обстоятельство составляетъ очень важный его недостатокъ, чрезвычайно затрудняющій на практикѣ.

ходится руководствоваться весьма неудовлетворительными положеніями общихъ гражданскихъ законовъ.

Укажемъ еще на главу о кражѣ, заключающую въ себѣ всего четыре статьи. Кража, высшая степень преступныхъ дѣяній, судимыхъ мировыми судьями, требуетъ, по своему распространенію въ народѣ, особенной заботливости судебной власти. Если не будетъ признано полезнымъ сократить объемъ подсудности кражи мировымъ судьямъ (напримѣръ ста рублями), что кажется намъ весьма желательнымъ, то необходимо гораздо подробнѣе опредѣлить разныя обстоятельства, сопровождающія кражу и до такой степени видоизмѣняющія ея преступность. Необходимо возвысить крайній предѣлъ (одинъ годъ тюрьмы) наказанія за кражу, ибо, при разныхъ усложняющихъ и усиливающихъ обстоятельствахъ, этого предѣла недостаточно, если принять въ соображеніе, что наименьшая мѣра наказанія — три мѣсяца тюрьмы и что кража вообще строго наказывается мировыми судьями. Не лучше ли ограничить подсудность кражи мировой власти чѣмъ наказывать человѣка, укравшаго на 60 коп. сер., семью мѣсяцами тюрьмы, какъ это нерѣдко случается, а человѣка, укравшаго на 300 руб., при разныхъ усиливающихъ обстоятельствахъ, только годомъ тюрьмы? Въ связи съ кражей замѣтимъ одно постановленіе, которое можетъ служить примѣромъ недосмотровъ, вкравшихся въ Уставъ. Таково постановленіе (ст. 154), по которому самое маловажное воровство лѣса, срубленнаго владѣльцемъ и имъ заготовленнаго, хотя бы это былъ просто хворостъ, наказывается какъ обыкновенная кража, то-есть тюрьмой, а всякая порубка (до трехъ разъ) лишь взысканіемъ двойной цѣны порубленнаго лѣса. Вообще назначеніе наказаній за самовольныя порубки, принадлежащія къ числу государственныхъ золъ Россіи, исключительно въ видѣ взысканія двойной стоимости похищеннаго, въ высшей степени непрактично, тѣмъ болѣе, что преступленія эти съ такимъ трудомъ и такъ рѣдко доказываются и настигаются, и охраненіе лѣсовъ требуетъ

такихъ значительныхъ расходовъ отъ виновныхъ. Когда порубщики уличаются въ значительныхъ по цѣнѣ порубкахъ, тогда большое денежное взысканіе съ нихъ почти неудобоисполнимо, какъ вообще денежныя взысканія съ крестьянъ. Хотя законъ вовсе не предписываетъ (какъ было однажды сказано въ печати) оцѣнивать похищенныя лѣса по казенной лѣсной оцѣнкѣ и предоставляетъ мировымъ судьямъ самимъ производить оцѣнку убытковъ на общемъ основаніи, но все-таки денежныя взысканія въ большей части случаевъ бываютъ довольно ничтожны. Не мѣшаетъ присовокупить къ этому, что пора бы и казнѣ, какъ бы она дешево ни цѣнила свои лѣса, измѣнить свою лѣсную таксу, по крайней мѣрѣ въ виду нравственнаго зла и соблазновъ, производимыхъ этою таксою. Казенные лѣса могутъ быть названы школою лѣсонастребленія и разсадникомъ самовольныхъ порубщиковъ въ Россіи. Если мировые судьи, какъ и слѣдуетъ надѣяться, рѣшатся обратить всѣ свои усилія на охраненіе частныхъ лѣсовъ, то казеннымъ лѣсамъ, куда исключительно обратятся порубщики, угрожаетъ, при существующей таксѣ, конечная гибель.

Сдѣланными указаніями на нѣкоторыя отдѣльныя части Устава о наказаніяхъ мы ограничимъ наши разсужденія о недостаточности его обработки, такъ какъ мы не намѣревались подвергать его строгой критикѣ, а хотѣли только доказать общую мысль о необходимости его пересмотра, если, впрочемъ, и въ будущемъ будетъ признано нужнымъ (что еще весьма спорно) имѣть отдѣльный отъ уложенія о наказаніяхъ уголовный кодексъ для мировыхъ судей.

Говоря объ Уставѣ о наказаніяхъ, мы должны коснуться одного его постановленія, имѣющаго громадное значеніе въ мировой практикѣ и которое, по нашему убѣжденію, нельзя оставить для безъ отмѣны: это сравненіе предѣла денежныхъ взысканій 15 р. с. съ тремя днями ареста. При безпрестанно случающейся замѣнѣ денежныхъ взысканій арестомъ, это постановленіе ста-

вить въ рѣшительный тупикъ мировыхъ судей. Какъ ни похвально общее стремленіе законодателя возвысить цѣну арестовъ, выразившееся и въ этомъ случаѣ, и какъ ни желательно вообще возбудить въ народѣ большую чувствительность къ этому наказанію, но есть мѣра всему. Не только въ уѣздѣ, но и въ большихъ городахъ сколько найдется людей, которые предпочтутъ просидѣть три дня подъ арестомъ вмѣсто 15 р. с. штрафа. Мы никого не удивимъ, сказавъ, что 15 р. с. штрафа равняются для большей части лицъ крестьянскаго сословія не менѣе какъ полутора мѣсяцамъ ареста. Разстояніе полутора мѣсяцевъ отъ трехъ дней довольно далеко. Просимъ обратить особенное вниманіе на изложенное нами узаконеніе Устава: оно уже возбуждаетъ множество недоразумѣній въ мировой практикѣ.

Коснувшись ареста, мы не можемъ не сказать нѣсколько словъ объ этомъ важномъ вопросѣ. Наложеніе наказанія, *чувствительнаго* для подсудимаго и вмѣстѣ съ тѣмъ *удобоисполнимаго*, дѣло очень трудное для мироваго судьи. У него въ распоряженіи собственно только арестъ и денежные штрафы, да и невозможно придумать еще другое какое-нибудь наказаніе, кромѣ розогъ, отмѣнъ которыхъ нельзя не радоваться. Денежныя взысканія самый практическій и лучшій родъ наказаній за проступки, въ особенности когда лишеніе свободы не только никого у насъ не пугаетъ, но нерѣдко выпрашивается подсудимыми крестьянами какъ награда, какъ весьма понятный отдыхъ отъ работы, которою пользуется не онъ, а община и семья. Денежные штрафы, чтобы быть сколько-нибудь чувствительными, не должны быть незначительны. Между тѣмъ взысканіе съ нашихъ крестьянъ сколько-нибудь значительныхъ штрафовъ, — мы разумѣемъ штрафы, превосходящіе самые скромные размѣры, напримѣръ $1\frac{1}{2}$ р. с., чрезвычайно затруднительно, такъ какъ личной собственности въ нашемъ крестьянскомъ быту почти не существуетъ, а замѣнена общимъ владѣніемъ и пользованіемъ, мірскимъ и родо-

ями, въ которомъ всякое личное чувство собственности совсѣмъ расплывается. Сверхъ того, денежная наличность у крестьянъ весьма ничтожна, а если и бываетъ, то ее нигдѣ не отыщешь. Денежное взысканіе въ большей части случаевъ или оказывается невозможнымъ, или падаетъ на людей невиноватыхъ: на сельское общество, на родоначальника, на хозяина. Приходится почти всегда замѣнять штрафъ арестомъ.

Арестантскими помѣщеніями для осужденныхъ мировыми судьями служатъ нынѣ арестантскія камеры при полиціяхъ: каковы эти мѣста заключенія, нѣтъ надобности распространяться. Къ недавно опубликованному описанію арестантской въ Царскомъ Сел. мы могли бы присоединить подобное же описаніе арестантской въ Троицко-Сергіевскомъ посадѣ, подъ стѣнами лавры, гдѣ накопилено столько сокровищъ, куда стекаются приношенія десятковъ милліоновъ поклонниковъ, откуда ежедневно щедрою рукой раздается даровое прокормленіе тысячамъ народа! Не можемъ ли мы послѣ этого считать арестантскія помѣщенія, въ которыхъ (подобно арестантской въ посадѣ) *нѣтъ опасности сырости, нѣтъ достаточно мѣста, чтобъ арестанты могли спать не касаясь, буквально одни на другихъ*, явленіемъ самымъ обыкновеннымъ въ Россіи? Дѣйствительно, порядочныя помѣщенія этого рода составляютъ у насъ исключенія. Оставляя также въ сторонѣ всякіе вопросы о филантропіи и общественной безопасности, возбуждаемые подобнымъ состояніемъ нашихъ арестантскихъ помѣщеній, необходимо обратить вниманіе по крайней мѣрѣ на то обстоятельство, что нынѣ (едва ли не повсемѣстно) физически нѣтъ достаточно мѣста въ арестантскихъ при полиціяхъ, чтобы помѣщать всѣхъ приговариваемыхъ къ аресту мировыми судьями. Вмѣстѣ съ тѣмъ надлежитъ замѣтить, что при такихъ условіяхъ заключеніе въ тюрьмѣ составляетъ въ дѣйствительности наказаніе болѣе легкое чѣмъ арестъ при полиціи. Какое же можетъ быть правосудіе при такихъ условіяхъ?

Устройство арестантскихъ помѣщеній возложено нынѣ на попеченіе земства, которое безотлагательно займется этимъ предметомъ. Тутъ опять приходится сожалѣть о разъединеніи земскихъ учрежденій и администраціи съ мировыми судьями, отъ которыхъ мы болѣе всего въ правѣ ожидать интереса къ этому дѣлу; не упрекая сужденій земства, которому, при его скудныхъ средствахъ, предлежитъ въ этомъ дѣлѣ трудная задача, выразимъ только желаніе, чтобы земство не увлекалось мечтой устроить *идеальныя* помѣщенія для арестантовъ, а позаботилось по крайней мѣрѣ улучшить ихъ сравнительно съ нынѣшнимъ положеніемъ. Лучше сдѣлать что-нибудь, чѣмъ ничего не сдѣлать. Если мы займемся устройствомъ арестантскихъ помѣщеній, *вполнѣ соотвѣтствующихъ всѣмъ современнымъ требованіямъ искусства и науки* и рѣшительно не доступныхъ для земскихъ финансовъ, то подвергнемся опасности ничего не сдѣлать.

5.

Мы высказали много желаній относительно будущаго развитія нашего мироваго института и много недоумѣній относительно нынѣшнихъ условій его дѣятельности; но при этомъ мы имѣли въ виду только возбудить нѣкоторые вопросы и сосредоточить на нихъ общественное вниманіе. Духъ порицанія и неговѣрія къ новому учрежденію болѣе всего чуждъ нашимъ намѣреніямъ. Даже при тѣхъ условіяхъ, которымъ подчинена нынѣ дѣятельность мировыхъ судей, они могутъ, по нашему глубокому убѣжденію, внесеннаго изъ опыта, оказать величайшую пользу важнѣйшимъ интересамъ власти и народа, и могутъ, при добрей волѣ, надѣяться на блестящую будущность. Эта будущность, очевидно, совершенно зависитъ отъ степени участія, которое приметъ въ мировомъ институтѣ гласныя и образованныя земледѣль-

ческій классъ, то-есть дворянство. Энергія лучшихъ людей изъ дворянской среды, и только она, можетъ извлечь изъ мировой власти все заключающееся въ этой власти общественное благо, одинаково дорогое для всѣхъ классовъ народа, и только она можетъ устранить отъ мироваго института всѣ обстоятельства, неблагопріятныя для его будущаго развитія. И наиболѣе неблагопріятнымъ обстоятельствомъ было бы равнодушіе къ нему образованнаго и независимаго дворянства. Не можетъ быть ни одного государственнаго учрежденія, которое съ самаго своего основанія разомъ дало бы обществу все, на что оно способно: чѣмъ болѣе учрежденіе способно къ развитію и къ водворенію въ народной жизни, тѣмъ болѣе требуется усилій и борьбы за его существованіе. Безъ борьбы, безъ препятствій, безъ труда дается только то, что не имѣетъ цѣны и къ чему нельзя питать уваженія.

Мировой судебный институтъ заслуживаетъ великихъ усилій и жертвъ для его водворенія. До сихъ поръ не было у насъ публичной власти, которая бы въ такой степени, какъ мировая, по своему высокому призванію и основной идеѣ, была достойна привязать къ себѣ лучшія силы общества, и которая бы по своей обстановкѣ соединяла въ себѣ столько условій, сочувственныхъ для дѣятельности людей образованныхъ, достаточныхъ и нравственно независимыхъ. *Водореніе законности и правомѣрности* въ ежедневныхъ отношеніяхъ народной жизни и *охрана личности и собственности* отъ мелкаго насилія и произвола, — что же болѣе этого достойно воодушевить къ дѣлу высшій земледѣльческій классъ, котораго лучшіе умы никогда не переставали, къ чести своего сословія и къ чести всего народа, возмущаться противъ гнета, насилія, произвола и беззаконія, во всѣ времена, вслѣдствіе роковыхъ историческихъ необходимостей, переполнявшихъ нашъ бытъ? Водореніе законности въ этихъ ежедневныхъ и мелкихъ отношеніяхъ жизни, изъ которыхъ слагается жизнь народа и соз-

дается его геній, такое дѣло, можетъ-быть, быстрѣе подвигаетъ народъ на пути дѣйствительнаго политическаго преуспѣянія, чѣмъ многія иныя, болѣе пышныя, проявленія общественной дѣятельности и по наружности болѣе трудные политическіе подвиги. Подъ вліяніемъ ежедневныхъ отношеній, подъ впечатлѣніями большаго или меньшаго преобладанія въ нихъ права или насилія, законности или произвола, составляются тѣ понятія, которыя масса народа переноситъ на высшія государственныя учрежденія и съ которыми она относится ко всѣмъ политическимъ задачамъ, выдвигаемымъ передовыми людьми и высшими классами. Успѣхи политическаго воспитанія народа были бы невозможны, если бы осталась въ пренебреженіи сфера, предоставленная дѣятельности мировыхъ судей; нельзя думать, чтобы народъ, посреди котораго была бы безпрепятственна мировая власть, способенъ былъ отнестись сознательно къ высшимъ политическимъ вопросамъ, занимающимъ умы его вождей. Люди мечтающіе о широкой политической жизни, при самыхъ естественныхъ и самыхъ великодушныхъ желаніяхъ, часто забываютъ на какой почвѣ стоятъ они, возносясь своей надеждой къ небу: міазмы, поднимающіеся съ этой почвы, могутъ застлать густымъ туманомъ не только отъ глазъ народа, живущаго въ низшихъ слояхъ политической атмосферы, но и отъ ихъ собственныхъ глазъ, свѣтлый образъ, улыбающійся ихъ надеждамъ. Люди, способные къ насилію и самовластію на самыхъ низшихъ общественныхъ должностяхъ, каковы, напримѣръ, наши сельскія выборныя власти; люди, нравственно неспособные дать законный отпоръ этому самовластію или лишенные всякихъ правомѣрныхъ къ тому средствъ и забитые деспотизмомъ общины; люди, готовые разрѣшить всякій споръ кулачнымъ правомъ, теряющіе всякое самообладаніе въ нѣсколькихъ шагахъ отъ питейнаго заведенія и такъ мало привыкшіе къ законной защитѣ своихъ правъ, что только въ пьяномъ видѣ способны не повиноваться слѣпо самымъ произвольнымъ требованіямъ каждаго полицейскаго и кан-

полярнаго служителя: люди, такъ мало дорожащіе личною свободою, что къ тюрьмѣ и аресту они готовы видѣть легкій способъ лѣвнаго прокормленія: далѣе люди, ищущіе хозяйственныхъ барышей въ неразсчетѣ съ рабочими, въ неоплатныхъ долгахъ; люди, отыскивающіе защиты своихъ интересовъ въ покровительствѣ и инструкціи властей, вмѣсто законнаго пользованія своими правами, считающіе личнымъ для себя оскорбленіемъ всякій вызовъ къ законному и гласному суду и нисколько не оскорбляющіеся въ своемъ достоинствѣ нагимъ съ ними обращеніемъ мѣстныхъ властей, а также и люди равнодушные къ тому или другому выбору въ мировые судьи и готовые изъ за пріятельскихъ связей допустить всякій самый недостойный выборъ, — способны ли такіе люди отозваться сколько-нибудь сочувственно на призывъ къ высшимъ политическимъ интересамъ? Мировая власть можетъ значительно обуздать всѣ эти навыки времени минувшихъ и воспитать народъ отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ его слоевъ къ сознанію права и законности, чувства личной законной свободы, личной законной отвѣтственности и собственнаго достоинства, — составляющихъ первичныя стихіи политической жизни.

Самая привлекательная сторона мировой власти для высшаго образованнаго класса должна заключаться въ томъ, что ни одна власть не была поставлена у насъ въ положеніе столь независимое какъ отъ другихъ властей, такъ и отъ окружающей общественной среды: кромѣ отвѣтственности передъ своею совѣстью и закономъ, мировой судья не связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ ничѣмъ. Каковы бы ни были обстоятельства среды и условія организаціи прочихъ властей, мировой судья можетъ быть увѣренъ, что сдѣлаетъ какое-нибудь добро, если только желаетъ. Этого не достаетъ многимъ поприщамъ, на которыхъ великое дѣло добра обусловлено дѣйствіями другихъ людей. Даже самая зависимость отъ избирателей, взятая, насколько не противорѣчащая желаніямъ нашего высшаго класса, сочувствующаго выборному началу,

даже эта зависимость чрезвычайно обѣгчена незначительнымъ количествомъ кандидатовъ (въ уѣздахъ) на участковыхъ судей и неограниченнымъ по закону числомъ почетныхъ. Самое неблагопріятное здѣсь обстоятельство — краткость срока службы — можетъ, надо надѣяться, исправиться, такъ какъ самъ законъ предусмотрѣлъ это обстоятельство, предоставивъ министру юстиціи испросить продолженіе сроковъ. Послѣднее представляется весьма желательнымъ, даже и съ той точки зрѣнія, что чѣмъ продолжительнѣе служба, тѣмъ умѣреннѣе можетъ быть денежное содержаніе мировыхъ судей. Что касается собственно до почетныхъ мировыхъ судей, то по самой сущности ихъ званія, оно должно быть пожизненное, съ правомъ земскихъ собраній во всякое время избирать новыя лица. Ошибки въ этихъ выборахъ могутъ быть только въ видѣ исключенія, да и во всякомъ случаѣ ничтожный вредъ отъ такихъ ошибокъ никогда не можетъ сравниться съ огромнымъ вредомъ отчужденія высшаго землевладѣльческаго класса отъ мироваго института. Пожизненность званія почетныхъ мировыхъ судей, хотя бы и съ нѣкоторыми необходимыми ограниченіями (въ томъ числѣ правомъ сената на періодическій пересмотръ списковъ судей) значительно возвысила бы почетъ этого званія, усилила бы элементы независимости въ мировомъ институтѣ и привлекла бы къ нему силы, остающіяся нынѣ, въ дворянской средѣ, въ сторонѣ отъ мировой власти и вообще отъ движенія мѣстныхъ земскихъ интересовъ. Какъ ни печально это положеніе вещей, а нельзя не сознаться, что такихъ досужихъ силъ, вполнѣ достойныхъ дѣла и почета, и между тѣмъ стоящихъ пока въ сторонѣ отъ дѣла, у насъ еще много.

Несмотря на все разнообразіе нашихъ мѣстныхъ обстоятельствъ и выборовъ, можно, кажется, сказать безошибочно, что около новаго мироваго института вообще сосредоточилось до сихъ поръ гораздо менѣе силъ, чѣмъ около прежняго. Къ должности мировыхъ посредниковъ стянулось все, что имѣло какой-нибудь досугъ и чувство-

ало въ себѣ сколько-нибудь способностей къ этой дѣятельности. Множество прежнихъ занятій, въ томъ числѣ много хозяйствъ, много выгодныхъ положеній и дорогихъ интересовъ, было покинуто, чтобы приложить руку къ великому дѣлу. То обстоятельство, что величайшее напряженіе силъ въ средѣ дворянства было именно направлено на совершеніе переворота, отнявшаго самую выгодную его привилегію и коренным образомъ измѣнившаго его экономическое положеніе, сложившееся вѣками — останется на вѣкъ несокрушимымъ памятникомъ въ исторіи русскаго дворянства. Къ довершенію необычайности и великодушія этого подвига, общее направленіе дѣйствій мировыхъ посредниковъ склонялось скорѣе въ пользу интересовъ противоположной стороны, нежели тѣи, къ которой они принадлежали и своими собственными интересами, и происхожденіемъ, и всѣми общественными связями. Необычайность явленія, съ которымъ дворянство полюбовно принимало на себя трудныя обязанности мировыхъ посредниковъ, дѣлается еще болѣе замѣчательною, когда мы сравнимъ съ этимъ явленіемъ относительную холодность, встрѣтившую въ его же средѣ званіе мировыхъ судей, званіе на столько же усиливающее значеніе и власть дворянскаго сословія, на сколько переворотъ, совершенный мировыми посредниками, ихъ уменьшилъ. Но съ тѣхъ поръ какъ мировые посредники закончили свой громадный трудъ, измѣнилось много обстоятельствъ, погасло не мало явленій, произошло не мало разочарованій въ средѣ нашего высшаго земледѣльческаго класса. Не будемъ разбирать здѣсь весьма сложныя причины этихъ хозяйственныхъ и политическихъ разочарованій, въ которыхъ винить никого нельзя, потому что виновны есть, каждый по-своему: для насъ достаточно только упомянуть о томъ упадкѣ и нѣкоторомъ паденіи духа, которые были, въ кругу лучшихъ людей, плодомъ этихъ разочарованій и которые, кажется намъ, отозвались и на выборахъ мировыхъ судей. Эти выборы пострадали главнымъ образомъ отъ об-

сентизма, нравственной болѣзни, зараженіи съ нѣкоторыхъ поръ лучшіе слои дворянства и между прочимъ высылающи тысячи людей во цвѣтъ силъ за границу. Образованные и благонамѣренные люди всесильны на земскихъ выборахъ, имъ покоряются всѣ сословія; если не всѣ вліянія на выборахъ бываютъ наилучшія, то въ этомъ должны винить себя только тѣ, которые добровольно отрекаются отъ всякаго вліянія.

Только близорукіе могутъ не видѣть этого умнія и горечи, накопившихся на днѣ души высшаго образованнаго класса, и не распознать этого болѣзненно-меланхолическаго настроенія духа, даже подъ громомъ патріотическихъ демонстрацій, въ которыхъ нашъ высшій классъ не только не отдѣлитъ себя отъ другихъ сословій, но всегда становится впереди.

Говорятъ, проза узкой и мелочной дѣятельности мірового судьи, омутъ житейскихъ дрязгъ, посреди которыхъ она вращается, противны условіямъ быта людей съ независимымъ общественнымъ положеніемъ, противны паренію политической мысли, занимающей собою ихъ умы, блеску широкой политической арены, рисующейся воображенію воспитанному посреди интересовъ политической жизни передовыхъ народовъ образованнаго міра. Никакъ не отрицая извѣстной доли справедливости въ этомъ взглядѣ, мы позволимъ себѣ сдѣлать только одно замѣчаніе, справедливость котораго такъ же едва ли можетъ быть оспариваема. Странное и совершенно ложное составляется понятіе о характерѣ высшей политической дѣятельности, объ участіи высшаго образованнаго класса въ государственныхъ дѣлахъ своей страны, когда это участіе рисуется воображенію единственно въ видѣ произнесенія рѣчей по общимъ политическимъ вопросамъ, страстной борьбы политическихъ партій, ораторскаго мужества въ защитѣ идеи свободы и т. д. Ко всѣмъ этимъ видимымъ лаврамъ присоединяется много никому невидимыхъ терній, къ числу которыхъ принадлежитъ самая мелочная и кропотливая работа, никакъ не менѣе мелочная, чѣмъ

разборъ конѣчныхъ счетовъ у мирового судьи и на тѣмъ обревизованіе земской управы и составленіе земской раскладки; къ этимъ же теріямъ принадлежатъ и всякія политическія дрязги, никакъ не болѣе возвышенныя, чѣмъ дрязги любаго уѣзднаго городишка. Дѣйствительное вліяніе на государственныя дѣла непремѣнно обусловлено этою мелочною работою и даже всѣми этими дрязгами, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одна человѣческая сфера; чтобъ обрѣзать государственный бюджетъ, недостаточно имѣть возвышенныя желанія относительно бережливаго употребленія казенныхъ денегъ или равномѣрнаго распредѣленія народныхъ тягостей: для этого необходимо осилить самую скучную работу и мелочную борьбу, совершенно чуждую высшему полету мысли. Кто этого не осилитъ на земскихъ собраніяхъ и выборахъ, на мировомъ судѣ, въ такъ-называемомъ уѣздномъ омутѣ, тотъ не осилитъ ихъ нигдѣ.

Заканчиваемъ наши замѣтки упованіемъ, что всѣ трудности новой мировой власти будутъ преодолѣны также побѣдоносно, какъ и въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Сословіе, доказавшее свое самоотверженіе и великодушіе въ великомъ переворотѣ, нанесшемъ ему чувствительнѣйшія раны, не можетъ же не заключать въ себѣ достаточно силъ, чтобъ упрочить дѣло, способное залѣчить эти раны.

Мы [1]) не разъ выражали сожалѣніе о готовившемся съ развязкою крестьянскаго вопроса упраздненіи института мировыхъ посредниковъ, замѣчательнаго тѣмъ, что

---

[1]) Эта замѣтка о слiяніи власти мировыхъ посредниковъ съ институтомъ мировыхъ судей, основанная на личныхъ наблюденіяхъ надъ дѣятельностью тѣхъ и другихъ, была напечатана въ 1867 г. въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Мы сочли удобнымъ присоединить ее къ предыдущей статьѣ, гдѣ проводится та же мысль.

ему предоставлена именно такая мѣра опеки надъ крестьянами, какая для ихъ собственнаго огражденія имъ необходима. По поводу судебной реформы мы высказывались за слитіе стараго мироваго института съ новымъ, чисто-судебнымъ и еще болѣе самостоятельнымъ, имѣя въ виду, что при томъ могли бы сохраниться всѣ хорошія стороны стараго учрежденія. Мы находили непужнымъ и вреднымъ безусловно раздѣлять судебную и административную власти въ низшихъ инстанціяхъ: только при ихъ сліяніи могло бы начаться у насъ серіозное мѣстное самоуправленіе, и администрація избавилась бы отъ своего чиновническаго характера. Дѣйствительность, кажется, вполнѣ оправдываетъ наши опасенія: разъединеніе двухъ мировыхъ институтовъ, сталкивающихся между собою на всѣхъ путяхъ дѣятельности, встрѣчаетъ такія практическія затрудненія, которыя снова ставятъ этотъ вопросъ на очередь, несмотря на столь недавнее его разрѣшеніе въ законодательномъ порядкѣ. Жизнь не можетъ примириться съ этому разъединенію и по всему видно, что правительству весьма скоро придется вновь заняться этимъ вопросомъ. Два мировые съѣзда въ одномъ уѣздѣ нерѣдко мѣшаютъ другъ другу, сбиваютъ съ толку крестьянъ и требуютъ столько личныхъ силъ, что въ иныхъ уѣздахъ оказывается въ нихъ недостатокъ и необходимость велитъ назначать чиновниковъ то мировыми посредниками, то мировыми судьями.

Какъ ни сокращали и ни урѣзывали съ разныхъ сторонъ мировыхъ посредниковъ, но оказалось до сихъ поръ не возможнымъ вовсе упразднить ихъ, а съ передачею въ ихъ завѣдываніе государственныхъ крестьянъ приходится опять увеличивать ихъ число. Объ этомъ уже ходатайствуютъ нѣкоторые уѣзды и едва ли возможно будетъ пренебречь ихъ основательными жалобами на чрезвычайное увеличеніе обязанностей мировыхъ посредниковъ, превосходящее силы вынѣшняго числа ихъ. Надлежащее устройство государственныхъ крестьянъ, кото-

рыхъ учрежденія подвергаются полному, можно сказать коренному преобразованію, требуетъ неусыпныхъ заботъ. Въ послѣдніе годы управленіе государственными крестьянами было въ переходномъ состояніи; прежняя система спеціальныхъ властей этого вѣдомства и отношеній государственныхъ крестьянъ къ общимъ государственнымъ властямъ поколеблена; она начала разлагаться собственно съ упраздненіемъ окружныхъ начальниковъ, которые, съ точки зрѣнія реформы, оказались совершенно излишними, а между тѣмъ составляли существенную принадлежность прежней системы; официальный бытъ государственныхъ крестьянъ подвергся вслѣдствіе того значительнымъ замѣшательствамъ, которыя нынѣ должны быть безотлагательно устранены. Дѣло въ томъ, что сущность этой системы, устроенной съ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ, заключалась въ обширной административной опекѣ, подвергавшей своему попечительству всѣ нравственныя и матерьяльныя нужды подвластнаго населенія. Когда разстроился кругъ властей, на которыхъ снизу до самаго верха лежали обязанности этой опеки, тогда начали возникать затрудненія, не устранимыя общими полицейскими и судебными властями. Наша узаконенная (искусственная) крестьянская община,—самымъ типическимъ образомъ выразившаяся въ устройствѣ государственныхъ крестьянъ,—вызываетъ дѣятельность власти, которая не только поддерживала бы установленныя для общины правила, но и въ особенности защищала бы отдѣльныхъ лицъ и меньшинство отъ угнетенія міра. Такой же защиты требуютъ и дѣйствія крестьянскихъ властей, которыя отнюдь не могутъ быть предоставлены сами себѣ и которыхъ самовольныя дѣйствія, а большею частію бездѣйствіе и корыстныя злоупотребленія, возбуждаютъ всего болѣе жалобъ со стороны крестьянъ. Этими жалобами завалены мировые посредники и мировые судьи, къ которымъ крестьяне постоянно обращаются во всѣхъ своихъ надобностяхъ, но которые не всегда имѣютъ право удовлетворить ихъ. Необходимо особенное попечи-

тельство и надъ волостными судами, которые или постановляютъ противозаконныя рѣшенія, или большею частію совсѣмъ не дѣйствуютъ, и тѣмъ ставятъ крестьянъ въ безвыходное положеніе. Почти по всѣмъ безъ изъятія дѣламъ своимъ, требующимъ судебнаго разбирательства, гражданскаго и уголовнаго, крестьяне (если въ дѣлѣ не замѣшаны другія сословія) изъяты отъ мировой подсудности и тѣмъ лишены благодѣяній новой судебной власти. Не мѣшаетъ замѣтить кстати, что крестьяне никакъ не могутъ примириться съ этою льготою, лишающею ихъ правосудія, дарованнаго всѣмъ русскимъ подданнымъ; они и не вѣрятъ, чтобъ имъ было отказано судиться, какъ судятся другія сословія. Надзоръ надъ волостными судами крайне необходимъ. Безъ кассаціи ихъ рѣшеній и безъ принужденія не отказывать просителямъ въ разбирательствѣ невозможно обойтись. Вотъ обширное поприще дѣятельности для мировыхъ посредниковъ, въ которыхъ, какъ слышно, съ передачею имъ государственныхъ крестьянъ, возбуждается снова энергія, несмотря на печальную судьбу, постигшую ихъ власть. Пространство нынѣшнихъ ихъ участковъ чрезвычайно затруднитъ ихъ дѣятельность, которая на первыхъ порахъ новаго устройства государственныхъ крестьянъ потребуетъ безпрерывныхъ переѣздовъ.

Новое устройство! Но условія быта государственныхъ крестьянъ, о которыхъ сейчасъ была рѣчь, повторяются въ большей или меньшей степени во всѣхъ слояхъ нашего сельскаго народа. Эти условія усилились съ упраздненіемъ крѣпостнаго права, которое замѣнили собою для 20 милліоновъ помѣщичьихъ крестьянъ и для многихъ милліоновъ поселянъ разныхъ вѣдомствъ всѣ безъ изятія публичныя власти; нынѣ мѣсто вотчинной власти заняла административная регламентація экономическихъ отношеній. Этого рода регламентація, и узаконенное ограниченіе свободы личности и личной собственности и труда, чтобы быть сносными, требуютъ постояннаго надзора власти.

умѣряющей зависимость личности отъ міра и земли. Наконецъ, слѣды отношеній которыми обусловлена была дѣйствовавшая досель надъ всѣми безъ изъятія сословіями строгая бюрократическая опека, и въ особенности всѣ навыки жизни, сроднившейся съ этою опекой, сохранились до сихъ поръ и вѣроятно не скоро изгладятся Если нигдѣ не возможно отсутствіе распорядительной мѣстной власти, если ни въ какомъ государствѣ нельзя обойтись съ одною судебною и полицейскою властями, то это конечно всего менѣе возможно въ нашемъ уѣздномъ быту, не имѣющемъ даже полиціи.

Какой же выходъ изъ этихъ затрудненій? Самымъ естественнымъ практическимъ путемъ сохраненія и развитія власти мировыхъ посредниковъ, снова воскресающихъ съ преобразованіемъ управленія государственныхъ крестьянъ, представляется сліяніе ихъ съ мировыми судьями. Иначе увеличеніе числа мировыхъ посредниковъ встрѣтитъ непреодолимыя препятствія, по недостатку въ людяхъ и по необходимости увеличить для этого земскіе расходы. Недостатокъ въ мѣстныхъ дворянахъ желающихъ принять на себя званіе мировыхъ посредниковъ усиливается еще вслѣдствіе того почета, которымъ окружена теперь власть мироваго судьи и который затмѣваетъ мировыхъ посредниковъ. Но необходимость сліянія обоихъ мировыхъ институтовъ не менѣе чувствуется и со стороны мировыхъ судей, которые, въ уѣздахъ, встрѣчаютъ большія затрудненія для успѣха своихъ дѣйствій. Можно сказать безъ преувеличенія, что къ уѣзднымъ мировымъ судьямъ почти не поступаетъ дѣлъ требующихъ одного чисто-судебнаго разбирательства: судъ составляетъ только часть, и даже не всегда главную, той охраны земскаго *мира*, собственности и личности, которая даетъ смыслъ ихъ названію и которую ожидаетъ отъ нихъ все мѣстное населеніе. Чтобъ удовлетворить самымъ вопіющимъ потребностямъ окружающаго быта, чтобы разрѣшать ежеминутные случаи жизни, въ которыхъ перепутаны всѣ

элементы, и судебные, и полицейскіе, и административные, чтобы не лишать людей защиты и охраны, мировые судьи въ уѣздахъ вынуждены безпрестанно дѣлать разные обходы. Множество недоразумѣній, уже причиненныхъ столкновеніями мировыхъ судей съ мировыми посредниками, во всѣхъ тѣхъ немногихъ случаяхъ, которые еще остались въ вѣдѣніи послѣднихъ, должны были бы доказать вредъ раздѣленія обоихъ учрежденій. Сверхъ всего этого надо замѣтить, что повсюду слышно о необходимости увеличить число мировыхъ судей, которыхъ участки слишкомъ обширны, а между тѣмъ, за недостаткомъ кандидатовъ, правительство бываетъ вынуждено присылать своихъ чиновниковъ на должность мировыхъ судей. Неужели обоимъ мировымъ институтамъ суждено въ своемъ развитіи подавлять другъ друга и въ добавокъ ко всему, подпасть чиновническому началу, которое непремѣнно будетъ усиливаться по мѣрѣ того какъ мировыя должности будутъ предоставляться падежнымъ чиновникамъ? Неужели бюрократическому началу суждено будетъ окончательно одержать верхъ надъ началами самоуправленія въ обоихъ учрежденіяхъ, взаимно другъ друга парализующихъ?

Но еще возможна лучшая будущность для мировыхъ учрежденій, и нельзя терять надежды, что слитіемъ двухъ мировыхъ институтовъ воедино, долженствующимъ усилить и облегчить дѣятельность того и другаго, безъ увеличенія численнаго ихъ состава, окончательно устроится наше самоуправленіе и утвердятся центры его тяжести, которые нынѣ колеблются посреди множества созданій новѣйшаго времени.

Вотчинная власть и бюрократическая опека, каждая въ своей сферѣ, поглощавшія всѣ безъ изъятія проявленія государственной власти, замѣнились властью мировыхъ посредниковъ, явившихся типомъ власти, переходной къ новому порядку. Нѣкоторый судебный оттѣнокъ этой власти былъ прекраснымъ задаткомъ новаго порядка.

Превращеніе мировыхъ посредниковъ въ мировыхъ судей было бы окончательнымъ водвореніемъ новаго порядка и окончательнымъ переходомъ отъ бюрократической опеки къ самоуправленію съ судебнымъ характеромъ. Такой характеръ мѣстной распорядительной власти наиболѣе благопріятенъ, какъ для охраны порядка, такъ и для огражденія законности и личной свободы.

IX [1]).

1867.

ЗАМѢТКА О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЗЕМСТВА.

Наши *земскія учрежденія подвергаются* нападкамъ съ самыхъ *противоположныхъ* точекъ зрѣнія. Нельзя впрочемъ не видѣть, что критика направляется большею частью въ духѣ, враждебномъ вообще ко всѣмъ великимъ реформамъ нынѣшняго царствованія, и со стороны, неблагорасположенной ко всякимъ гражданскимъ успѣхамъ нашего народа: въ этомъ, конечно, нѣтъ еще большой бѣды для земскихъ учрежденій; напротивъ, это можетъ только придать имъ новую жизнь и одушевленіе ихъ дѣятелямъ. Какъ не сбылись предсказанія о неизбѣжности всеобщаго въ Россіи голода послѣ упраздненія крѣпост-

---

[1]) Эта статья была напечатана въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» въ 1867 г. Она имѣла цѣлію защитить земскія учрежденія противъ враждебныхъ имъ, заявившей себя, съ первыхъ лѣтъ ихъ дѣятельности, и вскорѣ возраставшей съ двухъ противоположныхъ сторонъ: бюрократической (главнѣйше) и отчасти съ сословно-творянской (имѣвшей отъ своимъ органомъ газету «Вѣсть»). Здѣсь мы указываемъ только на преимущества земскихъ учрежденій сравнительно съ прежнимъ, исключительно бюрократическимъ управленіемъ, и на успѣхи земской дѣятельности сравнительно съ этимъ управленіемъ до хозяйственной части. Въ слѣдующей статьѣ (X), мы разбираемъ коренные недостатки въ самой организаціи земскихъ учрежденій, парализовавшіе многія лучшія усилія земскихъ дѣятелей и отнявшіе отъ нихъ многія лучшія жизненныя силы. Эти *органическіе недостатки* еще не чувствовались на первыхъ порахъ, въ особенности когда ожидалось дальнѣйшее развитіе новыхъ учрежденій и соотвѣтственная реформа старыхъ.

наго права вывозъ хлѣба изъ Россіи, даже въ не совсѣмъ урожайный годъ, каковъ нынѣшній, доходитъ до размѣровъ неслыханныхъ въ прежнее время), также точно, надо надѣяться, и земскія учрежденія не повторятъ Россіи для оправданія предсказаній ихъ недоброжелателей.

Многаго еще не достаетъ въ дѣятельности земскихъ учрежденій, но они уже настолько лучше прежнихъ губернскихъ комитетовъ для раскладки земскихъ повинностей, на сколько мировые судьи, въ случаяхъ даже самаго неудачнаго выбора (что при вторыхъ выборахъ можетъ исправиться), лучше прежнихъ уѣздныхъ судовъ и полицейской судебной расправы. Чтобъ оцѣнить добро, оказываемое мировыми и земскими учрежденіями, надобно заглянуть въ тѣ края нашего отечества, гдѣ этихъ учрежденій еще нѣтъ, и послушать съ какимъ нетерпѣніемъ ихъ ожидаютъ тамъ всѣ сословія. Во многихъ отношеніяхъ нельзя даже не удивляться, какъ быстро и повсемѣстно привились у насъ столь многосложныя учрежденія, какъ земскія. И какъ удалось имъ восторжествовать надъ столькими неблагопріятными для нихъ условіями, особенно надъ противодѣйствіемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ со стороны бюрократическихъ властей. И также надъ апатіей и абсентеизмомъ нашихъ высшихъ, образованныхъ классовъ, при столь замѣтномъ, во многихъ мѣстахъ, отчужденіи отъ дѣлъ и даже всеуничтоженіи средняго зажиточнаго дворянства. Были поводы опасаться, что новыя учрежденія вовсе не смогутъ организоваться, а между тѣмъ они не только организовались, но и дѣйствуютъ такъ, какъ будто бы существовали издавна; въ кругу благонамѣренныхъ земскихъ дѣятелей, посреди трудной борьбы съ суровыми условіями нашей природы и съ разными искусственно созданными и отъ прежняго времени оставшимися преградами, замѣчается гораздо менѣе унынія, нежели въ средѣ критиковъ и судей земскаго дѣла. Здѣсь нельзя не упомянуть, что въ средѣ дворянъ земскія учрежденія сгруппировали около себя много людей, прежде не участвовавшихъ въ службѣ

по выборамъ, а теперь взявшихся за дѣло съ серьезнымъ желаніемъ трудиться на общую пользу: нельзя не упомянуть также о заслугахъ купечества: хотя по роду своихъ занятій оно мало призвано къ участію въ мѣстномъ самоуправленіи, но во многихъ уѣздахъ оно успѣшно пополнило недостатокъ въ мѣстныхъ дѣятеляхъ и явилось во главѣ земства. Особенно утѣшительно то, что въ земскихъ учрежденіяхъ не обнаружилось никакого антагонизма между сословіями. Живымъ опытомъ были опровергнуты предсказанія людей, судящихъ о нашемъ народѣ по иностраннымъ, преимущественно французскимъ образцамъ. Въ противность ожиданіямъ крестьяне и вообще низшія сословія оказались бережливыми на земскіе деньги, а высшія наиболѣе расположенными къ развитію расходовъ и стало-быть къ самопожертвованію. Похоже ли это на тревожныя предсказанія, что неимущіе будутъ большинствомъ своихъ голосовъ устанавливать расходы на счетъ имущихъ? Высказывались, правда, въ земскихъ собраніяхъ и мнѣнія болѣе или менѣе враждебныя уравненію земской тягости между всѣми сословіями, какъ напримѣръ противъ замѣны земскихъ натуральныхъ повинностей денежными, но надо удивляться не тому, что такія мнѣнія высказывались, а скорѣе тому, какъ рѣдко, несмотря на подстрекательства нашихъ печатныхъ охранителей, такія мнѣнія высказывались, какъ мало встрѣчаютъ они сочувствія и какъ слабо ихъ вліяніе на рѣшенія земскихъ собраній. Вспомнимъ, что наши сословія находились въ полномъ разобщеніи, что земскія учрежденія вступили въ дѣйствіе непосредственно вслѣдъ за отмѣной крѣпостнаго права, тотчасъ послѣ крутаго переворота, которому подверглись помѣщичьи хозяйства, и что кастообразная организація нашихъ общественныхъ классовъ и теперь еще удерживается въ силѣ: какъ же не удивляться и не радоваться земскому міру, который у насъ господствуетъ, предвѣщая нашему народу великую будущность? Взять все въ расчетъ, мы можемъ съ увѣренностію сказать, что едва ли найдется другая общественная среда,

гдѣ, при подобныхъ обстоятельствахъ, оказывалась бы такая общественная гармонія. Такъ мало кичливости въ высшихъ классахъ и такъ мало завистливыхъ инстинктовъ въ низшихъ! Столько единства между всѣми соціальными группами въ земской средѣ, отличающейся однако же величайшимъ разнообразіемъ воспитанія, имущества и общественныхъ положеній! Не видимъ ли мы, что все питающее у насъ какія-нибудь наклонности къ сословному разобщенію и раздраженію, заявляетъ себя не иначе какъ принявъ цвѣтъ анти-русскаго духа и въ союзѣ съ наносными, среди подлиннаго русскаго земства совершенно безсильными партіями не національнаго свойства?

Формы, въ которыхъ организованы земскія учрежденія, могутъ современемъ измѣниться; нѣкоторые, отчасти уже ощущаемые, недостатки нынѣшней ихъ организаціи,—особенно разграниченность ея съ другими мѣстными учрежденіями, — легко устранимы; весьма желательно, какъ въ политическомъ, такъ и въ финансовомъ отношеніи, большее приуроченіе земскихъ учрежденій къ мировымъ. Но на первыхъ порахъ важнѣе всего то, чтобы дѣятельность земства стала на вѣрный путь, и для этого можетъ-быть требовалось временное привлеченіе къ земскимъ учрежденіямъ большаго числа личныхъ силъ, чѣмъ сколько общество будетъ въ состояніи удѣлить имъ въ послѣдствіи. Земскія учрежденія должны получить опредѣленный характеръ въ качествѣ института хозяйственнаго. Нужно, чтобъ они вращались въ сферѣ, имъ не отъемлемо принадлежащей, гдѣ они не могутъ быть замѣнены ни казной, ни частною предпріимчивостью. Земское хозяйство, какъ нѣтто среднее между казеннымъ и частнымъ хозяйствомъ, легко смѣшивается съ тѣмъ и другимъ; не разграниченное строго, оно легко можетъ захватывать области ему не принадлежащія и тѣмъ порождать вредныя для себя недоразумѣнія. Впрочемъ, до сихъ поръ само земство гораздо менѣе выходило изъ границъ свойственной ему дѣятельности нежели критики его, которые безпрерывно порицаютъ земскія учрежденія

съ двухъ противоположныхъ сторонъ, находя, что они дѣлаютъ слишкомъ мало, или что они дѣлаютъ слишкомъ много. Чѣмъ болѣе выяснятся свойства земскаго хозяйства, отличающія его отъ казеннаго и частнаго, тѣмъ менѣе будетъ этихъ недоразумѣній.

Намъ кажется, что земскія учрежденія могутъ быть источникомъ великой пользы, сдѣлавшись орудіемъ тѣхъ стремленій, которыя въ другихъ государствахъ, съ величайшимъ трудомъ и неудобствомъ, исполняются черезъ центральныя государственныя учрежденія и казенное хозяйство. Есть цѣлая сфера общественныхъ нуждъ, которыя нигдѣ, а въ особенности въ Россіи, при ея протяженіяхъ и рѣдкомъ народонаселеніи, не могутъ быть удовлетворены посредствомъ частной предпріимчивости и промышленной конкурренціи, и вызываютъ теперь и повсемѣстно содѣйствіе государства. Такова вся сфера государственной опеки надъ всѣми тѣми народными потребностями, которыхъ удовлетвореніе посредствомъ частной предпріимчивости не обѣщаетъ достаточнаго вознагражденія предпринимателю и капиталисту, или даже вовсе не можетъ стать предметомъ промышленнаго предпріятія, между тѣмъ какъ пренебреженіе ихъ было бы пагубно для успѣховъ цивилизаціи. Таковы, напримѣръ, разныя санитарныя мѣры, даровыя медицинскія пособія, которыя съ одной стороны оказываются въ видахъ благотворительности людямъ, неимѣющимъ достаточно средствъ для вознагражденія врача, съ другой стороны предупреждаютъ развитіе заразительныхъ и эпидемическихъ болѣзней. Сюда также относятся народныя школы, гдѣ плата за ученіе установлена ниже той, которая взималась бы частными содержателями школъ. Сюда наконецъ относятся почтовыя сообщенія по проселочнымъ дорогамъ, улучшеніе этихъ дорогъ и вообще путей сообщенія, а отчасти даже гарантія желѣзныхъ дорогъ.

Есть много причинъ, почему во всей этой сферѣ попечительства и общественныхъ пособій должно отдать предпочтеніе земскому хозяйству предъ казеннымъ. Всему

осуждённое, а въ особенности у насъ, когда оно вступаетъ въ область частной дѣятельности и промышленности, казенное хозяйство не имѣетъ многихъ важныхъ преимуществъ земскаго хозяйства. Во-первыхъ, послѣднее, находясь ближе къ народнымъ нуждамъ и болѣе подлежа гласности, обладаетъ гораздо бо́льшими способами контроля надъ раздачею пособій нежели казна. Во-вторыхъ, государство расходуетъ деньги по общему плану и тратится иногда, такъ сказать, для симметріи, гдѣ въ затратахъ нѣтъ дѣйствительной потребности, между тѣмъ какъ земство, особенно уѣздное, не можетъ положить ни копѣйки на какую-нибудь только мнимую потребность. Въ третьихъ, при расходованіи земскихъ денегъ на общественныя нужды можетъ быть соблюдено гораздо болѣе справедливости нежели при раздачѣ казенныхъ субсидій, которыя производятся на счетъ всего государства, а благопріятствуютъ или только одному краю, или разнымъ мѣстностямъ въ неодинаковой степени. Съ этой точки зрѣнія, было бы весьма желательно участіе земства въ сооруженіи желѣзныхъ дорогъ. Давно уже всѣхъ въ Европѣ занимаетъ вопросъ о явной несправедливости системы постройки желѣзныхъ дорогъ только при содѣйствіи со стороны государства, такъ какъ возвышая общій уровень благосостоянія всего государства, всякая желѣзно-дорожная линія преимущественно выгодна для мѣстностей, черезъ которыя она проходитъ и которыя соединяетъ, а нѣкоторымъ другимъ мѣстностямъ можетъ даже вредить, заставляя ихъ глохнуть. Справедливость требуетъ, чтобы земство принимало на себя извѣстную долю гарантіи, даваемой правительствомъ. При этомъ могла бы соблюдаться самая справедливая градація. Къ гарантіи, даваемой губернскимъ земствомъ, можетъ присоединиться особенная гарантія со стороны уѣздовъ, которые пересѣкаются сооружаемою линіею: такъ напримѣръ если бы государство приняло на себя половину платежей по гарантіи, то четверть платежей могла бы лежать на губерніи, и четверть на уѣздномъ земствѣ. Это было бы

полезно и для контроля надъ эксплуатаціей, потому что земство, объ нуждахъ ея свидѣтель, было бы заинтересовано въ ея правильности.

Земское хозяйство призвано замѣнить во многихъ отношеніяхъ казенное и принести всѣ тѣ выгоды, къ которымъ казенное хозяйство неспособно; но въ то же самое время оно никакъ не можетъ замѣнить собою частную предпріимчивость, и ему не слѣдуетъ вторгаться въ эту область. Только при этомъ условіи можетъ быть извлечена изъ земскихъ учрежденій вся польза правительственнаго попечительства и устранена его убыточность. Желательно, чтобы земское хозяйство не брало на себя операцій, которыя могутъ быть исполнены частными лицами или товариществами. Земству не слѣдуетъ браться, напримѣръ, за постройку желѣзныхъ дорогъ: какъ учредитель, земство всегда будетъ оказываться или тормазомъ, или паразитомъ. Или вотъ другой примѣръ. Пособія со стороны земства въ случаяхъ неурожая и голода, вызывающихъ мѣры государственной необходимости, могутъ быть весьма благотворительны, если земство ограничится выдачею денежныхъ ссудъ на закупку хлѣба или даже даровою раздачею хлѣба наиболѣе нуждающимся и обѣдствующимъ населеніямъ земство безъ сомнѣнія можетъ это сдѣлать лучше и выгоднѣе чѣмъ казна. Но оно приняло бы весьма нецелесообразный путь, если бы вздумало въ видахъ предупрежденія дороговизны хлѣба, постоянно закупать запасы хлѣба и распродавать его по цѣнѣ пониженной противъ рыночной, другими словами торговать хлѣбомъ, для уравненія его цѣнъ. Не говоря о разорительности подобныхъ операцій для земства отъ нихъ слѣдуетъ ожидать результатовъ противоположныхъ заданнымъ цѣлямъ. Такого рода операціи парализовали бы развитіемъ торговли и спекуляціи, которыя сами собою всегда противодѣйствуютъ слишкомъ крутымъ колебаніямъ цѣнъ, а при удобныхъ путяхъ сообщенія обезпечиваютъ народное продовольствіе лучше всякихъ общественныхъ запасовъ. Высказываемъ это, потому что за-

мѣчаемъ, что въ этомъ направленіи земству дается уже не мало ошибочныхъ совѣтовъ. Такъ недавно былъ поднятъ вопросъ объ общественныхъ запашкахъ для обезпеченія народнаго продовольствія. Можно ли придумать что-нибудь болѣе противное здравымъ понятіямъ объ общественномъ хозяйствѣ и истиннымъ цѣлямъ земскихъ учрежденій, какъ навязываніе имъ подобныхъ операцій. Достаточно вспомнить, съ какою радостью недавно освободились удѣльные крестьяне отъ своихъ общественныхъ запашекъ: въ этомъ выразилось инстинктивное сознаніе одного изъ главныхъ законовъ доказываемыхъ политическою экономіей. Точно таковъ же вопросъ объ обязательномъ наймѣ мѣрами земства свободныхъ земель у частныхъ землевладѣльцевъ для обезпеченія заработковъ сельскому люду и уплаты лежащихъ на нихъ податей. Не менѣе странно было бы земскимъ учрежденіямъ браться за исполненіе казенныхъ подрядовъ, требующее чисто-коммерческихъ условій; а между тѣмъ и на это указывали земству. Какъ будто забывая, что всякій подрядъ сопряженъ съ рискомъ и нуждается въ капиталѣ, земскія же учрежденія могутъ составлять капиталы только посредствомъ налога, который оттого, что онъ земскій, не менѣе отяготителенъ для плательщиковъ, не имѣютъ никакого права подвергать риску общественныя деньги. Въ исполненіи подрядовъ земскія управы будутъ мало чѣмъ лучше канцелярій и департаментовъ.

X.

1874.

ЗЕМСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ И САМОУПРАВЛЕНІЕ [1].

1.

Земскія учрежденія безспорно принадлежатъ къ важнѣйшимъ государственнымъ созиданіямъ царствованія Императора Александра II. Но ихъ главное значеніе только въ будущемъ, а въ настоящемъ они еще не даютъ, да и не могутъ дать всѣхъ тѣхъ практическихъ результатовъ для государства и для общества какихъ отъ нихъ ожидали и на какія мы въ правѣ возлагать наши упованія. Вотъ причина явленія, съ нѣкоторыхъ поръ обращающаго на себя общее вниманіе: послѣ горячихъ и единодушныхъ сочувствій и самыхъ свѣтлыхъ надеждъ, съ какими правительство вводило земскія учрежденія, а публика ихъ повсемѣстно встрѣчала, насталъ періодъ всеобщаго къ нимъ охлажденія. Сперва казалось что это самое по-

---

[1] Эта статья была напечатана въ Русскомъ Вѣстникѣ въ 1874 г. и вышла потомъ отдѣльнымъ изданіемъ (не находящимся болѣе въ продажѣ). Изъ всего нами писаннаго по вопросамъ управленія и самоуправленія этотъ трудъ обратилъ на себя всего болѣе вниманія публики (впрочемъ только въ недавнее время). Изъ него-же было сдѣлано всего болѣе заимствованій въ нашей печати. Мы глубоко убѣждены, что коснулись въ этой статьѣ самаго кореннаго недуга въ нашемъ мѣстномъ управленіи, безъ исцѣленія котораго не мыслимы никакія правильныя преобразованія нашихъ мѣстныхъ административныхъ учрежденій.

пулярное пасаждение современной законодательной эпохи, а теперь едва ли не приходится сдѣлать совсѣмъ иное заключеніе.

Между тѣмъ именно это обстоятельство, что лучшіе плоды земскихъ учрежденій возможны только въ будущемъ, и должно привлекать къ нимъ науку и серіозную литературу, которыя работаютъ конечно не для текущаго дня.

Ноздрѣвшіе практическіе результаты, которыхъ можно ожидать отъ этой новой административной организаціи, будутъ, какъ мы увидимъ, главнѣйше зависѣть отъ общаго направленія въ ея дальнѣйшемъ развитіи, а не отъ личныхъ усилій земскихъ дѣятелей.

Только наука можетъ вложить этотъ желательный общій духъ въ будущее развитіе земской организаціи, только она можетъ указать на общія руководящія начала, которыми, ради блага государства, нужно воодушевить и самихъ членовъ земства въ ихъ стремленіяхъ, и законодателей въ предстоящихъ по этой части реформахъ. Тѣ и другіе нуждаются въ общихъ понятіяхъ, въ общихъ взглядахъ, безъ которыхъ невозможно вынѣ никакое государственное дѣло, а тѣмъ болѣе невозможно столь запутанное и сложное дѣло какъ устроиство мѣстнаго управленія. Только наука — потому что въ этомъ ея призваніе и обязанность — способна раскрывать общіе идеи и цѣли государственныхъ учрежденій, обобщать частныя въ нихъ явленія, отвлекаться отъ всякихъ личныхъ интересовъ и страстей времени, не стѣсняться въ свободѣ своихъ сужденій никакими господствующими партіями и предразсудками, и отыскивать необходимую для всякой здравомысленной реформы связь настоящаго съ прошедшимъ и будущимъ. Эта необходимая связь возникаетъ только изъ изученія во всякомъ учрежденіи его внутренняго существа, которое, подъ вліяніемъ обстоятельствъ времени, можетъ облекаться въ самыя разнообразныя формы, но остается единымъ посреди всѣхъ своихъ видоизмѣненій; это существо, ускользающее отъ вниманія

исполнителей. и долженъ имѣть въ виду законодатель. Дѣятельность науки въ области земскихъ учрежденій особенно настоятельна, ибо даже въ самыхъ образованныхъ нашихъ сферахъ высказываются иногда по этому предмету мысли столь разнорѣчивыя и безпорядочныя, что онѣ доказываютъ скорѣе безсознательныя со всѣхъ сторонъ отношенія къ дѣлу, чѣмъ положительное и непримиримое разногласіе политическихъ мнѣній. Мы глубоко убѣждены, что въ настоящемъ случаѣ большая часть разнорѣчія можетъ быть устранена однимъ разъясненіемъ предмета спора и освобожденіемъ его отъ недоразумѣній, а это къ несчастію не всегда возможно по другимъ государственнымъ вопросамъ.

Во всѣхъ толкахъ о земскихъ учрежденіяхъ выступаютъ нынѣ наружу два, какъ будто совсѣмъ противоположныя, направленія: одни недовольны, что кругъ предоставленныхъ имъ правъ и дѣятельности слишкомъ узокъ, другіе напротивъ — что онъ слишкомъ широкъ; одни жалуются что присвоенная имъ свобода дѣйствій слишкомъ стѣснена бюрократическими властями, другіе — что она слишкомъ отъ нихъ независима. Такими противоположными взглядами на эти учрежденія та и другая группа критиковъ объясняютъ практическую неудовлетворительность ихъ дѣйствія, нынѣ какъ будто общепризнанную со всѣхъ сторонъ.

Весьма естественно, что въ такомъ же противоположномъ направленіи расходятся и желанія относительно дальнѣйшаго развитія этихъ учрежденій: однимъ хочется, чтобъ они получили болѣе простора, болѣе самостоятельности и съ тѣмъ вмѣстѣ болѣе значенія въ государствѣ, другимъ совсѣмъ напротивъ, хочется, чтобъ они были болѣе стѣснены и ограничены въ своихъ дѣйствіяхъ и правахъ. Вотъ это-то рѣзкое противорѣчіе въ господствующихъ у насъ мысляхъ по этому предмету, не только въ публикѣ и земской средѣ, но какъ кажется и въ оффиціальныхъ кругахъ, всего наглядѣе доказываетъ намъ что корень этого противорѣчія нисколько не въ поли-

ческомъ разномыслій партій, каковыхъ у насъ впрочемъ и не существуетъ, а единственно въ глубокомъ недоразумѣніи относительно самаго существа дѣла. Это явствуетъ преимущественно изъ того несомнѣннаго для насъ факта, что ни тѣми ни другими возрѣніями на земскія учрежденія ни малѣйшимъ образомъ не затрогиваетъ главный, основной порокъ ихъ организаціи, не совмѣстимый съ ихъ успѣшнымъ развитіемъ въ будущемъ: съ раскрытіемъ этого порока, о которомъ, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ нигдѣ не было рѣчи, оба мнѣнія оказываются, при всемъ вѣрномъ своемъ противорѣчіи, справедливыми, и оба тока связанныхъ съ ними желаній могутъ быть примирены. Какъ ни покажутся странными наши слова, но таково дѣйствительное положеніе вопроса, съ точки зрѣнія соотвѣтствующей не только понятіямъ теоріи, но и настоятельнѣйшимъ практическимъ интересамъ нашего государственнаго управленія и всей внутренней нашей политики.

Въ обѣихъ струяхъ отношенія къ земскимъ учрежденіямъ есть инстинктивное ощущеніе чего-то въ нихъ болѣзненнаго и не ладнаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ темное сознаніе, что причина зла лежитъ не въ извѣстностяхъ и не въ скудости правъ земства, а въ чемъ-то третьемъ, до сихъ поръ не высказанномъ.

Высказать это давно пора, а теперь болѣе чѣмъ когда-либо, чтобы, при свѣтѣ современной науки, выйти наконецъ изъ отсталаго круга всякихъ прогрессивныхъ и консервативныхъ понятій, которыя какъ чужеядныя растенія примѣшались и къ этому дѣлу, запутывая его до нельзя. Ни ограниченіемъ ни расширеніемъ свободы дѣйствій земскихъ учрежденій, ни подтягиваніемъ, ни разнузданіемъ ихъ, нельзя исправить ихъ органическихъ недостатковъ и положить начало къ ихъ прочному развитію въ будущемъ.

При младенчествѣ нашего политическаго воспитанія, посреди всеобщихъ смутныхъ представленій о существѣ самоуправленія, и въ особенности при ошибочныхъ по-

нятіяхъ, вызванныхъ неправильностями самой земской организаціи, пріютились подъ ихъ покровомъ и стали развиваться въ мѣстной средѣ личные, своекорыстные интересы, противные государственнымъ интересамъ и прямымъ задачамъ мѣстнаго самоуправленія. Въ официальныхъ сферахъ возникаютъ пререканія между представителями коронаго и земскаго управленія, получающія иной разъ подобіе борьбы между государствомъ и обществомъ; если пока эти столкновенія двухъ разнородныхъ административныхъ организацій совсѣмъ не опасны въ политическомъ отношеніи, то они крайне вредны для практическихъ успѣховъ земской дѣятельности. Къ этимъ безплоднымъ пререканіямъ, каждая сторона прилагаетъ рвеніе, которое парализуя дѣло съ обоихъ концовъ могло бы быть, при иной его постановкѣ, употреблено на него же съ величайшею пользою. Но едва ли не хуже всѣхъ этихъ обстоятельствъ опасеніе, что домогательства съ разныхъ сторонъ приведутъ къ мѣропріятіямъ и реформамъ, которыя, при неясности и неопредѣленности цѣли, повлекутъ за собою новую ломку и съ нею новыя, еще бо́льшія недоразумѣнія.

Таковъ, напримѣръ, вопросъ о всесословной волости, съ настойчивостію поднимаемый самимъ земствомъ. Этотъ вопросъ съ виду какъ нельзя болѣе естественъ и простъ; онъ переполненъ самыми великодушными намѣреніями (каково напримѣръ уничтоженіе сословнаго обособленія и распространеніе началъ самоуправленія на самыя низшія ступени администраціи); онъ возбуждается самыми разумными государственными цѣлями, каково созданіе болѣе мелкой земской единицы и замѣна въ администраціи невѣжественныхъ и немущихъ людей образованными и состоятельными. При такихъ условіяхъ, много соблазна для новой реформы, для новыхъ созиданій, а съ ними внушается невольный страхъ, что насъ ожидаютъ новыя развалины, и къ тому же развалины только-что вступившихъ въ жизнь учрежденій. Между тѣмъ этотъ вопросъ о всесословной волости, готовый сдѣлаться очереднымъ,

не разрѣшимъ, при нынѣшней организаціи земства; если же разрѣшимъ, то только подъ опасностью гораздо болѣе серіозныхъ замѣшательствъ въ ходѣ нашей административной машины, нежели даже всѣ случавшіяся до сихъ поръ.

Въ виду всѣхъ описанныхъ выше обстоятельствъ, мы считаемъ необходимымъ указать на самую существенную изъ неправильностей въ организаціи земскихъ учрежденій, влекущую за собою всѣ остальныя; но мы сначала напередъ оговориться противъ разныхъ ошибочныхъ толкованій нашихъ взглядовъ на это дѣло.

Погрѣшности въ земской организаціи, какъ онѣ ни велики, были однако неизбѣжны, при обстоятельствахъ времени и общемъ уровнѣ нашихъ государственныхъ знаній посреди которыхъ было задумано и издано положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1-го января 1864 года. Въ то время, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, посреди смутныхъ стремленій и безотчетныхъ желаній нашего общества, было нужно сдѣлать *что-нибудь* [1]), чтобы насытить эти желанія; это и было сдѣлано съ полнымъ успѣхомъ. Поэтому возможная нынѣ, послѣ десятилѣтняго опыта, критика этого законодательнаго акта не только не можетъ послужить къ его осужденію, но и никакъ не должна допускать забвенія первостепенныхъ государственныхъ услугъ имъ оказанныхъ.

О важнѣйшихъ изъ этихъ услугъ, слишкомъ легко позабываемыхъ, при измѣнившихся нынѣ теченіяхъ общественной мысли, необходимо здѣсь же упомянуть. Это тѣмъ болѣе необходимо, что наше общество, вопреки требованіямъ истиннаго критическаго разума, всегда слишкомъ наклонно къ новальному осужденію или новальному одобренію всякаго явленія, какъ и всякой дѣйствующей личности.

---

[1]) «Il faut faire quelque chose» какъ типично выражались тогда нѣкоторые передовые наши бюрократы.

Главная и великая заслуга земскихъ учрежденій, которая останется за ними навсегда въ нашей государственной исторіи, заключается въ началѣ *безсословности*, въ началѣ земскомъ, внесенномъ, или лучше возрожденномъ ими въ *государственномъ устройствѣ нашего общества*. Подъ государственнымъ устройствомъ общества мы разумѣемъ всю ту его организацію, посредствомъ которой оно дѣлается элементомъ въ государственномъ устроеніи и управленіи: эту организацію называютъ обыкновенно народнымъ представительствомъ, которое само по себѣ есть только одно изъ многихъ ея проявленій. Начало безсословности есть первое необходимое условіе здороваго самоуправленія, преобладающее надъ всѣми другими его началами, какъ это доказано не одною современною теоріею, но и всемірнымъ историческимъ опытомъ. Англія, признаваемая всѣмъ свѣтомъ за классическую страну мѣстнаго самоуправленія, ранѣе всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ разсталась съ родовыми, замкнутыми сословіями; вся система ея самоуправленія, составляющая предметъ зависти и подражанія въ континентальной Европѣ, также какъ и краеугольный камень этой системы, — институтъ мировыхъ судей, — покоятся, съ незапамятныхъ временъ, на началахъ безсословности и безусловнаго юридическаго равенства всѣхъ классовъ предъ государствомъ, судомъ и закономъ. [1]) Напротивъ того во всѣхъ континентальныхъ государствахъ, продолжавшееся до XIX столѣтія расчленіе общества на средневѣковыя феодальныя и сепаратистическія сословія было главною причиною исключительнаго господства бюрократизма, который всегда владычествуетъ посреди сословной розни и только по самому прискорбному недоразумѣнію можетъ казаться противникомъ сословныхъ домогательствъ: сословное разъединеніе было важнѣйшимъ препятствіемъ къ развитію самоуправленія, какъ это всего рѣзче можно видѣть на Франціи.

---

[1]) K. Gneist. *Verwaltung, Justiz, Rechtsweg.* Berlin, 1869.

Въ этомъ государствѣ были самыя крайнія проявленія и сословной вражды и вмѣстѣ съ тѣмъ бюрократической опеки надъ обществомъ. Чѣмъ болѣе общественные классы заражены сословными притязаніями, несогласными съ общегосударственною пользою, тѣмъ болѣе заботы объ этой пользѣ переходятъ въ распоряженіе безличной бюрократической машины, работающей все-таки во имя государства и его единства. Въ Германіи, и именно въ Пруссіи, послѣ великихъ реформъ Штейна и Гарденберга, попытки возвращенія къ сословнымъ корпораціямъ, къ сословнымъ привилегіямъ и къ сословному самоуправленію, [1]) въ періодъ реакціи до 1848 года, всего болѣе повредили развитію мѣстнаго самоуправленія, которое между прочимъ прекрасно зачалось въ безсословномъ городовомъ уложеніи 1806 года.

Въ недавнее время, въ новомъ періодѣ своей успѣшной государственной дѣятельности, Пруссія обратила особенное вниманіе на возсозданіе своего областнаго и общиннаго самоуправленія. Въ основаніе всѣхъ этихъ реформъ, производящихся отчасти подъ вліяніемъ духа англійскихъ учрежденій, глубоко изслѣдованныхъ прусскими учеными [2]), главнѣйшее положено начало безсословности [3]); всѣ мѣстныя власти и мѣстное правительство отрѣшены

---

[1]) Такова вотчинная, административная, полицейская и судебная права владѣльцевъ дворянскихъ имѣній и все мѣстное сословное управленіе бывшее до 1873 года.

[2]) Во всѣхъ этихъ законодательныхъ работахъ принималъ близкое участіе Р. Гнейстъ, если и не все въ нихъ вполнѣ согласно съ его желаніями относительно устройства мѣстнаго самоуправленія. Его мысли о реформѣ прусскаго мѣстнаго управленія изложены имъ, до изданія положенія объ окружномъ управленіи 1872 года, въ вышеупомянутомъ сочиненіи *Verwaltung, Justiz, Rechtsweg* p. 416—420. Вообще Гнейстъ врагъ великихъ мѣстныхъ представительныхъ собраній (Ortsparlamente, мѣстныхъ парламентовъ, какъ онъ ихъ называетъ, также выборнаго начала въ замѣщеніи всѣхъ должностей, *кромѣ хозяйственныхъ*. Въ этомъ направленіи нынѣшнее прусское окружное управленіе не совсѣмъ согласуется его желаніямъ.

[3]) Таковы: положеніе объ окружномъ управленіи (Kreisordnung 13-го декабря 1872 года и новый проектъ провинціальнаго управленія, имѣющій внесеннымъ въ прусскія палаты. Преобразованіе мѣстной земли страны идетъ въ Пруссіи постепенно и по частямъ.

отъ всякихъ сословныхъ союзовъ, организованныхъ прежнимъ законодательствомъ. Этому безспорному требованію вполнѣ соотвѣтствуютъ и наши земскія учрежденія, которыя потому и были значительнымъ успѣхомъ въ нашей государственной жизни въ сравненіи со всѣми прежними, исключительно сословными органами мѣстнаго управленія и представительства. Въ этомъ отношеніи они стоятъ даже впереди института мировыхъ посредниковъ; въ другихъ же отношеніяхъ своего устройства, этотъ институтъ, какъ органъ самоуправленія, имѣлъ важныя преимущества предъ земскими учрежденіями (мы это увидимъ въ послѣдствіи). Во всякомъ случаѣ, безсословный, земскій, равноправный, общественный, фундаментъ, почти совсѣмъ чуждый сословному дробленію и разъединенію общества, есть великое государственное пріобрѣтеніе, впервые дарованное Россіи этими учрежденіями, и только вслѣдъ за ними новымъ Городовымъ Положеніемъ. Не цѣнить этого важнаго обезпеченія нынѣшняго земскаго мира и будущаго здороваго развитія всего нашего политическаго организма было бы чрезвычайною неблагодарностью къ законодателю. Если теперь еще не всѣми сознается все великое значеніе этого безсословнаго фундамента въ государственномъ строѣ, устраняющаго самую опасную причину гражданскихъ междоусобій, то оно будетъ сознано въ будущемъ. Потомство не можетъ не оцѣнить пользу земской почвы, безповоротно положенной въ основаніе народнаго представительства, но современное общество, въ виду того что сословные союзы и привилегіи не пустили глубокихъ корней въ нашей исторіи, что нашимъ привилегированнымъ сословіямъ, какъ сословіямъ, не свойственны противогосударственныя домогательства западно-европейскихъ аристократій, и намъ не угрожала сословная борьба, — не можетъ пока достаточно оцѣнить важности безсословности въ самоуправленіи.

Нѣкоторые слѣды сословныхъ союзовъ еще сохранились въ земскихъ органахъ, на предсѣдательскихъ

земскихъ собраній и на составъ избирательныхъ съѣздовъ отъ церковнаго землевладѣнія и сельскихъ крестьянскихъ обществъ, но они были неизбѣжны при существующихъ еще въ нашемъ мѣстномъ управленіи сословныхъ организаціяхъ (разныхъ дворянскихъ административныхъ учрежденіяхъ, замкнутости и обособленности духовенства, сословномъ характерѣ волостей и сельскихъ обществъ. [1]) Эти слабые сословные признаки нисколько впрочемъ не окрашиваютъ собою общаго типа земскихъ учрежденій, растворяются въ его безсословныхъ элементахъ и были необходимымъ политическимъ компромиссомъ, исторической смѣсью, между противоположными началами стараго и новаго порядка въ общественномъ строѣ и управленіи. Такіе компромиссы могутъ быть ставляемы въ упрекъ законодателю только теоретическими увлеченіями, негодными для практическаго государственнаго дѣла; напротивъ того, эта черта земскихъ учрежденій, связавшая ихъ со старыми сословными союзами безъ всякаго насильственнаго разрушенія послѣднихъ, безъ возбужденія вражды между ними, должна быть признана чертою мудрости законодателя. Всякое новое государственное созданіе тѣмъ прочнѣе чѣмъ болѣе оно обезпечено отъ вражды обществѣнныхъ интересовъ и правъ затронутыхъ въ старыхъ учрежденіяхъ, чѣмъ съ большимъ уваженіемъ

---

[1]) Изъ всего сказаннаго никакъ не слѣдуетъ выводить такого заключенія, будто мы можемъ сочувствовать насильственному и крутому разрушенію сословій и сословныхъ организацій вопреки внутреннимъ историческимъ условіямъ ихъ быта. Но государство не должно (также вопреки этимъ бытовымъ условіямъ) и искусственно ихъ поддерживать,—не должно въ особенности — посредствомъ привилегій однихъ сословій, разорительныхъ и оскорбительныхъ для другихъ (см. выше: Аристократія и интересы дворянства.). Система мѣстнаго самоуправленія должна всего болѣе служить къ общеземскому объединенію сословій: но она не должна идти въ разрѣзъ съ глубокими историческими различіями быта и воспитанія разныхъ сословныхъ группъ, тѣмъ болѣе когда эти различія не наносятъ ущерба никому и не противны государственному единству. Потому мы не думаемъ, чтобы обособленность нашего крестьянскаго самоуправленія на низшихъ ступеняхъ (въ общинѣ или въ сельскихъ обществахъ) могла упраздниться, даже въ ближайшемъ будущемъ *безъ величайшаго вреда для народной жизни и для государства.*

и пощадою оно къ нимъ относится, открывая двери свободному переходу этихъ самыхъ интересовъ и правъ изъ старыхъ организацій въ новыя. Только такимъ образомъ не пропадаютъ даромъ для государства никакія силы, накопившіяся въ учрежденіяхъ предшествующихъ эпохъ. Благодаря этой истинно охранительной мысли, безъ сомнѣнія руководившей законодателемъ при составленіи Положенія 1-го января 1864 года, земскія учрежденія нисколько не были поставлены въ столкновеніе съ дворянскими сословными учрежденіями, и послѣднія не были разрушены, какъ того желали иные новаторы, необдуманно забѣгавшіе впередъ своего времени. Обильнымъ плодомъ этого благоразумія и было энергическое участіе дворянства въ земствѣ, куда оно съ самоотверженіемъ тотчасъ перенесло дѣятельность своихъ лучшихъ личныхъ силъ и свою политическую опытность, которою этотъ общественный классъ обладаетъ пока по преимуществу предъ всѣми другими классами.

Другаго рода важная государственная заслуга, которую также несправедливо было бы не признавать за земскими учрежденіями, заключается въ той политической школѣ, въ политическомъ воспитаніи, которыя они даютъ всѣмъ слоямъ нашего общества, въ особенности же среднимъ и низшимъ. Это значеніе земства всего менѣе у насъ оспаривается, и потому нѣтъ надобности на немъ много останавливаться. Но здѣсь необходимо упомянуть только объ одномъ обстоятельствѣ, недостаточно замѣчаемомъ: воспитательное дѣйствіе этихъ совсѣмъ новыхъ учрежденій усиливается самыми ихъ недостатками и въ нѣкоторой степени вознаграждаетъ государство за эти недостатки, при крайней настоятельности пробужденія разумнаго политическаго духа въ нашемъ обществѣ. Въ такомъ направленіи дѣйствуютъ многія особенности въ устройствѣ земскихъ органовъ, невыгодныя и неудобныя собственно для практическихъ, въ особенности хозяйственныхъ, цѣлей самоуправленія: чрезвычайная сложность этихъ органовъ, преобладающее во всѣхъ исполнительныхъ ихъ частяхъ

коллегіальное устройство, безусловное господство выборнаго начала надъ всякимъ другимъ способомъ замѣщенія должностей и чрезвычайное (вслѣдствіе краткости всѣхъ сроковъ службы) учащеніе случаевъ дѣйствія этого начала, быстрая смѣна всѣхъ должностныхъ лицъ, многочисленность и многолюдность представительныхъ собраній, несвойственное имъ прямое участіе въ исполнительныхъ и распорядительныхъ функціяхъ самоуправленія, крайнее развитіе всѣхъ принадлежностей внѣшней обстановки дѣла, — собраній, засѣданій, преній, — на счетъ практической сущности дѣла и въ ущербъ ему, и пр. Обо всѣхъ этихъ второстепенныхъ погрѣшностяхъ въ земской организаціи, значительно впрочемъ усиливаемыхъ неопытностью и увлеченіями самихъ дѣятелей, мы упоминаемъ здѣсь только мимоходомъ, предполагая заняться гораздо болѣе существенною и коренною неправильностью этой организаціи. Какъ однако ни вредны всѣ эти погрѣшности чисто въ практическомъ и хозяйственномъ отношеніи, онѣ именно силою практическихъ дѣловыхъ трудностей съ ними связанныхъ, безпрерывными преніями и столкновеніями какъ между всѣми пружинами земскаго механизма, такъ и между ними и посторонними учрежденіями и лицами, обсужденіями самыхъ отвлеченныхъ и общихъ вопросовъ права и администраціи, всею этою умственною и нравственною борьбою, вносятъ значительное оживленіе въ земскую жизнь и будятъ гражданское самосознаніе во всѣхъ его участникахъ. При апатіи нашего общества, слишкомъ легко подвергающагося усыпленію въ нормальныя государственныя эпохи, такой ферментъ движенія полезенъ. Чтобъ оцѣнить значеніе этой школы, нужно только подумать о могущественномъ ея вліяніи на умственное развитіе нашихъ крестьянъ, быть которыхъ глохнетъ подъ исключительнымъ господствомъ матеріальныхъ интересовъ. Ихъ собственное самоуправленіе совсѣмъ не приводитъ ихъ въ прикосновеніе съ образованными классами и съ высшими стремленіями, какое они находятъ въ земской средѣ. Въ томъ же направле-

ній, но уже для успѣховъ государственнаго воспитанія преимущественно высшихъ слоевъ общества, дѣйствуетъ неопредѣленность и неясность отношеній земской организаціи къ общей организаціи нашего государственнаго управленія, и къ ея коронымъ или бюрократическимъ органамъ. Конечно такая относительная польза, связанная съ этимъ недостаткомъ, не вполнѣ вознаграждаетъ за причиняемый имъ государственный вредъ. Однако самыя опасныя возможныя послѣдствія этого вреда только въ будущемъ, ихъ не слѣдуетъ преувеличивать, и чѣмъ болѣе мы сами будемъ на нихъ указывать, тѣмъ болѣе мы обязаны не позабывать добра проистекающаго изъ той же причины. Слишкомъ частыя коллизіи коронныхъ и земскихъ властей, обусловленныя государственно-юридическою неточностію и шаткостью ихъ взаимныхъ отношеній, заставляютъ каждую сторону, каждое дѣйствующее лицо ощупью, на свой личный страхъ, своимъ личнымъ опытомъ и тактомъ искать и добиваться опредѣленія этихъ отношеній. Все это броженіе административныхъ, юридическихъ и политическихъ понятій, несомнѣнно вызванное земскими учрежденіями какъ въ правительственной, такъ и въ общественной сферѣ, не остается безъ живительныхъ послѣдствій для обѣихъ сферъ и еще не сопряжено ни съ какими серіозными замѣшательствами въ нашемъ государственномъ бытѣ. Такой успокоительный взглядъ, мы надѣемся, вполнѣ основателенъ, если принять въ соображеніе нескопную политическую благонадежность всѣхъ нашихъ общественныхъ классовъ, миролюбіе, добродушіе и мягкость нашего національнаго характера, безусловную покорность народа, во всѣхъ его слояхъ, верховной волѣ закона и власти; но сверхъ всѣхъ этихъ успокоительныхъ условій, уже оправдавшихся на дѣлѣ, само законодательство о земскихъ учрежденіяхъ заключаетъ въ себѣ обезпеченія противъ всякихъ злокачественныхъ коллизій между ними и бюрократическими учрежденіями, и противъ еще болѣе

опасныхъ коллизій, чрезъ посредство ихъ, между обществомъ и государственною властью.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Положеніе 1-го января 1864 года представляетъ прочную гарантію, которую не можемъ оставить безъ упоминовенія. Мы говоримъ о подчиненія земскихъ учрежденій Правительствующему Сенату, какъ верховной судебно-административной инстанціи, и присвоеніи Сенату власти окончательнаго вершенія всѣхъ споровъ и пререканій земскихъ учрежденій съ коронными, и даже съ самыми высшими ихъ органами (ст. 9. 11. 96, 97. 117 и 118 Положенія). Эта черта въ устроеніи земскихъ учрежденій не только искупаетъ многіе ихъ грѣхи и наиболѣе способна къ широкому и правильному развитію въ будущемъ, но есть уже само по себѣ важный успѣхъ въ нашей государственной жизни. Верховный судебный контроль есть необходимая принадлежность самоуправленія, истекающая изъ самыхъ существенныхъ свойствъ этой системы управленія. Сущность этой системы есть не что иное, по опредѣленію перваго современнаго знатока въ этой области, Р. Гнейста, какъ *управленіе по законамъ и чрезъ законы* [1]).

Самостоятельность и независимость органовъ самоуправленія, неподчиненныхъ подобно бюрократическимъ органамъ личнымъ указаніямъ начальства, обязанныхъ руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ велѣніями только закона, не допускаютъ иной *окончательной* надъ ними контрольной инстанціи, какъ судебную, иной окончательной ревизіи ихъ дѣйствій, какъ съ судебною процедурою, иныхъ дисциплинарныхъ съ нихъ взысканій, какъ судебныя. Эти характеристическія свойства личныхъ органовъ государственнаго самоуправленія требуютъ тѣмъ болѣе строгаго и неусыпнаго наблюденія за законностію ихъ

[1]) Въ противоположность бюрократическому или приказному управленію, которое есть управленіе по *предписанію* начальства, и *чрезъ предписанія* и подчиненныхъ.

дѣятелей и тѣмъ болѣе крѣпкой гарантіи противъ ихъ самоволія и правонарушеній. Такую гарантію, въ окончательномъ результатѣ, можетъ доставить только единственная незыблемая охрана всякой законности въ государствѣ, судебная власть. Эта сторона земскихъ учрежденій конечно еще нуждается въ значительномъ развитіи чрезъ законодательство [1]) и судебную практику, тѣмъ не менѣе она въ своемъ принципѣ уже существуетъ, и потому этимъ учрежденіямъ усвоено одно изъ неотъемлемыхъ началъ всякой системы самоуправленія. Замѣтимъ здѣсь кстати, что *судебно-административная* юрисдикція вообще находится у насъ только въ зародышѣ, и ограничивается пока только верховною своею инстанціею. Сенатомъ; съ развитіемъ этой юрисдикціи, могущей и долженствующей имѣть свои *мѣстные* органы, контроль надъ земствомъ можетъ значительно усилиться и приблизиться къ его ежедневнымъ функціямъ, не утрачивая при этомъ своего *судебнаго* характера.

Земскою средою не ограничивается благодѣтельное дѣйствіе всего этого судебнаго начала: оно незамѣтно распространяется на все государственное управленіе и вноситъ во всю его сферу тотъ элементъ права и законности, тѣ понятія объ ограниченіи всякаго личнаго произвола и хотѣнія преюнами закона и судебною отвѣтственностію, въ которыхъ такъ нуждается всякое управленіе. При этомъ однако благоразумными распоряженіями приведенныхъ постановленій ни сколько не стѣсняется весь необходимый для энергіи административной власти просторъ ея дѣйствій, и она нисколько не ставится въ исполненіи своихъ обязанностей въ несвоевременную ея

---

[1]) Такъ напримѣръ, едва ли можетъ оставаться навсегда въ силѣ правило изображенное въ ст. 119 Положенія, по которой во всякомъ случаѣ нарушенія *гражданскихъ правъ* частныхъ лицъ, обществъ и даже установленій, всѣ они не имѣютъ иного пути къ охранѣ и возстановленію своихъ нарушенныхъ правъ, какъ судебный искъ на земскія учрежденія, на *общемъ основаніи*. Этимъ правиломъ исключается во всѣхъ этихъ случаяхъ *судебно-административный контроль* даже самаго Сената. Впрочемъ эта статья весьма неясна.

зависимость отъ судебной власти: такъ напримѣръ, по ст. 94 и 96, начальникъ губерніи можетъ, въ случаѣ признаваемой имъ государственной пользы и необходимости, остановить исполненіе всякаго постановленія земскаго собранія, но не иначе какъ подъ личною своею отвѣтственностію и съ представленіемъ дѣла на разрѣшеніе Правительствующаго Сената. Если во многихъ случаяхъ пользованіе этимъ правомъ было неумѣлое, слабое, а въ нѣкоторыхъ даже недобросовѣстное, то въ этомъ виноватъ никакъ не законъ. Впрочемъ приведенныя сюда постановленія далеко не полны и ими не исчерпываются всѣ административные казусы этого круга, но обозначенное здѣсь направленіе для отношеній самоуправленія къ бюрократическимъ (въ особенности единоличнымъ) властямъ и администраціи къ суду совершенно правильно; это направленіе желательно развивать болѣе и болѣе и за него нельзя не быть благодарнымъ Положенію о земскихъ учрежденіяхъ, хотя оно и не довольно еще опредѣлительно очерчено [1]): не опредѣлительна, къ сожалѣнію, редакція всего этого законодательнаго акта.

Кстати не можемъ не отмѣтить то значеніе, которое хотя и не впервые придано земскимъ Положеніемъ Правительствующему Сенату, однако, въ сильной степени, имъ выдвинуто впередъ и пробуждено въ общемъ сознаніи, — значеніе Сената какъ *административнаго суда*, какъ верховной судебной инстанціи *для административнаго и всего вообще публичнаго права*. Вопросъ объ особыхъ самостоятельныхъ судилищахъ для всѣхъ спорныхъ предметовъ публичнаго права (споровъ частныхъ лицъ съ правительственными и всякими публичными установленіями, вопросовъ объ ихъ правахъ, пространствѣ власти и компетенціи, пререканій между властями, и т. д.)

---

[1] Такъ напримѣръ въ приведенныхъ статьяхъ не совсѣмъ ясно всякое ли, или только *незаконное* постановленіе земскаго собранія можетъ пріостановить губернаторъ. Вопросъ этотъ слишкомъ важенъ, чтобы отвѣтъ на него могъ быть неопредѣлителенъ.

есть одинъ изъ настоятельнѣйшихъ вопросовъ современной государственной практики и теоріи, во всей Европѣ. Всюду ощущается нужда въ судебномъ разбирательствѣ для всей этой области публичнаго права (государственнаго, финансоваго, административнаго, полицейскаго); вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе разныхъ политическихъ и юридическихъ особенностей этой области права, признается невозможнымъ предоставить ее въ распоряженіе общихъ или обыкновенныхъ судовъ (то-есть по частному праву гражданскому и уголовному). Такъ въ Пруссіи учреждены положеніемъ объ окружномъ самоуправленіи 1872 года особые административные суды (Verwaltungsgerichte) для разрѣшенія всѣхъ юридическихъ споровъ и пререканій относительно правильности этого положенія. Съ постепеннымъ развитіемъ самоуправленія, духа законности и права въ нашемъ государственномъ устройствѣ и управленіи, и у насъ будетъ постоянно возрастать потребность въ судебной охранѣ для всѣхъ этихъ *государственно-юридическихъ отношеній*, и она конечно всего ближе выпадаетъ на долю Сената (по 1-му департаменту), древнѣйшаго изъ нынѣ существующихъ у насъ государственныхъ учрежденій. Сенатъ обладаетъ вѣковыми традиціями административной юрисдикціи, истекающими даже изъ самаго его названія, и онъ пользуется недосягаемымъ для всякаго другаго у насъ установленія авторитетомъ не только въ государствѣ, но и въ обществѣ, до самыхъ низшихъ его слоевъ. Представленіе о Сенатѣ въ понятіяхъ нашего народа окружено не только почтеніемъ, но и любовію. Это единственное высшее государственное учрежденіе извѣстное у насъ простолюдину на всѣхъ концахъ Россіи.

Высокое положеніе которое заняло съ самаго начала и которое занимаетъ до сихъ поръ въ нашемъ государственномъ строѣ это великое созданіе Петра I, обновляясь и какъ будто пріобрѣтая новыя силы съ каждою новою государственною эпохою, заслуживаетъ особеннаго уваженія. Немного государственныхъ учрежденій, въ осо-

бенности въ нашемъ отечествѣ, гдѣ всѣ съ такимъ лег-кимъ сердцемъ разстаются со старыми преданіями, имѣ-ютъ подобную достославную исторію. Если только вѣрно будетъ понято у насъ значеніе трудныхъ задачъ *верхов-наго судилища по административному праву*, то въ за-чинающемся самоуправленіи, въ его сложныхъ отноше-ніяхъ и къ правительству и къ обществу, къ централь-нымъ органамъ государственнаго управленія, и къ обще-ственнымъ союзамъ, къ представительству и его избира-телямъ, участвующимъ въ самоуправленіи, однимъ сло-вомъ, въ зарождающейся у насъ политической жизни, Сенатъ призванъ сослужить государству великую службу. Пруссія вынуждена была нынѣ создать заново верховную административную инстанцію которой не имѣла. Въ какой же степени мы должны дорожить подобнымъ учрежде-ніемъ, глубоко вросшимъ въ нашу государственную почву. Умиротворяющее, уничтожающее всякія недоумѣнія и сомнѣнія, дѣйствіе Сената во всѣхъ конфликтахъ зем-скихъ учрежденій съ коронными властями уже могло быть достаточно оцѣнено. Это дѣйствіе въ особенности важно вслѣдствіе тѣхъ исключительныхъ условій въ ко-торыя, силою своей организаціи, поставлены земскіе ор-ганы по отношенію къ общему государственному управ-ленію, и которыя способствуютъ размноженію этихъ конфликтовъ. Подчиненіе земскихъ учрежденій Сенату значительно противодѣйствуетъ этому коренному недо-статку въ земской организаціи; только одно оно, можно сказать, и объединяетъ земское самоуправленіе съ общимъ государственнымъ управленіемъ, съ которымъ земскія учрежденія пока совсѣмъ разлучены.

Но прежде чѣмъ перейти къ этому послѣднему, са-мому первостепенному въ нашихъ глазахъ вопросу, мы должны отразить одинъ самый обычный и тяжеловѣсный упрекъ дѣлаемый у насъ земству. Говорятъ что эта по-литическая школа, хотя бы она и была хороша какъ школа, обходится слишкомъ дорого, что расходы ея со-держанія нисколько не окупаются дѣйствительными эко-

помическими выгодами извлекаемыми изъ нея мѣстными населеніями, что плательщики земскихъ сборовъ были бы гораздо болѣе въ правѣ ожидать на свои деньги улучшенія дорогъ, врачебныхъ и ветеринарныхъ пособій, и т. д., нежели успѣховъ въ своемъ государственномъ воспитаніи. Трудно оспаривать дороговизну земскихъ учрежденій, дороговизну и *относительную* (сравнительно съ прежними земскими повинностями), и *абсолютную* (сравнительно съ практическими услугами ими приносимыми плательщикамъ); въ этомъ и состоитъ та практическая или хозяйственная ихъ несостоятельность, которую замѣчаютъ у насъ всего болѣе. Эта дороговизна земскаго самоуправленія всего болѣе обусловлена тѣмъ именно порокомъ въ его организаціи, о которомъ будемъ говорить, и который не только не составляетъ существа земскаго самоуправленія, а можетъ и долженъ быть устраненъ для вящшаго его развитія. Эта дороговизна, постоянно возрастая, всего болѣе заставитъ ощутить этотъ порокъ и всего болѣе дастъ намъ смѣлость говорить о немъ, такъ какъ самъ онъ нѣсколько отвлеченнаго политическаго свойства. Безъ этого для всѣхъ непріятнаго ощущенія дороговизны земской администраціи, какъ неизбѣжнаго послѣдствія ея капитальнаго порока, говорящіе объ немъ могли бы быть приняты у насъ за идеологовъ.

При всемъ этомъ необходимо однако устранить нѣкоторыя недоразумѣнія по поводу *относительной* дороговизны земскихъ учрежденій: она гораздо болѣе кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная. Оставивъ даже совсѣмъ въ сторонѣ жгучій вопросъ о вздорожаніи жизни или уменьшеніи денегъ (бумажныхъ) въ Россіи, мы спросимъ: неужели требованія удовлетворяемыя нынѣ земскимъ хозяйствомъ, и въ особенности требованія къ нему предъявляемыя, тѣ же самыя какія были у насъ въ прежнее время? Неужели земскія нужды не возросли въ страшной прогрессіи? О школѣ и даже медицинѣ для сельскихъ классовъ, получающихъ ихъ теперь на счетъ зем-

сихъ новинностей, прежде не было и помину. Мы готовы впрочемъ допустить что иныя населенія (во многихъ помѣщичьихъ и въ особенности удѣльныхъ имѣніяхъ) пользовались этими условіями благосостоянія не въ меньшей степени, а иныя даже въ большей, чѣмъ нынѣ; эти условія доставлялись имъ (содержались медики, больницы, школы, чинились дороги) на счетъ землевладѣльцевъ, которые могли все это дѣлать на счетъ крестьянъ, т.-е. безотчетно пользуясь ихъ обязательнымъ трудомъ. Итакъ тутъ вопросъ не о вздорожаніи мѣстнаго земскаго хозяйства, а объ упраздненіи недешеваго на него дароваго труда: тратились громадныя цѣнности, которымъ никто не велъ и не зналъ счета, и которыя теперь переведены на деньги, учитываемыя въ каждой копѣйкѣ. Не такъ давно мы всѣ, и богатые и бѣдные, вдругъ захотѣли жить въ нашихъ деревняхъ по-европейски, вдоволь вкусивъ въ заграничныхъ путешествіяхъ всѣ блага утонченной культуры; а въ доброе старое время къ ней прикасались только самые богатые люди: тѣ и устраивали для себя, въ своихъ имѣніяхъ, принадлежности европейскаго образа жизни (сооружали дороги, содержали медиковъ, учителей, больницы, даже театры, и пр.), чего они теперь дѣлать не хотятъ или не могутъ и нужно замѣтить, что всѣ денежныя потребности на земской почвѣ безпрерывно возрастаютъ и это естественный ходъ вещей. Въ желаніи лучше жить нѣтъ ничего дурнаго; недовольство своимъ бытомъ есть даже первое условіе его улучшенія. Но исполненіе этого желанія стоитъ труда и капитала, а того и другаго у насъ несравненно меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, гдѣ потому и живется лучше нашего.

Оговоривъ все это по вопросу о дороговизнѣ земскихъ учрежденій, нужно наконецъ указать на услугу, оказанную ими даже въ практическомъ, хозяйственномъ, отношеніи: они привели въ ясность положеніе земскаго хозяйства, подвели ему итоги, опредѣлили, въ точныхъ цифрахъ, его потребности и его средства, о которыхъ

публика не имѣла прежде даже приблизительнаго понятія. Мы получили теперь полную картину того что̀ мы имѣемъ и чего намъ недостаетъ, чего мы обязаны достигнуть, чтобы сдѣлаться страною образованною и европейскою. Это услуга немаловажная, хотя бы картина и вышла не совсѣмъ веселая, хотя бы то что̀ намъ недостаетъ было гораздо крупнѣе того что̀ мы имѣемъ. Но потому и велика эта услуга: до земскихъ учрежденій обо всемъ этомъ слишкомъ мало думали въ нашемъ отечествѣ.

Тѣмъ не менѣе дороговизна этихъ учрежденій весьма чувствительна и именно она всего болѣе возбуждаетъ противъ себя неудовольствіе огромнаго практическаго большинства земства, которое не видя никакихъ ощутительныхъ результатовъ новыхъ учрежденій, нисколько не дорожа отвлеченными идеями самоуправленія, даже практически тяготясь имъ и его отвѣтственностью [1]), готово обратить свои взоры и надежды къ бюрократическому или казенному управленію. Это послѣднее обстоятельство не маловажно и не можетъ быть пріятно для самого правительства, которое не безъ основанія же стало насаждать органы самоуправленія. Вотъ почему и необходимо взглянуть: нѣтъ ли такой коренной неправильности въ устройствѣ этихъ учрежденій, которая была бы устранима изъ нихъ къ упроченію этой системы управленія въ нашемъ отечествѣ? Эта неправильность (сверхъ всякихъ второстепенныхъ недостатковъ земскихъ учрежденій) будетъ, какъ мы увидимъ, постоянно усиливать ихъ дороговизну. Но дороговизна есть еще наименьшее зло этой органической неправильности, къ указанію которой теперь и переходимъ.

---

[1]) Таковы чувства въ особенности среднихъ классовъ, промышленныхъ и коммерческихъ, не склонныхъ къ самоуправленію.

2.

Ничто не уяснитъ лучше понятія о государственныхъ учрежденіяхъ, объ ихъ существѣ, объ ихъ недостаткахъ, о возможныхъ и желательныхъ въ нихъ перемѣнахъ, какъ сравненіе однородныхъ учрежденій существующихъ въ разныхъ государствахъ, при одинаковости однихъ и различій другихъ условій. Поэтому-то сравнительное законодательство и занимаетъ нынѣ такое видное мѣсто во всѣхъ государственныхъ наукахъ.

Нельзя наглядѣе представить особенности нашей земской организаціи, какъ сравнивъ ее съ прусскимъ законодательствомъ 13-го декабря 1872 года объ окружномъ управленіи. По своему существу или цѣли это совершенно однородное съ нашими земскими учрежденіями устройство мѣстнаго самоуправленія; но мы сейчасъ увидимъ, какъ весь планъ этого устройства въ Пруссіи рѣзко отличенъ отъ нашего. Между тѣмъ это прусское законодательство заслуживаетъ особеннаго уваженія и изученія; оно плодъ многолѣтнихъ правительственныхъ работъ, въ которыхъ участвовали первостепенные государственные люди и ученые. До этого, мѣстное управленіе въ Пруссіи оставалось почти безъ перемѣнъ послѣ глубокихъ реформъ 1804 — 1825 годовъ; послѣ 1848 года были составлены одинъ за другимъ нѣсколько проектовъ преобразованія и ни одинъ не былъ утвержденъ законодательною властью. Законъ 1872 года окончательно выработался посреди продолжительныхъ и горячихъ преній въ палатахъ господъ и депутатовъ, которыми онъ былъ передѣланъ и въ которыхъ участвовали знаменитѣйшіе политическіе люди Пруссіи, пользующіеся всесвѣтною славою. Не задолго предъ тѣмъ первоначальный проектъ окружнаго управленія, прошедшій черезъ палату депутатовъ, не былъ принятъ палатою господъ, заставившею его вновь передѣлать. Такимъ образомъ этотъ законодательный актъ является предъ нами результатомъ полу-

вѣковаго государственнаго опыта Пруссіи и связанныхъ съ нимъ научныхъ работъ; въ этомъ послѣднемъ отношеніи государственная мудрость Пруссіи, гдѣ политическая практика во всѣхъ своихъ начинаніяхъ опирается на теорію, достойна особеннаго подражанія. Законъ 13-го декабря 1872 года долженъ былъ дать справедливое удовлетвореніе всѣмъ разумнымъ либеральнымъ требованіямъ въ Пруссіи относительно преобразованія мѣстной администраціи въ духѣ самоуправленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ сохранить историческое развитіе учрежденій, не допуская въ нихъ радикальной ломки, которой чуждается эта страна. Все это придаетъ особенный интересъ этому закону, преимущественно у насъ, такъ какъ историческія и политическія обстоятельства Пруссіи, строеніе ея общества и сословій, условія ея народнаго хозяйства, ближе къ намъ чѣмъ всѣ подобныя условія государственныхъ реформъ въ другихъ государствахъ западной Европы.

Мы изложимъ здѣсь только самую сущность, такъ-сказать одинъ остовъ прусскаго окружнаго управленія, организованнаго въ 1872 году.

Прусскій округъ (Kreis), какъ административная географическая единица, занимаетъ въ общемъ организмѣ и іерархіи государственнаго управленія мѣсто совсѣмъ подобное нашимъ уѣздамъ, хотя послѣдніе вообще значительнѣе по пространству и также (большею частію) по количеству народонаселенія (впрочемъ только въ густо населенныхъ частяхъ Россіи) [1]. Надъ округомъ стоитъ въ Пруссіи провинція, по своему административному значенію въ отношеніи къ высшему центральному управленію (къ министерствамъ) и къ низшему (окружному) подобная нашей губерніи, въ смыслѣ *средней* административной единицы, хотя прусская провинція и превосходитъ нашу губернію своею величиною (главнѣйшіе коли-

---

[1] Прусскіе округи весьма разнообразны по своей величинѣ.

чествомъ народонаселенія). Между провинціей и округомъ въ Пруссіи существуютъ еще Regierungsbezirke, части, на которыя дѣлятся провинціи и которыя сами дѣлятся на округа. Этого дѣленія у насъ нѣтъ, но и въ Пруссіи оно не имѣетъ того самостоятельнаго значенія, какое принадлежитъ провинціямъ и округамъ [1]). Округа дѣлятся на Amtsbezirke, которые совсѣмъ подобны нашимъ волостямъ и которымъ подчинены также какъ и у насъ самыя низшія единицы, общины (сельскія общества) и отдѣльныя помѣщичьи владѣнія (имѣнія). Города, имѣющіе не менѣе 25,000 жителей, поставлены наравнѣ съ округами, подобно тому, какъ наши столицы поставлены въ земствѣ наравнѣ съ уѣздами: менѣе многолюдные города имѣютъ значеніе наравнѣ съ волостями.

Послѣ этого перечня административнаго дѣленія Пруссіи, устройство ея новаго окружнаго управленія будетъ для насъ понятнѣе; чтобы лучше вникнуть въ его характеристическія черты, мы имѣемъ полное право видѣть предъ собою въ прусскихъ округахъ наши уѣзды, а въ дѣленіяхъ округовъ, Amtsbezirke, наши волости (какъ мы ихъ и будемъ называть).

Каждый округъ образуетъ собою самостоятельную хозяйственную единицу или земскую корпорацію, такую же точно какъ наше уѣздное земство [2]), и имѣетъ свое окружное земское собраніе, избранное окружнымъ земствомъ. Въ это собраніе избираются представители, какъ и у насъ, отъ съѣздовъ личныхъ землевладѣльцевъ, сельскихъ общинъ и городовъ (мелкихъ). Во главѣ управленія и хозяйства каждаго округа, подъ контролемъ окружнаго собранія, стоитъ *landrath* (нашъ предсѣдатель уѣздной

---

[1]) Эти Regierungsbezirke чисто административныя дѣленія: они не составляютъ земскихъ мѣстныхъ единицъ (комплексовъ), подобныхъ провинціямъ, округамъ и общинамъ, и не имѣютъ ни своихъ представительныхъ собраній, ни своихъ имуществъ, ни своего хозяйства.

[2]) Для всего этого изложенія мы взяли въ руководство P. Wachler, *Die Kreisordnung*. 13 December 1872, Breslau. Это лучшій комментарій, какой намъ извѣстенъ, къ законодательству объ окружномъ управленіи.

земской управы въ соединеніи съ должностью уѣзднаго исправника), самое вліятельное должностное лицо во всей мѣстной прусской администраціи. Ландратъ назначается королемъ; окружное собраніе имѣетъ право, въ случаѣ вакаціи, предлагать на эту должность кандидатовъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и волостныхъ старшинъ, однако выборъ изъ этихъ кандидатовъ не обязателенъ для правительства. Ландратъ есть первенствующій органъ правительства въ округѣ, охранитель государственнаго интереса въ земствѣ (какъ сказано въ законѣ), и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ руководитъ всѣми дѣлами окружнаго земства, предсѣдательствуя въ окружномъ земскомъ собраніи (Kreistag) и въ окружной земской управѣ (Kreisausschuss). Роль этой окружной управы, какъ исполнительнаго учрежденія, въ окружномъ управленіи и ея отношеніи къ окружному собранію совсѣмъ тождественны съ нашими земскими управами. Ея шесть членовъ свободно избираются окружнымъ собраніемъ на шесть лѣтъ, изъ своей среды, и никакого утвержденія ихъ въ должности со стороны правительства не требуется. Всѣ дѣла рѣшаются коллегіально; ландратъ только предсѣдательствуетъ въ управѣ и собраніи, но какъ отвѣтственное предъ правительствомъ лицо, онъ лично наблюдаетъ за законностью рѣшеній, за дѣйствіями низшихъ должностныхъ лицъ въ округѣ, и имѣетъ право привлекать къ отвѣтственности нарушающихъ законъ. Дѣйствія окружныхъ учрежденій подчинены правительственному надзору высшихъ инстанцій провинціальнаго управленія (обер-президентовъ или губернаторовъ провинціи) и министра внутреннихъ дѣлъ, котораго утвержденіе требуется для нѣкоторыхъ постановленій окружнаго собранія. Но всякая отвѣтственность членовъ и должностныхъ лицъ земства и всякое съ нихъ взысканіе за нарушеніе законовъ не могутъ быть приведены въ дѣйствіе иначе какъ судебнымъ порядкомъ. Для разсмотрѣнія всѣхъ спорныхъ вопросовъ и пререканій возникающихъ внутри окружнаго управленія между его органами и также съ частными заинтересованными лицами, учреждены осо-

бые мѣстные административные суды, независимые отъ администраціи и состоящіе на половину изъ выборныхъ отъ земства, на половину изъ членовъ назначенныхъ короною. На рѣшеніе этихъ судовъ ландратъ можетъ передавать свои разногласія съ членами управы, если того требуетъ общественная польза. Королевскимъ повелѣніемъ, по представленію всего министерства (совѣта министровъ), каждое окружное собраніе можетъ быть распущено, но въ теченіи шести мѣсяцевъ должны быть произведены новые выборы.

Во главѣ всего хозяйственнаго и полицейскаго управленія въ волостяхъ (Amtsbezirke), на которыя раздѣлены округа, стоятъ волостные старшины (Amtsvorsteher); они назначаются на шесть лѣтъ обер-президентомъ провинціи, но не иначе какъ изъ списка лицъ предложенныхъ ему окружнымъ собраніемъ, которое въ свою очередь *обязано* внести въ этотъ списокъ всѣхъ способныхъ къ исполненію этой должности и принадлежащихъ къ волостяхъ. Если окружное собраніе не внесло въ число кандидатовъ всѣхъ такихъ лицъ, то ландратъ помѣщаетъ списокъ: пререканія по этому предмету разбираются административнымъ судомъ. Только въ случаѣ заявленія со стороны окружнаго собранія, что ни одного кандидата въ волости не имѣется, волостной старшина назначается по распоряженію обер-президента. Всѣ жалобы на дѣйствія волостныхъ старшинъ разсматриваются сперва въ окружной управѣ. Волостной старшина можетъ требовать отъ сельскихъ начальниковъ (сельскихъ старостъ) такъ какъ ландратъ можетъ требовать отъ волостныхъ старшинъ, законнаго исполненія ихъ обязанностей, но ни ландратъ, ни волостной старшина не могутъ налагать собственною своею личною властью, безъ суда, дисциплинарныхъ взысканій за упущенія по службѣ. Подъ предсѣдательствомъ волостныхъ старшинъ находятся для коллегіальнаго рѣшенія нѣкоторыхъ дѣлъ волости, для контроли надъ денежною частью, для составленія общихъ инструкцій и постановленій и пр., во-

лостныя правленія (Amtsausschuss) или управы, изъ членовъ избранныхъ представителями сельскихъ обществъ и землевладѣльцами. Волостныхъ сходовъ или собраній не имѣется (иначе какъ для выборовъ). Волостные старшины могутъ быть приглашаемы окружною управой и ландратомъ для совѣщательной дѣятельности и для выраженія ихъ мнѣній по дѣламъ всего округа. Волостной старшина можетъ получать жалованье въ видѣ вознагражденія только за расходы по должности; въ этомъ видѣ производится содержаніе всѣмъ должностнымъ лицамъ окружнаго земства.

Волости обнимаютъ собою низшія административныя единицы: сельскія общины (Landbezirke) и крупныя владѣльческія имѣнія (Gutsbezirke), не входящія въ составъ общинъ. Города имѣютъ свои собственныя городскія управленія, не принадлежа къ составу волостей. Большая община или имѣніе можетъ быть цѣлою волостью и тогда сельскія власти совпадаютъ съ волостными. Во главѣ управленія и полиціи въ общинахъ поставлены сельскіе начальники или старосты (Gemeindevorsteher), которымъ принадлежитъ вся распорядительная власть въ общинѣ; подъ ихъ предсѣдательствомъ изъ сельскихъ судей (Schöffen) составлены сельскія управы (Gemeindevorstand) для всѣхъ общинныхъ или мірскихъ дѣлъ и также для деревенскаго суда (по мелкимъ крестьянскимъ дѣламъ). На этой низшей ступени ежедневнаго сельскаго обихода нѣтъ въ Пруссіи раздѣленія властей административной и судебной. Всѣ сельскія должностныя лица избираются общиною изъ своихъ полноправныхъ членовъ, на шесть лѣтъ, и утверждаются въ должности ландратомъ, но не иначе какъ по выслушаніи заключенія о томъ волостнаго старшины; въ утвержденіи можетъ быть отказано, но не иначе какъ согласно заключенію окружной управы. Въ послѣднемъ случаѣ производятся новые выборы. Если и вновь выбранныя лица не будутъ утверждены, то ландратъ можетъ назначить отъ себя лицо къ исправленію должности, но не иначе какъ предложенное

волостнымъ старшиной и съ согласія окружной управы, и только до тѣхъ поръ пока община сдѣлаетъ такой выборъ, который будетъ утвержденъ.

Подъ сельскихъ общинъ имѣютъ значеніе отдѣльныхъ административныхъ единицъ нѣкоторыя крупныя владѣльческія (помѣщичьи) имѣнія (selbstständige Gutsbezirke), не принадлежащія къ составу общинъ. Въ границахъ такихъ имѣній (безъ сельскихъ общинъ) могутъ пользоваться всѣми правами сельскихъ старость ихъ владѣльцы, постоянно живущіе въ своихъ имѣніяхъ, или уполномоченныя ими для этого, находящіяся въ имѣніяхъ или вблизи ихъ лица (въ томъ числѣ сельскіе старосты сосѣднихъ общинъ). Тѣ же права предоставлены землевладѣльцамъ на должности волостныхъ старшинъ, если ихъ имѣнія совпадаютъ съ волостями. Это постановленіе въ окружномъ законодательствѣ 1872 года, которое отмѣнило всѣ вотчинныя административныя, полицейскія и судебныя права владѣльцевъ въ дворянскихъ (рыцарскихъ) имѣніяхъ, есть нѣкоторая уступка старому порядку и ультраконсервативной партіи; такія уступки неизбѣжны, когда законы проходятъ чрезъ борьбу партій въ парламентѣ и не проектируются по произволу бюрократическихъ канцелярій. Такія уступки полезны, примиряя настоящее съ прошедшимъ и устраняя всякое раздраженіе со стороны крупныхъ личныхъ интересовъ, безъ содѣйствія которыхъ было почти не возможно благонадежное исполненіе издаваемаго закона.

Впрочемъ упомянутое право владѣльцевъ крупныхъ имѣній обставлено и ограничено въ Пруссіи такими условіями, которыя совлекли съ него характеръ всякой сословной привилегіи, также какъ и всякой вотчинной или помѣстной власти, не совмѣстимой съ понятіями о государственной власти нашего времени. Условія которымъ подчинено упомянутое право прусскихъ землевладѣльцевъ придали ему все значеніе государственной обязанности. Имѣнія, которыя пользуются такимъ правомъ, не носятъ на себѣ никакого сословнаго характера: вла-

дѣльцы ихъ могутъ быть всякаго состоянія. Затѣмъ всѣ такіе землевладѣльцы должны быть утверждены въ предоставляемой имъ закономъ должности ландратомъ; въ этомъ утвержденіи, *согласно постановленію окружной управы, можетъ быть имъ отказано и тогда они обязаны* уполномочить на то другихъ лицъ, которыя утверждаются или не утверждаются такимъ же порядкомъ.

Въ силу изложеннаго выше общаго духа закона и всѣхъ его ограниченій, такіе землевладѣльцы и уполномоченныя ими лица имѣютъ значеніе только *первоприступающихъ кандидатовъ* на должность сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ въ своихъ имѣніяхъ (т.-е. право на рекомендацію кандидатовъ на нее); въ исполненіи этихъ должностей они подчинены высшимъ административнымъ инстанціямъ, ревизіи и суду, *наравнѣ со всякими другими должностными лицами*. Это конечно не то же самое что мировые судьи Великобританіи, на государственномъ тинѣ которыхъ не было никогда малѣйшей тѣни владѣльческихъ правъ [1]; но это значительное приближеніе къ этому типу, въ сравненіи со старинною, вотчинною, рыцарскою или дворянскою властью прусскихъ помѣщиковъ. Подобныя переходныя законодательныя мѣры пользы не признавать государственною мудростью, хотя бы ихъ и недолюбливали крайнія партіи.

Въ виду нашей спеціальной цѣли мы ограничились указаніемъ только на главныя основы организаціи власти въ прусскомъ окружномъ самоуправленіи, вошедшемъ въ силу съ 1873 года, мы не коснулись его подробностей и разныхъ другихъ сторонъ не относящихся къ нашему предмету.

Законъ 1872 г. объ окружномъ управленіи былъ только началомъ цѣлаго ряда преобразованій мѣстнаго прусскаго управленія, послѣдовательно проводящихъ тѣже самыя начала земскаго самоуправленія и до сихъ поръ

---

[1] Районъ дѣятельности великобританскихъ мировыхъ судей не имѣетъ никакого отношенія къ границамъ ихъ имѣній.

еще не законченныхъ. Эти преобразованія переходили постепенно отъ одной стадіи административнаго строя и административнаго дѣленія территоріи къ другой. Начавшись съ средней административной единицы, съ округовъ (уѣздовъ) и волостей, реформа коснулась потомъ высшей единицы, провинціи—и наконецъ самой низшей, общины. Мы упомянемъ здѣсь вкратцѣ о сущности закона 1875 г. преобразовавшаго провинціальное управленіе. Прусская «провинція» по отношенію къ округамъ можетъ быть вообще сравнена съ нашей губерніей, хотя она относительно общаго пространства прусскаго государства крупнѣй нашей губерніи и по правительственному значенію своего начальника Оберъ-Президента похожа отчасти на наши Генералъ-Губернаторства. Провинція дѣлится на Regierungsbezirke, стоящіе между провинціальнымъ управленіемъ и окружнымъ: это подраздѣленіе провинцій весьма не существенно и его неоднократно хотѣли упразднить. Оберъ-Президентъ назначается королемъ и остается какъ и прежде, во главѣ провинціальнаго управленія, но на ряду съ нимъ земскій директоръ (Landes-Director), ноть контролемъ провинціальной земской управы (Provinzialausschuss), управляетъ текущими провинціальными *хозяйственными* дѣлами. Земскій директоръ и провинціальная земская управа избираются на 6 лѣтъ провинціальнымъ земскимъ собраніемъ; директоръ утверждается въ должности королемъ. Провинціальныя земскія собранія, собирающіяся по крайней мѣрѣ разъ въ два года (чаще—по мѣрѣ надобности), состоятъ изъ выборныхъ или гласныхъ отъ городскихъ и сельскихъ жителей провинціи; гласные эти избираются окружными (уѣздными) земскими собраніями на 6 лѣтъ; черезъ каждые три года половинное число ихъ, по проекту, должно было выбывать и уступать мѣсто новымъ гласнымъ; при голосованіи же законопроекта въ парламентѣ это правило, согласно заключенію парламентской коммиссіи, было отклонено и постановлено возобновлять каждыя шесть лѣтъ весь составъ провинціальнаго земскаго собранія. Уже изъ

этого видно, какое широкое участіе дается земскому элементу въ высшемъ провинціальномъ управленіи; можно также видѣть, какъ земскій элементъ тѣсно сплачивается въ Пруссіи съ бюрократическимъ, не раздваиваясь съ нимъ на два организма администраціи, какъ у насъ. Это самый существенный для насъ пунктъ прусской реформы. Въ дополненіе къ упомянутымъ самостоятельнымъ органамъ самоуправленія, прусскій законъ о провинціальномъ управленіи создалъ органы вспомогательные: провинціальная земская управа распадается въ бецирках на мѣстныя земскія управы (Bezirkausschuss). Бецирк, чисто-административная территоріальная единица: она не имѣетъ ни представительныхъ собраній, ни спеціальнаго имущества или хозяйства. Общее направленіе прусскихъ административныхъ реформъ заключается въ соединеніи бюрократическаго управленія, прямыхъ агентовъ центральной власти, въ одно цѣлое съ земскимъ; всѣ различія между тѣмъ и другимъ по возможности сглаживаются, устраняются всѣ причины, могущія возбудить какое-либо разладъ между ними или соперничество. Тутъ дѣйствительно общество призывается на помощь администраціи, всѣ работаютъ сообща. Новый законъ о провинціальномъ управленіи проводитъ съ большою послѣдовательностью этотъ принципъ. Вотъ какія условія избираемости постановляетъ § 17 закона 1875 г.: «Членомъ провинціальнаго земскаго собранія можетъ быть избранъ каждый полноправный подданный германской имперіи, достигшій 30-ти лѣтняго возраста, проживающій въ провинціи въ теченіи одного года или владѣющій, въ теченіи того же срока, недвижимымъ имѣніемъ». При обсужденіи этого § во 2-мъ чтеніи, депутатами Вирховымъ и Рихтеромъ (прогрессистами) было предложено прибавить послѣ слова «каждый» слѣдующее дополненіе: «за исключеніемъ оберъ-президента провинціи, правительственныхъ президентовъ и вице-президентовъ, также лицъ судебнаго вѣдомства, состоящихъ на государственной службѣ, представителей правительственной полиціи и ландратовъ (начальниковъ округа

или уѣзднаго управленія)»; кромѣ того ими предложено было замѣнить 30-ти лѣтній возрастъ 24-хъ лѣтнимъ. Поправки эти были отклонены. На первый разъ можетъ показаться страннымъ установленіе условія 30-ти лѣтняго возраста для выбора въ гласные провинціальнаго земскаго собранія, — особенно, если мы вспомнимъ, что для избираемости въ члены окружнаго земскаго собранія было достаточно достиженіе 21-го года, что членомъ рейхстага можетъ быть лицо, достигшее 25 лѣтъ. Но если мы не разорвемъ связи между условіями возраста и желаніемъ правительства открыть доступъ въ земскія учрежденія членамъ администраціи, когда таковые удостоятся выбора, то такое ограниченіе возраста будетъ совершенно понятно. Предложенное вышеназванными депутатами исключеніе цѣлой категоріи лицъ отъ участія въ земскихъ учрежденіяхъ мотивировалось вредомъ, который будто бы проистекаетъ отъ соединенія въ одномъ лицѣ выборныхъ и государственно-служебныхъ (по назначенію отъ правительства) обязанностей. Графъ Эйленбургъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, отвѣчалъ на это, что многіе депутаты совершенно напрасно такъ усердно выставляютъ какой-то антагонизмъ представителей центральной государственной власти и представителей выборнаго управленія. Удачное разрѣшеніе всѣхъ задачъ управленія, сказалъ онъ, зависитъ, напротивъ, отъ полнаго согласія тѣхъ и другихъ: центральная администрація и ея агенты и земское самоуправленіе, поэтому, должны явиться равноправными сотрудниками въ общемъ всѣмъ имъ государственномъ дѣлѣ. Съ этой точки зрѣнія, представители администраціи могутъ оказаться весьма полезными дѣятелями и въ представительныхъ провинціальныхъ учрежденіяхъ. Такое лишеніе цѣлой категоріи лицъ права являться представителями общественныхъ интересовъ становится еще менѣе понятнымъ, если мы вспомнимъ, что ни одному изъ тѣхъ представителей администраціи, которые исчислены въ поправкѣ, не даровано исключительно право надзора надъ органами самоуправленія. Къ тому же, кругъ дѣйствій

органовъ провинціальнаго самоуправленія ограничить исключительно хозяйственными, экономическими интересами; вопросы политическіе или общегосударственные, конечно, вовсе неключены изъ ихъ вѣдѣнія и не подлежать обсужденію. Совершенно иначе должно было отнестись къ составу провинціальныхъ земскихъ управъ. Непрерывныя занятія членовъ этихъ управъ несовмѣстимы, очевидно, съ добросовѣстнымъ исполненіемъ обязанностей по государственной службѣ; кромѣ того, здѣсь можно было бы дѣйствительно опасаться нѣкотораго одностороняго давленія казенной администраціи на избирателей, давленія, подкладкой котораго могли бы, можетъ быть, служить цѣли корыстныя: желаніе получать жалованіе двойное, государственное и земское. § 47 законопроекта гласитъ:

Предсѣдатель и члены провинціальной управы, и изъ числа послѣднихъ кандидатъ на должность предсѣдателя, избираются провинціальнымъ земскимъ собраніемъ. Не могутъ быть избраны въ вышеупомянутыя должности лица, состоящія въ провинціи на государственной службѣ». При голосованіи этого § въ парламентѣ, была принята поправка, предложенная Вирховымъ, которою опредѣлялась подробно категорія лицъ, не подлежащихъ избранію въ провинціальную управу: За исключеніемъ оберъ-президента, правительственныхъ президентовъ и вице-президентовъ, представителей правительственной полицейской власти и ландратовъ можетъ быть избранъ въ члены провинціальной управы всякій членъ провинціальнаго земскаго собранія».

Мы уже сказали ранѣе, что провинціальная управа имѣетъ своимъ назначеніемъ какъ бы постоянный контроль надъ дѣйствіями земскаго директора и всей массы подчиненныхъ ему служащихъ. Всѣ земскіе чиновники провинціи, начиная съ земскаго директора и кончая низшими служащими, разсматриваются новымъ закономъ какъ государственные чиновники: они пользуются всѣми правами послѣднихъ и несутъ всѣ ихъ обязанности. Такимъ образомъ прусское правительство, проводя въ законѣ о

провинціальномъ управленіи тотъ же принципъ, который легъ въ основу закона объ окружномъ управленіи, укрѣплять звено, долженствующее соединить для общей пользы земскую и казенную администрацію. Развитіе же уже существующаго въ Пруссіи особаго контроля надъ дѣйствіями членовъ земства, его должностныхъ лицъ и надъ дѣйствіями соприкасающихся съ земскими представителями органовъ правительственной администраціи, — развитіе этого контроля въ формѣ особыхъ судовъ административной юстиціи, также не мало будетъ содѣйствовать установленію единства въ дѣйствіяхъ земства и казенной администраціи. Извѣстно, что суды эти организованы изъ трехъ элементовъ — судебнаго, административнаго и земскаго [1]).

Для характеристики прусскаго самоуправленія необходимо однако присовокупить еще двѣ черты, могущія, вслѣдствіе своего совершеннаго несходства съ нашими порядками и въ особенности съ нашими понятіями о самоуправленіи, заинтересовать нашу публику. Окружные земскіе сборы, взимаемые для покрытія окружныхъ расходовъ, не могутъ быть установляемы иначе, какъ въ видѣ добавочныхъ сборовъ (Zuschläge, centimes additionels) къ государственнымъ прямымъ податямъ (подобно нашимъ земскимъ сборамъ съ торговли и съ торговыхъ и питейныхъ заведеній), и даже на это окружныя собранія имѣютъ право лишь въ извѣстныхъ точно опредѣленныхъ закономъ границахъ (до извѣстнаго наибольшаго процентнаго отношенія окружныхъ налоговъ къ

---

[1]) Въ Англіи объединеніе или лучше тождество казеннаго и земскаго элементовъ въ мѣстномъ самоуправленіи, — въ лицѣ однихъ и тѣхъ же органовъ въ единой государственной власти (напр. въ мировыхъ судьяхъ) такъ абсолютно, что не было и нѣтъ вопроса о соединеніи и сліяніи представителей того и другаго элементовъ, той и другой категоріи властей. Въ Пруссіи эти двѣ категоріи все таки еще различаются и нуждались въ объединеніи. Поэтому мѣстный административный строй Пруссіи къ намъ ближе и примѣръ ея реформы для насъ назидательнѣе, чѣмъ могутъ быть для насъ англійскіе порядки.

коронной государственной подати) [1]). Никакихъ новыхъ и своихъ собственныхъ налоговъ они устанавливать не въ правѣ. При этомъ мы должны замѣтить, что хотя въ формальномъ юридическомъ отношеніи право окружнаго земства на налогъ въ Пруссіи весьма ограничено и поставлено въ подчиненіе къ общегосударственной податной системѣ, но въ финансовомъ отношеніи источники прусскихъ окружныхъ бюджетовъ весьма велики, ибо принимая государственныя подати въ Пруссіи, на которыя окружныя земства могутъ накладывать свои добавочные сборы, весьма разнообразны и обнимаютъ собою всѣ безъ изъятія роды доходовъ. Едва ли прусскія окружныя собранія могли бы придумать какія-либо новыя прямыя подати, если бы даже имъ и было даровано это право; а косвенныя подати съ потребленія не могутъ входить въ систему мѣстнаго обложенія. Другое постановленіе закона 13-го декабря 1873 года еще болѣе можетъ удивить людей привыкшихъ смотрѣть на самоуправленіе *какъ на льготу, а не какъ на повинность предъ государствомъ*. Никто изъ лицъ, принадлежащихъ къ составу мѣстнаго земства не въ правѣ отказываться отъ исполненія должностей въ его управленіи или представительствѣ, долѣе 3 лѣтъ, безъ особыхъ обозначенныхъ въ законѣ причинъ. Такими причинами могутъ быть только слѣдующія: хроническая болѣзнь, дѣла требующія постояннаго отсутствія, возрастъ свыше 60 лѣтъ, дѣйствительная государственная служба и особенныя личныя обстоятельства, которыя будутъ уважены окружнымъ земскимъ собраніемъ. Отказывающіеся безъ всѣхъ этихъ причинъ (собственно только отказывающіеся *не добросовѣстно*) могутъ быть лишены права участія въ представительствѣ и управленіи округа, на время отъ 3 до 6 лѣтъ, и обложены окружными сборами отъ $^1/_8$ до $^1/_4$ свыше общаго ихъ размѣра. Этимъ постановленіемъ объ обязанности службы по мѣст-

[1]) Въ настоящее время проектируется въ Пруссіи коренное преобразованіе земскихъ сборовъ (1881 г.).

ному самоуправленію, существующей въ принципѣ съ давнихъ поръ въ Англіи. прусскіе законодатели хотѣли запечатлѣть въ общественномъ сознаніи понятіе, — совсѣмъ чуждое старымъ политическимъ идеямъ континентальной Европы, — что эта служба есть такая же государственная повинность, какъ и всякая другая, какъ обязанность присяжнаго засѣдателя, рекрутская повинность, уплата податей и т. д.

Но не эта одна послѣдняя черта въ представленной нами картинѣ прусскаго земскаго законодательства должна поразить воображеніе людей свыкшихся, по французской рутинѣ, совсѣмъ съ другими представленіями о политической свободѣ. Мы не будемъ касаться здѣсь всѣхъ этихъ представленій отставшихъ и отъ внутренняго смысла практической политической жизни нашего времени, и отъ движенія государственныхъ знаній въ руководящихъ ими сферахъ Европы. Мы обращаемся къ нашей прямой задачѣ.

Отличія организаціи власти въ прусскихъ окружныхъ учрежденіяхъ отъ нашихъ земскихъ учрежденій тѣмъ болѣе поразительны, чѣмъ болѣе сходства между тѣми и другими въ государственныхъ цѣляхъ, въ общественныхъ условіяхъ, и даже во многихъ подробностяхъ. Новѣйшее устройство прусскаго самоуправленія находится въ противорѣчіи со многими ходячими у насъ понятіями, имѣющими даже претензію быть *передовыми*, а между тѣмъ въ немъ можно найти не мало погрѣшностей всякаго рода и ихъ находятъ разныя партіи съ разныхъ точекъ зрѣнія, но трудно было бы доказать, что основныя начала мѣстнаго самоуправленія, какъ они понимаются нынѣ политическою теоріей и практикой осуществлены въ этомъ устройствѣ хуже или слабѣе, чѣмъ въ нашемъ земскомъ устройствѣ. Еще труднѣе было бы доказывать, что въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ государственнаго быта, мы стоимъ впереди Пруссіи.

Незнакомыхъ съ прусскимъ устройствомъ мѣстныхъ властей у насъ болѣе всего должно поразить способъ

назначенія должностныхъ лицъ и всѣхъ исполнительныхъ органовъ самоуправленія: замѣщеніе ихъ не поставлено въ исключительную зависимость отъ выбора земства и большинства, какъ въ нашей земской организаціи; подлѣ выборнаго начала и голоса земства и совокупно съ ними дѣйствуетъ опредѣленіе отъ правительства [1]). Это право государства или короны возрастаетъ сравнительно съ выборнымъ началомъ въ строгой постепенности отъ низшихъ должностей, сельскихъ судей и старостъ, до самыхъ высшихъ въ округѣ, ландратовъ; въ замѣщеніи первыхъ господствуетъ выборное начало, въ замѣщеніи послѣднихъ опредѣленіе отъ правительства, въ замѣщеніи среднихъ должностей, волостнымъ старшинъ, оба элемента, правительство и земство, дѣйствуютъ на равныхъ правахъ. Оба начала однако ограничены въ своемъ дѣйствіи третьимъ, *правоспособностью*, квалификаціями, свойствами (имущественными и личными), не отъемлемо принадлежащими самимъ членамъ земства, для занятія тотъ или другой должности, независимо отъ воли на то и общества и правительственныхъ инстанцій. Это особое и важное начало самоуправленія, придающее такую непоколебимость положенію мировыхъ судей Великобританіи, всего

[1]) Говоря это мы нисколько не думаемъ превозносить, вообще для опредѣленія извѣстныхъ должностныхъ лицъ въ Россіи, назначеніе отъ правительства надъ выборами отъ земства. Если выборное начало еще дѣйствуетъ у насъ весьма часто очень плачевнымъ образомъ, то мы не можемъ похвалиться въ общей сложности и назначеніями отъ правительства. Если наши выборы страдаютъ личными интригами, фаворитизмомъ и апатіей большинства избирателей, то всего этого не мало и въ «назначеніяхъ». Въ послѣднихъ господствуетъ крайнее равнодушіе нейтральныхъ административныхъ инстанцій при ихъ безотвѣтственности къ тому или другому личному составу провинціальнаго управленія и вошедшій у насъ въ правило порядокъ назначенія *комиссаріями*, а не ихъ начальниками, которымъ законъ предоставляетъ право и обязанность назначенія. Если все это не скоро можетъ у насъ измѣниться, то скорѣе можно надѣяться на улучшеніе нашихъ выборовъ. Отсюда улучшенія можно ожидать болѣе всего отъ увеличенія *строгости* власти и дѣятельности выборныхъ должностныхъ лицъ въ земскомъ управленіи, отъ дальнѣйшаго развитія начала самоуправленія и отчасти отъ *удлиненія* сроковъ службы, слишкомъ у насъ краткихъ. Сверхъ всего этого весьма возможны и практичны разныя смѣшанныя системы опредѣленія лицъ на должности (назначеніе изъ числа выбранныхъ кандидатовъ).

выпуклѣе проявляется въ правахъ, присвоенныхъ владѣльцамъ нѣкоторыхъ имѣній на должность сельскихъ старость, хотя эти права и окрашены нѣкоторыми оттѣнками отжившей свой вѣкъ вотчинной власти. Но также точно въ законѣ опредѣлена правоспособность всѣхъ мѣстныхъ членовъ земства къ занятію каждой должности. Это личное *право на должность* [1]) *въ земствѣ, право совпадающее съ обязанностью предъ земствомъ служить въ этой должности*, всего болѣе ставитъ органы самоуправленія въ независимое положеніе: независимое и отъ прихотей временныхъ настроеній, интригъ и вкусовъ окружающей общественной среды, независимое и отъ произвола бюрократическихъ властей и всякихъ хожденій по ихъ канцеляріямъ, для полученія мѣста. Лучшіе люди мало способны къ искательству того и другаго рода. Это право свое на должность члены русскаго земства могутъ, въ случаѣ надобности, найти на судѣ. Наконецъ, судебный контроль надъ дѣйствіями всѣхъ пружинъ русскаго окружнаго управленія, начиная отъ пререканій по правамъ кандидатовъ на должности и до примѣненія всѣхъ правилъ закона, контроль не удаленный въ высшія сферы судебной власти, а весьма близкій, въ формѣ *мѣстныхъ административныхъ судовъ*, даетъ себя всякій день

---

[1]) Это опредѣленіе въ законѣ *права лица на извѣстную должность* (т. е., быть кандидатомъ на нее), правоспособности къ ней, круга кандидатовъ на нее, могло бы значительно улучшить и наши выборы и наши назначенія. Это право слишкомъ еще мало усвоено нашимъ законодательствомъ, а въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда оно имъ установлено въ нѣкоторой степени, оно въ практикѣ не дѣйствуетъ. Оно въ особенности съ пользою могло бы быть соединено со смѣшанною системою опредѣленія на мѣста (т.-е, при назначеніи правительственною властью изъ кандидатовъ, выбранныхъ земствомъ). Тутъ, посредствомъ взаимнаго уравновѣшенія трехъ началъ — личнаго усмотрѣнія бюрократической инстанціи (министровъ, губернаторовъ и проч.), земскаго выбора, сосредоточеннаго на излюбленныхъ людяхъ, и наконецъ правоспособности (квалификаціи) кандидатовъ, независящихъ ни отъ какого личнаго произвола, — могло бы быть парализовано одно изъ печальнѣйшихъ явленій нашей современной государственной жизни (одинаково присущее и выборамъ и назначеніямъ), — это безпрерывное устраненіе отъ всякихъ публичныхъ должностей наиболѣе подготовленныхъ къ нимъ людей. Въ этомъ явленіи одна изъ печальнѣйшихъ язвъ нашего общества и государства.

чувствовать каждому члену земства, каждому его должностному лицу и каждому наблюдающему за нимъ бюрократическому органу. Этотъ контроль порученъ не общимъ судамъ, а особымъ инстанціямъ, которыя организованы изъ смѣшанныхъ элементовъ судебныхъ, административныхъ и земскихъ: онѣ имѣютъ судебную процедуру и независимы въ своихъ рѣшеніяхъ отъ исполнительныхъ правительственныхъ властей. Участіе *административной* стихіи и въ устроеніи этой новой судебной власти [1]), и въ порядкѣ ея дѣйствій, заслуживаетъ особеннаго изученія, какъ совсѣмъ новый опытъ *судебно-административной власти*, столь необходимой для современнаго государства. Этотъ судебный контроль довершаетъ охрану законности въ ходѣ всей этой машины и прибавляется какъ необходимое звено новаго прусскаго самоуправленія ко всѣмъ остальнымъ его началамъ.

Судебное начало, выраженное въ верховномъ контролѣ Сената, не отсутствуетъ и въ нашемъ земскомъ самоуправленіи. Но во всѣхъ другихъ основаніяхъ своей организаціи оно очень разнствуетъ съ прусскимъ самоуправленіемъ. При поверхностномъ взглядѣ на прусскую систему, права, предоставленныя нашему земству, покажутся пожалуй гораздо болѣе широкими, свобода его дѣйствій гораздо менѣе ограниченною. Кромѣ указанныхъ выше способовъ назначенія къ земскимъ должностямъ, находящихся въ полномъ распоряженіи нашего земства, и сама его дѣятельность поставлена несравненно независимѣе по отношенію къ общей государственной администраціи центральной и мѣстной (губернской и уѣздной). Во главѣ всего прусскаго окружнаго управленія стоитъ ландратъ; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть непосредственный органъ высшаго правительства въ округѣ. Потому онъ и поставленъ всей іерархіи властей выше его столицихъ, провинціальныхъ и центральныхъ, также

---

[1] Нѣчто подобное мы имѣемъ въ Россіи въ устройствѣ суда по политическимъ преступленіямъ и преступленіямъ по должности.

какъ и ему подчинены, по нисходящей лѣстницѣ, всѣ мѣстные представители земской власти, до сельскихъ старость. Всему этому подчиненію власти усвоены всѣ свойства самоуправленія, оно отрѣшено отъ всякаго *личнаго*, бюрократическаго подчиненія личному начальническому произволу и поставлено въ строгіе предѣлы закона, который опредѣляетъ права и обязанности каждаго по своей должности; тѣмъ не менѣе это подчиненіе существуетъ, оно крѣпко, и оно проникаетъ собою весь организмъ прусскаго мѣстнаго самоуправленія, окружнаго, волостнаго и сельскаго. Каждое должностное лицо въ этой организаціи есть *государственный чиновникъ* (Staatsbeamter), состоитъ также точно на государственной службѣ, какъ всякое должностное лицо въ чисто бюрократическихъ инстанціяхъ. Все это прямо высказано въ прусскомъ законѣ. Вообще нужно замѣтить, кстати, одинъ изъ параграфовъ мотивовъ къ проекту окружнаго управленія [1]), что всѣ почетныя должности, стоящія во главѣ разныхъ раздѣленій округа, суть настоящія государственныя должности, а *не полномочія отъ общества* (nicht Mandate, sondern wirkliche Aemter). Поэтому даже когда онѣ основаны на выборѣ, все-таки состояніе въ должности чиновникъ дѣйствуетъ только въ силу возложенной на него правительственной должности (obrigkeitlichen Amtes) [2]), независимо отъ тѣхъ, кто призвалъ его къ этой обязанности: онъ дѣйствуетъ только *какъ служитель закона*. Онъ не служитъ ни партіи, ни какимъ-либо общественнымъ интересамъ, которые могли участвовать въ привлеченіи его къ службѣ. Поэтому-то государство (государственная власть) и содѣйствуетъ (mitwirkt) назначенію къ каждой должности въ окружномъ управленіи». Все это сужденіе прусскаго законодателя весьма

---

[1]) См. P. Wachler, *Die Kreisordnung vom 13 December 1872*, I p. 57, 55, 65.

[2]) *Amt* на нѣмецкомъ языкѣ означаетъ и учрежденіе, институтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ должность.

выразительно и затрогивать самую сущность вопросовъ о самоуправленіи.

Всѣ наши земскіе *дѣятели* пользуются несравненно большею свободою и самостоятельностью относительно правительственныхъ властей, такою свободою и самостоятельностью, что мы ихъ даже и не посмѣли бы назвать государственными должностными лицами, тѣмъ менѣе чиновниками, а назвали *дѣятелями*, какъ и принято у насъ, но безъ основанія, выражаться. Самъ законъ опредѣляетъ только эту *самостоятельность* земскихъ учрежденій и должностей, и иныхъ отношеній ихъ къ государственному управленію, кромѣ отрицательныхъ, мы въ нашемъ законѣ не найдемъ. Земскія учрежденія, въ кругу ввѣренныхъ имъ дѣлъ, дѣйствуютъ самостоятельно, законъ опредѣляетъ *случаи*, въ которыхъ дѣйствія и распоряженія ихъ подлежатъ утвержденію и наблюденію общихъ правительственныхъ властей (ст. 6 Положенія).

Но спрашивается, значительнѣе ли вслѣдствіе всего этого развито мѣстное самоуправленіе въ нашемъ отечествѣ, чѣмъ въ Пруссіи? Должностныя лица разныхъ ученыхъ и другихъ обществъ, многочисленныхъ не только въ Пруссіи, но и въ Россіи, существующія въ тѣхъ же самыхъ губерніяхъ и уѣздахъ въ которыхъ дѣйствуютъ земскія учрежденія, поставлены еще независимѣе и еще самостоятельнѣе относительно государственной администраціи, чѣмъ земскіе органы; всѣ эти *общественныя* должностныя лица даже безусловно независимы отъ государственной администраціи, вполнѣ безотвѣтственны и безотчетны предъ нею; но никому въ голову не придетъ называть организацію всѣхъ этихъ обществъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, этихъ должностныхъ лицъ — его *органами*.

Независимость должностныхъ административныхъ лицъ отъ личнаго произвола высшихъ бюрократическихъ агентовъ государственной власти (такова напримѣръ несмѣняемость по личному усмотрѣнію начальства) еще можетъ быть признакомъ и критеріумомъ самоуправленія, наруж-

нимъ знакомъ характера *самоуправляющихъ агентовъ этой власти*, но чтобы такимъ критеріумомъ были независимость ихъ и самостоятельность, а потому безотвѣтственность относительно *всей системы* правительственныхъ властей, и всего организма государственнаго управленія, это еще совсѣмъ не слыхано. Этого не могъ хотѣть и русскій законодатель. это только *недоразумѣніе* или почти *только* недомолвка въ законѣ, при нѣкоторой неясности его редакціи. хотя это *недоразумѣніе прочное*. Иначе, если это не недоразумѣніе, нельзя было бы говорить о земскихъ учрежденіяхъ, какъ объ органахъ государственнаго самоуправленія.

3.

Мы коснулись самаго больнаго, по нашему убѣжденію, мѣста въ устройствѣ нашихъ земскихъ учрежденій. Указанные выше способы назначенія всѣхъ должностныхъ лицъ въ прусскомъ окружномъ управленіи только наружные признаки внутренняго существа его организаціи. Эти признаки только возбуждаютъ вниманіе къ болѣе глубокимъ причинамъ различія въ обѣихъ системахъ. Правда что значительная доля участія правительства въ опредѣленіи лицъ ко всѣмъ земскимъ должностямъ въ Пруссіи истекаетъ изъ внутренняго характера всѣхъ этихъ должностей, совсѣмъ иного, чѣмъ у насъ; правда что чрезвычайная въ нашей земской администраціи слабость этого участія, ограничивающагося исключительно *утвержденіемъ* въ должностяхъ старшихъ земскихъ чиновниковъ (предсѣдателей губернскихъ управъ — министромъ внутреннихъ дѣлъ, предсѣдателей уѣздныхъ управъ — губернаторами), санкціей, которая можетъ имѣть мѣсто и въ разныхъ частныхъ учрежденіяхъ и заведеніяхъ (банкахъ, ученыхъ обществахъ), свидѣтельствуетъ о томъ равнодушіи государственной власти къ этимъ должностямъ, которое было бы не мыслимо, въ особен-

ности у насъ, при томъ характерѣ какой онъ носитъ въ Пруссіи. Но всего этого еще мало чтобы выяснить различіе прусской и нашей организацій земскихъ властей. Еслибы всѣ наши земскіе дѣятели назначались отъ короны, а всѣ прусскіе чины въ новомъ окружномъ управленіи исключительно по выбору отъ земства, даже безъ всякаго утвержденія отъ короны, то это одно еще не измѣнило бы внутренняго содержанія того и другаго самоуправленія. Какъ ни мало согласовались бы такія реформы съ различнымъ внутреннимъ содержаніемъ мѣстнаго самоуправленія въ обоихъ государствахъ, онѣ тѣмъ не менѣе нисколько не нарушали бы основаній ни нашей земской организаціи, ни прусскаго окружнаго управленія. Даже безусловно выборные агенты прусскаго управленія все-таки оставались бы *органами государственной власти*; они бы дѣйствовали только въ силу этой власти, для цѣлей только государственнаго управленія, а не въ силу полномочій полученныхъ ими отъ ихъ избирателей, и не для разнообразныхъ общественныхъ цѣлей предположенныхъ ихъ большинствами (какъ и выражено въ прусскомъ законѣ), хотя бы такіе органы государственной власти, по своему происхожденію и исключительной зависимости отъ настроенія большинства избирателей, были не совсѣмъ удобны для прусской администраціи. Также точно, еслибы случилось, что всѣ члены нашей земской организаціи были назначаемы, безъ всякихъ земскихъ выборовъ, прямо отъ правительства [1]), то они нисколько не сдѣлались бы, черезъ это одно, государственными органами, для каковыхъ нѣтъ ни мѣста, ни функцій въ земской дѣятельности, а были бы силою вещей или совсѣмъ всосаны въ себя земствомъ, или бы оставались въ немъ чуждыми тѣлами, надсмотрщиками,

---

[1]) Примѣры этому отчасти имѣются въ лицѣ предсѣдателей земскихъ собраній, назначаемыхъ отъ правительства. Таковы отчасти и чиновники-члены земскихъ собраній отъ государственныхъ имуществъ и удѣловъ.

на сборателями, агентами бюрократическихъ властей (даже не государства). Такіе агенты могутъ быть и бываютъ назначаемы отъ правительства въ правленія частныхъ обществъ, акціонерныхъ компаній, и отъ этого такія компаніи еще не дѣлаются государственными учрежденіями. Не измѣнился бы отъ этого и характеръ нашихъ земскихъ учрежденій, какъ бы ни сдѣлались такія назначенныя отъ правительства должностныя лица отвѣтственными и непріятны для земства. Отъ одного этого нисколько не сдѣлалась бы болѣе правильною наша земская организація, также какъ и не улучшилась бы наша государственная администрація.

Вся эта гипотеза построена нами только для объясненія фундаментальныхъ различій прусской системы съ нашею. Но въ чемъ же они заключаются? Откуда такое коренное различіе въ натурѣ тѣхъ и другихъ учрежденій, столь коренное и глубокое, что эта натура не могла бы измѣниться даже отъ такихъ предположенныхъ нами радикальныхъ преобразованій въ способахъ замѣщенія должностныхъ лицъ?

Мы уже внесли предъ собою достаточно характеристическихъ чертъ той и другой организаціи мѣстныхъ учрежденій, чтобы сдѣлать изъ нихъ общій выводъ для отвѣта на поставленный здѣсь вопросъ. Было бы слишкомъ легкомысленно думать, на основаніи однихъ наружныхъ признаковъ энергическаго вмѣшательства государственной власти во всѣ дѣйствія земства въ Пруссіи и невмѣшательства ея у насъ, строгихъ законныхъ ограниченій независимости земства въ Пруссіи и слабыхъ стѣсненій ея въ Россіи, что тамъ мѣстнаго самоуправленія менѣе чѣмъ у насъ. Это былъ бы очень прискорбный оптическій обманъ въ воззрѣніяхъ на самоуправленіе, хотя наше общество безпрерывно впадаетъ въ подобныя заблужденія.

Если бы даже изъ нашего законодательства были совсѣмъ исключены всѣ безъ изъятія *старыя* наблюденія правительственныхъ властей за дѣйствіями и распоряже-

ніями земскихъ учрежденій (ст. 6 Положенія), то даже и тогда бы нисколько не возрасла ихъ самостоятельность, *якобы органовъ самоуправленія* и нисколько не болѣе упрочились бы въ нашей мѣстной администраціи, нисколько не болѣе получали бы правъ гражданства въ нашемъ государственномъ управленіи истинные элементы самоуправленія. Эта новая гипотеза, противоположная предыдущей, должна еще болѣе показать что разрѣшенія вопросовъ и жалобъ возбуждаемыхъ земскими учрежденіями должно искать не на тѣхъ обычныхъ путяхъ, куда у насъ обращаются всѣ умы недовольные ихъ нынѣшнимъ ходомъ. Не въ расширеніи свободы и круга дѣйствій земства можно найти исцѣленіе его недуговъ, также какъ и не въ ограниченіи ихъ.

Разрѣшенія всѣхъ этихъ недоумѣній, ежедневно болѣе и болѣе накопляющихся, должно искать только въ самомъ *свойствѣ дѣйствій* и *власти* предоставленныхъ у насъ этимъ учрежденіямъ. Это свойство категорически отлично отъ прусскихъ окружныхъ учрежденій. Это достаточно явствуетъ изъ слѣдующихъ немногихъ словъ прусскаго окружнаго положенія: «*Во главѣ управленія округа* (an der Spitze der Verwaltung des Kreises) стоитъ ландратъ, *во главѣ управленія волости* (Amtsbezirk) — волостной старшина, *во главѣ управленія общины* — сельскій или общинный староста (521)». Этихъ опредѣлительныхъ словъ прусскаго закона кажется достаточно чтобъ объяснить все дѣло; эти слова *были бы не возможны* въ нашемъ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, при нынѣшней ихъ организаціи, какъ ни громадна независимость нашего земства, въ сравненіи съ прусскимъ. Власти всѣхъ упомянутыхъ прусскихъ должностныхъ лицъ и сопутствующихъ имъ коллегіальныхъ учрежденій подчинено по нисходящей лѣстницѣ административныхъ единицъ, въ округѣ, волости и общинѣ, все мѣстное внутреннее управленіе и всѣ входящія въ его составъ должностныя лица (за исключеніемъ только спеціальныхъ частей военныхъ, финансовыхъ и т. д.), а по-

тому и они въ свою очередь подчинены всей восходящей до центральнаго государственнаго управленія іерархіи ея административныхъ инстанцій. Вся мѣстная полиція находится въ ихъ вѣдѣніи и распоряженіи, и иной, *внѣ* этой системы окружныхъ властей, не существуетъ власти въ округѣ. Нашимъ земскимъ должностнымъ лицамъ и учрежденіямъ ничто и никто не подчинены въ уѣздномъ управленіи, не говоря уже о губернскомъ, кромѣ развѣ ихъ собственныхъ канцелярій и приглашенныхъ ими по *найму* служащихъ. Что же мудренаго что и они никому не подчинены, и ни предъ кѣмъ не отвѣтственны, и что имъ предоставлена закономъ полная *самостоятельность* дѣйствій относительно *правительственныхъ* властей. Иначе и быть не могло.

Нашимъ земскимъ учрежденіямъ, не только въ общемъ кругѣ государственнаго управленія, но даже въ границахъ ихъ компетенціи и занятій (то-есть по преимуществу хозяйства), не присвоено никакой государственной власти, *кромѣ права налога*. Они почти не могутъ быть разсматриваемы какъ органы или делегаты государственной власти, не имѣя *въ силу государственнаго права* никакихъ отношеній ко всѣмъ мѣстнымъ административнымъ властямъ и ко всему мѣстному населенію. Они не имѣютъ никакихъ *правительственныхъ правъ, а потому и никакихъ правительственныхъ обязанностей, въ іерархіи правительственныхъ властей*. Они и противопоставлены этимъ властямъ по буквѣ самаго закона, а въ Пруссіи они входятъ въ самый ихъ составъ. Они не располагаютъ у насъ ни малѣйшимъ атомомъ принудительной государственной власти ни надъ кѣмъ и ни надъ чѣмъ. Всѣ отношенія нашихъ земскихъ органовъ и къ дѣйствующимъ подлѣ нихъ правительственнымъ властямъ и къ частнымъ лицамъ носятъ на себѣ исключительно *общественный* (частный) характеръ, и когда эти отношенія юридическія, то они существуютъ *только въ силу частнаго гражданскаго или договорнаго права* (въ силу найма, контракта и пр.). Съ самимъ правительствомъ земскія учрежденія

входять въ договоры, въ подряды (напримѣръ по содержанію шоссе), и въ случаѣ спора мы не знаемъ какому судилищу были бы подвѣдомы эти дѣла, по всей вѣроятности общимъ гражданскимъ судамъ, а не административному суду (каковъ 1-й департаментъ Сената) [1]). Это послѣднее соображеніе всего лучше характеризуетъ наши земскія учрежденія, такъ какъ по общимъ понятіямъ современнаго государственнаго права нельзя себѣ представить, чтобы какіе бы то ни было споры между правительственными учрежденіями и органами самоуправленія, требующіе судебнаго разбирательства, могли быть подвѣдомы общимъ судамъ, а не административному суду. Уже однажды земскія учрежденія были названы въ значительномъ официальномъ актѣ [2]) *частными общественными* учрежденіями; если это была обмолвка, lapsus linguæ, то она какъ нельзя болѣе простительна. Чтобъ окончательно уяснить себѣ всю эту особенность нашихъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, достаточно подумать объ образѣ ихъ дѣйствій при недоимкахъ въ земскихъ сборахъ, чрезвычайно накопляющихся. Право на налогъ нигдѣ такъ мало не ограничено закономъ и правительственнымъ контролемъ какъ въ нашемъ земствѣ, а между тѣмъ оно не имѣетъ права, то-есть *права административной принудительной власти*, взыскать ни одной копѣйки своихъ сборовъ; въ случаѣ неисправности плательщиковъ, оно не можетъ принудить ни ихъ къ платежу, ни низшія административныя и полицейскія исполнительныя инстанціи ко взысканію съ нихъ недоимки, а можетъ развѣ только *приглашать* и *просить* заплатить

---

[1]) Этотъ частный вопросъ, съ развитіемъ подобныхъ денежныхъ договоровъ между земствомъ и правительствомъ, заслуживаетъ вниманія.

[2]) Въ Положеніи Комитета Министровъ объ оплатѣ земствомъ почтовой корреспонденціи. Даже сущность этого распоряженія, вызваннаго странными понятіями почтоваго вѣдомства (того времени) о земскихъ учрежденіяхъ, противна истинному значенію ихъ, какъ государственныхъ учрежденій. Подобныя понятія безпрерывно случались у насъ со стороны то одного, то другаго вѣдомства, вносились въ ихъ отношенія къ земству и приводили къ самымъ безсмысленнымъ пререканіямъ.

и взыскать, наравнѣ со всякимъ частнымъ лицомъ движущимъ по взысканію своихъ долговъ. Въ самомъ крайнемъ случаѣ земскій органъ имѣетъ право на предъявленіе судебнаго иска противъ неплательщиковъ и можетъ вызвать судебное или административное взысканіе съ полицейскихъ должностныхъ лицъ, за упущенія по должности, *наравнѣ со всѣми частными лицами*: на взысканіе административнымъ порядкомъ съ кого бы то ни было онъ не имѣетъ никакого права. Въ этомъ явленіи, имѣющемъ первостепенную, не только теоретическую, но и практическую, важность и подрывающемъ финансовую самостоятельность земскихъ учрежденій, всего ярче выражается глубокое внутреннее противорѣчіе въ ихъ государственно-юридическомъ характерѣ: смѣшеніе въ основахъ одного и того же института двухъ противоположныхъ началъ, государственнаго права, каково право налога, съ частно-гражданскимъ правомъ, лежащимъ въ основѣ всякаго частнаго юридическаго лица. Но это послѣднее право не заключаетъ въ себѣ самомъ никакой силы для приведенія въ дѣйствіе, для осуществленія даннаго права. Въ сущности земству дарована въ государственно-юридической системѣ налога только одна законодательная власть, безъ власти административной. Да и вообще во всемъ государственномъ характерѣ земскихъ учрежденій господствуетъ этотъ особенный типъ. Въ государствѣ вполнѣ правомѣрномъ это невозможное юридическое противорѣчіе давно бы вышло наружу: лица обложенныя земскими сборами не стали бы платить ихъ (не по безпечности и безпорядочности, какъ у насъ, а систематически), возбуждая противъ себя гражданскіе иски со стороны земства. Хотя полиція и обязана взыскивать земскіе сборы наравнѣ съ государственными податями, но недоимщики могли бы, въ строго-юридическомъ смыслѣ, оспаривать всякій разъ правильность взысканія по тому или другому поводу. Только право налога впрочемъ и придаетъ земскимъ учрежденіямъ характеръ *государственныхъ* учрежденій. Тутъ весьма примѣнима мысль, которую

можно было бы высказать какъ общую характеристику этихъ учрежденій: имъ дано *много воли* (по обложенію налогомъ) и *никакой власти* (по взысканію налоговъ). Эти слова примѣнимы ко всей области земской дѣятельности. Эти земскія учрежденія еще не настоящіе органы государственнаго мѣстнаго самоуправленія, а только мѣстныя *общественныя вольности*, могущія развиться въ таковые органы.

Вотъ въ этомъ-то и заключается главный порокъ въ организаціи земскихъ учрежденій, обусловливающій важнѣйшія неправильности въ ихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ, помимо воли дѣйствующихъ въ нихъ и въ правительственной сферѣ лицъ; этотъ порокъ наиболѣе ожидаетъ исправленія отъ ближайшаго законодательства и ставитъ пока все русское общество, а съ нимъ и правительство, въ недоумѣніе относительно смысла этихъ учрежденій.

Земскія учрежденія *не введены въ общую систему нашего государственнаго управленія*, а поставлены подлѣ нея, какъ отдѣльныя государственно-общественныя тѣла, [1]) не имѣющія никакихъ органическихъ связей съ этою системой, а безъ этихъ связей они не могутъ продолжать развиваться здоровымъ образомъ. Въ государственномъ организмѣ, также точно какъ и въ физическомъ, всякое попавшее въ него постороннее органическое тѣло, не имѣющее съ нимъ живыхъ органическихъ связей, или само обречено на гніеніе, или въ случаѣ сохраненія своей жизни, подвергаетъ тому же процессу разложенія весь организмъ [2]). Таково общее заключеніе которое истекаетъ изо всего нами сказаннаго и кажется оно достаточно теперь ясно, въ особенности послѣ сравне-

---

[1]) *Государственно*, а не чисто общественныя, потому что имъ предоставлены нѣкоторыя прерогативы государственной власти (каково главнѣйше **право налога и выборъ судей**).

[2]) Съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти строки, постоянно возраставшее (главнѣйше отъ *многовластія* и *разногласія*) разстройство нашей мѣстной администраціи (между прочимъ вызвавшее въ 1880 г. сенаторскія ревизіи) кажется вполнѣ подтвердило нашу мысль.

нія нашихъ земскихъ учрежденій съ прусскимъ окружнымъ управленіемъ, имѣющимъ по своему существу одинаковую съ ними задачу.

У насъ устроены мѣстныя учрежденія которымъ предоставлены въ распоряженіе всѣ важнѣйшія отрасли мѣстной администраціи, — пути и способы сообщеній, народное здравіе и продовольствіе, общественное призрѣніе, мѣста заключенія, первоначальное народное образованіе и т. д., — а между тѣмъ подъ этой новой организаціи мѣстной администраціи, *которая обнимаетъ* собою всѣ мѣстныя административныя дѣйствія и изъ круга вѣдѣнія которой изъята только одна полиція, осталась дѣйствовать и продолжаетъ развиваться вся прежняя организація той же мѣстной администраціи, за все отвѣтственная, хотя и имѣющая въ своемъ прямомъ распоряженіи только полицію. При этомъ вся эта старая система дѣйствительно государственнаго управленія, отъ своей вершины: губернатора и губернскаго правленія, до самыхъ низшихъ органовъ: волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ и сотскихъ, нисколько не ограничивается одѣми полицейскими функціями, а распространяется на всѣ безъ изъятія мѣстныя административныя отрасли, въ томъ числѣ и на всѣ вышеупомянутыя, которыми призвана заниматься новая административная (земская) организація, и *за все отвѣтственна предъ правительствомъ*. Еслибы даже и возможно было ограничить, какъ ошибочно полагаютъ иные, весь кругъ дѣятельности этого общаго или *коронная* мѣстнаго управленія одѣми полицейскими обязанностями (въ тѣсномъ смыслѣ полицейскими по предупрежденію и пресѣченію преступленій), еслибы возможно было такое странное, невиданное еще, раздѣленіе труда и власти *по всѣмъ инстанціямъ* [1]) мѣстной администраціи между правительствомъ и земствомъ, то и тогда нельзя было бы сохранить

---

[1]) Мы говоримъ по «*всѣмъ* инстанціямъ». Это нисколько не исключаетъ спеціальныхъ полицейскихъ органовъ.

нынѣшнія отношенія земской организаціи къ коронной или къ настоящей правительственной, то-есть, государственной администраціи. Не должно терять изъ виду что всѣ даже чисто полицейскія функціи (по пресѣченію и предупрежденію преступленій) находятся въ тѣсной связи и взаимодѣйствіи со всѣми отраслями администраціи, не могутъ быть разлучены съ ними и раздѣлены на двѣ одна другой чуждыя системы власти. Такова, напримѣръ, вся санитарная часть, почти не допускающая различенія хозяйственной и полицейской стороны администраціи. При существующихъ нынѣ отношеніяхъ земства къ старой администраціи конечно ничего не оставалось болѣе какъ не облекать земскія учрежденія настоящими государственными функціями, *дѣлегаціей власти*. Оставалось сохранить за ними характеръ преимущественно общественныхъ организмовъ; иначе создалось бы *двоевластіе* въ государствѣ, не мыслимое въ наше время. Но общественные организмы не могутъ обладать правомъ налога, не могутъ расходовать его на предметы чисто государственнаго свойства, не могутъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи чисто административныя области дѣятельности. Истинные органы самоуправленія, возникнувъ на общественной почвѣ, подъ вліяніемъ общественныхъ интересовъ, тѣмъ не менѣе *не перестаютъ быть государственными* и для этого должны входить какъ звенья въ общую систему власти и управленія въ государствѣ. Это самоуправленіе не есть *общественное* самоуправленіе, образцы котораго имѣются въ акціонерныхъ компаніяхъ, ученыхъ и другихъ обществахъ, а оно есть такое же *государственное* управленіе какъ и бюрократическое, личное управленіе; учрежденія самоуправленія совокупно съ бюрократическими учрежденіями суть двоякіе органы одного и того же государственнаго организма, *различныя формы одной и той же власти*.

Какъ нельзя болѣе справедливо и естественно, что пока земскіе органы не обладаютъ у насъ дѣлегаціей государственной власти, не суть ея прямые органы, они

и не входить въ общую іерархію ея административныхъ учрежденій и должностей, а потому и безотвѣтственны предъ правительственными властями. Имъ не подвластны низшія ихъ ступени, а потому и сами они не подвластны высшимъ. *Они посторонніе люди и посторонняя учрежденія.* Надо только удивляться что иные наши земскіе дѣятели, какъ будто нисколько не дорожа будущимъ развитіемъ нашего мѣстнаго самоуправленія, сами преувеличиваютъ и доводятъ до послѣдней крайности эту неправильность нынѣшней земской организаціи, которая поставила ея агентовъ въ сторонѣ отъ всякой должностной іерархіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ сторонѣ отъ государственнаго управленія. Они какъ будто пренебрегаютъ тѣмъ именно, что можетъ только возвысить ихъ государственное значеніе. Своими дѣйствіями они какъ будто силятся доказать, что они сами признаютъ себя частными, общественными дѣятелями, тогда какъ отъ нихъ слѣдовало ожидать именно противнаго. Самое крѣпкое право возникаетъ изъ строгаго исполненія обязанностей; всякая личность скорѣе конечно упрочиваетъ за собой свои права, преувеличивая свои обязанности, нежели ихъ упуская и умаляя. Но все это, къ сожалѣнію, еще слишкомъ далеко отъ сознанія большинства нашего общества.

4.

Высказанныя нами взгляды на коренной недостатокъ земской организаціи не должны казаться страннымъ, такъ какъ даже у себя дома мы имѣли и имѣемъ болѣе счастливые съ указанной точки зрѣнія опыты. Всѣ провинціальныя учрежденія, основанныя императрицею Екатериною II, вполнѣ удовлетворяли указаннымъ нами началамъ; ихъ элементы самоуправленія и представительства правильно входили, какъ составная часть, въ общую сумму государственнаго управленія. Но всѣ эти элементы были сословные и потому въ нихъ не было задатковъ

для дальнѣйшаго развитія, при измѣнившихся условіяхъ общественнаго строя. Сверхъ того, зависимость судебной власти отъ административной лишала эти учрежденія всякой судебной почвы, безъ которой немыслимо истинное самоуправленіе. Институтъ мировыхъ посредниковъ заключалъ въ себѣ, по своей первоначальной организаціи, наилучшія семена для нашего мѣстнаго самоуправленія, за исключеніемъ сословнаго своего цвѣта, который впрочемъ могъ бы постепенно уничтожиться; этотъ институтъ представляетъ собою превосходнѣйшій до сихъ поръ опытъ согласованія органовъ самоуправленія съ бюрократическими и даже съ единоличными органами (чрезъ посредство губернскихъ присутствій и уѣздныхъ съѣздовъ). Крестьянское самоуправленіе, какъ бы ни были значительны его недостатки, — и мы очень готовы ихъ признать, — не страдаетъ въ своей организаціи изложеннымъ нами порокомъ земскихъ учрежденій; оно нисколько не было разлучено съ мѣстнымъ государственнымъ управленіемъ, а составляетъ съ нимъ и въ уѣздѣ, и въ губерніи, чрезъ посредство мировыхъ посредниковъ, ихъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, одно нераздѣльное цѣлое. Теперь конечно крестьянскія учрежденія находятся *наканунѣ очень серьезнаго кризиса*, могущаго отозваться не на одномъ только крестьянскомъ людѣ, а потрясти все мѣстное управленіе. Съ упраздненіемъ мировыхъ посредниковъ, связывавшихъ волостную и сельскую администрацію съ губернскою, надо опасаться, что органическія связи крестьянскаго самоуправленія съ общимъ государственнымъ управленіемъ значительно ослабнутъ, если даже не будутъ совсѣмъ порваны [1]). Наконецъ новое городовое Положеніе есть уже

---

[1]) Устраненіе насъ въ то время отъ 1871 г. *кризиса* въ крестьянскомъ самоуправленіи, дѣйствительно и произошло съ упраздненіемъ мировыхъ посредниковъ. Чтобы не была порвана связь крестьянскаго самоуправленія съ государственнымъ управленіемъ были устроены губернскія и уѣздныя присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, полная несостоятельность которыхъ нынѣ всѣми признана. Нетрудно личный составъ

гораздо болѣе зрѣлый законодательный актъ въ томъ же указанномъ нами смыслѣ; учрежденное имъ губернское присутствіе по городскимъ дѣламъ есть хорошій опытъ административныхъ установленій долженствующихъ соединить въ одинъ порядокъ власти правительственные органы бюрократическаго строя съ исполнительными органами государственно-общественныхъ союзовъ.

Всѣ вышеуказанные нами факты доказываютъ, что въ историческомъ развитіи нашего законодательства не отсутствуетъ сознаніе тѣхъ государственныхъ понятій, съ которыми мы отнеслись къ земскимъ учрежденіямъ. Но этого мало; мы находимъ эти же самыя понятія тамъ, гдѣ ихъ всего менѣе можно было ожидать, въ правительственномъ изложеніи мотивовъ къ проекту Положенія

этихъ учрежденій (изъ представителей бюрократическихъ, сословныхъ — дворянскихъ, земскихъ и даже судебныхъ установленій) былъ какъ будто призванъ *объединить* наше мѣстное самоуправленіе; но это объединеніе чисто механическое, посредствомъ личнаго *сопоставленія*, даже просто посредствомъ встрѣчи разнородныхъ властей, не могло ничего органически измѣнить въ нашемъ мѣстномъ административномъ строѣ. Оно только окончательно разстроило то, что на почвѣ собственно крестьянскаго вопроса и крестьянскихъ отношеній установилось посредствомъ института мировыхъ посредниковъ. Новыя злополучныя крестьянскія учрежденія окончательно уничтожили возможность сліянія этого института съ мировымъ судебнымъ: это сліяніе было исторически самое естественное и оно ожидалось. До чего оно было естественно и практически нужно, доказывается тѣмъ, что даже теперь возрождается всюду вопросъ объ этомъ сліяніи.— т. е., о присоединеніи мировымъ судьямъ власти прежнихъ посредниковъ (контроли надъ крестьянскими властями). Единственнымъ практическимъ злоломъ новыхъ крестьянскихъ учрежденій было подчиненіе крестьянскихъ властей дѣлимъ (бюрократически устроеннымъ) полицейскимъ властямъ; это подчиненіе, совершенно чуждое основнымъ началамъ всякаго самоуправленія (а потому и крестьянскаго), всюду привело къ самымъ дурнымъ послѣдствіямъ, растлѣвающимъ представителей крестьянскаго самоуправленія (не говоря ни о чемъ другомъ). Это подчиненіе конечно, въ нѣкоторой степени, предотвратило полный *разрывъ* крестьянскаго самоуправленія съ государственнымъ управленіемъ, но предотвратило его самымъ неправильнымъ и печальнымъ образомъ. Теперь приходится подумать о способахъ оздоровленія всей системы сельскихъ учрежденій, болѣзненно уклонившихся отъ здравыхъ началъ положенія 1-го февраля 1861 г. Ко всему этому нужно присовокупить, что капитальную важность вопроса о крестьянскихъ учрежденіяхъ во всемъ нашемъ мѣстномъ управленіи можно наглядно видѣть уже изъ того, что теперь на первыхъ шагахъ преобразованія этихъ учрежденій тотчасъ возникъ вопросъ о переѣздѣ всѣхъ мѣстныхъ учрежденій, — весь вопросъ о судьбѣ нашего самоуправленія.

о земскихъ учрежденіяхъ. Вотъ что между прочимъ сказано въ этомъ любопытномъ по многимъ отношеніямъ документѣ: «Задачею настоящей законодательной работы было, по возможности, *полное и послѣдовательное развитіе начала мѣстнаго самоуправленія*; но развитіе это, необходимо, ограничивалось общими условіями государственнаго устройства. Если начало децентрализаціи можетъ прилагаться гдѣ-либо съ пользою, то конечно всего болѣе въ сферѣ мѣстныхъ хозяйственныхъ интересовъ; но и здѣсь интересы государственные, съ одной стороны, интересы частныхъ лицъ и общества, съ другой, кладутъ извѣстные предѣлы, которые должны быть строго и положительно указаны закономъ. *Единство государственнаго управленія, сила и полнота государственной власти не могутъ уступить потребностямъ мѣстнаго интереса*, какъ бы важны и законны они ни были. *Земское управленіе есть только особый органъ отъ той и той же государственной власти и отъ нея получаетъ свои права и полномочія; земскія учрежденія, имѣя свое мѣсто въ государственномъ организмѣ, не могутъ существовать внѣ его и наравнѣ съ прочими учрежденіями*, подчиняются тѣмъ общимъ условіямъ и тому общему направленію, которыя устанавливаются центральною государственною властью. *Эти общія соображенія постоянно имѣлись въ виду при настоящей работѣ*»[1]). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же оффиціальный документъ гласитъ, что земскія управы должны занять мѣсто въ ряду прочихъ *правительственныхъ административныхъ учрежденій* и въ связи съ ними члены ихъ должны быть считаемы *должностными служащими лицами со всѣми правами и обязанностями изъ*

---

[1]) Объяснительная записка къ проектамъ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ и временныхъ правилъ о сихъ учрежденіяхъ, внесенныя при этомъ проектъ въ Государственный Совѣтъ 26-го мая 1863 года министромъ внутреннихъ дѣлъ Л. А. Валуевымъ, стр. 20. (См. *Труды комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ*, ч. II, книга I. 1865). Этотъ документъ можетъ служить въ высшей степени интереснымъ матеріаломъ для исторіи развитія государственныхъ и административныхъ идей въ Россіи въ новѣйшее время.

того истекающими [1]). Можно подумать, что выписанныя нами строки взяты изъ мотивовъ прусскаго окружнаго управленія, и трудно повѣрить, что они помѣщены въ мотивахъ Положенія о русскихъ земскихъ учрежденіяхъ. Но таковъ весь этотъ законодательный актъ. Обокъ съ приведенными выше самыми здравыми государственными возрѣніями на самоуправленіе встрѣчаются въ томъ же самомъ документѣ совсѣмъ иныя возрѣнія: земскія учрежденія называются тутъ же *частными* и *общественными*, земское хозяйство отождествляется съ хозяйствомъ частнаго лица и т. д. Эти послѣднія понятія взяли окончательный верхъ въ редакціи Положенія, которое, проходя по разнымъ инстанціямъ, было неоднократно передѣлываемо подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ и неопредѣленныхъ понятій того времени о предлежавшей реформѣ мѣстнаго управленія. Въ окончательномъ результатѣ позволительно сказать, что во всей этой законодательной работѣ, посреди многочисленныхъ фазъ, которыя она перетерпѣла, всего менѣе имѣлись постоянно въ виду какія-либо *общія соображенія*, какъ о томъ упоминается въ вышеприведенныхъ словахъ официальнаго документа, — какія-либо общія начала (или принципы). Такого рода явленія должны были бы послужить полезнымъ назиданіемъ для будущаго нашего законодательства.

Земскія учрежденія вступили въ жизнь безъ всякихъ отношеній ко всѣмъ существовавшимъ до нихъ органамъ административной власти: они и остаются оторванными отъ нихъ до сихъ поръ.

Эта неправильность въ нихъ устроенія слишкомъ очевидна и она будетъ со всякимъ днемъ чувствоваться болѣе и болѣе. Съ двухъ сторонъ подлѣ нея существуютъ двѣ системы управленія, бюрократическая (губернская и уѣздная) и крестьянская (волостная и сельская), не имѣющія съ нею ничего общаго. Эти три разнокалиберныя

---

[1]) Тамъ же, стр. 51.

ряда административныхъ учрежденій (не говоря о сословныхъ движеніяхъ) должны же рано или поздно слиться воедино, не утративъ ни одна силъ исторически въ нихъ выработавшихся. Возможно большее *сохраненіе дѣйствующихъ силъ* есть великій законъ не только для механики, но и для всякой здравой политики, а потому мы всего менѣе можемъ желать безразсудной ломки существующихъ зданій [1]). Сверхъ трехъ упомянутыхъ выше рядовъ административныхъ учрежденій, дѣйствуютъ еще въ уѣздахъ мировые судьи; они хотя и представители особой власти, судебной, но едва ли они не составляютъ нынѣ, въ особенности съ упраздненіемъ мировыхъ посредниковъ, *центръ тяжести государственной власти въ уѣздѣ.* О предоставленіи мировымъ судьямъ атрибутовъ административной власти говорить почти праздно; такъ какъ, кажется у насъ никто этого не желаетъ. Но должны же наконецъ явиться какія-либо звенья государственной вла-

[1] Поэтому, при всей коренной нашей критикѣ всего строя нашей мѣстной администраціи и при всемъ нашемъ желаніи, чтобы онъ безотлагательно подвергся реформѣ (конечно въ духѣ земскаго самоуправленія), мы всего менѣе желаемъ *ломки* существующихъ учрежденій. Полагаемъ, что можно безъ нея обойтись, сохраняя существующія, привычныя для общества, *формы* важнѣйшихъ установленій и стараясь только ихъ органически развивать, соединять, къ нимъ придѣлывать новыя неизбѣжныя пристройки, и главное влагая въ тѣ-же формы новый духъ, новыя начала, такъ чтобы въ нихъ были всегда открыты двери для дальнѣйшихъ развитій преобразованія. Въ видѣ примѣра такого направленія реформы, соотвѣтствующаго всему тому, что нами написано о земскихъ учрежденіяхъ, мы укажемъ на возможность слитія губернскихъ правленій и нѣкоторыхъ другихъ бюрократическихъ губернскихъ установленій съ губернскими земскими управами, которыя однако не должны быть при этомъ лишены своей самостоятельности и могутъ быть подчинены только судебно-административному контролю (сенатскому или иному). Всего казалось бы удобнѣе, по примѣру Пруссіи, и намъ переходить постепенно отъ одной административной стадіи къ другой и *въ первое время остановиться на* [illegible] въ уѣздномъ и волостномъ управленіи. Послѣ него настала бы очередь низшей ступени — общинъ: сельскихъ обществъ, которыя можно было бы оставить пока въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, въ особенности при передѣлкѣ волостей, самой настоятельной теперь. И затѣмъ могъ бы быть возведенъ надъ всѣмъ этимъ куполъ — реформа губернскаго управленія. Весь этотъ порядокъ не помѣшалъ бы теперь-же сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ губернской администраціи, вызванныя преобразованіемъ уѣздной (напр. упразднить губернскія по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія).

сти [1]), которыя бы соединили въ одну гармоническую систему власти эти безчисленные ея органы, посреди которыхъ теряется нынѣ обыватель уѣзда! Эта объединительная система можетъ и не быть симметрична по наружности, на подобіе французскихъ учрежденій, но она должна быть проникнута внутри себя *духомъ единой государственной власти*, не позволяющей болѣе говорить о *различныхъ казенныхъ, земскихъ, крестьянскихъ и дворянскихъ властяхъ*.

Безъ этого не можетъ быть приступлено и къ исправленію пороковъ крестьянскаго самоуправленія, которое вступаетъ нынѣ, если не ошибаемся, въ свой критическій періодъ. Пока можно только мечтать о безсословной или земской волостной единицѣ, но она рѣшительно не осуществима при нынѣшнемъ характерѣ земскихъ учрежденій, какъ бы она ни была необходима; эта безсословная волостная единица могла бы внести такое разстройство въ нашу мѣстную администрацію, какого еще не была способна произвести земская организація. За это разстройство уже не вознаградитъ публику никакое краснорѣчіе на волостныхъ земскихъ собраніяхъ; оно тѣмъ болѣе не вознаградитъ что, при нынѣшнемъ абсентеизмѣ образованныхъ людей въ нашей сельской жизни, въ этомъ краснорѣчіи стали бы преимущественно упражняться волостные писаря, содержатели питейныхъ заведеній и весь этотъ новѣйшій tiers état нашихъ волостей, мастерски изображенный въ сатирахъ Щедрина. Насколько эта новая политическая школа была бы назидательна для нашихъ крестьянъ, мы не знаемъ. Но вѣрно одно, что въ нынѣшнихъ волостныхъ старшинахъ и правленіяхъ и даже въ сельскихъ старостахъ. Государственное управленіе, уѣздное, губернское и даже центральное, имѣетъ положительные органы своего дѣйствія и власти [2]). Всѣми

---

[1]) Если и не новыя учрежденія, то новыя законоположенія.

[2]) Мы никакъ не противъ преобразованія нашихъ волостей и ихъ управленія, которое мы считаемъ настоятельнымъ, и именно въ духѣ

признаваемые пороки крестьянскихъ учрежденій легко поправимы, безъ нанесенія ущерба государственнымъ началамъ, положеннымъ въ ихъ основаніе, и безъ потрясенія нашей исторической сельской общины, какъ административной единицы. Всему нынѣ господствующему губернскому и уѣздному порядку власти и управленія хотя и мало помогаютъ, однако и мало препятствуютъ, подлѣ него, въ сторонѣ стоящія, въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, земскія собранія и управы; если же такія собранія и управы, подъ тѣмъ или другимъ наименованіемъ, но на тѣхъ же основаніяхъ, были бы устроены въ волостяхъ, *взамѣнъ* нынѣшнихъ волостныхъ учрежденій, то надо опасаться, что государственная власть лишилась бы въ волостяхъ, т.-е. на всемъ пространствѣ уѣзда, всякихъ органовъ, другими словами, она сама упразднилась бы на этомъ пространствѣ. Такое положеніе конечно немыслимо, и чтобы выйти изъ него, пришлось бы разомъ, рядомъ съ земскими волостными учрежденіями, опредѣлить казенныхъ агентовъ, чиновниковъ и служителей, которые бы исполняли нынѣшнія правительственныя обязанности волостныхъ правленій и можетъ-статься даже сельскихъ старостъ. Въ такомъ случаѣ было бы довершено, до послѣднихъ своихъ ступеней, *то строеніе земскаго государства подлъ казеннаго*, которое можетъ пригрезиться только больному воображенію, воскрешая самую мрачную катастрофу нашей государственной исторіи въ XVI столѣтіи (опричнину и земщину Іоанна Грознаго). Иначе, однако, мы не понимаемъ, какъ все это можно устроить, при нынѣшнихъ условіяхъ земской организаціи.

всесословности и для приуроченія ихъ къ уѣзднымъ земскимъ учрежденіямъ: но мы признаемъ совершенно непригоднымъ и даже вреднымъ посреди нынѣшнихъ обстоятельствъ устройство въ волостяхъ земскихъ собраній на подобіе губернскихъ и уѣздныхъ. Самые сѣверные элементы нашего новѣйшаго tiers état новѣйшихъ нашихъ мировыхъ получили бы теперь верхъ въ этихъ собраніяхъ. Кромѣ того они были бы безполезны для настоящаго дѣла.

Изложенный нами первородный грѣхъ въ этой организаціи объясняетъ собою всѣ важнѣйшія неправильности въ ходѣ земскаго дѣла, столь замѣтныя съ нѣкоторыхъ поръ и не встрѣчающіяся въ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія другихъ странъ. Теперь мы надѣемся, не покажутся диковинными наши сужденія въ началѣ этой статьи. Мы сказали, что въ жалобахъ то на излишній, то на недостаточный просторъ, предоставленный земскимъ дѣятелямъ, болѣе недоразумѣній, чѣмъ полезнаго разногласія. Тѣ и другіе правы [1]). Область предметовъ, входящихъ и могущихъ входить въ кругъ земской дѣятельности необъятна; трудно себѣ представить, на какіе предметы она не могла бы распространиться. Но дѣйствительной силы для этой дѣятельности очень не много, за исключеніемъ почти неограниченнаго права на установленіе налоговъ, которые однако могутъ совсѣмъ перестать поступать. Независимость дѣйствій земства, значительно и безъ всякой нользы, стѣснена закономъ и бюрократическою опекою, если на эти дѣйствія смотрѣть какъ на частныя, общественныя, общеполезныя и филантропическія предпріятія, но эта независимость слишкомъ неограничена, если на эти дѣйствія смотрѣть какъ на государственныя функціи, на проявленія правительственной власти. Земскія учрежденія, ставшись дѣйствительными органами власти, вошли бы сами собою въ законные предѣлы, и два нынѣшніе столь противоположные относительно ихъ тока желаній были бы примирены.

Та же главная причина дѣйствуетъ и въ практической несостоятельности земскаго хозяйства, о которой

---

[1] Кромѣ конечно тѣхъ, которые съ двухъ противоположныхъ сторонъ, по своему отличному не разумѣнію, хотятъ: одни — систематически истребить всѣ начала самоуправленія и замѣнить его бюрократическимъ управленіемъ, другіе — то есть расширить земскую администрацію, оставляя ее въ совершенно безконтрольномъ положеніи относительно общаго строя государственнаго управленія. Представители этихъ крайнихъ мнѣній однако очень у насъ не рѣдки.

всего болѣе говорить. Едва ли это хозяйство можетъ вообще идти успѣшнѣе при существованіи раздвоенія мѣстной администраціи, когда двѣ ея стихіи, казенная и земская, поставлены такъ что онѣ обязаны одна съ другою конкуррировать, а никакъ не взаимно содѣйствовать, *когда онѣ параллельны, а не солидарны между собою*. Самою силою вещей распорядители казенныхъ дорогъ, казенныхъ больницъ, казенныхъ школъ должны стараться дѣлать лучше и иначе, чѣмъ распорядители земскихъ дорогъ, земскихъ больницъ и земскихъ школъ; за это ихъ похвалитъ начальство, которое, въ свою очередь, стоя совершенно внѣ земства не можетъ поступать иначе. Точно такіе земскіе распорядители не могутъ не стараться отличиться предъ казенными: въ чемъ же иначе будетъ превосходство дѣла земскаго предъ казеннымъ? Не можетъ же каждый не усердствовать своему собственному предпріятію и нельзя требовать, чтобы каждый помогалъ предпріятію чужому. За это соревнованіе двухъ дѣятелей одной и той же администраціи и платятся плательщики государственныхъ податей и земскихъ сборовъ. При такой двойной администраціи для тѣхъ же самыхъ цѣлей можно ли удивляться дороговизнѣ земскихъ учрежденій?

Отсюда еще несравненно худшее зло: неизбѣжный при такой параллельности двухъ организацій *антагонизмъ* между ними, антагонизмъ, гнѣздящійся въ самомъ существѣ дѣла, *пока оно не государственное, и только или казенное или земское*. Возникающія отсюда неизбѣжныя столкновенія между двумя разнородными стихіями мѣстной администраціи обыкновенно ставятся у насъ въ упрекъ то земству, то коронному, чаще никому, — это совершенно несправедливо. Этотъ антагонизмъ побороримъ только случайностями, какъ напримѣръ исключительными съ обѣихъ сторонъ качествами, дарованіями и усиліями, на которыя разсчитывать всегда невозможно. Отчасти это разногласіе въ интересахъ земской и казенной службы разрѣшается дипломатическими переговорами между обѣими сторонами,

по такіе переговоры не входитъ въ служебныя обязанности и не въ нимъ расположены. У насъ часто слышатся жалобы на недостатокъ дѣльныхъ людей въ земской средѣ; но имепно такимъ людямъ не могутъ нравиться нынѣшніе шаткіе условія земской дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ и кандидаты на бюрократическія должности бываютъ встревожены невозможностью добросовѣстнаго выполненія своихъ обязанностей при смутности отношеній государственнаго управленія къ земству. Всякій серіозно относящійся къ своему долгу человѣкъ, будь то земецъ или бюрократъ, желаетъ прежде всего точнаго законнаго обозначенія своихъ правъ и обязанностей. Въ постоянныхъ у насъ жалобахъ на недостатокъ людей есть странное недоразумѣніе: чѣмъ ихъ менѣе, тѣмъ болѣе, казалось бы, нужно стараться привлекать ихъ къ дѣлу, ставя въ положеніе соотвѣтствующее понятіямъ серіознаго человѣка о своемъ долгѣ. Когда такого положенія не достаетъ, тогда всегда можетъ казаться, что не достаетъ людей, которыхъ въ сущности никто не ищетъ.

Мысли нами высказанныя о земскихъ учрежденіяхъ и самоуправленіи не заключаютъ въ себѣ ничего новаго [1]) въ европейскомъ политическомъ мірѣ и наукѣ, хотя онѣ и мало еще слышны у насъ. Мы твердо увѣрены, что указанная выше неправильность земской организаціи будетъ устранена, если только суждено развиваться у

---

[1]) См. между прочимъ сочиненія: R. Gneist, *Verwaltung, Justiz. Rechtsweg*, Berlin 1869; L. Stein, *Die Verwaltungslehre* (*Die vollziehende Gewalt.* 1869; и также *Die Lehre von der inneren Verwaltung*, 1868 г. его же, *Handbuch der Verwaltungslehre*. Въ этихъ обширныхъ трудахъ двухъ знаменитѣйшихъ государственныхъ ученыхъ нашего времени, можно изучить всѣ нынѣшнія возрѣнія науки на самоуправленіе и устройство мѣстнаго управленія въ Европѣ. Сверхъ того см. Tellkampf, *Selbstverwaltung und Reform der Gemeinde-und Kreisordnungen in Preussen*, Berlin, 1872. Мы въ особенности рекомендуемъ эту послѣднюю книжку для быстраго ознакомленія съ вопросами самоуправленія въ западной Европѣ. Мы воспользовались въ нашемъ трудѣ общимъ духомъ нѣмецкой государственной науки, но конечно не могли ни у кого изъ иностранныхъ писателей почерпнуть прямыхъ указаній для нашей задачи, такъ какъ учрежденій тождественныхъ съ нашими земскими, и потому и вопросовъ ими возбуждаемыхъ, нѣтъ нигдѣ въ свѣтѣ.

нась мѣстному самоуправленію, но мы нисколько не думаемъ, чтобы нужныя для этого законодательныя мѣры могли быть легки и быстры въ своемъ исполненіи. Для нихъ болѣе чѣмъ для всякихъ другихъ государственныхъ вопросовъ потребуется участіе самого земства въ правительственныхъ работахъ по этой части. Это участіе можетъ дать практическій матеріалъ для государственныхъ соображеній по предмету требующему, подъ общихъ взглядовъ значительнаго запаса административнаго мѣстнаго опыта; сверхъ того привлеченіе земства къ этимъ работамъ можетъ наилучшимъ образомъ пробудить въ немъ самомъ сознаніе государственныхъ требованій возникающихъ изъ всего нынѣшняго положенія вещей, около него создавшагося, и примирить большинство земскихъ дѣятелей съ этими требованіями, которыя хотя и неминуемо возвысятъ ихъ государственное значеніе, но также и усилятъ отвѣтственность каждаго. Неизбѣжное развитіе личной отвѣтственности, нравственной и юридической, со всякимъ шагомъ въ развитіи политической свободы, еще далеко отъ пониманія массы общества едва зачинающаго свою политическую жизнь. Весьма желательно чтобы на встрѣчу правительству, которое никогда не должно ронять изъ своихъ рукъ инициативу разрѣшенія государственныхъ задачъ, шло такое же ясное сознаніе ихъ необходимости со стороны общества. Всякое разрозненное движеніе государственныхъ успѣховъ въ правительственной сферѣ и въ обществѣ одинаково пагубно для государства; для него столько же вредно, когда правительственныя начинанія забѣгаютъ впередъ потребностей сознанныхъ въ самомъ обществѣ, какъ и когда общественное сознаніе опережаетъ правительственное. Эта истина, если можетъ быть въ ней малѣйшее сомнѣніе, всего лучше доказана у насъ счастливымъ исходомъ крестьянскаго вопроса, въ которомъ правительство энергически взяло въ свое распоряженіе удовлетвореніе давно созрѣвшихъ стремленій лучшей и образованнѣйшей части русскаго общества.

Указывая, для сравненія съ нашимъ земскимъ устройствомъ, на главныя черты новѣйшаго мѣстнаго управленія въ Пруссіи, мы конечно не могли при этомъ имѣть цѣлью мысли о копированіи чужестранныхъ учрежденій для улучшенія нашихъ. Всякая плодотворная реформа должна прежде всего знать свою собственную историческую почву и съ нею сообразовать свои созданія. Въ видѣ примѣра укажемъ на одинъ не безинтересный въ настоящее время вопросъ. Неограниченное право земства на налогъ невозможно, какъ это признано во всемъ свѣтѣ; также точно приведеніе мѣстныхъ налоговъ съ общегосударственными въ одну систему есть необходимость. Но то же самое начало можетъ осуществиться у насъ совсѣмъ иначе чѣмъ въ западной Европѣ: вмѣсто земскихъ налоговъ добавочныхъ къ государственнымъ, у насъ, совсѣмъ напротивъ, государственный земскій сборъ съ душъ можетъ быть превращенъ въ добавочный налогъ къ поземельному земскому сбору. Для этого все-таки нужно единство государственнаго управленія: основы налога должны быть выработаны земскими органами совокупно съ казенными и быть подъ контролемъ одной власти. Такимъ образомъ мы могли бы, согласно нашимъ историческимъ условіямъ, такъ своеобразно объединить земскую финансовую систему съ общегосударственною, какъ это дѣлаетъ Англія. Но мы обязаны неусыпно изучать также законодательство передовыхъ народовъ Европы, чтобы въ немъ узнавать то общее движеніе европейской государственной жизни въ странѣ отъ которой мы оставаться не можемъ. Общій духъ этого движенія мы обязаны рано или поздно водворить и въ нашемъ государствѣ, которое не можетъ же не быть европейскимъ, хотя и обязано доискиваться своихъ собственныхъ путей къ общеевропейскимъ успѣхамъ [1]).

---

[1]) Мы разумѣемъ тутъ болѣе чѣмъ европейское *общественное* движеніе государственной жизни и понимаемъ это движеніе для каждаго великаго историческаго народа, каковъ русскій, *не иначе какъ* и

Такъ напримѣръ упомянемъ здѣсь въ заключеніе объ одномъ свойствѣ изложеннаго выше прусскаго окружнаго управленія, которое знаменуетъ собою общій духъ современнаго государства и потому заслуживаетъ особеннаго съ нашей стороны уваженія: это *правомѣрный* характеръ входящихъ въ составъ этого управленія властей и ихъ функцій. Всѣ эти власти одна другую ограничиваютъ, одна въ другую вдвигаются, одна другую умѣряютъ, и всѣ онѣ поставлены подъ судебноадминистративный контроль. Именно въ этой правомѣрности хода государственной машины, а никакъ не въ праздномъ парламентаризмѣ, навсегда осужденномъ трагическою исторіей Франціи, заключается вся задача новѣйшаго европейскаго государства. Такъ понимаютъ ее всѣ лучшіе политическіе умы нашего времени и практическіе и теоретическіе. Англійская конституція потому только и непоколебима, что она покоится на чувствѣ законности и права, проникающемъ собою всю націю и воспитанномъ вѣками исторіи; въ этомъ государственномъ воспитаніи народа мѣстное самоуправленіе составляло главный элементъ. Какъ бы ни были своеобразны историческія условія государственнаго быта Россіи и какъ ни должны быть самобытны свойственныя ей административныя учрежденія, но *уклониться отъ этого всеобщаго движенія нашего времени къ возворенію правомѣрности въ государствѣ нельзя.* Правильное устройство мѣстнаго самоуправленія есть первый къ этому шагъ.

Наша ближайшая задача, истекающая изъ всего нами сказаннаго, пока гораздо болѣе тѣсная, хотя и въ томъ же кругѣ понятій: намъ предлежитъ *создать административные органы государственной власти на почвѣ земской*, гдѣ зародились до сихъ поръ только эмбріоны государственно-общественныхъ организмовъ, отыскивающіе

самобытныя національныя формы. Эти формы у народа цивилизованнаго никоимъ образомъ не исключаютъ общаго единства ихъ въ *основныхъ началахъ* государственной жизни со всѣмъ цивилизованнымъ человѣчествомъ.

себѣ мѣста въ государствѣ и въ его управленіи. Только на этомъ пути своего объединенія съ государственнымъ управленіемъ. земскія учрежденія могутъ быть освобождены отъ недоумѣній ихъ окружающихъ со всѣхъ сторонъ въ настоящее время. Въ этомъ же заключается и первое условіе возвращенія правомѣрности въ мѣстной администраціи, которая нынѣ раздѣлена у насъ въ своихъ государственно-юридическихъ основахъ на двѣ одна другой противоположныя системы. Мы восхищаемся политическою самостоятельностью мѣстнаго самоуправленія въ Англіи, но въ ней никогда не было раздвоенія между административными органами короны такими же органами общины или земства; тѣ и другіе такъ крѣпко сплочены въ одинъ организмъ государственнаго управленія что невозможно ихъ различить, невозможно сказать гдѣ земство и гдѣ казна [1]). Поэтому между прочимъ и не мыслимы въ этомъ образцовомъ государствѣ новѣйшей исторіи столкновенія общества съ государствомъ, а эти же самыя столкновенія сдѣлались нормальными во Франціи, которая, несмотря на всѣ свои безчисленныя конституціи, поставила общество за дверьми государства; французское общество врывается въ государство насильственными переворотами и такими же переворотами изъ него изгоняется. Потому-то Франція не можетъ постигнуть мѣстнаго самоуправленія, иначе какъ въ дикой формѣ Парижской коммуны 1871 года.

Въ нашемъ отечествѣ, мы обладаемъ слишкомъ богатыми историческими задатками самоуправленія, чтобы можно было не уповать на самое здоровое развитіе его въ будущемъ: но его элементы еще очень первобытны и требуютъ значительной переработки при помощи строго обдуманной законодательной мысли. Посреди множества разнородныхъ мѣстныхъ учрежденій нынѣ у насъ дѣйствующихъ, и еще болѣе разнородныхъ предразсудковъ

---

[1]) См. K. Gneist, *Der Rechtsstaat.*

съ ними связанныхъ, реформа въ указанномъ выше направленіи будетъ очень затруднительна; этого скрывать не слѣдуетъ. Она потребуетъ многихъ лѣтъ настойчиваго труда и цѣлаго ряда послѣдовательныхъ законодательныхъ мѣръ. Но такая реформа совершенно возможна, если только правительство и общественное мнѣніе убѣдятся въ ея необходимости, а эта необходимость будетъ съ каждымъ днемъ возрастать. Надо полагать, что сильный толчокъ къ сознанію этой необходимости будетъ данъ судьбою ожидающею крестьянскія учрежденія съ упраздненіемъ мировыхъ посредниковъ; эта мѣра неизбѣжно поставитъ рано или поздно на очередь государственные вопросы, намѣченные въ настоящей статьѣ, и эти вопросы сдѣлаются самыми практическими, изъ отвлеченныхъ, какими они могутъ казаться нынѣ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, укажемъ здѣсь только на одно самое простое соображеніе. Намъ неизвѣстно какимъ инстанціямъ [1]) суждено замѣнить обязанности мировыхъ посредниковъ и какими способами предполагается предотвратить разрывъ между крестьянскимъ самоуправленіемъ, то-есть всею сельскою администраціею и губернскою, то-есть всѣмъ государственнымъ управленіемъ. Но одно при этомъ для насъ ясно, что подчиненіе крестьянскихъ учрежденій земскимъ, самое естественное съ государственной точки зрѣнія и самое необходимое для упроченія нашего мѣстнаго самоуправленія, совершенно невозможно пока земскія учрежденія не суть органы государственной власти; не бывъ сами таковыми, не обладая никакими прерогативами и не неся никакой отвѣтственности государственной власти, они не могутъ пользоваться ни малѣйшимъ правомъ правительственнаго надзора и контроля, ни малѣйшимъ атомомъ власти надъ дѣйствительными ея органами, и надъ органами къ тому же самыми существенными въ народной жизни. Каковы бы ни были недо-

[1]) См. выше.

статки крестьянскаго самоуправленія, но его учрежденія обладаютъ всѣми безъ изъятія принадлежностями государственной власти, и странно было бы, чтобы надъ ними были поставлены, въ іерархическомъ порядкѣ, учрежденія которыя этихъ принадлежностей совсѣмъ не имѣютъ. Простое подчиненіе крестьянскихъ учрежденій единоличнымъ бюрократическимъ властямъ, какъ оно ни просто, также невозможно, [1]) потому что оно противорѣчитъ началамъ самоуправленія, положеннымъ въ ихъ основаніе; сверхъ того, должностныя лица, которымъ могли бы быть подчинены крестьянскія учрежденія въ уѣздномъ управленіи имѣютъ чисто полицейское назначеніе, а эти учрежденія обнимаютъ собою всѣ безъ изъятія отрасли мѣстной администраціи. Между тѣмъ, если никакое самоуправленіе не можетъ обойтись безъ законнаго контроля и надзора, то крестьянское, конечно, менѣе всякаго другаго.

На этомъ недоумѣніи мы пока и остановимся, смѣя думать что въ виду его, размышленія внушенныя намъ земскими учрежденіями, не совсѣмъ покажутся праздными.

---

[1]) То что казалось *невозможнымъ* въ то время, когда писались эти строки, сдѣлалось съ тѣхъ поръ съ устройствомъ губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, почти возможнымъ. Однако эта возможность была возможна только съ нарушеніемъ началъ крестьянскаго самоуправленія (подчиненіе ихъ полицейскимъ бюрократическимъ органамъ), которое мы не считали возможнымъ.

XI.

1871 — 1875.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЖИЗНИ АНГЛІИ И ФРАНЦІИ [1]).

I.

Слѣпая борьба революціонныхъ и антиреволюціонныхъ безсознательныхъ вѣрованій, религія революціи и религія реакціи, во Франціи нанесла много ущерба умственному и политическому развитію всей Европы, въ

---

[1]) Мы помѣщаемъ здѣсь отрывки изъ 2-й части нашего сочиненія «Война и революція», печатавшагося въ Русскомъ Вѣстникѣ въ 1871—1875 гг. (первая часть этого сочиненія, имѣющая предметомъ Франко-Германскую войну 1870—1871 гг., вышла отдѣльнымъ изданіемъ: вторая часть, написанная по поводу парижской коммуны 1871 г., посвящена изученію причинъ хроническихъ революціонныхъ движеній во Франціи). Эти отрывки сосредоточены преимущественно на административномъ строѣ Франціи сравнительно съ Англіей и въ этомъ отношеніи они представляютъ собою довольно цѣльное изложеніе, объясняющее внутреніе историческіе пороки французскаго государственнаго управленія. Это управленіе, также какъ и вся болѣзненная политическая жизнь Франціи, служили долго предметомъ любви и подражанія во всей континентальной Европѣ и принесли ей не мало зла. Въ нижеслѣдующемъ, между прочимъ, обращено особенное вниманіе на то, чтобы доказать историческими фактами и практическими примѣрами западно-европейской политической жизни, что «конституціонализмъ» (понимаемый въ смыслѣ ограниченія монархической власти посредствомъ народнаго представительства) и тѣмъ менѣе парламентаризмъ не могутъ еще сами собою быть обезпеченіями законности или правомѣрности государственнаго управленія и что они далеко не напасея противъ всякихъ административныхъ золъ. Не можемъ

теченіи первой половины нынѣшняго столѣтія. Она отозвалась даже въ Англіи (Ирландіи), хотя государственныя учрежденія и политическая зрѣлость англійскаго общества обезпечиваютъ эту страну отъ французскихъ революціонныхъ идей. Не говоря о романскихъ государствахъ, эти идеи имѣли значительное вліяніе даже на просвѣщенную Германію и затормозили успѣхи ея политическаго самосознанія и здравыхъ государственныхъ реформъ почти до эпохи пробужденія германскаго національнаго духа въ послѣднее пятнадцатилѣтіе [1]). Если и нельзя отнять у французовъ той исторической заслуги, что ими данъ былъ толчокъ политическому движенію всей континентальной Европы къ освобожденію изъ-подъ гнета отсталыхъ государственныхъ формъ предыдущихъ двухъ столѣтій (впрочемъ и это могло бы произойти иначе), то нельзя также сомнѣваться въ чрезвычайномъ вредѣ идей напущенныхъ на Европу французскою революціей. Этотъ вредъ заключался въ особенности въ наружномъ космополитизмѣ (универсальности) этихъ идей и съ тѣмъ

также не указать на другую общую мысль, которая истекаетъ изъ этихъ характеристикъ государственной жизни двухъ великихъ западно-европейскихъ націй: нельзя не замѣтить, до чего онѣ разнородны, даже противоположны во многихъ отношеніяхъ. И эту *разнородность* государственнаго строя можно найти между всѣми европейскими націями, при всей общности нѣкоторыхъ основныхъ ихъ государственныхъ началъ и также нѣкоторыхъ политическихъ ихъ недуговъ, распространяющихся эпидимически въ иныя историческія эпохи. Объ этой разнородности государственныхъ учрежденій въ Европѣ слѣдуетъ въ особенности напомнить въ наше время, когда у насъ принято, ссылаться и въ хорошемъ и въ дурномъ смыслѣ, на какіе то западно-европейскіе или иностранные, или заграничные порядки (какъ будто они всюду одинаковы). Эта странная манера, основанная на очень поверхностномъ знакомствѣ съ иностранною политическою жизнею, свойственна у насъ публицистамъ всѣхъ возможныхъ политическихъ тенденцій.

[1]) Ср. Rudolf Gneist. *Der Rechtsstaat.* Berl. 1872. Авторъ между прочимъ разсматриваетъ вредное вліяніе французскихъ понятій возникшихъ изъ революціонныхъ бурь на развитіе государственнаго устройства и управленія, сообразно съ ихъ историческими и національными началами. Мы еще вернемся къ этой замѣчательной книгѣ, въ которой знаменитый ученый, несомнѣнно навсегда связавшій свое имя съ учественною исторіей и политическимъ сознаніемъ XIX вѣка, излагаетъ въ сжатомъ и ясномъ очеркѣ самыя существенныя государственныя требованія нашего времени и результаты всѣхъ своихъ предыдущихъ изслѣдованій.

имѣетъ въ ихъ туманной общности и неопредѣленности [1]); эти свойства преимущественно содѣйствовали быстротѣ распространенія французскихъ революціонныхъ идей; ихъ обманчивая повсемѣстная удобоприимѣнимость и формальная ясность были всего вредоноснѣе. Развитіе англійской политической жизни имѣетъ совершенно противоположныя свойства: ея всемірный духъ таится подъ множествомъ сложныхъ покрововъ чисто мѣстнаго англійскаго склада, непонятнаго для чужеземцевъ. Подъ этими покровами не легко отыскать удобоприимѣнимыми ко всякому народу смыслъ англійской конституціи. Послѣ Монтескье, впервые заговорившаго о ней въ Европѣ и схватившаго только нѣкоторыя совсѣмъ второстепенныя ея принадлежности и результаты (напримѣръ, равновѣсіе и раздѣленіе властей), прошло болѣе цѣлаго вѣка когда изслѣдованія Гнейста раскрыли историческія основы англійскихъ учрежденій и объяснили ихъ дѣйствительное внутреннее и всемірное значеніе [2]).

Упомянутыя нами свойства французскихъ революціонныхъ идеи всего болѣе сбили съ толку политическую Европу: эти свойства всюду посѣяли убѣжденіе въ удобоприимѣнимости этихъ идей ко всякому мѣсту и времени и всюду вызвали стремленія подражать французской гражданской борьбѣ, какъ революціоннымъ вспышкамъ, такъ и репрессивнымъ противъ нея мѣрамъ, даже самымъ формамъ государственнаго устроенства и управленія, возникшимъ изъ этой борьбы, — подражать всему тому что во Франціи имѣло свои печальныя причины и свой какой-нибудь разумъ, а во всѣхъ другихъ странахъ ничего этого для себя не имѣетъ. Мы видѣли почтенныхъ пред-

[1] Таковъ напримѣръ лозунгъ liberté, égalité, fraternité. Подъ этими словами, исторически возникшими на французской почвѣ и на ней только имѣющими извѣстный смыслъ, можно понимать что угодно, какъ это и дѣлали всѣ партіи каждая присвоивая ихъ себѣ и толкуя по-своему.

[2] *L'esprit des lois* Монтескье изданъ въ 1747 года, а первый томъ Гнейста *Das heutige Englische Verfassungs- und Verwaltungsrecht* въ 1857 году.

ставителей мѣстнаго самоуправленія, чуть-чуть не на окраинахъ Азіи, посреди полудикихъ племенъ, воодушевлявшихся въ своихъ пререканіяхъ съ полиціею заторомъ мерамъ парижской коммуны; мы видѣли полицейскихъ чиновниковъ, воображавшихъ, посреди толпы босыхъ рабочихъ прибѣгнувшихъ къ начальству для расчета съ обанкрутившимся подрядчикомъ, что они имѣютъ предъ собою французскихъ санкюлотовъ; мало ли наконецъ видѣли мы у себя бюрократовъ искренне терзаемыхъ необходимостью провести даже соціально-демократическія мѣры, чтобы не отстать отъ всеобщаго демократическаго движенія вѣка [1]). Всѣ эти чувства и мысли не грезы ли воображенія разстроеннаго французскою революціей?

По множеству причинъ, дѣйствіе французскаго революціоннаго броженія на наше отечество было весьма печальное, хотя у насъ дѣйствіе это не имѣло никакого политическаго и матерьяльнаго значенія. Къ нашему краю востоку прибываетъ всего болѣе пѣны отъ западно-европейскихъ волненій, и самые грязные и негодные ихъ осадки, безпрерывно смываемые быстрыми теченіями западно-европейской жизни, надолго прилипаютъ къ нашимъ тихимъ берегамъ. Этому много способствуетъ условія нашего быта. Малообразованность русскаго общества во всѣхъ его сферахъ, въ соединеніи съ природною понятливостью и смѣтливостью, благопріятствуетъ его пассивности предъ всякою новизною мнѣній и сужденій, принимаемыхъ на вѣру и безъ критики. Внутренно сознаваемая всѣми, хотя нынѣ и мало признаваемая у насъ, многовѣковая отсталость наша заставляетъ каждаго осматриваться на западъ и оттуда ожидать свѣта и истины. Это самый естественный историческій ходъ вещей, и въ немъ еще нѣтъ ничего невыгоднаго для нашихъ успѣховъ. Но отчасти вслѣдствіе

---

[1]) Pour ne pas être débordé par les flots de la democratie qui monte, какъ живописно выражаются иные.

географическаго разобщенія нашихъ необозримыхъ пространствъ съ западною Европою, отчасти (и это главное) вслѣдствіе несостоятельности нашей школы, не воспитавшей въ насъ умственной самостоятельности, до насъ долетаютъ только самые крикливые голоса изъ всѣхъ областей жизни западно-европейскихъ народовъ и изо всѣхъ ихъ политическихъ партій. Намъ всего болѣе доступны эти голоса, разсчитывающіе на мгновенное дѣйствіе; мы всего болѣе способны усвоивать себѣ понятія нарочно проповѣдуемыя толпѣ на языкѣ ей понятномъ (популярномъ) и всякія рѣзкія впечатлѣнія нарочно производимыя представителями всякихъ крайнихъ мнѣній. При этомъ глубокая умственная работа западно-европейскихъ народовъ, посреди которой вскакиваютъ эти мнѣнія какъ пузыри, иногда мимолетные, весь умственный отпоръ, который они тамъ ежеминутно встрѣчаютъ и о который разбиваются, все это остается намъ неизвѣстнымъ. Не разъ было замѣчено, что ни въ одной странѣ, ни даже въ самой Франціи, всякія пикантныя и почему-либо эксцентрическія произведенія во всѣхъ областяхъ литературы, начиная отъ непристойной романической и до ученой, не пользовались такою любовью и не находили столько чтецовъ какъ у насъ. Въ то время какъ у насъ выпускались нѣсколькими изданіями сочиненія Прудона и Бокля [1]), разныхъ безвѣстныхъ авторовъ, популяризовавшихъ крайніе матерьялистическіе выводы иныхъ натуралистовъ, наконецъ брошюры по рабочему вопросу, не имѣющія никакого смысла для Россіи, мы не имѣемъ переводовъ лучшихъ и замѣ-

---

[1]) Этимъ мы конечно нисколько не думаемъ унизить дарованія и заслуги Бокля, ни даже Прудона, несомнѣнно способствовавшаго движенію экономической науки. Мы хотимъ выставить только тотъ фактъ, что самые любимые и распространенные у насъ иностранные писатели преимущественно тѣ, которые отличаются внѣшнею эффектностью рѣчи, относительною популярностью языка и пристрастіемъ къ рѣзкимъ парадоксамъ и посѣщеннымъ общимъ взглядамъ. Замѣчательно притомъ, что Прудонъ извѣстенъ русской публикѣ по самымъ ничтожнымъ своимъ произведеніямъ.

чательнѣйшихъ иностранныхъ книгъ, ни старыхъ, ни новыхъ, по исторіи, политической экономіи и естествознанію. Предъ нашими глазами совершаются самыя комическія въ этомъ смыслѣ явленія, и мы къ нимъ такъ привыкли, что они никого не поражаютъ. Школьники, еще не прошедшіе курса исторіи, и малограмотные люди, не прошедшіе никакой школы, съ жадностью читали *Исторію Цивилизаціи Англіи* Бокля.

Всего сказаннаго еще мало, чтобъ объяснить исконную популярность у насъ всякаго крайняго и радикальнаго политическаго образа мыслей [1]), а потому и французскаго, отличающагося самыми яркими цвѣтами. Это явленіе значительно обусловлено также совершеннымъ отсутствіемъ у насъ практической политической жизни, которая заставила бы каждаго повѣрять на дѣлѣ истину своихъ мнѣній, отвѣчать за нихъ своими поступками, терпѣть отъ ихъ несостоятельности. Ничего подобнаго не испытываютъ наши политическіе мыслители, которые пользуются ничѣмъ не ограниченною волею принадлежать къ какой угодно партіи. — къ партіи воображаемой, когда въ дѣйствительности никакихъ политическихъ партій въ странѣ не имѣется, и потому ни отъ какихъ мнѣній никакихъ послѣдствій, кромѣ перебранокъ въ журналахъ, произойти не можетъ.

Упомянемъ еще объ одномъ обстоятельствѣ, касающемся болѣе серіозныхъ сферъ нашего быта и способствующемъ водворенію у насъ всякихъ радикальныхъ воззрѣній. Всѣ наши государственныя учрежденія неоднократно подвергались ломкѣ, къ которой у насъ является періодически особая наклонность; она въ значитель-

---

[1]) Одинъ извѣстный германскій государственный ученый, который ежедневно видитъ около себя представителей всѣхъ европейскихъ націй и который не смущается никакимъ радикализмомъ, сообщалъ намъ съ крайнимъ удивленіемъ, что между всѣми русскіе, и молодые и зрѣлые люди отличаются всегда относительно крайностію всѣхъ своихъ мнѣній. Это явленіе не могло не удивлять иностранцевъ, справедливо признающихъ русское государство и общество въ своемъ существѣ самыми консервативными въ Европѣ.

ной мѣрѣ объясняется нашею историческою отсталостью, которая, обыкновенно при великодушныхъ починахъ со стороны верховной власти, заставляетъ насъ по временамъ со страхомъ озираться на западную Европу и вдругъ приниматься за передѣлку всей нашей государственной обстановки. Въ такія эпохи, мы какъ нельзя лучше разстаемся со всякими традиціями, стыдимся нашего невѣжества и отсталости, и спѣшимъ возвести новыя зданія на мѣсто старыхъ, хотя духъ стараго жилья не скоро выѣтривается изъ новыхъ стѣнъ и заставляетъ нѣсколько разъ ихъ сызнова перестраивать. Въ такіе моменты спѣшной законодательной и административной работы, оставившіе впрочемъ много достопамятныхъ слѣдовъ въ нашей государственной исторіи, приходится браться для реформы за тѣ руководящія политическія начала, какія есть подъ рукой, хотя бы даже они и не достигли зрѣлости нужной для государственнаго дѣла. И вотъ случалось неоднократно, что политическія идеи возникшія на чуждой намъ исторической почвѣ, и по преимуществу французскія, переливались въ нашу законодательную и административную область. Итакъ возрѣнія, образовавшіяся посреди французской революціи и сама эта революція совсѣмъ не такъ безинтересны для нашей исторіи какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда.

А между тѣмъ нѣтъ государства въ Европѣ котораго характеръ менѣе соотвѣтствовалъ бы всѣмъ этимъ политическимъ понятіямъ, заимствованнымъ нами изъ лексиконовъ французской демократіи и французской реакціи. Всѣ эти исторически намъ чуждыя идеи конечно безсильны къ порожденію и революціонныхъ потрясеній и даже самой реакціи во французскомъ духѣ: серіознымъ образомъ, во глубинѣ своего сердца, никто не вѣритъ у насъ ни въ революцію, ни въ реакцію, хотя всѣ безпрерывно играютъ этими словами. Поэтому можетъ-статься эта игра и въ революцію, и въ реакцію, въ разнузданіе и въ подтягиваніе общества, будетъ долго казаться у

шаетъ невинною игрою, но какъ всякая неумѣстная игра въ понятіи нешуточныя, она неможетъ быть безвредна. Дѣло въ томъ что всѣ эти идеи, *какъ всякія напускныя идеи*, отравляютъ общественную жизнь, и мало-по-малу проникаютъ внутрь. По самой меньшей мѣрѣ эти плевела препятствуютъ созрѣванію здравыхъ государственныхъ возрѣній, которыхъ мѣсто они занимаютъ, въ средѣ и безъ того слабой какъ теоретическою подготовкой къ государственному дѣлу, такъ и опытностью политическою [1]).

Французская политическая исторія назидательна для каждой страны, хотя бы французскія явленія не могли повториться въ другихъ странахъ въ тѣхъ же формахъ; но тоже самое болѣзненное начало воспринимаетъ у каждаго народа ему свойственныя національныя формы. Такъ напримѣръ податная привилегія высшихъ классовъ на счетъ податнаго отягощенія низшихъ возбудила во Франціи вражду буржуазіи и крестьянъ противъ дворянства и духовенства, а въ другихъ государствахъ та же привилегія разворитъ казну посредствомъ накопленія недоимокъ на податныхъ сословіяхъ излишне обремененныхъ налогами, вынуждаетъ прибѣгать къ исключительнымъ мѣрамъ взысканія недоимокъ, и парализуетъ народныя сбереженія и возрастаніе народнаго богатства. Вмѣсто чудовищныхъ разлагающихъ единство государственнаго организма наступовъ на него французской революціонной коммуны, и усмиренія ея вооруженною силою, мы видимъ въ другихъ государствахъ административныя столкновенія и пререканія органовъ самоуправленія съ коронными властями. Эти столкновенія, основанныя только на взаимныхъ недоразумѣніяхъ предста-

---

[1]) Все это и нижеслѣдующее было писано посреди условій нашей общественной жизни совершенно иныхъ, чѣмъ наша смута послѣднихъ лѣтъ. Однако уже тогда показывались черныя, хотя и мало замѣтныя для большинства публики, точки этой смуты. Поэтому между нашими сужденіями относящимися къ Россіи въ ту эпоху и нынѣшними нашими обстоятельствами можно найти много общаго.

вителей двухъ различныхъ категорій одной и той же государственной власти, конечно несравненно болѣе мирны и безопасны для общественнаго порядка, чѣмъ французскія смуты; они до такой степени мирны и безопасны что самое сопоставленіе тѣхъ и другихъ явленій можетъ показаться по меньшей мѣрѣ смѣшнымъ. Такъ однако можетъ только *казаться*, и именно съ точки зрѣнія отсталыхъ понятій связанныхъ съ революціей и не вѣдающихъ ничего далѣе вещественныхъ формъ революціонныхъ взрывовъ и ихъ подавленія. Недоразумѣнія, о которыхъ мы упомянули и которыя производятъ столкновенія между казенными и выборными властями, тѣ же въ своей сущности какъ и конфликты парижской коммуны съ французскимъ государствомъ. Основные вопросы права окидающіе и въ томъ и другомъ случаѣ своего разрѣшенія тождественны. Если приговоры теоріи государственнаго права такъ еще мало внушаютъ довѣрія, то можетъ-статься будутъ въ этомъ отношеніи болѣе вразумительны слова самаго прозорливаго государственнаго человѣка нашего времени. Князю Бисмарку какъ-то случилось сказать, что и въ программѣ французскихъ коммуналистовъ есть песчинка истины: и эта песчинка есть вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи, которымъ преимущественно и было занято прусское правительство въ Эльзасъ-Лотарингіи. Значеніе этого несомнѣнно крупнѣйшаго вопроса нашего вѣка не могло не быть постигнуто руководителемъ современной политики, тому способствовали и его личные инстинкты къ постиженію окружающихъ обстоятельствъ, отличающіе геніальныхъ практическихъ дѣятелей, и также продолжительныя научныя изслѣдованія этого вопроса, которыя происходили въ новѣйшее время въ Германіи. Точныя изысканія въ области государственнаго управленія и мѣстнаго самоуправленія [1]) дали ключъ къ уразумѣнію самыхъ темныхъ отно-

---

[1]) Сверхъ уже упомянутаго сочиненія R. Гнейста (*Rechtsstaat*, см. въ особенности L. Stein, *Die Verwaltungslehre*, Stuttgart, 1867 – 1869

шеній во французскомъ государствѣ. Эти явленія причиняютъ, при извѣстныхъ условіяхъ мѣста и времени, возстанія народныхъ массъ противъ правительства, гражданскія междоусобія и уличный безпорядокъ, при другихъ условіяхъ — пререканія и антагонизмъ властей, расшатанность ихъ и административную неурядицу, въ томъ и другомъ случаѣ анархію, то-есть личный произволъ и насиліе, вмѣсто законнаго дѣйствія власти. Въ томъ и другомъ случаѣ вещественныя, видимыя для невооруженнаго глаза явленія могутъ быть совершенно различны, даже противоположны, а въ сущности они однородны и въ своихъ первоначальныхъ причинахъ тождественны.

Тождественны эти разнообразныя историческія явленія и въ своихъ конечныхъ результатахъ для народовъ и государствъ: въ чрезвычайномъ замедленіи успѣховъ экономическихъ, умственныхъ и культурныхъ. Это замедленіе замѣчается не тотчасъ, рѣдко самими современниками: оно оказывается только послѣ многихъ и многихъ лѣтъ, да и тогда приписывается либо разнымъ историческимъ случайностямъ, либо неспособности расы къ цивилизаціи. Это замедленіе въ историческомъ прогрессѣ націи тѣмъ менѣе замѣчается и тѣмъ менѣе приписывается устранимымъ недостаткамъ въ государственной организаціи, чѣмъ болѣе ея внутреніе пороки заслонены внѣшнимъ вещественнымъ порядкомъ въ государствѣ. Такъ было во Франціи въ теченіе всего XVIII столѣтія,

---

(преимущественно первую общую часть объ исполнительной власти и его же *Handbuch der Verwaltungslehre u. des Verwaltungsrechts* Stuttgart, 1870 краткое руководство, представляющее въ сокращенномъ видѣ вышеприведенное многотомное ученіе объ управленіи, до сихъ поръ еще неоконченное). Этотъ классическій трудъ Лоренца Штейна, едва ли не лучшій до сихъ поръ по теоріи государственнаго управленія, бросилъ совсѣмъ новый свѣтъ на самыя существенныя его стороны (въ особенности на взаимныя отношенія государственныхъ властей), какъ это между прочимъ признаетъ Гнейстъ (*Rechtsstaat*). Теорія здѣсь безпрерывно подкрѣпляется историческими сравненіями Великобританіи, Франціи и Германіи, которыми мы въ послѣдствіи неоднократно будемъ пользоваться.

почти, включительно съ концомъ царствованія Людовика XVI, до 1789 года.

Ходячія представленія прежняго времени о революціи были сосредоточены главнѣйше на внѣшней драматической обстановкѣ ея событій и на кровавыхъ ея манифестаціяхъ; отсюда и сложилось понятіе одинаково общее всѣмъ точкамъ зрѣнія, что вся историческая и политическая сущность этого недуга современныхъ народовъ заключается въ матеріальномъ насиліи со стороны тѣхъ или другихъ группъ общества противъ установленнаго вещественнаго государственнаго порядка, въ такъ-называемыхъ революціонныхъ взрывахъ или народныхъ возстаніяхъ. Однимъ нравится, другимъ не нравится эти катастрофы; одни ихъ призываютъ, другіе страшатся; одни агитируютъ, чтобъ онѣ сдѣлались рано или поздно возможны въ государствѣ, для спасенія народа отъ такъ-называемой тиранніи власти и для водворенія въ немъ свободы; другіе напротивъ напрягаютъ всѣ пружины своей правительственной машины, чтобы сдѣлать эти вещественныя нарушенія порядка невозможными и обезпечить могущество власти противъ насилій подвластныхъ. Какъ ни противоположны эти политическія воззрѣнія, но сущность понятій о предметѣ въ нихъ одна и та же.

Всѣ эти воззрѣнія весьма естественны, когда въ историческомъ ходѣ государственнаго организма хотятъ видѣть только дѣйствіе какого-то таинственнаго болѣзненнаго начала. Нѣчто совершенно подобное было и въ медицинѣ до успѣховъ естественныхъ наукъ, сдѣлавшихся ея основою въ нынѣшнемъ столѣтіи, — анатоміи и физіологіи съ одной стороны, химіи и физики съ другой: до тѣхъ поръ причина болѣзни представлялась неразложимымъ *болѣзненнымъ* началомъ, обнаружившимъ свое дѣйствіе только въ наружныхъ симптомахъ. То же самое продолжается и до сихъ поръ въ невѣжественной средѣ: недуги человѣческаго тѣла обращаютъ на себя вниманіе простолюдина только болѣзненными ощущеніями, ранами, увѣчьями и самыми крайними параксизмами, иногда

дѣйствительно угрожающими жизни, а иногда не опасными въ сравненіи съ другими аномальными жизненными процессами внутри организма. Такіе больные и имъ близкіе безпокоятся только объ этихъ внѣшнихъ признакахъ болѣзни, видятъ въ нихъ все существо недуга. Всѣ болѣзненныя явленія и ихъ первичные химическіе, физическіе, физіологическіе элементы во внутреннихъ органахъ, тканяхъ и сосудахъ, и ихъ отправленіяхъ, въ крови, ея составѣ и обращеніи, въ нервахъ и ихъ дѣятельности и пр., все это—невѣдомая область для понятій невѣдущаго страдальца. Между тѣмъ только чрезъ посредство этихъ явленій болѣзненное начало производитъ мучительныя ощущенія для организма; мало того, *только въ нихъ это начало и заключается.* Но невѣдущій человѣкъ убѣжденъ въ необходимости дѣйствія медика не на эти явленія и въ необходимости спасенія его не отъ нихъ, то-есть не отъ болѣзни, а только отъ ея припадковъ.

Нѣтъ государства въ Европѣ, которое въ своей организаціи и своемъ бытѣ могло бы считать себя совершенно свободнымъ отъ болѣзненныхъ условій, которыми были подготовлены и которыми поддерживаются терзанія несчастной Франціи [1]); такой самоувѣренности не должно допускать уже одно то соображеніе что всѣ европейскія государства живутъ одною жизнію, что общеніе ея и взаимодѣйствіе всѣхъ народовъ — умственное, экономическое и политическое, — безпрерывно возрастаютъ, и что въ виду глубокой болѣзни одного члена европейскаго общества никто изъ другихъ его членовъ не можетъ считать себя совершенно невредимымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что открытыя вооруженныя возстанія гражданъ противъ органовъ государственной власти су-

---

[1]) Хотя государственный порядокъ какъ будто упрочился во Франціи въ послѣдніе годы, (съ 1871 г.) но никто даже въ самой Франціи не считаетъ его вполнѣ благополучнымъ. Такіе періоды внутренняго спокойствія бывали и прежде при всякихъ формахъ правленія и одинаково заканчивались внезапными взрывами.

жать самыми яркими и вѣрными признаками революціоннаго положенія вещей въ государствѣ, но *только признаками* или *симптомами*. Только въ этомъ ихъ значеніи, *никакъ не болѣе и не менѣе*, и слѣдуетъ брать ихъ въ соображеніе при изслѣдованіи вопросовъ о революціи, а также въ политической практикѣ. Во всемъ томъ что сказано выше намъ хотѣлось преимущественно установить эту точку зрѣнія на революціонныя движенія; поэтому и желательно, чтобъ она была обезпечена отъ всякихъ недоразумѣній какія для иныхъ читателей легко могутъ возникнуть изъ нашихъ словъ. Такъ мы всего менѣе желали бы, чтобъ изъ нашихъ разсужденій было выведено какое-нибо заключеніе о *безвредности* народныхъ возстаній и всякихъ вещественныхъ революціонныхъ безпорядковъ, когда мы говорили только о маловажности ихъ *сравнительно съ причинами* или корнемъ зла, котораго они являются только признаками. Уже какъ симптомы недуга, они служатъ средствами для его изученія, а равно и руководствомъ и для всѣхъ мѣръ врачеванія, предупрежденія, пресѣченія и даже излѣченія; но для этого они должны быть приведены въ связь съ коренными причинами зла, которыя могутъ быть очень далеки отъ непосредственныхъ поводовъ къ народному мятежу, къ вещественному сопротивленію власти, къ уличнымъ безпорядкамъ. Эти первоначальныя причины конечно существеннѣе послѣднихъ поводовъ къ общественному безпорядку, которыми, однако, почти исключительно интересуются всѣ практическіе возстановители общественной тишины и благочинія; эти-то причины нужно знать и изслѣдовать, когда онѣ большею частію слишкомъ далеки и скрыты, чтобъ ихъ можно было схватить на улицѣ, площади, въ клубѣ или даже въ квартирѣ заговорщиковъ, и *на эти-то причины нужно дѣйствовать*.

Далѣе нужно устранить еще слѣдующее недоразумѣніе: чтобы сопротивленіе власти, самое открытое и даже вооруженное, было симптомомъ революціоннаго движенія въ государствѣ, нужно, чтобъ оно имѣло всѣ специфиче-

скія средства такого симптома, а между ними самое существенное, положительное, намѣренное и сознательное отрицаніе *самаго принципа государственной власти*, отрицаніе его, хотя бы и не абсолютное, [1]) какое выставляютъ на своемъ знамени самые крайніе представители новѣйшей демагогіи. То по меньшей мѣрѣ отрицаніе принципа власти въ данной, исторической формѣ ея организаціи (напримѣръ монархической въ монархіи), отказъ въ повиновеніи не тѣмъ или другимъ исполнителямъ закона и власти, а самому закону и власти какъ таковымъ. По этому пункту существуетъ также не мало самыхъ странныхъ и иногда смѣшныхъ заблужденій, при которыхъ иные блюстители порядка готовы принять за революціонное движеніе всякое народное волненіе всякую свалку, даже всякій шумъ и суматоху на улицѣ. Отъ этого смѣшенія понятій происходило много несчастій въ государственной жизни народовъ: къ отдѣльнымъ лицамъ или къ толпѣ, недовольнымъ только тѣми или другими исполнителями власти, сопротивляющимся только ихъ злоупотребленіямъ и незаконнымъ требованіямъ (правильно или неправильно недовольнымъ и сопротивляющимся, это совсѣмъ другой вопросъ), обращались какъ къ революціонерамъ. Народный мятежъ, бунтъ, возстаніе съ самыми кровавыми сценами, могутъ не имѣть ничего общаго съ революціоннымъ движеніемъ, быть даже антиреволюціоннымъ въ своемъ направленіи, когда въ немъ нѣтъ отрицанія народомъ или его вождями основныхъ началъ установленной въ государствѣ власти или намѣренія ниспровергнуть ихъ. Все это очень элементарно, но не всегда сознается въ административной практикѣ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительна опять таки Англія (безъ Ирландіи), гдѣ самыя ожесточенныя и кровопролитныя народныя возмущенія не только междоусобныя, но и противъ представителей власти, даже съ

---

[1]. То есть отрицаніе права всякой государственной власти.

направленіемъ положительно политическимъ, не имѣютъ революціоннаго характера, а потому и оканчиваются самымъ обыкновеннымъ полицейскимъ и судебнымъ порядкомъ, подобно всякой уличной дракѣ. Разгулъ грубыхъ народныхъ страстей можетъ доходить до крайнихъ выраженій безъ посягательства на основы государственной власти въ нашихъ, не зараженныхъ въ своемъ внутреннемъ организмѣ ядомъ революціоннаго недуга. Совсѣмъ напротивъ во Франціи, гдѣ всякій уличный шумъ принимаетъ въ нѣсколько мгновеній направленіе къ ниспроверженію правительства и дѣйствительно всегда можетъ перейти въ такую катастрофу.

Изъ сказаннаго конечно не слѣдуетъ, чтобы нарушенія вещественнаго порядка не были сами по себѣ зломъ, и чтобъ они не влекли за собою дурныхъ послѣдствій. Совсѣмъ мѣстная болѣзнь, вредъ отъ чисто-механическаго наружнаго поврежденія крайнихъ оконечностей органовъ и наружныхъ тканей, можетъ при небрежномъ съ нимъ обращеніи, и при нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ внутреннихъ условіяхъ организма (напримѣръ при худосочіи), превратиться въ смертельный недугъ, который безъ этого могъ бы и не развиться. То же самое можетъ случиться и съ самыми обыкновенными и мѣстными нарушеніями общественнаго порядка и благочинія, напримѣръ съ уличнымъ буйствомъ и безобразіемъ, грабежомъ, разбоемъ и пр., когда они безпрепятственно усиливаются и распространяются. Такъ напримѣръ, когда блюстители порядка и благочинія оказываются нерасположенными или безсильными къ исполненію своихъ обязанностей для охраны законнаго порядка, въ извѣстныхъ слояхъ общества укореняется привычка къ насилію и все общество можетъ потерять уваженіе ко власти несостоятельной въ своемъ прямомъ призваніи обезпечивать безопасность лицъ и имуществъ; отъ одной власти къ другой неуваженіе можетъ распространиться до ея вершины, населеніе съ самыми мирными наклонностями можетъ, ради самообороны, поневолѣ по опасному пути самоу-

правства и т. д. Въ исторіи революцій не мало всего этого: онѣ могутъ зачаться съ урона государственной власти по ея собственной винѣ, по ея добровольной инициативѣ, по бездѣйствію и небрежности къ своему долгу.

Въ высшей степени любопытна въ этомъ отношеніи исторія французской революціи въ 1790—1792 годахъ, и въ особенности между 20-мъ іюня и 10-мъ августа 1792 года, какъ она сдѣлалась извѣстною намъ нынѣ. Въ этотъ промежутокъ времени, парижская чернь всякаго рода, отъ головорѣзовъ и разбойниковъ въ настоящемъ смыслѣ этихъ словъ, до нищей и праздной уличной толпы, пріобрѣла привычку къ демонстраціямъ, къ такъ-называемымъ journées, которыя подъ водительствомъ якобинцевъ становились съ каждымъ днемъ все болѣе буйными и окончились низверженіемъ монархіи, а съ нею и народнаго представительства и всякой законной власти. Эта привычка къ уличнымъ безчинствамъ была систематически развита въ парижскомъ населеніи полнымъ бездѣйствіемъ правительства, къ которому (и прямо къ королю и къ законодательному собранію) тщетно обращались, послѣ 20-го іюня, изъ разныхъ краевъ Франціи, всѣ классы народа, съ самыми энергическими петиціями и адресами о подавленіи уличной демагогіи и возстановленіи уваженія къ закону и конституціи.[1]) На той же необходимости водворенія законнаго порядка безплодно настаивалъ генералъ Лафаетъ въ Тюилерійскомъ дворцѣ, предлагая королю свою шпагу и получивъ отвѣтъ королевы: «лучше погибнуть чѣмъ быть спасенными Лафаетомъ, и *конституціоналистами*»[2]).

---

[1]) *Mortemer-Ternaux, Histoire de la Terreur*. T. II, pp. 1—33.

[2]) Тамъ же, T. I, p. 250 *Mieux vaut périr, que d'être sauvé par La Fayette et les constitutionels. Mém. de La Fayette, Mém de Mme de Campan*; эти слова были сказаны Маріею Антуанетою принцессѣ Елисаветѣ (сестрѣ Людовика XVI), совѣтовавшей: «забыть прошедшее, и съ *довѣріемъ* броситься въ объятія единственнаго человѣка могущаго спасти короля и его семейство». Отвѣтъ королевы чрезвычайно ярко рисуетъ

По прежнимъ искаженнымъ исторіямъ этого времени, нельзя было понять, какимъ образомъ вся Франція и даже большинство населенія въ самомъ Парижѣ оставались безстрастными и равнодушными зрителями присвоенія столичною чернію, клубами и нѣсколькими ихъ вожаками, болѣе кровожадными чѣмъ талантливыми, верховной власти надъ цѣлою націей? Но этого и не было, какъ оказывается изъ подлинныхъ документовъ того времени, а было только полное бездѣйствіе власти, отчасти по предательству, а главнѣйше по внутреннему *безсилію*. Между тѣмъ отовсюду, даже изъ лагерей первоначально дружественныхъ революціи, раздавались громкіе голоса, взывавшіе къ охранѣ порядка, не говоря даже объ энергическомъ меньшинствѣ законодательнаго собранія съ самоотверженіемъ преданномъ монархіи, и о значительномъ большинствѣ его, готовомъ идти на защиту ея, вездѣ за рѣшительными людьми во главѣ правленія; отсутствіе всякой рѣшимости въ самомъ центрѣ правительства обезоруживало колеблющееся большинство народнаго представительства предъ наступомъ людей Горы, въ то время еще ничтожной въ собраніи; оно отымало духъ у должностнаго состава администраціи, большею частію весьма не расположенной къ демагогіи, и въ столицѣ и въ провинціи. И оно не позволило развиться тому движенію къ отпору противъ революціи, которое положительно возникало въ то время во всемъ французскомъ

ея характеръ и положеніе королевскаго семейства, предпочитавшаго надѣяться на иностранную помощь и даже брататься съ демагогами (бывшую бесѣду Людовика XVI съ толпою ворвавшеюся въ его кабинетъ 20-го іюня 1792 и украшеніе своей головы красною шапкою, по собственному его желанію, чѣмъ чисто сердечно соединился съ ненавистною ему конституціонною партіею. Вообще пріѣздъ Лафайета въ Парижъ 28-го іюня 1792 и всѣ подробности его тамъ пребыванія (пренія въ законодательномъ собраніи, сношенія его съ муниципальнымъ совѣтомъ и проч., см. тамъ же р.р. 281—297) составляютъ любопытную страницу въ исторіи революціи въ моментъ ея поворота отъ анархіи къ терроризму. Характеристичны адаптія всѣхъ умѣренныхъ партій, которыя были тогда многочисленнѣе крайнихъ и къ которымъ Лафайетъ отзывался въ рапортѣ своемъ и себя и войско для спасенія монархіи и Франціи.

народѣ, и даже во многихъ городахъ и муниципальныхъ учрежденіяхъ.

Въ государственной исторіи Франціи не мало размышленій возбуждаетъ этотъ загадочный фактъ: всякое законное правительство въ ней изнемогаетъ каждый разъ, когда необходима его энергія для охраны общества отъ буйства толпы; то же правительство выказываетъ необычайную способность къ энергической власти въ эпохи политическаго застоя и усыпленія общества, т.-е. когда оно наименѣе нуждается въ этой энергіи. Съ другой стороны, въ той же Франціи люди, правящіе государствомъ не въ качествѣ законныхъ государственныхъ властей, а революціонныхъ или временныхъ, отличаются необычайною способностью къ энергическому подавленію демагогіи во всякихъ вооруженныхъ съ нею схваткахъ (іюньскіе дни въ 1848 и борьба съ парижскою коммуной въ 1873).

Свобода, противопоставляемая порядку и даже законному порядку, партія порядка (le grand parti de l'ordre). противопоставляемая партіи свободы, куда за одно причисляются и революціонные дѣятели, вотъ одно изъ тѣхъ пагубныхъ воззрѣній, которыя возникли на французской революціонной почвѣ и оттуда распространились по Европѣ, породивъ столь вредное смѣшеніе политическихъ понятій. Извѣстно, что самое обыкновенное обвиненіе, воздвигаемое приверженцами революціонныхъ идей на своихъ противниковъ есть обвиненіе въ *тираніи*. Добросовѣстное и не добросовѣстное увлеченіе въ этомъ направленіи доходитъ до того, что революціонеры провозглашаютъ тиранами самыхъ убогихъ представителей власти, подобныхъ Людовику XVI, единственное государственное преступленіе котораго предъ своимъ народомъ и исторіей заключалось именно въ томъ, что онъ не умѣлъ и даже не хотѣлъ пользоваться своею властью для твердой охраны общественнаго порядка. За то съ противоположной стороны, революціонеровъ всего болѣе обвиняютъ въ стремленіи къ *свободѣ*, въ чрезмѣрной яко бы любви къ сво-

бодѣ; это обвиненіе до того бываетъ безсмысленно, что даже деспоты и головорѣзы демагогіи, всего менѣе заботящіеся о чьей бы то ни было свободѣ, осуждаются зиждителями и хранителями начала власти главнѣйше за ихъ яко бы фанатическую приверженность къ свободѣ. Мы видѣли, что даже такіе писатели, какъ Минье не могли отказаться отъ этого противоположенія стремленій къ свободѣ стремленіямъ къ порядку и спокойствію. Во Франціи это воззрѣніе впрочемъ имѣетъ свое основаніе и свой смыслъ: во-первыхъ, періодическіе революціонные взрывы безпрестанно вынуждаютъ тамъ всѣхъ людей сколько-нибудь имъ враждебныхъ соединяться, чтобы посреди анархіи водворить какой-нибудь вещественный порядокъ, и во-вторыхъ, вслѣдствіе періодическихъ злоупотребленій диктатурою, всѣ люди сколько-нибудь и почему-нибудь ей не сочувствующіе, въ томъ числѣ и партіи, желающія только перехватить власть въ свои руки, соединяются вмѣстѣ подъ пресловутое знамя свободы. Но это есть чисто мѣстное историческое явленіе; оно не всегда же будетъ продолжаться и въ самой Франціи. Только законный государственный порядокъ можетъ обезпечить прочнымъ образомъ свободу, то-есть свободу каждой человѣческой личности въ государствѣ, безъ нарушенія такой же точно свободы всѣхъ другихъ личностей; а эта свобода и есть порядокъ. Ничего иного подъ свободой, въ самомъ общемъ ея выраженіи, разумѣть нельзя. Достиженіе такого *законнаго порядка*, законнаго въ дѣйствительности, а не на одной только бумагѣ, — законнаго не потому только, что изданы и существуютъ въ государствѣ законы, которые могутъ и не исполняться, вотъ весь политическій идеалъ [1]) нашего времени, котораго еще не достигло ни одно европейское государство, кромѣ Великобританіи. Такой законный порядокъ осу-

---

[1]) Мы говоримъ политическій или государственный, а не соціальный идеалъ, который возбуждаетъ еще другіе вопросы. Объ этомъ мы еще будемъ говорить.

шествуется не скоро, не просто, и не легко: онъ вырабатывается цѣлыми вѣками исторіи и каждымъ европейскимъ народомъ по-своему; онъ поддерживается цѣлымъ рядомъ государственныхъ учрежденій, сложныхъ и трудныхъ, какъ въ своемъ устройствѣ, такъ и въ своихъ дѣйствіяхъ (или управленіи) [1]). Такой порядокъ не можетъ быть водворенъ голыми формулами или посредствомъ отвлеченной политической догматики стараго времени, и всего менѣе революціонной, а требуетъ продолжительной работы теоріи и государственной практики, которыя обѣ только совокупными и послѣдовательными усиліями могутъ найти нужныя каждому народу *историческія національныя формы* для водворенія въ государственномъ бытѣ этихъ идеальныхъ и общечеловѣческихъ началъ справедливости. Однимъ торжественнымъ провозглашеніемъ въ учебникѣ государственнаго права или даже въ законѣ, эти начала никакъ не привьются къ народной жизни. Наконецъ, сверхъ законовъ, учрежденій и ихъ дѣятельности, нужны извѣстныя понятія, нравы и обычаи въ самой общественной средѣ, а все это лишь настолько зависитъ отъ законодателей и правительствъ насколько отъ нихъ зависятъ успѣхи народнаго воспитанія и образованія; революціонныя же потрясенія всего пагубнѣе въ этомъ отношеніи. Сознаніе всего этого было чуждо революціонной Франціи XVIII вѣка, и оно принадлежитъ къ лучшимъ пріобрѣтеніямъ государственныхъ наукъ нашего времени.

Мы затронули много вопросовъ, связанныхъ съ исторіей французской революціи и показали, къ какому смѣшенію понятій можетъ вести поверхностное разсмотрѣніе ихъ подъ вліяніемъ господствовавшихъ до послѣдняго

---

[1]) См. между прочимъ указанія Гнейста на цѣлый рядъ такихъ учрежденій, которыя связуютъ въ Великобританіи законодательную, судебную и административную власть въ одно цѣлое, въ одинъ живой организмъ, и которыя упускаются совсѣмъ изъ виду разсуждающими о раздѣленіи этихъ властей въ этомъ государствѣ. См. R. Gneist, *der Rechtsstaat*, стр. 20—38.

времени воззрѣній. Мы видѣли болѣзненныя явленія въ государственной жизни народовъ, однородныя съ революціоннымъ недугомъ въ своихъ причинахъ и совсѣмъ разнородныя во внѣшнихъ признакахъ (напримѣръ антагонизмъ между органами самоуправленія и центральною администраціей и ея бюрократическими органами, и революціонныя притязанія общинъ на верховную власть). Съ другой стороны, мы видѣли противоположныя явленія: одинаковыя съ революціонными въ своихъ наружныхъ формахъ и признакахъ и ничего не имѣющія съ нимъ общаго въ своихъ причинахъ (напримѣръ уличные безпорядки и народныя волненія, порожденныя невѣжествомъ или буйствомъ, но не имѣющія политическаго характера, или вызванныя злоупотребленіями должностныхъ лицъ, но далекія отъ всякаго посягательства на права верховной власти). Очевидно, что для предупрежденія и прекращенія тѣхъ и другихъ явленій требуется совсѣмъ иной образъ дѣйствій, а первымъ условіемъ для выбора соотвѣтствующихъ случаю мѣръ должно быть различеніе, распознаніе этихъ явленій, то-есть, выражаясь языкомъ медицинскимъ, діагноза, безъ которой маломальски свѣдущій врачъ не начинаетъ лѣченья.

Итакъ, для самой государственной практики необходимо теперь безпристрастное научное изслѣдованіе французской революціи.

Но здравыя сужденія о революціи еще недавно были почти невозможны. Исторія французской революціи представлялась не иначе какъ съ точки зрѣнія разныхъ участвовавшихъ въ ней интересовъ и партій. Такова была даже ученая литература революціи. Каждая политическая партія, каждая революціонная секта имѣли свою исторію революціи, и разсматривали всѣ ея перипетіи и вопросы въ духѣ собственныхъ интересовъ.

2.

Въ исторіи парижской коммуны 1871 г. рельефно отражается вся плачевная исторія французской государственной жизни и французскаго самоуправленія. Какое явленіе главнѣйше выступаетъ наружу во всей этой трагикомедіи парижской коммуны? Дѣйствительная и историческая парижская коммуна или община, древняя парижская муниципія, уже извѣстная при Римлянахъ, оказывается совсѣмъ безсильною предъ какою-то воображаемою общиной, импровизованною немногочисленнымъ кружкомъ темныхъ людей, на половину злодѣевъ. Между этими людьми, одни совсѣмъ не парижскіе обыватели, иные даже иностранцы. Лучшіе люди и образованные классы столицы, цвѣтъ цивилизованнаго міра, не могутъ соединить около себя никакихъ силъ для сопротивленія шайкѣ искателей приключеній, пришлыхъ со всѣхъ сторонъ пролетаріевъ. Общественная организація, существующая тысячелѣтія, какова парижская муниципія, признанная и охраняемая законами и всѣмъ могуществомъ великаго европейскаго государства, исчисляющая своихъ полноправныхъ членовъ сотнями тысячъ, оказывается немощною въ сравненіи съ ничтожною организаціею, которая была устроена въ нѣсколько дней и хотя существовала до этого, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, но, какъ тайное общество, преслѣдовавшееся всею строгостью законовъ и насчитывавшее своихъ членовъ въ десяткахъ, едва ли сотняхъ! Таково безсиліе всего французскаго государства противъ тайнаго общества, которое если и распространило свои сѣти по всей Европѣ, то нигдѣ кромѣ Франціи не было въ силахъ сколько-нибудь потрясти государственный порядокъ. Между тѣмъ ни въ одной европейской странѣ, гдѣ есть сколько-нибудь свободной политической жизни, государство и его органы не вооружены по закону такими силами противъ всякихъ тайныхъ и явныхъ враговъ государственнаго порядка, какъ во

Франціи, бюрократія не снабжена такими значительными полномочіями противъ всякихъ злоумышленныхъ посягательствъ на общественное спокойствіе. Эта сторона парижскихъ событій 1871 года кажется намъ наиболѣе интересною, хотя она едва ли не менѣе всего обращала на себя вниманіе публики.

Сторона этихъ событій наиболѣе поразительная для публики была наименѣе удивительна: мы разумѣемъ преступленія и ужасы революціоннаго террора, свирѣствовавшаго въ Парижѣ во время владычества коммуны. Подобная власть, не имѣя въ основаніи своемъ никакого права, устанавливаясь только насиліемъ, преслѣдуя политическія цѣли, противныя понятіямъ всѣхъ просвѣщенныхъ людей, уже по тому самому вынуждена опираться на невѣжественную толпу и ея грубые инстинкты, и не можетъ дѣйствовать иначе. Ради собственной обороны, она должна наводить ужасъ на все добропорядочное населеніе, которое безъ этого не стало бы ей повиноваться. И вмѣстѣ съ тѣмъ она должна терпѣть самое крайнее своеволіе черни, въ союзѣ съ которою она дѣйствуетъ, если бы даже это своеволіе и не входило прямо въ систему террора. Все это какъ нельзя болѣе естественно, и удивляетъ только людей простодушно еще вѣрующихъ въ любовь демагоговъ къ свободѣ и добродѣтели. Давно неслыханное въ образованной Европѣ варварство, какимъ сопровождались насиліе надъ свободою, собственностью и жизнью гражданъ во время царства коммуны, и поруганіе самыхъ возвышенныхъ стремленій человѣческаго духа, возбуждаютъ развѣ только одно слишкомъ не новое размышленіе, а именно: сколько еще въ массѣ самаго образованнаго народа человѣческая природа сохранила въ себѣ животныхъ наклонностей, подавляемыхъ воспитаніемъ и сдерживаемыхъ государственнымъ порядкомъ! Дѣйствіе этой узды на самыя крайнія проявленія звѣрскихъ страстей не замѣчается въ обыкновенное время, и потому не безполезно, чтобъ они напоминали о себѣ, выходя наружу въ эпохи распаденія государственнаго

порядка и заставляя тогда каждаго ощущать значеніе этой узды.

Но какимъ же образомъ могло случиться, и случалось такъ часто во Франціи, что немногочисленная кучка темныхъ людей и съ нею самая невѣжественная толпа могли такъ быстро и такъ нагло захватить въ свои руки неограниченную власть надъ всѣмъ населеніемъ и надъ самыми образованными его классами?

Чтобъ отвѣтить на этотъ существенный вопросъ, мы должны прежде всего разрѣшить слѣдующее недоумѣніе, поневолѣ порождаемое изложенными фактами. Какъ ни малочисленна была кучка людей подчинившихъ своему насилію милліоны населенія и какъ ни ничтожны личности этихъ людей, имъ можетъ-статься удалось взять починъ дѣла, къ которому уже давно влеклось своими сочувствіями все населеніе, — и не по этому ли только могли они такъ быстро и легко завладѣть имъ? Чтобы рѣшить вопросъ, обратимся къ политическому идеалу, возвѣщенному парижскими коммуналистами и посмотримъ въ какой степени онъ могъ соотвѣтствовать народнымъ влеченіямъ и симпатіямъ. Если въ рядахъ бунтовщиковъ, какъ и всегда, стояло не мало негодяевъ, чуждыхъ всякимъ политическимъ идеаламъ, то были же и фанатики, и люди преданные своей идеѣ; да и всѣ они, чтобы вести за собою толпу на борьбу съ существующимъ порядкомъ, должны были выставить знамя этой борьбы, принципы, въ силу коихъ не только этотъ порядокъ долженъ быть разрушенъ, но и на мѣсто его поставленъ другой. Эту такъ-называемую политическую программу коммуналистовъ весьма однако не легко изложить, благодаря смѣшенію весьма разнообразныхъ элементовъ. Парижскіе коммуналисты то заявляли, что весь затѣянный ими переворотъ есть исключительно муниципальный, мѣстный парижскій, то говорили о необходимости государственнаго переустройства всей Франціи, то наконецъ взывали ко всесвѣтной революціи, и набирая въ свои ряды людей всякаго племени, вели космополитическую пропо-

вѣдь объ обновленіи всего міра. Въ ихъ программу входили и чисто политическія начала, и соціальныя. Они не ограничивались разрушеніемъ государственныхъ учрежденій, а требовали также коренного измѣненія всего экономическаго строя и даже всѣхъ нравственныхъ и религіозныхъ понятій общества.

Отбрасывая все побочное и второстепенное, мы укажемъ здѣсь только на самое существенное и характеристическое въ политическихъ требованіяхъ коммуналистовъ, которыя они полагали въ основаніе будущему государственному и муниципальному порядку въ Парижѣ и во всей Франціи [1]). Самое ясное и понятное въ ихъ политическомъ идеалѣ, посреди хаоса понятій его затемнявшихъ даже въ ихъ собственномъ сознаніи, есть безусловная государственная самостоятельность. *самодержавіе городской общины*, съ предоставленіемъ ей всѣхъ правъ верховной власти въ своей средѣ, законодательныхъ, судебныхъ и административныхъ. Городъ долженъ быть устроенъ на подобіе государства, даже съ собственнымъ своимъ войскомъ, и выдѣленъ какъ самодержавная государственная единица изъ остальной государственной территоріи. Таково общее политическое воззрѣніе, которымъ руководствовалась коммуна въ своихъ практическихъ дѣйствіяхъ въ Парижѣ, и которое ея предводители выставляли на первомъ планѣ въ своихъ оффиціальныхъ актахъ. Это же самое воззрѣніе находимъ мы въ одномъ документѣ, едва ли не единственномъ, въ которомъ было изложено сколько-нибудь общее политическое ученіе коммуналистовъ; онъ составленъ членами коммуны 15-го апрѣля 1871 года въ качествѣ отвѣта на вопросъ: «Чего требуетъ коммуна отъ французскаго правительства?» и приписывается Делеклюзу, мыслителю коммуны и одному

---

[1]) См. A. Reeve, *Royal and republican France*, v. II (Communal France). p. 383.

изъ главнѣйшихъ и свирѣпѣйшихъ ея дѣятелей [1]) погибшему на баррикадахъ 25-го мая. Посреди смѣшенія всякихъ понятій, въ этомъ документѣ всего опредѣлительнѣе указывается на верховныя права общины въ государствѣ, какъ на главную цѣль коммуналистскаго возстанія. Его предводители прежде всего требуютъ, гласитъ этотъ документъ, «послѣ признанія и упроченія республики. — *безусловной независимости общины, распространенной на весь городъ Франціи... Независимость общины не должна имѣть никакихъ иныхъ границъ кромѣ ея правъ* (значитъ, эти права безграничны!) Эта независимость должна быть одинакова для всѣхъ общинъ, взаимнымъ *договоромъ*, которымъ будетъ *обезпечено единство Франціи*. Къ неотъемлемымъ правамъ общины будутъ принадлежать: распоряженіе всѣми ея доходами и расходами, назначеніе всѣхъ налоговъ, управленіе всею публичною администраціей, устройство судебной власти, полиціи, народное образованіе и пр., выборъ *всѣхъ безъ изъятія должностныхъ лицъ* и наконецъ организація своей собственной *городской военной обороны и національной гвардіи, которая будетъ сама выбирать своихъ начальниковъ и одна охранять порядокъ въ городѣ*. Парижъ (то-есть коммуна) *не желаетъ ничего болѣе*, какъ чтобы эти мѣстныя права или льготы его были ему предоставлены центральнымъ собраніемъ *делегатовъ отъ всѣхъ федеральныхъ французскихъ общинъ*; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сохраняетъ за собою полную свободу дѣйствія для введенія у себя *всякихъ административныхъ и экономическихъ реформъ*, какія онъ признаетъ нужными и какія требуетъ народъ, и всякихъ учрежденій для дальнѣйшаго развитія народнаго образованія... Наши враги ошибаются или обманываютъ страну, когда они обви-

---

[1]) H. Reeve, *Royal and republican France* v. II p. 383. Мы почерпаемъ изъ этого сочиненія приводимые нами отрывки документа, который, сколько намъ извѣстно, былъ опубликованъ впервые въ этомъ сочиненіи. Впрочемъ, его содержаніе вполнѣ согласно съ убѣжденіями коммуналистовъ разбросанными въ разныхъ другихъ ихъ писаніяхъ.

няютъ насъ, что мы хотимъ подчинить остальную націю нашей диктаторской власти и тѣмъ нарушить независимость и *самодержавіе* (souveraineté) всѣхъ другихъ французскихъ общинъ. Они ошибаются, обвиняя Парижъ *въ разрушеніи единства французской націи* созданнаго революціей (?). Единство, которому подчинили насъ (то-есть французскую націю) имперія, монархія, парламентскія правленія, было не что иное *какъ централизація, деспотическая, безсмысленная, произвольная и обременительная. Государственное единство, которое желаетъ Парижъ, есть добровольное товарищество всѣхъ мѣстныхъ волей* (initiatives locales), *свободное и самопроизвольное соединеніе всѣхъ личныхъ усилій* къ общимъ цѣлямъ благосостоянія, свободы и безопасности всѣхъ».

Какъ ни туманенъ языкъ этой политической программы, но господствующая въ немъ идея ясна и проста. Эта идея есть верховное самодержавіе города или городской общины, упраздненіе всякаго права государства въ предѣлахъ общины; эта идея есть образованіе государства на основаніи договорнаго начала, добровольнаго контракта между общинами. Поэтому-то парижскіе коммуналисты и называли себя *федералистами* (fédérés), во время своей междоусобной войны противъ французскаго національнаго собранія; французское государство должно было бы сдѣлаться, по ихъ понятіямъ, добровольною федераціей или договорнымъ союзомъ городскихъ республиканскихъ общинъ. Это было бы государство діаметрально противоположное нынѣшнему государству, въ которомъ всякая община подчинена цѣлому, и всякое городское общинное или муниципальное право истекаетъ лишь изъ общей верховной власти и имѣетъ силу лишь на основаніи общаго законодательства. Это федеральное государство, проектированное парижскими коммуналистами нисколько не было бы подобно даже нынѣ существующимъ федеральнымъ государствамъ (Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, Швейцаріи, въ которыхъ нигдѣ не признается не только за городскими общинами,

но даже за цѣлыми областями, входящими въ ихъ составъ верховной государственной власти или неограниченнаго самодержавія въ своихъ предѣлахъ; вездѣ общее государство сохраняетъ свои права внутри каждой своей части, вездѣ общее государственное законодательство и въ извѣстной степени центральная административная власть имѣютъ принудительную силу для каждой отдѣльной единицы, и наконецъ *нигдѣ не признается единственнымъ началомъ соединенія федеральныхъ единицъ и единственнымъ источникомъ общегосударственнаго права договорное начало* (добровольный контрактъ). Послѣдняя война между сѣверными и южными Сѣверо-Американскими Штатами, общія начала, во имя коихъ велась эта война сѣверомъ, всѣ ея послѣдствія, отмѣна невольничества и подчиненіе отторгнувшихся штатовъ центральному федеральному правленію, — является самымъ наглядньмъ фактическимъ подтвержденіемъ нашихъ словъ. Въ государственномъ планѣ, предъявленномъ парижскими коммуналистами самое темное мѣсто составляютъ отношенія городскихъ общинъ и затѣмъ образованнаго ими союза къ сельскому народу, далеко несосредоточенному въ однѣхъ сельскихъ общинахъ, а большею частью разсѣянному за ихъ предѣлами. Затѣмъ непонятны отношенія этого федеральнаго правленія къ цѣлымъ провинціямъ или географическимъ единицамъ, историческая самостоятельность коихъ ни какимъ образомъ не могла бы уничтожить ее. Къ сельскому народу двигатели и ораторы коммуналистскаго возстанія питали, какъ извѣстно, величайшее презрѣніе и ненависть; тѣмъ не менѣе, такъ или иначе, пришлось бы опредѣлить отношенія коммуналистскаго государства къ этой презрѣнной массѣ, которая и во Франціи и вездѣ составляетъ громадное большинство націи. На счетъ этого пункта, самаго основнаго, понятія парижскихъ коммуналистовъ были особенно смутны, и мы конечно не можемъ взять на себя обязанность выяснѣніемъ этого пункта дополнять ихъ проекты.

Изложенная выше сущность политическихъ требованій, предъявленныхъ парижскою коммуной была понята такимъ образомъ замѣчательнѣйшими людьми Европы, которые всѣ, безъ различія партій, съ ужасомъ и негодованіемъ отвернулись отъ этого возстанія. Такъ между прочимъ англійскій писатель, г. Ривъ, съ величайшимъ вниманіемъ слѣдившій за всѣми французскими переворотами, говоритъ: съ осуществленіемъ замысловъ парижской коммуны, «всякій авторитетъ государства былъ бы уничтоженъ. Города сдѣлались бы единственными центрами государственной власти, но они были бы разъединены между собою, и вся остальная страна должна была бы, вѣроятно, подчиниться подобно тому какъ твердая земля (terra firma) подчинялась Венеціи или сельскіе округа Флорентійской республики — владычеству городовъ. Жирондисты 1793 года были признаны государственными измѣнниками за свою привязанность къ такъ-называемому *федерализму*, который въ то время означалъ только что они отрицали право господства Парижа надъ Франціей, и желали, чтобы національное собраніе было охранено отъ него силами всей страны. Но жирондисты никогда не предлагали плана, который, подобно настоящему, долженъ разложить государство, упразднить всякое правительство (центральное) и разрушить всякую государственную силу закона. Вслѣдствіе диковинной перестановки ролей въ этой революціи, консервативное національное собраніе въ Версалѣ защищаетъ *единую и нераздѣльную* Французскую республику, а потомки Горы ходятъ раздробить ее на тысячу кусковъ. Они желаютъ довести французскую муниципальную теорію самодержавія до послѣдней крайности, и самымъ вѣроятнымъ конечнымъ послѣдствіемъ этого было бы паденіе всякаго довѣрія къ муниципальнымъ учрежденіямъ (т.-е. къ городскому самоуправленію). Это конечно одинъ изъ любопытнѣйшихъ результатовъ помраченія человѣческаго ума, который, сбросивъ съ себя всякую узду религіи, закона, и опыта, изобрѣтаетъ подобныя схемы для возрожденія Франціи.

выставляемыя иными демократическими писателями какъ совершеннѣйшія политическія изобрѣтенія нашего вѣка. Этимъ схемамъ не достаетъ именно оригинальности, но онѣ безъ сомнѣнія отлично придуманы для разрушенія всякой общественной и государственной жизни націи. Онѣ возвратили бы Францію къ положенію, въ которомъ она находилась при феодальной системѣ, въ одиннадцатомъ столѣтіи, и которое было описано ея собственнымъ великимъ историкомъ: «самый общій отличительный характеръ феодализма, говорилъ Гизо въ 1829 году [1]), есть раздробленіе народа и власти на множество маленькихъ народовъ и маленькихъ самодержцевъ, отсутствіе всякой общей націи, всякаго центральнаго правительства». Республиканская коммуна стремилась къ той, самой обособленной, мятежной и разрушительной, власти которою пользовались феодальные вотчинники въ самыя мрачныя времена Среднихъ Вѣковъ.... Такимъ образомъ возстановилось бы царство привилегій въ странѣ равенства, привилегированнаго господства городовъ надъ всею страной, бѣдныхъ надъ богатыми, буйныхъ людей надъ мирнымъ населеніемъ; наконецъ даже и поголовное выборное право націи (suffrage universel) было бы отброшено (коммуною), потому что оно слишкомъ усиливаетъ волю ея большинства, а меньшинство требуетъ для себя право производить революцію во всемъ свѣтѣ. На эти дикія домогательства можетъ быть одинъ отвѣтъ: такъ какъ они способны въ очень короткое время уничтожить не только всякую государственную власть и порядокъ, но и самые первоначальные способы человѣческаго существованія, и низвести человѣчество до новаго варварскаго состоянія, худшаго чѣмъ прежнее, то совершенно необходимо противопоставить этимъ домогательствамъ силу. Общество готово разложиться на свои первобытныя стихіи, когда оно призывается взяться за оружіе, чтобы защитить

---

[1]) Guizot, *Histoire de la civilisation en France*, leçon I.

основныя начала жизни. собственности и свободы. Таково къ несчастію положеніе Франціи, но оно есть послѣдствіе, какъ мы показали, постепеннаго дѣйствія ложныхъ революціонныхъ ученій, въ теченіи восьмидесяти лѣтъ.» [1])

На этомъ безотрадномъ размышленіи, внушеномъ либеральному [2]) публицисту свободной Англіи зрѣлищемъ Франціи. нельзя однако успокоиться. Матерьяльная сила, которую онъ призываетъ какъ послѣднее средство спасенія общества отъ безначалія, оказываетъ только временную помощь, и къ тому же этотъ печальный палліативъ государственной хирургіи, какъ онъ ни бываетъ неизбѣженъ, усиливаетъ раздраженіе революціонныхъ страстей въ будущемъ и посѣваетъ новыя сѣмена гражданскаго разлора въ обществѣ. Сама исторія Франціи какъ нельзя лучше это доказываетъ. Матерьяльная сила можетъ бороться только съ такою же силой, и потому она дѣйствительна лишь противъ матерьяльнаго безпорядка въ анархическихъ движеніяхъ, а никакъ не противъ болѣзненныхъ причинъ. вслѣдствіе коихъ эти движенія сдѣлались хроническими въ государствѣ. Эти внутреннія органическія причины указаны впрочемъ самимъ авторомъ и требуютъ такихъ же органическихъ способовъ излѣченія, хотя при давнишней закоренѣлости болѣзни они чрезвычайно трудны, въ особенности трудны потому что совсѣмъ чужды пониманію большинства французскаго общества. Самое первое. конечно, условіе исцѣленія есть ясное сознаніе причинъ болѣзни, а изъ нихъ далеко не всѣ, и даже не самыя существенныя, заключаются въ распространеніи, съ конца прошедшаго столѣтія, революціонныхъ ученій, посѣтившихъ и всѣ другія страны Европы.

Политическія понятія проповѣданныя коммуналистами. конечно, не могли, въ своей крайней формѣ, привлечь

---

[1]) H. Reeve, *Royal and republican France*, v. II pp. 385—388.
[2]) Статьи г. Рива печатались въ *Edinburgh Review*.

къ себѣ ни массы, ни просвѣщенные классы французскаго народа; но сѣмя ихъ кроется глубоко въ его историческихъ воспоминаніяхъ. Всего любопытнѣе знать что чудовищная государственная теорія коммуналистовъ или федералистовъ 1871 года и даже само возстаніе парижской коммуны совсѣмъ не новость во Франціи; эти явленія такъ не новы, что ихъ тождественность въ разные періоды французской исторіи отодвигаетъ насъ далеко назадъ въ его прошедшее и заставляетъ отыскивать однородныя причины въ общемъ ея ходѣ, сложившемся несравненно ранѣе XVIII столѣтія.

Какъ извѣстно, во всѣхъ революціонныхъ потрясеніяхъ 90-хъ годовъ, парижская коммуна играла первенствующую роль; собственно она, завладѣвъ малодушнымъ и колеблющимся большинствомъ конвента, создала все такъ-называемое правленіе террора и направляла всѣ кровожадныя его распоряженія; эта коммуна была такіе точно, какъ коммуна 1871 года, самовольно и незаконно организована горстью заговорщиковъ, захватившихъ всѣ муниципальныя права и власти [1]).

Съ самыхъ первыхъ дней революціи 1789 года началось броженіе въ парижскихъ городскихъ округахъ (districts, въ послѣдствіи sections), на которые раздѣлилось городское общественное управленіе; каждый округъ, по внушенію демагоговъ, втершихся въ ряды избирателей, стремился организоваться въ независимую и отъ правительства, и даже отъ центральной городской власти единицу съ безусловнымъ полновластіемъ не только въ исполнительномъ, но и законодательномъ отношеніи. Это-го движеніе и произвело главнѣйшее все матерьяль-

---

[1]) Исторія и дѣйствія парижской коммуны 90-хъ годовъ подробно изложена, на основаніи новыхъ свѣдѣній и документовъ, Mortimer-Ternaux. *Histoire de la Terreur.* Сверхъ того, см. H. Reeve. *Royal and republican France*, v. II (Communal France). Этими послѣдними очерками мы и будемъ преимущественно пользоваться для фактической стороны нижеслѣдующаго изложенія, кромѣ тѣхъ свѣдѣній, источники коихъ будутъ особо нами указаны.

ную и нравственную анархію, которая изъ Парижа распространилась на всю Францію; оно изошло конечно не прямо изъ мирнаго и трудящагося большинства дѣйствовавшихъ обывателей столицы, но благодаря его наивности и безхарактерности, оно было ему навязано политическими агитаторами, всякимъ бродячимъ, пришлымъ людомъ, нисколько практически не заинтересованнымъ въ мѣстномъ благосостояніи города, и доведено до всѣхъ своихъ крайностей безпокойными и самыми безнравственными слоями столичнаго населенія. Сколько-нибудь мыслящіе демагоги, подобно Робеспьеру, Дантону и Марату, понимали значеніе этого анархическаго движенія какъ отличнѣйшаго въ ихъ рукахъ оруліи для поддержанія смуты на улицѣ, въ отношеніяхъ всѣхъ властей и въ умахъ. Другіе, болѣе умѣренные, участники революціонной драмы, запутавшіеся въ страшной неурядицѣ общихъ политическихъ понятій, господствовавшей въ то время во французскомъ обществѣ, — а таково было большинство, — совсѣмъ не поняли ни общаго смысла, ни разрушительныхъ практическихъ послѣдствій этого посягательства мѣстныхъ корпорацій на верховныя права государственной власти и націи; они отнеслись совсѣмъ безсознательно къ этому самому существенному зародышу болѣзненныхъ началъ разъѣдающихъ французскій государственный организмъ, и даже помогли его развитію, оказывая, при своемъ политическомъ неразумѣніи, покровительство безразлично всякому движенію, только бы оно было враждебно правительственному деспотизму и старому режиму. Такъ, напримѣръ, первый парижскій меръ 1789 года, Бальи, торжественно обратился къ членамъ парижскихъ округовъ, въ своемъ циркулярѣ, съ такими словами: «Законодательная власть теперь въ вашихъ рукахъ. Ваша обязанность издавать законы для вашего города». Не многіе крѣпкіе политическіе умы того времени, какъ въ особенности Мирабо, и даже Сіесъ, сознавали однако опасность этихъ домогательствъ мѣстныхъ союзовъ на политическую независимость отъ государства,

но они не были поняты современниками. Весьма замѣчателенъ, посреди нынѣшнихъ обстоятельствъ, слѣдующій отрывокъ изъ доклада депутата Демепье національному собранію по этому вопросу, въ апрѣлѣ 1790 года: «Коммиссія наша съ сожалѣніемъ видитъ что нѣкоторыя общины въ королевствѣ злоупотребляютъ началами конституціонной и законодательной власти, ища для себя силы въ самихъ себѣ, вмѣсто того чтобы извлекать ее изъ общей конституціи и единства націи. Такія домогательства суть подражаніе городамъ Греціи, Франція, же дѣлаясь федеративнымъ государствомъ, пошла бы къ своему разложенію; между тѣмъ эти общины дѣйствуютъ какъ будто онѣ располагаютъ и въ настоящее время, и на все будущее, правительственною властью, не ограничиваясь своею муниципальною властью, и захватывая верховныя права націи и законодательства.» [1]) Съ особенною энергіей и проницательностью возставалъ противъ самовластія общинъ и нарушенія законныхъ границъ муниципальной автономіи Мирабо, встревоженный этимъ явленіемъ какъ наиболѣе враждебнымъ здоровой политической свободѣ. «Всего болѣе занимаетъ меня Парижъ, говорилъ онъ своему другу Фромо, это *сфинксъ революціи*.... Невозможно сочувствовать этимъ народнымъ стремленіямъ къ диктаторству. Общество было бы уничтожено, еслибы всякая толпа или просто черни Парижа продолжала вторгаться въ законодательную область. Парижъ погибнетъ, если онъ не будетъ призванъ къ порядку и принужденъ къ самовоздержанію.» [2]) Въ самомъ національномъ собраніи онъ между прочимъ сказалъ: «Первая и главная причина безпорядковъ въ Парижѣ есть та, что въ немъ нѣтъ законно признанной власти. Разные люди, посреди исключительныхъ обстоятельствъ, захватили въ свои руки городскую администрацію, и образовали постоянный комитетъ, безъ всякихъ формальныхъ

---

[1]) H. Reeve, v. II; p. 351.
[2]) Тамъ же, p. 352.

на то полномочій отъ народа (избирателей); по никакой законной силы это учрежденіе не имѣетъ, потому что и создатели его, и члены суть частныя лица, безъ всякаго права гражданскаго представительства. Между тѣмъ этотъ комитетъ организуетъ все муниципальное управленіе [1]).

Уже съ 1789 года, подъ эгидою законной муниципальной власти, самовольно образуется этотъ революціонный центральный комитетъ въ городской Парижской ратушѣ, совершенно подобный центральному комитету національной гвардіи 1871 года. Также точно какъ въ 1871 году, была устроена и въ 1789 году городская военная стража, которая, вмѣсто своего призванія охранять порядокъ, даетъ въ себѣ вооруженную силу въ руки всѣхъ его нарушителей и производитъ всѣ парижскія возстанія, въ томъ числѣ первое, въ іюлѣ 1789 года, окончившееся знаменитымъ взятіемъ Бастиліи. Передача полиціи и всѣхъ находившихся въ Парижѣ вооруженныхъ полицейскихъ силъ въ исключительное распоряженіе городскихъ властей, и революціонная организація этихъ властей съ самаго начала революціи 1789 года объясняютъ совершенное безсиліе закона, правительства и преданной ему части регулярнаго войска противъ мятежа, въ первый періодъ революціи. По необдуманному распоряженію учредительнаго собранія, никто, кромѣ муниципальныхъ властей, не имѣлъ права призвать войска къ охранѣ общественнаго порядка, и правительство было лишено своей важнѣйшей прерогативы, — права распоряженія военными силами. Это самый крайній шагъ въ смѣшеніи правъ муниципальнаго самоуправленія съ правами верховной власти, общинной автономіи и независимости съ общиннымъ верховенствомъ. Замѣчательнѣйшіе политическіе писатели Франціи (напримѣръ г. Дюверрье де Горанъ) видятъ въ этомъ главную причину безсилія правленія Людовика XVI пода-

---

[1]) Тамъ же, p. 355.

вить бунтъ. Въ послѣдствіи все безсиліе большинства народныхъ представителей во всѣхъ трехъ собраніяхъ (учредительномъ, законодательномъ и конвентѣ) къ водворенію законнаго порядка, которому это большинство, на основаніи каждой новой конституціи, было всегда душою предано, произошло отъ борьбы, которую оно было вынуждено вести съ революціонною организаціей парижской коммуны, наступавшею на всѣ права законодательной, судебной и административной власти во всей Франціи»[1]). Главное занятіе всѣхъ трехъ собраній заключалось въ выслушиваніи домогательствъ представителей города и его отдѣленій, которые отказывали во всякомъ повиновеніи представителямъ націи и не признавали надъ собою ихъ верховныхъ правъ. Самое жалкое изъ этихъ собраній, законодательное, обязано своимъ ничтожествомъ преимущественно слабодушію большинства предъ наглыми требованіями парижской коммуны. Иные изъ членовъ это чувствовали; такъ однажды депутатъ Мазюэ заключилъ свою рѣчь словами: «Законъ долженъ рѣшить кто имѣетъ верховную власть въ странѣ: французская нація или парижская коммуна?» Послѣ самыхъ наглыхъ оскорбленій претерпѣннымъ законодательнымъ собраніемъ отъ самоуправной коммуны въ 1792 году, членъ его Камбонъ, котораго трудно заподозрить въ умѣренности революціонныхъ чувствъ, восклицаетъ: «Если вы предпочитаете, чтобы парижская коммуна управляла государствомъ, подобно Риму, то дайте поскорѣе намъ всѣмъ положить голову на плаху». Однако ни одному изъ этихъ трехъ представительныхъ собраній не удалось даже привести въ дѣйствіе законную организацію городскаго управленія, и заставить гражданъ Парижа сдѣлать законные и свободные выборы его органовъ, на основаніи неоднократно издававшихся постановленій. Мирное и полноправное большинство парижской общины никогда

---

[1]) Mortimer Ternaux. *Histoire de la Terreur.*

не могло свободно воспользоваться правами предоставленными ему этими постановленіями. Лучшіе люди революціи понимали это пелѣное положеніе, хотя и не въ состояніи были съ нимъ справиться. Такъ краснорѣчивый Верньо, предводитель жирондистовъ, въ законодательномъ собраніи выражался слѣдующимъ образомъ о дѣятеляхъ парижской коммуны: «эти лицемѣрныя и звѣрскія существа, агенты самыхъ скандальныхъ доносовъ, произвольныхъ арестовъ, адвокаты презрѣнія къ законамъ и общей анархіи, они признаютъ добродѣтель аристократіей, а порокъ демократіей. Граждане Парижа еще осмѣливаются называть себя людьми свободными! Они не хотятъ быть рабами вѣнчанныхъ тирановъ, но они сдѣлались рабами самыхъ низкихъ злодѣевъ. Пора разбить эти постыдныя цѣпи, сломить новую тиранію. Пора чтобы люди, приводящіе въ трепетъ всякаго добродѣтельнаго человѣка, сами наконецъ затрепетали. Пусть Европа знаетъ, вопреки клеветамъ распространяемымъ на счетъ Франціи, что въ нашемъ отечествѣ, посреди анархіи, въ которую она ввержена этими разбойниками, еще осталося сколько-нибудь добродѣтели». Наконецъ вся верховная власть народнаго представительства и сами жирондисты изнемогли въ этой борьбѣ и покорились парижской коммунѣ, которая завладѣла самимъ конвентомъ посредствомъ организованныхъ подъ ея вліяніемъ, въ его собственной средѣ, и находившихся подъ ея властью, комитета общественнаго спасенія и революціоннаго трибунала. Посредствомъ коммисаровъ, командированныхъ во всѣ провинціи, парижская коммуна распространила свое иго на всю Францію [1]) и организовала по-своему всѣ французскія общины. Великодушный, хотя и омраченный своими смутными политическими понятіями, Верньо не былъ въ силахъ сбросить это иго, подготовленное вѣками французской исторіи, и вмѣстѣ

---

[1]) Mortimer Ternaux *Histoire de la Terreur*, конецъ т. VI и начало тома VII.

со всѣми якобинцами погибъ на эшафотѣ коммуны. Никогда демагоги и потомъ террористы 90-хъ годовъ, составлявшіе не только въ учредительномъ и законодательномъ собраніяхъ, но даже въ конвентѣ, ничтожное меньшинство, и состоявшая у нихъ на службѣ парижская чернь не могли бы получить такого могущества еслибы въ ихъ власти не находилось парижское муниципальное управленіе, еслибъ они не организовали его революціоннымъ образомъ, и не устранили отъ городскихъ дѣлъ все благонадежное народонаселеніе. Всѣ возстанія Парижа до низложенія Людовика XVI (10-го августа 1792 года), низверженіе конституціи 1791 года и весь переходъ въ 1792 году отъ монархіи къ республикѣ, съ сопровождавшими его кровавыми катастрофами, были произведены якобинцами черезъ посредство парижской коммуны, ея псевдо-законныхъ представителей и должностныхъ лицъ (предательскія распоряженія Петіона, парижскаго мера въ 1792), не исполнявшихъ ни закона, ни воли правительства и большинства законодательнаго собранія, и повиновавшихся только предписаніямъ якобинскаго клуба. Этотъ клубъ и муниципальный совѣтъ составляли одинъ нераздѣльный сонмъ злоумышленниковъ. Никогда бы революціонныя явленія не могли получить такого громаднаго развитія и быть организованы въ правильно дѣйствующую силу, еслибъ онъ не работалъ подъ личиной законной мѣстной власти и посредствомъ цѣлаго административнаго механизма, въ которомъ онъ успѣлъ захватить центральную пружину. Сентябрьскія убійства 1792 года, самое кровавое событіе революціи, производились, какъ теперь доказано [1]), систематически и административнымъ порядкомъ, посредствомъ предписаній городскихъ властей, подъ именемъ коихъ дѣйствовали якобинцы; это нисколько не было слѣпымъ увлеченіемъ фанатизма и черни. Потому-то каждый революці-

---

[1]) Mortimer Ternaux, *Histoire de la Terreur.*

оный переворотъ въ Парижѣ начинался съ того, что его распорядители считали забрать въ свои руки городскую ратушу и посадить въ нее своего мера. Такъ было въ 1848 году, такъ было 4-го сентября 1870 года, и такъ происходила попытка переворота 31-го октября 1870 года, оканчивавшаяся изгнаніемъ коммунистовъ изъ ратуши впредь до ихъ возвращенія въ нее 18-го марта 1871 года. Также точно самая дѣйствительная мѣра всякой контръ-революціи во Франціи заключалась въ захватѣ центральною администраціей городскихъ учрежденій въ свое неограниченное распоряженіе и въ упраздненіи муниципальныхъ льготъ. Послѣ самыхъ крайнихъ развязокъ самовластія парижской коммуны и вслѣдъ за самымъ крупнымъ государственнымъ ударомъ въ новѣйшей имперіи Франціи, за водвореніемъ диктатуры Наполеона I, уничтожается всякое городское самоуправленіе [1]).

Коммунальная или общинная городская жизнь есть средоточіе всей революціонной исторіи Франціи: отсюда всего легче раскрываются главныя тайны этой страшной исторіи. Община была всегда самымъ могущественнымъ орудіемъ и революціи и реакціи, и въ рукахъ злоумышленниковъ противъ государственнаго порядка и въ рукахъ его суровыхъ возстановителей.

Не только въ XIX и XVIII столѣтіяхъ, но гораздо ранѣе, во глубинѣ XIV, когда начинается борьба государственной централизаціи противъ средневѣковаго федерализма, мы найдемъ во Франціи тѣ же самыя домогательства коммуны и тѣ же самыя политическія партіи какъ и въ 1871 году. Такъ политическое положеніе Франціи въ 1356 году, послѣ битвы при Пуатье, гдѣ французы были на голову разбиты англичанами, было изумительнымъ образомъ сходно съ положеніемъ послѣ Седана даже во многихъ подробностяхъ внутренней и

---

1) См. R. Gneist, *Verwaltung. Justiz, Rechtsweg*, Berlin 1869 (его восьмой томъ его сочиненій *Staatsverwaltung und Selbstverwaltung*) pp. 105 — 8.

внѣшней обстановки. [1]) У Франціи были отняты провинціи, и она не въ состояніи была продолжать войну съ королемъ англійскимъ Эдуардомъ III, заявившимъ притязанія на ея престолъ; французскій король Іоаннъ Добрый былъ взятъ въ плѣнъ и находился въ заключеніи въ Виндзорѣ. Регентство государства было возложено на дофина. Вся Франція была исполнена ужаса предъ англійскими войсками и подчинилась Англіи кромѣ Парижа. Парижская буржуазія, подъ предводительствомъ купеческаго старшины [2]) (prevost de marchands), знаменитаго Этьена Марселя, возстали противъ дофина и преданнаго ему дворянства и королевскаго войска. Тутъ впервые появились, какъ эмблема инсургентовъ, цвѣта Парижа, красный и синій, къ которымъ въ послѣдствіи присоединился бѣлый цвѣтъ Бурбоновъ въ трехцвѣтномъ знамени.

Въ высшей степени любопытны условія предъявленныя гражданами Парижа въ 1356 году дофину для прекращенія возстанія. «Мечта Этьена Марселя и его друзей, говоритъ Тьерри, заключалась въ конфедераціи самоуправляющихся городовъ Франціи подъ главенствомъ Парижа; центральное правленіе страною было бы поручено сейму изъ представителей городовъ подъ верховнымъ предсѣдательствомъ короля». Три года продержалась война между Парижемъ и королевскими войсками, которыя сперва были изгнаны изъ него. Но Парижъ долженъ былъ наконецъ уступить; такъ какъ вся Франція была противъ него. Тутъ же, послѣ бѣдственной внѣшней войны, начинаются возстанія крестьянъ противъ дворянства (jacqueries). Вообще вся эта эпоха раззоренія Франціи, въ XIV столѣтіи, отъ внѣшняго непріятеля и внутреннихъ междоусобій, принадлежитъ

---

[1]) H. Reeve, *Communal France*, p. 337 (также см. *Всемірную Исторію* Вебера).

[2]) Такъ, онъ назывался (отъ латинскаго *praepositus*, что значитъ *поставленный* во главѣ Парижа) до 1780 года, когда была учреждена должность мера (отъ латинскаго *major*).

къ числу годинъ не разъ со испытанныхъ и весьма между собою сходныхъ.

При Карлѣ VI, Парижъ недовольный королевскими поборами снова вооружается противъ короля, и выставляетъ армію въ 30.000 человѣкъ. Куріозно что даже въ эти отдаленныя времена тѣ же обычныя проявленія мятежа отличали парижскія journées какъ и нынѣ: взятіе тюремъ и освобожденіе изъ нихъ преступниковъ, разграбленіе аббатствъ, даже баррикады и т. д. Въ томъ же 1382 году, многіе французскіе города возстаютъ противъ королевской власти и дворянства, которые вынуждены вести съ ними формальную войну, окончившуюся извѣстнымъ сраженіемъ и побѣдою надъ городскими войсками при Розебекѣ. Карлъ VI, взявъ въ полонъ Парижъ, уничтожаетъ всѣ его муниципальныя вольности и подчиняетъ все городское управленіе, вмѣсто выборныхъ властей, своимъ чиновникамъ. Вступленіе побѣдной арміи Карла VI въ Парижъ, какъ бы въ иностранный, взятый приступомъ городъ, разоруженіе городской милиціи, заключеніе въ тюрьмы и смертныя казни тысячъ мятежныхъ гражданъ [1]) все это воздвигаетъ предъ нами ту же историческую картину какъ и взятіе Парижа Версальскою арміей въ 1871 году. Въ послѣдній герцогъ Бургундскій, управлявшій государствомъ во время умственнаго помѣшательства Карла VI и ставшій во главѣ народной (мѣщанской или городской) партіи противъ дворянской, предводимой герцогомъ Орлеанскимъ, возстановляетъ древнюю муниципальную свободу Парижа «libere urbis antiquam libertatem restituentes», какъ было сказано въ королевскомъ декретѣ. Но какъ только, послѣ двадцати пяти лѣтъ правительственной диктатуры, возобновились выборы городскихъ должностныхъ лицъ и устроилась городская вооруженная стража, такъ опять, въ 1412 году, вспыхнуло возмущеніе, на этотъ разъ произ-

---

[1]) См. Augustin Thierry, *Histoire du Tiers-état*, Paris, 1853, V. 1, pp. 76 и 77.

веденное корпораціею мясниковъ со звѣрскимъ войскомъ своихъ поденщиковъ, живодеровъ (les écorcheurs). Интересно, что въ союзѣ съ мясниками и со взволнованною ими парижскою коммуной выступаетъ парижскій университетъ, въ лицѣ своихъ корпоративныхъ властей, и черезъ осаждаетъ Бастильскую тюрьму также точно какъ 14-го іюля 1789 года. Въ бунтѣ 1412 года, выставляется демагогическая фигура, подобная Этьену Марселю, живодеръ Симонъ Кабошъ, командующій своими товарищами по ремеслу и рабочимъ населеніемъ. Либеральныя университетскія профессіи высылаютъ своихъ предводителей и ораторовъ революціи, доктора медицины Жана де Труа и доктора богословія Евстафія де Павильи [1]). Эта муниципальная революція завершается сдѣлкою между правами короны и парижской общины, выторгованною представителями городскихъ корпорацій и университета у королевской власти и формулованною въ королевскомъ повелѣніи о городскомъ управленіи Парижа 25-го мая 1413 года. [2] «Но нашлись люди, говоритъ Августинъ Тьерри, чтобы начертать этотъ административный законъ старой Франціи, а не нашлось людей, чтобы его исполнить и охранить. Люди благоразумные и дѣловые не имѣли тогда ни твердости воли, ни политической энергіи. Они стали въ сторонѣ; поле дѣйствія принадлежало людямъ экзальтированнымъ и безпокойнымъ, мясникамъ-живодерамъ и ихъ союзникамъ. Послѣдніе бросились въ крайности, которыя вызвали реакцію, ссылки и отобраніе (королевскою властью) реформъ, съ такимъ трудомъ пріобрѣтенныхъ; уже черезъ три мѣсяца послѣ своего обнародованія королевское повелѣніе 25-го мая о муниципальныхъ правахъ Парижа было отмѣнено» [2]). Это сужденіе историка французскихъ городскихъ общинъ примѣняется и къ новой Франціи.

Все начало XV столѣтія во Франціи наполнено борь-

---

[1]) A. Thierry p. 78—82.
[2]) Тамъ же, p. 87.

бою королевской власти въ союзѣ съ дворянствомъ противъ мятежныхъ городскихъ общинъ, противъ мѣщанства (la roture) въ союзѣ съ крестьянствомъ; эта междоусобная борьба, въ нѣдрахъ французской націи, продолжается до 1789 года, до окончательнаго въ этомъ только году освобожденія сельскаго населенія отъ крѣпостнаго права и окончательнаго политическаго торжества третьяго сословія надъ короной и надъ аристократіей (надъ привилегированными сословіями дворянства и духовенства). Эта внутренняя, соціальная борьба проходитъ, нисколько не измѣнясь въ своемъ существѣ, черезъ всю французскую исторію; но подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ времени и историческихъ личностей, она принимаетъ весьма разнообразныя формы; это разнообразіе внѣшнихъ формъ одного и того же явленія было главнѣйше обусловлено различнымъ положеніемъ которое занимала въ этой борьбѣ сословій королевская власть, соединяясь то съ однимъ, то съ другимъ. Отъ этого различнаго положенія короны зависѣли вмѣстѣ съ тѣмъ періоды могущества и государственнаго благоустройства Франціи и періоды ея упадка. Лишь одной комбинаціи этихъ трехъ стихій никогда не появлялось во многовѣковой внутренней борьбѣ французскаго государства: никогда не соединялись средніе классы съ поземельною аристократіей противъ короны (кромѣ случайныхъ личныхъ союзовъ). Это весьма характеристическая черта въ политической исторіи Франціи, имѣвшая капитальныя послѣдствія въ ея внѣшнемъ строеніи.

Во французской буржуазіи (tiers état), какъ впрочемъ во всякомъ среднемъ сословіи въ Европѣ, должно отличать двѣ группы: торговый, промышленный и владѣльческій классы, и чиновничество. Эти двѣ общественныя стихіи хотя и имѣютъ большею частію одинаковое происхожденіе, одинаковый во многихъ отношеніяхъ соціальный типъ, воодушевленъ одинаковымъ историческимъ назначеніемъ къ феодальной и кастообразной аристократіи и одинаково отчужденъ отъ всего сельскаго народо-

населенія; однако эти двѣ части одной и той же общественной стихіи, средняго класса, о которомъ уже говорилъ Аристотель, заключаютъ въ себѣ совсѣмъ разнородныя политическія силы и вскутъ за собою совсѣмъ различныя теченія въ жизни государства [1]). Одна часть французскихъ среднихъ классовъ, сохраняя въ себѣ древнія муниципальныя преданія, стремилась къ упроченію мѣстныхъ и городскихъ вольностей и къ общинному самоуправленію; другая — по преимуществу выражая собою отрицательный, демократическій, враждебный поземельной и родовой знати духъ своего сословія, стремится главнѣйше къ уничтоженію феодальныхъ привиллегій, къ гражданскому равенству, и энергически помогаетъ великимъ королямъ Франціи въ государственномъ, а также и въ *административномъ* объединеніи націи. Въ этомъ движеніи, продолжающемся съ XV до XVIII вѣка и соединяющемъ въ своемъ конечномъ результатѣ, въ сокрушеніи поземельной аристократіи, сочувствія всѣхъ фракцій средняго сословія, въ томъ числѣ и всѣхъ либеральныхъ умственныхъ профессій, погибаютъ, заодно съ феодальными привиллегіями, и муниципальныя вольности, падаетъ заодно съ леннымъ и провинціальнымъ федерализмомъ и все мѣстное общинное самоуправленіе. Характеръ участія французскаго средняго сословія въ государственномъ управленіи, главный органъ его безпрерывно возрастающаго политическаго могущества — чиновничество или бюрократія и судебное сословіе, магистратура (homme de robe), кладутъ свой отпечатокъ на всю государственную исторію Франціи и опредѣляютъ ея начальное направленіе съ половины XV столѣтія до настоящаго времени. Объ историческомъ безсиліи фран-

---

[1]) Ср. A. Thiery, *Essai sur l'histoire de la formation et des progrès du tiers-état* Paris, 1853, V. I, p. 71. Мы пользовались преимущественно этимъ классическимъ сочиненіемъ по внутренней исторіи французскаго государства для всей этой части нашего изложенія, хотя оно по многимъ вопросамъ совершенно самостоятельно. Ср. также Tocqueville, *l'Ancien régime.*

цузской поземельной аристократіи въ дѣлѣ развитія самоуправленія мы будемъ говорить въ послѣдствіи; она была сперва наклонна къ удержанію за своими феодальными вассалами (подобно городскимъ общинамъ) политической независимости (верховенства) относительно государства, а потомъ сосредоточили всю свою дѣятельность на охранѣ своихъ гражданскихъ привилегій относительно крестьянства.

Государственное объединеніе Франціи, раздробленной въ средніе вѣка болѣе чѣмъ всякая другая страна на самодержавныя политическія единицы, съ сепаратистскими стремленіями, сдѣлалось издавна главною историческою задачей ея правителей. Такими объединителями, собирателями государства, а вмѣстѣ и нивеляторами, уравнителями, всѣхъ сословныхъ и мѣстныхъ неровностей подъ государственнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бюрократическимъ ярмомъ, явились всѣ государи и государственные люди Франціи, отмѣтившіе свое имя въ ея исторіи. Они, эти внутреніе воители, возвысили значеніе и блескъ французской монархической власти; въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ, впереди всѣхъ Людовикъ XI, этотъ мрачный и насмѣшливый образъ [1]), котораго не могли понять современники, канцлеръ Карла IX Лопиталь, Генрихъ IV и Сюлли, кардиналъ Ришелье и Мазаринъ, наконецъ Людовикъ XIV въ первой, лучшей, половинѣ своего царствованія. Подъ ударами всѣхъ этихъ историческихъ личностей, создавшихъ политическое единство Франціи, смолкаетъ великій строптивый голосъ, потухаетъ и древній муниципальный духъ французскихъ городскихъ общинъ. Въ XV столѣтіи городскія власти теряютъ право распоряженія военными силами, а въ XVI лишаются и хозяйственной, и административной автономіи, подчиняясь болѣе и болѣе опекѣ центральной власти. Бюрократическая опека надъ общинами и ихъ имуществами дѣ-

[1]) «Cette figure railleuse et sinistre que la tradition conserve, et impose encore l'histoire (Авг. Тьерри)».

лается догматомъ французской администраціи. Но древній муниципальный духъ только замираетъ, а не умираетъ, по временамъ вспыхиваетъ и напоминаетъ о своемъ существованіи, чтобы послѣ государственнаго затишья XVIII столѣтія снова разгорѣться въ пожаръ 90-хъ годовъ.

Въ XVI столѣтіи, ко всѣмъ старымъ элементамъ междоусобій присоединяется совсѣмъ новый — религіозный. Церковная распри католиковъ, папистовъ и протестантовъ, гугенотовъ, перекрещивается со всѣми предыдущими теченіями политической жизни, перестаиавливаетъ всѣ старыя партіи и господствуетъ въ XVI столѣтіи надъ всякими другими государственными вопросами; она осталась даже и до сихъ поръ непримиреннымъ началомъ во французскомъ государствѣ и обществѣ, усложняя собою ихъ недуги. Въ XVI столѣтіи религіозный фанатизмъ отвлекаетъ политическія страсти французскихъ горожанъ совсѣмъ въ другую сторону отъ муниципальныхъ домогательствъ; однако еще слышатся неоднократно, и иногда проявляются весьма бурно, ихъ старинныя вольнолюбивыя и сепаратистскія стремленія. Такъ въ концѣ XVI столѣтія посредп кровавыхъ событій, сопровождавшихъ царствованіе послѣдняго Валуа (Генриха III) и вступленіе на престолъ Бурбонской династіи (Генриха IV) и посреди возстанія Гизовъ во главѣ папистской лиги, снова подымается въ 1588 году парижская коммуна, какъ союзница Лиги противъ короля Генриха III. Тутъ возобновляются парижскія journées со всѣми типическими особенностями, отличавшими коммуналистскія смуты прежнихъ и послѣдующихъ временъ [1]). Организуется революціонный комитетъ изъ шестнадцати гражданъ для управленія городомъ; этотъ комитетъ отставляетъ всѣхъ королевскихъ чиновниковъ, и въ теченіи шести лѣтъ самодержавно царствуетъ въ столицѣ, изъ которой убѣгаетъ

---

[1] Ср. A. Thierry, *Essai sur l'histoire du tiers-état*, V. I, p. 174 и слѣд. N. Reeve, *Communal France*, p. 340 и Weber, *Lehrbuch der weltgeschichte*.

король со всѣми своими гражданскими и военными властями. Въ Парижѣ воздвигаются баррикады, и повторяются всѣ кровавыя сцены прежнихъ дней. Въ этой смутѣ, хотя и произведенной преимущественно религіозною распрей, пробуждаются однако всѣ демагогическія страсти: королевское имя и всѣ признаки королевской власти исключаются изъ судебныхъ и всякихъ другихъ публичныхъ актовъ; проповѣдуется на парижскихъ улицахъ цареубійство; король въ послѣдствіи и умираетъ отъ руки вступленнаго фанатика (молодаго доминиканскаго монаха). Парижскій революціонный комитетъ Шестнадцати, соединившись съ центральнымъ комитетомъ католической Лиги (первообразы будущихъ революціонныхъ комитетовъ 1789 и 1870 годовъ), не ограничиваются въ своемъ владычествѣ городомъ Парижемъ, а стремятся распространить свое дѣйствіе на всю Францію. Отрицая верховныя права короля во всемъ государствѣ, они собственною своею властью назначаютъ намѣстника для управленія королевствомъ (lieutenant général du royaume), и составляютъ даже проектъ союза вольныхъ городовъ и *федеральной республики*, на подобіе Швейцарской, для всей Франціи [1]). Это противомонархическое движеніе, исшедшее изъ Парижа, удивительнымъ образомъ соединяетъ въ одну струю демократическій фанатизмъ съ религіознымъ ультрамонтанскимъ, и увлекаетъ за собою на нѣкоторое время самыя провинціи. Такой союзъ, возобновляющійся нынѣ въ Германіи, лишь однажды проявился въ исторіи Франціи. Отъ Пикардіи до Бретани и отъ Бретани до Прованса поднимается кличъ муниципальныхъ вольностей, враждебныхъ монархіи.

Со вступленіемъ въ Парижъ и на престолъ Франціи (1589) Генриха IV успѣлась надолго, ровно на два вѣка, до 1789 года, вся эта коммуналистская буря, которая привела въ броженіе все французское общество,

---

[1]) A. Thierry, p. 174.

подняла съ самаго глубокаго историческаго дна, подобно буръ въ 1871 году, всѣ первичныя стихіи строенія французскаго государства, и казалось готова была разложить его на части и возвратить къ государственной анархіи среднихъ вѣковъ. Необычайно мудрое (двадцатилѣтнее) правленіе перваго Бурбона, умѣренное, по преимуществу, *умѣренное*, какъ не умѣло быть никакое другое правленіе во Франціи ни прежде, ни послѣ, умиротворило все общество своимъ политическимъ тактомъ и компромиссами между крайними партіями. Эти компромиссы, отличающіе характеръ царетвованія Генриха IV, столь чуждые всѣмъ предыдущимъ и послѣдующимъ правительствамъ Франціи, вполнѣ соотвѣтствовали первоначальному акту (переходу изъ кальвинизма въ католичество), который открылъ ему ворота Парижа и путь ко французскому престолу. Генрихъ IV остался вѣренъ своему достопамятному изреченію: «Парижъ стоитъ обѣдни». Это былъ единственный въ своемъ родѣ король Франціи, самый популярный во французской исторіи, имя котораго произносится до сихъ поръ съ уваженіемъ всѣми французскими партіями. Замѣтимъ кстати, это былъ единственный монархъ Франціи протестантъ по своему рожденію и воспитанію. Въ этомъ государѣ выразился весь творческій и организаторскій духъ французской королевской монархіи стараго режима, имѣющій себѣ ровню только въ Наполеонѣ I, въ пореволюціонной Франціи. «Царетвованіе Генриха IV, говоритъ Тьерри, было одною изъ тѣхъ рѣшающихъ эпохъ, когда множество вещей оканчивается и множество другихъ зачинается. На рубежѣ двухъ великихъ вѣковъ, онъ пожалъ плоды общественной работы и опыта одного изъ нихъ, и положилъ основы всѣхъ учрежденій, усовершенствованныхъ уже въ другомъ вѣкѣ. Королевская власть, освобожденная отъ всякой неопредѣленности замутившей ея характеръ въ средніе вѣка, явилась совсѣмъ иною въ своей новой формѣ, въ своемъ *административномъ самодержавіи* (souveraineté administrative), *неограниченная* и по праву,

и въ дѣйствительности до 1789 года, а съ тѣхъ поръ подчиненная верховнымъ правамъ націи или связанная съ ними. Въ это царствованіе *логически* устроились всѣ отрасли центральной администраціи, и ихъ права распространились на всѣ потребности цивилизованнаго общества. Въ это-то время ускорилось объединеніе націи посредствомъ сосредоточенія государственной власти, и усилилось движеніе къ гражданскому равенству упадкомъ придворныхъ знатныхъ родовъ и возвышеніемъ различныхъ классовъ средняго сословія». Въ то время (1853), какъ писалъ Тьерри, во Франціи не было яснаго сознанія пагубныхъ послѣдствій этого *административнаго* сосредоточенія власти: различеніе этой административной централизаціи съ *государственною*, и въ понятіяхъ, и въ практикѣ, не казалось возможнымъ, а нелѣпость французскаго ученія о *верховенствѣ* народа, подъ верховной власти монарха, еще не выяснилась ни теоретически, ни исторически, также какъ не развѣялись еще мечты французовъ о состоятельности отвлеченной доктрины ограниченія государственной власти посредствомъ народнаго верховенства (souveraineté du peuple). Во то время еще не появилось знаменитое сочиненіе Токвиля о старомъ режимѣ (1856). Счастливое царствованіе Генриха IV, прибавимъ мы къ словамъ Тьерри, начавшееся посреди самыхъ критическихъ внутреннихъ обстоятельствъ Франціи, разумъ этого монарха и государственный геній его сподвижника Сюлли, доказываютъ значеніе великихъ личностей въ исторіи, доказываютъ также значеніе монархической власти посреди гражданскаго раздора, непримиримаго безъ монархіи, и могущество мудрой и національной политики, становящейся внѣ всякихъ сепаратистскихъ партій и эгоистическихъ сословій въ государствѣ. Къ величайшему несчастію Франціи, первый Бурбонъ не нашелъ себѣ подражателей на французскомъ престолѣ.

---

[1]) A. Thierry, p. 188 и 189.

Всѣ великіе послѣдователи этой многовѣковой традиціонной политики французской монархіи состоящей въ углаженіи и уравненіи государственной и административной почвы (*l'aplanissement politique du sol français*, какъ выражается Тьерри), довели ее до послѣднихъ ея крайностей. Такова была въ особенности жестокая система Ришелье, который былъ столько же безпощаденъ къ самоуправству владѣльцевъ феодальныхъ замковъ, какъ и къ муниципальной самостоятельности общинъ, и ко всякимъ мѣстнымъ и корпоративнымъ автономіямъ. [1]) Деспотизмъ Ришелье вызвалъ въ среднихъ классахъ, въ половинѣ семнадцатаго столѣтія (1648), взрывъ неудовольствія противъ его менѣе талантливыхъ [2]) преемниковъ; это была послѣдняя, до 1789 года, эпоха смуты и междоусобій во Франціи. Это движеніе, взволновавшее всю Францію въ малолѣтство Людовика XIV и извѣстное подъ названіемъ Фронды, было, въ своемъ существѣ, также какъ и предыдущія, сопротивленіемъ среднихъ классовъ (въ формѣ разныхъ, преимущественно изъ нихъ составленныхъ, учрежденій и корпоративныхъ властей, парламента, высшей счетной палаты, судебныхъ установленій) личному правленію и административному произволу королевской власти. О муниципальныхъ вольностяхъ тутъ было мало рѣчи, однако городскія власти и разныя городскія корпораціи въ Парижѣ возстали, въ союзѣ съ парламентомъ, на подобіе коммуны. [3]) Это движеніе, еслибъ оно не переродилось, какъ всегда бываетъ во *Франціи, изъ юридической борьбы властей въ уличный бунтъ*, могло бы имѣть добрые результаты, водворить элементъ законности въ государственномъ управленіи и предотвратить послѣдующія бѣдствія; но оно повело за собою революціонныя насилія и кровопролитія, вооруженіе толпы, обычныя париж-

---

[1]) A. Tierry. *Essai sur l'histoire du tiers-état*, T. I. p. 249, 252, 255.
[2]) Тамъ же, p. 260—270.
[3]) Тамъ же, p. 269.

скія journées, съ баррикадами и дѣтьми-книжальщиками, [1]) взятіе Бастильской тюрьмы и пр. Изъ этой трехлѣтней гражданской войны, въ которой посреди вещественной анархіи перепутались всѣ партіи и утратились первоначальные руководящіе принципы борьбы, не вышло ничего, какъ изъ всякой революціонной свалки, — ничего кромѣ безпорядочной временной сдѣлки правительства съ оппозиціей, опирающеюся на матеріальную силу. Таково было перемиріе королевской власти съ Парижскимъ парламентомъ [2]) (30-го марта 1649 года). Перемиріе съ революціей, вынужденное страхомъ, а не убѣжденіемъ, не могло послужить дѣлу государственнаго благоустройства Франціи, да никогда и не можетъ этого сдѣлать. Никакое правительство не довѣритъ и не можетъ довѣрить правамъ вырванным у него насиліемъ. Посреди всеобщаго утомленія и апатіи, быстро слѣдующихъ въ этой странѣ за революціонными потрясеніями, были стерты всякія ограниченія административнаго произвола и подавленъ духъ всякаго самоуправленія; совершеннолѣтній Людовикъ XIV объявилъ (1661 года) въ верховномъ правительственномъ совѣтѣ, что *онъ хочетъ самъ лично управлять* государствомъ, и все его царствованіе было блистательнымъ подтвержденіемъ этихъ словъ, хотя подъ его именемъ управляли всѣ, кромѣ закона.

Пятидесятичетырехлѣтнее царствованіе Людовика XIV (1661 — 1705) [3]) было послѣднимъ терміномъ начавшейся въ XII вѣкѣ борьбы Французской монархіи за объединеніе государства противъ всѣхъ сепаратистскихъ его элементовъ, вмѣстѣ и послѣднимъ терміномъ развитія личнаго бюрократическаго правленія, подъ эгидою

---

[1]) Замѣчательно что вооруженіе дѣтей всегда появляется въ парижскихъ возмущеніяхъ съ XIV столѣтія до 1871 года.

[2]) Слишкомъ извѣстно, что французскіе парламенты, какъ судебно-административныя учрежденія и корпораціи, не имѣли почти ничего общаго съ новѣйшими представительными законодательными собраніями носящими то же названіе.

[3]) Считая отъ вступленія его лично въ управленіе послѣ кардинала Мазарини семьдесятъ два года со смерти Людовика XIII.

кого совершалось это объединеніе. Слова этого государя: «Государство, это я», суть самое характеристическое выраженіе того государственнаго наряда, который былъ имъ довершенъ, поддержанъ личными талантами и потомъ разложился въ своей мощи, но не въ своихъ принципахъ, при бездарныхъ и безнравственныхъ преемникахъ Людовика XIV и Кольбера. Этотъ государственный нарядъ (режимъ) и вступилъ въ борьбу съ революціей XVIII вѣка; онъ былъ снова, во всей силѣ, воскрешенъ геніемъ Наполеона I, потомъ отчасти въ другой разъ подновленъ ловкостью Наполеона III, и съ прошедшаго столѣтія до сихъ поръ продолжаетъ бороться и перемежаться съ анархіей и революціонными парокизмами. До какого ничтожества были доведены органы муниципальной власти, единственные сохранившіеся по имени признаки самоуправленія и корпоративной жизни во Франціи, и до какого самовластія достигло бюрократическое управленіе, — служитъ самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ начавшаяся при Людовикѣ XIV и продолжавшаяся въ послѣдствіи продажа казною отъ себя всѣхъ городскихъ общественныхъ должностей. [1]) Это былъ конечно самый чудовищный финансовый ресурсъ правительства, шедшаго быстрыми шагами послѣ смерти Кольбера къ своему банкротству въ XVIII столѣтіи. Въ этомъ столѣтіи не преобразовался или улучшился, а совсѣмъ вымеръ старинный муниципальный духъ во Франціи и пересталъ быть силою для среднихъ классовъ, перешедшихъ совсѣмъ на другіе пути для проявленія своей политической дѣятельности, — отчасти въ бюрократическую сферу, отчасти въ философскій дилетантизмъ освободительныхъ идей XVIII вѣка. Изъ-подъ такихъ-то постыдныхъ развалинъ старинныхъ муниципальныхъ вольностей Франціи, послѣ цѣлаго вѣка растлѣнія возстаетъ революціонная парижская ком-

---

[1]) A. Thierry, *Essai sur l'histoire du tiers-état*, VII, p. 21. Нужно замѣтить, что это не продажа *должностей*, а общественныхъ (прежде выборныхъ) должностей.

муна 90-хъ годовъ, возобновляя коммуналистскія возстанія давно прошедшихъ вѣковъ.

Весь XVIII вѣкъ во Франціи былъ потерянъ для монархіи, и хуже чѣмъ потерянъ. Несмотря на свои смертоносный пятилѣтній бой противъ всякихъ историческихъ правъ, французская королевская власть встрѣтилась съ революціей XVIII вѣка, съ его отвлеченнымъ раціонализмомъ, заговорившимъ о свободѣ и равенствѣ, не покончивъ даже съ феодальными привилегіями дворянства и духовенства на почвѣ гражданскаго и финансоваго права, не разрѣшивъ даже своей исторической задачи уравненія французскихъ подданныхъ предъ закономъ и государственною властью. Что же могло быть хуже этого? Всѣ страшныя человѣческія жертвы французской націи предъ кумиромъ равенства, поставленнымъ ея монархами, оказывались совсѣмъ напрасными! Но случилось еще худшее. По совершенному безразсудству совѣтниковъ злополучнаго Людовика XVI, корона перешла на сторону феодальныхъ правъ, которыя не были соединены ни съ какими обязанностями и только отягощали и раздражали народъ, не принося ничему пользы и не служа ни въ чемъ органамъ управленія. Это положеніе, принятое королевскою властью въ 1789 году, въ самомъ началѣ подымавшейся слова, послѣ полуторавѣковаго перемирія, гражданской войны, рѣшило ея судьбу. Оно никогда ей не позабудется; принятая ею тогда роль заслонила собою, въ народныхъ воспоминаніяхъ, безпощадную борьбу Бурбоновъ противъ феодализма, и съ ними теперь, вопреки исторической правдѣ, связывается понятіе народныхъ массъ о феодальномъ режимѣ. Посреди гражданской розни и ненависти, раздиравшихъ французское общество съ незапамятныхъ временъ, монархія во Франціи не постигла главной цѣли всякой верховной государственной власти, въ какой бы формѣ, хотя бы даже не монархической, она ни существовала, — *нейтральности власти* посреди борющихся общественныхъ интересовъ. Во всѣхъ самыхъ разнообразныхъ своихъ

видахъ, съ конца XVIII столѣтія, французская монархія не смогла съ этою основною задачею государства, безпрерывно колеблясь между всѣми общественными интересами и группами, феодальною знатью, католическимъ духовенствомъ и господствующею церковью, денежною аристократіей, крестьянствомъ и пролетаріями. Не смогла съ этимъ до сихъ поръ и республика, трижды пытавшаяся водворить государственный порядокъ въ этой странѣ. На равновѣсіи между борющимися стихіями долго держаться трудно, всегда — не возможно; остается поддерживать равновѣсіе посредствомъ разжиганія гражданскаго раздора — но и это средство истощается. Между тѣмъ въ Англіи посреди тѣхъ же самыхъ элементовъ гражданскихъ междоусобій, посѣянныхъ средними вѣками и вновь нагроможденныхъ промышленнымъ движеніемъ нашего времени, монархія и съ нею государственная власть остаются нейтральными въ общественныхъ раздорахъ. Лишь однажды, посреди религіозныхъ междоусобій XVII столѣтія, пошатнулась въ Англіи монархическая власть, произвольно склонившись въ пользу враждебнаго государства папизма; вся англійская революція (только такъ-называемая), въ противоположность всѣмъ безъ изъятія французскимъ, была борьбою государственныхъ учрежденій и общества за законность государственнаго порядка противъ королевской власти, ее нарушившей. Такая борьба, какъ бы она ни была ужасна,— борьба за право противъ безправія, — можетъ принести плоды, и принесла ихъ. Наоборотъ, борьба за безправіе и анархію, хотя бы и противъ такого же безправія, безсмыслена и безплодна, а такова была французская революція XVIII вѣка.

Чѣмъ же объяснить эту признанную всѣми противоположность государственной исторіи Франціи и Англіи? Отвѣтомъ на это, какъ и на всѣ поставленные нами въ началѣ этой главы вопросы, служитъ весь сдѣланный нами историческій очеркъ столь сходныхъ между собою, во всѣ столѣтія, французскихъ смутъ и параллельнаго съ ними развитія французской административной системы,

съ самой первоначальной эпохи централизаціи посреди государственнаго раздробленія среднихъ вѣковъ. Мы видимъ городскія общины, историческіе общественные мѣстные союзы неоднократно подымающіе голову съ притязаніями на верховность своихъ правъ, несовмѣстимую съ цѣлостью государства, мы видимъ демагоговъ произвольно собирающихъ подъ этимъ историческимъ знаменемъ шайки людей и самовластно захватывающихъ въ свое неограниченное распоряженіе пассивныя массы горожанъ, чуждыя всякой политической жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что государственная власть, обязанная, по самому существу своему, до конца бороться съ сепаратистическими началами, которыя уничтожаютъ самое понятіе о государствѣ, и его единствѣ, возвратитъ заодно съ государственною и политическою централизаціи бюрократическое, личное управленіе, стирающее съ административной почвы всякую тѣнь самоуправленія. Можетъ ли быть сомнѣніе, что не краткости развитія мѣстнаго самоуправленія, для котораго нѣтъ даже названія на французскомъ языкѣ, [1]) а совсѣмъ противоположныя явленія породили во французскомъ обществѣ тотъ мятежный противъ государства духъ, который живетъ въ немъ до настоящихъ дней? Общество и всѣ его историческіе союзы были цѣлыми вѣками исторіи отлучены отъ всякаго участія въ государственномъ управленіи, поставлены внѣ государства и въ прямо враждебныя къ нему отношенія; малѣйшее пробужденіе политической жизни въ томъ или другомъ общественномъ классѣ, малѣйшая его попытка къ живому участію въ дѣлахъ государства ставитъ его въ революціонныя, безправныя, къ нему отношенія, открываетъ двери возстанію противъ власти и вопрошаетъ для демагоговъ, какіе найдутся всегда

---

[1]) Для selfgovernment, Selbstverwaltung, самоуправленіе, не имѣется никакого равнозначущаго французскаго выраженія. Французы говорятъ объ административной «децентрализаціи», которая имѣетъ мало общаго съ самоуправленіемъ.

и во всякой странѣ. Такіе же точно демагоги и даже прямо эмиссары французской революціи пытались въ 1828 г. и никакъ не были въ силахъ произвести революцію въ Бельгіи и Швейцаріи, гдѣ упрочилась система самоуправленія, о которомъ давно исчезли всякія понятія во французскомъ государствѣ. Не закопныя и свободныя общины бунтовали и бунтуютъ противъ него, а совсѣмъ напротивъ, общество, лишенное всякой самостоятельной *государственной* организаціи, какую способно дать ему только здоровое самоуправленіе, общество, размельченное на атомы подъ гнетомъ всесильной бюрократической администраціи, раздѣленное сверхъ того испокопъ вѣку гражданскими междоусобіями сословій, оказывается безсильнымъ противъ ничтожнѣйшей мятежной организаціи, самовольно устроенной въ его средѣ, противъ всякаго тайнаго общества, какъ бы ни было оно нелѣпо. Такова исторія образованія всѣхъ этихъ революціонныхъ комитетовъ, которые подъ разными наименованіями учреждались въ Парижѣ во всѣ вѣка и которые мы нарочно съ этою цѣлію описывали. Не ясно ли теперь почему большинство французскаго общества всегда пасуетъ предъ заговоромъ и бунтомъ?

3.

Мы представили [1]). самыя существенныя историческія особенности государственнаго строя Франціи, преимущественно въ сравненіи съ Великобританіей. Это сравненіе

---

[1]) Мы коснулись только самыхъ крупныхъ сторонъ предмета, которому, въ послѣднее время, посвящена масса изслѣдованій и нѣсколько томовъ въ сочиненіяхъ Р. Гнейста и Штейна. См въ особенности: R. Gneist, *Verwaltung, Justiz, Rechtsweg*, его же, *der Rechtsstaat*; L. Stein. *Verwaltungslehre*. Также ср. M. A. Maury, *L'administration française avant la révolution* (*Revue des deux Mondes*, 1873), Karl Hillebrand *Frankreich u die Franzosen* (въ этой книжкѣ, замѣчательно безпристрастной, сдѣлань прекрасный очеркъ общаго духа французскихъ учрежденій).

двухъ самыхъ передовыхъ, въ политическомъ отношеніи, націй Европы заключаетъ въ себѣ самое плодотворное государственное назиданіе, какое только можетъ дать всѣмъ народамъ современная европейская исторія. Посреди тѣхъ же самыхъ тревожныхъ общественныхъ движеній, распространенныхъ нынѣ во всемъ образованномъ мірѣ, одинъ изъ этихъ двухъ государственныхъ организмовъ отличается необычайною устойчивостью, а другой подвержетъ безпрерывнымъ потрясеніямъ, при самыхъ ничтожныхъ случайностяхъ въ общественной жизни.

Великобританія несомнѣнно являетъ самую бойкую и дѣятельную общественную жизнь во всей нашей части свѣта, полную самыхъ энергическихъ, самыхъ чувствительныхъ и самыхъ враждебныхъ между собою личныхъ интересовъ, самыхъ рѣзкихъ контрастовъ богатства и нищеты, самыхъ крупныхъ бытовыхъ различій между общественными классами; однако не смотря на все это общественный раздоръ никогда не принимаетъ здѣсь характера гражданской войны, (кромѣ Ирландіи) насильственной борьбы общественныхъ классовъ для захвата государственной власти. Прочность и неприкосновенность этой власти, остающейся посреди всякой общественной борьбы нейтральною, не имѣютъ нигдѣ ничего себѣ подобнаго. Въ 1874 г. происходила въ Англіи (въ Нортамитонѣ) ожесточенная свалка между избирателями трехъ политическихъ парламентскихъ партій; дѣло дошло до драки и даже до кровопролитія на улицахъ, но все это нисколько не было направлено противъ государственной власти, которая, какъ совсѣмъ безучастная въ этомъ боѣ, положила ему конецъ, ко всеобщему удовольствію публики, хотя и съ помощью вооруженной силы. Гораздо болѣе серіозная борьба консерваторовъ съ либералами, глубоко раздѣляющая собою на два враждебные лагеря все англійское общество. и проникающая собою всѣ его слои, отъ самыхъ пышныхъ дворцовъ до самыхъ бѣдныхъ хижинъ, разыгралась въ 1874 (какъ потомъ въ 1880 г.) самымъ миролюбивымъ образомъ, вступленіемъ въ должность пер-

ваго лорда казначейства г. Дизраели, хотя съ этимъ было связано паденіе самаго знаменитаго и самаго популярнаго государственнаго человѣка современной Англіи, г. Гладстона, и съ нимъ крушеніе надолго надеждъ всякихъ прогрессивныхъ и либеральныхъ теченій въ общественномъ мнѣніи. Какихъ бы могущественныхъ представителей всѣ эти теченія ни имѣли во всѣхъ сферахъ англійскаго общества, всѣ они быстро смирились предъ голосомъ страны, и съ полною предъ нимъ покорностью выжидаютъ своей очереди стать во главѣ государственнаго правленія. Государственная власть, въ самомъ высшемъ своемъ проявленіи, то-есть въ лицѣ верховной королевской власти, остается на высотѣ недосягаемой для всѣхъ этихъ столкновеній общественныхъ стихій: рядомъ съ торжествующимъ главою консервативной партіи, сидѣлъ на всѣхъ придворныхъ празднествахъ, по случаю бракосочетанія принца Эдинбургскаго и пріѣзда Русскаго Императора, совѣтникъ короны только-что падшій въ довѣріи страны, но нисколько не утратившій ея уваженія.

Въ противоположность Великобританіи, нигдѣ кромѣ Испаніи, оторванной отъ историческаго прогресса, нѣтъ государственной власти болѣе шаткой чѣмъ во Франціи и нигдѣ всякій общественный раздоръ не превращается такъ легко въ гражданское междоусобіе, въ которомъ правительство непремѣнно стоитъ на одной сторонѣ, къ тому же всегда на сторонѣ слабѣйшей, и съ нею вмѣстѣ погибаетъ. И все это, несмотря на то, что самому французскому обществу многія и даже важнѣйшія условія междоусобія и вражды нашего времени присущи въ меньшей степени, чѣмъ обществамъ другихъ странъ, въ особенности чѣмъ Великобританіи.

Французское общество, сравнительно съ остальною Европою, самое однородное въ своихъ правахъ и обычаяхъ; образованіе и внѣшній лоскъ воспитанія сближаютъ въ немъ всѣ общественные классы, и стираютъ наслѣдственныя различія, которыя здѣсь всего менѣе замѣтны, а въ Англіи всего болѣе выпуклы. Нигдѣ не

существуетъ такого равенства во взаимномъ обращеніи всѣхъ членовъ общества, какого бы они ни были происхожденія, званія и профессіи, какъ во Франціи, а въ Англіи аристократическія общественныя положенія всего болѣе и нравственно и матеріально выставляются наружу (даже и на показъ) и колютъ глазъ простолюдина. Огромная масса французскаго народа остается совсѣмъ равнодушною ко всякимъ политическимъ спорамъ, занимающимъ собою только незначительныя кучки людей и волнующимъ только верхніе слои общества, а въ Англіи самый мелкій политическій вопросъ дѣлается предметомъ обсужденія и спора во всѣхъ общественныхъ классахъ даже самыхъ бѣднѣйшихъ и необразованныхъ. Милліоны крестьянства во Франціи обезпечены поземельною собственностью, за которую они крѣпко держатся, не помышляя ни о чемъ другомъ, кромѣ округленія своихъ владѣній, а въ Англіи, какъ нигдѣ въ Европѣ, крестьянство лишено всякой осѣдлости и всякаго права, подлѣ поземельной собственности, сосредоточенной въ небольшомъ числѣ рукъ. И это въ то время, когда именно поземельная собственность наиболѣе подвергается вопросу въ новѣйшихъ соціальныхъ ученіяхъ, возмущающихъ умы массы, и вопросъ этотъ сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, возбуждаетъ раздраженіе въ самой Англіи [1]). Нигдѣ нѣтъ такого церковнаго единства, какъ во французской націи, нигдѣ авторитетъ римско-католическаго духовенства не господствуетъ такъ неразрѣльно и надъ такимъ количествомъ народонаселенія, нигдѣ онъ такъ не враждебенъ всякой народной смутѣ, такъ не расположенъ поддерживать всякую прочную государственную власть, какъ во Франціи, нигдѣ нѣтъ такъ мало рели-

---

[1]) Первый вопросъ, который былъ намъ сдѣланъ въ самомъ значительномъ клубѣ рабочихъ въ Лондонѣ, имѣющемъ крайнюю политическую программу: что мы думаемъ о поземельной собственности? Затѣмъ слѣдовали разсужденія, какъ хорошо, что въ Россіи всѣ крестьяне надѣлены землею, и какъ плохо въ Англіи, что ею владѣютъ немногіе, какъ положеніе безземельныхъ крестьянъ есть главная язва въ Англіи и т. д.

гіозныхъ распрей [1]), которыя оказываютея всегда, а теперь въ особенности, столь ожесточенными и которыя всего болѣе развиты въ Великобританіи. Сверхъ всего этого племенная историческая вражда, въ соединеніи съ религіознымъ фанатизмомъ, питаютъ постоянную общественную смуту въ Ирландіи, въ которой никогда не уничтожается гнѣздо систематическихъ замысловъ къ отдѣленію отъ Англіи; между тѣмъ какъ ни въ одной французской провинціи нѣтъ и тѣни такой племенной вражды къ общему государству и какихъ-либо наклонностей къ сепаратизму. Въ этнографическомъ отношеніи французская нація самая однородная въ Европѣ.

Казалось бы сколько условій для мира и тишины во французскомъ обществѣ, которое впрочемъ и есть, по мнѣнію всѣхъ изучавшихъ его безпристрастно и вблизи, а не по книгамъ [2]), самое консервативное въ своихъ нравственныхъ и экономическихъ наклонностяхъ общество, даже рутинное [3]) въ своемъ обиходѣ, а между тѣмъ оно безпрерывно производитъ вулканическія изверженія, затопляющія государственныя учрежденія и потрясающія до основаній все государство.

Въ подтвержденіе всего сказаннаго объ относительно слабѣйшемъ развитіи внутри самого французскаго общества элементовъ междоусобія и вражды, чѣмъ въ Англіи, укажемъ на самый горячій соціальный вопросъ нашего времени, рабочій, который въ теченіи многихъ лѣтъ и нынѣ является главнымъ порохомъ во всѣхъ революціонныхъ взрывахъ Франціи, тогда какъ дѣйствительныя

---

[1]) Вѣроятно нигдѣ нѣтъ такъ мало церковныхъ сектъ, какъ во Франціи.

[2]) Это напримѣръ доказывается чрезвычайною бережливостью всѣхъ классовъ французскаго народонаселенія и его страстною привязкою къ капиталиваціи.

[3]) См. между прочимъ K. Hillebrand. *Frankreich u. die Franzosen*, Berlin 1873. Это самая интересная характеристика разныхъ сторонъ французскаго общества, какую мы только знаемъ. Авторъ нѣмецъ, давно поселившійся во Франціи и потому весьма объективно, съ чутьемъ иностранца, но съ любовью разсматривающій Францію.

экономическій бытъ ея народонаселенія заключаетъ въ себѣ гораздо менѣе горючаго вещества для вспышекъ этого вопроса, чѣмъ въ другихъ странахъ, чѣмъ въ особенности въ Англіи. Мы будемъ говорить объ этомъ вопросѣ въ свое время, но здѣсь только замѣтимъ, что во мнѣніи рабочихъ всѣхъ странъ Европы, имѣющихъ нынѣ постоянное международное общеніе, положеніе французскихъ рабочихъ считается самымъ лучшимъ, самымъ завиднымъ, общій уровень ихъ благосостоянія признается наивысшимъ, Франція обѣтованною землею рабочаго класса! Мы слышали недавно это мнѣніе, съ необыкновеннымъ одушевленіемъ высказанное намъ лично, въ самомъ значительномъ клубѣ рабочихъ въ Лондонѣ, отличающемся крайнею политическою программою и составляющемъ главный центръ политической агитаціи въ средѣ лондонскихъ рабочихъ классовъ [1]). Признавая значительное улучшеніе быта рабочихъ въ Англіи въ послѣднее время, возвышеніе заработковъ, сокращеніе рабочихъ часовъ, восхваляя англійскую политическую свободу, они однако горько жаловались намъ на свою судьбу, на свои унизительныя отношенія къ высшимъ классамъ, на ихъ высокомѣріе, и въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ разсказывали намъ о благополучіи французскихъ рабочихъ, объ ихъ высокомъ общественномъ положеніи (social condition, equality, въ отличіе отъ political liberty, какъ они выражались), наравнѣ со всѣми сословіями. Такимъ обаяніемъ окруженъ былъ французскихъ рабочихъ въ глазахъ всего рабочаго міра въ Европѣ, а при нынѣшнихъ условіяхъ его жизни, при интернаціональныхъ рабочихъ союзахъ, онъ имѣетъ достаточно достовѣрныхъ свѣдѣній, чтобы не судить объ этомъ по наслышкѣ. Когда мы старались доказать нашимъ собесѣд-

---

[1]) Eleusis Club въ Chilsea, главномъ рабочемъ кварталѣ Лондона. О нашемъ посѣщеніи этого клуба (въ 1871 г.) и продолжительныхъ бесѣдахъ, которыя мы имѣли съ его членами, мы сдѣлали краткое сообщеніе въ Парижскомъ Политико-Экономическомъ Обществѣ и будемъ въ свое время говорить подробнѣе въ нашей печати.

никамъ, что ихъ положеніе и въ политическомъ и въ экономическомъ отношеніяхъ лучше чѣмъ французскихъ рабочихъ, то они, соглашаясь съ нами во многомъ, привели разговоръ къ такому заключенію: «а все-таки французскіе рабочіе болѣе насъ наслаждаются жизнію» (they have the most enjoyements of life). А довольство жизнію, казалось бы, должно всего менѣе располагать къ возстаніямъ.

Между тѣмъ французскіе рабочіе бунтуютъ и всегда готовы бунтовать при всякомъ удобномъ случаѣ, а рабочіе Англіи никогда о томъ и не помышляютъ [1]).

Когда мы спросили упомянутыхъ рабочихъ, съ необыкновенною свободою и откровенностью излагавшихъ намъ свои республиканскій образъ мыслей и свою ненависть къ крупной поземельной собственности, что же хотятъ они въ силу такихъ рѣшительныхъ своихъ убѣжденій: лишить ли королеву ея престола, отнять ли у лордовъ ихъ землю? То посреди гомерическаго хохота, охватившаго всю толпу, они отвѣчали намъ: какъ это можно! Они были увѣрены, что нашъ вопросъ и не имѣлъ никакой другой цѣли, какъ насмѣшить ихъ своею нелѣпостью. Наши собесѣдники были люди однако нисколько не наивные, и ихъ смѣхъ нисколько не доказывалъ ихъ простодушія, какъ могутъ подумать иные. Эти люди отлично знаютъ и какъ прогопялись монархи, и какъ отнималась собственность въ другихъ земляхъ. Они ежедневно читаютъ въ своемъ клубѣ нѣсколько газетъ и каждое воскресенье слушаютъ и обсуждаютъ докладъ одного изъ своихъ членовъ о ходѣ политическихъ дѣлъ въ Великобританіи и Европѣ въ теченіе прошедшей недѣли. Во-

---

[1]) Интересную характеристику столь противоположныхъ политическихъ наклонностей и общаго духа англійскихъ и французскихъ рабочихъ можно видѣть въ книжкѣ: Oswowe Yorke, *Geheime Geschichte der Internationale*, Berlin, 1872. (Переводъ съ англійскаго. Эта противоположность всего рѣзче *проявилась* въ интернаціоналѣ, гдѣ засѣдали делегаты отъ тѣхъ и другихъ, съ одинаково *крайнимъ* (но *крайнимъ* по своимъ національнымъ понятіямъ) образомъ мыслей.

обще эти рабочіе [1]) поражаютъ своимъ умственнымъ и въ особенности политическимъ развитіемъ, о которомъ нельзя себѣ составить понятія не поговоривъ съ ними. Парижскіе рабочіе нисколько не разсмѣялись бы надъ нашимъ вопросомъ, а по всей вѣроятности отвѣтили бы намъ восторженною рѣчью о священномъ правѣ инсурреккіи. Чтобъ исполнить святой долгъ предъ этимъ правомъ, они ходятъ на баррикады для защиты республики противъ ея враговъ, даже когда живутъ подъ республиканскимъ правленіемъ. Таково великобританское государство въ отличіе отъ французскаго. Не только рабочія массы, не только ирландскіе сепаратисты (»home-rulers«), агитирующіе съ крайнимъ озлобленіемъ противъ англійскаго правительства за федеральное устройство отношеній Ирландіи къ Англіи, но даже сами ирландскіе фенін, уже съ положительно революціонными намѣреніями, посреди сочувствующаго имъ народонаселенія, не могутъ произвести никакого подобія революціи, даже мѣстной, а вынуждены ограничиваться личными мятежными дѣйствіями и уголовными преступленіями. Самымъ яркимъ доказательствомъ невозможности революціоннаго движенія въ Великобританіи должно служить признаніе этой невозможности со стороны лондонскаго центральнаго комитета интернаціонала. Послѣ продолжительнаго изученія и всякихъ поисковъ, такое признаніе формально было высказано этимъ самымъ компетентнымъ революціоннымъ авторитетомъ нашего времени еще въ 1870 году [2]).

Чѣмъ же держится эта неприкосновенность государственной

---

[1]) Простые рабочіе, хотя и не чернорабочіе, а мастера skilled, работающіе за поденную и понедѣльную плату.

[2]) См. Onslow Yorke, *Geheime Geschichte der Internationale*. p. 114—118. Одинъ изъ дѣятелей интернаціонала «французъ» выражается по этому случаю слѣдующимъ образомъ: «Эти Англичане имѣютъ всѣ матеріалы для соціальной революціи: но имъ недостаетъ духа *обобщенія* и революціоннаго огня».

власти, въ Великобританіи, среди общества нисколько не отличающагося миролюбіемъ и добродушіемъ общества свободнаго, тогда какъ во Франціи недостаточно для охраны власти противъ мятежа 400.000 чиновниковъ и 400.000 солдатъ, которые только этимъ и озабочены и въ которыхъ совсѣмъ не нуждается Великобританія. Всегда говорили, что государственная власть въ этой странѣ держится *свободою*, что ея особенность въ сравненіи со всѣми европейскими государствами заключается въ свободѣ, но что такое эта англійская свобода (english liberty) и чѣмъ она отлична отъ свободы, которую пытались заводить на материкѣ, это узнали не такъ давно. Уже путешественники по Англіи приходили въ удивленіе, не находя въ ней свободы въ духѣ своихъ общепринятыхъ континентальныхъ понятій, а напротивъ чрезвычайный государственный, даже полицейскій, порядокъ и самую строгую дисциплину во всѣхъ отношеніяхъ публичной и частной жизни. Болѣе вѣрному пониманію существенныхъ отличій государственнаго строя Англіи всего болѣе помогли сами французы, преимущественно съ тѣхъ поръ какъ ихъ подражаніе нѣкоторымъ наружнымъ принадлежностямъ англійскаго строя свободы, въ особенности игра въ парламентское правленіе, оказалось совсѣмъ безплоднымъ. Несмотря на это подражаніе, результаты политической жизни Англіи и Франціи дѣлались все болѣе и болѣе противоположными, и это заставило глубже вникнуть во внутреннія условія великобританскаго государственнаго устройства и управленія.

Вся внѣшняя обстановка этого парламентскаго правленія, которое только и думали перенимать въ другихъ странахъ, оказались, при ближайшемъ изученіи, или не существенною, чисто мѣстною и національною, или только естественнымъ послѣдствіемъ внутренняго духа всего государственнаго строя, въ которомъ вся сущность такъ-называемой англійской свободы. Этотъ внутренній духъ всего государственнаго строя Великобританіи и сущность ея свободы заключаются, ни въ чемъ иномъ, какъ въ

правомѣрности или *законности* государственнаго управленія, и общій смыслъ всѣхъ столь сложныхъ англійскихъ учрежденій — въ охранѣ этого духа отъ всякихъ на него посягательствъ и правительственныхъ и частныхъ лицъ. Къ этой цѣли клонятся всѣ основныя начала государственнаго устройства и управленія Англіи, очерченныя нами въ ихъ главныхъ чертахъ и столь противоположныя французскимъ началамъ; потому и нельзя удивляться противоположности ихъ практическихъ политическихъ результатовъ, въ той и другой странѣ.

Самый общій и самый крупный результатъ всего этого правомѣрнаго духа великобританскаго государственнаго строя есть устраненіе враждебнаго антагонизма общества съ государствомъ [1]). Эти двѣ различныя сферы народной жизни, одинаково для нея необходимыя — государственная власть съ ея принудительными отношеніями къ членамъ общества, и общество съ его добровольными нравственными и экономическими отношеніями между членами того же государства, — эти двѣ сферы находятся, въ силу естественной необходимости, въ силу самой натуры каждой сферы, въ вѣчной между собою борьбѣ и противоположности. Но эта борьба и противоположность, какъ борьба и противоположность разнородныхъ стихій всякой жизни, всякаго живаго организма, сами по себѣ не только не зло, а первое жизненное условіе развитія всякаго организма и всякой его стихіи [2]). Борьба между обществомъ и государствомъ развиваетъ и обновляетъ силы каждаго, если только она борьба здоровая, мирная, борьба умственная и нравственная, а не насильственная и болѣзненная, каковы

---

[1]) Между прочимъ см. R. Gneist, *Verwaltung, Justiz, Rechtsweg*, (предисловіе, § 1 и стр. 18).

[2]) Насъ отвлекло бы слишкомъ далеко отъ нашего предмета развивать здѣсь далѣе всѣ эти понятія. Они прекрасно выяснены и исчерпаны Л. Штейномъ въ его сочиненіи *Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich*, т. I (между прочимъ см. въ особенности введеніе pp. XXIX — XLIV и 335—341).

революціонные кризисы, разслабляющіе и государство и общество. Государственный порядокъ каждаго историческаго періода стремился по своему, сообразно съ условіями своего времени и своей общественной жизни, умиротворить эту борьбу: феодальное и вотчинное государство по своему, бюрократическое и полицейское иначе, и т. д. Едва ли не въ тѣхъ особенныхъ условіяхъ и способахъ какими каждая историческая эпоха, сообразно съ характеромъ ея общества, старается достигнуть этой главнѣйшей политической цѣли всякаго государства, его солидарности съ обществомъ, заключаются отличительныя черты каждой эпохи въ государственной исторіи [1]). Въ Великобританіи, государство и общество, — оба въ высшей степени могущественныя и самобытныя, каждое въ своей сферѣ. — издавна (какъ мы видѣли) примирены на почвѣ права, оба, при всей противоположности своихъ началъ, соединены въ одно нераздѣльное цѣлое черезъ одинаковое подчиненіе обѣихъ сферъ одному верховному началу — закону, который только и управляетъ Великобританіей. Не одинъ парламентъ, который есть только верхушка и естественное историческое послѣдствіе всей системы англійскаго самоуправленія, связываетъ неразрывно общество съ государствомъ, и не одни только видимыя формы (мѣстныя учрежденія) этого самоуправленія приводятъ къ этой цѣли, а безчисленное множество институтовъ и узаконеній, оставшихся неизвѣстными прежнимъ поклонникамъ англійской конституціи и упрочивающихъ господство права во всѣхъ отношеніяхъ государственной власти къ обществу. Эта правомѣрная почва замиренія государства съ обществомъ, эти безпрерывно возобновляемые и съ необычайною строгостью соблюдаемые съ обѣихъ сторонъ компромиссы между ними усилили до нельзя государственную власть, поставленную на самой этой почвѣ.

---

[1]) Ср. J. S. Mill, *Authobiographie*, 2 ed. London. 1873. p. 158.

Живымъ олицетвореніемъ закона, управляющаго Англіей, служитъ королевская власть, отъ имени которой производится всѣ государственныя функціи въ законодательствѣ, судѣ и администраціи и которая есть верховная блюстительница законности и правосудія въ государствѣ. Всѣми условіями великобританскаго государственнаго строя эта власть поставлена внѣ всякихъ политическихъ партій и общественныхъ распрей и она никогда не исходила до шаткаго значенія исполнительной власти (pouvoir exécutif), какою желали представить ее всѣ французскія конституціи и какою никогда не можетъ быть монархическая власть. Сверху до низу, отъ палаты лордовъ до самыхъ низшихъ органовъ власти, въ графствахъ и приходахъ, въ какихъ бы формахъ она ни проявлялась, на самыхъ безвѣстныхъ общественныхъ выборахъ, государство единое и нераздѣльное налагаетъ именемъ королевы и закона свои строгія государственныя обязанности на общество, не допускаетъ въ немъ никакой власти, иначе какъ съ королевскою санкціей, и параллельно этому, снизу до верху, во всѣхъ государственныхъ функціяхъ, административныхъ, судебныхъ и законодательныхъ, участвуетъ само общество [1]). Отсюда это изумительное сліяніе общества съ государствомъ, народа съ правительствомъ, земли съ государемъ, какъ выражались наши предки. Общество и государство одинаково заинтересованы въ законности государственнаго управленія, и между ними не можетъ быть иныхъ споровъ какъ объ этой законности, которые и разрѣшаются судебнымъ порядкомъ. Даже политическія бури XVI и XVII столѣтій не имѣли въ своемъ общемъ направленіи другаго характера. Общія революціонныя возстанія всего народа противъ правительства или цѣлыхъ общественныхъ классовъ противъ существующаго государственнаго порядка дѣлаются въ этихъ условіяхъ без-

---

[1]) Ср. R. Gneist, *Rechtsstaat*.

смысленными: это было бы все равно, что общество возставало бы противъ самого себя. Свобода и порядокъ, общество и государство, соединяются въ одномъ неразд'ѣльномъ понятіи и стремленіи: въ неуклонномъ законномъ исполненіи закона, ограждающаго право каждаго лица и каждаго общественнаго интереса. Если законъ плохо ограждаетъ эти права, если общественные интересы связанные съ этими правами измѣнились съ развитіемъ общественной жизни или же измѣнилось мнѣніе объ этихъ интересахъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, то нужна передѣлка въ законѣ. И вотъ объ этомъ только спорятъ, для этого только борятся политическія партіи въ Англіи, пользуясь всѣми способами дѣйствія на общественное мнѣніе и добиваясь каждая благопріятной для себя сдѣлки въ парламентѣ. Около этой новой законной нормы права сосредоточены всѣ общественныя расшри и только на этой почвѣ проявляется все ихъ ожесточеніе. Много говорятъ въ другихъ странахъ о прирожденной и исключительной наклонности Великобританской націи разрѣшать всѣ свои недоумѣнія, искать удовлетворенія всѣмъ своимъ желаніямъ законнымъ путемъ, но всякій народъ съ своими правами и обычаями значительно воспитывается подъ дѣйствіемъ своихъ государственныхъ учрежденій, которыя въ этомъ отношеніи даже могущественнѣе чѣмъ сама школа Всякія общественныя расшри и столкновенія съ властью разрѣшаются въ Англіи путемъ закона, и цѣлымъ рядомъ учрежденій общество обезпечено противъ беззаконій органовъ закона. Въ этихъ условіяхъ общество крѣпко гарантировано противъ всякаго насилія и произвола въ охранѣ государственнаго порядка, а государство — противъ всякаго насилія и произвола въ свободѣ общества. И оба стоятъ вмѣстѣ за одно и то же дѣло.

Это правомѣрное или законное государство, которое въ Англіи такъ побѣдоносно превозмогаетъ всѣ политическія и соціальныя затрудненія нашего времени, стало нынѣ единственнымъ государственнымъ идеаломъ, къ ко-

тому (собственно на *политической* почвѣ) стремятся всѣ просвѣщенные политическіе люди въ другихъ странахъ [1]). Традиціонное противопоставленіе свободы порядку, переднее отъ Франціи ко всѣмъ континентальнымъ народамъ, совсѣмъ исчезаетъ и въ самомъ понятіи и въ жизни правомѣрнаго государства. Идея законнаго или правомѣрнаго государства конечно не заключаетъ въ себѣ ничего новаго: когда же не было закона и права въ государствѣ и какое правительство не желало водворить ихъ въ странѣ. Но сознаніе всѣхъ разнообразныхъ гарантій необходимыхъ для охраны права собственно въ государственномъ управленіи есть пріобрѣтеніе новаго времени. Въ этомъ состоитъ весь такъ-называемый конституціонализмъ нашего времени: онъ осуществимъ въ самыхъ разнообразныхъ историческихъ и національныхъ формахъ, а потому и можетъ сдѣлаться идеаломъ государственной жизни для всякаго народа способнаго къ европейской цивилизаціи. Даже *только* въ особенныхъ для каждой страны формахъ онъ и осуществимъ [2]): онъ не имѣетъ для себя никакого космополитическаго шаблона, подобнаго французскому парламентаризму и бюрократизму, отъ которыхъ онъ одинаково далекъ. Въ этомъ направленіи предприняты были, въ послѣднее время, реформы по всей Европѣ, съ тѣхъ поръ какъ ея правительства стали вдумываться въ глубокія различія политическаго положенія въ Великобританіи и Франціи, и стали освобождаться отъ владычества французскихъ революціонныхъ и реакціонерныхъ идей, всосавшихъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Подъ этимъ владычествомъ глохли вездѣ истори-

---

[1]) Хотя, практически, идея правомѣрнаго государства всего болѣе осуществляется въ Великобританіи, но теоретически она разработана преимущественно Нѣмцами (см. R. Gneist, *Rechtsstaat*: также S. Stein. *Verwaltungslehre*, I Th. p. 294 и слѣд.).

[2]) Р. Гнейстъ, всего болѣе желавшій внести духъ англійскаго государственнаго строя въ Пруссію, замѣчаетъ, что одинаково ни одно учрежденіе не можетъ быть цѣликомъ перенесено, изъ Англіи въ Германію (*Verwaltung, Justiz* etc. p. 3).

ческія начала, родственныя духу великобританскаго государственнаго строя и присущія всѣмъ европейскимъ народамъ, вслѣдствіе единства ихъ исторіи и расы, не взирая на всякія ихъ различія. И французской націи были не чужды эти начала хотя они и были подавлены особеннымъ ходомъ ея историческихъ превратностей [1]). Формы государственнаго устройства и управленія, возникшія изъ этихъ превратностей и столь злополучныя для Франціи были искусственно прививаемы и къ другимъ народамъ, благодаря общительности ея національнаго генія и распространенію ея языка. Понятія французскаго бюрократическаго и полицейскаго государства всюду водворялись, также и у насъ, преимущественно чрезъ посредство Германіи, значительно офранцуженной въ прошедшемъ столѣтіи, хотя нѣтъ исторической почвы болѣе противной этимъ понятіямъ чѣмъ русская. Все это было тѣмъ печальнѣе и страннѣе, что сама Франція, къ своему несчастію, не смогла побороть ихъ въ себѣ, благодаря лишь исключительной бездарности своихъ правителей въ теченіи всего XVIII вѣка. Съ нѣкоторыхъ поръ всюду замѣчается поворотъ къ иному, правомѣрному государственному наряду, который далеко не такъ малосложенъ и не такъ легко устраивается какъ бюрократическій и полицейскій, требуетъ неизмѣримо большихъ заботъ и усилій и со стороны власти, и со стороны самаго общества, сопряженъ съ нелегкими и не быстрыми законодательными работами и съ внимательнымъ изученіемъ дѣла. Для него не существуетъ такого осязательнаго типа какъ французское раздѣленіе властей, такихъ симметрическихъ, удобоприемлемыхъ для всякаго быта и всякаго историческаго матеріала формъ, какъ стройное многоэтажное зданіе бюрократическихъ инстан-

---

[1]) Между прочимъ, сверхъ прежде указанныхъ сочиненій см. Alfred Maury, *l'administration francaise avant la revolution* (*Revue des deux Mondes*). Тутъ особенно интересенъ очеркъ многовѣковой борьбы судебной власти съ административною, закончившейся полнымъ освобожденіемъ послѣдней отъ всякаго судебнаго контроля.

ціи министровъ, префектовъ, подпрефектовъ и т. д. до полевыхъ сторожей. Тѣмъ не менѣе успѣхи новаго направленія въ государственной жизни Европы несомнѣнны; они заявили себя и у насъ во всѣхъ реформахъ нынѣшняго царствованія Императора Александра II. Самое разительное для насъ доказательство этихъ успѣховъ заключается въ прусской церковной распрѣ.

Какъ бы ни было малосочувственно для всякаго искренно религіознаго человѣка страшное ожесточеніе выказываемое въ этой распрѣ съ обѣихъ сторонъ, но именно это самое ожесточеніе и необычайная эпергія, даже крутость мѣръ прусскаго правительства противъ римско-католическаго духовенства, заставляютъ тѣмъ болѣе цѣнить ихъ строгую правомѣрность [1]). Всѣ эти правительственныя мѣры, въ самыхъ мелкихъ своихъ подробностяхъ, были установлены законодательнымъ порядкомъ, а не административными распоряженіями. При составленіи этихъ политико-религіозныхъ законовъ, какъ ихъ называютъ, свободно высказались въ прусскомъ парламентѣ всѣ общественные интересы ими затрогиваемые и всѣ существующія мнѣнія объ ихъ предметѣ. Явившись сперва сдѣлкой между всѣми партіями, они, какъ законы, стали съ тѣхъ поръ непререкаемою, одинаково обязательною для всѣхъ партій нормой. Затѣмъ они приводятся въ исполненіе съ неукоснительною строгостью, пожалуй даже жестокостью, но со всѣми судебными гарантіями для объ-

---

[1]) Не мѣшаетъ замѣтить, что въ той-же самой распрѣ съ латинскою церковью, (въ борьбѣ съ іезуитскимъ и другими римско католическими конгрегаціями въ 1879—80 гг.) французское правительство выказало гораздо менѣе, чѣмъ прусское, уваженія къ законности въ дѣйствіяхъ административной власти и гораздо болѣе произвола и даже насилія въ ея распоряженіяхъ. Въ этомъ явленіи всего разительнѣе можно убѣдиться, что парламентаризмъ и даже формальный конституціонализмъ, которые неизмѣримо болѣе развиты во французскомъ государствѣ, чѣмъ въ прусскомъ, сами по себѣ еще не обезпечиваютъ законности и правомѣрности, а потому и гражданской свободы въ обществѣ. Поэтому-то парламентаризмъ и конституціонализмъ такъ упали въ послѣднее время въ общественномъ мнѣніи Европы (см. между прочимъ статьи *Гартмана*, въ Gegenwart 1881 г.).

ихъ сторонъ. Въ исполненіи ихъ участвуетъ само общество въ лицѣ мѣстныхъ общинныхъ и земскихъ должностныхъ лицъ, которыя обязаны въ точности ихъ исполнить, каково бы ни было настроеніе окружающаго ихъ народонаселенія. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что неумолимая строгость примѣненія закона истекаетъ изъ самыхъ судебныхъ гарантій, которыми онъ обставленъ: за послабленіе въ ту или другую сторону должностное лицо будетъ, по вызову противной стороны, подлежать судебной отвѣтственности. Органы самоуправленія, когда они устроены надлежащимъ образомъ, вынуждены гораздо строже исполнять законъ чѣмъ бюрократическія власти. вслѣдствіе судебнаго контроля, который самъ гораздо болѣе стѣсненъ закономъ чѣмъ личный административный надзоръ. Вслѣдствіе тѣхъ или другихъ личныхъ отношеній бюрократическаго начальства къ его подчиненному, отъ него скорѣе можно ожидать снисхожденія чѣмъ отъ суда, въ особенности когда судъ долженъ гласно постановлять свои рѣшенія посреди такой страстной общественной борьбы, какая происходитъ нынѣ въ Германіи: когда глаза со всѣхъ сторонъ направлены на судъ, ему ничего болѣе не остается дѣлать какъ быть справедливымъ, то-есть карать и миловать по буквѣ закона. Потому первая забота прусскаго правительства, когда оно предприняло все это дѣло, заключалась въ учрежденіи новаго верховнаго церковно-административнаго судилища въ Берлинѣ. Недовольные новыми церковными законами продолжаютъ и въ печати, и въ разныхъ публичныхъ собраніяхъ протестовать противъ нихъ, возбуждать общественное мнѣніе, даже составлять стачки и заговоры къ ихъ неисполненію. Но всякія въ этомъ отношеніи правонарушенія, дѣлающіяся болѣе и болѣе дерзкими, преслѣдуются судебнымъ порядкомъ. Ежедневно разгорающійся религіозный фанатизмъ можетъ побудить прусское правительство къ новымъ еще болѣе суровымъ мѣрамъ, къ которымъ и взываютъ иные фанатическіе бойцы за государство противъ церкви, но надо надѣяться, что

каковы бы эти мѣры ни были, онѣ будутъ имѣть тотъ же правомѣрный характеръ. Полагаемъ, что въ прежнее время государство, посреди весьма грозныхъ для него обстоятельствъ борьбы, при сочувственныхъ связяхъ между церковными вождями и революціонными агитаторами рабочихъ классовъ, взялось бы за иное, менѣе законное оружіе противъ мятежнаго духовенства. Къ чести нашего вѣка, прусское правительство за него не берется, доказывая всему міру, что законный образъ дѣйствій не только не мѣшаетъ, но въ высшей степени способствуетъ твердости государственной власти противъ самыхъ отъявленныхъ ея враговъ. Какія бы кто ни питалъ чувства ко главѣ прусской политики, но всѣ должны согласиться, что онъ съ необычайнымъ искусствомъ овладѣлъ и на войнѣ, и въ мирѣ, всѣми условіями дѣйствія и государственнаго могущества нашего времени. Въ государственномъ дѣлѣ, столько же какъ и въ военномъ, всего опаснѣе выходить противъ врага съ устарѣлымъ оружіемъ, когда онъ самъ вооружень новымъ. Какое бы зловѣщее развитіе ни принимала церковная распря въ Германіи, но иные, менѣе законные, способы дѣйствія уже теперь могли-бы сопровождаться иными результатами, которые бы не ограничились частными злодѣяніями, подобными недавнему выстрѣлу. Самая чудовищность этихъ злодѣяній дѣлается тѣмъ болѣе ощутительною для публики и тѣмъ болѣе вызываетъ въ ней желаніе законной кары, чѣмъ правомѣрнѣе дѣйствія самихъ правительственныхъ лицъ.

Огромная, колеблющаяся между всякими мнѣніями и сама никакихъ политическихъ убѣжденій не имѣющая, толпа, къ которой принадлежитъ огромное большинство общества, не только необразованнаго, но и образованнаго, всегда склонна становиться на сторону слабыхъ и угнетенныхъ, какovыми являются предъ ней люди, преслѣдуемые правительствомъ, правы они или виноваты, вредны или не вредны для самого этого общества. Это болѣзненное настроеніе толпы, воспитанное преимуще-

ственно вѣковымъ административнымъ произволомъ, какъ мы это видимъ во Франціи, готово даже въ преступникахъ законно осужденныхъ судомъ, видѣть жертвы не ихъ преступленій, а судебнаго приговора. Между тѣмъ эта толпа, какъ бы ни были мало сознательны ея понятія, нынѣ всюду не та что была прежде: она разсуждаетъ, читаетъ, движется, влечется, то къ тому, то къ другому дѣйствующему лицу, такъ или иначе отзывается на проникающіе въ нее со всѣхъ сторонъ голоса, и своимъ сочувствіемъ или отвращеніемъ, своимъ молчаніемъ или ропотомъ, можетъ могущественно поддержать или сократить всякія предпринятыя посреди ея насилія и злоумышленія. Эта стихійная сила, называемая нынѣ общественнымъ мнѣніемъ, такъ или иначе питаетъ или моритъ голодомъ всякіе беззаконные замыслы къ нарушенію государственнаго порядка, хотя бы она сама въ нихъ и не участвовала. То или другое расположеніе этой силы много зависитъ отъ большей или меньшей правомѣрности и законности того самаго порядка противъ котораго направлены преступные замыслы.

Нельзя предвидѣть будущаго развитія церковной распри въ Германіи; оно чревато всякими историческими случайностями, но оно значительно будетъ обусловлено образомъ дѣйствій самого прусскаго правительства. На одно воодушевленіе противъ неправильныхъ притязаній римско-католической церкви къ государству полагаться трудно: оно также быстро стынетъ въ народныхъ массахъ, какъ и быстро разгорается. Даже теперь дѣятельное воодушевленіе принадлежитъ весьма не многимъ, а огромное большинство общества вынуждено стоять на сторонѣ правительства вслѣдствіе его безукоризненно законнаго образа дѣйствій. Между тѣмъ законность будетъ гораздо труднѣе соблюсти въ отношеніи къ другому мятежному элементу, къ соціальной демократіи, къ безпокойнымъ рабочимъ массамъ, съ которыми не разъ сближались цер-

ковные фанатики для борьбы противъ правительства. Отсюда грозитъ наибольшая опасность [1]).

Какую бы борьбу ни повело правительство во Франціи противъ своихъ враговъ, правую или не правую, нужную или не нужную для общественнаго блага, борьба эта никогда не бываетъ споромъ о *правѣ*, а всегда превращается въ борьбу одной общественной *силы*, однихъ общественныхъ интересовъ противъ другой силы, другихъ интересовъ, и заканчивается всегда, смотря по тому, на чьей сторонѣ больше силы, или революціей, или государственнымъ ударомъ, то-есть въ томъ и другомъ случаѣ беззаконіемъ. Эта злополучная судьба всѣхъ общественныхъ движеній во Франціи истекаетъ изъ описанныхъ нами исконныхъ историческихъ особенностей ея государственнаго строя. Вмѣсто какой-то мистической, роковой силы революціи, дѣйствіемъ которой объясняли прежде всѣ эти нескончаемые перевороты, мы имѣемъ теперь предъ собою, благодаря изслѣдованіямъ европейской науки, весьма точно опредѣленныя специфическія свойства французскаго государственнаго организма, и въ старыя времена производившія въ немъ болѣзненныя потрясенія, а съ конца прошедшаго столѣтія сдѣлавшія ихъ почти непрерывными и хроническими. Великая революція не только не исправила этихъ особенныхъ свойствъ французскаго государственнаго строя, но значительно усилила ихъ, и прибавила къ старымъ закоренѣлымъ недугамъ свои новые. Этотъ историческій характеръ французскаго государства, противоположный вельгобританскому, болѣе или менѣе общій всей континентальной Европѣ, потому-то и изученіе его въ связи со всѣми болѣзненными явленіями государственной жизни Франціи въ XIX столѣтіи и съ ея нынѣшнимъ критическимъ положеніемъ въ высшей степени назидательно для всѣхъ націй. Потому описавъ главнѣйшія

---

[1]) Въ виду этого, между прочимъ, дальновидный кн. Бисмаркъ посвятилъ нынѣ (1880 — 81 гг.) всю свою дѣятельность рабочимъ классамъ.

особенности французскаго государственнаго строя и ихъ историческое происхожденіе, взглянемъ теперь на дѣйствіе всѣхъ этихъ особенностей въ болѣе крупныхъ явленіяхъ современной политической жизни Франціи. Всякія разсужденія объ общемъ характерѣ французскаго государственнаго управленія, не соотвѣтствующемъ государственнымъ понятіямъ нашего времени, все еще могутъ казаться практическимъ людямъ недостаточно вразумительными, пока они не вникли въ дѣйствительныя фактическія послѣдствія этого характера. Мы постараемся сдѣлать самый краткій перечень важнѣйшихъ изъ этихъ послѣдствій.

Сущность всѣхъ изложенныхъ нами свойствъ французскаго государственнаго строя, имѣющихъ въ своемъ результатѣ отрицаніе правомѣрности въ отношеніяхъ государства къ обществу во всей сферѣ публичнаго права, можетъ быть приведена, какъ мы видѣли, къ тремъ главнымъ началамъ. Во-первыхъ, исключительное господство бюрократической или приказной системы въ администраціи и отсутствіе въ ней всякихъ элементовъ мѣстнаго самоуправленія. Во-вторыхъ, огромный объемъ административной власти на счетъ законодательной, административнаго распоряженія, на счетъ закона, которымъ Франція управляется, въ сферѣ публичнаго права, несравненно менѣе, чѣмъ постановленіями и регулятивами административныхъ инстанцій. Наконецъ, въ-третьихъ, слабость и почти отсутствіе судебной юрисдикціи въ вопросахъ публичнаго (государственнаго и административнаго) права, судебнаго контроля надъ законностью административныхъ дѣйствій, и затѣмъ юридическая безотвѣтственность должностныхъ лицъ за свои дѣйствія. Послѣдствіемъ всего этого является административный абсолютизмъ и безправіе общества насупротивъ государственнаго управленія [1]).

---

[1]) Французы хотя и жалуются постоянно на деспотизмъ всѣхъ своихъ правительствъ, отрицаютъ однако безправіе своего общества относительно

Всѣ упомянутыя три начала тѣсно между собою вяжутся, одно другое дополняютъ, одно изъ другаго логически и практически истекаютъ, и всѣ въ совокупности выражаютъ собою типъ французскаго государства, неизмѣнный при какихъ бы то ни было формахъ правленія, республиканскихъ или монархическихъ. Этотъ типъ нисколько не поправимъ народнымъ представительствомъ, какъ это и доказалъ опытъ. Всѣ эти государственныя начала исключаютъ возможность того правомѣрнаго хода политическихъ вопросовъ, какой мы очертили выше по поводу германской церковной распри: французскіе министры почти не нуждались бы въ новыхъ законахъ для преслѣдованія иновѣрнаго духовенства, во всякомъ случаѣ ни въ какихъ подробныхъ законахъ не нуждались бы, такъ велики ихъ административныя полномочія, созданныя во Франціи (въ видѣ декретовъ представителей верховной власти, министерскихъ циркуляровъ, инструкцій и наказовъ) административное законодательство болѣе обширное, чѣмъ настоящее законодательство. За всѣ свои распоряженія во взятомъ нами примѣрѣ, хотя бы въ нихъ министры далеко превысили данную имъ закономъ власть въ дѣлахъ церкви, они и съ ними всѣ

административной власти. Нельзя дѣйствительно сказать, чтобы во Франціи въ принципѣ отсутствовали судебныя гарантіи противъ административныхъ беззаконій. Но всякая судебная расправа на этой почвѣ слишкомъ затруднена и фактически дѣйствуетъ полный административный произволъ. Французы привыкли видѣть всѣ гарантіи противъ правительственнаго абсолютизма исключительно въ народномъ представительствѣ, и потому когда рѣчь идетъ о судебномъ контролѣ надъ администраціей съ гордостью указываютъ на свой государственный совѣтъ (Conseil d'état). Объ немъ было нами достаточно говорено прежде (см. гл. III). Это весьма прекрасное учрежденіе не выполняетъ и не можетъ, по своему зависимому отъ административной власти положенію, выполнить всѣхъ функцій административнаго суда, необходимаго для судебнаго контроля надъ административными распоряженіями, когда право на него не предоставлено (какъ въ Англіи) общимъ судамъ; для этого недостаточно и закономъ установленная компетенція государственнаго совѣта; неудобныя формы его процедуры (въ томъ числѣ безгласность) и мѣшаетъ фактическая зависимость его личнаго состава отъ высшихъ административныхъ инстанцій (см. *Conseil d'etat*, въ *Diction. gén. de politique* par M. Block; также въ *Diction. de l'admin. franç.*, его же).

инстанціи исполняющія ихъ приказанія никому не были бы подсудны, имъ могъ бы угрожать только запросъ въ парламентѣ, со стороны оппозиціи, но если большинство имъ сочувствуетъ, то они вышли бы торжествующими даже изъ спора, въ которомъ они были бы уличены въ прямомъ нарушеніи закона своими распоряженіями. Мы это всякій день видимъ. Наконецъ, чтобы придать энергію своимъ дѣйствіямъ, французскіе министры должны были бы требовать только неограниченнаго исполненія своей личной воли отъ всѣхъ своихъ исполнительныхъ агентовъ, но не нашли бы никакой для себя помощи, подобно прусскимъ министрамъ, въ самодѣятельности и инціативѣ мѣстныхъ общинныхъ и выборныхъ учрежденій, а скорѣе встрѣтили бы съ ихъ стороны противодѣйствіе [1]). Въ такихъ условіяхъ церковная распря быстро разгорѣлась бы, въ случаѣ враждебнаго правительству настроенія мѣстныхъ народонаселеній, или въ народныя возстанія, или въ правительственный терроръ, какой не разъ нагоняли на французское общество всякія правленія, и конвентъ, и диктатура Наполеона III въ первые свои годы, и администрація г. Гамбетты (во время правительства національной обороны въ 1870 г.).

Совокупность всѣхъ указанныхъ выше свойствъ французскаго государственнаго строя производитъ ту постоянную вражду между обществомъ, или господствующими въ немъ въ данное время интересами и влеченіями, и государствомъ или его представительницею — государственною властью. Эта вражда нисколько не измѣняется отъ формы, въ которой устроены верховные органы этой власти, и она приводитъ къ безпрерывнымъ насильственнымъ столкновеніямъ между общественною жизнію и государственнымъ порядкомъ, какихъ мы не видимъ въ Ве-

---

[1]) Нѣчто подобное дѣйствительно и случилось въ дѣйствіяхъ французской администраціи въ 1879 — 80 гг. противъ латинскихъ монашескихъ орденовъ.

ликобританскомъ государствѣ [1]). Отсюда происходитъ то странное политическое положеніе, не существующее нигдѣ, кромѣ Франціи, что въ нѣдрахъ ея общества никогда не прекращается заговоръ противъ правительства, какая бы ни была форма правленія, и въ этомъ глухомъ заговорѣ, не ограничивающемся одними тайными организаціями, а распространенномъ на всю страну, участвуетъ прямо или косвенно, активно или пассивно, какъ будто все общество. Во всѣхъ его слояхъ всегда есть люди недовольные *правительствомъ*, не тѣми или другими правительственными лицами, даже не направленіемъ партіи стоящей во главѣ правленія, а правительствомъ вообще, то-есть правленіемъ; оно всегда виновато во всемъ, что̀ бы ни случилось во Франціи: какой-нибудь мѣстный безпорядокъ, бѣгство преступниковъ изъ мѣстъ заключенія, чума на скотъ, дороговизна хлѣба и т. д. Во Франціи, во всякое время можетъ вспыхнуть мятежъ, который можетъ низвергнуть всѣ государственныя власти; поэтому эта страна и представляется центромъ и главнымъ театромъ дѣйствія революціонныхъ силъ всего свѣта, къ ней отовсюду обращены глаза всякихъ враговъ существующаго порядка, отъ нея ждутъ они клича и къ ней влекутся сочувствія даже всѣхъ германскихъ и самихъ прусскихъ демагоговъ. Въ Лондонъ, какъ въ ближайшее и въ самое свободное мѣсто для наблюденія за Франціей, стекаются искатели революціонныхъ приключеній со всѣхъ концовъ свѣта и ждутъ у этого самаго безопаснаго берега благопріятной для себя

---

[1]) Мы обязаны еще разъ повторить здѣсь, что безконечная гражданская смута въ Ирландіи, находящаяся нынѣ (1881 г.) въ одномъ изъ жесточайшихъ своихъ пароксизмовъ не имѣетъ ничего общаго съ общимъ ходомъ государственной жизни въ Англіи; коренная причина ирландской смуты чисто *національнаго* свойства, племенная ненависть, а не политическаго. Національная рознь не уступаетъ ни передъ какими государственными учрежденіями. Впрочемъ и въ Ирландіи волнъ британское правительство дѣйствуетъ совсѣмъ иначе, чѣмъ всѣ континентальныя правительства въ подобныхъ случаяхъ, и надо думать, что [illegible] жить побѣду.

ноты, всегда могущей настать по другую сторону Канала. Иначе имъ нечего было бы дѣлать въ Англіи. Только во французскомъ обществѣ есть люди, составившіе себѣ имя, извѣстное общественное положеніе, славу, только тѣмъ, что они всю свою жизнь возставали противъ всѣхъ безъ изъятія правительствъ, были всегда заговорщиками, какое бы ни было проявленіе въ ихъ отечествѣ. Только во Франціи возможны явленія въ такомъ родѣ, что какой-то ораторъ вызываетъ въ клубѣ изступленный энтузіазмъ публики словами: «Я двадцать пять лѣтъ былъ заговорщикъ и всегда буду заговорщикъ, что бы ни случилось [1]). Вездѣ есть исключительные индивидуумы такого свойства, но чтобъ они могли дѣлать подобныя публичныя признанія и ими вызывать восторженныя рукоплесканія многочисленной публики, для этого нужны тѣ болѣзненныя отношенія, въ какихъ всегда находится французское общество ко всякой государственной власти. Лордъ Актонъ на своихъ чтеніяхъ о послѣдней Франко-Германской войнѣ замѣтилъ, что одно изъ преданій французской революціи постоянное пребываніе въ странѣ правильной и безотвѣтственной организаціи, которая признаетъ за собою право возмущенія противъ всякихъ установленныхъ властей» [2]). Это явленіе совершенно вѣрно замѣчено, но оно было только развито революціей, а коренится въ указанномъ выше характерѣ французскаго государственнаго управленія, поддерживающемъ розпь общества съ государственною властью.

Бюрократическую систему управленія справедливо обвиняютъ въ разъединеніи общества съ государствомъ, которое съ войскомъ своихъ агентовъ является какъ бы посторонимъ тѣломъ посреди народнаго быта и всѣхъ историческихъ и общественныхъ въ немъ союзовъ; въ крайней бюрократической централизаціи видятъ обыкно-

---

[1]) *J'ai conspiré depuis—25 ans et je conspirerai toujours* (см. статью Ламе Флери въ *Journal des Economistes*).

[2]) K. Reeve, *Royal and republican France*, v. II, p. 310.

венно весь порокъ французскаго государства. Но эта централизація есть сама только наглядное выраженіе и послѣдствіе двухъ другихъ упомянутыхъ нами началъ французскаго государственнаго организма, гораздо глубже въ немъ засѣвшихъ и гораздо болѣе важныхъ, чрезвычайнаго простора административной власти на счетъ законодательной и юридической безотвѣтственности всѣхъ административныхъ органовъ. При этихъ двухъ началахъ дѣйствительное самоуправленіе невозможно и бюрократическая централизація является государственною необходимостью. Самоуправленіе, то-есть управленіе по закону, съ прямою личною отвѣтственностью должностныхъ лицъ предъ судомъ, и съ нимъ вмѣстѣ строгая правомѣрность администраціи возможны даже безъ всякихъ выборныхъ должностныхъ лицъ, какъ то доказываетъ институтъ мировыхъ судей въ Англіи, центръ тяжести всего ея мѣстнаго самоуправленія. Предоставленіе же выборнымъ органамъ мѣстныхъ народныхъ собраній, покрывающихъ въ нѣсколько вертикальныхъ этажей (въ общинахъ, кантонахъ, уѣздахъ или arrondissements и департаментахъ) всю французскую территорію, предоставленіе имъ нынѣшней неограниченной и безотвѣтственной французской административной власти привело бы къ несравненно большему самовластію администраціи надъ мѣстными народонаселеніями, чѣмъ даже нынѣшнее бюрократическое управленіе. Послѣднее по крайней мѣрѣ сдерживается въ своемъ произволѣ указаніями высшихъ правительственныхъ инстанцій, ихъ строгимъ дисциплинарнымъ надзоромъ въ порядкѣ государственной службы и ихъ личнымъ наблюденіемъ. Сверхъ того каковы бы ни были административныя соображенія и побужденія централизныхъ бюрократическихъ инстанцій, въ основаніи ихъ лежатъ все-таки интересы высшаго порядка, болѣе общіе, чѣмъ интересы которыми бы стали руководствоваться въ своемъ административномъ произволѣ мѣстныя выборныя власти, слѣдуя только желаніямъ избравшаго ихъ большинства. Предоставленіе имъ административнаго права,

въ томъ неограниченномъ видѣ какъ оно существуетъ во Франціи, равнялось бы раздробленію страны на множество самодержавныхъ и анархическихъ общественныхъ единицъ. Такая химера могла пригрезиться только французскимъ коммуналистомъ 1871 года, которые, несмотря на свою смертельную вражду къ французскому государству, отражаютъ, въ превратномъ видѣ, его же болѣзненныя начала; они выросли изъ его же крови и какъ всякая худосочная язва въ организмѣ только выносятъ наружу его же болѣзненные соки.

Мѣстныя представительныя собранія, устроенныя Наполеономъ I и нѣсколько разъ видоизмѣнявшіяся, окончательно сбили съ толку французскія понятія о самоуправленіи. Эти собранія и ихъ выборные органы не имѣютъ прямаго участія въ мѣстной администраціи, не имѣютъ никакой власти и не несутъ на себѣ никакой правительственной отвѣтственности, а только совѣщаются о мѣстныхъ хозяйственныхъ нуждахъ и постановляютъ относительно ихъ разныя желанія (voeux) и ходатайства. Они имѣютъ характеръ чисто общественныхъ учрежденій, стоящихъ насупротивъ государственной власти, внѣ общей системы государственнаго управленія, и этимъ усиливаютъ антагонизмъ общества съ государствомъ. Эти мѣстныя представительства, не представляя собою ничего кромѣ мѣстныхъ общественныхъ интересовъ, подрываютъ одно другое, и въ общемъ результатѣ парализуютъ силу центральнаго представительства, противъ котораго они даже безпрерывно протестуютъ. Эти мѣстные парламенты, не выполняя собою никакихъ опредѣленныхъ функцій въ управленіи, только служатъ почвою для политической агитаціи. Имъ не подвластна мѣстная полиція, эта первая принадлежность всякой административной власти; полиція и не можетъ быть подчинена общественнымъ учрежденіямъ, дѣйствующимъ исключительно подъ вліяніемъ общественныхъ интересовъ, а не по требованіямъ запора. Въ общихъ условіяхъ французской административной власти, ничего не оставалось болѣе какъ сохра-

нить за всѣми этими мѣстными представительными органами исключительно общественный характеръ и совѣщательный голосъ.

Въ высшей степени любопытны и поучительны были пренія французскаго національнаго собранія о проектѣ закона предоставляющаго правительству право назначать отъ себя меровъ (то-есть, головъ и старостъ) во всѣхъ 75.000 городскихъ и сельскихъ общинахъ Франціи. Всѣ политическія партіи высказались въ этихъ преніяхъ, и своими доводами какъ въ пользу законопроекта, такъ и противъ него превосходно доказали недостатокъ яснаго сознанія въ каждой партіи условій, необходимыхъ для здороваго мѣстнаго самоуправленія и коренныхъ причинъ невозможности его во Франціи. Конечно замѣщеніе должности первенствующаго представителя общины чиновникомъ центральной администраціи, съ правомъ назначенія его изъ числа лицъ даже не принадлежащихъ къ составу общинъ, противно всякимъ понятіямъ объ общинной автономіи и о всякой самостоятельности въ общинномъ (муниципальномъ и мірскомъ) хозяйствѣ, гдѣ меръ долженъ быть главнымъ распорядителемъ. Но меры являются во Франціи въ одно и то же время и представителями своихъ общинъ, и агентами, исполнителями личныхъ приказаній префектовъ и супрефектовъ, то-есть, единицами въ личномъ бюрократическомъ управленіи. Этотъ двойственный характеръ выборныхъ общественныхъ властей, чуждый англійскому самоуправленію, въ большей или меньшей степени, встрѣчается во всей континентальной Европѣ, и только особенно рѣзко выказывается во Франціи. [1] Здѣсь неразрѣшимое противорѣчіе самыхъ основныхъ государственныхъ понятій, недопускающее устройства такого мѣстнаго самоуправленія, которое бы

---

[1] Устраненіе этого двойственнаго характера выборныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія было главною и самою трудною задачей въ прусскомъ законѣ объ окружномъ управленіи (см. выше *«Земскія учрежденія и самоуправленіе»*).

не находилось въ конфликтѣ съ центральнымъ государственнымъ управленіемъ. Съ одной стороны, пространство власти префектовъ, подпрефектовъ и ихъ низшихъ агентовъ, ничѣмъ неограниченное кромѣ инструкцій получаемыхъ изъ Парижа, ихъ полная безотвѣтственность, если только они исполняютъ свои инструкціи, распространеніе этой деспотической власти на самыя мелкія внутреннія дѣла общинъ. Съ другой стороны, такая же безотвѣтственная и неограниченная относительно общинныхъ интересовъ власть меровъ, которые не могутъ не считать себя главными хозяевами въ своихъ общинахъ. Личное подчиненіе меровъ префектамъ представляется единственнымъ практическимъ выходомъ изъ этого невозможнаго положенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и назначеніе меровъ отъ правительства какъ нельзя болѣе естественно. Впрочемъ сами французскія общины, кажется, всего менѣе на это ропщутъ; онѣ даже скорѣе довольны тѣмъ, что этою мѣрой обезпечено ихъ спокойствіе и устранены для демагоговъ, совсѣмъ чуждыхъ общиннымъ интересамъ, поводы къ агитаціи на выборахъ меровъ. Вся буря была только въ національномъ собраніи, гдѣ законопроектъ сдѣлался орудіемъ политической борьбы между партіями, борьбы о силѣ и власти, какъ это всегда бываетъ во Франціи, а не предметомъ зрѣлаго законодательнаго обсужденія. Въ оппозиціи противъ правительства, предложившаго эту мѣру, соединились, какъ это также всегда случается во Франціи, партіи не имѣющія ничего общаго въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ, — красная лѣвая (ультра-демократическая или такъ-называемая крайняя республика) и крайняя правая (законная и аристократическая монархія), — г. Луи Бланъ, ораторъ первой, и маркизъ де-Фраше, ораторъ послѣдней. Къ нимъ примкнула и такъ-называемая просто лѣвая сторона, — умѣренные или либеральные республиканцы. Каждая фракція этой пестрой оппозиціи, выставляя свои особенные мотивы, была враждебна предложенной мѣрѣ только потому, что она усиливала могущество партіи сто-

явшей во главѣ правительства, и отдавала ей въ руки будущіе выборы народныхъ представителей, на которыхъ префекты безъ меровъ не полновласны. Всѣ разнородныя фракціи оппозиціи, хотя и каждая по-своему, говорили о необходимости децентрализаціи и упрекали правительственную партію въ противорѣчіи съ своими собственными убѣжденіями, такъ какъ ея члены въ прежнее время сами съ жаромъ говорили объ этой необходимости. [1])

Но всѣ безъ изъятія французскія партіи пока онѣ не въ правительствѣ, говорятъ о децентрализаціи, то-есть, на французскомъ языкѣ, о самоуправленіи, и какъ только получаютъ въ руки дѣйствительную власть, такъ онѣ отказываются отъ этой мысли. Всѣ партіи вынуждены къ этому силою самыхъ вещей, превышающихъ волю отдѣльныхъ личностей.

Въ упомянутыхъ нами преніяхъ правительство не могло не превозмочь и не найти для себя поддержки не только въ средѣ своей партіи, но и во всѣхъ людяхъ, готовыхъ пожертвовать партійными интересами государственному интересу. Правительство указало при этомъ на цѣлый рядъ фактовъ, которыми изобличалось систематическое противодѣйствіе выборныхъ меровъ, префектамъ, обязаннымъ, однако, отвѣчать за общественный порядокъ въ каждой деревнѣ, отвѣтственность за который они не могутъ нести безъ пассивнаго повиновенія меровъ. Хотя огромное большинство членовъ не только сельскихъ, но даже городскихъ общинъ, нисколько не расположено къ нарушителямъ общественной тишины, однако при равнодушіи къ общиннымъ выборамъ и дѣламъ происки революціонеровъ легко имѣютъ успѣхъ. На должности меровъ не разъ были избираемы самые крайніе революціонеры и враги всякаго общественнаго

---

[1] Замѣчательно, что новѣйшая французская республика, несмотря на десятилѣтнее свое существованіе, ничего въ мѣстномъ порядкѣ управленія существеннымъ образомъ не измѣнила.

порядка. Это конечно явленіе чудовищное. Наконецъ правительство изобличило демократическую партію г. Гамбетты съ наибольшимъ жаромъ ораторствовавшую за муниципальныя вольности, въ томъ что, когда она была въ правительствѣ (послѣ 4-го сентября 1870), то она также назначала своихъ агентовъ на должности меровъ, безъ выборовъ. Дѣло въ томъ, что какая бы политическая партія ни становилась у государственной власти, хотя бы она была самаго революціоннаго образа мыслей и самаго демагогическаго происхожденія, она все-таки отвѣчаетъ предъ страною за сохраненіе государственнаго порядка и вынуждена охранять его, хотя бы изъ чувства самосохраненія. Между тѣмъ, при условіяхъ французскаго административнаго механизма никакая партія, разъ захватившая въ свои руки правленіе, не можетъ обойтись для охраны государственнаго порядка безъ префектовъ и подпрефектовъ, съ которыми лично связана участь министровъ, также точно какъ участь префектовъ съ мерами. Вотъ послѣдствія системы государственнаго управленія, въ которой никто не знаетъ границъ своей власти по закону и своей личной законной за нее отвѣтственности не несетъ, а всѣ вмѣстѣ за все отвѣчаютъ предъ неограниченными владыками администраціи и предъ столь же неограниченнымъ своеволіемъ общественныхъ страстей и влеченій.

Нужно вникнуть въ общую совокупность всѣхъ особенностей французской административной системы и всего государственнаго строя, а не въ одну только отдѣльную какую-нибудь ихъ черту, чтобъ убѣдиться, что безъ глубокихъ въ нихъ преобразованій и безъ соотвѣтствующаго имъ измѣненія въ нравахъ и обычаяхъ общественной жизни, самоуправленіе въ настоящемъ, здоровомъ смыслѣ этого слова невозможно во Франціи. Это убѣжденіе потому главнѣйше нужно, что съ нимъ связано объясненіе не только чудовищныхъ явленій во французской политической жизни, но и многихъ важныхъ государственныхъ недоумѣній въ другихъ европейскихъ странахъ. Въ

томъ или другомъ видѣ, вездѣ, кромѣ Великобританіи, подражаніе типу французскаго государственнаго управленія еще лежитъ тяжкимъ наростомъ на историческомъ бытѣ народовъ, еле-еле начинающихъ отъ него освобождаться. Дѣйствительные опыты самоуправленія во Франціи всего блистательнѣе доказали невозможность этой системы при господствующихъ въ этомъ государствѣ общихъ началахъ. Самымъ разительнымъ примѣромъ была національная гвардія, которая вмѣсто непоколебимой, поставленной самимъ обществомъ, охранительницы общественнаго спокойствія, какъ на то надѣялись, сдѣлалась сама главнымъ орудіемъ мятежа, всегда готовою вооруженною силою для всякой смуты. Также точно были неудачны всякія попытки расширенія общинныхъ вольностей, децентрализаціи, въ послѣдніе годы царствованія Наполеона III, напримѣръ, подчиненіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ полиціи общинымъ властямъ. Либеральными мѣрами Второй Имперіи, не коснувшимися корня зла, началось паденіе ея могущества, которое находилось на своемъ апогеѣ въ эпоху своей диктатуры. Вообще либеральныя правленія мало удавались во Франціи, и это самое печальное не для нея только одной, а для всѣхъ тѣхъ націй, у которыхъ либерализмъ еще понимается вліятельными общественными кругами въ духѣ рутинныхъ традицій французской бюрократіи.

Всего болѣе смуты понятій породили французскіе опыты самоуправленія. По французскимъ образцамъ стали думать, что сущность самоуправленія заключается въ назначеніи должностныхъ лицъ по выбору обществ. заинтересованнаго въ ихъ дѣйствіяхъ, вмѣсто назначенія отъ правительства, и затѣмъ подъ самоуправленіемъ стали понимать общественное управленіе, въ противоположность государственному или казенному. Отсюда самыя прискорбныя недоразумѣнія и самыя сокрушительныя для развитія самоуправленія послѣдствія: общество, общины, земство съ своимъ управленіемъ, *своими властями*, даже съ своимъ войскомъ (національною гвардіей) противопо-

ставлялись государству съ его управленіемъ, съ его властями и съ его войскомъ (линейнымъ). То что было естественнымъ въ первоначальные періоды образованія государствъ, въ періоды брожепія всѣхъ общественныхъ и государственныхъ стихій, когда государственная смута была явленіемъ нормальнымъ, когда безпрерывное изпапіе князя вѣчемъ и вѣча княземъ было почти системою всего государственнаго быта, — то самое возводилось въ прогрессивную норму, въ идеалъ новѣйшаго государства! Конечно не совсѣмъ отдавали себѣ во всемъ этомъ отчетъ приверженцы такого самоуправленія, хотя понятія эти и входятъ систематически въ ученіе о народномъ самодержавіи. Но и независимо отъ этого ученія, распространяются, по примѣру Франціи, эти превратныя воззрѣнія на самоуправленіе, искажающія всякій его теоретическій и практическій смыслъ. Не мудрено что отъ нихъ отвращаются съ ужасомъ всѣ здравомыслящіе не только государственные люди, не могущіе желать возвращенія къ государствамъ въ духѣ Среднихъ Вѣковъ, но и самые простые практическіе люди, желающіе нѣсколько болѣе прочныхъ обезпеченій для своихъ личныхъ и имущественныхъ интересовъ со стороны государственной власти, чѣмъ ихъ можетъ дать эта путаница властей, имѣющихъ главнѣйшимъ своимъ назначеніемъ не охранять общественный порядокъ, а побивать другъ друга. Отсюда весьма естественная и самая печальная наклонность искать спасенія въ бюрократическомъ управленіи, которое представляется краше этого неурядья... Однако самоуправленіе призвано, въ наше время, не увеличить раздоръ между обществомъ и государствомъ, какъ это произошло съ его жалкими опытами во Франціи, а напротивъ, крѣпче чѣмъ когда-либо сплотить эти стихіи человѣческой жизни въ одно гармоническое цѣлое.

Самоуправленіе вовсе не значитъ *самоуправляющагося общества*. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ было бы государство. Самоуправляющій (все равно что самодѣйствующій,

selfacting) органъ государственнаго управленія есть органъ дѣйствующій собственною своею силой, какую сообщаетъ ему уставъ его власти или законъ, а не чрезъ внѣшній толчокъ, какимъ служитъ для бюрократическаго агента приказаніе его начальства. Отсюда личная независимость органовъ самоуправленія, ихъ подчиненность только судебному приговору, заявляющему требованія закона, ихъ строгая личная отвѣтственность за свои дѣйствія предъ судомъ. Само собою разумѣется, что лица облеченныя такою значительною властью, такою самостоятельностью и независимостью отъ административныхъ инстанцій, къ которымъ уже нельзя прибѣгать для защиты противъ ихъ злоупотребленій, должны быть люди соединяющіе въ себѣ много гарантій и для общества; они должны пользоваться почетнымъ положеніемъ въ мѣстномъ населеніи, внушать ему достаточно нравственнаго довѣрія и своею личностью, и своими личными интересами въ данной мѣстности, солидарными съ ея общими интересами. Для этого въ иныхъ случаяхъ выборы могутъ быть полезны, въ другихъ необходимы (для всѣхъ должностей связанныхъ съ хозяйствомъ и денежною отчетностью); но чтобъ они были всегда необходимы сами по себѣ, безъ всякихъ другихъ условій, составляли всю сущность самоуправленія, или даже чтобъ они были всегда достаточны для назначенія личностей именно нужныхъ для его органовъ, этого думать нельзя. Излюбленные во всякомъ обществѣ, и во всякое время люди — не всегда наилучшіе, и не всегда наиболѣе пригодные для всякой въ этой сферѣ власти и дѣятельности. Популярность, въ особенности посреди обстоятельствъ подобныхъ Франціи, гдѣ она всегда скоротечна, пріобрѣтается не всегда наилучшими путями. Да и не именно люди популярные и громкіе нужны для такого по преимуществу практическаго государственнаго дѣла какъ мѣстная администрація. Выборы не только не всегда придаютъ личную независимость избранному на должность лицу, а напротивъ, нерѣдко ставятъ его въ положеніе зависимое

(въ особенности если сроки службы кратки) отъ всѣхъ столь измѣнчивыхъ движеній любви и ненависти, въ окружающемъ обществѣ, отъ всѣхъ интригъ столь мелочныхъ пропорціонально мелкотѣ района мѣстной среды. Сверхъ того, всякое общество должно быть долгимъ опытомъ воспитано для самостоятельности въ подачѣ голосовъ на выборахъ, и масса часто не имѣетъ вовсе требуемой самостоятельности. Кандидаты на должности по выборамъ развѣ не могутъ быть и не бываютъ такіе же наемники какъ и кандидаты на бюрократическія должности? Развѣ выборная служба всегда, уже потому только что она выборная, есть служба на пользу общества, ради его всеобщихъ интересовъ, а не превращается часто въ такую же гоньбу за мѣстами и жалованьями, какъ и бюрократическая служба? Независимость положенія не создается искусственно; когда лицо зависимо по своему личному характеру и по всѣмъ условіямъ своего положенія въ обществѣ, то независимость предоставляемая ему закономъ въ его должности скорѣе извращаетъ его дѣятельность, чѣмъ помогаетъ ей. Мѣстное самоуправленіе не можетъ обойтись безъ класса людей, которые бы самоотверженно, безъ всякихъ личныхъ выгодъ, исполняли въ немъ обязанности, ради почета, и могли бы это дѣлать по своимъ имущественнымъ средствамъ. Недостатокъ такихъ людей не могутъ восполнить никакіе выборы, напротивъ, они часто даже отталкиваютъ ихъ отъ мѣстной службы.

Исключительное господство выборнаго начала во французскихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, долженствовавшихъ быть органами самоуправленія, и всеобщее голосованіе, чрезвычайно усилившее всѣ злоупотребленія этого начала, были послѣдствіемъ совсѣмъ ложнаго пониманія этой системы государственнаго управленія и заслонили собой его сущность отъ всей континентальной Европы, долгое время смотрѣвшей на всѣ политическіе вопросы французскими глазами и сквозь французскій языкъ. Съ этой точки зрѣнія самоуправленіе явилось управленіемъ обще-

ства дѣйствующимъ пасупротивъ управленія государства, признаннымъ къ борьбѣ съ послѣднимъ; органы самоуправленія — существующими только для протеста противъ правительства, мѣстныя административныя и хозяйственныя дѣла отодвинутыми на самый задній планъ Выборы лицъ выражающихъ собою въ данную минуту крайнія раздраженія господствующія въ обществѣ противъ правительства являются первою необходимостью, въ особенности когда на выборы готовы идти преимущественно люди, составившіе себѣ карьеру тѣмъ что подстрекали эти раздраженія. Съ другой стороны, и правительство, въ виду этой борьбы, къ какой бы партіи оно ни принадлежало, до крайности развиваетъ свои боевыя силы, свой бюрократическій организмъ управленія, старается проникнуть его агентами во всѣ круги общества и мелочи его мѣстной жизни, вездѣ, на каждомъ посту, противъ народнаго трибуна поставить своего бойца и вооружить его наибольшею властью. Это безвыходный кругъ, посреди котораго мечется французское общество.

Можно ли удивляться, что при такихъ условіяхъ главною заботою правительства становится заправлять выборами чрезъ своихъ агентовъ, а тѣмъ самымъ выборы, при участіи въ нихъ правительства въ качествѣ партіи, теряютъ всякій свой смыслъ. При этомъ даже выборы на мѣстныя должности получаютъ политическій характеръ [1]), который долженъ оставаться совсѣмъ чуждымъ мѣстной администраціи. Въ Великобританіи самая ожесточенная борьба парламентскихъ партій на мѣстные выборы не распространяется. Въ Великобританіи правительство, то-есть организмъ государственнаго управленія, стоитъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ всякой выборной борьбы, и въ лицѣ своихъ представителей наблюдаетъ только за ихъ законностью; оно не имѣетъ надобности,

---

[1]) Такови обыкновенно выборы членовъ департаментскихъ и муниципальныхъ совѣтовъ во Франціи, послужившіе главною ареной борьбы республиканской и монархическихъ партій.

да и не можетъ, если-бъ и захотѣло, вліять на выборы. Припомнимъ, что правительство въ Англіи занимается главнѣйше законодательными проектами и высшею политикой, нисколько не сосредоточивая въ себѣ нити мѣстнаго управленія, что управленіе страною находится въ Англіи въ полномъ распоряженіи мѣстныхъ органовъ самоуправленія. Они имѣютъ въ центрѣ, въ министерствахъ, отношеніе не къ министрамъ, а къ такъ-называемымъ несмѣняемымъ (permanent) должностнымъ лицамъ, которыя настоящей принудительной власти не имѣютъ, а потому занимаются не личными предписаніями, а только общими административными регулятивами, инструкціями, наказами и инспекціей мѣстныхъ учрежденій. Потому правительство, если подъ этимъ словомъ понимать то что̀ понимается во Франціи и другихъ европейскихъ государствахъ, нисколько не находится въ Англіи въ рукахъ партіи, и никакая партія правительственною властью надъ мѣстнымъ населеніемъ не располагаетъ. Этою властью облечены только органы самоуправленія, то есть закона [1]). Законъ и судъ объединяютъ всѣ разнообразные органы мѣстнаго самоуправленія, устраняя всякія въ нихъ центробѣжныя наклонности. Бюрократическіе элементы управленія являются только вспомогательными, хотя и необходимыми силами въ управленіи; въ немъ господствуютъ и даютъ всему тонъ начала самоуправленія. Самый послѣдній полицейскій служитель (policeman) въ Англіи, назначаемый по найму, считаетъ себя въ нѣкоторой степени самостоятельнымъ, потому что онъ прежде всего повинуется закону и имъ ограниченъ отъ всякаго произвольнаго съ него требованія; это не мѣшаетъ ему

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ различаются понятія *правительство* и *управленіе*, какъ различныя функціи государственной власти (это впервые дѣлаетъ Л. Штейнъ, въ своей *Verwaltungslehre*, I Th. p. 198 и слѣд. *Regierung* и *Verwaltung*). Гибкость русскаго языка позволяетъ присоединить къ этому подъ словомъ *право суда* еще третью, высшую категорію власти, иначе называемую *отправленіе*; она также изъ политическаго спора въ Англіи. Во Франціи политическая жизнь передаетъ всѣ эти три категоріи власти въ руки партіи.

охранять общественный порядокъ строже, чѣмъ во всякой другой странѣ.

Начала самоуправленія не полагаются въ Великобританіи въ выборномъ началѣ, хотя оно и получило въ недавнее время сильное развитіе, прежде тамъ неизвѣстное и пугающее многихъ приверженцевъ старой англійской свободы [1]). Но и всѣ выборныя стихіи не нарушаютъ пока общаго духа великобританскаго государственнаго управленія; онѣ нисколько не становятся потерею государственной власти, а входятъ въ общую ея систему, которая на всѣхъ ступеняхъ въ томъ или другомъ видѣ воспринимаетъ въ себя общественные элементы и поглощаетъ ихъ въ своемъ государственномъ началѣ. Напротивъ, организмъ французскаго государственнаго управленія нисколько не утрачиваетъ сверху до низу своей бюрократической сущности, своего административнаго абсолютизма отъ всѣхъ этихъ общественныхъ выборныхъ властей, которыя его окружаютъ непріязненнымъ лагеремъ, или совсѣмъ блѣднѣютъ предъ его силою и которыя нисколько не входятъ въ его составъ, нисколько не замѣняютъ собою на мѣстахъ бюрократическихъ агентовъ. Меры служатъ исполнительными органами префектовъ; вся мѣстная власть принадлежитъ послѣднимъ. Выборный способъ замѣщенія должностей имѣющихъ бюрократическій характеръ конечно самый неудобный для такихъ должностей. Этотъ характеръ во всемъ направленіи французской администраціи, которая совсѣмъ не знаетъ (кромѣ судебнаго вѣдомства) въ своемъ составѣ несмѣняемыхъ безъ суда и лично независимыхъ отъ начальства чиновниковъ. Такія должностныя лица, нужныя для нѣкоторыхъ мѣстъ, выражаютъ собою самыя существенныя начала самоуправленія; они возможны и безъ выборовъ и во множествѣ существуютъ въ Германіи. Но они невозможны во Франціи вслѣдствіе духа ея

---

[1]) См. Gneist *Verwaltung, Justiz, Rechtsweg*. p. 29 и слѣд.

администраціи. зиждущагося на личной волѣ высшихъ инстанцій. Франціи, и всѣмъ странамъ, бравшимъ съ нея административные примѣры, остается чуждою одна изъ самыхъ существенныхъ стихій самоуправленія, — это личная живая сила дѣйствующая въ его органахъ (выборныхъ или невыборныхъ) и воплощающая въ себѣ власть. Такая сила, придающая чрезвычайное могущество этой власти, въ особенности на низшихъ ея ступеняхъ, невозможна въ бюрократическихъ аренахъ, дѣйствующихъ только силою общаго механизма. Эта личная живая сила, подобная англійскимъ мировымъ судьямъ, наилучшимъ образомъ удовлетворяетъ ежедневнымъ потребностямъ народа и ставитъ его въ самыя сочувственныя отношенія ко власти.

Всѣми этими историческими чертами государственнаго управленія Франціи объясняются разныя болѣзненныя явленія ея нынѣшняго политическаго положенія; связь причинъ и послѣдствій въ этихъ явленіяхъ какъ нельзя болѣе назидательна для тѣхъ, которые, понимая свободное или такъ-называемое народное правленіе только по французскимъ понятіямъ [1]), по традиціямъ французской революціи, или влекутся къ нему всѣми своими надеждами, или отшатываются отъ самаго слова «самоуправленіе». Безъ него, однакоже, но только въ настоящемъ его значеніи, при нынѣшнихъ условіяхъ государственной и общественной жизни, обойтись невозможно; бюрократическая форма государственной власти не можетъ исполнить важнѣйшихъ ея задачъ въ наше время, не можетъ въ особенности сдружить съ нею общество, которое, со всѣми самобытными своими организаціями, получило теперь такое огромное значеніе подлѣ государства. При чрезвычайномъ развитіи новыхъ общественныхъ союзовъ вся-

[1]) Сверхъ указанныхъ уже источниковъ для характеристики французскихъ мѣстныхъ учрежденій самоуправленія, см. также L. Stein. *Verwaltungslehre. Die vollziehende Gewalt besonderer Theil*, p. 121 и слѣд.

каго рода. При оживленіи старыхъ (общинъ), и при всеобщемъ стремленіи общественной жизни къ самостоятельности въ государствѣ, — единственное средство противодѣйствовать опасному для государства направленію этого движенія есть расширять и упрочивать законное государственное самоуправленіе. Величайшимъ несчастіемъ для Франціи было то, что ея фальшивые опыты самоуправленія внушали лучшимъ ея людямъ невольный страхъ къ самой даже идеѣ его. Самымъ ошибочнымъ политическимъ понятіемъ посѣвшимъ въ континентальной Европѣ французскою революціей было понятіе о состоятельности устройства законодательной власти на началахъ народнаго представительства или такъ-называемаго свободнаго правленія, съ сохраненіемъ стараго режима, или абсолютизма въ организаціи административной власти [1]). Административный бюрократическій абсолютизмъ еще былъ возможенъ въ старое время, въ патріархальномъ государствѣ, гдѣ онъ нейтрализовался личными, отеческими отношеніями монарха къ своимъ подданнымъ и его личнымъ управленіемъ; нынѣ, когда управленіе стало такъ сложно, административный абсолютизмъ сдѣлался несостоятеленъ. Французскій конституціонализмъ усиливаетъ значеніе партій въ управленіи. Увлеченіе этимъ конституціонализмомъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія было наслѣдіемъ преимущественно французской революціи и ея мыслителей. Этотъ конституціонализмъ между прочимъ полагалъ возможнымъ ограничиться государственнымъ устроиствомъ, нисколько не заботясь о преобразованіяхъ въ государственномъ управленіи, которое практически важнѣе для народа всякаго устроиства законодательныхъ органовъ. Думать о гарантіяхъ противъ произвола въ законодательной дѣятельности, нисколько не упрочивая законности въ ходѣ управленія, было легкомысленно [2]).

---

[1]) Ср. L. Stein. *Die Verwaltungslehre*. 2 Aus. *Der besondere Theil*, p. 9.

[2]) Надо думать, что французскій конституціонализмъ, или точнѣе

Французскій народъ обвиняютъ въ наклонности къ диктаторскому правленію, то-есть къ правленію безъ парламентскаго контроля, но это правленіе прямо истекаетъ изо всего государственнаго строя Франціи. Въ этомъ строѣ парламентское правленіе ничего не измѣняетъ; оно лишь ставитъ въ вершинѣ администраціи, на мѣсто воли диктатора, парламентскую партію; отъ этого государственное управленіе во всей странѣ нисколько не дѣлается менѣе личнымъ, менѣе произвольнымъ и менѣе самовластнымъ, а только сообразуется въ своемъ самовластіи и произволѣ съ политическою программою своей партіи, которая никакъ не менѣе односторонна, не менѣе прихотлива, не менѣе несправедлива въ пользованіи своею властью, чѣмъ диктаторъ. Административная, а съ нею и вся государственная власть дѣлается при парламентскомъ правленіи только болѣе шаткою, когда эта власть, какъ во Франціи, неограничена въ своемъ существѣ. Такая власть совмѣстима только съ исключительно законодательною и совѣщательною дѣятельностью представительныхъ собраній, безъ всякаго ихъ вліянія на ходъ внутренней и внѣшней политики; это и было при обѣихъ имперіяхъ.

Вмѣстѣ съ парламентскимъ правленіемъ, какъ оно понимается во Франціи, начинается всегда волненіе въ обществѣ, неудобное для всѣхъ безъ изъятія практическихъ личныхъ интересовъ, и удобное только для искателей политическихъ приключеній; это волненіе есть неизбѣжное послѣдствіе враждебнаго правительству движенія всѣхъ общественныхъ интересовъ и классовъ, обиженныхъ и обезпокоенныхъ управленіемъ въ духѣ противоположныхъ интересовъ и классовъ. Броженіемъ общества, всегда сопутствующимъ во Франціи парламент-

---

парламентаризмъ много виновенъ въ государственномъ разстройствѣ Испаніи, гдѣ народъ до сихъ поръ сохранилъ много отличныхъ качествъ и между прочимъ историческую наклонность къ мѣстному самоуправленію. (Cp. V. Cherbuliez, *l'Espagne politique*, *Rev. des deux Mondes*, 1873).

скому правленію, пользуются враги общественнаго порядка, хотя бы ихъ было не болѣе тамъ, чѣмъ во всякой другой странѣ. Всякое неудовольствіе противъ администраціи быстро обращается противъ главы государства, и всякое общественное движеніе, затѣмъ слѣдующее, подвергаетъ вопросу его власть, неразрѣльную съ администраціей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, при крайней бюрократической централизаціи и при отсутствіи всякой автономіи, очень легко произвести во Франціи государственный переворотъ, хотя бы онъ былъ противенъ желаніямъ большинства народонаселенія. Для этого достаточно захватить центральную пружину государственной машины, которая посредствомъ предписаній приводитъ въ движеніе весь механизмъ государственнаго управленія, а это можетъ быть сдѣлано самою незначительною кучкою людей въ Парижѣ, какъ это неоднократно и дѣлалось. Также точно легко овладѣваютъ мятежники во Франціи и организаціями общинъ, подобно тому какъ два прусскихъ уланa овладѣвали цѣлыми ея городами, посреди онѣмѣлаго отъ страха народонаселенія. Между тѣмъ французы не робки, ни въ полѣ, ни въ гражданской жизни. Но никакая неорганизованная сила не можетъ устоять противъ организованной, и никакая личная храбрость нисколько не можетъ помочь посреди разстройства личныхъ силъ, ничѣмъ не соединенныхъ вмѣстѣ.

Въ грудахъ всякаго сора и грязи, выносившихся французскими потрясеніями наружу со дна общества, было также всегда не мало и самой возвышенной личной доблести, было всякій разъ не мало людей крѣпко стоявшихъ за законный порядокъ и противъ беззаконій представителей власти и противъ насилія толпы, не мало героевъ и погибло за то жизнію, но всѣ они оставались немощными и одинокими съ своимъ самоотверженіемъ, которое пропало даромъ для общества.

Мы не отрицаемъ, что революціонные перевороты и государственные удары вошли, съ почина великой рево-

люціи, въ привычки политической жизни Франціи, и что уже вслѣдствіе этого одного навыка они такъ сдѣлались легки въ исполненіи; но тѣ и другіе главнѣйше обусловлены основнымъ историческимъ характеромъ ея государственнаго строя. Весь этотъ характеръ таковъ, что законное сопротивленіе въ обществѣ противозаконнымъ дѣйствіямъ органовъ власти столько же чуждо общему направленію французской политической жизни, какъ и энергическое, но строго законное сопротивленіе со стороны представителей власти мятежнымъ движеніямъ въ обществѣ. Всѣ революціонные перевороты во Франціи несомнѣнно производились ничтожнымъ меньшинствомъ, посреди пассивнаго большинства народонаселенія. Но безъ мѣстнаго самоуправленія лучшія силы общества не организованы къ отпору и къ совокупному съ правительствомъ дружному дѣйствію противъ нарушителей общественнаго мира. Въ самоуправленіи общество воспитывается для борьбы за законъ и съ нимъ за государственный порядокъ. Самоуправленіе подобное французскому открываетъ только доступъ демагогамъ вторгаться въ эти безсильныя и искусственныя мѣстныя организаціи и пользоваться ими какъ центрами для преступныхъ цѣлей. Такова была, какъ мы видѣли, исторія парижской коммуны 1871 года, и точно такія же учреждались коммуны, то-есть революціонныя организаціи подъ маской законныхъ муниципальныхъ властей, въ Ліонѣ и другихъ городахъ. И такъ было всегда. Вся масса дѣйствительныхъ и полноправныхъ членовъ городскихъ общинъ, при полномъ своемъ отвращеніи къ бунтовщикамъ, почти всегда привлецамъ, остается безучастною свидѣтельницей насильственнаго захвата ими муниципальной власти. Она считаетъ это дѣломъ правительства, то-есть центральной администраціи, подъ опекой которой живетъ. Прежде чѣмъ возмущеніе разгорѣлось до той степени когда бороться съ нимъ можно только матеріальною силою, оно было бы, въ самомъ своемъ началѣ, невозможно, еслибы вокругъ него была самостоятельная общин-

ная и земская жизнь. Если въ XVIII столѣтіи правительство съ одними бюрократическими своими агентами оказалось безпомощнымъ противъ революціи, то посреди сложныхъ общественныхъ движеній нашего времени эта оборона совсѣмъ несостоятельна. Остается употребленіе военной силы; но она пригодна только противъ открытаго возстанія, которое вмѣстѣ съ гражданскою войной наступаетъ обыкновенно во Франціи гораздо позже государственнаго переворота, то-есть послѣ перехода власти въ руки мятежниковъ. Таковы были іюньскіе дни въ 1848 году и осада Парижа версальскими войсками въ 1871 году. Здоровая организація мѣстнаго самоуправленія, мѣстныхъ земскихъ и общинныхъ союзовъ, не идущихъ врозь съ государствомъ, есть для общественной жизни великое благодѣяніе: это не что иное какъ организація лучшихъ силъ въ обществѣ, разрозненныхъ безъ этого на атомы. Вмѣстѣ съ тѣмъ и для государства нашего времени это единственное радикальное средство къ обузданію столь многочисленныхъ нынѣ враговъ государственнаго порядка и къ употребленію на служеніе ему всѣхъ свободныхъ общественныхъ силъ. Это въ гражданскомъ государственномъ строѣ совершенно то же что въ военномъ новѣйшая организація воинской полиціи: посредствомъ нея имѣется, позади наличнаго вооруженія, неограниченный резервъ, всегда готовый вступить въ ряды на защиту отечества. Для этого однако первое условіе — чтобы кадры были крѣпки и хорошо организованы. То же самое можно сказать и про кадры или учрежденія мѣстнаго самоуправленія.

Съ нѣкоторыхъ поръ у насъ слышится особенно много жалобъ на неурядицу въ разныхъ учрежденіяхъ нашего самоуправленія, повѣствуется о многихъ дѣйствительно печальныхъ явленіяхъ въ этой области, доказывающихъ, по мнѣнію многихъ, что наше общество еще недостаточно созрѣло, чтобы сознательно пользоваться дарованными ему правами. Въ виду всего этого, могутъ

находить несвоевременнымъ, въ такую минуту, восхваленіе этой формы управленія, оказавшейся пока еще такъ мало производительною. Вопроса, въ какой степени справедливо это послѣднее мнѣніе, мы здѣсь касаться не будемъ: замѣтимъ только мимоходомъ, что никакое учрежденіе не можетъ выдержать абсолютной оцѣнки безъ сравненія съ другими ему предшествовавшими и подобными, и что сверхъ того самый порядокъ самоуправленія всегда подвергается болѣе строгой критикѣ, изобличая и оглашая все что въ порядкѣ бюрократическомъ скрыто и замаскировано. Затѣмъ нельзя отрицать многихъ существенныхъ недостатковъ въ самомъ устроеніи всѣхъ нашихъ мѣстныхъ учрежденій [1]), препятствующихъ обществу и лучшимъ его силамъ пользоваться ими надлежащимъ образомъ. Но не въ этомъ дѣло въ настоящемъ случаѣ и съ принятой нами выше точки зрѣнія. Какія бы ни происходили злоупотребленія въ нашемъ самоуправленіи, какіе бы недостойные люди ни получали въ немъ значеніе и власть, какіе бы дурные общественные *элементы ни вторгались* въ него, мы спросимъ только было ли бы лучше, если-бъ эти самые элементы дѣйствовали на другихъ поприщахъ: напримѣръ бюрократическомъ или же на противоположномъ поприщѣ политической и революціонной пропаганды? Тѣ же самые люди, работая на почвѣ самоуправленія, подвергаются по меньшей мѣрѣ контролю и борьбѣ, которые, какъ бы они ни были еще слабы въ нашемъ обществѣ все-таки сокращаютъ и обуздываютъ сколько нибудь ихъ замыслы и вліянія, и во всякомъ случаѣ ихъ обнаруживаютъ. Какое бы умніе ни паводили на самые либеральные у насъ умы иные чудовищные куріозы нашей провинціальной жизни, невозможно сомнѣваться въ цѣлебной силѣ этой свободной нравственной и умственной борьбы, которая непремѣнно заключается во всякой самобытной

---

[1]) См. статью выше: *«Земскія учрежденія и самоуправленіе»*.

земской и общинной средѣ. Даже лица съ направленіемъ вреднымъ для общества, въ политическомъ отношеніи, отрезвляются на почвѣ самоуправленія. Столкновенія здѣсь, съ одной стороны, съ самыми неотразимыми и самыми грубыми практическими интересами народнаго обихода, безпощадными ко всякой бунтующей мысли, и съ другой стороны, съ неумолимыми требованіями закона и права, составляютъ самый воспитательный элементъ для всякаго общественнаго дѣятеля и для всякой зачинающейся политической жизни; самоуправленіе открываетъ каждому возможность законно участвовать въ публичномъ дѣлѣ, и вотъ поэтому-то оно самое могущественное средство къ предотвращенію политическихъ замѣшательствъ. Сравненіе Франціи, переполненной тайными обществами даже въ самыя либеральныя свои эпохи, съ Англіей, не только ихъ не знающей, но чуждой всякаго революціоннаго склада политическихъ убѣжденій, служитъ лучшимъ доказательствомъ нашихъ словъ.

Отсутствіе самоуправленія, въ изложенномъ нами смыслѣ, то-есть духа законности и участія общественныхъ элементовъ въ организмѣ управленія, и административный абсолютизмъ, сложившійся издавна во Франціи и значительно усиленный революціей, даютъ отвѣтъ на многіе вопросы возбуждаемые ея странною политическою жизнію. Укажемъ, бѣгло, въ связи со всѣмъ сказаннымъ, еще на нѣкоторыя наиболѣе примѣчательныя явленія этой жизни.

Нигдѣ нѣтъ въ такомъ количествѣ и столь непавистныхъ одна другой политическихъ партій какъ во Франціи; нигдѣ общественное мнѣніе не бываетъ до такой степени какъ здѣсь возбуждаемо вѣроятностями перехода государственной власти изъ рукъ одной партіи къ другой. Можно подумать, что между французскими партіями существуютъ самыя рѣзкія различія въ политическихъ программахъ, то-есть въ ихъ желаніяхъ относительно устройства и управленія государства. И дѣйствительно, эти партіи соединяются между собою только для низвер-

женія противниковъ, а во всякомъ положительномъ дѣлѣ, во всякомъ государственномъ созиданіи самыя даже мелкія ихъ фракціи между собою непримиримы. Несостоятельность нынѣшняго (въ 1874 г.) національнаго собранія въ составленіи конституціонныхъ законовъ, да и все вообще безплодіе этого собранія, считающаго въ своихъ рядахъ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ людей Франціи, происходятъ главнѣйше отъ непримиримой розни его политическихъ группъ, несогласныхъ на взаимныя уступки даже въ самыхъ мелкихъ своихъ дѣленіяхъ. Однако несмотря на это, почти невозможно найти, за исключеніемъ формы правленія, что-либо положительное и осязательное во взглядахъ раздѣляющихъ между собою всѣ эти партіи: онѣ враждебны одна другой въ своихъ политическихъ желаніяхъ, но въ ихъ программахъ было бы чрезвычайно затруднительно отыскать какія-либо прямыя указанія на тѣ государственныя учрежденія, законодательныя и административныя реформы, которыя каждая изъ нихъ, въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ, хочетъ ввести въ странѣ. Такія указанія мы всегда находимъ со стороны борющихся партій въ Англіи, и общество всегда знаетъ, что если люди такого-то цвѣта будутъ въ правительствѣ, то съ ними связаны такія-то правительственныя мѣры, и законодательныя преобразованія. Этого нѣтъ во Франціи.

Какъ ни привыкли всѣ говорить о различномъ политическомъ направленіи каждой изъ этихъ партій, никто не знаетъ въ чемъ бы дѣйствительно различествовали учрежденія, мѣропріятія и порядки, которые бы послѣдовали во Франціи за водвореніемъ того или другаго правительства, и этого не знаютъ даже сами приверженцы каждаго, за исключеніемъ развѣ самыхъ крайнихъ партій. Но даже и относительно этихъ послѣднихъ ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ бы очень затруднителенъ, напримѣръ, едва ли возможно опредѣлить какими именно институтами заявили бы себя съ одной стороны ультрадемократическія, даже соціалистическія и коммунистиче-

скія, направленія, и съ другой стороны, ультра-аристократическія, легитимистскія. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ было бы ожидать подѣленія всѣхъ наличныхъ имуществъ между всѣми французскими подданными, конфискаціи ихъ въ пользу государства, упраздненія права наслѣдства, также какъ и введенія крѣпостнаго права и барщины, аристократической касты и проч. Едва ли даже самые просвѣщенные французы съ ужасомъ помышляютъ о торжествѣ каждой противной партіи; и ихъ опасенія вполнѣ основательны. Загадка объясняется очень просто. Отъ перехода правительства въ руки той или другой партіи ничего болѣе не ожидаютъ во Франціи какъ господства въ правительственной сферѣ общаго *направленія* ей свойственнаго, но и этого, при объемѣ и неограниченности французской административной власти, весьма достаточно, чтобы привести въ трепетъ всѣ личные частные интересы во всѣхъ лагеряхъ несогласныхъ съ торжествующей партіей и въ тяготѣющихъ къ нимъ общественныхъ классахъ. *Этого одного направленія*, этихъ общихъ политическихъ сочувствій и антипатій, безъ всякихъ новыхъ законовъ и учрежденій, достаточно, при характерѣ французскаго государственнаго строя, чтобы всякое прикосновеніе частнаго лица къ государственной власти, во всѣхъ ея видахъ, было иное; чтобы каждому французу приходилось жить иначе, смотря по партіи стоящей у власти. Эти различія, въ своей дѣйствительности, гораздо страшнѣе для практической жизни человѣка въ государствѣ, чѣмъ всякіе законы и учрежденія. Къ каждому закону и учрежденію, какъ бы ни было круто и несправедливо вновь вводимое имъ начало, могутъ приладиться самые противоположные и самые враждебные ему личные интересы, а съ произвольнымъ административнымъ взглядомъ, хотя бы и самымъ умѣреннымъ, не могутъ ужиться сколько нибудь различествующія съ нимъ потребности и понятія жизни, хотя бы и самыя скромныя. Отъ восхожденія къ власти самыхъ крайнихъ политическихъ оттѣнковъ ожидаютъ во Франціи правительственной тиранніи;

умѣренность убѣжденій состоитъ въ умѣренномъ пользованіи административными прерогативами.

Отсюда главнѣйше происходитъ государственное безплодіе всѣхъ партій во Франціи: не взирая на то, что въ теченіи нынѣшняго столѣтія всѣ онѣ перебывали въ правительствѣ и владычество нѣкоторыхъ продолжалось довольно долго, ни одна изъ нихъ не оставила по себѣ замѣтныхъ слѣдовъ въ законодательствѣ, которое по всѣмъ своимъ отраслямъ было замѣчательнымъ образомъ неподвижно, посреди коренныхъ государственныхъ реформъ во всей остальной Европѣ. Цѣль каждой французской партіи достигнута, когда она получила въ свои руки административную власть, которая для нея достаточна, чтобы безъ всякихъ новыхъ законовъ управлять страною по-своему и парализовать силу своихъ противниковъ. Это безвыходный кругъ государственной жизни, которая, вопреки самымъ жестокимъ потрясеніямъ, находилась здѣсь въ застоѣ, какъ нигдѣ. Революціонные перевороты, какъ бы они ни были глубоки, способны только механически возмущать существующій порядокъ, и совсѣмъ безсильны къ органической его передѣлкѣ: для послѣдней нужны въ обществѣ новыя понятія, которыя не могутъ же возникать вслѣдствіе одного только насилія противъ узаконеннаго государственнаго строя; нужна также спокойная законодательная работа, невозможная подъ постоянною угрозою этого насилія, напротивъ того насильственные революціонные перевороты неизбѣжно влекутъ за собою безотчетный страхъ ко всякимъ государственнымъ нововведеніямъ и ко всякимъ новаторамъ, хотя бы и разумнымъ. Отсюда то реакціонерное противъ всякаго политическаго прогресса настроеніе умовъ въ практическихъ массахъ, которое замѣчается надолго вслѣдъ за революціонными бурями и особенно значительно во Франціи. Таково самое существенное нравственное и умственное вліяніе этихъ бурь: а для предотвращенія ихъ всего необходимѣе своевременныя и смѣлыя государственныя реформы, къ которымъ, при всей шумливости политической

жизни, и масса французскаго общества и руководящія имъ партіи весьма мало расположены.

Можно думать, что еслибы вниманіе партій было болѣе сосредоточено на дѣйствительныхъ преобразованіяхъ въ законодательствѣ, судѣ и администраціи, въ какихъ нуждается Франція и для какихъ не служитъ препятствіемъ тотъ или другой образъ правленія, самъ по себѣ, то и вопросъ объ немъ, формально раздѣляющій большинство партій, и наиболѣе ихъ раздражающій, потерялъ бы для нихъ свою живость. Но однажды захвативъ исполнительную власть, всякая партія довольствуется во Франціи неограниченною силой въ ней заключающеюся: управлять страною въ своемъ исключительномъ духѣ, посредствомъ административныхъ распоряженій, безъ всякаго законнаго имъ сопротивленія откуда бы то ни было. Въ богатствѣ этихъ распоряженій, хотя и измѣняющихся съ каждою партіею, но доведшихъ административный бюрократическій механизмъ Франціи до послѣдняго совершенства, заключается все движеніе французской государственной жизни; въ развитіи этого такъ-называемаго во Франціи административнаго права (droit administratif) она является образцовою.

Думать, для осуществленія своихъ политическихъ идей, о новыхъ законахъ и институтахъ, разрабатывать ихъ проекты и подготовлять къ нимъ общественное мнѣніе, не считаетъ нужнымъ ни одна французская партія: каждой нужна только административная власть, посредствомъ которой она уже проведетъ всѣ свои идеи. Вотъ важный и прискорбный фактическій результатъ этого устройства управленія, скрывающаго въ себѣ полный абсолютизмъ подъ парламентскими формами.

Упомянемъ еще о нѣкоторыхъ поразительныхъ явленіяхъ въ бытѣ Франціи, дѣлающихся болѣе понятными при знакомствѣ съ особенностями ея государственнаго строя. Всѣхъ удивляетъ немощь французскихъ законныхъ или по крайней мѣрѣ прочно повсемѣстно утвердившихся правительствъ противъ открытаго мятежа (напримѣръ въ

февраль 1848 года и въ сентябрѣ 1870, хотя въ эпохи кризисовъ правительства временныя, облеченныя властью гораздо менѣе правильно организованною и сборною іюньскіе дни въ 1848 года, государственный ударъ 2-го декабря 1851 года и бои версальскихъ войскъ противъ парижской коммуны въ 1871 вступали въ самую энергическую и всегда побѣдоносную борьбу съ такимъ же мятежомъ и съ тѣми же мятежными толпами, только лучше вооруженными. Этимъ явленіемъ значительно объясняются французскіе перевороты, которыми въ нѣсколько часовъ низвергались правленія, еще наканунѣ казавшіяся весьма прочными въ странѣ. Представителямъ власти во Франціи въ обыкновенное время недостаетъ какъ-то духа противъ бунта, предъ которымъ не остановилось бы никакое правительство, всего менѣе великобританское. Это странное обстоятельство обусловлено, какъ намъ кажется, характеромъ французской исполнительной власти. Привыкнувъ руководствоваться преимущественно административными и политическими соображеніями, а не законами относительно исполненія которыхъ не могло бы быть сомнѣнія, она недоумѣваетъ относительно своего права сѣчь когда противъ нея поднимается какое-нибудь рѣзкое неудовольствіе въ обществѣ и выражается насиліемъ. Нужно чрезвычайное раздраженіе страстей, сильнѣйшее развитіе анархіи, пробуждающее во всѣхъ классахъ желаніе, чтобъ ей былъ положенъ конецъ, чтобы заставить лица стоящія у власти дѣйствовать энергически противъ возмущенія. Въ такихъ условіяхъ находятся французскія временныя правленія, и тогда они оказываются безпощаднѣе и немилосерднѣе ко всякимъ проливникамъ власти, чѣмъ правительства всѣхъ другихъ странъ. Что можетъ быть печальнѣе власти вынужденной почерпать для себя силу не въ законномъ правѣ, а только въ чувствѣ раздраженія и мести, во мгновенныхъ и измѣнчивыхъ вліяніяхъ окружающей ее публики? Если и справедливо, съ другой стороны, что послѣ великой революціи, сломавшей законную форму правленія, ни

одно французское правительство не могло имѣть искренней вѣры въ свою законность, и это обстоятельство должно было колебать всякую энергію дѣйствія противъ мятежа, то это одно еще не объясняетъ отсутствія этой энергіи, ибо ею были же воодушевлены временныя правленія, въ которыхъ должно быть еще сильнѣе чувство своей незаконности.

Изъ разсмотрѣнныхъ нами свойствъ французскаго государственнаго организма, вытекаетъ множество другихъ въ немъ симптомовъ, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстныхъ какъ характеристическія принадлежности его жизни. Таково отвлеченное, оторванное отъ реальныхъ и историческихъ условій народной жизни, доктринерство чуть безъ изъятія французскихъ политическихъ партій: каждая изъ нихъ имѣетъ свою замкнутую схему изъ нѣсколькихъ самыхъ общихъ принциповъ, абсолютныхъ, какъ всякое отвлеченное политическое ученіе. Это доктринерство до того вошло въ плоть и кровь политическихъ людей Франціи, что имъ отличается даже группа самыхъ благоразумныхъ людей въ публичной ея жизни, наименѣе зараженныхъ предразсудками ея политическихъ партій, и призванныхъ, по самому существу своихъ идей и занятій, къ наиболѣе реальному пониманію государственныхъ вопросовъ; мы говоримъ о французскихъ экономистахъ.

Собственно имъ обязано экономическое ученіе объ отношеніяхъ государства къ народному хозяйству (теорія безусловнаго невмѣшательства, laisser faire, laisser aller) тою отвлеченностью и непрактичностью, которыя господствовали одно время въ экономической наукѣ, и много помѣшали ея благодѣтельному вліянію на государственную и общественную дѣятельность во Франціи. Это направленіе французскихъ экономистовъ, наименѣе свойственное предмету и методамъ экономическихъ ученій, лучше всего выражаетъ собою общій характеръ французской политической мысли. Всегда доктринерскій духъ этой жизни, отвлекши свои собственно, отрѣ-

шеной отъ жизни логикѣ, и не вѣдающій конкретныхъ ея случаевъ, составляетъ самъ по себѣ причину неуступчивости и крайняго раздробленія французскихъ партій; не хотятъ ничего знать о практическихъ компромиссахъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись самый успѣхъ идеи въ государственномъ дѣлѣ.

Насколько этотъ духъ коренится, какъ полагаютъ, въ прирожденномъ характерѣ націи, настолько же онъ обусловленъ всею совокупностью свойствъ французскаго государственнаго быта. Тогда какъ мѣстное самоуправленіе воспитываетъ въ обществѣ привычку разсматривать каждый государственный вопросъ подъ частными условіями мѣста и времени; бюрократической централизаціи свойственно обобщеніе всѣхъ вопросовъ и пренебреженіе ихъ дѣйствительными отношеніями, мало даже извѣстными въ центрѣ. Отсутствіе мѣстной политической жизни и связанной съ ней практической политической школы замѣчается на членахъ всѣхъ французскихъ представительныхъ собраній; подъ ними не чувствуется никакой земли, которой бы они признавали себя представителями и посреди практическихъ дѣлъ которой они бы жили, какъ великобританскіе депутаты и перы. Отсюда преимущественно происходитъ то странное явленіе, что французскія представительныя палаты не служатъ (иногда даже вслѣдъ за выборами) вѣрнымъ выраженіемъ дѣйствительныхъ желаній и нуждъ страны, и не могутъ поэтому давать прочной опоры для дѣйствій правительства: въ странѣ часто подымается общій голосъ совсѣмъ въ разрѣзъ съ настроеніемъ ея представителей. Французскіе парламенты всегда болѣе похожи на политическіе клубы, въ которыхъ люди собрались для агитаціи своихъ личныхъ мнѣній, чѣмъ на народныя представительныя собранія. Отсутствіе контроля судебной юрисдикціи по предметамъ публичнаго права также способствуетъ развитію этого отвлеченнаго доктринерства въ политическихъ убѣжденіяхъ: судебный споръ и неизбѣжная въ немъ борьба понятій права въ ихъ конкретной формѣ и мате-

ріальныхъ интересовъ съ ними связанныхъ пріучаютъ общество къ оцѣнкѣ общихъ законодательныхъ началъ преимущественно съ точки зрѣнія ихъ практическаго значенія. Здѣсь въ особенности пріобрѣтается привычка къ уваженію чужаго мнѣнія и чужихъ интересовъ, какъ равноправныхъ съ своими; этого очень недостаетъ французскимъ политическимъ людямъ, изъ которыхъ каждый весьма искренно считаетъ свой лагерь непогрѣшимымъ, а всѣ остальные измѣнническими. Наконецъ доктринерство и отвлеченный радикализмъ [1]) всѣхъ французскихъ партій, самыхъ даже умѣренныхъ и консервативныхъ, значительно происходитъ отъ указаннаго выше обстоятельства, что онѣ вовсе не считаютъ нужнымъ формулировать свои политическія желанія въ видѣ какихъ-либо проектовъ практическихъ законодательныхъ мѣръ и преобразованій, а ограничиваются стремленіемъ захватить въ свои руки административную власть. Чтобы получить ее, люди партіи и обдумываютъ и краснорѣчиво излагаютъ согражданамъ только самые общіе принципы, въ духѣ которыхъ они намѣреваются управлять ими, или точнѣе *обращаться съ ними*. Для произвольнаго административнаго обращенія съ подвластными, въ томъ или другомъ направленіи, достаточно самой общей доктрины, и нѣтъ надобности ее ближе опредѣлять. Привычка къ отвлеченной постановкѣ государственныхъ вопросовъ не мало повредила ихъ успѣшному разрѣшенію во Франціи; между прочимъ, благодаря ей, теоретики, философы и утописты, не имѣвшіе никакого понятія о практическихъ условіяхъ государственныхъ дѣлъ, получали въ нихъ полное господство (въ концѣ XVIII вѣка и въ 1848 году) [2]).

Остается еще упомянуть о нѣкоторыхъ всѣмъ извѣстныхъ условіяхъ французской государственной жизни

---

[1]) Въ смыслѣ абсолютизма принциповъ и неуступчивости чужимъ принципамъ.

[2]) Для XVIII ст см. Toqueville. *L'ancien régime et la révolution*, p. 263 и слѣд.

происходящихъ изъ того же источника. О правительственной опекѣ надъ частными интересами неизбѣжно связанной съ бюрократической централизаціей было достаточно говорено: органы самоуправленія, хотя также могутъ, какъ мы это часто и видимъ, заниматься предпріятіями гораздо лучше выполнимыми чрезъ частную дѣятельность, брать безъ нужды на свое попеченіе частные интересы и стѣснять свободу личной инціативы, однако гораздо въ меньшей степени чѣмъ бюрократическая опека и съ менѣе гурными послѣдствіями. Никакой органъ мѣстнаго самоуправленія не можетъ имѣть въ своемъ распоряженіи тѣхъ финансовыхъ средствъ какія имѣютъ центральныя бюрократическія учрежденія. Эта опека конечно была виною, съ одной стороны, что Франція лишена была многихъ либеральныхъ преобразованій въ промышленномъ законодательствѣ, которыя содѣйствовали бы возвышенію благосостоянія ея рабочихъ классовъ гораздо болѣе прочнымъ образомъ, чѣмъ казенныя публичныя работы и всѣ искуственныя въ пользу нихъ субсидіи, и съ другой стороны, что всякое общественное неудовольствіе сосредоточивается на правительствѣ, и на немъ ищетъ отмстки за всякую невзгоду.

Въ государственномъ строѣ Франціи должно искать объясненія того отсутствія характеровъ личной инціативы и самостоятельности, которымъ отличается французы въ публичной жизни, при ихъ несомнѣнныхъ и всѣхъ плѣняющихъ качествахъ въ частномъ бытѣ. Этотъ недостатокъ гражданскаго мужества и политическое малодушіе въ массахъ общества, это рабское подчиненіе ихъ столько же политическимъ агитаторамъ, какъ и префектамъ, эта слабость свободнаго личнаго и независимаго мнѣнія при всемъ вольнодумствѣ, которое большею частію есть не что иное какъ покорное повиновеніе протестующему голосу нѣсколькихъ вожаковъ и писателей, — все это чрезвычайно облегчаетъ исполненіе всякихъ преступныхъ замысловъ и всякихъ революціонныхъ движеній.

хотя бы въ нихъ принимали дѣйствительное участіе лишь сотни посреди милліоновъ людей.

Вслѣдствіе всѣхъ описанныхъ свойствъ французской государственной жизни, французъ знаетъ умственную политическую борьбу только въ парламентѣ, куда проникаютъ немногіе и гдѣ огромное большинство пассивно подаетъ голоса, по приказанію вожаковъ; затѣмъ политическая борьба, и самая бойкая, идетъ въ журналистикѣ, но она сосредоточена въ тѣсныхъ парижскихъ кружкахъ и нисколько не выходитъ до интересовъ вседневной жизни каждаго француза. Между тѣмъ ежедневная политическая борьба, какою окружень въ Англіи самый простой человѣкъ, производитъ въ массахъ ту личную самостоятельность характеровъ, которая можетъ быть неудобна для бюрократическихъ пріемовъ, но за то въ высшей степени благодѣтельна для предотвращенія порывчатыхъ движеній въ обществѣ. [1])

Укажемъ еще на одно особенное свойство самоуправленія, благодѣтельное въ соціальномъ отношеніи, котораго не достаетъ Франціи. Самоуправленіе содѣйствуетъ сближенію всѣхъ общественныхъ классовъ и парализуетъ ихъ розни. Соціальная ненависть между разными слоями французскаго общества, хотя и имѣющая свои причины въ соціальныхъ движеніяхъ нашего времени, значительно вскормлена бюрократическою администраціей: самоуправленіе, которое неизбѣжно вызываетъ дѣятельность высшихъ достаточныхъ классовъ въ пользу низшихъ, отни-

[1]) Не только новѣйшія революціонныя школы Франціи, но даже великая революція, которая представляется воображенію многихъ какъ борьба гигантовъ, отличается недостаткомъ характеровъ и гражданскаго мужества въ массахъ политическихъ людей: ихъ малодушіемъ объясняется дерзость и самомнѣніе террористовъ. Это самое сильное впечатлѣніе которое производитъ теперь чтеніе всѣхъ новыхъ сочиненій по исторіи революціи. Злосчастная судьба Жиронцистовъ не имѣла другой причины какъ ихъ малость (см. между прочимъ, Mortimer-Ternaux, *Histoire de la Terreur*, T. IV, p. 101).

масть у послѣднихъ чувство горечи и недоброжелательства къ первымъ [1]).

Наконецъ, — сва ли стоитъ объ этомъ и упоминать: такъ это общеизвѣстно. — бюрократическая централизація собрала всю политическую жизнь Франціи исключительно въ Парижѣ и дала ему такое колоссальное значеніе въ судьбахъ націи какого не имѣетъ ни одна столица. Весьма естественно, что въ Парижъ, какъ во всякій всемірный городъ, притекаютъ политическія нечистоты не только изъ Франціи, но и со всего свѣта: естественно, что въ немъ не менѣе чѣмъ въ Лондонѣ сосредоточиваются и ступаютъ самыя вредныя политическія страсти, и что политическія возврѣнія, въ разныхъ кружкахъ, получаютъ здѣсь космополитическій оттѣнокъ, чуждый интересамъ самой страны. Но чтобъ отсюда, изъ этихъ кружковъ, могла безапелляціонно рѣшаться участь цѣлаго народа — это уже особенность всего французскаго государственнаго строя, нигдѣ кромѣ Франціи невозможная. Мы не касаемся другихъ весьма пагубныхъ для французской цивилизаціи послѣдствій этого сосредоточенія всего цвѣта умственной жизни французскаго народа въ Парижѣ; мы указали здѣсь на этотъ фактъ только какъ на значительный элементъ въ революціонныхъ драмахъ, которыя разыгрываются въ Парижѣ и за которыя расплачивается вся Франція.

4 [2]).

До сихъ поръ мы видѣли причины бурныхъ потрясеній Франціи и болѣзненнаго направленія ея политиче-

---

[1]) Объ этомъ особенно много говоритъ Токвиль (см. между прочимъ, *L'ancien régime et la révolution*, p. 156). То же говорилъ уже въ XVIII ст. Тюрго (тамъ же. p. 183).

[2]) Эта глава имѣющая своимъ предметомъ критику нѣкоего догмата народнаго верховенства (или самодержавія ближе входитъ въ кругъ вопросовъ *о государственномъ устройствѣ*, чѣмъ объ управленіи. Но мы помѣщаемъ здѣсь всю эту главу потому, что въ ней косвенно выставлены многія характеристическія черты французскаго управленія или административнаго строя.

кой жизни въ ея государственномъ строѣ, сложившемся за долго до великой революціи прошедшаго столѣтія. Мы видѣли, что эта революція не только не исправила, но усилила нѣкоторые существенные пороки французскаго государственнаго организма, — административный произволъ и бюрократическую централизацію, — несовмѣстимые ни съ условіями современнаго общественнаго быта, ни съ требованіями политической свободы, которой тщетно искала такъ долго эта страна. Какими бы страшными драматическими эпизодами ни сопровождалась революція 1789 года, сама собою она не внесла почти ничего органически новаго въ государственное устройство и управленіе не только Европы, но и французской націи [1]). Самый видимый ея результатъ въ этомъ отношеніи есть начало народнаго представительства, но оно и практически (въ Великобританіи), и въ идеѣ существовало гораздо ранѣе; историческіе зачатки народнаго представительства встрѣчаются всюду за нѣсколько вѣковъ до французской революціи, они почти всюду были заморены французскимъ бюрократизмомъ и возродились снова въ нынѣшнемъ столѣтіи въ другихъ государствахъ, но безъ потрясеній, подобныхъ французскимъ. Французская революція скорѣе окомпрометировала это начало, и ужасомъ наведеннымъ на всю Европы скорѣе замедлила его распространеніе.

Но что-нибудь революція 1789 года внесла во французскій государственный организмъ, что-нибудь ей не отъемлемо принадлежитъ, и на это-то мы бы хотѣли теперь взглянуть. Главное и едва ли не единственное новое начало вложенное съ 1789 года во французское го-

---

[1]) Мы говоримъ здѣсь о государственномъ устройствѣ и управленіи, то-есть о сферѣ публичнаго права. На почвѣ частнаго или гражданскаго права, революція 1789 года, *разрывая* и слѣдніе узлы феодальнаго общества и сословныхъ привилегій, какъ мы объ этомъ упоминали не разъ, сдѣлала многое во Франціи. Но то же самое дѣло сдѣлано въ другихъ государствахъ путемъ реформъ, безъ всякихъ революціонныхъ переворотовъ.

сударственное устройство есть понятіе о *народномъ верховенствѣ* (la souveraineté du peuple). Это понятіе съ тѣхъ поръ и бродитъ во всѣхъ полостяхъ этого организма и до сихъ поръ опредѣляетъ собою всѣ французскія политическія партіи.

«Когда была взята штурмомъ Бастилія (въ 1789 году), говоритъ Л. Штейнъ, королевскія войска были отчасти разбиты, отчасти перешли на сторону народа, мятежъ изъ пригородовъ Парижа разлился повсюду, весь старый государственный порядокъ былъ сломанъ, всѣ прежнія власти уничтожены и королевство и дворъ лишились всякой дѣйствительной силы, тогда только замѣтили, что безъ всякой господствующей въ обществѣ власти оставаться было однако невозможно. Но кому же возсоздать эту власть? Для многихъ, которые еще до сихъ поръ никакъ не могутъ или не хотятъ разложить смутное понятіе народнаго верховенства на элементы его дѣйствительнаго содержанія, было бы очень почтительно разсмотрѣть, со всею серіозностью и безъ всякихъ предразсудковъ, именно этотъ моментъ въ исторіи французской революціи. Что иное можетъ значить народное верховенство какъ не то, что совокупность народа имѣетъ въ своихъ рукахъ полную власть надъ народомъ же? Такъ и случилось въ это время. Народъ (la nation) царствовалъ, и неограниченно. Онъ царствовалъ какъ масса *безусловно равноправныхъ* людей. Если бы было когда-нибудь возможно, чтобы народъ и одинъ народъ царствовалъ, то эта возможность должна была существовать именно тутъ. Если понятіе народа какъ единицы имѣетъ какую-либо реальную сущность для государствованія и управленія, то здѣсь она должна была бы сама собою выказаться. Но если вмѣсто какого-либо дѣйствительнаго верховенства (вмѣсто какой-либо организаціи верховной государственной власти) возникло распаденіе всякаго пуб-

---

[1]) L. Stein *Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich*, I 1-, p. 94.

личнаго порядка, то въ самомъ упомянутомъ понятіи должно заключаться нѣчто смутное. Дѣйствительно, исторія неоднократно доказывала, что всякій разъ когда народное верховенство было объявляемо какъ высшее начало государственнаго устройства, начиналась нескончаемая неурядица въ государствѣ и обществѣ. Эта неурядица доказываетъ внутреннее противорѣчіе въ самомъ началѣ, и это противорѣчіе объясняется изъ понятія объ обществѣ. Всякая верховная государственная власть требуетъ какого-либо единства, возведеннаго на степень личной воли. Потому народное верховенство должно непремѣнно предполагать какое-нибудь единство въ народѣ. Если его нѣтъ, то единственная власть находится въ опасности: если же оно невозможно, то невозможно и само народное верховенство. Между тѣмъ понятіе о народѣ какъ о единицѣ (о націи) есть представленіе объ немъ только въ отношеніи къ другимъ народамъ. Внутри себя народъ живетъ не иначе какъ въ извѣстномъ общественномъ порядкѣ, который содержится въ равновѣсіи преобладаніемъ тѣхъ или другихъ общественныхъ элементовъ и который влечетъ за собою господство однихъ интересовъ и подчиненіе другихъ, взаимную зависимость, борьбу и противоположность всѣхъ интересовъ. Потому народное верховенство приводитъ въ дѣйствительности къ верховенству общества (то-есть, къ отсутствію государства и государственной власти). Но какъ во всякомъ обществѣ существуютъ противоположности могущественныхъ и трудно примиримыхъ интересовъ, изъ которыхъ каждый надѣется выиграть черезъ подчиненіе себѣ другихъ, то признаніе верховенства общества приводитъ въ дѣйствительности къ признанію верховенства, верховной власти, извѣстныхъ, господствующихъ въ данное время, интересовъ. Нѣтъ возможности избѣжать этого послѣдствія. Такимъ образомъ, народное верховенство уничтожая всякую государственную власть, стоящую внѣ и выше этой соціальной борьбы интересовъ, вооружаетъ каждый изъ нихъ верховнымъ правомъ.

Но какъ каждый изъ нихъ стремится къ подчиненію себѣ другихъ, то всѣ они вооруженные своимъ верховенствомъ и выступаютъ одинъ противъ другаго. При этомъ исчезаетъ всякое понятіе о какой бы то ни было верховной власти, непремѣнно предполагающее какое-либо личное единство воли, и на это мѣсто становится узаконенная борьба всѣхъ соціальныхъ противоположностей. Такъ само собою разрушается смутное представленіе народнаго верховенства. Въ то время какъ въ этомъ представленіи не заключается ничего инаго кромѣ безсознательнаго признанія верховенства общества (подъ другаго верховенства государства или государственной власти), оно въ дѣйствительности дѣлаетъ общественный раздоръ неизбѣжнымъ, узаконяетъ его, и вмѣсто свободы, производитъ только безпорядокъ и владычество толпы. Горе тѣмъ, кто считаетъ возможнымъ полагать этотъ принципъ въ основаніе государственнаго устройства. Они хотятъ невозможнаго: они хотятъ противорѣчіе сдѣлать порядкомъ, а противоположности единствомъ; во Франціи же, опираясь на Руссо, отдались мечтѣ о томъ, что верховенство народа практически возможно. Казалось, что эта мечта осуществилась въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ (въ 1789 году); однако вѣчные, непреложные законы человѣческой жизни не замедлили своимъ дѣйствіемъ дать поученіе, котораго никогда не слѣдовало бы позабывать.»

Трудно кажется найти болѣе рѣшительное и болѣе ясное опроверженіе ученія о народномъ верховенствѣ, чѣмъ приведенныя нами мысли одного изъ главныхъ двигателей государственной науки въ нынѣшнемъ столѣтіи. Вся эта аргументація L. Штейна отличается не только блестящею логикой, но и реальною правдой, которая всегда лежитъ въ основаніи всѣхъ его политическихъ сужденій, несмотря на кажущуюся ихъ отвлеченность [1]).

---

[1]) Превосходная критика ученія о народномъ верховенствѣ, съ другихъ точекъ зрѣнія, можно также найти у Гумплов. (*Geschichte des allgemeinen Staatsrechts*, pp. 701—13, разборъ *Contrat social* Руссо).

Къ сожалѣнію и самая ясная логика и самые ясные уроки исторіи вразумляютъ не всѣхъ.

Догматъ народнаго верховенства сталъ съ 1789 года основнымъ умозрительнымъ началомъ во французскомъ государственномъ правѣ и въ томъ или другомъ видѣ вносился съ тѣхъ поръ во всѣ безчисленныя ея конституціи, за исключеніемъ развѣ хартіи Людовика XVIII, пожалованной королевскою властью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и признаваемой во Франціи насиліемъ иноземнаго нашествія, нарушеніемъ національнаго французскаго права, и отвергаемой ея политическими мыслителями. Этотъ догматъ, сдѣлавшійся съ тѣхъ поръ главнымъ политическимъ вѣроученіемъ всей революціонной европейской демократіи въ нынѣшнемъ столѣтіи, и до нынѣ исповѣдуемый ея невѣжественными массами не въ одной только Франціи [1]), ничего инаго не можетъ внести въ дѣйствительную политическую жизнь всякой современной націи кромѣ анархіи. Онъ и не былъ съ послѣдовательностью принятъ въ законахъ ни одного государства новѣйшаго міра, ни даже республикъ (Швейцаріи и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ). Даже древнія республики, въ которыхъ только и дѣйствовало практически это начало, обязаны ему преимущественно своею скоротечностью, не смотря на благопріятныя для него условія ихъ общественнаго быта, совсѣмъ противоположнаго нашему [2]). Такую же и еще худшую анархію вноситъ этотъ догматъ своими непримиримыми логическими противорѣ-

---

[1]) Этотъ догматъ и его практическіе постулаты какова напримѣръ предоставленіе законодательной власти самымъ мѣстнымъ народнымъ собраніямъ, уничтоженіе народнаго представительства, и такъ далѣе входитъ въ политическую программу соціально-демократической партіи въ Германіи, которая руководится огромнымъ большинствомъ всѣхъ германскихъ рабочихъ ассоціацій. См. A. Held. *die deutsche Arbeiter presse*, Leipzig. 1873, p. 55.

[2]) См. между прочимъ L. Stein. *Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich*. III B. *Die Republiken des Alterthums*. p. 135. Авторъ показываетъ, что рабство было conditio sine qua non не только общественнаго, но и политическаго быта древнихъ республикъ и въ томъ числѣ народнаго верховенства.

чіями и въ кругъ политическихъ идей: онъ до сихъ поръ значительно спутаны въ лучшихъ политическихъ умахъ Франціи этимъ злополучнымъ догматомъ, не соединимымъ съ самыми насущными началами государственнаго устройства и управленія нашего времени.

Но признавая, что анархическій принципъ народнаго верховенства былъ водворенъ на практической государственной почвѣ Франціи великою революціей, нельзя съ другой стороны не признать, что онъ дѣйствуетъ такъ губительно во французскомъ государственномъ строѣ только въ связи съ описанными нами его исконными историческими особенностями, практически гораздо болѣе существенными, чѣмъ этотъ отвлеченный принципъ.

Правда, этотъ принципъ составляетъ коренную сущность политическаго ученія Ж. Ж. Руссо, а это ученіе сдѣлалось евангеліемъ всѣхъ умственныхъ вождей великой революціи (кромѣ Мирабо, который со своими государственными понятіями стоитъ посреди нея совѣмъ особякомъ) и было именно тою революціонною философіей XVIII столѣтія, тою революціей въ идеяхъ, которая предшествовала ея фактическому взрыву [1]). Однако Ж. Ж. Руссо при всей силѣ своего таланта былъ только *первое отвлеченное слово* (какъ его называетъ Блунтли), и именно французское: только во Франціи его доктрина могла сдѣлаться сколько-нибудь дѣйствующимъ началомъ въ политической жизни и оттуда въ лицѣ всѣхъ ея французскихъ послѣдователей пошла она по всему свѣту, какъ зерно всего политическаго и соціальнаго радикализма XIX столѣтія. Этотъ радикализмъ хотя и всюду распространенъ, но онъ все-таки по преимуществу французскій. Въ собственномъ отечествѣ Руссо, въ женевской республикѣ, его и его сочиненія подверглись самымъ ожесточеннымъ гоненіямъ, и никогда въ Швейцаріи, хотя

---

[1]) Ср. J. C. Bluntschli. *Geschicht des allgemeinen Staatsrechts u. der Politik*, Munchen. 1867. (IX cap., J. J. Rousseau, *Die Staatslehre der Französischen Revolution*, pp. 292—328).

и республиканской (но нисколько не революціонной въ своемъ бытѣ), Руссо не былъ такъ популяренъ какъ во Франціи. «Магическое дѣйствіе сочиненій Руссо на міръ того времени (то-есть французскій) было бы для насъ необъяснимою задачей, говоритъ Блунчли, еслибы мы не знали, что въ личности Жанъ-Жака время видѣло самого себя. Ему недоставало почти всѣхъ условій, необходимыхъ для политической дѣятельности. Онъ не имѣлъ въ себѣ никакихъ качествъ, нужныхъ для государственнаго человѣка. Его историческое образованіе было очень скудно, онъ съ дѣтства гораздо болѣе углублялся въ романы чѣмъ въ исторію; онъ не прошелъ серіозной школы ни по одной наукѣ, занимаясь то тѣмъ, то другимъ съ дилетантскою прихотью».

Возведенное впервые въ систему въ сочиненіяхъ Руссо и доведенное до крайнихъ своихъ предѣловъ начало численнаго владычества толпы, весь этотъ духъ самаго необузданнаго демоса, конечно очень противоположны патріархальному королевскому управленію старой Франціи, и однакожъ этотъ разрушительный демагогическій духъ никогда лучше не могъ воспріять свои силы и вдохновенія и никогда не могъ лучше сжиться со всѣмъ государственнымъ порядкомъ какъ въ этой же самой Франціи. Понятіе Руссо и всей его школы объ общей народной волѣ (volonté générale de la nation), выраженной посредствомъ поголовной подачи голосовъ, и лежащее въ основаніи этого понятія представленіе о народѣ, какъ о численной суммѣ заключающихся въ немъ совершеннолѣтнихъ индивидуумовъ, развѣ всѣ эти понятія не были родственны этому старому режиму, который въ теченіе вѣковъ изглаживалъ всякія историческія мѣстныя и іерархическія общественныя различія и нивелировалъ до нельзя всѣ историческія неровности и выпуклости французскаго общества? Ярмо бюрократическое, производившее всю эту нивелировку, какъ нельзя легче смѣнилось ярмомъ якобинскимъ, которое, въ свою очередь, какъ нельзя легче уступило мѣсто бюрократіи. Посреди націи, утратившей

всякіе общественные историческіе союзы и корпораціи. измельченной давно на индивидуальные атомы, могло быть вскормлено дикое отождествленіе понятія о народѣ, имѣющемъ многовѣковую историческую жизнь въ прошедшемъ и будущемъ, *съ суммою наличныхъ жителей государственной территоріи.* Только къ государственному строю такой націи, какъ французская могло привиться это воззрѣніе, коренное въ политической доктринѣ Руссо, обусловливающее собою ученіе о народномъ верховенствѣ. Практически это воззрѣніе на народъ не слишкомъ удалилось отъ стараго французскаго режима: въ томъ и другомъ случаѣ одинаково грубый взглядъ на народъ, какъ на стадо *равноцѣнныхъ* особей — все равно, называются ли они подданными, или гражданами. Сословнымъ привилегіямъ, которыя, какъ мы уже объяснили, имѣли во Франціи совсѣмъ исключительный характеръ, не бывъ соединены ни съ какими обязанностями предъ государствомъ, ни съ какою государственною службою, противопоставляется въ революціонной доктринѣ безусловное поголовное политическое равенство всѣхъ гражданъ. О политическихъ преимуществахъ, истекающихъ изъ преимущественнаго исполненія государственныхъ обязанностей, не имѣли ни тогда, ни теперь во Франціи понятія, такъ какъ въ ея бюрократической системѣ управленія (даже самоуправленія) всякій несетъ государственную службу не иначе какъ за деньги, за жалованье.

Отрицаніе Ж. Ж. Руссо народнаго представительства [1]), какъ искажающаго верховенство народа, который де непосредственно долженъ законодательствовать въ своихъ комиціяхъ, также не было противно государственному порядку, издавна извѣстному началу представительства изъ законодательства и управленія. На мѣсто

---

[1]. Представительство преслѣдуется всѣми поклонниками народнаго верховенства: они требуютъ на мѣсто его всенародныхъ собраній, обезпеченныхъ верховною властью.

неограниченнаго абсолютизма безотвѣтственной административной власти было еще легче поставить такой же абсолютизмъ той же власти, якобы исполняющей общую народную волю; а бюрократической централизаціи какъ нельзя лучше соотвѣтствовало математическое дѣленіе націи на районы по числу душъ. Тиранія большинства надъ меньшинствомъ въ каждомъ районѣ (въ мѣстныхъ народныхъ собраніяхъ) и затѣмъ во всемъ государствѣ, для выраженія общей народной воли, по своему духу и по своимъ практическимъ послѣдствіямъ была очень близка къ бюрократическому и безправому самовластію стараго режима, которое и могло безпрепятственно продолжаться, только подъ другимъ названіемъ *исполнительной* [1]) власти, делегатовъ народа-самодержца. Эти делегаты или довѣренные народа должны были оставаться такими же, какъ и интенданты Людовика XVI, полномочными распорядителями въ дѣйствительныхъ жизненныхъ дѣлахъ населеній. Они должны быть также неподсудны никакой иной власти, кромѣ верховной воли народнаго большинства; но каждому простому смертному донти до этого верховнаго народнаго собранія, не только центральнаго, но и областнаго, также далеко, какъ и до короля. Комиссары конвента и парижской коммуны были такими всемогущими владыками въ провинціи и на нихъ не было никакого суда, кромѣ самого конвента, или того сонища разбойниковъ, что засѣдало въ парижской ратушѣ, подъ обманнымъ титуломъ общинныхъ представителей. Дойти до конвента или до этого сонища могли развѣ только самые безпокойные люди. Дойти лично до королевской власти противъ злоупотребленій чиновниковъ конечно легче, чѣмъ до расправы въ этихъ народныхъ комиціяхъ, гдѣ настоящій диктаторъ могъ еще легче скрываться за кулисами чѣмъ въ бюрократи-

---

[1]) Это выраженіе *исполнительная* власть (вмѣсто административное pouvoir exécutif, невѣрное и въ теоріи и въ практикѣ, создано французскою революціей и ея доктринами.

ческихъ канцеляріяхъ. О судебной и дѣйствительной отвѣтственности должностныхъ лицъ, какъ и вообще о какомъ-либо *правѣ* подвластныхъ въ отношеніи къ власти, не могло быть и рѣчи. Понятіе права столько же бездѣйственно въ системѣ управленія, построенной на началѣ народнаго самодержавія, какъ и въ старомъ французскомъ режимѣ. Противъ противозаконныхъ дѣйствій власти и ея органовъ не предполагается въ пользу гражданъ никакихъ юридическихъ гарантій, и эта власть не связана даже закономъ, которымъ не существуетъ для народной воли; никакихъ гарантій народу-государю (le peuple souverain) противъ самаго себя не нужно, и *никакой законъ не можетъ стѣснять его воли*, — такъ буквально выражается Ж. Ж. Руссо [1]).

Какъ далека вся эта государственная теорія и вся эта революціонная ея практика отъ Англіи, гдѣ однако политическая свобода утвердилась наиболѣе прочнымъ образомъ! Никогда понятіе о народномъ верховенствѣ, которымъ такъ гордятся до сихъ поръ французы всѣхъ партій, за исключеніемъ развѣ самыхъ крайнихъ легитимистовъ, не имѣло силы въ Великобританскомъ государствѣ, и верховная власть, какъ личная, всецѣло принадлежитъ въ немъ королю, и de jure и de facto. Тѣмъ не менѣе самый ничтожный англійскій простолюдинъ, какъ недавно торжественно заявлялъ это нынѣшній консервативный глава великобританскаго правительства, пользуется болѣе широкими и болѣе неприкосновенными правами чѣмъ самый знатный аристократъ въ континентальной Европѣ. Дѣло въ томъ что помимо права, помимо закона, *по своей волѣ*, никто не управляетъ въ Англіи. Во Франціи и до революціи и послѣ революціи всякій управлялъ по своей волѣ; какъ это происходитъ, не взирая на всѣ конституціи, мы достаточно объяснили прежде. О неприкосновенности закона и присвоенныхъ имъ каждому граж-

[1]) Въ *Contrat social*. (Ср. Bluntschli *Geschichte d. s Allgemeinen Staatsrechts*, p. 305).

данину правъ всего мѣсѣе думаютъ въ этой странѣ. Это явленіе, истекающее изъ всей административной исторіи Франціи, было какъ нельзя болѣе съ руки для практическихъ исполнителей революціонной философской доктрины XVIII столѣтія.

Наиболѣе проникнувшійся государственною системою Руссо законодатель революціи (Сіесъ [1]) какъ нельзя лучше успѣлъ согласовать ея начала, въ ихъ практическихъ послѣдствіяхъ, со старымъ административнымъ механизмомъ и со всѣми прерогативами его власти, которыя потомъ и остались въ своемъ существѣ нетронутыми. Еще лучше доказалъ легкость этого согласованія Наполеонъ I. Великій императоръ и теоретически (въ основныхъ началахъ всѣхъ своихъ учрежденій), и исторически прямо шелъ отъ Сіеса, котораго онъ признавалъ своимъ лучшимъ законодательнымъ совѣтникомъ. [2]) Оставаясь въ принципѣ вѣренъ теоріи народнаго верховенства, какъ государь поставленный на престолъ народною волей: осуществлявшій еще болѣе призракъ этого принципа въ устройствѣ центральныхъ и мѣстныхъ представительныхъ собраній, Наполеонъ I легко могъ сохранить за властью, перешедшею въ его руки, все внутреннее, самое практическое ея содержаніе, то-есть весь административный ея абсолютизмъ какой та же власть имѣла при неограниченной королевской монархіи. Кромвель, подобный же излюбленникъ народной массы, не могъ имѣть этой власти,

---

[1]) Авторъ декларацій правъ (droits de l'homme этого исповѣданія вѣры революціи. (Ср Bluntschli, *Geschichte des Allgem. Staatsrechts*, pp. 321—328).

[2]) Несмотря на приверженность Сіеса къ основнымъ началамъ политической философіи Руссо, его здравый законодательный и политическій умъ заставлялъ его отказываться отъ многихъ чудовищныхъ логическихъ требованій этой философіи (напримѣръ онъ признавалъ необходимымъ народное представительство и ограниченіе народнаго верховенства законами, вопреки системѣ Руссо). Сверхъ того нравственная честность Сіеса (отчасти и благоразуміе) заставила его устранить себя и отъ ужасовъ революціи, и отъ деспотизма Наполеона. Едва ли императоръ не былъ болѣе вѣренъ, въ своемъ правленіи, системѣ Руссо, чѣмъ самъ законодатель революціи.

ибо ее не откуда было ему взять; она въ этомъ видѣ совсѣмъ не существовала въ англійскомъ государственномъ строѣ.

Бюрократическая централизація и самовластіе ея органовъ были усовершенствованы имперіи и доведены до такихъ крайнихъ предѣловъ какихъ они не знали даже при старомъ режимѣ, но общія начала этого управленія тѣ же самыя. Если представительныя учрежденія созданныя Наполеономъ I были только призракомъ представительства и нисколько не ограничивали его власти, даже въ законодательной дѣятельности, то и въ этомъ отношеніи было бы несправедливо обвинять во всемъ его личное властолюбіе, какъ бы велико оно ни было. Очень дерзко ворвался онъ съ своими гренадерами въ совѣтъ пятисотъ) и разогналъ ихъ 10-го ноября 1799 года, со словами: «Je ne veux plus de factions», [1]) «но этотъ дерзкій поступокъ и эти слова были только выраженіемъ общихъ желаній французскаго общества. Когда онъ черезъ нѣсколько дней заявилъ, что хочетъ, «чтобы не было ни якобинцевъ, ни умѣренныхъ, ни роялистовъ, а чтобы вездѣ были только французы»; [2]) когда онъ въ послѣдствіи часто и откровенно говорилъ о своемъ отвращеніи ко всякимъ парламентскимъ пренія̀мъ, то насколько все это было согласно съ его личными инстинктами, настолько же соотвѣтствовало дѣйствительнымъ потребностямъ окружавшаго его общества. При внутреннемъ характерѣ всего государственнаго строя Франціи, при абсолютизмѣ административной власти, нисколько неизмѣненномъ революціей, парламентское правленіе, какъ мы уже говорили, только усиливаетъ этотъ абсолютизмъ и дѣлаетъ его наименѣе выносимымъ для народа, отдавая весь народъ въ распоряженіе одной партіи. Самый деспотическій дикта-

---

[1]) Я не хочу болѣе *крамольныхъ* партій.

[2]) *Qu'il n'y ait plus de Jacobins, ni de modérés, ni de royalistes, mais partout des Français.*

торъ способенъ, въ этихъ условіяхъ административной власти, скорѣе смягчить ея суровость для общества строгимъ личнымъ надзоромъ, строгимъ выборомъ должностныхъ лицъ. И до и послѣ Наполеона I во Франціи царствовали префекты, но самые лучшіе и любимые народомъ префекты были при немъ. Если администрація неограничена въ существѣ своей власти и неподсудна, то своеволіе ея органовъ только и можетъ быть сдержано крѣпкою рукой ея личнаго главы, который несетъ нелегкую отвѣтственность предъ исторіей, а безличное парламентское большинство не страшится даже и этого суда, какъ это отлично доказываетъ нынѣшнее національное собраніе во Франціи. Въ этихъ условіяхъ государственнаго управленія, борьба парламентскихъ партій только разстраиваетъ страну своимъ никому ненужнымъ шумомъ и только пугаетъ ее смѣною однихъ мѣстныхъ воеводъ другими, столь же пристрастными. Мы это и видимъ теперь во Франціи: созваніе національнаго собранія послѣ вакаціи устрашаетъ все общество, кромѣ немногихъ политикановъ. Если законъ и государственныя учрежденія не подчиняютъ администрацію, въ ея повседневныхъ отношеніяхъ къ обществу, безпристрастной нормѣ права, то это безпристрастіе ожидается по необходимости отъ диктаторской власти, которая бы не находилась въ распоряженіи партіи. Въ этой борьбѣ за захватъ неограниченной административной власти, всѣ политическія партіи получаютъ характеръ *крамольный*, какъ выражался Наполеонъ.

Запоздалые поклонники догмата народнаго самодержавія могутъ замѣтить намъ, что французской революціи не удалось послѣдовательно воплотить этотъ догматъ въ государственномъ строѣ Франціи и что имперія, ложно прикрывалась имъ, скорѣе подмѣнила, чѣмъ ему слѣдовала. Мы всего менѣе думаемъ это оспаривать, предоставляя другимъ вѣрить въ возможность всецѣлаго практическаго осуществленія этого ученія въ какомъ бы то ни было обществѣ. Исторія, какъ единственный опытъ

для политическихъ теорій, есть самый достовѣрный способъ оцѣнки ихъ практическихъ достоинствъ. Есть до сихъ поръ люди наивно вѣрующіе что несостоятельность французской революціи (собственно конвента и террора) произошла только потому что не были до конца доведены всѣ ея разрушенія и созиданія. что еслибъ она не была остановлена рукою Наполеона. то непремѣнно водворила бы царство небесное на землѣ, что такое точно г. Тьеръ помѣшалъ это сдѣлать коммунѣ, и т. д. Всѣ такія разсужденія, не признающія никакого смысла въ исторіи, потеряли всякое значеніе предъ судомъ современной науки, хотя и повторяются непросвѣщенными фанатиками революціи. Несостоятельность всякой утопической политической доктрины въ томъ именно и заключается, что она не принимаетъ въ расчетъ исторически сложившагося общества, и когда встрѣчаетъ на своемъ пути его историческую реальность, объ нее разбивается, но винитъ не себя, а историческія обстоятельства, въ которыхъ только обнаружилась сама эта реальность. человѣкъ, каковъ онъ дѣйствительно есть и сдѣланъ исторіей.

Но опровергать революціонныя мечты и чаянія здѣсь нѣтъ никакой надобности. Мы хотѣли только заявить фактъ, что единственное новое государственное начало (народное верховенство), внесенное революціей въ старый государственный строй Франціи, не измѣнило его въ дѣйствительности. что вліяніе этого начала ничтожно, сравнительно съ могуществомъ многовѣковыхъ историческихъ началъ, проникающихъ собою весь этотъ строй и нами изложенныхъ. что главное практическое дѣйствіе новаго революціоннаго начала заключалось именно въ чрезвычайномъ усиленіи дѣйствія этихъ старыхъ началъ. и что въ нихъ гораздо болѣе чѣмъ въ переворотахъ, произведенныхъ въ государствѣ великой революціей, кроется коренной хронически недугъ французскаго государства. Въ государственномъ управленіи Франціи. обусловленномъ всѣми особенностями ея исторіи и нисколько не измѣненномъ революціей, кроется, какъ мы

объясняли, причина благодаря которой такъ естественны всякіе насильственные перевороты, и всякое новое движеніе въ обществѣ, приводящее въ другихъ странахъ къ реформамъ, разрѣшается революціоннымъ взрывомъ. Мѣнялись требованія общества, идеи, содержаніе жизни, но революціонные конфликты общества и государства были тѣ же въ XIV столѣтіи какъ и въ XVIII и XIX. Многовѣковое движеніе къ упраздненію феодальной (сословной) организаціи общества, закончившееся взрывомъ 1789 года, было упущено совсѣмъ изъ виду французскою монархіей XVIII столѣтія, вопреки всѣмъ ея историческимъ традиціямъ. Главная заслуга французской монархіи и ея лучшихъ представителей, придававшая ей крѣпость, вопреки всѣмъ ударамъ, заключалась въ борьбѣ съ феодальными привилегіями, въ гражданскомъ уравненіи подданныхъ. Чрезвычайною энергіей этой специфической дѣятельности она подавляла всякія домогательства къ политической свободѣ, вознаграждала общество за ея отсутствіе и побуждала всѣхъ строптивыхъ представителей этихъ домогательствъ, поземельную аристократію, общину и всякія самостоятельныя и представительныя корпораціи. Выродившіеся въ XVIII столѣтіи потомки этой великой въ свое время династіи выпустили изъ своихъ рукъ это многовѣковое движеніе французскаго государства. Остатки феодальныхъ привилегій были сломаны революціей: въ этомъ окончательномъ уравненіи обществъ на почвѣ права заключалось ея главное дѣло, но и въ немъ ей принадлежитъ только ломка. Оно было организовано и собственно создано только законодательствомъ Первой Имперіи. Новое гражданское право со всѣми своими гарантіями, безусловная равноправность и личная гражданская свобода всѣхъ членовъ французскаго общества и затѣмъ охрана этого новаго частнаго права самостоятельною судебною властью (несмѣняемость судей) положены въ основаніе кодексовъ Наполеона I, которые останутся самымъ великимъ его историческимъ подвигомъ и которыми онъ

разрѣшилъ единственную опредѣленную государственную задачу революціи 1789 года [1]). Это была настоящая историческая задача революціи. А вопросъ *о политической свободѣ* былъ всего менѣе ею поставленъ; если онъ и занималъ собою умы наиболѣе просвѣщенныхъ членовъ генеральныхъ штатовъ (Мирабо, а позже талантливѣйшій изъ жирондистовъ), то большинству онъ былъ чуждъ. Вопросъ французской революціи не есть вопросъ о свободѣ: это давно слѣдовало бы понять.

Вся область частнаго права (преимущественно гражданскаго), со всею законодательною и судебною своею организаціей, составляетъ донынѣ самую крѣпкую и самую блестящую сторону французскаго государства. Эта область здѣсь такъ превосходно выработалась что Франціи могутъ позавидовать всѣ безъ изъятія европейскія націи, даже великобританская. Въ сферѣ французскаго частнаго права встрѣчаемъ именно тѣ гарантіи законности и права, отсутствіе которыхъ есть самая характеристическая черта французской націи въ области публичнаго права (или государственнаго въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова). Вся эта область въ своемъ внутреннемъ существѣ, въ основныхъ началахъ государственнаго управленія и административной власти, во всѣхъ ихъ отношеніяхъ къ обществу и лицу, осталась и послѣ революціи и глубокихъ реформъ ея великаго организатора въ томъ же самомъ положеніи въ какомъ она была при старомъ режимѣ. Но Наполеонъ I не могъ найти въ революціонномъ движеніи никакихъ положительныхъ началъ для преобразованій въ этой области кромѣ смутнаго принципа народнаго верховенства. Онъ охотно удовлетворилъ этому принципу, въ самомъ коренномъ его требованіи, торжественно признавъ народную волю основаніемъ своей власти, тѣмъ болѣе что это нисколько не воспрепятствовало ему столь же торжественно искать помазанія главы римско-католической

[1]) Ср. L. Stein, *Geschichte der sozialen Bewegung*, 1848, I, p. 257—267.

церкви. Иные рьяные поборники французской имперіи, а также нѣкоторые французскіе мыслители [1]), высказывали убѣжденіе, что французская нація по самой своей натурѣ способна только къ гражданской, а не къ политической свободѣ, другими словами, къ *равенству*, а не къ *свободѣ*. Дѣйствительно французская демократія, развивавшая свои теоріи исключительно на почвѣ догмата народнаго верховенства, не хуже римской республики уживается съ цесаризмомъ: она это доказала не только исторически, но даже и въ самыхъ своихъ умозрѣніяхъ. Въ своихъ крайнихъ и вирочемъ послѣдовательныхъ требованіяхъ, французская демократія осуждаетъ начало народнаго представительства и относится къ нему не только съ пренебреженіемъ, но съ ожесточеніемъ, противопоставляя ему, весьма логически съ своей точки зрѣнія, свои мѣстныя, самодержавныя народныя комиціи, или народныя громады, въ лицѣ которыхъ только дѣйствительно и можетъ весь народъ проявить или управдить свою верховную волю (по французскому техническому выраженію exercer sa volonté souveraine). Въ видѣ какъ бы невольной уступки господствующему въ высшихъ образованныхъ классахъ предубѣжденію въ пользу представительства, — такъ-сказать по нуждѣ, — французская демократія посылаетъ своихъ представителей, но не иначе какъ съ mandat impératif, то-есть съ прямыми обязательными для нихъ полномочіями отъ избирателей. Эти полномочія и практически и теоретически противны самому понятію о государственномъ народномъ представительствѣ и совѣмъ его подкапываютъ, какъ мы это и видимъ во Франціи.

Въ этомъ равнодушіи отчасти даже враждебности современной демократіи къ народному представительству, кроется инстинктивное сознаніе чего-то болѣзненнаго, неладнаго, въ представительствѣ, когда оно является въ

---

[1]) Знаменитый французскій философъ Кузенъ, во время Второй Имперіи.

формѣ французскаго парламентаризма. Оно кажется практическимъ народнымъ массамъ, въ лучшемъ случаѣ, учрежденіемъ безплоднымъ для удовлетворенія ихъ насущныхъ потребностей, а въ худшемъ случаѣ, оно кажется имъ даже механизмомъ, который нарочно придуманъ для служенія своекорыстнымъ интересамъ высшихъ владѣльческихъ классовъ, для олигархическаго захвата государственной власти съ цѣлью доставленія высшимъ классамъ власти надъ низшими. И таково отчасти дѣйствительно всякое центральное представительное собраніе не связанное со страною сверху до низу неразрывными узами мѣстнаго самоуправленія, и занимающееся словопреніями и личными счетами партій. Французскія представительныя собранія всего менѣе содѣйствовали практическому улучшенію законодательства, администраціи и быта страны. Всѣ самыя значительныя, и въ наше время столь важныя, промышленныя реформы были произведены во Франціи, при Второй Имперіи, посреди безмолвія парламентской трибуны. Нельзя поэтому удивляться, что демократизированныя рабочія массы, не имѣя во Франціи, включительно съ своими вожаками, никакого сознанія условій свободнаго правомѣрнаго государства, бросаются въ объятія цесаризма, который по крайней мѣрѣ обѣщаетъ имъ, съ болѣе обезпеченнымъ положеніемъ промышленности и съ публичными работами, болѣе продолжительный и вѣрный заработокъ. Онѣ и колеблются въ своихъ смутныхъ представленіяхъ между двумя полюсами, имперіей, дающей имъ panem et circenses, и коммуной, этимъ собственнымъ желаннымъ царствомъ, изъ котораго ихъ изгонятъ войска и имперіи и республики. О коммуналистскихъ чаяніяхъ рабочаго класса мы будемъ говорить въ свое время, когда займемся рабочимъ вопросомъ, а теперь возвращаемся къ предмету насъ занимающему.

Политическія ученія, воодушевлявшія вождей и ораторовъ французской революціи, и вся такъ-называемая революціонная философія, предшествовавшая 1789 году,

были, хотя и въ нѣсколько иныхъ формахъ, распространены всюду въ то время въ Европѣ. Въ Германіи государственная философія Канта и въ особенности Фихте имѣла въ своей основѣ тѣ же самые принципы какъ и политическія системы Руссо и Сіеса, и въ томъ числѣ народное верховенство [1]). Эти два германскихъ философа пользовались громаднымъ вліяніемъ на современниковъ; ихъ практическіе политическіе выводы, если и не столь рѣзкіе и рѣшительные относительно окружавшаго ихъ государственнаго порядка, тѣмъ не менѣе заключали въ себѣ положительное его осужденіе и подрывали его нравственныя основы. Если ученія Канта и Фихте не были столь доступны для публики какъ сочиненія Руссо, за то они проповѣдывались съ университетской каѳедры, глубоко проникали въ умы молодого поколѣнія, переходившаго съ университетской скамьи къ практической дѣятельности по всѣмъ ея отраслямъ. Хотя и Кантъ и въ особенности Фихте [2]) имѣли нѣкоторыя столкновенія съ властями, но они преподавали свои ученія съ тою свободою какою издавна пользуется университетская наука въ Германіи, и съ несравненно большею свободой чѣмъ въ то же время обращались тѣ же политическія ученія во Франціи. А университеты всегда владычествовали въ умственной жизни Германіи, тогда еще больше чѣмъ теперь. Конечно политическія умозрѣнія, оглашавшія университетскія стѣны, держались на извѣстномъ почтительномъ разстояніи отъ предержащей государственной власти и не дозволяли себѣ слишкомъ наступательныхъ на нее дѣйствій; требованія чистаго разума, какъ бы они ни были радикальны сами по себѣ, всегда строго

---

[1] См. Bluntschli, *Geschichte des Allgemeinen Staatsrechts*, pp. 328—386 (Immanuel Kant, I. Gotlieb Fichte).

[2]) Фихте, съ горячимъ сочувствіемъ отнесшійся къ первому движенію французской революціи, печатно защищавшій ее и откровенно признавшій себя демократомъ, долженъ былъ удалиться изъ Іенскаго университета въ Берлинъ, гдѣ король Фридрихъ Вильгельмъ II принялъ его подъ свое личное покровительство (см. тамъ же p. 366).

различались съ требованіями практической политики. «Изъ всѣхъ цивилизованныхъ націй, говорилъ Кантъ, нѣмецъ всего легче подчиняется правительству подъ которымъ онъ живетъ, и всего болѣе далекъ отъ страсти къ новаторству и отъ сопротивленія существующему порядку».

Событія нынѣшняго вѣка (и именно 1848 — 49 годовъ) въ Германіи доказали, что едва ли можно упомянутую черту считать за непреложное національное свойство германца. Давно впрочемъ пора перестать считать національныя свойства народа за нѣчто неизмѣнное и не зависящее отъ разнообразныхъ историческихъ условій, посреди которыхъ онъ живетъ, и отъ того или другаго государственнаго порядка, который дастъ такое рѣшительное направленіе чувствамъ и мыслямъ каждой націи. А этотъ порядокъ, если и слагается отчасти подъ вліяніемъ особенныхъ національныхъ свойствъ народа, то едва ли не еще въ большей степени слагается подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ и дѣйствующихъ въ нихъ личностей. Также точно давно пора перестать считать тѣ или другія политическія *идеи*, т.-е. теоріи, вращающіяся въ высшихъ слояхъ общества, разрозненными съ дѣйствительнымъ государственнымъ порядкомъ господствующимъ въ странѣ, и считать ихъ вредными или опасными независимо отъ этого порядка, не взирая на тѣ или другія его свойства. Развѣ не знаменателенъ фактъ, что тѣ же самыя политическія ученія получали, подъ вліяніемъ различнаго государственнаго порядка, совсѣмъ различное направленіе во Франціи и Англіи, и что тѣ же самыя идеи, являвшіяся наружными и разрушительными въ одномъ государствѣ, были совсѣмъ безвредны въ другомъ? Мы уже говорили каковы самые крайніе республиканцы въ Великобританіи. Всѣ эти различные элементы народной жизни, — національный характеръ общества, идеи, волнующія образованныя его сферы, экономическіе интересы, занимающіе собою всѣ его классы, и наконецъ характеръ самаго государственнаго строя или

народа, находятся въ тѣсномъ между собою взаимодѣйствіи, но *только во взаимодѣйствіи*. Ни одинъ изъ этихъ элементовъ самъ по себѣ, независимо отъ другихъ, не опредѣляетъ историческихъ судебъ народа. Отъ непризнанія этой самой простой истины и происходитъ между прочимъ это не прекращающееся двухстороннее заблужденіе: то во всемъ виноваты общество, народъ, противъ государства и правительства, то наоборотъ, во всемъ виноваты государство и правительство предъ народомъ.

Та же самая политическая философія радикальная въ своихъ принципахъ, то же самое естественное право съ его презрительнымъ отношеніемъ ко всякому положительному и историческому праву, та же теорія государства основанная на воображаемомъ договорѣ (народа съ государственною властью) и прямо истекающее изъ нея ученіе о верховенствѣ народной воли и верховномъ правѣ ея на низверженіе государственной власти, тѣ же теоріи и тѣ же ученія въ XVIII столѣтіи одинаково господствовали въ Германіи какъ и во Франціи. Но въ Германіи всѣ эти доктрины и ихъ адепты становятся въ примирительныя отношенія къ историческому государству, требуя реформы, а не революціи, тогда какъ во Франціи тѣ же самыя доктрины служатъ въ рукахъ демагоговъ оружіемъ для разрушенія государственнаго порядка. Нельзя же не видѣть причины такого различнаго дѣйствія тѣхъ же ученій въ общемъ государственномъ строѣ германскаго общества, существенно отличномъ отъ строя французскаго. Сколько ни было первоначальнаго историческаго сродства между Германіей и Франціей, и сколько ни было также въ послѣдствіи пущено въ германскую правительственную *сферу и бюрократію французскихъ* понятій, все-таки *государственная жизнь въ той и другой странѣ* текла *различными направленіями и государственный* порядокъ имѣлъ далеко не одинаковыя основанія въ Германіи и во Франціи. Великія реформы, совершившіяся въ первой четверти нынѣшняго столѣтія въ Германіи, и преимущественно въ Пруссіи, произошли

нисколько не въ духѣ французскаго государства и французской революціи, хотя онъ и совершились отчасти подъ ея ударами.

Еще одно историческое явленіе можетъ подтвердить нашу мысль, что вліяніе политическихъ теорій на движеніе практической политической жизни вообще слишкомъ преувеличивается и что напротивъ вліяніе жизни на теоріи гораздо сильнѣе, чѣмъ это вообще думаютъ. Политическая философія и наука именно въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія отрѣшились и отъ догматическаго радикализма вообще и отъ ученія о договорномъ государствѣ; со всѣхъ каѳедръ самыми знаменитыми представителями государственныхъ знаній въ Германіи преподавались самыя консервативныя историческія начала государственнаго права. Между тѣмъ, въ это самое время, и въ Германіи и во всей Европѣ подготовлялись революціонныя движенія: общество становилось въ болѣе и болѣе враждебныя отношенія къ государству, и надъ Европой пронеслась буря 1848—49 годовъ. Какъ она ни была скоротечна, она однако глубоко потрясла всѣ престолы и всѣ власти. Эта буря собиралась въ теченіе всего періода великой реакціи 1815—1848 годовъ, когда законодательство всей Европы, кромѣ Англіи, оцѣпенѣло въ своей неподвижности, когда бюрократическій и административный абсолютизмъ Франціи сдѣлался вездѣ господствующимъ, и когда правительства стали отказываться даже отъ тѣхъ государственныхъ началъ, которыя сами провозглашали въ началѣ вѣка. Самымъ разительнымъ примѣромъ всему этому служитъ Пруссія. Какъ радикальныя теоріи ученыхъ и философовъ конца XVIII столѣтія были не въ силахъ потрясти въ Пруссіи государственный порядокъ, такъ же точно умѣренныя и охранительныя ученія послѣдующаго поколѣнія были не въ силахъ предотвратить перевороты 48—49 годовъ. Гегель, котораго называли философомъ кранцей прусской бюрократической ортодоксіи, всесильно властвовалъ надъ умами до этой эпохи, и однакоже на берлинскихъ ули-

цахъ произошли революціонныя оргіи не лучше парижскихъ. Какимъ бы нравственнымъ могуществомъ ни обладали ученія науки въ исторической жизни народовъ, но ихъ вліяніе проявляется очень не быстро, преимущественно посредственнымъ образомъ, черезъ законодателей и правителей, черезъ посредство понятій, которыя они вносятъ въ свою дѣятельность и которыми восприняты ими на почвѣ науки и въ школѣ. Это вліяніе научныхъ идей имѣетъ съ тѣмъ находится въ тѣсной зависимости отъ того дѣйствительнаго государственнаго строя, въ которомъ живутъ и дѣйствуютъ законодатели и правители. Такъ послѣ 1849 года возникла во всей Европѣ передѣлка въ государственномъ устройствѣ и управленіи, въ духѣ преимущественно великобританскаго государства, а не французскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ революціонные элементы стали всюду болѣе и болѣе ослабѣвать. Это сочувствіе къ великобританскому государственному строю, усилившееся въ правительственныхъ сферахъ и значительно подвинувшее ихъ къ преобразовательной дѣятельности, было плодомъ движенія науки, посреди котораго воспиталось новое поколѣніе государственныхъ людей (въ особенности въ Германіи). Замѣчательно, что въ странѣ гдѣ ученіе о народномъ верховенствѣ было бы менѣе распространено чѣмъ въ Англіи, даже въ XVIII столѣтіи, когда оно было господствующимъ на континентѣ. Нынѣ это ученіе, держащееся въ государственномъ правѣ Франціи какъ его основное начало, въ большомъ ходу среди германской соціальной демократіи, которая сама и безсильна пока произвести серіозныя политическія замѣшательства, однако располагаетъ огромною арміей въ рабочихъ массахъ, всегда готовою воспользоваться всякимъ случаемъ для смуты. Но несмотря на сочувственныя связи между рабочими классами Германіи, Франціи и Англіи, несмотря на многія общія въ средѣ ихъ всѣхъ стремленія и на нѣкоторые общіе органы дѣятельности, въ понятіяхъ англійскаго рабочаго класса нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ вѣрованія въ догматъ народнаго верховен-

ства. Даже въ политическихъ кругахъ Англіи, настроенныхъ къ республиканскому образу мыслей, нѣтъ и рѣчи объ этомъ догматѣ, признаваемомъ во Франціи не только республиканцами, но и конституціонными монархистами за фундаментъ государственнаго зданія.

Принято думать, что этотъ злосчастный догматъ унаслѣдованъ Франціей отъ XVIII вѣка, отъ ея философіи и революціи, и что онъ до сихъ поръ остается главною причиною всего ея революціоннаго недуга. Однако необходимо значительно ограничить дѣйствіе этой причины. Этотъ догматъ дѣйствительно самый анархическій и творный, но было бы странно думать, что всѣ тѣ шайки мятежниковъ, толпы городскихъ рабочихъ, которые всегда готовы по первому клику выскочить изъ своихъ подполій и мастерскихъ и идти на баррикады во Франціи, чтобы всѣ они сознательно исповѣдывали этотъ догматъ о народномъ верховенствѣ и о верховномъ правѣ народа-государя по своему произволенію разрушать и созидать государственный порядокъ. Если даже эти мятежныя и невѣжественныя толпы безпрерывно, по рутинѣ, восклицаютъ о своемъ священномъ правѣ инсурреціи, то эти клики имѣютъ никакъ не болѣе смысла чѣмъ восторженное въ этомъ же случаѣ пѣніе *Марсельезы*, авторъ которой, какъ извѣстно, всего меньше думалъ о революціонномъ возстаніи, сочиняя свою пѣсню. И не только эти во всякое время организованныя во Франціи войска революціи, но даже и ихъ болѣе образованные предводители не отдаютъ себѣ сознательнаго отчета въ теоріи народнаго верховенства, которую боготворятъ французскіе радикалы, съ одинаковымъ жаромъ вооружающіеся противъ выборныхъ властей и противъ народныхъ представителей, какъ и противъ королевскихъ, императорскихъ и всякихъ бюрократическихъ властей. Въ настоящую минуту всѣ крайніе французскіе республиканцы сопротивляются плебисциту о формѣ правленія, хотя этотъ плебисцитъ былъ бы самымъ послѣдовательнымъ приложеніемъ ученія о верховной народной волѣ:

чѣмъ же лучше могла бы, казалось, заявить себя, какъ не постановленіемъ своего безаппелляціоннаго рѣшенія относительно желаемой ею формы правленія? Однако предложить этотъ вопросъ народу согласны только имперіялисты, а всѣ отъявленные республиканцы безусловно отвергаютъ этотъ способъ разрѣшенія нескончаемаго вопроса о формѣ правленія. Правда, французскіе республиканцы, чистые, то-есть желающіе республики по внутреннему убѣжденію, а не вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ и не вслѣдствіе одной только невозможности устроить монархію (какъ Тьеръ и его приверженцы въ лѣвомъ центрѣ національнаго собранія), всегда проповѣдывали, что республика выше чьей бы то ни было воли, что она не подлежитъ обсужденію, также точно какъ легитимисты признаютъ внѣ всякихъ преній монархію. Такимъ образомъ республика, которая, съ другой стороны, ея же исповѣдниками защищается какъ форма правленія наиболѣе соотвѣтствующая принципу народнаго верховенства, вступаетъ въ смертельную борьбу съ этимъ же принципомъ, при самомъ, казалось бы, простомъ практическомъ его примѣненіи.

Но возможно ли примирить неразрѣшимыя внутреннія противорѣчія ученія о народномъ верховенствѣ, когда оно, какъ мы уже достаточно говорили выше, не только въ каждомъ практическомъ своемъ примѣненіи, но во всемъ своемъ существѣ распадается на понятія одно другому противорѣчащія. Здѣсь мы хотѣли только показать, что поклонники этого ученія во Франціи сами отъ него отказываются, ломая по своему произволенію чтимую ими народную волю и не признавая себя повинными предъ самыми законными ея приговорами. Поэтому нельзя говорить о принципѣ народнаго верховенства, положенномъ въ основаніе французскаго государственнаго строя великою революціей, а также и о самой этой революціи, ничего кромѣ этого принципа въ государственномъ отношеніи не создавшей; какъ о первой причинѣ всѣхъ дальнѣйшихъ потрясеній въ этомъ строѣ.

Самое значительное и самое вредное послѣдствіе политической доктрины народнаго верховенства, знамя которой было дѣйствительно впервые водружено на практической государственной почвѣ революціей и съ тѣхъ поръ поднимается во всякомъ французскомъ переворотѣ, есть то вліяніе, которое съ тѣхъ поръ эта доктрина возымѣла на политическіе умы и правящіе классы во Франціи. Нѣсколько поколѣній государственныхъ людей Франціи, въ теченіи всего нынѣшняго столѣтія, были теоретически воспитаны исключительно по понятіямъ этой доктрины. Она сдѣлалась непререкаемымъ догматомъ для всѣхъ политическихъ партій, кромѣ легитимистской, и уже это одно препятствовало усвоенію во Франціи государственныхъ понятій, выработанныхъ наукою новаго времени. Съ помощью этихъ понятій производились глубокія реформы въ государственномъ управленіи всѣхъ другихъ странъ. Единственная руководящія государственныя идеи каждой французской партіи заключались въ томъ или другомъ пониманіи и толкованіи принципа народнаго верховенства, въ которомъ собственно и заключался весь *политическій* (не соціальный) [1]) результатъ такъ-называемыхъ великихъ принциповъ 1789 года, grands principes de la révolution, отъ которыхъ, какъ извѣстно, не дерзаетъ отказываться ни одна партія, кромѣ легитимистской. Этимъ было обусловлено то обстоятельство, что каждая партія заботилась исключительно объ устройствѣ верховной государственной власти, о сооруженіи того или другаго искусственно придуманнаго механизма высшихъ властей (les grands pouvoirs publics), для примиренія принципа народнаго верховенства съ практическими потребностями государственнаго управленія и общественнаго порядка. Казалось что эту, въ сущности неразрѣшимую задачу, всего успѣшнѣе могла

---

[1]) Не должно терять изъ виду, что мы постоянно говоримъ здѣсь только объ одной политической (государственной) сторонѣ революціи, отличая ее отъ соціальной.

разрѣшить партіи такъ-называемой конституціонной монархіи, заключавшая въ себѣ въ теченіи всего нынѣшняго вѣка самыхъ просвѣщенныхъ и уважаемыхъ политическихъ людей Франціи (центры тепереннаго національнаго собранія) и имѣющая своимъ родоначальникомъ Бенжамена Констана [1]); но это могло казаться лишь при поверхностномъ взглядѣ и на политическую программу этой партіи и на дѣйствительныя государственныя нужды нашего времени.

Въ теченіи нынѣшняго столѣтія, эта партія имѣла въ своихъ рукахъ власть нѣсколько разъ: при законной монархіи (реставраціи), іюльской монархіи, при Второй Имперіи, послѣ реформы 1868 года, и при нынѣшней республикѣ, въ правленіе Тьера. Въ каждую изъ этихъ эпохъ дѣйствовали во французскомъ правительствѣ люди съ различными оттѣнками убѣжденій и характеровъ, но всѣ принадлежавшіе по общему направленію своихъ государственныхъ воззрѣній къ одной и той же категоріи политическихъ людей, которые были прозваны въ 30-хъ годахъ *доктринерами*, и которыхъ большею частью принято называть *парламентаристами*. Они приверженцы французскаго парламентаризма, парламентскаго правленія въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова. Мы уже достаточно говорили о французскомъ парламентаризмѣ, основанномъ на подражаніи наружнымъ формамъ великобританской конституціонной жизни, безъ усвоенія внутренняго ея духа. Здѣсь нѣтъ намъ болѣе надобности распространяться объ этомъ предметѣ. Мы уже указали на главныя причины несостоятельности французскаго парламентскаго правленія, которое не имѣетъ ничего общаго съ великобританскимъ и въ которомъ съ представительными формами законодательной власти, по воображаемому англійскому образцу, соединяется *абсолютизмъ административной власти*, имѣющій немыслимой въ вели-

---

[1]) Срав. Bluntschli. *Geschichte des allg. Staasrechts*, pp. 515—540 (*Die constitutionelle Staatslehre und das Vernunftrecht*).

кобританскомъ государственномъ управленіи. При отрицаніи всякой *правомѣрности*, всякаго дѣйствительнаго конституціонализма въ государственномъ управленіи, всякихъ гарантій противъ его самовластія, были тщетны всякія попытки конституціонныхъ гарантій въ государственномъ устройствѣ.

Мы не можемъ не возвращаться безпрерывно къ этому самому больному мѣсту во французскомъ государственномъ организмѣ; мы уже достаточно подробно его описали въ предыдущихъ главахъ, чтобы для читателей была ясна сущность того историческаго недуга, который главнѣйше производилъ всѣ революціонныя смуты во Франціи. Революція измѣнила *гражданскій строй* общества и, хотя насильственно, вырвала самый болѣзненный феодальный въ немъ вередъ, сословную организацію и сословное неравенство, но основной недугъ въ *государственномъ* строѣ Франціи, бюрократическую централизацію и не ограниченныя никакими судебными и правовѣрными гарантіями произволъ административной власти, она не только не поправила, но даже усилила, и именно усилила догматомъ народнаго верховенства. Этотъ догматъ, несостоятельный въ теоріи, приводящій къ анархіи въ своемъ практическомъ примѣненіи, можетъ въ лучшемъ случаѣ оставаться въ государственномъ правѣ безъ его ниспроверженія, лишь посредствомъ разныхъ конституціонныхъ фикцій, только прикрывающихъ собою обманъ. Такимъ образомъ въ силу французскаго парламентаризма полъ монарха, главы исполнительной власти, неограниченнаго въ своемъ административномъ произволѣ, какъ верховнаго начальника неограниченныхъ въ своемъ бюрократическомъ самовластіи административныхъ учрежденій, становится народное представительство, якобы выражающее верховную волю народа, также ничѣмъ не ограниченную, не только относительно законодательной дѣятельности, но и даже административной. Отсюда возникаетъ и ни смертельная борьба между двумя владыками, оканчивающаяся низверженіемъ одного въ силу вер-

ховной власти другаго, или устанавливается такъ называемое во Франціи парламентское правленіе, — идеалъ французскихъ конституціоналистовъ и либеральныхъ бюрократовъ, — т. е. самовластіе большинства народнаго представительства, нисколько не уменьшающее неограниченнаго деспотизма административной власти, а только усиливающее всѣ его практическія невыгоды неограничительнымъ политическимъ духомъ, который тогда примѣшивается ко всякому административному распоряженію. Сверхъ того, къ жизни мѣстныхъ народонаселеній, во всякомъ случаѣ закабаленной во власть префектовъ и подпрефектовъ, примѣшиваются парламентскія бури, нарушающія воображеніе мирныхъ обывателей возможностью революціи, ничего не прибавляя къ ихъ благосостоянію. На двухъ одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ и здравомыслящихъ политическихъ людей Франціи, г. Бабуте, сказалъ мѣткое слово посреди преній національнаго собранія о формѣ правленія; «Nous donnons le spectacle d'un peuple tranquille avec des législateurs agités». Масса мирныхъ обывателей, составляющая почти весь французскій народъ, не любитъ этого парламентскаго правленія, которое держится всегда въ искусственномъ эквилибрѣ, ежеминутно готовомъ покачнуться. Эта масса гораздо болѣе любитъ диктатуру. Мы уже объяснили почему эти внутреніе инстинкты практической массы во Франціи, какъ и всюду чуждой политикѣ, не такъ вѣрны какъ это кажется французскимъ конституціоналистамъ, привычнымъ къ искусственной, тепличной атмосферѣ политическихъ кружковъ. Французскій конституціонализмъ ни въ управленіи, ни въ движеніи законодательства, не даетъ тѣхъ удовлетвореній практическимъ потребностямъ народа, какія способенъ дать только здоровый конституціонализмъ: французское парламентское правленіе не спасаетъ мѣстныя народонаселенія отъ административнаго бюрократическаго произвола, который лежитъ въ самыхъ нѣдрахъ французскаго государственнаго строя, и оно не произвело и не производитъ тѣхъ глубокихъ законода-

тельныхъ реформъ, которыя необходимы для искорененія этого порока. Для этого послѣдняго дѣла парламентскій режимъ оказался немощнымъ, потому что онъ былъ занятъ исключительно борьбою каждой партіи за охрану своего *устройства верховной власти* противъ устроенства ея, предлагаемаго другими партіями. Такова до сихъ поръ картина политической жизни Франціи. И тутъ мы касаемся еще одного особаго вопроса, почти еще не тронутаго нами, спора о формѣ правленія. Этотъ споръ другое печальное и тяжкое наслѣдіе революціи.

Перерывъ въ историческомъ развитіи формы правленія есть, безъ сомнѣнія, величайшее зло революціи XVIII столѣтія, самымъ специфическимъ образомъ принадлежащее этой катастрофѣ. Въ сравненіи съ нимъ начало народнаго верховенства, какъ начало практически почти не дѣйствующее, гораздо меньшее зло, и нынѣшніе послѣдствія его обнаружились именно вслѣдствіе утраты Франціей съ конца XVIII столѣтія всякой исторической законной формы правленія. При этомъ фактѣ, начало народнаго верховенства, съ помощью котораго силятся теоретически возсоздать форму правленія, сдѣлалось особенно ядовито. Форма правленія образуется только исторически, и не творится теоріей. Нѣтъ сомнѣнія, что споръ объ основныхъ началахъ образа правленія, вслѣдствіе насильственнаго разрушенія его законной исторической формы, не прерывавшейся въ теченіе десяти вѣковъ, достаточенъ самъ по себѣ, чтобы произвести и поддерживать революціонное состояніе въ государствѣ. Въ иные моменты, какъ именно въ настоящій, можетъ даже казаться, что въ этомъ спорѣ единственная причина этого состоянія и что съ тѣмъ или другимъ его разрѣшеніемъ должны совсѣмъ покончиться революціонныя потрясенія во Франціи. Такъ говорятъ приверженцы всѣхъ парламентскихъ партій, и сами даже не всѣ они искренно и большею частію патріотически убѣждены, что это дѣйствительно такъ: что установивъ *окончательно* (?) форму правленія, желаемую каждымъ изъ нихъ, республику, мо-

нархію конституціонную, договорную, или монархію легитимистскую, по божественному праву, Франція покончитъ съ революціями.

Политическихъ людей скептически относящихся въ этой странѣ ко всякой формѣ правленія не много, а въ средѣ дѣйствующихъ партій ихъ почти совсѣмъ нѣтъ. Только политическіе мыслители-теоретики, находящіеся не у дѣлъ, могутъ позволить себѣ такой скептицизмъ: примѣромъ этому можетъ служить Э. Ренанъ, который едва ли не главнѣйшее вслѣдствіе своего нежеланія безусловно примкнуть ни къ одной изъ партій, спорящихъ объ образѣ правленія, утратилъ въ политическихъ кругахъ громкую популярность, которою онъ прежде пользовался.

Необычайная страстность, съ которою всѣ французскія партіи предаются вопросу о формѣ правленія, исключительно предъ всякими другими государственными дѣлами, не объясняется одною историческою необходимостью, поставившею этотъ вопросъ. И въ другихъ государствахъ бывали революціонныя и насильственныя разрушенія формы правленія и перерывы въ историческомъ законномъ развитіи верховной власти, но они вездѣ случались какъ исключительные историческіе случаи, продолжались временно, и въ историческомъ строеніи государства вездѣ отыскивались элементы къ возобновленію и закрѣпленію мгновенно порванной исторической нити. Во Франціи эти перерывы сдѣлались хроническими съ эпохи революціи: съ тѣхъ поръ въ теченіе почти цѣлаго вѣка, здѣсь не было ни одного образа правленія, которымъ бы можно было признать законнымъ, на основаніи начала государственнаго права съ того времени дѣйствующаго. Въ этомъ какъ нынѣ кажется, виновно болѣе всего главное изъ этихъ началъ — народное верховенство, которое не позволяетъ, при послѣдовательномъ своемъ примѣненіи, организовать ничего, кромѣ непрерывной анархіи. Въ признаемомъ этимъ началомъ во всѣхъ партіяхъ надеждѣ теоретически, a priori построить

форму правленія, — надеждѣ тщетной и невозможной — видимъ мы самое вредное послѣдствіе этого ученія. Другое практически не менѣе вредное его послѣдствіе — поголовная подача голосовъ (suffrage universel), логически вытекающая изъ народнаго верховенства. Поголовное, безразличное участіе всего народа въ политическихъ правахъ вредно уже потому что даетъ орудіе въ руки людей которые не въ состояніи имъ пользоваться, ставитъ самую значительную силу въ государствѣ въ распоряженіе необразованныхъ и незрѣлыхъ массъ, которыя могутъ безсознательно употребить ее на пагубу и другимъ и самимъ себѣ. Это право, далѣе, извращаетъ самое понятіе о политической льготѣ, о правѣ членовъ общества на участіе въ государственномъ управленіи, ибо эта льгота и это право являются не естественными послѣдствіями обязанности, тяготы на пользу государства, основанной на способности исполнить эту обязанность, а какою-то произвольною льготой, даруемой для удовольствія гражданъ, для украшенія ихъ политическаго быта. Исполненіе обязанности, безъ которой немыслимо никакое право, представляется здѣсь какимъ-то побочнымъ и посторонним дѣломъ, которое зависитъ отъ доброй воли людей считающихъ себя прежде всего одаренными правомъ на государство, но вольными пользоваться и не пользоваться этимъ правомъ, исполнять и не исполнять свои обязанности предъ государствомъ, по своему усмотрѣнію и благоизволенію. Ложныя политическія понятія возникающія изъ поголовнаго избирательнаго права подрываютъ въ своемъ основаніи всякое понятіе о политической правоспособности, безъ которой невозможна никакая здоровая политическая жизнь. Изъ поголовнаго избирательнаго права извлекла для себя пользу только Вторая Имперія; возможность эксплуатировать это право давно убѣдила наиболѣе здравомыслящихъ французовъ въ его практической несостоятельности. Къ несчастію, однажды дарованное народу право, какъ бы оно ни было пагубно для него самого, не можетъ

быть отъ него отобрано иначе, какъ путемъ насилій и потрясеній; сверхъ того, поголовное голосованіе крѣпко держится въ умахъ всѣхъ фанатиковъ догмата народнаго верховенства на теоретической почвѣ этого догмата.

Таковы послѣдствія единственнаго *положительнаго* дѣйствія катастрофы XVIII столѣтія на государственный строй Франціи. Всѣ эти послѣдствія ученія о народномъ верховенствѣ, какъ мы видимъ, имѣютъ гораздо болѣе теоретическій, чѣмъ практическій характеръ, то-есть главная сущность всѣхъ этихъ послѣдствій заключается въ тѣхъ ложныхъ отвлеченныхъ понятіяхъ о государственномъ правѣ, которыя этотъ революціонный принципъ внесъ во всѣ политическія воззрѣнія и вѣрованія французскихъ государственныхъ людей нынѣшняго вѣка. Практическое значеніе, доктрина народнаго верховенства получила главнѣйшее вслѣдствіе всѣхъ издревле свойственныхъ французскому государственному строю историческихъ и національныхъ пороковъ, зачавшихся, какъ мы видѣли, въ самыхъ первоначальныхъ періодахъ исторіи Франціи. Такимъ образомъ издавна начавшееся распаденіе всѣхъ стихій мѣстнаго самоуправленія и окончательное исчезновеніе ихъ въ XVIII столѣтіи лишили французское правительство той земской мѣстной почвы, на которой зачинается участіе общества въ государственномъ управленіи и на которой оно организуется какъ многочисленное, сложное цѣлое изъ представителей живыхъ историческихъ интересовъ. Вмѣсто такого общества, воспитаннаго въ сознаніи своихъ мѣстныхъ обязанностей предъ государствомъ и уже потому самому разчлененнаго на разнородныя группы, соотвѣтственно разнородности этихъ обязанностей, стала во Франціи масса личныхъ атомовъ, не имѣющихъ никакихъ взаимныхъ между собою государственныхъ отношеній, какія есть въ русскихъ земствѣ и мірѣ, германскихъ Landschaft и Gemeinde, англійскихъ графствѣ и приходѣ. Всѣ эти первобытныя историческія клѣточки государственнаго организма, соединяющія на первыхъ ступеняхъ

государственной жизни всякое общество съ государствомъ, были раздавлены продолжительнымъ процессомъ бюрократической централизаціи, который можно назвать историческимъ процессомъ истощенія народа. Эта сложная органическая и историческая единица, называемая націей, была постоянно угнетаема такимъ простымъ и въ то же время такимъ могущественнымъ государственнымъ механизмомъ, какъ бюрократія. И конечно нигдѣ нѣтъ народной массы столь удобной для великихъ политическихъ экспериментовъ какъ во французской націи, гдѣ народъ представляетъ самъ въ себѣ мало самостоятельныхъ жизненныхъ силъ для противодѣйствія вивисекціямъ, надъ нимъ производимымъ изъ государственнаго центра, то революціонерами, то диктаторами.

На такой почвѣ доктрина народнаго верховенства могла не остаться плодомъ личныхъ мечтаній уединенныхъ мыслителей, какъ осталась въ другихъ странахъ. Между этою доктриною и многовѣковымъ развитіемъ французскаго государства издавна были самыя тѣсныя логическія связи, обнаружившіяся гораздо ранѣе XVIII столѣтія. И цѣлыя массы народонаселенія, провинціи, города (именно Парижъ) и отдѣльныя сословія, дворянство, городскіе патриціи, общины и наконецъ первоначальныя представительныя собранія, генеральные штаты, всѣ общественные и народные союзы, постоянно домогались *верховенства правъ*, прерогативъ верховной власти въ государствѣ, не соглашаясь ни на какія съ нею сдѣлки и уступая только силѣ. Эту печальную историческую картину, продолжающуюся до сихъ поръ въ странѣ и націи, одаренныхъ самыми высокими природными качествами, мы прежде очертили. Какъ ни трудны всякія обобщенія разнообразныхъ фактовъ столь сложной картины, мы позволяемъ себѣ однако сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Когда народъ всею своей исторіей насильственно отлучается отъ всякаго права участія въ государственномъ управленіи, то въ историческіе моменты крайней политической необходимости такого уча-

стія, онъ стремится получить для себя мѣсто въ государственномъ строѣ или формальнымъ договоромъ съ властью или революціоннымъ насиліемъ. Всякіе такіе договоры, какъ бы они ни были торжественны, не имѣютъ силы сами по себѣ, безъ людей добровольно желающихъ ихъ исполнить съ обѣихъ сторонъ и безъ внутреннихъ условій и въ государствѣ и въ обществѣ благопріятныхъ для исполненія договора, — прежде же всего безъ государственнаго воспитанія, получаемаго и людьми власти и людьми подвластными отъ исторической жизни. Это неопровержимо доказываетъ вся европейская исторія, а государственная теорія сверхъ того показываетъ безсмысліе самаго существа всякаго *договора народа съ государственною властью*, его противорѣчіе самымъ основнымъ современнымъ понятіямъ о государствѣ какъ о союзѣ людей не имѣющихъ ничего общаго съ договорнымъ началомъ. Вслѣдствіе несостоятельности договора, является и безпрерывно повторяется насиліе противъ власти, еще болѣе безплодное.

Мы вошли во всѣ эти разсужденія чтобы возобновить въ памяти читателей уже изложенный прежде нашъ общій взглядъ на хроническій революціонный недугъ Франціи, — какъ на результатъ не одной только катастрофы XVIII столѣтія, а всей ея исторіи, безъ которой была бы непонятна самая эта катастрофа.

XII.

1875 — 1880.

РАЗНЫЯ МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ [1].

I.

Мы слѣдимъ съ напряженнымъ любопытствомъ за борьбою политическихъ партій во французскомъ національномъ собраніи, въ англійскомъ парламентѣ, въ германскомъ рейхстагѣ, и не обращаемъ никакого вниманія на политическія бури (?), происходящія въ нашемъ отечествѣ. Изучая тщательно программы французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ консерваторовъ и радикаловъ, мы проходимъ молча мимо вопросовъ и явленія нашей собственной политической жизни, о которыхъ потомъ узнаемъ отъ иностранныхъ газетныхъ корреспондентовъ, сильно занятыхъ нынѣ Россіей. Однако, какія же у насъ политическія бури? Какія же у насъ партіи? Гдѣ же у насъ борьба консерваторовъ съ радикалами? Если и происходятъ въ нашихъ делиберирующихъ (обсуждающихъ) собраніяхъ кое-какія легкія бури, то онѣ остаются невѣ-

---

[1]) Мы сочли не лишнимъ помѣстить здѣсь эти мелкія замѣтки, написанныя нами въ газетахъ («Новомъ Времени» прежней редакціи и «Голосѣ»), въ послѣдніе годы (1875—1880) по поводу разныхъ случаевъ текущей жизни. Эти случаи имѣютъ связь съ общими вопросами, обсуждаемыми въ настоящей книгѣ.

домыми для печати. Такъ, напримѣръ, по городскимъ слухамъ, такія бури, хотя бы и разрѣшающіяся всегда мирными соглашеніями относительно редакціи, происходятъ въ одной коммисіи (по рабочему вопросу), но ни оффиціальныхъ, ни оффиціозныхъ сообщеній о преніяхъ этого вновь устроеннаго коллегіальнаго учрежденія мы не имѣемъ. Въ первые дни засѣданій этой коммисіи стали появляться жидкія извѣстія объ ея занятіяхъ въ разныхъ газетахъ, но и тѣ прекратились, именно въ то самое время, когда, суди по слухамъ, возникли столкновенія между мнѣніями, называемыя на новѣйшемъ оффиціальномъ языкѣ «недоразумѣніями». Какъ бы ни были интересны эти недоразумѣнія, сколько бы энергіи ни проявили въ нихъ и охранители, и прогрессисты, какой бы ни происходилъ между ними ожесточенный бой по поводу обязательности или необязательности рабочихъ книжекъ (охранители стоятъ, какъ разсказываютъ городскіе вѣстовщики, за обязательность, прогрессисты, согласно правительственному проекту, за необязательность, и одержали верхъ), но нельзя же писать передовыя газетныя статьи на основаніи городскихъ сплетенъ. Это не подобаетъ. Мы не имѣемъ для такихъ статей даже болѣе благообразнаго, чѣмъ сплетни достовѣрныхъ, фактическаго матеріала, какимъ располагаютъ нынѣ въ такихъ случаяхъ (т.-е., въ случаяхъ глухихъ государственныхъ дѣлъ и негласныхъ собраній) иностранныя газеты; мы не имѣемъ публикуемыхъ ихъ корреспондентами частныхъ разговоровъ съ государственными людьми. Или такой иноземный людъ еще не завелся въ нашей столицѣ, какъ въ другихъ европейскихъ столицахъ, или наши государственные люди, при всей видимой прогрессивности иныхъ изъ нихъ, болѣе скромны и еще не чувствуютъ въ себѣ расположенія давать, на подобіе Тьера, Бисмарка, Арнима, аудіенціи (технически называемыя англійскими и американскими корреспондентами interview, свиданія, собесѣдованія тожъ) иностраннымъ корреспондентамъ, весьма, впрочемъ, размножившимся въ С.-Петербургѣ, или, на-

конецъ и тѣ и другіе, и корреспонденты и государственные люди, въ виду недавнихъ судебныхъ передрягъ съ англійскимъ корреспондентомъ — собесѣдникомъ гр. Арнима въ Берлинѣ, остерегаются судебной власти. Если въ XVIII столѣтіи, были суды въ Берлинѣ (по изреченію мельника Сапь-Суси), то они имѣются теперь и въ Петербургѣ. Тѣмъ не менѣе, въ Берлинѣ, которому мы стараемся подражать, такіе корреспонденты собесѣдники расплодились, а у насъ ихъ пока нѣтъ. Все это такъ: мы не имѣемъ никакого положительнаго матеріала, чтобы разсуждать о внутренней политикѣ, производящейся въ сѣверной столицѣ. За то, однако, мы имѣемъ передъ собою дѣлиберирующее собраніе (дворянское) въ одномъ большомъ городѣ, гдѣ, на дняхъ, происходили не шуточныя бури; имъ слѣдовало бы, казалось, заняться нѣсколько болѣе, чѣмъ споромъ г. Гамбетты съ г. Шенелономъ, или лорда Гартингтона съ г. Дизраэли. Въ этомъ собраніи тоже дѣйствуютъ и консерваторы и радикалы, гори и вини, — можетъ быть, нѣсколько иные, чѣмъ англійскіе, — менѣе крупнаго калибра, — но за то русскіе, и русская печать должна бы, по меньшей мѣрѣ, оказать имъ тотъ же почетъ, какъ и великобританскимъ партіямъ. Тутъ также шелъ споръ за власть, если и не за государственную, то за дворянскую, за должности предводителей дворянства губернскаго и уѣздныхъ, за первенство, если не въ государствѣ, то въ единственномъ политическомъ учрежденіи, какое пока имѣетъ наше отечество, въ средѣ россійскаго дворянства. Ібъ тому же, это дворянство одно изъ самыхъ видныхъ средоточій образованнѣйшихъ людей этого сословія и къ нему бываютъ устремлены взоры всѣхъ прочихъ дворянскихъ собраній. Къ различнымъ группамъ этого дворянства льготѣютъ различныя политическія направленія, если не всего нашего общества, то нашей печати, наши охранители и наши прогрессисты, — если не дѣйствительные охранители и прогрессисты, то, по крайней мѣрѣ, тѣ, которые желаютъ себя такъ именовать, и которые,

такъ или иначе, давали себя чувствовать въ нашей прессѣ. На неглассность этого дворянскаго собранія печать не можетъ пожаловаться; если нынѣшній его губернскій предводитель дворянства, не давалъ свиданій иностраннымъ корреспондентамъ и не объяснялъ имъ своихъ политическихъ видовъ, то многочисленныя газетныя извѣстія объ этихъ преніяхъ переполняютъ не только московскую, но и петербургскую печать, и такимъ образомъ, печать имѣетъ достаточно матеріала, чтобы произнести свое сужденіе объ этихъ преніяхъ. Они были бурны, какъ повѣствуютъ всѣ газеты, и трудно объяснить причины, почему бы ими не интересоваться. — почему бы не интересоваться спором кн. А. съ г. О. не менѣе, чѣмъ спором г. Дизраэли съ лордомъ Гартингтономъ? Почему самомалѣйшія вѣроятности паденія главы охранительной партіи въ Англіи кажутся болѣе любопытными для нашей прессы, чѣмъ дѣйствительное, уже совершившееся паденіе (т. е. невыборъ на должность губернскаго предводителя дворянства) князя А.? Это трудно понять. Здѣсь мы должны поспѣшить оговориться, чтобы не подвергнуться обвиненію въ искаженіи историческихъ фактовъ: судя по газетнымъ телеграммамъ и извѣстіямъ, ни кѣмъ не опровергнутымъ, кн. А. собственно не былъ не выбранъ, а самъ отказался отъ выборовъ, передъ началомъ баллотировки. Но, сказавъ объ его невыборѣ, мы были вправѣ предполагать, на основаніи всѣхъ опубликованныхъ извѣстій о пораженіяхъ, испытанныхъ имъ во всѣхъ преніяхъ, предшествовавшихъ выборамъ и что онъ отказался отъ баллотировки именно въ виду этихъ пораженій, замѣтивъ слишкомъ очевидное меньшинство своей партіи въ собраніи. Если мы не ошибаемся въ этомъ, то онъ поступилъ какъ нельзя болѣе правильно или, — какъ любятъ у насъ выражаться,— парламентарно. Гладстонъ также отказался отъ министерства прежде, чѣмъ окончательно заявило себя въ новомъ парламентѣ ожидавшееся имъ враждебное ему большинство. Наше предположеніе мы основываемъ преимущественно на томъ

обстоятельствѣ, что мотивируя въ своей рѣчи передъ баллотировкой (такъ гласятъ опубликованныя извѣстія) свой отказъ отъ нея тѣмъ соображеніемъ, что все имъ предпринятое на пользу общую имъ закончено и совершено, онъ держалъ бы эту рѣчь гораздо ранѣе, если бы онъ хотѣлъ отказаться отъ баллотировки только потому, что онъ довѣряетъ, какъ онъ говоритъ, все имъ начатое». Все это, вся эта внутренняя политика наша, остаются совсѣмъ не тронутыми въ передовыхъ статьяхъ нашихъ газетъ, сыплющихся со всѣхъ сторонъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и такъ бойко разсуждающихъ объ иностранныхъ политическихъ дѣлахъ. Этотъ самымъ замѣтный пробѣлъ въ нашей прессѣ мы возмечтались сколько-нибудь сегодня пополнить.

Неужели все это, нами упомянутое, не политическія дѣла нашего отечества? Неужели къ нынѣшнему предводителю дворянства кн. А. и къ его предпріятіямъ, нынѣ столь благополучно довершеннымъ, по его словамъ, не выказываетъ никакимъ сочувствіемъ наши охранители, а къ лицамъ, имѣвшимъ смѣлость его у власти, не питаютъ никакого сочувствія наши либералы и прогрессисты? Неужели все это ристалище партій не заслуживаетъ отъ нашихъ газетъ иного, кромѣ фельетонныхъ глумленій, какихъ мы уже довольно наслушались по поводу недавняго собранія? Неужели ничего другого, кромѣ обычныхъ дворянскихъ закусокъ, на немъ не произошло?

Предоставляемъ глумленіе другимъ, но для насъ опубликованныя извѣстія о недавнихъ засѣданіяхъ этого дворянства были весьма внушительны и навели на нѣкоторыя размышленія, серьезность которыхъ не подлежитъ для насъ никакому сомнѣнію. Серьезность впечатлѣній, вынесенныхъ нами изъ всѣхъ этихъ извѣстій, далеко не такъ страшна и велика, чтобы мы побоялись, самымъ искреннимъ образомъ, сообщить публикѣ результаты этихъ впечатлѣній. Ничего страшнаго и потрясающаго мы не имѣемъ сообщить: мы нисколько не усомнились въ охранительныхъ намѣреніяхъ кн. А., ни даже

въ довершеніи всего имъ начатаго, на пользу дворянства и отечества, въ охранительномъ духѣ. Если бы насъ посѣтило подобное сомнѣніе, то оно въ самомъ дѣлѣ было бы ужасно, и мы едва ли рѣшились бы его высказать. Но насъ тревожитъ другое: мы окончательно усомнились въ правильности выраженій «охранительное, консервативное, аристократическое и проч.» направленія, и «прогрессивное, либеральное, демократическое и проч. направленія,—въ правильности этихъ выраженій, не сходящихъ нынѣ съ языка нашего политизирующаго люда. Послѣ всего, что мы слышали о занимающемъ насъ дворянскомъ собраніи, чѣмъ оказываются наши бѣлые и наши красные, наши консерваторы и наши прогрессисты? Это совсѣмъ не то, что привыкли называть этими кличками въ западной Европѣ, откуда мы заимствовали всѣ эти прозвища. *Признаемся же, наконецъ, что они не имѣютъ у насъ никакого смысла.* Въ рядахъ такъ называемыхъ либераловъ и демократовъ, боровшихся тутъ съ охранителями и аристократами, стоятъ люди, которые если представляютъ собою что-нибудь въ политическомъ отношеніи, то представляютъ именно все то, что только можетъ быть (на какомъ угодно языкѣ) соединимо съ понятіями консерватизма и аристократизма, въ лучшемъ смыслѣ этихъ словъ: родовитыя фамиліи, семейныя преданія, образованіе, богатство, высокое общественное положеніе! Всѣ условія аристократизма, въ самомъ возвышенномъ европейскомъ значеніи этого нерусскаго термина, соединяются у насъ съ тѣми элементами нашего дворянскаго общества, которыхъ наши псевдо-аристократы и псевдо-консерваторы хотятъ разрисовать публикѣ, какъ ярыхъ демократовъ и чуть-чуть не плебеевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти люди и по своему личному образованію, и по своему имуществу, никакъ не могутъ быть не охранителями. Вотъ то серьезное впечатлѣніе, которое оставлено въ насъ этими собраніями дворянства. Это дворянство и его нынѣшнее большинство дѣйствительно могутъ служить вѣрнымъ отраженіемъ историческаго духа всего

нашего высшаго сословія. Особенность этого сословія, въ отличіе отъ всѣхъ западно-европейскихъ привилегированныхъ сословій, заключается въ томъ, что лучшіе и самые яркіе его представители всегда или впереди всякаго здраваго политическаго движенія страны, впереди отмѣны всякихъ привилегій, стѣснительныхъ или обидныхъ для другихъ сословій, впереди всѣхъ успѣховъ Россіи. Въ этомъ состоитъ особенность настоящихъ аристократическихъ элементовъ нашего дворянства, всѣхъ его элементовъ, обладающихъ нравственною, умственною и имущественною *независимостью* общественнаго положенія: они ни сколько не воодушевлены узкими сословными притязаніями, сословными домогательствами, сословною рознью, сварью и барствомъ, въ худшемъ смыслѣ этихъ словъ. Но неужели за это именно, и за это только, эти личные элементы дворянскаго сословія могутъ быть заклеймены подозрѣніемъ въ неконсервативности своихъ стремленій, въ какой-то политической неблагонадежности, или даже во враждѣ къ своему сословію, когда по своему соціальному существу, они самые охранительные общественные элементы въ нашемъ отечествѣ, а по своимъ политическимъ стремленіямъ, они составляютъ самое блистательное выраженіе всего историческаго развитія нашего дворянства? Неужели люди, безъ всякаго имени въ исторіи нашего дворянства, безъ всякихъ общественныхъ условій, придающихъ личности аристократическое положеніе въ обществѣ, неужели, наконецъ, разныя весьма недавно испеченныя дворянскія фамиліи, представители которыхъ тутъ выступали во имя консерватизма (т. е. своей косности) и дворянства *, имѣютъ на это болѣе право, чѣмъ ихъ противники, носящіе самыя родовитыя русскія фамиліи? Говорить о демократизмѣ этихъ послѣднихъ и въ исторіи, и въ лицѣ нынѣшнихъ ихъ представителей, просто смѣшно. А между тѣмъ у насъ объ этомъ говорятъ. Въ этомъ горячемъ сочувствіи всѣхъ настоящихъ аристократическихъ стихій нашего привилегированнаго сословія къ поступательному движенію всей

лашей политической исторіи и въ ихъ тепломъ сочувствіи къ реформамъ царствованія Императора Александра II, занимающимъ въ этой исторіи одно изъ первыхъ мѣстъ, видимъ мы самую благонадежную основу всего нашего государственнаго строя, и съ тѣмъ вмѣстѣ благонадежную основу для всѣхъ дальнѣйшихъ начинаній Престола.

(13-го февраля 1875 г.).

2.

На сценѣ нашей публичной жизни являются, кромѣ оперъ Оффенбаха, иныя занимательныя зрѣлища; иные публичные дѣятели отвлекаютъ толпу отъ праздныхъ увеселеній къ болѣе серьезнымъ матеріямъ. Столичная публика была занята эти дни преніями еще одного дворянскаго собранія никакъ не менѣе, чѣмъ увеселительными заведеніями, а предметъ этихъ преній, — всесословная волость. Быть не легкій и не веселый. Не знаемъ, принадлежитъ ли нѣкто, князь Н. Р., къ той же крошечной горсти людей», которая одна, по словамъ «Гражданина», способна спасти русское общество отъ разложенія, но кн. Н. Р. держалъ свои рѣчи, для вразумленія заблуднаго и невѣжественнаго русскаго общества; онъ также предлагаетъ ему свои пути спасенія, и также заслужилъ если не вниманіе, то любопытство серьезныхъ людей.

Именуя кн. Н Р., мы сочли нашею прямою обязанностью присовокупить мѣстоименіе «нѣкто», такъ какъ имя его рѣшительно неизвѣстно русской публикѣ, въ кругу какой бы то ни было дѣятельности государственной, общественной, ученой, литературной; развѣ оно можетъ быть извѣстно въ той «крошечной горсти людей», которая имѣетъ, по объясненію «Гражданина», «возвышать свой голосъ». Между тѣмъ кн. Н. Р. говоритъ публично тономъ авторитета и государственнаго, и ученаго, и не только русскаго, но и европейскаго. Въ этомъ

такое характеристическій признакъ времени ничѣмъ не хуже, чѣмъ въ пистолетныхъ выстрѣлахъ нашихъ гимназистовъ. Достопочтимый князь состоитъ, какъ мы узнаемъ изъ газетъ, предсѣдателемъ коммисіи, учрежденной въ 1873 г. для составленія проекта преобразованія «волостнаго устройства»; однако одно это званіе еще не даетъ ему само по себѣ никакого права на авторитетъ ни государственно-практическій, ни ученый, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ эта коммисія никакими работами не заявила своей дѣятельности. Только нынѣшнему собранію дворянства коммисія представила, наконецъ, плодъ своихъ двухлѣтнихъ трудовъ, проектъ такъ называемой «всесословной волости», занимающій собою, совокупно съ возбужденными имъ преніями, всю нашу періодическую печать; но ни этотъ проектъ, ни рѣчи, о которыхъ мы выше упомянули и которыя были произнесены по случаю представленія проекта собранію предсѣдателемъ коммисіи, не могутъ придать ему никакого умственнаго авторитета, даже въ средѣ нашего, малообразованнаго, по его убѣжденію, общества. Кн. П. Р. въ опубликованныхъ рѣчахъ своихъ обвиняетъ наше общество, самымъ рѣзкимъ образомъ, въ невѣжествѣ относительно началъ самоуправленія, выработанныхъ опытомъ у образованныхъ народовъ, въ невѣжествѣ относительно воззрѣній на этотъ предметъ знаменитѣйшихъ западно-европейскихъ представителей государственной науки: онъ говоритъ, что наши «даже образованные люди увлекаются ложными теоріями» и предлагаетъ, какъ простѣйшее средство выхода изъ нынѣшнихъ нашихъ затрудненій по мѣстному самоуправленію, воспользоваться многовѣковыми практическими опытами образованныхъ народовъ и науки Западной Европы. Съ этою цѣлію, почтенный предсѣдатель с.-петербургской дворянской коммисіи прочитываетъ, и дворянству и всероссійской публикѣ, лекцію «о послѣднемъ ему извѣстномъ словѣ» изъ этихъ опытовъ, и изъ этой науки, — лекцію, дѣйствительно способную поразить новостью своихъ свѣдѣній и выводовъ не только малообразованную

публику, но даже самыхъ ученыхъ людей, — даже самого Гнейста, къ которому кн. Н. Р., судя по его словамъ, питаетъ такое глубокое уваженіе. Но уваженія еще мало, чтобы понимать человѣка; часто неуваженіе помогаетъ пониманію гораздо лучше. Кн. Н. желаетъ, ни болѣе, ни менѣе того, чтобы *право полиціи* или какъ онъ благодушно называетъ, *полицейскія обязанности*, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, на земляхъ, оставшихся въ собственности помѣщиковъ, за надѣломъ крестьянъ, были предоставлены въ управленіе владѣльцевъ имѣній или уполномоченныхъ ими лицъ: другими словами, онъ желаетъ учрежденія въ Россіи *вотчиннаго полицейскаго права*, и даже такого, которое практиковалось бы не только самими землевладѣльцами, но и всякими, ими на то поставленными людьми. Это очень просто, ясно и, пожалуй, даже извинительно, съ точки зрѣнія той «крошечной горсти людей», въ которой, по всей вѣроятности, вращается почтенный князь, судя по его измышленіямъ. Но гораздо менѣе просто и менѣе извинительно, что онъ пересыпаетъ свои рѣчи ссылками на всѣхъ ученыхъ Европы, что онъ въ своемъ «проектѣ» прямо указываетъ, для своего оправданія, на новое прусское окружное Положеніе и на всемірный авторитетъ Гнейста, что онъ, наконецъ, бросаетъ своимъ слушателямъ въ лицо эти источники своихъ измышленій, какъ будто уже, въ самомъ дѣлѣ, всѣ мы такъ невѣжественны, что никто не въ состояніи изобличить его въ неправдѣ этихъ ссылокъ. Какъ ни мало образована русская публика, но такія лекціи можно читать безнаказанно только развѣ посреди хивинской публики. Новое прусское окружное Положеніе и Гнейстъ, приводимые какъ не прекаемые авторитеты, для водворенія правъ вотчинной земледѣльческой полиціи въ русскомъ государствѣ! Попробуйте этого трудно себѣ что нибудь представить (см. выше «земскія учрежденія и самоуправленіе»).

Какъ ни возмутителенъ этотъ насаждъ современной нашей публичной жизни, мы предполагаемъ, однако, въ

немъ гораздо менѣе коварства, чѣмъ самаго добросовѣстнаго невѣдѣнія. Кн. П. Р., очевидно, не только не потрудился ознакомиться съ многотомными сочиненіями Гнейста и другихъ цитируемыхъ имъ писателей, и такъ съ исторіей новаго прусскаго закона 1873 г. объ окружномъ управленіи, но ему даже неизвѣстно то, что было писано о Гнейстѣ и объ этомъ законѣ въ русской литературѣ. Иначе онъ не рѣшился бы предстать передъ русскимъ дворянствомъ и русской читающей публикой съ такими легкими свѣдѣніями и о прусскомъ самоуправленіи, и о Гнейстѣ, какія могутъ быть почерпнуты о нихъ развѣ только изъ увеселительныхъ фельетоновъ мелкихъ парижскихъ газетъ. Однако, князь предсталъ съ этими свѣдѣніями, которыя, какъ мы увидимъ, произвели уже свое дѣйствіе къ смущенію нашихъ политическихъ понятій; потому мы считаемъ нашею обязанностью изложить хотя вкратцѣ слѣдующіе факты, для какого-нибудь противодѣйствія этому смущенію. Гнейстъ знаменитѣйшій представитель современной государственной науки, есть самый отъявленный врагъ всякихъ вотчинныхъ полицейскихъ и судебныхъ правъ, всякаго сосѣдства частнаго (земледѣльческаго) съ публичнымъ или государственнымъ правомъ (каково полицейское и судебное); этотъ взглядъ, который болѣе всего характеризуетъ Гнейста въ политической литературѣ и который, между прочимъ, сдѣлалъ его такимъ почитателемъ Англіи, гдѣ никогда *не было противнаго сосѣдства*, онъ проводитъ не только въ теоріи, но и въ прусской законодательной практикѣ, которой онъ именно ставитъ въ самый жестокій упрекъ сохраненіе, въ первой половинѣ этого столѣтія, вотчинныхъ и другихъ дворянскихъ сословныхъ привилегій. Если германскій ученый, прославившійся преимущественно своими историческими и фактическими изслѣдованіями въ области государственнаго права, и болѣе всего желающій историческаго органическаго развитія его формъ, преподаетъ что-нибудь какъ общее положительное начало для всякаго современнаго го-

сударственнаго управленія, то только начало *законнаго* или *правомѣрнаго государства* (Rechtsstaat). Это государство всего менѣе пришлось бы по вкусу кн. Н. Р. и группы людей съ нимъ одномыслящихъ. Въ администраціи, Гнейстъ проповѣдуетъ судебный контроль и первенство судебнаго права надъ административнымъ. Всего болѣе онъ возстаетъ противъ подражанія чужеземнымъ формамъ управленія и настаиваетъ на водвореніи упомянутыхъ началъ въ данныхъ историческихъ формахъ у каждой націи. Совѣтывать пересаживать прусскія учрежденія въ Россію онъ могъ бы всего менѣе. Что касается до прусскаго окружнаго положенія, на которое также ссылается авторъ проекта водворенія въ Россіи вотчинной администраціи, то смыслъ этого закона, дающаго кн. Р. предлогъ къ такой ссылкѣ, совсѣмъ имъ извращается. Этотъ законъ предоставляетъ, *въ видѣ исключенія*, владѣльцамъ *нѣкоторыхъ* частныхъ имѣній, или указаннымъ ими лицамъ, имѣть *преимущественное передъ другими кандидатами* право на должность волостныхъ старшинъ (Amtsvorsteher) въ предѣлахъ этихъ имѣній. Это право зависитъ, *всякій разъ, отъ признанія его высшими* административными инстанціями, и можетъ быть всякій разъ *отнято по возраженіямъ мѣстной (окружной) земской выборной управы*. Наконецъ, это право, имѣющее только самую слабую тѣнь вотчиннаго права и ничего общаго съ тѣмъ, что предлагаетъ кн. Н. Р. для Россіи, было занесено въ новый прусскій законъ, только какъ переходная мѣра, какъ неизбѣжный историческій и политическій компромиссъ между старымъ порядкомъ вещей, въ которомъ существовали дворянскія вотчинныя полицейскія и судебныя привиллегіи, и новымъ порядкомъ въ Пруссіи, безусловно уничтожившимъ эти привиллегіи. Въ Россіи нѣтъ вотчинныхъ дворянскихъ правъ (полицейскихъ и судебныхъ, помимо крѣпостнаго права), никакой сдѣлки съ ними не требуется, и создавать ихъ вновь, на основаніи *опытовъ европейскихъ образованныхъ народовъ и европейской науки*,

было бы не только безумiемъ, но и всесвѣтнымъ посмѣшищемъ.

Никто объ этомъ, впрочемъ, серьезно и не думаетъ, ни даже самъ авторъ упомянутаго «проекта», который, конечно, если бы думать объ этомъ серьезно, то при его патріотизмѣ, навѣрное занялся бы гораздо усерднѣе изученіемъ своихъ источниковъ. Не думаетъ серьезно о домогательствахъ на вотчинную администрацію и само наше дворянство, которое въ своей совокупности, за исключеніемъ развѣ «горсти людей» не только крѣпостной, но и совсѣмъ ничтожной, наполняющей свои досуги праздными разговорами о Гизотѣ, Токвилѣ, Адамѣ Смитѣ и о проч., всего менѣе расположено возвращаться къ порядкамъ, не только крѣпостнымъ, но и никогда небывалымъ въ Россіи. Лучшимъ этому доказательствомъ служитъ то, что наше дворянство не захотѣло воспользоваться даже тою долею участія въ дѣлахъ мѣстнаго крестьянскаго управленія, какое предоставлено ему было Положеніями 19-го февраля, и повсемѣстно въ Россіи стало какъ можно скорѣе разставаться не только съ крѣпостнымъ правомъ, но и съ малѣйшими его послѣдствіями, какова временно-обязанный періодъ. Итакъ, кн. Р. и другіе ораторы въ его духѣ, совсѣмъ напрасно разсчитываютъ на сочувствіе дворянства къ ихъ проектамъ: такъ же точно совсѣмъ напрасно волнуются ими наши либералы. Въ самомъ собраніи дворянства нашлись просвѣщенные люди, давшіе надлежащій отпоръ притязаніямъ кн. Н. Р. Дворянское собраніе постановило, огромнымъ большинствомъ (70 голосовъ противъ 22), «воздержаться отъ дальнѣйшаго обсужденія вопроса о всесословныхъ волостяхъ», и оно поступило какъ нельзя болѣе благоразумно, ибо прежде принимали дѣйствительно странный характеръ. Не можетъ думать серьезно и само правительство о преобразованіи нашего мѣстнаго и крестьянскаго самоуправленія, въ духѣ насажденія, на мѣсто него, вотчиннаго помѣщичь-

ного суда и готчинной помѣщичьей полиціи. Все это только болѣе или менѣе пріятные разговоры!

Но и самые пріятные разговоры, а тѣмъ болѣе пустые, могутъ имѣть весьма дурныя послѣдствія: они быстро и оказались послѣ проэкта и рѣчей кн. Р. и другихъ ораторовъ въ томъ же направленіи. Они, какъ кажется, сходятся въ одномъ отношеніи: мнятъ себя консерваторами, охранителями, и предлагаютъ ломку всѣхъ существующихъ у насъ мѣстныхъ учрежденій, въ томъ числѣ, въ особенности, крестьянскихъ. Какое же понятіе наше общество и въ особенности юное поколѣніе могутъ возымѣть объ охранительныхъ началахъ? Далѣе, означенные ораторы сколько извѣстно, не живутъ въ своихъ имѣніяхъ и не несутъ на себѣ никакихъ обязанностей по мѣстному самоуправленію: какую же вѣру можно придавать ихъ прекраснымъ рѣчамъ о священномъ долгѣ, лежащемъ на высшемъ незаинтересованномъ сословіи, нести на своихъ плечахъ всю тяжесть мѣстнаго управленія, для противодѣйствія бюрократіи? Эта бюрократія можетъ только злобно улыбаться, слушая эти прекрасныя рѣчи. Кн. Р. для осуществленія своего проэкта требуетъ безвозмездной мѣстной службы немалаго количества образованныхъ и достаточныхъ людей, — по крайней мѣрѣ, втрое превышающаго нынѣшнее число такихъ людей, за жалованье служащихъ въ уѣздахъ. Откуда взять этихъ новыхъ людей, когда самъ князь, при своихъ пламенныхъ, почти фанатическихъ политическихъ убѣжденіяхъ, не рѣшается примѣнить ихъ на практикѣ, хотя безвозмездная служба въ уѣздахъ и теперь столько же для него открыта, какъ была бы въ его проэктѣ? Не вправѣ ли его слушатели и съ ними вся публика разсудить, что всякія политическія убѣжденія въ Россіи пустяки; это, конечно, всѣ и безъ того знаютъ, но въ этомъ нѣтъ ничего хорошаго, и нѣтъ никакой пользы усиливать это зло, въ особенности нападая обществомъ противъ невѣжества. Далѣе еще, почтенный князь взываетъ къ европейской наукѣ и къ ея автори-

тетамъ, не давши себѣ труда съ ними порядочно ознакомиться и даже произвольно навязывая имъ самыя темныя понятія стараго времени о государственной жизни. Это тоже крайне опасно. Ораторъ, возражавшій князю и уже по этому самому, надо думать, считающій себя не консерваторомъ, сказалъ, что всѣ западно-европейскіе авторитеты государственной науки никуда для насъ не годятся, потому что всѣ они защищаютъ старое феодальное право, и что также точно не могутъ служить для насъ примѣромъ никакіе западно-европейскіе государственные порядки ни Франціи, ни Германіи, ни Англіи, потому что всѣ они до сихъ поръ сохраняютъ въ себѣ остатки этого феодальнаго права; для политическихъ примѣровъ, мы можемъ де справиться развѣ только въ Америкѣ, наиболѣе подходящей къ Россіи. То, что сказалъ этотъ либеральный ораторъ, лицо также мало извѣстное въ государственномъ мірѣ, какъ и кн. П Р., по всѣмъ, кажется, образованное, — очень странно; однако, послѣ рѣчи своего противника о Гнейстѣ и прочихъ авторитетахъ, онъ имѣлъ такое же право сказать это, не читая сочиненій этихъ авторитетовъ, какое имѣлъ на это самое право кн. Н. Р. Почему же прогрессисты и либералы обязаны быть болѣе свѣдущи, чѣмъ охранители, почему первые болѣе обязаны рыться въ многотомныхъ нѣмецкихъ книгахъ, болѣе уважительно обращаться съ авторитетами науки, чѣмъ вторые? Скорѣе совсѣмъ напротивъ. И не одинъ этотъ либеральный ораторъ, а вслѣдъ за нимъ многіе и многіе готовы будутъ и вправѣ будутъ сказать, что европейская наука, на которую можно ссылаться, чтобы вводить феодальные порядки въ Россіи, никуда для нея не годна. Почему, наконецъ, спросимъ мы, когда одни въ кровь и вкось ссылаются на Пруссію, другимъ не ссылаться также точно на Америку?

Ничего не можетъ быть хуже, какъ когда наши общественные дѣятели и публичные говоруны ссылаются на европейскую науку и на ея представителей, имъ совсѣмъ

невѣдомыхъ; тогда можно ожидать всякой смуты въ умахъ. Эти новѣйшія прикрасы старинныхъ заблужденій наводятъ только туманъ на публику, на ея мнѣнія и объ этихъ либералахъ, и, главное, на ея мнѣнія объ наукѣ, которую такъ легко вертѣть во всѣ стороны. Дворянское собраніе не академія наукъ, она нисколько не обязана охранять чистоту человѣческаго званія; все, чего мы вправѣ отъ него ожидать — чтобы оно охраняло науку отъ поруганія. Занимающее насъ дворянство впрочемъ, съ честью исполнило этотъ долгъ, прекративъ эти удивительныя пренія съ цитатами изъ иностранныхъ ученыхъ сочиненій и законодательствъ. Сравнительное законодательство, которымъ такъ успѣшно занимается кн. Р., совсѣмъ не задача дворянскаго собранія. Оно даже не парламентъ, не представительное государственное собраніе для обсужденія государственныхъ вопросовъ и преобразованій, какова реформа мѣстнаго государственнаго управленія. Дворянскія собранія обязаны заботиться о нуждахъ и хозяйствѣ своего сословія, своей сословной корпораціи, и чѣмъ болѣе они будутъ вторгаться въ непринадлежащую имъ сферу общегосударственныхъ дѣлъ и дѣлъ другихъ сословій, тѣмъ болѣе они будутъ возбуждать противъ себя нареканій и неудовольствій, которыя нежелательны именно съ консервативной точки зрѣнія. Бывшаго уѣзднаго предводителя дворянства М. А. Безобразова порицали наши газеты; однако, его черствый дворянскій языкъ намъ нравится гораздо болѣе: его своеобразныя безъискусственныя рѣчи, въ которыхъ онъ отстаивалъ свои патріархальныя воззрѣнія на дворянское хозяйство, безъ всякихъ ссылокъ на науку, несравненно безвреднѣе новѣйшихъ дворянскихъ рѣчей, столь одинаково прогрессивныхъ и въ консервативныхъ, и въ либеральныхъ устахъ, и столь одинаково компреметирующихъ науку, въ глазахъ нашего общества.

Теперь мы спросимъ публицистовъ газеты-журнала «Гражданинъ», еженедѣльно оплакивающихъ развращеніе нашихъ нравовъ отъ каскадныхъ петербургскихъ

увеселеній, что вредѣе: эти ли увеселенія или описанныя нами рѣчи? Каково бы ни было растлѣвающее дѣйствіе этихъ увеселеній и на нашихъ бюрократовъ, и на нашу учащуюся молодежь, черезъ край ихъ вкушающихъ, но спрашивается: не во сто ли крать обѣдненнѣе и для вскормленія бюрократіи, и для воспитанія юношества, проповѣдь о самоуправленіи, основанная на средневѣковыхъ понятіяхъ, и легкомысленное обращеніе съ наукою? Бюрократы не могутъ получить черезъ это никакого уваженія къ самоуправленію, а юноши — къ наукѣ. Тѣхъ и другихъ гонитъ скука и пустота жизни въ увеселительныя заведенія, которыя, къ утѣшенію «Гражданина», имѣли бы несравненно меньше посѣтителей, еслибы каждый серьезнѣе, отъ старцевъ до юношей, занимался своимъ дѣломъ. Когда умственною пустотою отличаются люди, отъ которыхъ общество всего болѣе вправѣ требовать серьезности, тогда толпа бѣжитъ на вакханаліи.

(23 Марта 1875 г.).

3.

Посреди глубокаго политическаго затишья, которое пока почти не нарушается даже герцеговинскою смутою, — европейская публика поневолѣ сосредоточиваетъ свое вниманіе на всякихъ, сколько-нибудь курьезныхъ, случаяхъ общественной жизни, хотя бы и самыхъ мелкихъ. Въ этомъ отношеніи политическій нитль гораздо плодотворнѣе громкихъ событій: посредствомъ внимательнаго изученія самыхъ простыхъ явленій государственнаго быта и сравненія его рѣзкихъ различій въ разныхъ странахъ Европы, созрѣваетъ политическое сознаніе каждаго народа. Повседневная печать быстро разноситъ во всѣ углы читающаго міра мельчайшія подробности жизни каждаго государства, и въ самомъ глухомъ захолустьѣ Шотландіи

или Бретани, или Тамбовской губерніи дѣлается возможнымъ слѣдить за характеристическими приключеніями въ обществѣ или въ администраціи, напр. за самыми ничтожными распоряженіями полицейскихъ чиновниковъ, въ Великобританіи, Франціи, Россіи, и т. д. Ежедневно возрастающая гласность, безпрерывно размножающіяся не только въ значительныхъ, но и въ малыхъ центрахъ Европы газетныя корреспонденціи, постоянно усиливающееся въ каждой странѣ любопытство къ жизни всѣхъ другихъ нарoловъ, позволяютъ привлекать къ общественному суду всей Европы законы, государственныя мѣры, административныя распоряженія, гдѣ бы, въ какихъ бы отдаленныхъ краяхъ они ни дѣйствовали. Эта гласность дѣлается столь могущественною, что если какой-нибудь преступительный публичный поступокъ частнаго или оффиціальнаго лица можетъ, при гдѣ или другихъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, избѣжать осужденія у себя дома, то съ тѣмъ большимъ ожесточеніемъ онъ преслѣдуется общественнымъ мнѣніемъ другихъ странъ. Эти все усиливающіяся связи публичной жизни всѣхъ европейскихъ націй и ихъ взаимный контроль другъ надъ другомъ еще болѣе важны для будущихъ успѣховъ европейской цивилизаціи, чѣмъ всѣ формальные международные договоры, съ каждымъ днемъ, болѣе и болѣе облегчающіе сообщенія и сношенія всего свѣта.

Такимъ образомъ общественное мнѣніе всей западной Европы занято было эти дни страннымъ распоряженіемъ полицейскаго префекта Сены, г Доваля, который воспретилъ публичную раздачу наградъ въ коллегіи Шапталя, принадлежащей парижской городской общинѣ и находящейся въ завѣдываніи муниципальнаго управленія: французская республика особенно охоча ко всякимъ оффиціальнымъ торжествамъ, и по преимуществу къ этимъ школьнымъ ежегоднымъ актамъ, которые происходятъ съ чрезвычайною пышностью, и на которыхъ родители любуются успѣхами своихъ дѣтей. Распоряженіе префекта, сдѣланное внезапно и только наканунѣ, неизвѣстное ро-

весь, собравшимся толпою у дверей школы на свой любимый праздникъ и нашедшихъ двери, безъ всякихъ объясненій начальства, запертыми, произвело взрывъ негодованія въ парижской публикѣ и до сихъ поръ не умолкающій шумъ въ газетахъ. Префектъ и начальство отказываются отъ объясненія мотивовъ этой произвольной мѣры, которую, по французскимъ законамъ, всякій префектъ и подъ-префектъ можетъ всегда принять противъ всякаго муниципальнаго учрежденія и всякаго органа самоуправленія; въ настоящемъ случаѣ, эта мѣра имѣла характеръ чего-то чрезвычайнаго, необходимаго для охраны общественной безопасности противъ заговора или бунта. Между тѣмъ и Парижъ, и вся Франція погружены въ самый невозмутимый покой, ни откуда не видно ни малѣйшихъ признаковъ революціонныхъ движеній. Публика теряется въ догадкахъ относительно побужденій къ этому диктаторскому распоряженію, хотя и весьма обычному во французской административной средѣ, и именно особенно обычному въ эпохи общественнаго спокойствія. Всего болѣе естественнымъ представляется такое объясненіе этого казуса, что правительство вообще весьма дурно расположено къ республиканскому составу парижскаго городскаго совѣта и въ особенности къ его радикальному председателю г. Флоке, и ожидало съ его стороны или другихъ членовъ городскаго совѣта, начальственнаго надъ школою, рѣчей на актѣ, слишкомъ воодушевленныхъ въ пользу республики. Г. Дювалъ, желающій пользоваться репутаціей либеральнаго администратора, рѣшился на этотъ государственный ударъ противъ парижской муниципіи, на другой день послѣ своего возвращенія съ банкета лондонскаго лорда-мэра, на которомъ онъ произнесъ восторженную рѣчь въ пользу мѣстнаго самоуправленія и городовыхъ вольностей. Такова Франція, съ незапамятныхъ временъ, — Франція, подавляющая, въ лицѣ лучшихъ и самыхъ либеральныхъ своихъ государственныхъ людей, начиная съ Людовика XI, автономію муниципальнаго управленія, и

вмѣстѣ съ тѣмъ вынужденнаго съ XV столѣтія до президентства г. Тьера включительно, ополчаться противъ революціонныхъ возстаній городскихъ общинъ. Друзья сенскаго префекта стараются теперь оправдать его тѣмъ, что предписаніе объ отмѣнѣ публичнаго акта въ коллегіи Шанталя было подсунуто къ подписи г. Ювала, въ минуту его усталости отъ лондонской поѣздки, чиновникомъ префектуры, имѣющимъ старые личные счеты съ парижскими муниципальными чинами. Такъ или иначе, — дѣйствительно ли объясняется этотъ случай только желаніемъ чиновника префектуры напакостить городскому совѣту за неуважительное съ нимъ обращеніе его членовъ или же тутъ виновать самъ просвѣщенный французскій сановникъ, такъ безпечно подписывающій бумаги, не прочитанныя имъ посреди дѣтскаго зѣва и утомленія, — какъ бы то ни было, но это желаніе насолить органамъ общиннаго самоуправленія и его выборнымъ должностнымъ лицамъ раздѣляетъ огромное большинство французскихъ бюрократовъ и не однихъ французскихъ; а это хотя бы только безпечное и нисколько не злоумышленное, произвольное обращеніе высшихъ правительственныхъ лицъ съ общинными учрежденіями сочувственно всему правительственному люду Франціи, и республиканскому, и не республиканскому. Въ другомъ городѣ было воспрещено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ устройство народной школы и библіотеки на счетъ частныхъ пожертвованій, вопреки постановленію городского совѣта и даже согласію префекта, хотя жертвователи и ихъ цѣли, въ политическомъ отношеніи, безукоризненно благонадежны. Во Франціи, правительство постоянно чего-то страшится отъ мѣстныхъ выборныхъ учрежденій, старается ослабить ихъ до нельзя и потомъ все удивляется, что въ періоды революціонныхъ взрывовъ бунтовщики такъ легко завладѣваютъ городскими общинами и ратушами и оттуда командуютъ народомъ, не встрѣчая никакого отпора со стороны законныхъ общинныхъ властей. Теперь французское министерство внутреннихъ

дѣлъ чрезвычайно взволновано наступающей сессіей департаментскихъ собраній или генеральныхъ совѣтовъ, имѣющихъ въ своемъ составѣ самыхъ почтенныхъ и высокопоставленныхъ лицъ изъ мѣстнаго народонаселенія; боятся, что-бы въ этихъ собраніяхъ не было разсуждаемо о политикѣ, и тѣмъ болѣе будутъ этого бояться, чѣмъ болѣе будетъ дано наставленій префектамъ къ обузданію говорливости членовъ генеральныхъ совѣтовъ, тѣмъ болѣе, можно быть въ этомъ увѣреннымъ, найдется безпокойныхъ членовъ, расположенныхъ къ скандалу и тѣмъ менѣе будутъ расположены имъ противодѣйствовать серьезные члены собранія. Бюрократическая рутина однако упорна, и никакія сочиненія Токвилей и Лабуле не могутъ ее сбить: она даже не хочетъ ничего слышать о порядкахъ въ сосѣдней и столь уважаемой теперь французами странѣ.

Монархическая и аристократическая Великобританія, какъ нарочно, въ это самое время, представляла зрѣлище совершенно противуположное республиканской и демократической Франціи. Вся Ирландія, до сихъ поръ въ массахъ своего коренного народонаселенія никакъ непримиряющаяся съ Англіей, была эти дни въ страшномъ волненіи. всѣ враждебные правительству элементы — ультрамонтанскіе католическіе, сепаратическіе (homerulers). фенійскіе (или чисто-революціонные)—приняли въ движеніе какъ бы произвести нѣчто непріятное великобританской коронѣ. Праздновался столѣтній юбилей рожденія ирландскаго народнаго трибуна О'Коннеля, самаго популярнаго представителя ирландской расы. самаго энергическаго и талантливаго поборника государственной независьмости Ирландіи отъ Англіи, и вѣрнаго (при всемъ своемъ либерализмѣ) сына латинской церкви. Болѣе всего старались взять въ свое распоряженіе этотъ праздникъ ультрамонтаны, и не только ирландскіе и англійскіе, въ томъ числѣ даже лорды Англіи, ожесточенные противъ господства англиканской церкви. но даже свѣтные; до сорока епископовъ. фанатическихъ ревни-

телей правъ папскаго престола, съѣхались въ Дублинъ изъ разныхъ странъ Европы. Предполагалась демонстрація папства не только мѣстная, но и всесвѣтная, между прочимъ и антирусская. Демонстраціи хотѣли придать такой ожесточенный и неслыханный въ Великобританіи характеръ, что лордъ-мэръ Дублина, пламенный католикъ, предполагалъ на своемъ банкетѣ предложить первый тостъ въ честь Пія IX, и только послѣ него въ честь королевы Викторіи. Сумасбродному главѣ дублинскаго городского управленія однако не удалось привести въ исполненіе свое гнѣвное намѣреніе — не вслѣдствіе вирочемъ предписанія изъ Лондона, а вслѣдствіе гораздо болѣе для него страшныхъ угрозъ изъ среды самого дублинскаго общества: другіе его дѣятели, — въ особенности homerulers или сепаратисты (агитирующіе полное государственное отдѣленіе Ирландіи отъ Англіи, съ особымъ ирландскимъ парламентомъ) возстали противъ дикой затѣи лорда-мэра: они воспротивились религіозному значенію, приданному ультрамонтанами этому празднику, и заявили свое намѣреніе, чтобы онъ имѣлъ только политическій характеръ, враждебный правительству, а не англиканской церкви. Поэтому на банкетѣ лорда мэра произошелъ такой безпорядокъ, что онъ вынужденъ былъ покинуть залу собранія и велѣлъ потушить газъ, чтобы разогнать толпу. Сверхъ гемоты, помогла разогнанію народныхъ сборищъ въ Дублинѣ, — какъ это часто случается въ Великобританіи, — ненастная погода. Англійская печать оцѣнила несостоятельность всего этого торжества, поднявъ его на смѣхъ. Всего менѣе было обезпокоено имъ правительство и всего менѣе удостоило его своимъ вниманіемъ его глава, г. Дизраэли, — всегда невозмутимый въ своемъ довѣріи къ своей силѣ, хотя и пламенный побѣдитель господствующей церкви, горделивый вождь консервативной партіи и непримиримый врагъ не только всякаго революціоннаго, но и всякаго радикальнаго броженія. Тѣмъ не менѣе возбужденіе умовъ въ Ирландіи

дошло до того, что въ Англіи бываютъ кровопролитія на улицахъ, и тогда только вмѣшалось правительство и положило конецъ народной свалкѣ, разсѣявъ толпу военною силою, съ тою неотразимою рѣшимостью, съ какою всегда дѣйствуютъ представители власти и закона въ Великобританіи, когда нарушается вещественный порядокъ и законная безопасность публичной жизни. Но только тогда они дѣйствуютъ, не связана никакими предварительными и предохранительными распоряженіями и предписаніями, и предоставляя самому обществу, на полной своей волѣ, найдти въ себѣ самомъ достаточно мощи и здраваго смысла, чтобы отражать верхъ надъ злоумышленными и злонамѣренными своими членами. На такія предварительныя распоряженія великобританскія должностныя лица нелегко могутъ отважиться, какъ во Франціи, гдѣ неограниченное административное распоряженіе господствуетъ надъ закономъ и чиновники почти неподсудны суду по обвиненію частныхъ лицъ за нарушеніе закона своими распоряженіями. Французскій законъ очень широкъ для простора административныхъ распоряженій, которымъ всецѣло подчинены общины. Но такіе легко отваживаются, во Франціи, общинныя должностныя лица на матеріальное сопротивленіе правительству, и всегда находятъ въ публикѣ сочувствіе къ самымъ безсмысленнымъ и беззаконнымъ демонстраціямъ противъ короны.

Этотъ рѣзкій контрастъ политической жизни въ двухъ государствахъ внушаетъ много раздумья, полезнаго не для одной Франціи. Для Франціи, въ настоящее время, это раздумье особенно необходимо. Никакая политическая свобода не только не можетъ держаться безъ мѣстнаго самоуправленія, но и не стоитъ его: никакія цвѣты парламентскаго краснорѣчія не стоятъ самостоятельности мѣстнаго общиннаго и земскаго быта. Посреди этого быта, посреди его неизбѣжныхъ превратностей, внутреннихъ несогласій, смутъ и волненій, вырабатываются и зрѣютъ самыя здоровыя стихіи общественной жизни. Безъ полнаго довѣрія къ ихъ свободному разви-

тію и росту невозможны однако самое это развитіе и ростъ, и жизнь общества должна неизмѣнно колебаться между административнымъ произволомъ и революціонными вспышками.

(7-го Августа 1875 г.).

4 [1]).

Нельзя не признать однимъ изъ печальнѣйшихъ недоразумѣній нашего времени то недовѣріе, которое питаютъ или желаютъ питать нѣкоторые наши общественные кружки къ земскимъ учрежденіямъ. Непостижимой странности этого недоразумѣнія будутъ немало удивляться наши потомки, именно тогда, когда будутъ читать лѣтопись тѣхъ мрачныхъ (революціонныхъ) явленій нашей эпохи, которыя нетолько не заставили смотрѣть съ большимъ довѣріемъ на земство, какъ на самую здоровую часть нашего общественнаго организма, а напротивъ, скорѣе усилили всякаго рода сомнѣнія въ политической благонадежности земской дѣятельности. Этотъ фактъ будетъ мало понятенъ потомству, когда даже и для современниковъ, онъ представляется неразгаданнымъ.

Правда, земскія учрежденія и дѣятели находятся очень часто въ пререканіяхъ и даже антагонизмѣ съ мѣстными бюрократическими властями. Но этотъ-то антагонизмъ, никогда неразвивающійся далѣе личныхъ столкновеній и ни разу неразроставшійся въ какую-нибудь систематическую борьбу съ установленными отъ правительства органами, долженъ былъ бы всего лучше убѣдить въ такъ-называемой политической благонадежности земства, еслибъ могло быть какое-нибудь въ ней сомнѣніе.

---

[1]) Съ тѣхъ поръ, какъ были написаны нижеслѣдующія строки горькій опытъ внушилъ у насъ болѣе довѣрія къ земскимъ силамъ, хотя еще продолжаютъ раздаваться, съ разныхъ сторонъ голоса, враждебные правильному развитію мѣстнаго земскаго самоуправленія (1881 г.).

Антагонизмъ между представителями бюрократическихъ и земскихъ учрежденій на почвѣ мѣстной администраціи былъ, можно сказать, искусственно организованъ [1]). Онъ противенъ исторіи и натурѣ нетолько нашего народа, но даже нашего образованнаго общества, которое всего менѣе склонно къ борьбѣ съ правительственною властью. Этотъ антагонизмъ, доставляющій печальную пищу для дѣятельности многихъ мелкихъ бюрократическихъ дѣлецовъ, возникъ вслѣдствіе быстроты и нѣкоторой необдуманности созданія нашихъ новѣйшихъ мѣстныхъ учрежденій.

Совершенно противоположные, по своему происхожденію и типу, органы мѣстной администраціи, старые и новые, приказные и самоуправляющіеся, сословные и безсословные, нагромоздились одни на другіе. Въ кругу тои же самой дѣятельности, надъ тѣми же самыми задачами, напримѣръ, надъ народнымъ образованіемъ, санитарною частію, продовольствіемъ и проч., были призваны трудиться и, конечно, соперничать между собою бюрократическія, земскія, дворянскія и крестьянскія учрежденія. На этой аренѣ параллельныхъ дѣйствій по всѣмъ линіямъ, земскіе органы были поставлены въ самое безсильное положеніе, нетолько линейные, по закону, всякихъ правъ власти, но и постоянно заподозриваемые въ стремленіяхъ къ этимъ правамъ.

Надъ завершеніемъ системы и плана мѣстныхъ учрежденій у насъ работало нѣсколько коммисій, которыя до сихъ поръ не окончили своей работы, хотя и издали, по заведенному порядку, огромное количество своихъ трудовъ. Отсюда произошло отсутствіе всякой системы, всякаго общаго плана, всякаго согласія въ зданіи нашей новѣйшей мѣстной администраціи. Каждая ея часть тянетъ и не можетъ не тянуть въ свою сторону, по силѣ своего центра тяжести. Одна дѣйствуетъ, какъ должна

---

[1]) См. выше X «Земскія учрежденія и самоуправленіе».

дѣйствовать всякая бюрократическая инстанція, по предписанію и циркуляру, по личнымъ указаніямъ начальства; другая по точнымъ постановленіямъ закона и въ тѣсныхъ его предѣлахъ, какъ не можетъ иначе дѣйствовать ни одинъ органъ самоуправленія. Смѣшеніе и нестрота всѣхъ типовъ мѣстной администраціи такъ у насъ теперь велики, что нельзя сказать, даже въ кругу мѣстнаго хозяйства, какой типъ въ немъ преобладаетъ: бюрократическаго управленія или самоуправленія.

Органы мѣстнаго самоуправленія разсыпаны у насъ въ чрезвычайномъ изобиліи, а между тѣмъ, въ сущности, они менѣе всего управляютъ и администрируютъ, а болѣе всего только обсуждаютъ или ведутъ пренія. По весьма ошибочному взгляду, органы мѣстнаго самоуправленія не признаются даже принадлежащими къ общему составу *государственнаго* управленія, а кажутся какими-то *частными общественными* союзами, необлеченными никакими государственными правами и обязанностями. Отсюда множество прискорбныхъ недоразумѣній со всѣхъ сторонъ.

Но, несмотря на всѣ эти коренные недостатки земскихъ учрежденій, они уже успѣли оказать большія услуги нетолько мѣстному хозяйству, но и мѣстной администраціи. Благо настоящаго, особенно когда въ немъ столько мрачныхъ явленій, какъ въ наше время, мало цѣнятся. Но стоитъ только вспомнить, въ какомъ положеніи находились всѣ отрасли хозяйства и общественныя заведенія, нынѣ завѣдываемыя земствомъ, до устройства земскихъ учрежденій, и въ какомъ положеніи они находятся нынѣ, чтобъ оцѣнить дѣятельность земства. Сколько бы ни было ошибокъ, увлеченій, злоупотребленій въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ, нельзя не признать живучести въ общей совокупности земской дѣятельности, когда она достигаетъ такихъ результатовъ, несмотря на необходимость бороться съ столькими затрудненіями.

Политическая благонадежность земской дѣятельности должна бы, кажется, быть прежде всего торжественно

засвидѣтельствована тѣмъ неоспоримымъ фактомъ, что, несмотря на антагонизмъ, въ который поставлены земскія учрежденія обстоятельствами, отъ нихъ независящими, они никогда не сходили намѣренно съ пути закона и всегда оставались неограниченно преданы принципу государственной власти. Земство всегда желало идти объ руку съ правительствомъ въ высшемъ его значеніи, если часто и не хотѣло идти объ руку съ мѣстными его агентами. Но развѣ нѣкоторые агенты, хотя бы по наружности и покорные предписаніямъ начальства, не компрометируютъ иногда государственной власти несравненно болѣе, чѣмъ независимые и самостоятельные ея друзья? Развѣ само правительство не бываетъ вынуждено безпрерывно отрицаться отъ такихъ агентовъ и извергать ихъ изъ своей среды?

Нужно ли доказывать, что земство, по внутреннему, непреложному своему существу, есть самая охранительная стихія въ государствѣ? Гораздо вѣрнѣе будетъ даже сказать, что, по своему общему существу, оно ни консервативно, ни либерально въ политическомъ западноевропейскомъ смыслѣ этихъ словъ, какія бы политическія убѣжденія и мнѣнія ни посѣщали умы отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ къ составу земства. Въ общемъ своемъ составѣ, оно не что иное, какъ призванная къ участію въ государственной администраціи часть русскаго общества, избранная во всѣхъ его слояхъ и подраздѣленіяхъ. Эта часть, по самому способу своего выбора, не можетъ быть иною, чѣмъ то цѣлое, отъ котораго она взята. Если нельзя не считать русскаго общества и русскаго народа въ цѣломъ совершенно чуждыми болѣзненнымъ политическимъ сокамъ, проникнувшимъ въ нѣкоторые уголки общественнаго организма, — чуждыми дикой пропагандѣ, производящейся нѣкоторыми, весьма немногими зачумленными, потерянными дѣтьми общества, то невозможно не довѣриться дѣйствію самой здоровой его части, особенно когда эта часть такъ необъятно велика, въ срав-

ненiи съ ничтожными больными частицами организма, что она составляетъ почти весь организмъ.

Какъ бы цѣлительны ни были врачебныя средства, предлагаемыя съ разныхъ сторонъ противъ соцiальныхъ недуговъ, но въ политической медицинѣ, такъ же, какъ и въ физической, самое могущественное и несомнѣнное влiянiе на выздоровленiе имѣетъ воздѣйствiе здоровыхъ силъ организма. Поэтому, чѣмъ эти силы дѣятельнѣе, тѣмъ лучше. Главное вниманiе врачей обращено всегда на то, чтобъ вызвать эту дѣятельность.

Но земство нетолько *должно*, по своему существу и идеѣ, представлять собою самую здоровую часть нашего организма: *оно всегда ею и было* въ дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же и когда отразились на земской дѣятельности малѣйшiе слѣды разрушительныхъ и революцiонныхъ ученiй? Гдѣ въ земскихъ учрежденiяхъ свили себѣ гнѣзда или даже сколько-нибудь прiютились кружки новѣйшихъ разрушителей и анархистовъ? И тѣни ничего подобнаго никто у насъ не видалъ. Отдѣльныя, исключительныя личности, тамъ и сямъ попадавшiяся, тутъ ничего не значатъ. Такiя личности попадались и во всякихъ другихъ учрежденiяхъ, даже наиболѣе гарантированныхъ отъ политической благонадежности.

Повторяемъ: наиболѣе надежное лѣченiе противъ всѣхъ золъ дня, *особенно противъ дальнѣйшаго развитiя нашихъ болѣзненныхъ соковъ* — довѣрiе къ здоровымъ, земскимъ силамъ нашего государства. Правда, никакое недовѣрiе не можетъ испортить этихъ силъ, такъ онѣ здоровы. Но опасность заключается въ томъ, что недовѣрiе распложаетъ тотъ искусственный антагонизмъ властей, о которомъ мы говорили выше и которымъ пользуются мелкiе мѣстные агенты ко вреду дѣла; это недовѣрiе устраняетъ отъ земской дѣятельности лучшихъ людей. При такихъ условiяхъ, въ обществѣ возростаютъ равнодушiе и абсентеизмъ, которые могутъ быть очень опасны въ обстоятельствахъ, нами переживаемыхъ.

(14-го Января 1880 г.).

2007056046